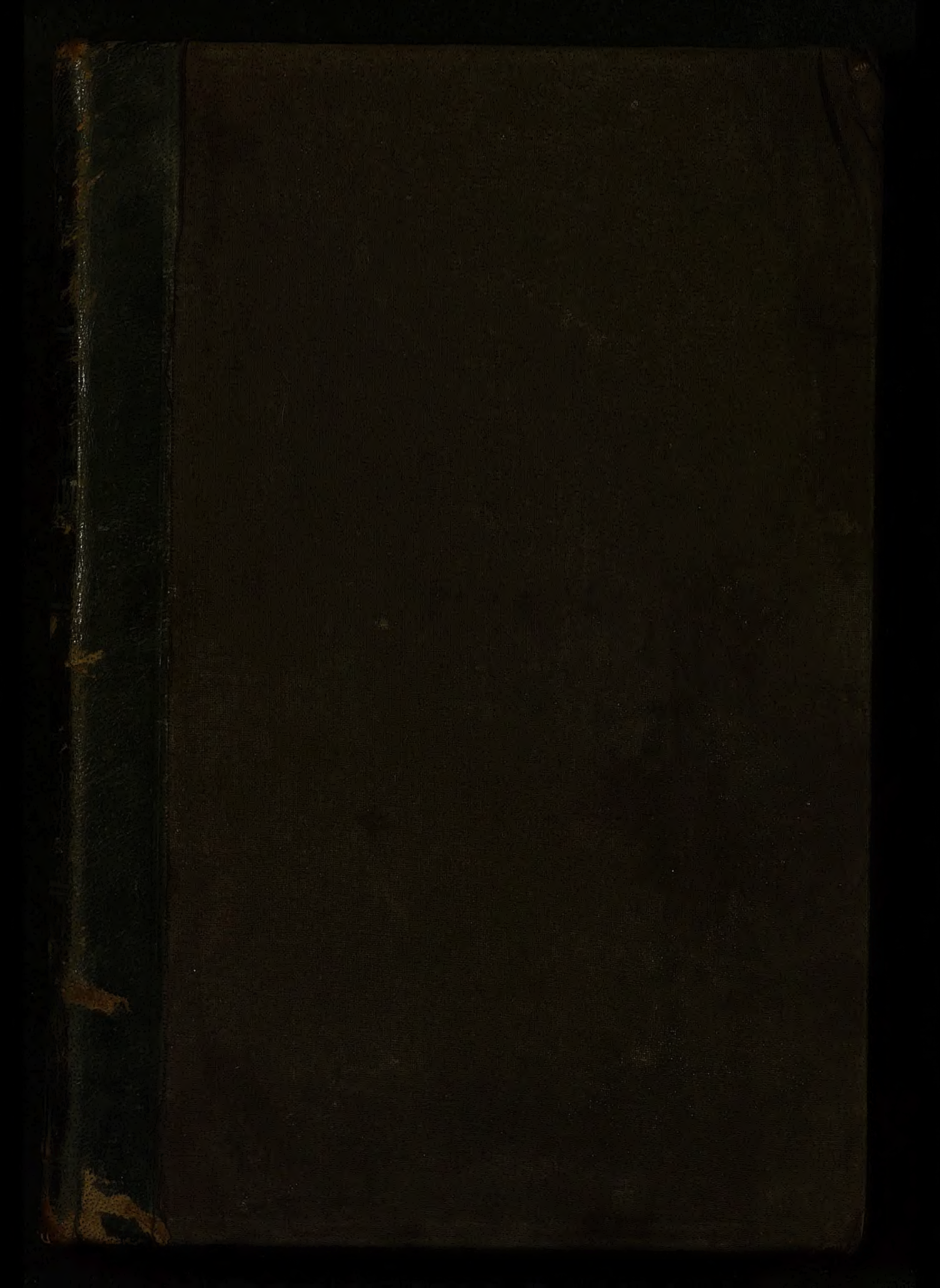
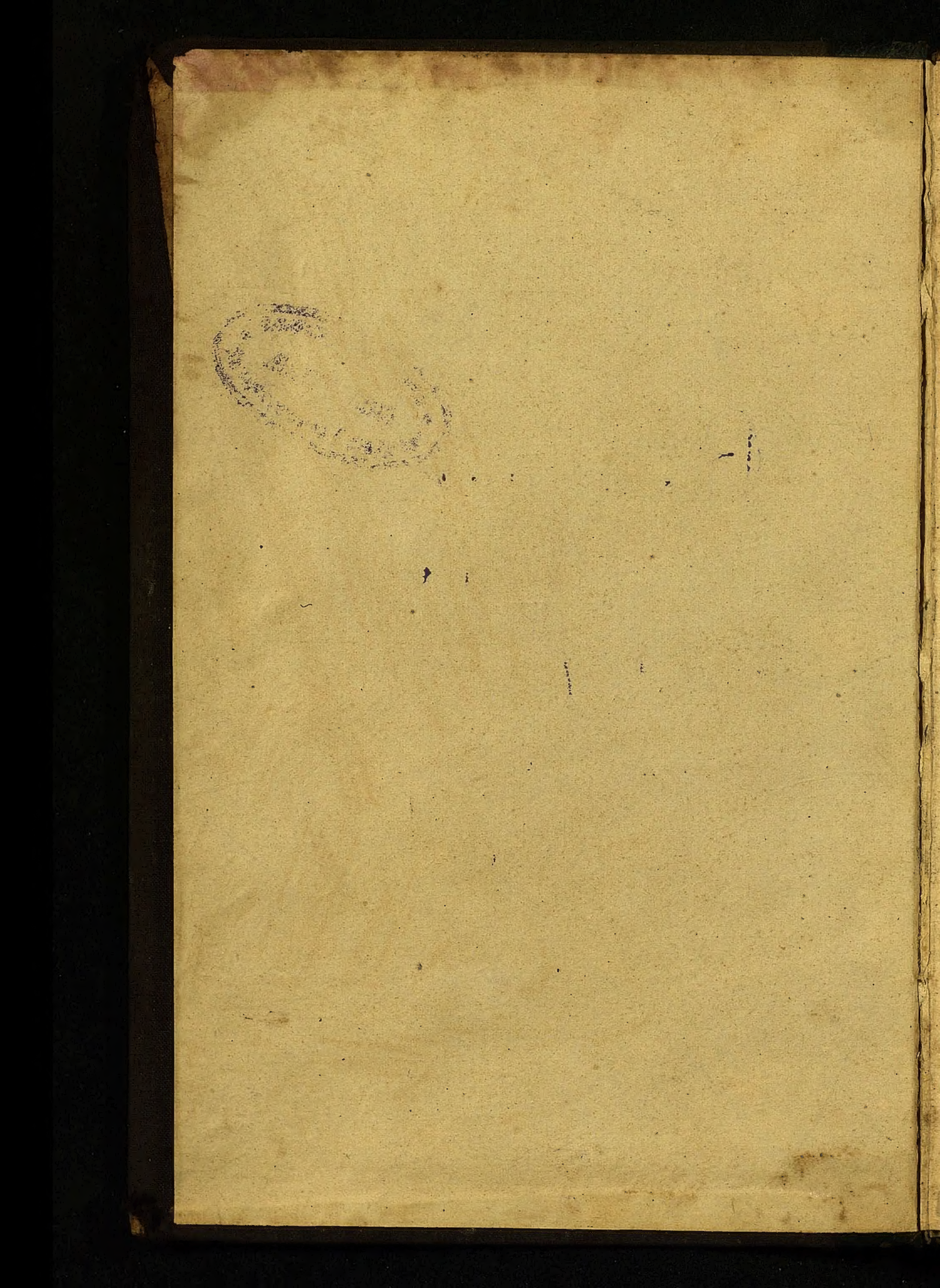
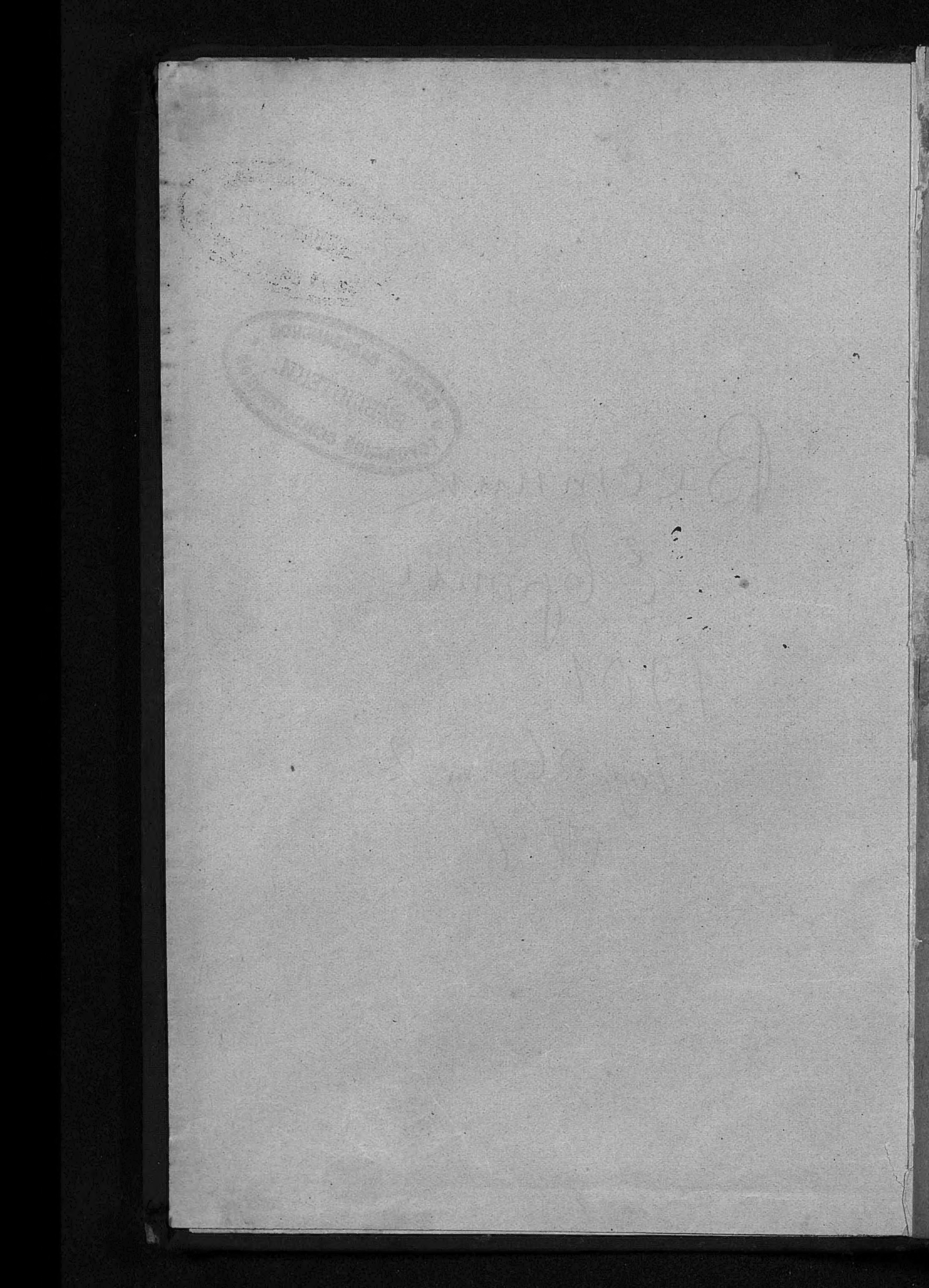
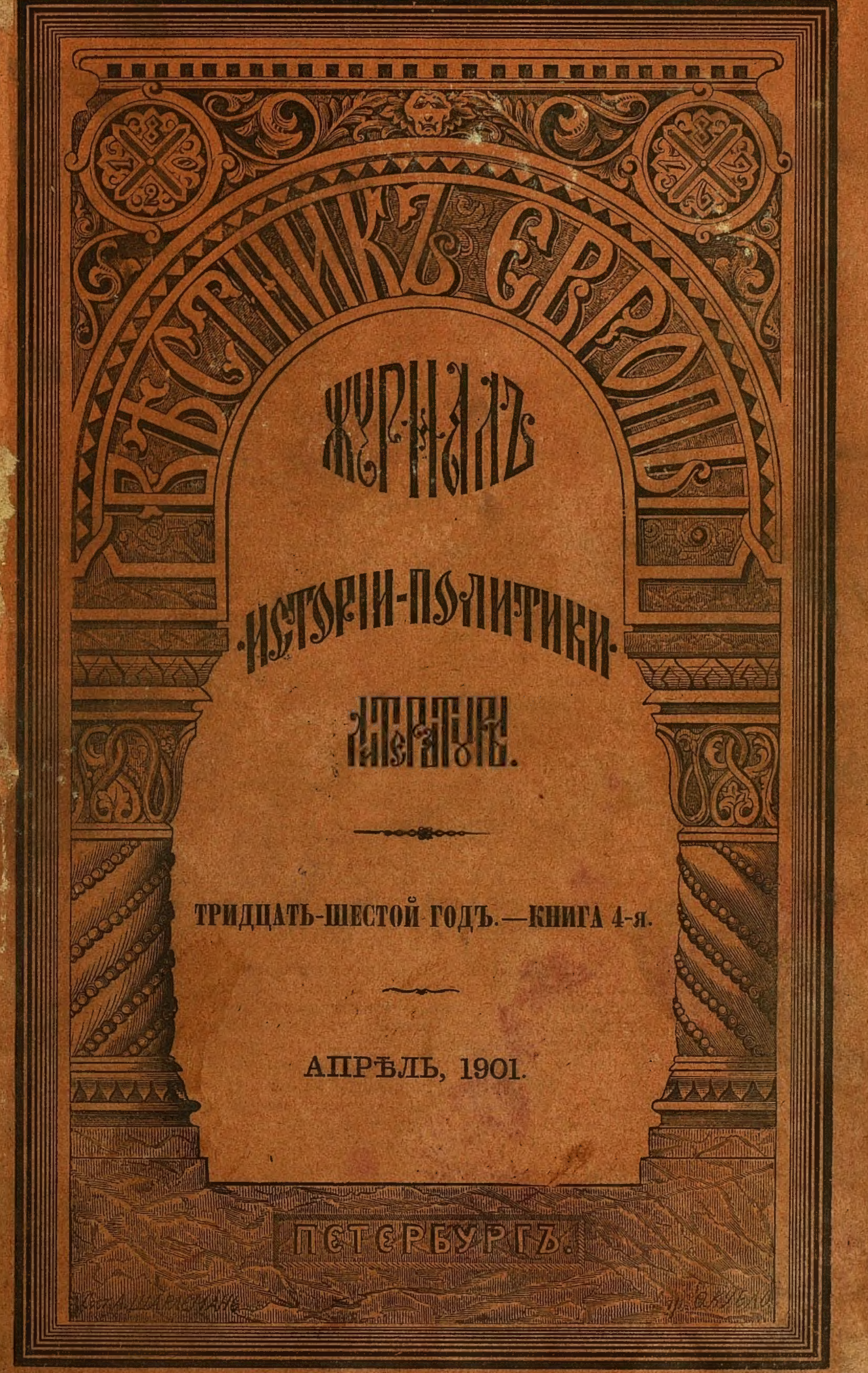

№ 4

Вестник
Европы
1901
Год 36 т 2
№ 4

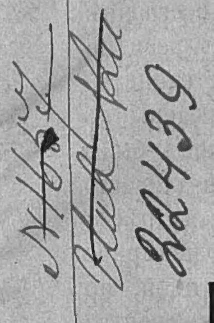

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1901.

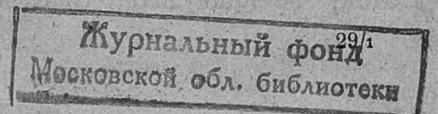
БОРЬБА
ЗА
ЕДИНСТВО ВѢРЫ
ВЪ IV-МЪ ВѢКѢ.

ТОРЖЕСТВО ПРИНЦИПА ПРИНУЖДЕНІЯ ВЪ ВѢРѢ [1]).

I.

Сокрушившіе донатизмъ—законы императора Гонорія оставили послѣ себя кровавый слѣдъ не въ одной римской Африкѣ, и на пространствѣ цѣлаго ряда вѣковъ; они были не только *проявленіемъ* принципа принужденія въ дѣлахъ вѣры, но и надолго обезпечили торжество этого принципа обращеніемъ къ нему одного изъ величайшихъ учителей церкви, авторитетомъ котораго руководились многія поколѣнія. Августинъ, какъ мы видѣли, и прежде защищалъ отъ укоровъ донатистовъ направленныя противъ нихъ кары, но онъ не одобрялъ этихъ каръ. Онъ, не обинуясь, высказывалъ, что въ глазахъ истинныхъ послѣдователей Христа гоненія за вѣру являются дѣломъ людей слабой вѣры. Но непосредственное дѣйствіе законовъ Гонорія, страхъ, который они внушали, побуждая многихъ донатистовъ, хотя и внѣшнимъ образомъ, присоединиться къ церкви — произвели переломъ въ душѣ Августина. Онъ самъ чистосердечно признался въ этомъ.

[1]) См. выше: мартъ, 39 стр.

„Первоначальною моей мыслью было,—пишетъ онъ,—что никого не слѣдуетъ принуждать къ общенію съ Христомъ; надо дѣйствовать словомъ, бороться доводами, побѣждать вразумленіемъ. Но эта моя теорія была опровергнута не рѣчами тѣхъ, кто ее оспаривали, а приведенными ими примѣрами. Прежде всего мнѣ указали мой родной городъ (Теластэ), который стоялъ всецѣло на сторонѣ Доната и былъ обращенъ въ каѳолическое единство страхомъ императорскихъ законовъ. Затѣмъ были приведены въ примѣръ и многіе другіе города, такъ что я долженъ былъ признать на самомъ дѣлѣ и въ этомъ случаѣ справедливость словъ Писанія: „Дай мудрому случай, и онъ станетъ мудрѣе"; ибо какъ много было такихъ, которые уже желали, я навѣрное знаю, сдѣлаться православными, убѣжденные явной истиной, но все откладывали свое обращеніе, совѣстясь оскорбить своихъ! Какъ многихъ удерживала не истина, которой вы (письмо обращено къ донатисту) никогда не обладали, но тяжелыя оковы закоренѣлой привычки! Какъ многіе считали секту Доната истинной церковью, потому что безопасность поддерживала въ нихъ неохоту и лѣнь познать каѳолическую истину! Какъ многимъ мѣшали войти въ церковь злословіе, распускавшее вздорныя сплетни о томъ, что мы ставили на алтарь Господній. Какъ многіе, полагая, что безразлично, какой бы партіи ни держался христіанинъ, оставались на сторонѣ Доната, потому что принадлежали къ ней по рожденію и потому только, что никто не принуждалъ ихъ уйти оттуда и перейти къ каѳоликамъ"... „Всѣмъ этимъ людямъ страхъ передъ законами, обнародованіемъ которыхъ цари служатъ Господу въ страхѣ, оказалъ такую пользу, что одни изъ нихъ теперь говорятъ:—мы сами этого желали, но слава Богу за то, что онъ послалъ намъ поводъ поскорѣе это сдѣлать и отнялъ возможность проволочки. Другіе говорятъ: —мы уже знали, гдѣ истина, но насъ удерживала какая-то привычка; слава Богу за то, что онъ порвалъ наши цѣпи и надѣлъ на насъ оковы мира. Третьи говорятъ:—мы не знали, что это истина, и знать не хотѣли; но мы стали внимательнѣе къ познанію ея изъ опасенія подвергнуться ущербу въ земныхъ дѣлахъ безъ всякой выгоды въ благахъ вѣчныхъ; слава Богу за то, что онъ поразилъ наше небреженіе жаломъ страха, такъ что въ тревогѣ мы стали искать того, чего, живя въ безопасности, никогда знать не хотѣли. Иные говорятъ:—намъ ложные слухи мѣшали войти, и мы никогда бы не познали, что они ложны, еслибы не вошли въ церковь; и мы бы не вошли, еслибы насъ къ этому не принудили; слава Господу за то, что онъ бичомъ

изгналъ наше колебаніе и научилъ насъ на опытѣ тому, какъ много вздорнаго и пустого распространила ложная молва о его церкви; иные говорятъ:—мы думали, что все равно, какой держаться вѣры Христовой—но слава Господу за то, что онъ вывелъ насъ изъ разъединенія и показалъ, что единому Богу слѣдуетъ поклоняться въ единой вѣрѣ. Чтò же, неужели мнѣ, противодѣйствуя этимъ Господнимъ выгодамъ—противорѣчить и противиться товарищамъ моимъ,—восклицаетъ Августинъ,—ради того, чтобы съ вашихъ горъ и холмовъ, т.-е. съ высотъ вашей гордыни, заблудшія овцы Христовы не были собраны въ овчарни мира, „гдѣ единое стадо и единъ пастырь“? Для того ли мнѣ противорѣчить этому распоряженію, чтобы вы не утратили того, чтò считаете *своимъ* имуществомъ, и въ безопасности изгоняли Христа? чтобы вы сохранили возможность составлять завѣщанія по римскому праву, а въ божественномъ правѣ созданный отцами завѣтъ нарушали исполненными клеветы обвиненіями? чтобы вы сохранили свободу составлять договоры по куплѣ, продажѣ, и дерзали раздѣлять между собою то, чтò Христосъ купилъ, будучи самъ проданъ; чтобы дареніе каждаго изъ васъ сохранило силу, а то, чтò даровалъ „Господь боговъ“ сынамъ своимъ, призваннымъ съ восхода солнца и съ запада, утратило силу; чтобы васъ не высылали въ изгнаніе изъ земли вашей по плоти, а вы пытались изгнать Христа изъ царства крови его, отъ моря до моря и отъ рѣки до предѣловъ земного круга (Пс. 71, 8)? Нѣтъ, пусть цари земли служатъ Христу, издавая законы въ пользу Христа“.

Нужно перенестись въ историческія условія той эпохи, чтобы отнестись справедливо къ психическому настроенію великаго учителя церкви. Познаніе единаго Бога было великимъ результатомъ, къ которому стремилась античная культура и который она получила въ христіанствѣ. Величію единаго Бога соотвѣтствовало единство богослуженія—единая церковь. Эта формула, выведенная Августиномъ, была неотразимымъ выводомъ изъ идеи единаго Божества. Съ какой силой должна была она овладѣть его пламенной душой и умомъ, склоннымъ къ всеобъемлющимъ построеніямъ! И съ какой убѣдительной реальностью представлялась эта отвлеченная идея въ началѣ V-го вѣка, когда единая церковь на самомъ дѣлѣ господствовала въ единомъ государствѣ, охватившемъ „весь кругъ земной“ отъ столбовъ Геркулеса до Евфрата, отъ равнинъ Сахары до холмовъ Шотландіи! И этому единству мѣшала, казалось, лишь кучка донатистовъ, таявшая у него на глазахъ. Какое же значеніе могло имѣть въ виду вели-

каго блага единства лишеніе этой кучки людей благодѣяній гражданскаго права—ради ихъ же вѣчнаго блага?

И Августинъ подъ этимъ впечатлѣніемъ совершилъ роковой шагъ и отрекся отъ святого христіанскаго принципа: „никого не слѣдуетъ принуждать къ единенію съ Христомъ", имъ прежде усвоеннаго и такъ мѣтко выраженнаго. Измѣнивъ свою точку зрѣнія, Августинъ принесъ на службу новой истинѣ свою страсть, свое звучное краснорѣчіе, свою неотразимую діалектику, свое знаніе Св. Писанія и—нужно прибавить—всѣ замашки тогдашнихъ риторическихъ школъ, всѣ недостатки наивной несвѣдущей экзегетики того времени. И полились въ его посланіяхъ и трактатахъ, для оправданія насилія въ дѣлахъ вѣры, тексты и доводы, которыми по-своему стало пользоваться средневѣковое невѣжество и іерархическій фанатизмъ, забывъ о чистой душѣ того, кого они признавали своимъ руководителемъ и авторитетомъ. Не безъ колебаній, впрочемъ, совершился въ Августинѣ этотъ переломъ. Еще въ 406 г., защищая противъ Кресконія законы Гонорія и сославшись на примѣръ царя Навуходоносора, воспретившаго строгимъ закономъ оскорблять истиннаго Бога, Августинъ оговаривается и заявляетъ, что не хочетъ приводить доказательствъ въ пользу гоненія на еретиковъ изъ Ветхаго Завѣта: это было слишкомъ давно; другія были тогда времена и нравы. Онъ предпочитаетъ уличать донатистовъ собственнымъ ихъ примѣромъ: „уже послѣ того, какъ даннымъ въ свое время откровеніемъ намъ была предписана кротость, ваши епископы преслѣдовали вашихъ отщепенцевъ; мы этого вовсе не оправдываемъ, но пока это такъ и вы это защищаете, вы должны признаться, что ваши же вашихъ преслѣдовали".

Августинъ еще на перепутьѣ: евангельскій завѣтъ еще беретъ верхъ у него надъ политическими соображеніями: онъ еще не одобрялъ религіознаго преслѣдованія, и это свое настроеніе онъ увѣковѣчилъ въ знаменательныхъ словахъ. „Никому изъ хорошихъ каѳоликовъ не нравится, если преслѣдованіе кого-либо, хотя бы и еретика—доходитъ до смертной казни. Мы даже не одобряемъ, если изъ желанія льстить и воздать зломъ за зло кому-либо причиняются притѣсненія, далекія отъ казни; еще гораздо болѣе осуждаемъ мы, если кто-либо пользуется случаемъ, чтобы присвоить себѣ чужое подъ предлогомъ установленія единства — конечно, рѣчь идетъ не о достояніи церкви, которымъ еретики не должны владѣть, а о частномъ имуществѣ ихъ... Все это хорошимъ людямъ не нравится и они противодѣйствуютъ этому и стараются ослабить это, насколько могутъ, а если не

въ силахъ, то терпятъ это—и ради мира, какъ и слѣдуетъ, примиряются съ этимъ, не признавая то похвальнымъ, а, напротивъ, предосудительнымъ, не покидая, однако, изъ-за плевелъ жатвы Христа, изъ-за нечистыхъ сосудовъ великую обитель, изъ-за негодныхъ рыбъ—сѣть Христову".

Но совершенно иное настроеніе проявляется у Августина, два года спустя, въ полемикѣ съ донатистскимъ епископомъ Винцентіемъ. Здѣсь Августинъ сходитъ съ высотъ своего религіознаго идеализма, признававшаго истинную вѣру даромъ божественной благодати, на почву чистѣйшаго утилитаризма: ересь представляется ему физической болѣзнью, которую нужно изгонять физическими насильственными средствами, а на этой матеріалистической почвѣ легко было дойти до софизма, что религіозныя гоненія и кары вытекаютъ изъ любви къ ближнему, изъ заботы о его благѣ. „Еслибы мы,—говоритъ Августинъ,—отнеслись къ прежнимъ нашимъ злымъ врагамъ, нарушавшимъ нашъ миръ и покой всевозможными насиліями и кознями, съ такимъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ, чтобы ничего не придумывать и не допускать для ихъ устрашенія и исправленія—мы воздавали бы имъ зло за зло. Ибо, еслибы кто увидалъ врага своего въ бѣлой горячкѣ, бѣгущимъ къ пропасти, то не воздалъ ли бы онъ ему зломъ за зло, позволивъ ему бѣжать дальше и не позаботившись о томъ, чтобы его схватили и связали? А именно въ такое мгновеніе онъ бы казался врагу наиболѣе непріятнымъ и ненавистнымъ, когда на самомъ дѣлѣ былъ бы всего сострадательнѣе къ больному и всего для него полезнѣе; и, конечно, по выздоровленіи, послѣдній благодарилъ бы его тѣмъ горячѣе, чѣмъ менѣе встрѣтилъ пощады съ его стороны. О, еслибы я могъ тебѣ указать, какъ много у насъ теперь явныхъ православныхъ, даже изъ циркумцелліоновъ, проклинающихъ свою прежнюю жизнь и жалкое заблужденіе, въ силу котораго они мнили творить въ пользу церкви Божіей то, что совершали по суетной опрометчивости; никто изъ нихъ не былъ бы приведенъ къ выздоровленію, еслибы они не были охвачены, какъ безумные, оковами тѣхъ законовъ, которые тебѣ не нравятся".

„Но нѣкоторымъ, скажешь ты, эти законы не оказали пользы. А развѣ слѣдуетъ пренебрегать леченіемъ потому, что зараза нѣкоторыхъ неизлечима? Ты принимаешь во вниманіе только тѣхъ, кто такъ жестокъ, что не воспринимаетъ даже этого поученія. Объ этомъ сказано въ Писаніи: „Тщетно я бичевалъ сыновъ вашихъ, поученія они не воспріяли". Думаю, конечно, что они подверглись бичеванію по любви, а не по злобѣ. Но

ты долженъ также принять во вниманіе множество тѣхъ, спасенію которыхъ мы радуемся. Еслибы ихъ только стращали, но не поучали, это было бы нечестивымъ устрашеніемъ. Съ другой стороны, еслибы ихъ только поучали, но не стращали, они, очерствѣвъ отъ старой привычки, пошли бы медленнѣе по пути спасенія. Когда же къ полезному устрашенію присоединяется спасительное ученіе, такъ что не только лучъ истины изгоняетъ мракъ заблужденія, но и сила страха срываетъ оковы дурной привычки, тогда, какъ я сказалъ, намъ приходится радоваться спасенію многихъ, славящихъ съ нами и благодарящихъ Господа, исполнившаго свое обѣщаніе, что цари земли будутъ служить Христу: „Онъ чрезъ нихъ исцѣлялъ больныхъ и давалъ здоровье недужнымъ". Не всякій, кто щадитъ, есть другъ; не всякій, кто бьетъ—недругъ. Лучше раны, нанесенныя другомъ, чѣмъ поцѣлуи недруга. Лучше любить съ суровостью, чѣмъ съ кротостью обманывать... И тотъ, кто связываетъ безумствующаго и пробуждаетъ летаргика, обоимъ непріятенъ, но обоихъ любитъ. Кто можетъ насъ любить больше, чѣмъ Богъ? И между тѣмъ, онъ не перестаетъ насъ не только милосердно учить, но и спасительно стращать. Ты думаешь, что никого не слѣдуетъ принуждать къ праведности, но ты читалъ, что господинъ сказалъ рабамъ: „Кого ни встрѣтите, понуждайте войти"; ты читалъ, какимъ великимъ насиліемъ Христосъ понудилъ Павла познать истину.

„Развѣ Сара не наказывала упрямую рабыню, получивъ надъ нею власть? однакоже она не ненавидѣла ту, которая, благодаря ея милости, сдѣлалась матерью, а лишь спасительно укрощала ея гордыню.

„Обратись также къ временамъ Новаго Завѣта, когда кротость любви не только должна пребывать въ сердцѣ, но и объявить себя въ мірѣ, когда мечъ Петра, по приказанію Христа, былъ вложенъ въ ножны, чтобы показать, что онъ не долженъ быть изъемленъ даже ради Христа. Однакоже, мы читаемъ не только, что били іудеи Павла апостола, но что и эллины изъ-за Павла апостола били іудея Сосѳена; фактъ въ обоихъ случаяхъ совершенно тождественный,—но какое различіе между ними въ самомъ поводѣ!

„Нѣтъ примѣра, говоришь ты, въ Евангеліяхъ и апостольскихъ посланіяхъ, чтобы что-нибудь испрашивалось у царей земли въ пользу церкви и на гибель враговъ церкви! Никто не отрицаетъ, что нѣтъ такого примѣра. Но тогда еще не испол-

нилось пророчество: „Внемлите, цари; поучайтесь, судьи земли; служите Господу въ страхѣ“.

Съ этой точки зрѣнія Августина не смущаетъ и возраженіе, что не всѣ цари поклоняются истинному Богу, не всѣ служатъ церкви. Онъ видитъ и въ нечестивыхъ царяхъ орудіе Провидѣнія. „Террорь свѣтскихъ властей,—говоритъ онъ,—когда борется противъ истины, есть испытаніе, служащее къ славѣ праведныхъ, твердыхъ духомъ—и опасное искушеніе для слабыхъ; когда же этимъ страхомъ проводится истина, онъ служитъ полезнымъ увѣщаніемъ для заблуждающихся, воспріимчивыхъ къ истинѣ, для безумныхъ же это—тщетное мученіе. Если власть, покровительствуя истинѣ, кого-либо караетъ,—исправленный ею получаетъ хвалу за обрѣтенную имъ истину; если власть, враждебная истинѣ, противъ кого-либо свирѣпствуетъ изъ-за того, что онъ держится истины, онъ вѣнчается, подобно побѣдителю“. Августинъ напоминаетъ донатистамъ, что они сами, вмѣстѣ съ другими христіанами, восхваляли религіозный террорь: „кто же изъ нашихъ и кто изъ вашихъ не прославляетъ законовъ, изданныхъ императорами противъ языческихъ жертвоприношеній? а вѣдь за нихъ положена кара гораздо болѣе строгая, такъ какъ это нечестіе карается смертною казнью. При вашемъ же исправленіи имѣется болѣе въ виду убѣдить васъ отступиться отъ заблужденій, чѣмъ покарать за преступленіе“.

Приведенныя мѣста заимствованы изъ „Апологіи гоненій“, обращенной Августиномъ къ донатисту. Поэтому многія рѣзкости въ ней могутъ быть объяснены полемическими пріемами. Въ виду этого получаетъ особый интересъ для характеристики взглядовъ Августина на принудительныя и карательныя мѣры въ религіозныхъ вопросахъ изложеніе этихъ взглядовъ, составленное имъ для назиданія государственнаго сановника, которому было поручено приводить эти мѣры въ исполненіе. На этотъ разъ это цѣлый трактатъ „Объ исправленіи донатистовъ“. Трактатъ написанъ въ видѣ посланія къ римскому трибуну, а впослѣдствіи—графу, т.-е. главнокомандующему Бонифацію, которому было суждено сыграть роковую роль въ дѣлахъ Африки и имперіи. Въ 417 году, онъ былъ преемникомъ въ должности Марцеллина, т.-е. трибуномъ. Письмо характерно уже потому, что показываетъ, какъ мало иногда римскіе государственные люди были знакомы съ религіозными представленіями тѣхъ, судьба которыхъ была въ ихъ рукахъ. Бонифацій обратился къ ученому епископу Гиппоны съ просьбой объяснить ему разницу между донатистами и аріанами, между которыми, однако, какъ извѣстно,

ничего не было общаго. Въ учтивыхъ выраженіяхъ хвалитъ Августинъ трибуна за его любознательность въ божественныхъ дѣлахъ „среди воинственныхъ заботъ". Объяснивъ ему разницу между аріанами и донатистами, православными въ признаніи Троицы и мятежными лишь по отношенію къ единству церкви, Августинъ поясняетъ, что только изъ политическихъ соображеній иные донатисты увѣряютъ, когда готы въ силѣ, что раздѣляютъ ихъ убѣжденія. Это разъясненіе не помѣшало Бонифацію, десять лѣтъ спустя, напустить на злосчастную Африку аріанъ-вандаловъ.

Коснувшись донатистовъ, Августинъ подробно знакомитъ правителя Африки съ ихъ ученіемъ и ихъ исторіей. Главная же цѣль посланія—оправдать принудительную политику по отношенію къ нимъ и опровергнуть протестъ донатистовъ. Августину не трудно было доказать неосновательность нѣкоторыхъ изъ ихъ доводовъ. „Если мы нечестивы,—говорили донатисты,—то зачѣмъ вы ищете насъ?"—„Мы ищемъ васъ, нечестивыхъ, для того, чтобы вы не оставались нечестивыми",—отвѣчалъ Августинъ. „Если мы, отрекаясь отъ вашего крещенія, грѣшимъ противъ Св. Духа,—говорили донатисты,—то зачѣмъ вы насъ обращаете, вѣдь этотъ грѣхъ не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ" (Матѳ. XII, 32). Это былъ мѣткій ударъ, направленный лично противъ Августина, прямо обвинявшаго донатистовъ въ прегрѣшеніи противъ Св. Духа. Защищаясь, онъ старается выйти изъ затрудненія съ помощью вопроса: „Кто же не грѣшитъ противъ Св. Духа, будь то язычникъ или еретикъ? Неужели же, однако, никто изъ нихъ не подлежитъ освобожденію отъ своего заблужденія?"—Далѣе Августинъ объясняетъ, что подъ грѣхомъ противъ Св. Духа надо разумѣть „жестокосердіе до конца жизни", препятствующее человѣку получить прощеніе грѣховъ въ единеніи съ тѣломъ Христа, оживотворяемомъ Св. Духомъ. За этимъ слѣдовало истолкованіе текстовъ и аргументація, разумѣніе которыхъ едва-ли было по силамъ Бонифацію. На упрекъ, что гоненіе вызвано желаніемъ завладѣть церквами и церковными имуществами донатистовъ, Августинъ отвѣчаетъ, что еслибъ это было такъ, то каѳолики, напротивъ, должны бы желать, чтобъ донатисты не обращались; жадные до чужого имущества вовсе не желаютъ имѣть совладѣльцевъ. Пусть донатисты присоединятся, и тогда они вступятъ снова во владѣніе не только того, что̀ имъ принадлежало, но и въ совладѣніе всѣмъ достояніемъ христіанскихъ церквей. Августинъ, однако, упустилъ при этомъ изъ виду, какую злобу должно было вызвать отобраніе церквей и церковныхъ

имуществъ въ сердцахъ *неприсоединившихся* и какое непреодолимое для нихъ препятствіе къ примиренію и присоединенію заключалось въ сознаніи совершеннаго надъ ними насилія и несправедливости къ нимъ при отнятіи у нихъ достоянія, накопившагося отъ пожертвованій ихъ предковъ. Изъ сферы земныхъ интересовъ вопросъ былъ поднятъ въ область принциповъ утвержденіемъ донатистовъ, что никто не можетъ подвергать другого справедливому гоненію, т.-е. что гоненіе всегда — дѣло несправедливое.

Августину было легко доказать, что претерпѣваніе гоненія не можетъ служить доказательствомъ правоты, и что недостаточно для того, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, не совершать гоненія, а терпѣть зло. Но не такъ легко было доказать Августину другую половину тезиса, что истинная церковь имѣетъ право совершать гоненія. Не даромъ ему пришлось прибѣгнуть къ „иносказанію“ о Сарѣ, изгонявшей надменную рабыню. На этомъ зыбкомъ основаніи аллегоріи строитъ Августинъ слѣдующее умозаключеніе: „Итакъ, бываетъ гоненіе несправедливое, когда нечестивые преслѣдуютъ церковь Христову, и гоненіе справедливое, которому церковь подвергаетъ нечестивыхъ. Она блаженна, когда терпитъ гоненіе изъ-за правды; они же негодны, терпя гоненія ради неправды. Вѣдь церковь преслѣдуетъ любя, а они— изъ злобы; она — ради исправленія, а они—ради разрушенія; церковь преслѣдуетъ, чтобъ отвлечь отъ лжи, нечестивые же— чтобы ввергнуть другихъ въ заблужденіе“.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ, Августинъ, однако, самъ подорвалъ силу этихъ риторическихъ антитезъ—важнымъ заявленіемъ: „Конечно—(кто въ этомъ усомнится?)—лучше *вести* людей къ почитанію Бога *ученіемъ*, чѣмъ принуждать ихъ къ тому страхомъ наказанія или страданіемъ“.—„Но,—продолжаетъ онъ, —изъ того, что первое лучше, не слѣдуетъ, что нужно пренебрегать другими средствами“. Полагая, что Бонифацій, какъ міряninъ, лучше знакомъ съ свѣтской литературой, чѣмъ съ Св. Писаніемъ, Августинъ приводитъ стихъ Теренція, что лучше воспитывать дѣтей нравственными средствами, чѣмъ страхомъ, и замѣчаетъ: „это, конечно, правда; но хотя тѣ лучше, на которыхъ дѣйствуетъ любовь, а больше такихъ, которыхъ исправляетъ страхъ“,—и въ подтвержденіе этого приводитъ другой стихъ того же автора:

Tu nisi malo coactus, recte facere nescis.

Проводя ту мысль, что церковь не можетъ обойтись безъ принудительныхъ средствъ, Августинъ не разъ прибѣгаетъ къ

сравненіямъ, которыми весьма легко можно было воспользоваться въ совершенно противоположномъ направленіи. То онъ сравниваетъ донатистовъ съ мулами и лошадьми, которые кусаясь и брыкаясь, не даются людямъ, желающимъ исцѣлить ихъ раны,—то съ отбившимися отъ стада овцами, которыхъ приходится страхомъ бича угонять отъ тѣхъ, въ обладаніе которыхъ они попали; то съ людьми, не желающими выйти изъ дома, которому грозитъ обвалъ, такъ что приходится силою спасать ихъ отъ смерти.

Всѣ эти сравненія грѣшатъ тѣмъ, что основаны на смѣшеніи духовнаго съ матеріальнымъ; на этомъ основаны и другія доказательства Августина; такъ, напр., когда онъ ссылается на строгіе римскіе законы противъ прелюбодѣянія и восклицаетъ: „развѣ менѣе преступно, когда душа не соблюдаетъ вѣрность Богу, чѣмъ жена мужу?"—На этомъ скользкомъ пути Августинъ иногда не замѣчаетъ, какъ приводитъ свидѣтельство противъ себя. Такъ, напр., онъ разсказываетъ, что переходъ донатистовъ совершался свободно *до* изданія тѣхъ императорскихъ законовъ, которые вызвали озлобленіе и фанатизмъ циркумцелліоновъ; или когда онъ замѣчаетъ, что совершаемое не вслѣдствіе пренебреженія къ религіи, а лишь незнанія ея, должно быть легче наказуемо. Это вѣрное замѣчаніе не останавливаетъ на себѣ вниманія Августина, и онъ его не примѣняетъ къ донатистамъ. Онъ нигдѣ не отдаетъ себѣ отчета о психическомъ состояніи фанатической массы, которое дѣлало ее невмѣняемой. Онъ видитъ въ донатистахъ лишь враговъ церкви. И въ письмѣ къ Бонифацію мы встрѣчаемъ уже извѣстный намъ аргументъ, заключающійся въ указаніи благихъ результатовъ, къ которымъ привело принужденіе. Съ большимъ одушевленіемъ изображаетъ Августинъ радость обратившихся донатистовъ, ихъ усердіе въ посѣщеніи богослуженія и проповѣдей, ихъ сожалѣніе объ оставленныхъ ими заблужденіяхъ. Съ этой точки зрѣнія Августинъ называетъ законы Гонорія дѣломъ *великаго милосердія* къ донатистамъ и горячо привѣтствуетъ эти императорскіе законы, „оторвавшіе ихъ противъ воли отъ той секты, гдѣ они научились злу по наущенію лживыхъ демоновъ,—чтобы потомъ, привыкнувъ къ каѳолической церкви, исцѣлиться въ ней, благодаря хорошимъ наставленіямъ и нравамъ". Слегка лишь касается онъ того обстоятельства, что эти императорскіе законы не всегда имѣли такія желательныя послѣдствія,—а часто наоборотъ, разоряли и губили донатистовъ. „Конечно, — восклицалъ Августинъ,—каждый изъ насъ желалъ бы, чтобы никто изъ насъ не только не погибъ, но даже ничего не потерялъ. Но пришлось же Давиду, — хотя онъ съ

большой отеческой заботливостью приказалъ пощадить мятежнаго сына и сохранить ему жизнь—пришлось оплакать его смерть и утѣшаться мыслью, что само царство обрѣло миръ. Такъ и каѳолическая мать, отъ великаго древа которой отломился африканскій сучокъ, въ боли материнскаго сердца, причиняемой добровольной гибелью немногихъ людей, находитъ утѣшеніе въ присоединеніи къ церкви и освобожденіи отъ ереси столько народа". Въ трактатѣ, предназначенномъ для римскаго администратора и имѣвшемъ цѣлью побудить его къ вмѣшательству въ дѣла церкви, Августинъ долженъ былъ коснуться вопроса объ отношеніяхъ государства къ церкви и его права карать за религіозныя убѣжденія. Авторъ „Божескаго Царства" вполнѣ признаетъ принудительную власть государства въ религіозныхъ вопросахъ: онъ строитъ эту власть на религіозномъ основаніи, ссылаясь на текстъ псалма: „Итакъ, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли. Служите Господу со страхомъ и радуйтесь съ трепетомъ" (Пс. II, 10, II).

„Какъ же могутъ цари,—спрашиваетъ Августинъ,—служить Господу въ страхѣ иначе, какъ воспрещая и карая въ благочестивой строгости то, что противорѣчитъ велѣніямъ Господа?" Августинъ самъ находитъ нужнымъ оправдать такое толкованіе: „*Иначе*,—говоритъ онъ,—царь служитъ Господу, чѣмъ частный человѣкъ; иначе, въ виду того, что онъ не только человѣкъ, а также царь; какъ человѣкъ, онъ служитъ Господу, живя самъ благочестиво; но такъ какъ онъ въ то же время царь, то онъ служитъ тѣмъ, что облекаетъ соотвѣтствующей властью законы, предписывающіе правду и воспрещающіе неправду". Въ подтвержденіе приводятся примѣры изъ исторіи іудеевъ, а также Навуходоносоръ и Дарій. Еще болѣе сомнителенъ авторитетъ другого текста, приводимаго Августиномъ для установленія полной аналогіи между церковью и государствомъ: „Доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ" (Гал. VI, 10).—„Кто можетъ,—продолжаетъ Августинъ,—пусть творитъ добро рѣчами каѳолическихъ проповѣдниковъ, пусть, кто можетъ, творитъ добро законами каѳолическихъ государей.—Пусть всѣ призываются къ спасенію — одни путемъ божественныхъ поученій, другіе—повиновеніемъ императорскимъ законамъ".

Но какъ было современнику аріанскихъ императоровъ оставить эти слова безъ оговорки—развѣ всѣ законы императоровъ, даже христіанскихъ, ведутъ къ спасенію? И Августинъ продолжаетъ: „Даже и тогда, когда императоры издаютъ дурные законы въ защиту лжи и противно правдѣ—чрезъ это удостовѣ-

ряются благовѣрующіе и вѣнчаются исповѣдники; когда же они издаютъ честные законы въ защиту истины и противъ лжи— устрашаются безумные и исправляются разумные. Итакъ, кто не захочетъ повиноваться законамъ императоровъ, изданныхъ въ противность божественной истинѣ, тотъ пріобрѣтетъ великую награду; кто же не захочетъ повиноваться законамъ императоровъ, изданнымъ въ защиту божественной истины, того ждетъ великая кара“.

II.

Несомнѣнный успѣхъ законовъ Гонорія въ борьбѣ съ донатистами глубоко радовалъ Августина. Онъ не упускалъ случая привѣтствовать письмами присоединившихся къ церкви донатистовъ. Такъ, поздравляя пресвитеровъ Сатурнина и Евфрата „съ братьями“, сожалѣвшихъ объ его отсутствіи, Августинъ утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что они живутъ теперь съ нимъ въ одной и той же храминѣ; но эта храмина воздвигнута не въ какомъ-нибудь уголкѣ земного круга, а на всемъ его протяженіи. Еще болѣе ликуетъ онъ, когда привѣтствуетъ перешедшихъ въ православіе жителей всѣхъ чиновъ города Цирты—этого оплота донатизма. Но въ то же время онъ внушаетъ имъ, что это радостное событіе совершилось не благодаря *его* заслугамъ, но по волѣ Божіей: „Если то, что въ вашемъ городѣ меня глубоко огорчало, теперь устранено, если жестокость человѣческаго сердца, сопротивлявшагося ясной и обнародованной всему міру истинѣ, смягчилась, если чувствуется сладость мира, если любовное единеніе процвѣтаетъ и просвѣтляетъ исцѣленныя очи, то все это дѣло не наше, а Божіе; и я бы не сталъ приписывать его человѣческимъ стараніямъ, даже еслибы такое множество обращеній совершилось въ вашемъ городѣ, въ моемъ присутствіи, вслѣдствіе личныхъ бесѣдъ моихъ и увѣщеваній. Это совершилъ тотъ, кто черезъ своихъ служителей выставляетъ людей внѣшними признаками явленій, сердца же человѣка самъ поучаетъ сущностью ихъ“... „Ксенократъ, какъ вы пишете, и какъ я самъ вспоминаю, своимъ разсужденіемъ о плодахъ умѣренности внезапно обратилъ къ лучшей жизни Полемона, не только вообще предававшагося пьянству, но и въ то самое время бывшаго пьянымъ. И хотя этотъ Полемонъ, какъ вы дѣльно и справедливо замѣтили, не былъ привлеченъ къ Господу, а лишь освобожденъ отъ господства надъ нимъ порока, я бы и совершившееся тогда улучшеніе приписалъ не человѣческому, а боже-

ственному воздѣйствію. Ибо самыя блага нашего тѣла, этой низменной части нашего бытія,—если только это блага,—каковы красота, сила, здоровье, исходятъ отъ самого Господа, создающаго и совершенствующаго природу (creatore et perfectore naturae); тѣмъ болѣе блага духа даровать никто кромѣ Него не можетъ". Такія свѣтлыя минуты, которыя доставляло Августину обращеніе донатистовъ, однако, нерѣдко смѣнялись у него тяжелыми заботами въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ встрѣчалъ упорное сопротивленіе. Донатизмъ обнаружилъ въ эту тяжелую для него годину гоненій замѣчательную живучесть; мы знаемъ отъ Августина, что несмотря на обращеніе всѣхъ чиновъ города Цирты, въ этомъ городѣ происходилъ соборъ донатистскихъ епископовъ, съѣхавшихся тамъ къ Петиліану въ числѣ болѣе тридцати. Этотъ соборъ далъ Августину поводъ говорить съ ироніей о жалобахъ донатистовъ на то, что они тогда будто бы претерпѣвали гоненіе, какого никогда не бывало, что „у нихъ нѣтъ мѣста, куда бѣжать и гдѣ укрыться".—Однакоже, — возражаетъ имъ на то Августинъ,—„вы и соборъ созываете, и епископовъ посвящаете". Изъ того, что Августинъ упоминаетъ объ этомъ соборѣ, мы видимъ, что донатисты еще не теряли надежды на наступленіе лучшаго времени, которое дозволитъ многимъ изъ насильно обращенныхъ вернуться къ нимъ. Чтобы облегчить имъ это, донатистскіе епископы въ Циртѣ отступили отъ своего прежняго ригоризма и постановили, что „тѣ епископы и пресвитеры, кои противъ воли присоединились къ церкви, могутъ быть прощены и сохранить свой санъ, если они не давали причастія и не говорили проповѣдей народу". Августинъ воспользовался этимъ, поставивъ донатистамъ на видъ, что этой снисходительностью они лишаютъ себя всякаго оправданія за расколъ, такъ какъ ихъ предки имѣли гораздо болѣе основанія отнестись снисходительно къ тѣмъ, которыхъ они обвиняли въ общеніи съ дѣйствительными или мнимыми „предателями" *по неволѣ*, выдававшими священныя книги подъ болѣе ужаснымъ гнетомъ языческихъ властей.

Живучесть донатизма обнаруживалась двумя различными способами,—въ дикихъ насиліяхъ со стороны фанатической толпы и въ томъ пассивномъ, готовомъ на мученичество упорствѣ, съ которымъ было еще труднѣе бороться. Насилія со стороны возбужденной толпы были неизбѣжны. Отнятіе церквей и самый переходъ донатистскаго духовенства къ каѳоликамъ доводили массу до отчаянія и изувѣрства. Отъ Августина мы знаемъ, что даже въ Карѳагенѣ толпа поджигала базилики, отнятыя у дона-

тистовъ, а въ сельскихъ округахъ духовныя лица каѳолической церкви постоянно становились жертвами неслыханной жестокости: „у нѣкоторыхъ вырваны глаза; одному епископу отсѣкли руку и языкъ; иные были убиты. Не стану перечислять жестокія убійства, грабежи домовъ, ночныя нападенія и поджоги не только частныхъ жилищъ, но даже церквей; бывали случаи, что въ пламя пожара кидали и священныя книги“. Особенно огорчало Августина отчаянное сопротивленіе донатистовъ въ самыхъ окрестностяхъ Гиппоны. Такъ, весной 412 года Августинъ жалуется Марцеллину, что донатистскій епископъ Макробій, появляясь тамъ и сямъ, сопровождаемый сбродомъ обоего пола, отпираетъ донатистскія базилики, запертыя помѣщиками изъ страха передъ закономъ. Пока на мѣстѣ находился управляющій сенатора Целера, Спондей, котораго Августинъ горячо рекомендуетъ Марцеллину,—смѣлость донатистовъ еще встрѣчала преграды. Послѣ же его отъѣзда въ Карѳагенъ, Макробій отперъ базилику въ имѣніи Целера и собралъ тамъ народъ. При немъ находился и перекрещенный діаконъ Донатъ, бывшій колонъ церкви, сильно прикосновенный къ убійству. Жертвами убійства, о которомъ здѣсь упоминаетъ Августинъ, были два каѳолическихъ пресвитера въ области Гиппоны, Реститутъ и Иннокентій, которымъ передъ этимъ убійцы вырвали глаза и отрубили пальцы. Болѣе характерно, чѣмъ такія изступленныя дѣйствія толпы, которыя вездѣ бываютъ отвѣтомъ на религіозныя гоненія—пассивное сопротивленіе донатистовъ. Оно вноситъ индивидуальную черту въ исторію этой секты и заслуживаетъ вниманія потому, что дало самому Августину возможность провѣрить на людяхъ пригодность новой теоріи принужденія къ вѣрѣ.

Одной изъ жертвъ этой теоріи былъ раскольничій пресвитеръ Донатъ. Это былъ недюжинный схизматикъ. Онъ не только хорошо зналъ Священное Писаніе и умѣлъ толковать тексты въ свою пользу, но относился критически къ протоколамъ карѳагенскаго съѣзда и къ образу дѣйствія на немъ донатистскихъ вождей. Но и у этого ученаго пресвитера преобладаетъ выдающаяся черта его единовѣрцевъ — упорный фанатизмъ, просящійся на мученичество. Религіозный энтузіазмъ съ одной стороны, съ другой гоненія, воспитали этотъ фанатизмъ и довели его до маніи.

Этотъ Донатъ былъ пресвитеромъ въ одномъ помѣстьѣ въ епархіи Августина. Намъ неизвѣстно, по чьему распоряженію его схватили вмѣстѣ съ другимъ пресвитеромъ, чтобы отвести ихъ куда-то „на спасеніе“,—по выраженію Августина. Товарищъ былъ спокойнѣе, но Донатъ не давался, и когда ему под-

вели мула, онъ не хотѣлъ сѣсть на него и такъ метался, что нанесъ себѣ ушибы. Ища смерти, онъ затѣмъ бросился въ колодезь, но былъ оттуда извлеченъ. Узнавъ объ этомъ, Августинъ ему пишетъ: „О, еслибы ты могъ вѣдать боль сердца моего и заботу о твоемъ спасеніи, ты, можетъ быть, сжалился бы надо мной, угождая Господу и внимая Его слову, не нашему. Ты недоволенъ, что тебя повлекли къ спасенію, хотя вы столь многихъ изъ нашихъ увлекали на гибель. Вѣдь чего же иного мы хотѣли, какъ не привлечь тебя и сохранить отъ гибели?

„По твоему мнѣнію и этого не слѣдовало дѣлать, такъ какъ ты полагаешь, что никто не долженъ быть принуждаемъ къ добру". Августинъ возражаетъ Донату указаніемъ на слова апостола Тимоѳею: „кто желаетъ епископства, тотъ *добраго* дѣла желаетъ", а между тѣмъ сколькихъ епископовъ насильно ставили на епископство, подвергая ихъ даже заключенію? „Ты говоришь,—продолжаетъ Августинъ,—что Господь далъ человѣку свободную волю, и потому не слѣдуетъ принуждать его къ добру". „Однакоже мы не должны тѣхъ, кого любимъ, безнаказанно и жестокосердно предоставлять дурной волѣ; но, если имѣемъ власть, должны препятствовать имъ дѣлать зло и принуждать ихъ къ добру". Августинъ приводитъ въ подтвержденіе этого и исторію израильтянъ, которые были разными бѣдствіями принуждаемы идти въ обѣтованную землю, и судьбу апостола Павла, и разные ветхозавѣтные тексты. „Ты накажешь его розгой и спасешь душу его отъ преисподней" (Пр. Сал., XXIII, 14), и слова Іезекіиля: „заблудшую овцу ты къ стаду не вернулъ". „Вотъ почему,—заключаетъ Августинъ,—лучше же намъ исполнять волю Божію, предписывающую намъ заставить васъ, овецъ Христовыхъ, вернуться въ его овчарню, чѣмъ потворствовать вамъ, заблудшимъ овцамъ, и дозволить вамъ погибнуть. Итакъ, не говори больше, какъ ты упорно повторяешь: „Я хочу заблуждаться, хочу погибнуть"; мы не можемъ этого допустить, насколько это въ нашей власти". Пользуясь для своей цѣли покушеніемъ Доната на самоубійство и его спасеніемъ изъ колодца, Августинъ ему доказываетъ, что если даже погибающихъ тѣлесно слѣдуетъ спасать вопреки ихъ волѣ, „то насколько же больше любящіе кого-либо должны заботиться о томъ духовномъ спасеніи, лишеніе котораго влечетъ за собою страхъ вѣчной смерти. Вѣдь отъ той смерти, которую ты самъ хотѣлъ себѣ нанести, ты умеръ бы не только временно, но погибъ бы и на вѣки вѣковъ; и даже еслибы тебя принуждали къ чему-нибудь дурному, а не къ спасенію, не къ миру церкви, къ единству Христова тѣла, къ святой нераздѣль-

ной любви, то и тогда ты не долженъ былъ бы навлекать на себя смерть". Изъ дальнѣйшаго видно, къ какому насильственному истолкованію текстовъ прибѣгали донатисты, чтобы оправдать самоубійство; они ссылались между прочимъ на слова апостола: „Если я отдамъ тѣло мое на сожженіе"... Августину было не трудно доказать нелѣпость этого толкованія, приведши конецъ стиха:—„а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы". Донатисты ссылались на нихъ, чтобы оправдать второе крещеніе, примѣняя слово „мертвые" къ членамъ враждебной имъ церкви. Поучая Доната, Августинъ, какъ и вездѣ, обнаруживаетъ свою блестящую діалектику. Донатъ, какъ было извѣстно Августину, не одобрялъ заявленія своихъ епископовъ въ Карѳагенѣ, что одно дѣло не предрѣшаетъ другого, и человѣкъ не отвѣчаетъ за человѣка. Донатистъ отказывался отъ этого принципа, вѣроятно въ виду того сокрушительнаго для его партіи вывода, который сдѣлалъ на съѣздѣ Августинъ. Теперь Августинъ воспользовался возраженіемъ Доната, чтобы поставить его въ самую затруднительную дилемму. „Если,—говоритъ онъ ему,—ты во всемъ принимаешь утвержденія избранныхъ вами на съѣздѣ епископовъ, за исключеніемъ одного положенія, которое ты признаешь неправильнымъ, то этимъ самымъ ты доказываешь справедливость словъ, что человѣкъ за человѣка не отвѣчаетъ. Если же сонмъ всѣхъ вашихъ епископовъ не въ указъ тебѣ, Донату, пресвитеру мутугенскому, то насколько менѣе личность Цециліана, даже еслибы вы и обрѣли въ немъ что-нибудь дурное, можетъ служить укоромъ всеобщему единству Христову, которое обнимаетъ не одно помѣстье Мутугенское, а распространено по всему земному кругу".

Самое, однако, важное мѣсто изъ письма къ Донату—то, въ которомъ Августинъ воспользовался одной ссылкой Доната на Св. Писаніе, чтобы обосновать принудительную власть церкви. Донатъ приводилъ въ пользу свободы воли человѣка въ религіозныхъ вопросахъ слова Христа (Іоан. VI, 67): „Не хотите ли и вы отойти?"—обращенныя имъ къ двѣнадцати ученикамъ, послѣ того, какъ его оставили многіе изъ учениковъ. Августинъ возражаетъ, что эти слова относятся лишь къ началамъ церкви, когда еще не исполнилось пророчество: „И поклонятся Ему всѣ цари земли и всѣ народы станутъ служить Ему"... „Чѣмъ болѣе же оно исполняется, тѣмъ большею властью пользуется церковь, такъ что теперь она не только приглашаетъ къ добру, но и принуждаетъ къ нему". Августинъ старается подтвердить это притчей о хозяинѣ, приготовившемъ большое пиршество и многихъ по-

звавшемъ (Лук. XIV, 16—24). Августинъ указываетъ на то, что хозяинъ сначала сказалъ рабу: „Пойди по улицамъ и переулкамъ и приведи сюда“... а затѣмъ уже во второй разъ: „Пойди по дорогамъ и изгородямъ и понудь войти, чтобы наполнился домъ мой“. Итакъ,—обращается Августинъ къ Донату,—еслибы вы не принимали участія въ пиршествѣ вѣчнаго спасенія и святого единства церкви, мы васъ *смиренно* искали бы по дорогамъ; но такъ какъ вы, содѣлавъ нашимъ много зла и жестокостей, полны тернія и шиповъ, мы васъ находимъ какъ бы подъ изгородями и *понуждаемъ* васъ войти. Кто понуждается (compellitur), тотъ принуждается (cogitur) къ тому, чего не хочетъ. Такъ обуздай же свой неправедный и мятежный духъ, чтобы обрѣсти спасительную трапезу въ истинной церкви Христа“. Вотъ на какомъ шаткомъ основаніи построилъ великій учитель ту аргументацію, которую темные люди среднихъ вѣковъ повторяли тысячу разъ, выводя изъ нея принципъ насильственнаго обращенія, compelle intrare (принудь войти), какъ переводилъ Августинъ, согласно съ своими современниками, греческое слово, которое въ русскомъ Евангеліи передается выраженіемъ: „*убѣди прійти*“.

Другой представитель пассивнаго сопротивленія, къ которому Августину пришлось примѣнить свою теорію принужденія и свою подчасъ казуистическую діалектику для ея оправданія, былъ Эмеритъ, донатистскій епископъ мавританской Цезареи. Это тотъ самый Эмеритъ, къ которому Августинъ когда-то отнесся съ большимъ уваженіемъ, приглашая его вступить съ нимъ въ обсужденіе взаимной распри. Потомъ они встрѣтились на карѳагенскомъ съѣздѣ 412 г. Ихъ послѣдняя встрѣча исполнена трагическаго интереса. Въ концѣ 418 г. Августину пришлось по какому-то церковному дѣлу, порученному ему римскимъ папою Зосимою, отправиться съ своимъ ученикомъ, епископомъ Алипіемъ, въ Цезарею. Римское вліяніе и гнётъ новыхъ законовъ въ этомъ приморскомъ городѣ были такъ сильны, что донатистская масса въ немъ притворно присоединилась къ господствующей церкви, и Эмеритъ, оставшись безъ паствы, покинулъ городъ. Августинъ, можно сказать, въѣхалъ тріумфаторомъ въ городъ, откуда его старый антагонистъ былъ принужденъ бѣжать. Но Августинъ не удовольствовался этимъ торжествомъ; ему хотѣлось самого Эмерита привлечь къ церкви, и, узнавъ о его возвращеніи, онъ обратился къ нему съ приглашеніемъ признать себя каѳоликомъ или доказать публично свою правоту. Но Эмеритъ упорно отказывался отъ спора. Его безмолвіе представляетъ краснорѣчивый

комментарій къ примѣненію принципа vae victis въ религіозныхъ распряхъ, поддержаннаго Августиномъ. Этотъ турниръ съ однимъ борцомъ оставляетъ впечатлѣніе единственнаго пораженія, которое претерпѣлъ непобѣдимый діалектикъ Августинъ, претерпѣлъ потому, что побѣдилъ на этотъ разъ благодаря принудительной церковной политикѣ. Почему, по прибытіи Августина въ Цезарею, туда явился и Эмеритъ, — случайное ли то было свиданіе или нѣтъ, мы не знаемъ; намъ извѣстно только изъ признанія Августина, что присоединеніе донатистовъ было не искреннее. „Иные,—по его словамъ,—продолжали сомнѣваться въ каѳолической истинѣ; иные же не сомнѣвались, но въ сердцѣ сохраняли преданность Донату и лишь плотью принадлежали къ церкви, духомъ же были внѣ ея“. Можетъ быть, Эмеритъ, опасаясь личнаго вліянія Августина, и возвратился въ городъ, чтобы ему противодѣйствовать и своимъ присутствіемъ укрѣпить своихъ тайныхъ и явныхъ единомышленниковъ.

Узнавъ о его пріѣздѣ, Августинъ поспѣшилъ къ нему и встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Они привѣтствовали другъ друга, и Августинъ, находя, что неприлично оставлять епископа на улицѣ, пригласилъ Эмерита войти съ нимъ въ церковь. Тотъ согласился, и вслѣдъ за ними повалила любопытная толпа, ожидавшая обращенія Эмерита или интереснаго диспута. На настояніе Августина отречься отъ ереси Эмеритъ отвѣтилъ фразой: „Я не могу не хотѣть того, чего вы хотите, но я могу хотѣть того, чего я хочу“. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что принужденъ отказаться отъ борьбы съ господствующей церковью, но что онъ оставляетъ за собой свободу держаться убѣжденій, согласныхъ со своею волею или совѣстью. Августинъ воспользовался чрезвычайно искусно словами донатистскаго епископа; онъ заявилъ, что они сказаны по внушенію Господа, наставляющаго сердца и управляющаго языкомъ, и, истолковавъ слова Эмерита, какъ признаніе готовности присоединиться, приглашалъ его не откладывать этого. Изъ толпы раздались отовсюду возгласы, требовавшіе отъ Эмерита немедленнаго обращенія: „здѣсь или нигдѣ“. Но Эмеритъ оставался безучастенъ и непоколебимъ. Тогда Августинъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, заключавшей въ себѣ цѣлую гамму ораторскихъ тоновъ, отъ нѣжныхъ и ласкающихъ до могучаго гнѣва и суровыхъ угрозъ. „Эмеритъ сказалъ,—воскликнулъ онъ,—что не можетъ не хотѣть того, чего мы хотимъ. А онъ знаетъ, чего мы хотимъ. Хотимъ мы того, чего Господь хочетъ,—а чего хочетъ Господь—всѣмъ извѣстно. Итакъ, рано или поздно, онъ долженъ будетъ захотѣть того, чего

мы хотимъ". Обратившись затѣмъ къ истолкованію второй половины заявленія Эмерита, Августинъ выводилъ изъ его словъ, что они означаютъ лишь отсрочку обращенія и просилъ присутствовавшихъ не тревожиться этимъ, а молиться, чтобы Эмеритъ поступилъ, какъ обѣщалъ. Приглашеніе присоединиться сопровождалось обѣщаніемъ сохранить за Эмеритомъ его санъ. Напомнивъ состоявшееся на карѳагенскомъ съѣздѣ заявленіе каѳолическихъ епископовъ и всѣми ими подписанное, что они готовы уступить донатистамъ свои должности, Августинъ объявилъ, что цезарейскій православный епископъ Дейтерій и теперь на это согласенъ, и заключилъ: „Пусть онъ будетъ ниже въ почести, лишь бы превосходилъ другихъ въ любви. Мы знаемъ, какъ слѣдуетъ привлекать слабыхъ, дабы совершалось единеніе". За этимъ, однако, послѣдовалъ первый укоръ, хотя еще мягкій, въ видѣ сѣтованія и увѣщанія. Какъ бы снисходя къ Эмериту, Августинъ сказалъ: „Да, ты доказалъ, что обладаешь таинствомъ, обладаешь крещеніемъ; ты доказалъ мнѣ, что обладаешь вѣрою; такъ докажи же мнѣ, что обладаешь любовью, — пріемли единство. Не говори мнѣ, что ты обладаешь любовью, но докажи это. Единый у насъ отецъ, такъ будемъ вмѣстѣ ему молиться". Но любви было уже недостаточно; Августинъ предупреждаетъ противника, что не въ ней дѣло: внѣ каѳолической церкви можно найти все, кромѣ спасенія. „Ты можешь обладать церковнымъ чиномъ; можешь обладать таинствомъ, можешь пѣть аллилуію; можешь отвѣчать „аминь"; можешь держаться Евангелія, можешь вѣровать въ Отца и Сына и Св. Духа, и проповѣдовать эту вѣру; но нигдѣ, какъ въ церкви каѳолической, не можешь обрѣсти спасенія". Извѣстно, какой выводъ дѣлала изъ этого средневѣковая церковь. Но былъ ли онъ сдѣланъ уже Августиномъ? Повидимому, католицизмъ имѣлъ право ссылаться въ этомъ случаѣ на своего первоучителя. Опровергая лишній разъ самоутѣшеніе донатистовъ, что они правы, потому что подвергаются преслѣдованію, Августинъ восклицаетъ: „Пусть укоряетъ насъ, кто хочетъ, за такое преслѣдованіе; я стою за него. Если я имѣю право преслѣдовать того, кто тайно похищаетъ добро ближняго, то не болѣе ли я правъ, преслѣдуя того, кто публично оскорбляетъ церковь Господню, говоря: „это не она; она у насъ, въ расколѣ". Мнѣ ли не преслѣдовать хулителя церкви?—Конечно, я буду его преслѣдовать, какъ членъ церкви; конечно, я буду его преслѣдовать, какъ сынъ церкви. Сама церковь говоритъ мнѣ въ псалмѣ (XVII, 38): „Буду преслѣдовать враговъ моихъ". Такое преслѣдованіе, — поясняетъ Августинъ, — не будетъ

чѣмъ-либо новымъ для Эмерита. Когда донатисты преобладали въ Константинѣ, они схватили нашего мірянина, рожденнаго отъ каѳолическихъ родителей, Петиліана; учинили надъ нимъ насиліе; искали его, когда онъ бѣжалъ; нашли его скрывшагося; привлекли испуганнаго; окрестили дрожащаго отъ страха; посвятили въ епископы противъ его воли. Вотъ какое насиліе они совершили надъ однимъ изъ нашихъ; они заполонили его, чтобы обречь на смерть; неужели же намъ не привлекать ихъ, хотя бы силой, къ спасенію?"

Это сопоставленіе Петиліана, которому навязали почетную должность, съ Эмеритомъ, лишившимся почести, церкви и паствы, можетъ показаться сарказмомъ, но на самомъ дѣлѣ это лишь риторическая антитеза, благодаря которой намъ становится яснымъ, *какъ* разумѣть грозное Августиновское „persequar": это свое *„я буду преслѣдовать"* Августинъ понималъ болѣе въ духовномъ, чѣмъ въ матеріальномъ смыслѣ; какъ пастырь церкви, а не какъ средневѣковой инквизиторъ.

Это видно изъ того, что, два дня спустя, въ главномъ соборѣ Цезареи состоялось, въ присутствіи многихъ каѳолическихъ епископовъ и большой толпы народа, новое собраніе, на которомъ опять свободно присутствовалъ и Эмеритъ. Зачѣмъ онъ счелъ нужнымъ туда явиться—трудно объяснить. Для Августина это собраніе служило средствомъ торжественно прославить побѣду каѳолической церкви надъ еретиками и унизить въ глазахъ явныхъ и тайныхъ донатистовъ Цезареи ихъ упорнаго вождя. Въ церкви были прочитаны нѣкоторые акты карѳагенскаго съѣзда, которые сопровождались объясненіями со стороны Августина. Затѣмъ, разсказавъ о своей недавней бесѣдѣ съ Эмеритомъ, Августинъ обратился къ нему со словами: „Братъ Эмеритъ, если ты побѣжденъ, то зачѣмъ ты пришелъ? Если же ты полагаешь, что не побѣжденъ, то скажи, въ чемъ ты считаешь себя побѣдителемъ? Ибо ты только въ такомъ случаѣ можешь считаться побѣжденнымъ, если ты побѣжденъ самой истиной. Если же ты думаешь, что побѣжденъ только силой, въ истинѣ же торжествуешь, то знай, что здѣсь нѣтъ никакой силы, чтобы побѣдить тебя; такъ пусть твои сограждане услышатъ, въ чемъ ты считаешь себя побѣдителемъ". На это Эмеритъ отвѣтилъ: „Протоколы показываютъ, побѣжденъ ли, и былъ ли побѣжденъ истиною или силою".—„Такъ зачѣмъ же ты пришелъ?"—спросилъ Августинъ.—„Чтобы отвѣчать на твои вопросы".—„Я спрашиваю,—сказалъ Августинъ,—почему ты пришелъ? я не сталъ бы спрашивать, еслибы ты не пришелъ". Тогда Эмеритъ обратился

къ присутствовавшему нотарію и сказалъ: „Пиши“. Затѣмъ замолчалъ. Тишина была прервана словами Августина: „Если ты замолчалъ теперь передъ истиной, то, значитъ, ты пришелъ сюда не для чего иного, какъ чтобы обмануть собравшійся народъ“. Но и на эти слова Эмеритъ промолчалъ. Такъ замолкъ въ Цезареѣ побѣжденный донатизмъ.

Но если донатисты замолкли, притворяясь каѳоликами въ портовомъ городѣ, открытомъ римскому вліянію и доступномъ римскимъ властямъ, то въ горной Нумидіи, родинѣ и твердынѣ донатизма, они оказались менѣе сговорчивыми. Тамъ, въ Тамугадѣ, епископъ Гауденцій пригрозилъ трибуну Дульцицію, которому было поручено императоромъ „завершить объединеніе“, что онъ скорѣе сожжетъ себя въ церкви со своими единомышленниками, чѣмъ присоединится. И то была не пустая, хвастливая угроза: донатисты, дѣйствительно, прибѣгали къ этому ужасному средству избавиться отъ присоединенія къ церкви и заслужить мученическій вѣнецъ. Избирая этотъ родъ мученичества, они ссылались на слова апостола: „Если я отдамъ тѣло мое на сожженіе...“ Но, конечно, не Новый Завѣтъ внушилъ имъ это отчаянное средство угодить Божеству мучительнымъ самоистребленіемъ, а древне-семитическое представленіе о пожирающемъ въ огнѣ свои жертвы Молохѣ.

Съ догораніемъ этихъ костровъ гасла и память о нихъ; у насъ нѣтъ лѣтописи мученичества донатистовъ,—но мы знаемъ отъ Августина, который не былъ склоненъ преувеличивать его, что число добровольныхъ жертвъ огня превысило нѣсколько сотъ. Желая уменьшить впечатлѣніе, которое производилъ этотъ героическій фанатизмъ, Августинъ говоритъ, что людей, погибшихъ въ огнѣ у донатистовъ, было меньше, чѣмъ число спасенныхъ городовъ въ Африкѣ. Въ данномъ случаѣ Дульцицій послалъ Гауденцію миролюбивое письмо, „кротко обходясь, какъ и слѣдовало, съ бѣшеными“ (слова Августина). Епископъ отвѣтилъ трибуну двумя письмами: одно, кратко и спѣшно написанное, было тотчасъ вручено вѣстнику трибуна; другое заключало въ себѣ пространную записку въ защиту донатистовъ. Неутомимый борецъ противъ ереси не могъ оставить эту защиту безъ отвѣта, и такъ возникли въ 420 г. „Двѣ книги Августина противъ Гауденція“.

Августинъ придерживался въ своемъ опроверженіи того же способа, къ которому прибѣгъ въ полемикѣ съ Петиліаномъ. Приводя буквально отдѣльныя мѣста изъ посланія своего противника, онъ опровергалъ ихъ одно за другимъ. Онъ считалъ

это нужнымъ въ виду придирчивости донатистовъ, утверждавшихъ, что ихъ доводы оставляются безъ возраженій, если на нихъ не отвѣчали слово за слово. Это была форма стѣснительная и неблагодарная; затѣмъ, въ полемикѣ съ донатистами, длившейся уже почти тридцать лѣтъ, Августину невозможно было избѣгать повтореній; наконецъ, ему самому уже было тогда подъ семьдесятъ лѣтъ, и, несмотря на это, письма противъ Гауденція заключаютъ въ себѣ и новые обороты мысли, и интересныя черты для характеристики Августина. Его полемическій жаръ не остылъ, его риторическій паѳосъ не оскудѣлъ; фанатическое ожесточеніе противника его самого ожесточало, и методически-скучный диспутъ у него прерывается вспышками язвительнаго и обиднаго сарказма. Отвѣчая въ сотый разъ донатистамъ, примѣнявшимъ къ себѣ слова Евангелія: „блаженны изгнанные", Августинъ восклицаетъ: „Велики ваши доблести, которыми вы хвалитесь, какъ доказательствами вашей правды: отдѣленіе отъ Христа, отъ Таинствъ Христовыхъ, нарушеніе мира Христова, война противъ членовъ тѣла Христова, обвиненіе противъ невѣсты Христовой, отреченіе отъ обѣщаній Христовыхъ. Вотъ ваша правда, изъ-за которой вы отстаиваете себя съ великимъ упорствомъ противъ тѣхъ, кто васъ тѣснитъ". Искусно приводя въ связь наклонность донатистовъ къ самоубійствамъ, съ обвиненіемъ основателей этой секты въ выдачѣ священныхъ книгъ, Августинъ сокрушаетъ своихъ противниковъ словами: „Неудивительно, что они и потомковъ своихъ научили возлюбить смерть предателя. Но, избѣгая сходства съ нимъ (съ Іудой), они никогда или крайне рѣдко умерщвляютъ себя посредствомъ удавленія. Однако, все это совершенно напрасно, ибо тотъ самый побудилъ Іуду къ самоубійству, кто и стадо свиней повергъ съ крутизны въ море... и дерзновенно искушалъ самого Господа броситься съ крыши храма. Но хотя бы вы и всевозможными способами обрекали себя на добровольную смерть, вы все-таки въ самоубійствѣ подражаете, по внушенію діавола, примѣру Іуды-предателя".

Главнымъ доводомъ Гауденція противъ насильственнаго обращенія служила свобода воли, дарованная Богомъ человѣку. „Зачѣмъ меня лишаютъ того,—спрашивалъ Гауденцій,—что̀ даровалъ мнѣ Господь? Обрати вниманіе, почтенный мужъ, какое святотатство—дерзновенно отнимать у человѣка то, что̀ Господь ему далъ, да еще суетно хвалиться, что дѣлается въ угоду Богу. Развѣ людская затѣя защищать Бога—не великая для Него обида? Развѣ не полагаетъ тотъ, кто собирается насиліемъ защищать

Бога, что Господь не въ состояніи самъ отомстить за свою обиду?" Обходя сущность вопроса, Августинъ на это возразилъ, что изъ обманчивыхъ и пустыхъ разсужденій донатистовъ слѣдуетъ, что нужно ослабить и вовсе отпустить удила человѣческому своеволію и всѣ грѣхи оставлять безнаказанными; но неужели нужно предоставлять полный разгулъ страстямъ и преступленіямъ безъ всякаго сопротивленія со стороны законовъ? „Неужели никто не смѣетъ удерживать отъ свободы и сладости грѣха угрозами или карами? ни царь—своихъ подданныхъ, ни военачальникъ—воиновъ, ни судья—обывателя, ни господинъ—раба, ни мужъ—жену, ни отецъ—сына? Неужели слѣдуетъ все предоставить на усмотрѣніе вашей злой воли, для того, чтобы вы не утратили свободы воли? Если же вамъ совѣстно передъ людьми, то восклицайте, если дерзаете: пусть караются убійства, прелюбодѣянія, пусть караются всѣ прочія преступленія или злодѣянія страсти; одни лишь святотатства должны оставаться ненаказуемыми закономъ государства! Пусть никакая человѣческая власть не противится и не противодѣйствуетъ нашей свободной волѣ, когда мы наносимъ обиду Господу. Конечно, человѣку дана была при его сотвореніи свободная воля; но съ тѣмъ, чтобы потерпѣть кару въ случаѣ злодѣянія. Тѣ, первые люди, когда согрѣшили, были наказаны смертью; и прежде чѣмъ ихъ постигла смерть тѣлесная, они были изгнаны изъ рая. Милосерднѣе съ вами поступаетъ императоръ, ради кротости христіанской, назначивъ вамъ въ наказаніе не смерть, а изгнаніе".

Оправдывая принужденіе въ дѣлахъ вѣры, Августинъ ссылается на примѣръ царя ниневійскаго, предписавшаго, по словамъ пророка Іоны, жителямъ своей столицы покаяніе. Возражая Гауденцію, который жаловался словами Писанія, что у праведныхъ отняты *труды* ихъ,—разумѣя подъ этимъ конфискацію донатистскихъ имуществъ, Августинъ спрашиваетъ: „Какіе же это ваши труды, которыми вы кичитесь? Развѣ не справедливо, чтобы ваши церкви, при переходѣ къ Христу, переходили со всѣми своими имуществами? Если, при переходѣ ихъ, вы хотите удержать за собою ихъ имущества,—вы хотите завладѣть чужимъ добромъ. Впрочемъ, относительно этихъ „трудовъ" легко рѣшить вопросъ. Вѣдь тѣ, кому они принадлежали, сами возвращаются въ лоно каѳолической церкви: такимъ образомъ мы ежедневно, по мѣрѣ того, какъ кто-либо изъ васъ къ намъ переходитъ, возвращаемъ вамъ деньги, платье, плоды, сосуды, поля, дома вашихъ, а вы когда же намъ возвратите души нашихъ?"

Какъ видно изъ этого, Августинъ слишкомъ легко отнесся

къ упреку въ захватѣ каѳоликами собственности донатистскихъ приходовъ; вѣдь это софизмъ—говорить донатистамъ: переходите же къ намъ, и тогда вы опять будете владѣть своимъ добромъ. Болѣе чувствителенъ былъ Августинъ къ другому упреку. „Вникни,—писалъ Гауденцій Дульцицію,—какъ не пристала твоему благоразумію обязанность палача“, а затѣмъ, указавъ на какого-то „Габинія и товарищей, лишенныхъ угрозами, страхами и гоненіями природной свободы“, Гауденцій довольно нескладно уподобилъ ихъ язычникамъ, сотворившимъ себѣ кумиръ и поклоняющимся подобію истины. Августинъ вспылилъ: „Къ безумію своему ты еще присоединяешь богохульство и дерзаешь каѳолическую церковь называть измышленіемъ человѣческимъ. Что же удивительнаго, если Габиній и другіе, какъ люди мудрые, увидѣвъ, что за устарѣлое упрямство въ укоренившейся привычкѣ имъ грозитъ лишеніе имущества и изгнаніе, пораздумали, слѣдуетъ ли претерпѣвать это изъ-за человѣческаго измышленія, сопротивляясь божественному дѣлу. То, что вы называете гоненіемъ, они признали для себя поводомъ къ исправленію. Итакъ, видишь ли, что вовсе по пустому ты сказалъ человѣку, требовавшему, по приказу благочестивѣйшаго императора, исправленія вашего, что ему не къ лицу обязанность палача, ибо что же можетъ быть болѣе къ лицу благочестивому воину, чѣмъ стать спасителемъ многихъ исправившихся“. Не менѣе сурово говоритъ Августинъ о роли военной власти въ религіозныхъ вопросахъ и по поводу послѣднихъ словъ Гауденція къ Дульцицію: „прошу тебя смягчить гнѣвъ и воздержаться отъ гибели невинныхъ“. „*Вы* сами жестоки къ себѣ, *вы* безчеловѣчны; *вы*, дѣлающіе съ собою то, что другіе привыкли дѣлать лишь со своими врагами. Вы виновны, и тѣмъ не менѣе, трибунъ предоставляетъ вамъ выходъ (exitum), вы же сами ищете своей гибели (exitium)“. Риторическіе пріемы, образчикомъ которыхъ можетъ послужить приведенная сейчасъ игра словъ, были, конечно, плохою школой справедливости и гуманности. Характеромъ этой полемики объясняется многое въ увлеченіяхъ Августина; она устраняла охоту или возможность вникнуть въ положеніе противника, заглушала снисходительность къ его ошибкамъ, состраданіе къ его бѣдствіямъ. Съ полемической точки зрѣнія, гоненіе, на которое жалуются побѣжденные, становится *мнимымъ*; жертвами гоненія на самомъ дѣлѣ являются у Августина побѣдители: „Если,—обращается онъ къ Гауденцію,—о гоненіи можно говорить лишь тогда, когда кому-либо причиняется мученіе, то развѣ, по-твоему, мученіе души, которому мы подвергаемся, легче, чѣмъ мученіе тѣла?—Такому му-

ченію подвергался праведный Лотъ, болѣя душой отъ грѣховъ содомитовъ; такое мученіе причиняютъ донатисты каѳоликамъ своею ересью. Не признавая страданія противниковъ, риторическая полемика не признаетъ за ними и подвига. Восхваляя мучениковъ за истинную вѣру, Августинъ заявляетъ: „Если же кто изъ-за дѣла Доната лишился клочка одежды, то нельзя это считать мужествомъ. Даже смерть отъ руки каѳолика не можетъ быть сочтена донатистами за мученичество, ибо они въ этомъ случаѣ несутъ лишь кару за свои дѣянія. Вѣдь и разбойники, и другіе уголовные преступники, если подвергаются заслуженной карѣ закона, не признаются мучениками".

Тѣмъ менѣе Августинъ склоненъ признать мученичествомъ самоубійство, къ которому прибѣгали донатисты, чтобы избѣгнуть обращенія, и которымъ стращалъ императорскаго трибуна Гауденцій. Августинъ напоминаетъ ему, что донатисты и въ прежнее время добровольно предавали себя смерти въ самообольщеніи, что это мученичество,—и приводитъ слова чтимаго и донатистами карѳагенскаго епископа, св. Кипріана, противъ самосожженія. Въ особенности подробно останавливается по этому случаю Августинъ на самоубійствѣ современника Маккавеевъ, Разиса, примѣръ котораго служилъ авторитетомъ для донатистовъ. Не имѣя возможности бѣжать отъ враговъ, принуждавшихъ евреевъ къ языческимъ жертвамъ, старикъ Разисъ ударилъ себя мечомъ, но, не покончивъ съ собою этимъ способомъ, бросился съ городской стѣны; оставшись и тутъ въ живыхъ и окруженный врагами, онъ обѣими руками вырвалъ свои внутренности и разбросалъ ихъ, чтобы избавиться отъ жизни и отъ принужденія отпасть отъ вѣры отцовъ своихъ. Августинъ признаетъ, что Разисъ восхваляется Священнымъ Писаніемъ; но за что?—спрашиваетъ онъ. И любопытно, какъ онъ старается умалить значеніе приведеннаго авторитета. Разисъ восхваляется за любовь къ отечеству; но этимъ отечествомъ былъ земной Іерусалимъ, а не небесный; онъ восхваляется за свою преданность іудаизму, но по сравненію съ правдой Христовой апостолъ почитаетъ это тщетой и умётомъ. О Разисѣ сказано, что онъ доблестно искалъ смерти: но лучше было бы,—прибавляетъ Августинъ,—поступить смиреннѣе и тѣмъ паче разумнѣе. По этому поводу онъ указываетъ на различіе между свѣтской исторіей и священной. „Исторія языческая восхваляетъ мужественныхъ людей сего міра, а не мучениковъ Христовыхъ". Августинъ, далѣе, указываетъ, что сами іудеи не ставятъ авторитетъ Книгъ Маккавеевъ на одинъ уровень съ авторитетомъ Закона и Пророковъ, и что

эти Книги приняты церковью, какъ полезное наставленіе при условіи разумнаго пониманія его. И Августинъ извлекаетъ изъ исторіи Разиса совершенно другой выводъ, чѣмъ донатисты, совѣтуя имъ бѣжать отъ смерти, а не умерщвлять себя. „Спросите Христа,—онъ приказываетъ вамъ бѣжать. Спросите трибуна,—онъ разрѣшаетъ вамъ бѣжать. И еслибы вы могли спросить самого Разиса, онъ вамъ отвѣтилъ бы: я не имѣлъ возможности бѣжать. Итакъ, вы не можете ссылаться ни на Христа Спасителя, ни на трибуна гонителя, ни на авторитетъ Разиса“.

Августинъ былъ, конечно, совершенно правъ, совѣтуя донатистамъ руководиться авторитетомъ не Книги Маккавеевъ, а Евангеліемъ. Но эти люди не даромъ были соплеменниками тѣхъ, кто вырывалъ себѣ въ предсмертныхъ мученіяхъ внутренности, чтобы не „отпасть отъ вѣры“ отцовъ своихъ. Въ своемъ посланіи Гауденцій ставитъ потрясающій вопросъ: развѣ то не гоненіе, что побудило столько тысячъ неповинныхъ людей предать себя смерти? Отвѣтъ Агустина очень слабъ: онъ обходитъ самый вопросъ Гауденція и придирается къ слову: „неповинны“. „Объясните,—спрашиваетъ онъ, съ своей стороны,—какъ это вы неповинны, терзая и убивая Христа? Докажите, какимъ это образомъ васъ принуждаютъ къ смерти, васъ, кому бѣгство предписано божественнымъ велѣніемъ и разрѣшено людскимъ распоряженіемъ?“

Мы не знаемъ, имѣлъ ли въ виду Гауденцій, говоря о *тысячахъ*, предавшихся самосожженію, свое время, послѣднія судороги, доведеннаго до отчаянія донатизма, или онъ разумѣлъ число погибшихъ такимъ образомъ за цѣлый вѣкъ борьбы? Во всякомъ случаѣ, самъ Августинъ подтверждаетъ ужасный фактъ самосожженія схизматиковъ, уменьшая лишь число жертвъ. Но то, что онъ въ этомъ случаѣ говоритъ въ утѣшеніе или оправданіе, еще ужаснѣе, чѣмъ самый фактъ религіознаго изступленія, имъ удостовѣренный. Упоминая о томъ, какъ многіе изъ донатистовъ въ прежнія времена умерщвляли себя разными способами, Августинъ продолжаетъ: „А въ сравненіи съ ними какъ мало нынѣ себя добровольно сожигаютъ! Но если ты думаешь, что насъ должно растрогать то, что столько тысячъ погибаетъ, ты недостаточно высоко цѣнишь утѣшеніе, которое мы находимъ въ томъ, что несравненно большее число тысячъ освобождается отъ безумія донатистовъ. Ибо тѣ, которые такъ погибаютъ, даже численностью не могутъ равняться съ тѣми, кто, покинувъ имя и образъ жизни циркумцелліоновъ, трудятся надъ обработкой полей, соблюдаютъ цѣломудріе и церковное единство; еще менѣе

тѣ погибшія души идутъ въ сравненіе съ числомъ не только дѣтей обоего пола, юношей и дѣвушекъ, но даже семейныхъ людей и стариковъ, безчисленное множество которыхъ переходитъ изъ нечестиваго раскола донатистовъ въ истинный и каѳолическій міръ Христовъ".

Равнодушіе, съ которымъ Августинъ здѣсь отворачивается отъ ужаснаго зрѣлища добровольныхъ костровъ, поражаетъ насъ еще болѣе непріятно, когда къ нему примѣшивается презрительное отношеніе къ несчастнымъ жертвамъ самообольщенія, искавшимъ въ огнѣ осуществленія своихъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ. Приведенныя сейчасъ слова находятся въ діатрибѣ, обращенной къ донатисту, который грозилъ прибѣгнуть къ этому крайнему средству спасенія. Августинъ могъ думать, что не въ интересѣ его полемики высказывать состраданіе къ подобнымъ жертвамъ; но что сказать о рѣзкомъ и жестокомъ отзывѣ о самосожигателяхъ, который мы находимъ въ поученіи Августина къ трибуну Бонифацію? Вмѣсто того, чтобы предостеречь этого правителя Африки, указавъ ему, къ какимъ бѣдствіямъ приводятъ слишкомъ усердныя гоненія, Августинъ ихъ какъ бы поощряетъ, отрицая у жертвъ добровольныхъ костровъ всякое нравственное значеніе. Поблагодаривъ Бога за то, что въ гиппонской епархіи, „хотя не вездѣ церковный миръ устанавливается безъ этихъ безумныхъ самоубійствъ", Августинъ продолжалъ: „Такіе ужасные случаи бываютъ тамъ, гдѣ проживаетъ бѣшеная и негодная порода людей, привыкшая дѣлать то же самое еще въ прежнія времена". Но тутъ же онъ позволилъ себѣ неосторожное слово: „При чемъ тутъ братская любовь? Неужели ей, изъ опасенія кратковременнаго пламени, въ которомъ погибаютъ немногіе, предоставить всѣхъ вѣчному огню геенны". Не случайно вырвалась эта антитеза у африканскаго ритора. Августинъ возвращается и въ другихъ случаяхъ къ ней и, склоняя Бонифація—идиллическимъ изображеніемъ обращенныхъ—къ строгимъ мѣрамъ, говоритъ: „Еслибы ты ихъ видѣлъ, то счелъ бы слишкомъ большой жестокостью предоставить ихъ вѣчной гибели и мученію въ неугасаемомъ огнѣ, изъ страха, чтобы горсть отчаянныхъ людей, не идущая въ сравненіе съ безчисленнымъ множествомъ обращенныхъ, не предалась добровольно сожженію земнымъ огнемъ". Слова неосмотрительныя и роковыя: ими были введены въ заблужденіе не одни современники сожигавшихъ себя донатистовъ, скоро сошедшихъ со сцены исторіи, но безчисленные въ теченіе ряда вѣковъ фанатики иного рода, которые жгли

на кострахъ другихъ людей для того, или подъ предлогомъ того, чтобы ихъ спасти отъ неугасаемаго огня геенны!

III.

И однакоже, въ душѣ того, кому принадлежатъ эти слова, соединялось съ античной гуманностью христіанское милосердіе. Но эта душа была полна противорѣчій, обусловленныхъ какъ впечатлительностью и пылкостью натуры, такъ и риторическимъ воспитаніемъ. Борьба съ донатистами должна была послужить новымъ источникомъ противорѣчій. Желая покорить любовью сердца еретиковъ, Августинъ былъ вовлеченъ съ ними въ полемику, въ которой явилъ себя риторомъ, дѣйствовавшимъ на страсти и увлекавшимся страстью. Будучи противникомъ карательныхъ мѣръ, Августинъ былъ ослѣпленъ ихъ практическою пользой, и, ставъ ихъ защитникомъ, прославлялъ ихъ съ присущимъ ему риторическимъ паѳосомъ... Но въ глубинѣ его души не угасали его идеалы и его христіанскіе завѣты. Въ то самое время, когда онъ восхищался дѣйствіемъ императорскихъ законовъ противъ еретиковъ и защищалъ ихъ,—онъ оставался идеалистомъ церкви, какъ божескаго царства, не желавшимъ, чтобы земное царство, съ его обрызганными кровью руками, справляло ея дѣла; оставался апостоломъ Евангелія, чуждавшимся пролитія крови. Во всемъ этомъ можно убѣдиться по его письму къ проконсулу Донату отъ 408 г. По этому краткому письму можно познать всего Августина. „Я не хотѣлъ бы,— пишетъ онъ, скромный епископъ, но сильный своимъ авторитетомъ, первому сановнику Африки,—я не хотѣлъ бы видѣть церковь африканскую въ такомъ бѣдственномъ положеніи, чтобы она нуждалась въ помощи какой-либо земной власти". Но такъ какъ „нѣтъ власти не отъ Бога", то Августинъ находитъ „не малое утѣшеніе" въ томъ, что проконсульскою властью облеченъ такой христолюбивый человѣкъ, который можетъ и захочетъ сдержать враговъ церкви отъ ихъ преступныхъ замысловъ. „Одного только,—продолжаетъ Августинъ,—опасаемся мы отъ твоей справедливости: чтобы ты не почелъ нужнымъ карать ихъ, сообразуясь не съ кротостью христіанской, а съ гнусностью ихъ злодѣяній. Конечно, то, что и эти нечестивые и неблагодарные люди творятъ противъ христіанскаго общества, много хуже и преступнѣе, чѣмъ еслибы они это совершали въ ущербъ другимъ; но тѣмъ не менѣе, заклинаемъ тебя Іисусомъ Христомъ, ты этого не дѣлай. Ибо мы не ищемъ

мести нашимъ врагамъ на этой землѣ и страданія наши не должны вызывать въ насъ такой тревоги духа, чтобы забыть предписаніе того, за истину и имя котораго мы страдаемъ: мы любимъ нашихъ враговъ и молимся за нихъ. Поэтому мы желаемъ, чтобы страшные судьи и законы служили къ исправленію ихъ, а не къ казни; мы не желаемъ ихъ безнаказанности, но не желаемъ и казней, которыхъ они достойны. Поэтому *такъ* карай ихъ грѣхи, чтобы было кому раскаяваться въ своихъ грѣхахъ". Августинъ проситъ проконсула забыть, когда онъ станетъ разбирать хотя бы самыя нечестивыя обиды церкви, что ему дана власть казнить,—но не забывать его просьбы. „Не пренебрегай, любезнѣйшій сынъ, нашей просьбой о пощадѣ тѣхъ, за которыхъ мы молимъ Господа, чтобы онъ исправилъ ихъ". Притомъ пусть проконсулъ приметъ въ соображеніе, что церковныя дѣла вчинаются духовенствомъ; если же онъ будетъ примѣнять къ нимъ смертную казнь, то устрашитъ епископовъ и побудитъ ихъ не доводить до него никакихъ дѣлъ и предпочитать скорѣе самимъ потерпѣть смерть, чѣмъ добиваться казней чрезъ посредство властей, — а это лишь увеличитъ дерзость донатистовъ. Большую помощь онъ окажетъ епископамъ, если будетъ такъ примѣнять императорскіе законы, что не дастъ повода донатистамъ „хвастаться мученичествомъ за истину и право". Августинъ выражаетъ увѣренность, что еслибы онъ не былъ епископомъ, а Донатъ былъ почтенъ еще болѣе высокой властью, то и тогда онъ могъ бы разсчитывать на его вниманіе къ своей просьбѣ. Въ силу этого Августинъ проситъ проконсула предписать и подчиненнымъ ему судьямъ смягчить свою суровость, и заключаетъ словами: „Болѣе тяжко, чѣмъ полезно принужденіе людей вмѣсто наставленія ихъ, хотя бы это дѣлалось для избѣжанія большаго зла и достиженія великаго блага".

Но Августину пришлось еще глубже познать бѣдственныя послѣдствія императорскихъ законовъ, которые онъ привѣтствовалъ, какъ спасительное отъ ереси средство. Ему пришлось не только умѣрять усердіе исполнителей закона, напоминая имъ, что они мстятъ за обиды *церкви*, и не должны въ этомъ дѣлѣ идти дальше, чѣмъ желаетъ церковь. Законы Гонорія ухудшали зло, противъ котораго были изданы. Вызывая, мѣстами, ожесточеніе гонимыхъ, эти законы доводили ихъ до преступленій и этимъ подводили ихъ подъ дѣйствіе жестокихъ уголовныхъ законовъ. Переписка Августина бросаетъ свѣтъ на эту темную сторону императорскаго Рима. Какъ блюститель евангельскаго принципа, Августинъ протестуетъ противъ пріемовъ римскаго уголовнаго судопроизвод-

ства. Теперь онъ не только воздерживаетъ государственныхъ сановниковъ отъ перенесенія на церковныя дѣла административной точки зрѣнія, но самъ вмѣшивается во имя христіанскаго принципа въ область свѣтской юрисдикціи.

Упомянутое выше убійство донатистами двухъ каѳолическихъ пресвитеровъ не осталось безнаказаннымъ. Циркумцелліоны и донатистскіе клирики, причастные къ этому убійству, были арестованы мѣстными властями и отправлены на судъ въ Карѳагенъ. При наряженномъ Марцеллиномъ слѣдствіи, многіе изъ нихъ признались въ изувѣченіи и убійствѣ пресвитеровъ. Какое это было слѣдствіе, мы узнаемъ изъ Августина, и призракъ средневѣковыхъ застѣнковъ цѣликомъ возстаетъ предъ нами. Августинъ хвалитъ Марцеллина за „отеческую любовь", съ которой онъ велъ слѣдствіе, за то, что онъ добился признанія „однѣми розгами, не прибѣгая ни къ растяженію тѣла на станкѣ, ни къ вырыванію крючьями мяса, ни къ обжиганію его пламенемъ". Но слѣдствіе закончено,—что же далѣе? Августинъ слышалъ, что власти намѣрены примѣнить къ подсудимымъ во всей строгости законъ возмездія. И вотъ Августинъ въ своемъ письмѣ заклинаетъ трибуна „вѣрою его въ Христа и милосердіемъ самого Господа Христа, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и сдѣлать не позволилъ". Правда, заявляетъ Августинъ, онъ могъ бы сдѣлать видъ, что ничего не знаетъ о предстоящей имъ казни: не отъ него пошло обвиненіе, а отъ тѣхъ, кто приставленъ къ охраненію порядка. „Но мы не хотимъ, чтобы мученичество слугъ Божіихъ каралось по закону *возмездія*. Не потому, чтобы мы не желали отнять у преступныхъ людей возможность совершать новыя злодѣянія; но мы желаемъ, оставивъ ихъ въ живыхъ и сохранивъ имъ цѣлость тѣла, исцѣлить ихъ карою закона отъ недуга мятежности и направить ихъ отъ злого къ какому-нибудь полезному дѣлу. Вѣдь и это называется наказаніемъ; но кто же не пойметъ, что слѣдуетъ скорѣе называть благодѣяніемъ, чѣмъ казнью — когда отнимается свобода злодѣйствовать и въ то же время предоставляется возможность цѣлебнаго раскаянія?

„Исполни же, судья христіанскій, обязанность благочестиваго отца, прояви свой гнѣвъ противъ преступленій, не забывая руководиться гуманностью; не давай воли чувству мести при преслѣдованіи злодѣяній грѣшниковъ, но постарайся уврачевать ихъ раны". Наказаніе не должно быть болѣе жестоко, чѣмъ дознаніе, т.-е. должно ограничиться розгами: „этотъ способъ наказанія примѣняется учителями въ школахъ и самими родителями, и часто даже прилагается къ дѣлу на судѣ епископовъ. Такъ

не карай же жестоко за то, чего ты такъ легко дознался. Нужнѣе дознаніе, чѣмъ наказаніе; для того именно самые гуманные люди тщательно и настоятельно дознаются скрытаго злодѣянія, чтобы узнать, кого слѣдуетъ *пощадить*. Поэтому часто бываетъ необходимо производить строгое слѣдствіе, чтобы, по открытіи преступленія, получила возможность проявить себя *кротость*. Такъ пусть же власть наказывать не ожесточитъ того, чью кротость не уничтожила необходимость разслѣдовать это дѣло; не зови палача, раскрывши преступленіе, при дознаніи котораго ты не хотѣлъ прибѣгать къ истязателю".

Въ этихъ словахъ высказался человѣкъ по природѣ мягкій и чувствительный, кромѣ того поднятый античною культурою на высоту современной гуманности. Но Августинъ былъ въ то же время правителемъ церкви: ея интересы были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, и вотъ онъ продолжаетъ: „Наконецъ, ты присланъ радѣть о пользѣ церкви: а то, о чемъ я прошу, полезно для церкви; а чтобы такое утвержденіе мое не казалось превышеніемъ авторитета съ моей стороны,—скажу, что это полезно для церкви въ епархіи Гиппоны. Если ты не хочешь исполнить просьбы друга, то прими совѣтъ епископа. И такъ какъ я говорю съ христіаниномъ и рѣчь идетъ о такомъ серьезномъ дѣлѣ, то не будетъ съ моей стороны надменнымъ сказать, что ты обязанъ повиноваться приказанію епископа, достопочтенный и по заслугамъ высокопоставленный господинъ и дражайшій сынъ".—„И хотя мнѣ извѣстно, что церковныя дѣла по преимуществу поручены твоему превосходительству, но такъ какъ я полагаю, что это дѣло относится къ вѣдомству свѣтлѣйшаго проконсула, то я и ему писалъ; тебя же прошу ему передать мою просьбу и, если нужно, поддержать ее; васъ обоихъ я умоляю не посѣтовать на наше заступничество и ходатайство; не умаляйте мученичества каѳолическихъ слугъ Божіихъ, которое должно служить къ духовному назиданію слабыхъ возмездіемъ врагамъ, отъ коихъ они пострадали, но, отложивъ строгость судебную, не отказывайтесь проявить и вѣру вашу, и кротость самой матери вашей, ибо вы—сыны церкви".

Упомянутый сейчасъ проконсулъ Апрингій былъ братъ Марцеллина. Тонъ письма Августина къ этому важнѣйшему въ провинціи представителю императорской власти торжественнѣе и еще внушительнѣе. „Я не сомнѣваюсь,—начинаетъ Августинъ,—что въ пользованіи властью, которую Господь далъ надъ людьми тебѣ, человѣку, ты помышляешь о божественномъ судѣ, ибо и судьи дадутъ на немъ отчетъ о своемъ судѣ". Изложивъ дѣло и напомнивъ слова апостола о властяхъ, что они отомстители

злодѣямъ и не напрасно носятъ мечъ, Августинъ продолжаетъ: „Но не одно и то же—*провинція* и церковь; управленіе провинціей должно совершаться съ устрашеніемъ; въ церковныхъ же дѣлахъ милосердіе должно служить къ прославленію кротости церкви. Еслибы я велъ рѣчь съ судьей не-христіаниномъ, я бы иначе говорилъ, но и тогда бы я не оставилъ дѣла церкви и настаивалъ бы на томъ, чтобы она не была запятнана кровью враговъ своихъ; а еслибы онъ не уступилъ мнѣ въ этомъ, я бы заподозрилъ, что онъ противится мнѣ изъ враждебнаго расположенія къ церкви“. Августинъ указываетъ на то, что дѣло велось такъ тщательно, чтобъ обличить въ совершённыхъ ими ужасныхъ насиліяхъ враговъ церкви, похваляющихся тѣмъ, что они—жертвы преслѣдованія. Протоколы судебнаго дѣла будутъ публично читаемы, чтобы исцѣлять души, отравленныя ихъ кознями. „Неужели же,—спрашиваетъ Августинъ проконсула,—тебѣ угодно, чтобы намъ было страшно прослушать до конца чтеніе протокола, который будетъ содержать въ себѣ описаніе кровавой казни,—хотя мы знаемъ, что за зло не слѣдуетъ воздавать зломъ!“ Августинъ заявляетъ, что еслибы не существовало никакого иного наказанія, кромѣ смертной казни, онъ предпочелъ бы совсѣмъ отпустить подсудимыхъ на свободу; но такъ какъ есть и болѣе мягкія наказанія, то почему не избрать путь болѣе благоразумнаго и мягкаго приговора, по которому предоставлено судьямъ идти даже въ такихъ дѣлахъ, которыя не касаются церкви. „Такъ страшись же вмѣстѣ съ нами суда Господа-отца и докажи кротость матери; ибо то, что ты дѣлаешь, то творитъ церковь, ради которой ты это дѣлаешь, какъ ея сынъ. Состязайся добромъ со злыми. Тѣ не пощадили увѣщевавшихъ ихъ слугъ Божіихъ; а ты пощади захваченныхъ, пощади обличенныхъ; тѣ нечестивымъ мечомъ пролили кровь христіанскую, а ты воздержи, Христа ради, отъ пролитія ихъ крови судейскій мечъ. Тѣ убійствомъ укоротили вѣкъ слугъ церкви; а ты, даруя жизнь врагамъ церкви, дай имъ время покаяться. Вотъ какимъ долженъ быть въ дѣлѣ церкви христіанскій судья, по нашей просьбѣ, согласно съ нашимъ наставленіемъ и заступничествомъ. Людямъ обычно, когда судъ поступаетъ съ ихъ осужденными противниками слишкомъ мягко, взывать отъ мягкаго приговора: мы же настолько любимъ нашихъ враговъ, что еслибы мы не разсчитывали на твое христіанское послушаніе, жаловались бы на твой строгій приговоръ“. Не даромъ Августинъ упоминаетъ здѣсь объ апелляціи. Какъ мы увидимъ, онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду прибѣгнуть къ этому средству. Въ другомъ письмѣ къ Марцеллину

онъ снова проситъ и настаиваетъ не проливать крови: „Если же,—пишетъ онъ,—проконсулъ будетъ настаивать на казни, хотя онъ христіанинъ и, сколько я могъ замѣтить, не склоненъ къ жестокостямъ,—тогда прикажите приложить къ протоколамъ письма, которыя я вамъ обоимъ писалъ. Мнѣ приходилось слышать, что во власти судьи смягчать приговоръ и наказывать слабѣе, чѣмъ гласитъ законъ. Если же онъ не согласится, несмотря на мои письма, такъ поступить, то пусть, по крайней мѣрѣ, дозволитъ оставить виновныхъ подъ стражей, и мы постараемся исходатайствовать у милосердія императоровъ [1]), чтобы мученичество слугъ Божіихъ, которое должно доставить церкви славу, не обезчестилось пролитіемъ крови враговъ“.

Всякій, конечно, прочтетъ съ глубокимъ удовлетвореніемъ эти слова Августина въ заключеніе долгой повѣсти о гоненіяхъ на отступниковъ отъ церковнаго единства. Эти слова находятся въ противорѣчіи съ его собственною ролью въ этихъ гоненіяхъ и съ принципами, которые онъ отстаивалъ въ этомъ дѣлѣ. Но это противорѣчіе, важное для біографа Августина, цѣнно и для историка культуры.

Изъ предшествовавшаго очерка можно усмотрѣть, что взгляды, высказанные Августиномъ на преслѣдованіе донатистовъ, нельзя подвести подъ одну формулу или догму: въ нихъ есть колебанія, есть противорѣчія, обусловленныя иногда минутой и обстоятельствами, въ общемъ же укладывающіяся подъ понятіе эволюціи. Августинъ началъ какъ любвеобильный апостолъ, жаждущій подѣлиться съ другими тѣмъ духовнымъ благомъ, которое онъ самъ обрѣлъ. Братскою любовью онъ надѣялся покорить *сердца* раскольниковъ-донатистовъ. Затѣмъ онъ сдѣлался страстнымъ апологетомъ и безпощаднымъ полемистомъ. Въ то же время онъ былъ и пастыремъ, и счелъ необходимымъ для защиты своей паствы принимать мѣры, которыя уже выходили изъ предѣловъ проповѣди; а наконецъ Августинъ, въ своемъ пастырскомъ безсиліи, ухватился за вооруженную желѣзомъ руку помощи, которую ему протянуло государство. Аналогія между осязательнымъ царствомъ христіанскаго императора и духовнымъ царствомъ Христа напрашивалась людямъ V вѣка. Римская имперія, по ихъ выраженію, охватила всю *ойкумену*—вселенную: за ея предѣлами оставались лишь варвары-язычники, съ которыми была

[1]) Выражая эту надежду, Августинъ имѣлъ въ виду бывшій на его памяти случай убіенія въ 397 г. язычниками близъ Тріента, чтимыхъ мучениками, Сисинія, Мартирія и Александра, и согласіе императора на ходатайство не подвергать убійцъ смертной казни.

неизбѣжна постоянная борьба; всякая побѣда надъ ними была двойнымъ благомъ: благомъ для имперіи, избавляя отъ враговъ; благомъ для побѣжденныхъ, дѣлая ихъ причастными ея благамъ. Въ церковной области также происходила постоянная борьба— притомъ двоякая: распространившаяся по всей вселенной церковь была не только окружена врагами-язычниками, но и внутренними врагами, нарушившими ея единство; а насколько ея идеалъ и ея цѣли были выше и священнѣе идеи и цѣли имперіи, настолько ея побѣда надъ врагами, включеніе ихъ въ священную ограду, казались задачей болѣе неотложной и возвышенной. Идеалистъ Августинъ въ этомъ отношеніи раздѣлялъ конкретныя мірскія представленія своего времени. Съ этой точки зрѣнія *насиліе* казалось не только дозволеннымъ, но и благодѣтельнымъ. И Августинъ вступилъ на эту точку зрѣнія; этому способствовали самый идеализмъ его, его страстное одушевленіе и безкорыстное служеніе великому идеалу того вѣка—единству вѣры и церкви,—идеалу, которымъ обусловливалось и земное спасеніе тогдашняго общества, и который былъ залогомъ дальнѣйшаго культурнаго развитія человѣчества. Увлекаясь служеніемъ этому идеалу, Августинъ забылъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался *его* достояніемъ. *Его* душевныя раны были исцѣлены не тѣмъ способомъ, который годится для муловъ, а свободнымъ исканіемъ правды, погруженіемъ въ священныя книги и внутреннимъ просвѣтленіемъ. Великій христіанскій учитель сдѣлалъ много для торжества дорогого ему идеала, но онъ не усомнился принести ему языческую жертву по обычаю своихъ предковъ и, какъ другой его предокъ, онъ, не сознавая этого, посѣялъ сѣмя драконовъ. Правда, Августинъ разумѣлъ преимущественно насиліе духовное; физическое насиліе должно было служить лишь средствомъ воспитанія—испытаніемъ, чтобы побудить отступника отъ единства образумиться, *расположить* его къ внимательному усвоенію истины. Наконецъ, насиліе никогда не должно было вести къ лишенію жизни. Но слишкомъ усердные послѣдователи этой теоріи съумѣли обойти оговорки Августина и обратили духовника въ пособника палача, принимавшаго изъ его рукъ напутствуемую имъ на костеръ жертву.

Однако, указанное выше противорѣчіе выходитъ по своему историческому значенію изъ предѣловъ вопроса объ отношеніи къ раскольникамъ и еретикамъ, коренится глубже, чѣмъ въ личныхъ свойствахъ Августина, и не обусловливается однимъ вліяніемъ римской имперіи на людей IV-го и V-го вѣковъ. Вдохновенные пророки и поэты, скорбѣвшіе о людяхъ и мечтавшіе о спа-

сеніи и обновленіи человѣчества задолго до Августина, провидѣли великую идею о грядущемъ „Божескомъ царствѣ“. Но никто не постигалъ этой идеи съ такимъ пластическимъ творчествомъ, никто не отдавался ей съ такимъ душевнымъ пыломъ, какъ Августинъ. Благодаря ему, образъ „Божескаго царства“ засіялъ надъ міромъ, какъ новое солнце надъ мракомъ и горемъ, сопровождавшими паденіе античной культуры и разореніе имперіи.—Но что же это за царство? Духовное или свѣтское? Для кого оно назначено?—для людей въ загробной жизни или во плоти? Гдѣ его искать? Въ душѣ человѣка, или въ его учрежденіяхъ? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ Августиномъ заключается, главнымъ образомъ, его вліяніе въ исторіи человѣчества, и если это рѣшеніе содержитъ въ себѣ противорѣчіе, то это противорѣчіе было неизбѣжно, какъ оно неизбѣжно во всякой попыткѣ водворить идеалъ въ жизни; ибо, какъ сказалъ великій поэтъ нашего вѣка,—„das Dort ist niemals Hier“.

В. Герье.

СЕМЬЯ ВАРАВИНЫХЪ

РОМАНЪ

I.

Въ уютной, но довольно просто меблированной гостиной госпожи Варавиной сидѣлъ ея постоянный посѣтитель Зарѣцкій; былъ уже восьмой часъ на исходѣ, и горничная Даша, въ бѣломъ передникѣ и чепчикѣ, принесла на большомъ подносѣ чай и печенье, поставивъ все это на столикъ передъ гостемъ.

Тучный Зарѣцкій взялъ большую, низкую чашку, налилъ въ нее нѣсколько капель сливокъ, такъ что чай сталъ похожъ на кофе, помѣшалъ ложечкой и сказалъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома:

— На дняхъ видѣлся съ вашимъ злымъ скорпіономъ.

Варавина встрепенулась.

— Съ Переметневымъ?—спросила она.

— Съ нимъ самымъ, съ Ѳедуломъ.

— Ахъ, вы не можете себѣ представить, какъ онъ меня безпокоитъ...

— Что̀ такъ?

— Какъ что̀? Развѣ вы не знаете, Аркадій Ниловичъ, какъ мы стѣснены въ деньгахъ?

— Знаю, Ольга Яковлевна, знаю.

— Имѣніе наше заложено въ банкѣ, доходы поглощаются процентами; неурожаи или недороды чуть не каждый годъ... А когда урожай хорошъ—цѣны на хлѣбъ низки, и рабочихъ рукъ нѣтъ или чрезвычайно дороги; къ тому же готтентотскій клопъ, или долгоносикъ, или чума на рогатомъ скотѣ, или какая-нибудь

другая гадость... А нашъ „train“ жизни? Конечно, это не то, что было въ доброе старое время, но при нынѣшнемъ безденежьѣ играть въ предводителей дворянства очень дорого...

— Вы называете это игрой?

— А что же это такое? Я не знаю, для чего Петръ Александровичъ служитъ по выборамъ? Вѣдь это просто игра...

— Да для чего вообще служатъ?

— Я не знаю... Иные изъ-за содержанія, иные ради чиновъ и орденовъ, иные...

— Для дѣла, можетъ быть?

— Да, и для дѣла. Говорить о предводительскомъ содержаніи смѣшно. Еле хватаетъ на канцелярію, а въ общемъ приходится тратить неизмѣримо больше чѣмъ получать. Чиновъ и орденовъ у мужа достаточно, а дѣло...

Варавина махнула рукой.

— А дѣло?—спросилъ Зарѣцкій.

— А дѣло вѣчно тормазится всякими начальниками и инстанціями. Остается игра въ политику... Да и развѣ вы не находите, что Петръ Александровичъ старъ и боленъ? Ему очень надо бы отдохнуть. Онъ совершенно изнемогъ на этой службѣ въ теченіе двухъ трехлѣтій. Это надо предоставить молодымъ, а намъ пора на отдыхъ. Дѣти наши всѣ на ногахъ, намъ не о чемъ больше заботиться.

— Я вижу, куда дѣло клонитъ: вамъ хочется продать имѣніе— и за границу!

— Продать имѣніе? Нѣтъ... Но продать часть его—да. Вотъ тотъ лѣсокъ, о которомъ я вамъ говорила, и который смеженъ съ вами. Конечно, за границей намъ, двумъ старикамъ, жить дешевле... Отчего вы не хотите взять у насъ этотъ лѣсъ?

— Сказать?

— Конечно, скажите.

— На это есть много причинъ, но главная—денежный голодъ, какъ теперь выражаются.

— Какъ, и у васъ?..

— Да, чѣмъ же я хуже другихъ?

— Но у васъ уголь...

— А что же такое уголь? У меня уголь и даже неистощимые пласты. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ всѣ эти инженеры, которые пріѣзжали смотрѣть мое Зарѣцкое. Говорили разныя глупости: на сто лѣтъ хватитъ всю Европу отапливать— и прочее. И анализы производили, и все выходитъ прекрасно. Но у меня нѣтъ денегъ. А уголь безъ денегъ оказывается спо-

собнымъ лежать безъ движенія въ нѣдрахъ, но не двигаться... Это все равно, что человѣкъ, имѣющій брилліанты и не имѣющій денегъ для обѣда...

Варавина слушала своего гостя разсѣянно, очевидно занятая своей думой. Помолчавъ немного и какъ бы вспомнивъ свое дѣло, она вернулась къ тому, что̀ ее безпокоило.

— Такъ вотъ Переметневъ обѣщалъ на прошлой недѣлѣ зайти поговорить, да такъ и не показывался больше. Это меня безпокоитъ.

— Ѳедулъ первый „губернскій мошенникъ", если есть такое званіе. Берегитесь его!

— Ахъ, Боже мой, неужели я не знаю этого?! Да вѣдь что̀ же дѣлать?

— Ѳедулъ говорилъ и мнѣ: „Бросьте, Аркадій Ниловичъ, возиться съ вашими анонимными бельгійцами,—пути, молъ, изъ этого не выйдетъ. Что̀ хорошаго—продавать родную землю басурманамъ? Мы сами это какъ-нибудь устроимъ". А самъ—ни съ мѣста. Предложилъ что-то такое несуразное, что я его въ шею...

— Вы съ нимъ вообще не церемонитесь... Не хотите ли еще чаю?

— Нѣтъ, спасибо. Да что̀ же мнѣ съ нимъ церемониться?..

Онъ помолчалъ, вынулъ папиросу и, съ разрѣшенія Варавиной, закурилъ.

— Много гостей ожидаете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Все тѣ же: Марія Егоровна...

— А! наша ходячая газета...

Варавина улыбнулась и продолжала:

— Да, „губернскія вѣдомости", какъ ее называетъ Петръ Александровичъ. Потомъ, Провъ Михайловичъ, Трифа̀новъ... можетъ быть, еще кто-нибудь.

— Думаетъ Петръ Александровичъ опять баллотироваться? Вѣдь скоро выборы.

Варавина махнула рукой.

— Думаетъ,—уныло сказала она.

— А вы не махайте ручкой, — проговорилъ Зарѣцкій.— Петръ Александровичъ—прекрасный предводитель, и разъ ему это нравится...

— Отчего вы не выставите своей кандидатуры?

Зарѣцкій чуть не поперхнулся дымомъ, откашлялся, потушилъ папиросу и сказалъ:

— Я?.. Да никогда въ жизни! Точно вы меня не знаете? Я—человѣкъ рѣзкій, неуживчивый. Я не хочу быть актеромъ.

На жизнь я смотрю какъ на комедію, иногда драму, рѣже—комедію. И я люблю быть зрителемъ, заплатить за мѣсто въ первомъ ряду и наблюдать, какъ люди ходятъ и говорятъ по суфлеру.

— А кто же суфлеръ?

— Судьба, обстоятельства жизни,—я не знаю... А что ваши дѣти?

Варавина какъ-то вся съёжилась, и на ея худенькомъ, блѣдномъ лицѣ легла тѣнь неудовольствія.

— Что дѣти!..—проговорила она.—Тебѣ что, Алексѣй?—спросила она у вошедшаго въ сюртукѣ лакея, ступавшаго мягкими, неслышными шагами по комнатѣ.

— Господинъ Переметневъ.

Варавина заволновалась, засуетилась, встала съ кресла.

— Проси, проси!

И она устремилась на встрѣчу входившему гостю.

Переметневъ, въ долгополомъ сюртукѣ, обросшій длинной, нечесанной бородой, грузно входилъ въ гостиную и быстро оглядѣлъ ее своими рысьими глазами. При видѣ Зарѣцкаго, хитрая усмѣшка скользнула по его толстымъ губамъ, и жирной рукой съ короткими пальцами онъ разгладилъ на головѣ волосы, падавшіе по сторонамъ шедшаго посреди головы пробора.

Варавина юлила.

— Здравствуйте, Тертій Өедулычъ, здравствуйте. Вы насъ совсѣмъ забыли... Чайку не прикажете ли?

— Здравствуйте, сударыня... Все ли въ добромъ здоровьицѣ?

— Благодарю васъ, Тертій Өедулычъ. Чайку...

— Благодарствую. Можно и чайку, если ваша милость будетъ,—а только меня, сударыня, зовутъ Өедулъ Терентьевъ, да-съ... Мое почтеніе, Аркадій Нилычъ. Все ли въ добромъ здоровьѣ?

Онъ подалъ руку Зарѣцкому, который нарочно выдержалъ паузу, изумленно поглядѣлъ на руку Өедула и, наконецъ, пожалъ ее.

— Ну, какое тебѣ дѣло до моего добраго здоровья? — съ усмѣшкой сказалъ онъ.

Варавина очень сконфузилась.

— Ужъ вы меня извините, уважаемый Өедулъ Терентьевичъ, никакъ не могу имена запоминать. Стара, что-ли, становлюсь... А впрочемъ, всегда я этимъ отличалась... Извините, ради Бога...

Она позвонила и приказала принести чай.

— Не извольте безпокоиться,—медоточивымъ голосомъ проговорилъ Переметневъ:—мы люди маленькіе и наслышаны, будто въ иныхъ заграничныхъ странахъ именъ христіанскихъ и вовсе не употребляется, а всѣхъ, будто, подъ одну гребенку называютъ: „мусьё“. Самъ не бывалъ, а слыхать—слыхалъ. Обиднаго тутъ нѣту, коли, стало быть, бельгійцы такъ выражаются.

И онъ лукаво посмотрѣлъ на Зарѣцкаго.

— Туда же, остришь!—сказалъ Зарѣцкій.—А вѣдь тоже о здоровьѣ спрашиваешь, воспитаннаго человѣка изъ себя корчишь.

— Здоровье, по нынѣшней людской крѣпости, первое дѣло, Аркадій Нилычъ. Когда, стало быть, человѣкъ здоровъ—онъ и счастливъ... Покорнѣйше благодарю!—прервалъ онъ себя, взявъ стаканъ чаю, который подала ему Даша.

— Удивительный ты человѣкъ, Θедулъ Терентьичъ!—началъ Зарѣцкій, глядя на него:—этакій толстый и жирный, а голосъ у тебя такой елейный, точно ты не губернскій скорпіонъ, а отшельникъ изъ пустыни.

Что-то недоброе промелькнуло въ глазахъ Переметнева и тотчасъ же скрылось.

Онъ похлопалъ Зарѣцкаго по колѣну, и во всей его фигурѣ отразилось то снисходительно-презрительное отношеніе, которое онъ питалъ къ собесѣднику.

— Это, выходитъ, кривой киваетъ на слѣпого,—добродушно засмѣявшись, сказалъ онъ:—о толщинѣ не вамъ бы говорить, да не мнѣ бы слушать, Аркадій Нилычъ. А что касается голоса, такъ вѣдь онъ отъ Господа Бога. Насчетъ же скорпіона—это вы напрасно, ей Богу, напрасно.

Варавина дѣлала знаки глазами Зарѣцкому, чтобы онъ не раздражалъ некстати Переметнева, потому что онъ, очевидно, пришелъ по дѣлу. Но Зарѣцкій не обращалъ никакого вниманія на эти знаки.

— Почему же напрасно?

— Скорпіонъ — нечисть, звѣрь поганый, да и на землѣ нашей не водится. У меня же божье подобіе и обликъ Господомъ данный...

— Ты въ этомъ увѣренъ?

Варавина поспѣшила вступиться, чтобы прервать этотъ непріятный разговоръ.

— Терентій Θедулычъ, — вкрадчиво проговорила она,—я всегда рада видѣть васъ своимъ гостемъ... но если, можетъ быть, вы пришли по дѣлу къ Петру Александровичу... такъ вамъ придется подождать. У него сегодня засѣданіе...

— Дѣловъ у меня нѣту, сударыня, а пришелъ я провѣдать васъ и уважаемаго вашего супруга.

Варавина разочарованно опустила голову.

— А насчетъ лѣску,—робко промолвила она,—о которомъ мы съ вами говорили... забыли? Думали вы объ этомъ?

— Соображалъ,—нéхотя отвѣтилъ Переметневъ,—какъ же, соображалъ.

— И... и что̀ же?

— Ничего-съ. Дѣло, по всей видимости, неподходящее,— мягкимъ, сладкимъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Почему же?!

— По разнообразнымъ, можно сказать, причинамъ, сударыня.

— По какимъ же, Тертій Ѳедулычъ?

— Ѳедулъ Терентьичъ, сударыня.

— Ахъ, извините... да... простите, Ѳедулъ Терентьичъ.

— Ничего-съ! А причина главная: не при деньгахъ-съ. Ей Богу, не при деньгахъ-съ.

Зарѣцкій фыркнулъ.

— Чему бы это? — сверкнулъ на него взоромъ Переметневъ.—Коли ежели у васъ есть,—обратился онъ къ Зарѣцкому,— купили бы. Лѣсъ-отъ къ вашему имѣнію прилегаетъ вплотную. Ежели у меня денегъ нѣтъ, вамъ это смѣшно,—стало, у васъ ихъ много... И купили бы,—право, купили бы.

— Да кто у тебя проситъ совѣты давать, переметная ты душа?..—рѣзко сказалъ ему Зарѣцкій и отвернулся спиной.

— Аркадій Нилычъ!—остановила его укоризненно Варавина.

Но Зарѣцкій вышелъ изъ себя и горячо заговорилъ:

— Да что̀ въ самомъ дѣлѣ! Что̀ съ нимъ носиться-то? Развѣ вы не видите, что съ нимъ каши не сваришь? „Все-ли вы въ добромъ здоровьѣ?“ Ахъ, скорпіонъ, скорпіонъ! По твоему состоянію, коли бы ты настоящій человѣкъ былъ, такъ не о здоровьѣ спрашивать, а „не надо ли, молъ, денегъ? У меня, дескать, ихъ достаточно“...

— Считали вы, что-ли? — огрызнулся, все еще не повышая голоса, Переметневъ.

— Гдѣ же!—отвѣтилъ Зарѣцкій.—Для этого нужно какіе-нибудь логариѳмы выдумать, что ли!

— А мы и безъ этой машины считаемъ, по̀-просту, по пальцамъ. Такъ и выходитъ, что не такъ ужъ у насъ много денегъ...

— Говори!

— Истинно-съ.

„Какое несчастье, что они встрѣтились здѣсь!“ — подумала съ досадой Варавина.—„Этотъ Аркадій Нилычъ съ своимъ злымъ языкомъ все дѣло испортитъ“.

— Скажи,—не отставалъ Зарѣцкій,—почему не покупаешь лѣсъ? „Разнообразныя причины“! Какія же? Ну, денегъ, будто бы, нѣтъ, а еще?

— А еще, — обратился Переметневъ къ Варавиной, совершенно игнорируя присутствіе Зарѣцкаго,—что лѣсокъ-то заложенъ въ банкѣ за высокую цѣну. Капиталъ внести съ процентами, да вамъ уплатить разницу,—что очистится? Неподходящее дѣло! Цѣна высока. А второе—въ плохомъ содержаніи, хозяйскаго глаза не видать, и того... порубочки есть. А третье... не съ руки это намъ—далеконько. Вотъ имъ бы это куды на руку!—кивнулъ онъ головой на Зарѣцкаго.—Въ нѣдрахъ у нихъ уголь, а на поверхности, стало быть, лѣсокъ былъ бы. Два дѣла можно бы вершить разомъ: оно и подручно было бы. Обратились бы, сударыня, къ нимъ. Хорошій человѣкъ Аркадій Нилычъ, и всѣмъ это въ губерніи извѣстно... Попрошу еще стаканчикъ чаю, коли возможно... А только одинъ у нихъ порокъ—христіанскую родину въ бельгійскія руки норовятъ распродать.

— Ну, ужъ ты бы хоть политикой-то не занимался!..—прервалъ его Зарѣцкій.—Не твоего ума это дѣло.

— Гдѣ намъ! — согласился Переметневъ. — А только, по своему простому-то по разуму, разсуждаю: зазорно это, господа-помѣщики! Всю губернію по клочкамъ иностранцамъ распродаете! Бельгійцевъ этихъ у насъ видимо-невидимо стало! Развѣ истинно русскіе люди такъ дѣлаютъ? А еще помѣщики, „интилигенты“ называетесь... Родину распродаете.

— Ахъ ты политикъ! „Родину распродаете“!—передразнилъ его Зарѣцкій.—Такъ вы бы, толстосумы, помѣшали этому.

— Какимъ же манеромъ? Власть-то не въ нашихъ рукахъ.

— А вотъ какимъ манеромъ. Бельгіецъ, скажемъ, даетъ четыреста тысячъ, а ты возьми и дай шесть-сотъ. Вотъ ежели я не отдамъ тебѣ за шесть-сотъ, а бельгійцу отдамъ за четыреста, ну тогда и вопи! А такъ, зря только слова выпускаешь. Иностранцы даютъ четыреста, а ты—сто-восемьдесятъ! Для какого же рожна я отдамъ тебѣ, скорпіонья ты голова?

— Хотя бы изъ патріотизму... а второе—оно больше-то и не стоитъ... для насъ, тоись.

— Изъ патріотизму! Ахъ, ты... патріотъ! Знаю я твой патріотизмъ! У меня купишь за сто-восемьдесятъ, а самъ про-

дашь тѣмъ же бельгійцамъ за триста. Вотъ сто-двадцать и наживешь, палецъ о палецъ не стукнувши. Молчи ужъ! Кого морочишь-то?

— Морочить намъ некого и не для чего, потому я этими дѣлами не занимаюсь.—Еще стаканчикъ, коли не обидно...

Варавина хотѣла опять вернуться къ вопросу о лѣсѣ, но ей это не удалось, потому что въ это время въ гостиную вошли новые посѣтители, въ сопровожденіи Петра Александровича, только-что вернувшагося изъ засѣданія.

— А!—радостно вскрикнулъ онъ, увидя Зарѣцкаго и здороваясь съ нимъ. — Какъ дѣла? Отчего долго не былъ? Здравствуйте, Ѳедулъ Терентьичъ!—проговорилъ онъ, холодно протягивая ему руку.

Варавина привѣтствовала новыхъ гостей: полную даму, тяжко дышавшую отъ раздѣванія въ передней, что доставляло ей всегда много хлопотъ, потому что она страдала астмой; сухопараго чиновника въ вицъ-мундирѣ и очкахъ, съ утомленнымъ лицомъ и сѣдой головой, и полиціймейстера, одѣтаго съ иголочки и имѣвшаго привычку говорить шопотомъ, на ухо, о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, о которыхъ всѣ знали раньше его.

Гости сѣли, и Даша съ Алексѣемъ разносили чай и печенье.

Варавинъ, Зарѣцкій и Переметневъ остались на прежнихъ мѣстахъ и затѣяли общій разговоръ. Остальные размѣстились вокругъ большого круглаго стола, на которомъ лежали альбомы и стояла лампа.

— Что новаго, Марія Егоровна? — спросила Варавина у гостьи.

Марія Егоровна только отмахнулась руками, потому что говорить еще не могла, не успѣвъ отдышаться.

Полиціймейстеръ нагнулся къ Варавиной и, приложивъ руку къ усамъ, конфиденціальнымъ шопотомъ сообщилъ ей:

— Нашъ Иванъ Иванычъ уходитъ.

— Да, я это слышала еще мѣсяцъ тому назадъ.

— Теперь это уже окончательно—и даже черезъ двѣ недѣли уѣзжаетъ.

— А новый назначенъ?—спросила Варавина.

Полиціймейстеръ хитро улыбнулся.

— Это секретъ,—прошепталъ онъ надъ самымъ ухомъ хозяйки дома.—Говорятъ и такъ, и этакъ.

— Это вы о губернаторѣ, что-ли?—сиплымъ голосомъ спросилъ чиновникъ, поглядѣвъ на нихъ изъ-подъ очковъ.

— О немъ, Провъ Михайлычъ,—отвѣтила Варавина.

— Такъ вы меня лучше спросите... Ѳирсъ Ѳирсычъ,—онъ кивнулъ въ сторону полиціймейстера,—изъ всего дѣлаютъ тайну, даже изъ того, что̀ всѣ мальчишки на улицѣ знаютъ. А достовѣрнаго, по свойственному полиціи обыкновенію, они не знаютъ. А я—знаю.

— Ну, ужъ это вы напрасно, — заговорилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ.—Положимъ, вы правитель канцеляріи и въ таковомъ званіи находитесь неисчислимое количество лѣтъ, но тѣмъ не менѣе...

— Вовсе не тѣмъ не менѣе! — возразилъ Провъ Михайловичъ,—и напрасно вы корите меня „неисчислимымъ“ количествомъ лѣтъ...

— Кто?! Я васъ корю? Да Боже меня сохрани!..

— Хорошо, хорошо! Да, я давно правитель канцеляріи и собственно кто же управляетъ губерніей? Я же. Долженъ вамъ сказать, — обратился онъ къ Варавиной, поправляя очки,—что въ прежнія времена было иное, а теперь иное. Прежде начальники были старые, а я былъ молодъ; теперь я—старъ, а начальники стали молодые. Иного такого юношу пришлютъ, что диву даешься.

— Онъ вѣдь и сорокалѣтнихъ мужчинъ юношами считаетъ,— шепнулъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ полной дамѣ, которой некогда было улыбнуться на эту шутку, потому что съ ней сдѣлался новый приступъ одышки.

— Шепчитесь, шепчитесь! — проговорилъ Провъ Михайловичъ:—а только это истинно. И смѣняютъ ихъ, доложу вамъ... больно часто. Какъ грибы выростаютъ въ лѣсу. Выростетъ и исчезнетъ, выростетъ и исчезнетъ. Обучать ихъ не успѣваешь!

— Какъ обучать?!—спросила Варавина.

— Такъ! Пріѣзжаютъ они къ намъ откуда? Изъ Петербурга. Что̀ они знаютъ о нашей провинціи? Ничего. Все по теоріямъ и по книжкамъ, да по своду законовъ. Ибо въ училищахъ тамъ и во всякихъ другихъ мѣстахъ сводъ законовъ учатъ, а жизни не учатъ. Вотъ они и знаютъ только статью двѣсти-семидесятую второго тома: молъ, они, „какъ непосредственные начальники ввѣренныхъ имъ губерній, суть первые въ оныхъ блюстители пользъ государства“... ну и прочее. А что̀ сіе значитъ въ жизни?.. Ну, такъ вотъ и работаешь, работаешь надъ новымъ, учишь его, учишь, только-что обучишь и пріучишь къ должности, оборудуешь его какъ слѣдуетъ, а его уже смѣняютъ и сажаютъ новаго. Только что себѣ, думаешь, начальника приготовилъ, анъ, глядишь,—передъ тобой другой, и начинай его обучать сызнова...

Всѣ засмѣялись, даже и та дама съ одышкой, но смѣхъ вызвалъ у нея приступъ жестокаго кашля.

— Вы о чемъ?—прервавъ разговоръ, спросилъ изъ другого угла Варавинъ.

— Вообще о начальникахъ.

— Ахъ, да! я слышалъ, что Иванъ Иванычъ уходитъ. Правда это, Провъ Михайловичъ?

— Конечно, правда. Да и какъ можетъ быть иначе? Вѣдь онъ только-что сталъ походить на настоящаго начальника — какъ же его не удалить? Много я ихъ перевидалъ на своемъ вѣку. Каждый это вначалѣ и то, и другое. И это не такъ, и иное не этакъ, и все не слава Богу у него. Все, дескать, надо передѣлать. Туды-сюды, туды-сюды! А принесу я дѣла къ докладу— онъ даже и резолюціи не умѣетъ написать: „вы, молъ, какъ полагаете, господинъ Лѣвановъ?“—Ну, натурально, научишь его: такъ, молъ, и такъ... Такъ что же вы думаете? Многіе угрожали уволить меня, да все не удосуживались. Новая-то метла не успѣвала состарѣться. Что-жъ! Опять примемся за новаго.

— А кто новый, неизвѣстно?—спросилъ Варавинъ.

— Да ужъ не Льговскій ли, Никаноръ Григорьевичъ, нашъ вице?—догадался, съ тонкой улыбкой, Ѳирсъ Ѳирсовичъ.

— Ну-у! — протянулъ Провъ Михайловичъ. — Гдѣ же это видано, чтобы изъ вице въ начальники попадали! Нѣтъ, не Льговскій.

— А кто же?—снова крикнулъ изъ своего угла Варавинъ.

— Я не знаю.

— А я знаю!—вдругъ сказала полная дама, освободившись разомъ и отъ одышки, и отъ кашля.

II.

Общее вниманіе разомъ сосредоточилось на ней. Вопросъ объ уходѣ стараго и о назначеніи новаго начальника заинтересовалъ всѣхъ. Даже Переметневъ оставилъ возгорѣвшіяся-было препирательства съ Зарѣцкимъ, и, покинувъ отдаленный уголъ гостиной, подошелъ своей тяжелой, развалистой походкой къ говорившимъ.

Варавинъ, котораго этотъ вопросъ касался очень близко, приготовился выслушать Марію Егоровну; эти „губернскія вѣдомости“ знали всегда всѣ новости раньше другихъ въ городѣ, и, къ удивленію, новости эти были, въ большинствѣ случаевъ,

достовѣрными. Вотъ почему къ Маріи Егоровнѣ часто приходили справляться о назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ. Если случалось, что она не знала того или другого предположенія правительства, то она, ради удовлетворенія губернскаго любопытства, посылала на свой счетъ телеграмму въ Петербургъ, въ подлежащее вѣдомство, и получала немедленно болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ. Она сохранила еще кое-какія связи съ Петербургомъ и въ каждомъ министерствѣ имѣла знакомыхъ, родственниковъ или друзей, которые давали ей свѣдѣнія по интересовавшимъ ее вопросамъ и тѣмъ поддерживали репутацію ея всезнайства.

— Что же вы знаете?—спросилъ ее Варавинъ.—Если вы дѣйствительно знаете, кто назначается, такъ скажите намъ...

— Ахъ, батюшка! Что это значитъ: „если вы дѣйствительно знаете"? Если я что знаю, то знаю дѣйствительно... У меня племянникъ въ министерствѣ, и еще недѣлю тому назадъ онъ писалъ мнѣ, что сюда прочатъ... кого бы вы думали?

Она сдѣлала продолжительную паузу и съ торжествующей улыбкой посмотрѣла прямо въ глаза Варавину.

Тотъ пожалъ плечами.

— Право, не знаю...

— Ну, а вы, Ѳирсъ Ѳирсовичъ?

— Не знаю.

Она крикнула въ уголъ гостиной Зарѣцкому, который не двинулся съ мѣста и издали наблюдалъ эту сцену:

— А вы, Аркадій Нилычъ?

— Меньше, чѣмъ кто-либо другой.

— О Провѣ Михайловичѣ я не говорю,—сказала Марія Егоровна:—самые заинтересованные люди никогда ничего не знаютъ, это ужъ самимъ Богомъ такъ установлено.

— Да я вовсе и не интересуюсь этимъ,—равнодушно сказалъ Лѣвановъ.—Не все ли мнѣ равно? Тотъ или другой, но во всякомъ случаѣ человѣкъ молодой и неопытный.

— Однако, сударыня, вы ровно товаръ продаете,—замѣтилъ Переметневъ,—и выжидаете время, чтобы его выдержать и поднять въ цѣнѣ.

Марія Егоровна засмѣялась.

— Вы правы!—сказала она.—Товаръ-то этого стоитъ. Ну, такъ и быть, слушайте: къ намъ назначается... Варавинъ.

Ее сразу не поняли. Извѣстіе было такъ неожиданно, что въ первую минуту вызвало даже разочарованіе. Ольга Яковлевна чуть замѣтно вздрогнула и умоляюще посмотрѣла на мужа. Петръ

Александровичъ отвелъ отъ нея глаза и улыбнулся, отлично сознавая всю нелѣпость извѣстія Маріи Егоровны. Переметневъ опасливо взглянулъ на Варавина и подумалъ: „Лѣсокъ-то, всетаки, пріобрѣсти надлежитъ“. Зарѣцкій подошелъ къ общей группѣ.

— Какъ Варавинъ? — спросилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ. —Какой Варавинъ? Петръ Александровичъ?

— Не можетъ этого быть, — спокойно и съ увѣренностью проговорилъ Лѣвановъ. — Петръ Александровичъ слишкомъ для этого молодъ... то-есть, я хотѣлъ сказать, старъ.

Марія Егоровна разсердилась, видя общее недовѣріе къ своему извѣстію.

— Да кто же вамъ говоритъ о Петрѣ Александровичѣ? — раздраженно крикнула она, покрывая своимъ густымъ и низкимъ голосомъ поднявшіеся споры. — Я говорю о Сергѣѣ Петровичѣ Варавинѣ.

Это было еще необыкновеннѣе. Еслибы въ эту минуту разсѣлся потолокъ гостиной или раздвинулись стѣны комнаты, то и эти чрезвычайныя обстоятельства не произвели бы столь потрясающаго впечатлѣнія, какъ слова Маріи Егоровны.

Всѣ взоры обратились къ Петру Александровичу, ожидая отъ него подтвержденія извѣстія.

Петръ Александровичъ на этотъ разъ сильно взволновался и даже чуть-чуть поблѣднѣлъ; видъ у него былъ растерянный.

— Вы говорите о Сергѣѣ Петровичѣ? — спросилъ онъ у Маріи Егоровны. —О моемъ сынѣ?

— Ну, да.

— Можетъ ли это быть? — сказалъ онъ тихимъ голосомъ.

— Отчего же нѣтъ?

— Я думаю, онъ написалъ бы мнѣ объ этомъ... Вы говорите, что письмо получили недѣлю тому назадъ?

— Да, приблизительно.

— Но отчего же вы намъ не сообщили объ этомъ раньше?

— Ахъ, батюшка! Могла ли я предполагать, что вы этого не знаете?

— Да, правда...

Варавина сидѣла молча. Она не могла еще придти въ себя отъ изумленія. Сережа!.. Ея Сережа, котораго она еще помнила такъ недавно въ школьномъ мундирчикѣ! Блѣдный, высокій, худенькій юноша, съ черными какъ вороново крыло волосами, съ темно-карими глазами, всегда такъ строго глядѣвшими черезъ pince-nez, какъ будто этотъ молодой человѣкъ готовился распе-

кать кого-нибудь, несмотря на молодость своихъ лѣтъ! Потомъ они уѣхали въ провинцію, для приведенія въ порядокъ слегка запутанныхъ дѣлъ по дважды заложенному имѣнію, и Петръ Александровичъ, выбранный предводителемъ, увлекся новой службой, и они остались здѣсь. Сережа поѣхалъ за границу, причислился къ министерству, служилъ, получалъ командировки, но не покидалъ Петербурга. Писалъ рѣдко, посѣщалъ ихъ еще рѣже и всегда метеоромъ, имѣя вѣчно торопливый видъ и озабоченное лицо... Сережа будетъ!... Обрадовало ли ее это извѣстіе? Нѣтъ! Напротивъ, нѣчто тревожное прошло по ея душѣ.

— А сколько лѣтъ вашему сыночку? — спросилъ ее Лѣвановъ, неожиданно прервавъ ея думы, и она вздрогнула отъ этой неожиданности.

— Сережѣ? Ему тридцать-девять лѣтъ...

Лѣвановъ ухмыльнулся.

— Ну, въ такомъ случаѣ извѣстіе это вѣрно, — сказалъ онъ. — Ивану Ивановичу было сорокъ-семь. Онъ очень старъ для своей должности... Намъ скоро будутъ присылать шестнадцатилѣтнихъ, и будутъ учреждены новыя должности: гувернера и гувернантки...

„Какой злой и безтактный этотъ Лѣвановъ!“ —подумала Варавина и громко сказала:

— Напрасно вы такъ говорите, Провъ Михайловичъ. Сережа очень серьезный человѣкъ.

„Всячески лѣсокъ надо купить“, — рѣшилъ про себя Переметневъ и, подойдя къ Варавину, отвелъ его въ сторону.

— Простите, ваше превосходительство,—сказалъ онъ,—всего два словечка. Супруга ваша изволили интересоваться моимъ намѣреніемъ касательно лѣсочка. Что-жъ, я купить, пожалуй, согласенъ, хотя и не при деньгахъ нонѣ. Однако, дозвольте взглянуть на планы и межевой актецъ, а также относительно банковскихъ бумагъ...

— Это не къ спѣху,—суховато отвѣтилъ Варавинъ, покидая Переметнева,—мы всегда успѣемъ поговорить...

„Фонды ихъ, стало быть, повысились; придется тыщёнку-другую накинуть“,—насмѣшливо подумалъ Переметневъ, самъ не зная, почему вдругъ у него созрѣло желаніе пріобрѣсти лѣсъ, отъ котораго онъ упорно отказывался. Но у него давно уже выработалось неизмѣнное правило: всегда пріобщать начальство и власть ищущихъ къ своимъ денежнымъ операціямъ и заинтересовывать ихъ въ своихъ предпріятіяхъ. „Такъ вѣрнѣе“,—думалось ему,—„а во всемъ прочемъ—никто какъ Богъ“.

Лѣвановъ ничего не возразилъ на слова Варавиной, только

незамѣтно пожалъ плечами. Переметневъ сталъ собираться, и поочередно прощался съ гостями и хозяевами, всѣмъ протягивая свою жирную длань съ короткими, волосатыми пальцами.

— А я знаю, о чемъ ты теперь думаешь, — сказалъ ему Зарѣцкій, смѣясь.

— О чемъ бы это?

— Не иначе какъ о томъ, чтобы купить лѣсъ... Ужъ не объ этомъ ли ты шептался съ Петромъ Александровичемъ?

— Много будете знать — скоро состарѣетесь, уважаемый Аркадій Нилычъ.

— Грубъ ты, Ѳедулъ... а впрочемъ проваливай, мнѣ-то какое дѣло!

— Истинно-съ.

Марія Егоровна начала опять тяжело дышать и не могла отвѣчать на вопросы, обращенные къ ней. Вмѣсто всякихъ отвѣтовъ, она достала изъ ридикюля достаточно смятое письмо отъ своего племянника и передала его Варавиной.

— Vois donc, en toutes lettres: Сергѣй Петровичъ Варавинъ!— сказала Ольга Яковлевна мужу, показывая письмо.

— Да, да,—бѣгло взглянувъ въ него, отвѣтилъ Петръ Александровичъ.

Ѳирсъ Ѳирсовичъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Позвольте мнѣ, многоуважаемый предводитель,—сказалъ онъ, наклонившись къ самому уху Варавина, — принести свои поздравленія... Очень, очень пріятно... Рѣдкое удовольствіе, можно сказать, имѣть такого начальника... да! Одно могу сказать...

Но онъ ничего не могъ сказать, потому что запутался.

— Благодарю васъ,—поспѣшилъ вывести его изъ затруднительнаго положенія Варавинъ; — это очень любезно съ вашей стороны, хотя нѣсколько преждевременно. Пока вѣдь это только слухъ.

— Желаю ему полнаго осуществленія, — отвѣтилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ, откланиваясь.

— Куда же вы такъ скоро? — удерживалъ его Варавинъ, но полиціймейстеръ рѣшительно собрался уѣзжать.

— Ѳирсъ Трифановъ поѣхалъ оповѣстить полицію, — насмѣшливо сказалъ, по его уходѣ, Лѣвановъ. — Онъ теперь дрожитъ отъ боязни, чтобы его не предупредилъ кто-нибудь. Потомъ вѣдь ему не обобраться насмѣшекъ: опять скажутъ, что полиціймейстеръ знаетъ все позже всѣхъ.

Варавина попросила оставшихся закусить, но Марія Его-

ровна тоже собиралась домой, такъ какъ нездоровье ея не проходило, и ее вызвался проводить Лѣвановъ.

Когда они уѣхали, Варавины съ Зарѣцкимъ перешли въ столовую.

— Ну, вотъ теперь,—наливая себѣ рюмку водки, сказалъ Зарѣцкій:—позволь тебя поздравить, старый дружище! Маслова сказала! Стало быть—вѣрнѣе вѣрнаго. Поздравляю отъ души... и васъ, Ольга Яковлевна! Вашъ юноша зашагалъ быстро...

— Да правда ли это?

— Маслова сказала!..

— Сказала-то она—сказала, да и письмо я читала, но удивительно, отчего Сережа не писалъ объ этомъ?

— Ну... онъ, вообще, не баловалъ васъ письмами...

— Все-таки...

— Да, конечно! Но, можетъ быть, онъ менажировалъ вамъ сюрпризъ, или, напротивъ, это для него самого было сюрпризомъ... Но ты какъ будто не веселъ, Петръ Александровичъ?

Дѣйствительно, Варавинъ сидѣлъ хмуро за своимъ приборомъ и почти ничего не ѣлъ.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ онъ, — такъ, я не могу еще придти въ себя отъ этого неожиданнаго сюрприза. У Лѣванова злой языкъ и странная манера смотрѣть на начальниковъ, какъ на учениковъ, которые поступаютъ къ нему въ выучку, но, долженъ сказать,—онъ отчасти правъ. Развѣ можно назначать на такія отвѣтственныя должности, требующія обширнаго служебнаго опыта и знанія людей и жизни, такую зеленую молодежь?

— Ну... что же за молодость — сорокъ лѣтъ! — возразилъ Зарѣцкій.

— А что же это—старость?

— Нѣтъ, не старость. Это—зрѣлый возрастъ. Тотъ возрастъ, когда всѣ силы—душевныя и физическія—уравновѣшиваются въ человѣкѣ, приходятъ въ норму. Это та пора жизни, когда луга еще не скошены и хлѣбъ не сложенъ въ скирды. Однимъ словомъ—лѣто въ разгарѣ. До этого возраста—весна: душа стремится въ заманчивую и туманную даль, чувства бродятъ и голова кружится отъ опьяняющаго весенняго воздуха. Человѣкъ живетъ порывами и увлеченіями. Опасное время! Послѣ этого возраста—осень. Тоскливая, слезливая осень, которая подкрадывается незамѣтно, но быстро. Волосы сѣдѣютъ, щеки блекнутъ, голосъ хрипнетъ, человѣкъ дѣлается толстъ и душа обростаетъ мхомъ жизни. Начинаются сумерки, надвигается ночь.

Нѣтъ, возрастъ Сережи—прекрасный возрастъ жизни! И ты напрасно не вѣришь въ него...

— Я вѣрю. Но люди вѣдь не всѣ одинаковы. Сережа всегда былъ суховатъ и честолюбивъ. Я не знаю, какъ онъ поведетъ себя. Здѣсь надо имѣть много такта и осторожности. Нынѣшніе молодые люди не могутъ этимъ похвастаться. И каждый изъ нихъ воображаетъ, что призванъ спасать отечество и, главнымъ образомъ, исправлять ошибки своего предшественника. Каждый начинаетъ съ ломки, а не съ созиданія... Я лично былъ очень доволенъ Иваномъ Иванычемъ. Вѣдь это тоже не старый человѣкъ, а вотъ замѣнили его за то, что, будто бы, онъ былъ слабъ и распустилъ губернію. Какое глупое слово—„распустилъ"! Я не имѣлъ съ нимъ никакихъ столкновеній. У него былъ свой идеалъ, по которому начальникъ долженъ былъ только направлять и освѣщать дѣла, такъ сказать, давать общій тонъ. Онъ никогда не входилъ въ мелочи, не совался въ чужія вѣдомства, ничего не ломалъ и не крушилъ... не выдвигался впередъ, а предоставлялъ механизму дѣлать свое дѣло; самъ же былъ невидимымъ машинистомъ и кое-гдѣ подливалъ масла, подвинчивалъ винтикъ, давалъ контръ-паръ. Но, говорятъ, машина испортилась... Боюсь, чтобы Сережа, по молодости лѣтъ, не вообразилъ, что его призвали разобрать по частямъ машину и вычистить ее.

— Скажи, пожалуйста,—прервалъ его Зарѣцкій:—ты попадаешь въ странное положеніе.

— Мнѣ осталось еще нѣсколько мѣсяцевъ до новаго трехлѣтія.

— Будешь опять баллотироваться?

Варавинъ сильно призадумался.

— Отчего нѣтъ?—наконецъ отвѣтилъ онъ.—Жена, правда, томится пребываніемъ здѣсь,—улыбнувшись, проговорилъ онъ въ сторону Ольги Яковлевны,—и ей хочется за границу. Я, по правдѣ сказать, противъ этого. Я старъ, но не настолько, чтобы мнѣ не хотѣлось работать. Я тоскую безъ работы, а предводительство мнѣ пришлось по душѣ, и я ничуть не усталъ—такъ отъ чего же мнѣ отдыхать? Кромѣ того, имѣніе наше разстроено, а чтобы жить за границей, хотя бы и скромно, нужно ликвидировать его... Это и тяжело, и невыгодно. Тѣмъ не менѣе, я уже рѣшилъ продать лѣсъ, а потомъ, можетъ быть, и все имѣнье... Но теперь я не знаю, захочетъ ли Ольга покинуть наши мѣста, разъ Сережа назначается сюда?..

Варавина ничего не отвѣтила.

Она очень скучала въ провинціи, проведя всю свою жизнь въ Петербургѣ, гдѣ воспитывались ея дѣти.

— Вы меня спрашивали сегодня о дѣтяхъ, — сказала она Зарѣцкому, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы желая отвѣтить мужу на поставленный имъ вопросъ,—я вамъ ничего не успѣла сказать. Вы—нашъ старый другъ дома и знаете нашу семью. Самыя несчастныя женщины—это матери, Аркадій Ниловичъ.

— Ну...— протянулъ Варавинъ.

Но Ольга Яковлевна не дала ему кончить и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ стала излагать свои мысли.

— Да, да, это я говорила всегда, и всегда буду говорить. Воспитываешь дѣтей, всю душу кладешь на нихъ, не спишь по ночамъ, тревожишься, терзаешься—и что же? Дѣти поставлены на ноги, и отъ нихъ нѣтъ слѣда въ жизни матери, которая остается одна. Сережа никогда почти не навѣщаетъ насъ; Митя взялъ теперь отпускъ на два мѣсяца, и вотъ уже недѣли двѣ живетъ съ нами...

— Гдѣ же онъ? — спросилъ Зарѣцкій. — Я его почти никогда не вижу.

Варавина махнула рукой.

— Ахъ, не говорите! Вы думаете, онъ пріѣхалъ, чтобы повидаться, пожить съ нами? Совсѣмъ нѣтъ. Ему нужно устроить дѣла, онъ запутался въ долгахъ. А почему? Потому что у него есть „collage“.

— Да? — заинтересовался Зарѣцкій. — Я кое-что слышалъ; вѣдь у насъ, въ провинціи, ничего нѣтъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ.

— Мудрено не слышать, когда онъ имѣлъ безтактность привезти съ собой свою „femme collante“ сюда. Какая-то Галина. Вотъ онъ у нея и проводитъ всѣ вечера.

— Хорошенькая?—спросилъ Зарѣцкій.

— И очень, — отвѣтила Варавина. — Я ее видѣла недавно въ театрѣ. Высокая, стройная, какъ пальма. Молоденькая, лѣтъ около двадцати-трехъ, четырехъ. Свѣжій цвѣтъ лица, темныя брови, чудные глаза. Ротъ нѣсколько большой, но это ей почему-то идетъ.

— Такъ отчего онъ не женится?

— Жениться! Никогда я ему этого не позволю!—воскликнула Варавина, точно ужаленная.

— Отчего?—спросилъ, удивившись, Зарѣцкій.

— Потому что Митя самъ еще мальчишка. Теперь онъ служитъ и получаетъ достаточно, чтобы жить... и я увѣрена, что

не будь этой Галиной, у него не было бы долговъ. Зачѣмъ ему жениться? Вѣдь это же ужасно, что дѣлается! Представьте себѣ,— эта Галина замужемъ, мужъ ея служитъ въ провинціи, и у нея, какъ я слышала, есть ребенокъ. У нея, видите ли, вдругъ отыскался голосъ, и она пріѣхала въ Петербургъ учиться пѣнію, чтобы потомъ поступить на сцену. Она не задумалась бросить для этого положеніе, мужа... и, кажется, ребенка.

— Нѣтъ,—поправилъ Варавинъ,—ребенокъ съ нею.

— Какъ, здѣсь?—вскрикнула Ольга Яковлевна.

— Нѣтъ, она оставила его въ Петербургѣ, у родственницы.

— Ну, въ Петербургѣ она познакомилась и сошлась съ Митей,—продолжала Варавина.—Ужъ не знаю, какъ у нея дѣла идутъ въ консерваторіи, а только съ Митей у нея дошло до того, что онъ дѣйствительно хочетъ жениться. Онъ и пріѣхалъ просить денегъ на разводъ. Я ни за что не согласна. Это значитъ погубить его служебную карьеру, взять женщину съ ребенкомъ... для чего? Другое дѣло, еслибы онъ нашелъ хорошую партію,—я, можетъ быть, и ничего не имѣла бы противъ этого.

— Вы ему уже объявили объ этомъ?

— Нѣтъ еще...—проговорила Варавина.—Онъ прямо еще не говорилъ съ нами объ этомъ. Но Маслова, Марія Егоровна, разузнала кое-что и передала мнѣ.

— Я ничего не имѣю противъ collage'а,—сказалъ Варавинъ:—всякій молодой человѣкъ обязанъ его имѣть, но что за мѣщанская манера сейчасъ же сочетаться законнымъ бракомъ, да еще брать чужую жену съ ребенкомъ? Въ незаконной связи есть всегда нѣкоторая таинственная прелесть...

— Которой ты не испыталъ въ свое время? — улыбаясь, спросилъ Зарѣцкій.

— Ну, я! Я—человѣкъ стараго закала и въ наше время женили рано. Не надо было и обзаводиться faux menage'емъ. Но tempora mutantur...

— А что Вѣра Петровна? — чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ Загорѣцкій.

— Да что Вѣра!—отвѣтила ему Варавина:—дочь теперь въ имѣньѣ нашемъ, поѣхала приводить въ порядокъ домъ на лѣто. Все то же! Мечтаетъ объ аптекѣ, школѣ, околоткѣ, чтеніяхъ для народа, и тоже требуетъ на все это денегъ! Я вамъ говорю, всякая семья, выростившая дѣтей и поставившая ихъ на ноги, немедленно распадается на два враждебныхъ лагеря. Въ одномъ— выращенныя вами дѣти, въ другомъ — родители. Дѣти всегда умнѣе родителей, родители—всегда выжившіе изъ ума люди...

— Ну, будетъ тебѣ, Оля, жаловаться! Дѣти наши не такъ ужъ плохи, грѣхъ жаловаться! — сказалъ Варавинъ. — А что у нихъ есть недостатки, такъ вѣдь у кого же ихъ нѣтъ? Вѣра увлекается народничествомъ—это ужъ не такъ плохо! Ты же настаивала дать ей высшее образованіе: должна же она его примѣнить къ чему-нибудь. Ну, а Митя на отличной служебной дорогѣ. Галина ничему помѣшать не можетъ—это неизбѣжный эпизодъ жизни. Что касается Сережи, то, видишь, какъ онъ шагнулъ! Я очень, очень радуюсь за него. Нѣтъ, Ольга, не стоитъ уѣзжать отсюда: мнѣ хочется послужить и поработать вмѣстѣ съ сыномъ. Я увѣренъ, мы съ нимъ очень сойдемся, хотя давно-давно не видались, и, можетъ быть, нѣсколько отвыкли другъ отъ друга... Ты чему улыбаешься, Аркадій Нилычъ?

— Тому, что и дальняя ель своему бору шумитъ!.. Однако, прощайте. Засидѣлся я у васъ ныньче.

Зарѣцкій быстро поднялся съ мѣста, насколько позволяла ему его тучность, поблагодарилъ за ужинъ и скоро уѣхалъ.

III.

Варавина сидѣла въ будуарѣ, когда Алексѣй вошелъ съ подносомъ, на которомъ лежала телеграмма.

Ольга Яковлевна взволновалась. Нѣсколько дней тому назадъ, они на семейномъ совѣтѣ, въ которомъ участвовалъ Петръ Александровичъ съ Митей и Вѣрой, рѣшили отправить къ Сергѣю Петровичу телеграмму съ вопросомъ о его назначеніи.

Только сейчасъ была получена отвѣтная депеша.

Ольга Яковлевна распечатала и прочитала ее:

„Назначеніе состоялось недѣлю тому назадъ. Буду на мѣстѣ въ концѣ мѣсяца. Цѣлую. Сергѣй“.

— Можно войти, мама? — раздался у двери голосъ Вѣры.

— Войди, войди! Конечно, можно. Вотъ, смотри.

Варавина протянула дочери телеграмму, которую та пробѣжала довольно равнодушно глазами и молча отложила въ сторону, на низенькій столикъ.

— Что же ты скажешь, Вѣра?—спросила Варавина.

— Я? Что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Тебя совершенно не интересуетъ назначеніе брата?

— Совершенно.

Варавина сдѣлала преувеличенно-изумленное лицо.

— То-есть?—спросила она.

— Да ничего,—просто не интересуетъ. Почему оно должно меня интересовать? Сергѣй до сихъ поръ былъ чиновникомъ, который имѣлъ дѣло съ бумагами, съ мертвыми дѣлами, съ канцелярской перепиской. Теперь онъ является къ намъ въ качествѣ администратора, вершителя дѣлъ губерніи. Для народа...

— Опять! — съ комическимъ ужасомъ всплеснула руками Варавина.

— Да, опять, и всегда, и вѣчно...

— Это какой-то „refrain“ у тебя—народъ.

— Нѣтъ, не „refrain“, мама, а самая пѣсня.

— Старая пѣсня!

— Вѣрно. Старая, какъ старъ народъ, но она будетъ вѣчно новою... Но вернемся къ Сергѣю, такъ какъ ты о немъ начала. Народу—пожалуйста, не морщись!—интересны не начальники губерній, а урожай, потомъ школы, больницы, аптеки, народныя аудиторіи, чтенія и еще многое другое. Кто надъ нимъ начальство—ему, право, безразлично. Оно было до Сергѣя,—будетъ, конечно, и послѣ него. Всѣ эти люди вовсе не за насущныя народныя нужды.

— Какое преувеличеніе!

— Нисколько!—горячо возразила Вѣра, и ея блѣдное, некрасивое лицо зарумянилось.—Когда наше земство хлопотало о введеніи всеобщаго обученія въ уѣздѣ,—что сдѣлалъ Иванъ Ивановичъ, который считался добрѣйшимъ и гуманнѣйшимъ человѣкомъ? Онъ нашелъ такое ходатайство преждевременнымъ, обременительнымъ и непосильнымъ для бюджета.

— Развѣ это было не правда?

— Можетъ быть, и правда! Что изъ этого? А кабаки не обременительны?

— Но вѣдь не земство же ихъ содержитъ?

— Нѣтъ, конечно; но они поглощаютъ всѣ народныя сбереженія. Ахъ, да что говорить! Вы живете бòльшую часть года въ городѣ и относитесь къ деревнѣ равнодушно. Я почти все время провожу въ ней, и лучше всякаго знаю, что ей нужно. И ни въ одного изъ *нихъ* не вѣрю, потому что мало кто знаетъ народную жизнь à fond, наблюдалъ ее непосредственно. Ну, а Сергѣй—для меня совершенная terra incognita въ нѣкоторомъ родѣ сфинксъ. Такъ, кое о чемъ я догадываюсь. Сергѣй, должно быть сухарь... А можетъ быть, я и ошибаюсь. Вообще, мы, твои дѣти, какъ-то странно не знаемъ другъ друга,—точно чужіе. Однако, я шла къ тебѣ вовсе не съ тѣмъ, чтобы говорить о назначеніи брата.

— А съ чѣмъ?

— Я хотѣла узнать: есть у папы деньги въ настоящее время?

— Зачѣмъ?—спросила Варавина.

Въ это время вошелъ Дмитрій Петровичъ. Это былъ высокій и статный молодой человѣкъ, очень похожій на сестру по сложенію; и лицомъ они были схожи, только братъ былъ много красивѣе ея, потому что темно-русая бородка и усы скрашивали нижнюю часть его лица. Единственнымъ украшеніемъ Вѣры были ея крупные, выразительные глаза, съ нѣсколько жесткимъ взглядомъ, и ея стройная фигура, тонкая, прямая, но недостаточно гибкая; казалось, что именно въ такой фигурѣ долженъ былъ обитать тотъ прямолинейный, непокладистый характеръ, которымъ она обладала.

Дмитрій слышалъ, входя, послѣднія слова сестры и, на вопросъ матери, отвѣтилъ, улыбаясь:

— Держу пари, что на школу. Необходимо починить крышу, или пріобрѣсти какія-нибудь парты...

Вѣра сверкнула на него недружелюбнымъ взоромъ, оглядѣвъ его презрительно съ ногъ до головы.

— Ты бы выигралъ пари! — сказала она жестко:—да, необходимо починить полы и крышу, и кое-что пріобрѣсти. Такое пожертвованіе не Богъ-знаетъ что̀ такое для папы.

— У него совершенно нѣтъ денегъ,—отвѣтила Варавина.— Ты отлично знаешь, Вѣра, что дѣла наши запутаны. На одни проценты...

— Ахъ,—досадливо морщась, сказала Вѣра,—все это я знаю... Я и не требую ничего особеннаго. Онъ выдаетъ мнѣ на мои расходы, и я въ правѣ распоряжаться этими деньгами какъ хочу. Я пришла просить только о томъ, чтобы онъ выдалъ мнѣ впередъ за полгода.

— Право, не знаю, поговори съ нимъ сама.

— Ты что̀ на меня смотришь и такъ глупо ухмыляешься?— обращаясь къ брату, спросила Вѣра.

Въ ихъ отношеніяхъ чувствовалась давнишняя глухая рознь, которая всегда бываетъ тамъ, гдѣ полное отсутствіе общности вкусовъ, взглядовъ, идей.

— Глупо или нѣтъ—не знаю, — спокойно отвѣтилъ Дмитрій.—Я любуюсь тобою. Какой ты великолѣпный отжившій типъ!

— Отжившій типъ?—сморщивъ брови, спросила она.

— О, yes!—насмѣшливо отвѣтилъ Дмитрій.

— Почему же это?

— Почему—не знаю. А что ты отжившій типъ—несомнѣнно. Ты полна добродѣтелей. Ты заботишься о благѣ народа. Благомъ народа ты считаешь урожай. Ты бредишь о почвѣ, придавая этому слову какое-то былинное значеніе. Ты грезишь о власти земли и считаешь, что крестьянинъ, оторванный отъ почвы—что̀ „листокъ, оторвавшись отъ вѣтки родимой“ и прочее. Ты—народница, въ старомъ значеніи этого слова, несмотря на твою молодость. Народъ и земля! Все это—vieux jeu!

— Ахъ, скажите! А что̀ же такое nouveau jeu?

— Постой, дай кончить. По-твоему, Россія должна быть земледѣльческой, хуторянской, и въ этомъ—ея счастье. Почему-то всѣ добродѣтели связаны съ понятіемъ о землѣ. Ты, въ сущности, такая же крѣпостница, какъ предшествовавшее намъ поколѣніе: ты готова привязать народъ къ землѣ. По-моему, Россія должна быть промышленной, фабричной, капиталистической... Если земля не кормитъ, если все неурожай да неурожай, такъ отчего не пойти крестьянину... pardon! лучше—мужичку, какъ вы любите выражаться,—на фабрику, на заводъ?

— Это и есть nouveau jeu?

— Называй какъ хочешь... Только капиталистическій строй государства способенъ его двинуть по пути прогресса. А то все—мужички да мужички, забота о меньшемъ братѣ, мѣщанская мораль, буржуазныя добродѣтели, забота о слабосильномъ младшемъ братѣ: „другъ мой, братъ мой, несчастный, страдающій братъ“... и такъ далѣе. Съ этимъ дальше нытья не уѣдешь.

Вѣра съ нескрываемой насмѣшкой посмотрѣла на брата.

— Ты на эту тему и написалъ свой знаменитый романъ?—спросила она.

Онъ вызывающе взглянулъ на нее.

— Да, свой *знаменитый* романъ я написалъ на эту тему.

— И его, конечно, никуда не взяли.

— Не знаю. Жду отвѣта. Отъ этого зависитъ перемѣна моей карьеры...

Варавина прервала его:

— Митя,—сказала она,—правда ли, что ты рѣшилъ промѣнять службу на этотъ необезпеченный, невѣрный писательскій кусокъ хлѣба?

— Да, рѣшилъ. Я плохой чиновникъ, и служба мнѣ рѣшительно не по нутру. Если мнѣ удастся проникнуть въ литературу, я буду очень счастливъ. Да и почему я долженъ держаться службы, если окажется, что у меня есть дарованіе?

— Если окажется...—со смѣшкомъ сказала Вѣра.

— Да-съ, если окажется...—огрызнулся онъ.—Служба—рутина, банальщина и всегда будетъ такою. Положимъ, я пойду хорошо. Что же дальше? Идеалъ — пріѣхать въ какую-нибудь губернію, вотъ какъ нашъ милѣйшій Сереженька, или сдѣлаться предводителемъ, какъ папа. Ѣздить на наборъ, засѣдать въ присутствіяхъ и прочее. Слабо все это. Скучно! Говорить нужно по программѣ, и рѣчи-то все однѣ и тѣ же и чуть ли не указаны въ сводѣ законовъ. Мнѣ нужна каѳедра, съ которой я могъ бы говорить то, что думаю, высказывать свои взгляды, не справляясь съ мнѣніемъ начальника отдѣленія и съ указаніемъ свода законовъ. Однимъ словомъ, я хочу найти свое солнце, и думаю, что тотъ, кто не можетъ найти своего солнца — недостоинъ жизни. Для того жизнь—служба, забота о сельской школѣ, добродѣтельное прозябаніе, предводительство, все, что угодно, только не жизнь!

— Значитъ, и отецъ твой, и братъ не живутъ, а прозябаютъ?—спросила Варавина.

— Конечно!—твердо отвѣтилъ онъ.—Братъ... я его мало знаю, мы почти не видались въ Петербургѣ... бюрократъ, чиновникъ; отецъ—милѣйшій, но выдохшійся идеалистъ, живущій рутиною, по добрымъ старымъ традиціямъ...

— Митя!—остановила его Варавина.

— О, мама, не обижайся! Я говорю то, что думаю, и въ моихъ словахъ нѣтъ ничего обиднаго. Вы всѣ ужасно отстали отъ вѣка, сидя въ этой глухой провинціи. И потомъ, вы остыли къ жизни,—y compris мою сестрицу, несмотря на весь ея народническій пылъ. Васъ интересуютъ мелочи, пустяки, отдѣльныя деревья, за которыми вы не видите лѣса. Васъ интересуетъ жизнь, но не духъ жизни...

— Все это прекрасно, но ты хочешь мѣнять вѣрное, службу, на невѣрное, литературу. Неужели ты не боишься этого? А если тебѣ не повезетъ?

— Это, мама, Сцилла и Харибда. Кто боится Сциллы, тотъ попадаетъ въ Харибду.

Варавина ничего не отвѣтила, безпомощно поглядѣвъ на Вѣру; но Вѣра отвела отъ нея свой взоръ и, пренебрежительно пожавъ плечами, вышла изъ комнаты.

— Вѣра презираетъ меня за отсутствіе сермяжныхъ добродѣтелей,—сказалъ Дмитрій, улыбнувшись.

— Зачѣмъ ты дразнишь ее?—спросила Варавина.

— Ничуть! Но она мнѣ дѣйствуетъ на нервы съ ея мѣщанскими добродѣтелями. Она ужасная кислятина!

— Какъ ты сталъ выражаться! И съ какимъ презрѣніемъ ты относишься ко всѣмъ намъ! Я не узнаю тебя, Митя.

Онъ засмѣялся.

— En voilà un bien gros mot: съ презрѣніемъ! — сказалъ онъ.—Почему съ презрѣніемъ? А ты похожа на курицу, высидѣвшую утенка, котораго тянетъ отъ земли къ водѣ...

Варавина тоже улыбнулась.

— Ты читалъ телеграмму брата?—спросила она.

— Зачѣмъ? Я знаю, въ чемъ дѣло. Онъ теперь начальство: это вѣрно?

— Да.

— Ну, дай Богъ ему здоровья и генеральскій чинъ... слѣдующій, конечно. Но оставимъ Сержа и Вѣру и поговоримъ обо мнѣ, мама, если тебѣ все равно. Я давно собирался это сдѣлать.

— Поговоримъ. Папа вернется къ обѣду, и у насъ еще достаточно времени.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Тебѣ извѣстно, что я взялъ отпускъ на два мѣсяца, чтобы пожить съ вами и покончить здѣсь нѣкоторыя дѣла, которыя удобнѣе кончить здѣсь, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Какія дѣла?

— О, мама, прошу тебя, не притворяйся. Ты, конечно, все знаешь, потому что въ провинціи всегда все извѣстно. Прошу тебя, будемъ говорить безъ экивоковъ—et jouons cartes sur table.

— Отлично, я ничего лучшаго не желаю.

— Итакъ, тебѣ извѣстно, что я пріѣхалъ сюда не одинъ?

— А съ дамой, у которой есть ребенокъ... Извѣстно.

— У которой есть... ребенокъ, да. Женщина эта очень близка мнѣ.

— Конечно; иначе она не согласилась бы ѣхать сюда съ тобой и тѣмъ афишировать ваши отношенія. По правдѣ сказать, если ужъ ты хочешь знать мое личное мнѣніе и просишь говорить безъ экивоковъ, какъ ты выражаешься,—я не мало подивилась твоей бестактности.

— Моей бестактности? Въ чемъ она?—вспыхнулъ онъ.

— Въ томъ, что не нужно было ѣхать сюда... en famille. Къ чему это, скажи? Ты человѣкъ, хотя и молодой, но взрослый, во всякомъ случаѣ, и, конечно, самъ отвѣчаешь за свои поступки. Само собой, у каждаго молодого человѣка есть collage... Но къ чему было ѣхать къ родителямъ и везти съ собою эту madame... Галину... премилую особу, можетъ быть, но, во всякомъ случаѣ.. во всякомъ случаѣ...

— Нелегальную сожительницу.

— Именно.

— Я сейчасъ объясню, для чего. Разводъ ея съ мужемъ конченъ...

— Какъ! А намъ говорили, что ты пріѣхалъ о немъ хлопотать.

— Вамъ говорили невѣрно. Мы ждемъ только бумагъ изъ синода, онѣ должны придти на-дняхъ. Я взялъ Лидію съ собой, чтобы здѣсь жениться, и я хочу просить у отца денегъ на свадьбу и первое время, пока не устроятся мои дѣла.

Варавина отрицательно покачала головой.

— Ты выбралъ очень неудобную минуту,—сказала она:—денегъ у отца твоего нѣтъ; я уже говорила объ этомъ твоей сестрѣ.

— А Переметневъ?

— Что̀ Переметневъ? Купитъ ли онъ лѣсъ, или нѣтъ—еще неизвѣстно. Да и если купитъ, намъ нужно вносить въ банкъ. А главное...

— Что̀ же главное?

— То, что затѣянное дѣло совершенно не по душѣ твоему отцу.

— А тебѣ?—живо спросилъ Дмитрій.

— Столько же и мнѣ.

— А!.. Но почему же?

— Митя!—сказала Варавина, взявъ его за руку.—Ты говоришь, что мы отжившіе типы, что ты далеко ушелъ отъ насъ, что мы не понимаемъ современной жизни. Все это, можетъ быть, вѣрно, и даже навѣрное такъ. Но я смотрю на это дѣло просто какъ мать. Ты молодъ, ты служишь, ты на хорошей дорогѣ. Все это ты хочешь бросить ради того, чтобы жениться на Галиной и навязать себѣ на шею чужую жену и чужого ребенка...

Дмитрій, при послѣднихъ словахъ, опустилъ голову и отвелъ свои глаза отъ взора матери.

— Ради нея ты вошелъ въ долги. Ты говоришь, что любишь ее; прекрасно, я уже сказала, что это очень естественно, но зачѣмъ же жениться непремѣнно? Ты еще много разъ будешь любить и разлюблять. Зачѣмъ же связывать себя такъ рано?

— Отецъ такъ же смотритъ на это дѣло?—спросилъ Дмитрій, не возражая матери.

— Почти...

— Странно. Онъ вѣдь человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, когда

люди бредили идеалами, либерализмомъ, „честными взглядами“ и прочее.

— Я не знаю,—нерѣшительно сказала Варавина,—можетъ быть, въ концѣ-концовъ, онъ и согласится съ тобою. Но знаю, что я — никогда. Но ты меня удивляешь: ты смѣешься надъ идеалами, честными взглядами, добродѣтелью,—это, повидимому, въ модѣ ныньче,—а самъ собираешься сдѣлать какъ разъ то, что не согласуется съ твоими взглядами.

Дмитрій смутился. Замѣчаніе матери было очень вѣрно и попало мѣтко.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—неопредѣленно пробормоталъ онъ. — Но вотъ что, мама, — поспѣшилъ онъ прибавить, чтобы не дать разъясненій своей настойчивости:—ты меня вынуждаешь вступить въ борьбу. Какъ честный противникъ...

— Опять—честь?—улыбнулась она.—Mais vous avez changé tout cela?

— Et plus ça change, plus c'est la même chose,—засмѣялся онъ.—Правда, теперь не говорятъ „честь“,—это устарѣло. Слово: „честь“ замѣнили словомъ: „probité“ или „корректностью“, что-ли. Неприлично все время говорить о чести, взывать: „я честный человѣкъ“, „это честный поступокъ“. Корректный поступокъ—совершенно достаточно! Это не такъ торжественно...

— И обязываетъ къ меньшему?

— Пожалуй. Итакъ, какъ корректный противникъ, я заявляю тебѣ, что буду бороться всѣми средствами, а въ случаѣ надобности могу обойтись и безъ родительскаго согласія.

— Прежде говорили—благословенія.

— C'est démodé. Теперь не говорятъ этого, мама. Согласіе—чѣмъ это слово хуже? Разъ ты согласна, значитъ и благословляешь. Это слово покрываетъ собою понятіе о благословеніи; оно шире, удобнѣе и опять-таки звучитъ не такъ торжественно...

Варавина почувствовала въ глубинѣ души огорченіе, но старалась выдержать шуточный тонъ.

— Скажи,—проговорила она,—вы много еще словъ замѣнили новыми?

— Порядочно-таки.

— Можетъ быть, и для словъ „добро“ и „зло“ у васъ теперь другія слова?

— Добро и зло? — удивленно вскрикнулъ онъ въ ея же шуточномъ тонѣ.—Бѣдная мама! Этихъ понятій давно уже нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—искренно на этотъ разъ удивилась Варавина.—Но они всегда существовали.

— Это слова устарѣвшія и безсмысленныя.

— Даже?

— О, да. Что такое добро и зло? Все въ мірѣ относительно. Вѣдь если я высокаго роста, то только относительно, и моя вышина сравнительно, напримѣръ, съ деревомъ ничего не стоитъ. Дикари смотрятъ на добро не такъ, какъ мы, у нихъ другія понятія: если я укралъ—это добро; если у меня украли—это зло. Только и всего. Если я не женюсь на Лидіи — это добро въ твоихъ глазахъ, но въ ея — это зло. Какіе же тутъ могутъ быть разговоры!..

Варавина задумалась надъ этими словами и съ испугомъ посмотрѣла на сына.

— Но что же такое добро и зло?—тихо спросила она его.

— Добро и зло, — съ комической торжественностью отвѣтилъ онъ, — суть полюсы одной и той же истины, крайнія ея проявленія. И всѣ эти вопросы—былые призраки былыхъ очарованій, то-есть заблужденій... Но вотъ, кажется, и отецъ.

Петръ Александровичъ вошелъ въ будуаръ и поцѣловался съ женой. Сыну онъ пожалъ руку, крѣпко, по-пріятельски.

— Ну что, — спросилъ онъ у жены,—есть телеграмма отъ нашего молодца?

— Есть, вотъ она.

Онъ прочиталъ ее.

— Въ концѣ мѣсяца,—сказалъ онъ,—это, значитъ, очень, очень скоро. Ну, я радъ, очень радъ.

Онъ взглянулъ на сына.

— Ты навѣрно будешь у меня просить денегъ,—проговорилъ онъ, отводя отъ него глаза.

— Почему ты такъ думаешь, папа?

— У всѣхъ людей, которые собираются просить денегъ, есть что-то особенное въ глазахъ. Что-то сложное изъ скорби, надежды, мольбы и страха. Chanson sans paroles...

— Это вѣрно! — засмѣялся Дмитрій: — и меня удивляетъ такая тонкая и оригинальная наблюдательность съ твоей стороны.

— Мерси за комплиментъ. А ну-ка я посмотрю, какова твоя наблюдательность: взгляни мнѣ въ глаза.

— Вотъ.

— Что видишь?

— Ты денегъ не дашь.

— Ура! Угадалъ... Но я и забылъ... Гдѣ же вы, Ѳирсъ Ѳирсовичъ?

— Иду, иду!—послышалось изъ сосѣдней комнаты.

Трифановъ остановился на порогѣ, быстро подошелъ къ Варавиной, поцѣловалъ ей руку, изящно изогнувъ станъ, и конфиденціальнымъ шопотомъ спросилъ:

— Ну что, получили?

— Получили.

— Ѣдетъ?

— Ѣдетъ.

— Я хотѣлъ васъ попросить познакомить меня съ личностью и взглядами вашего сына,—еще тише сказалъ онъ.—А, здравствуйте, молодой человѣкъ!—обратился онъ къ Дмитрію и, подойдя къ нему, молча нагнулся къ его уху:—У меня къ вамъ дѣло—насчетъ паспорта madame Галиной. Неудобно-съ! Совсѣмъ неудобно! Необходимо прописать.

— У нея нѣтъ паспорта,—отвѣтилъ въ полголоса Дмитрій,—паспортъ ея въ бракоразводномъ дѣлѣ. Она на дняхъ ждетъ бумаги изъ синода, тогда и пропишете.

— Но какъ же до тѣхъ-то поръ?

— Ну, какъ-нибудь.

— Будетъ вамъ шептаться, пойдемте обѣдать!—сказалъ Петръ Александровичъ, и всѣ направились въ столовую.

IV.

Вокругъ города снѣгъ давно уже стаялъ и давно почернѣли поля; побѣжали ручьи и подулъ первый весенній вѣтеръ, теплыя струи котораго смѣнялись порой рѣзковатыми и холодными. Наступала весна, дружная и быстрая, похожая на путника, нѣсколько замѣшкавшагося въ дорогѣ и теперь спѣшившаго вернуться домой. Ожилъ темно-зеленый хвойный лѣсъ, а на лиственныхъ деревьяхъ завязались свѣтлыя, яркія почки. Солнце свѣтило привѣтливо, но еще не согрѣло продрогшую за зиму землю. Вечера становились коротки, наступали долгіе дни, предшествуемые продолжительными сумерками. Шелъ глухой весенній гулъ: гдѣ-то что-то трещало, капало, шумѣло, рвалось наружу; зимнія цѣпи падали, и природа, какъ узникъ, рвалась на свободу, послѣ томительно долгихъ дней заточенія.

Дмитрій Петровичъ не любилъ этого весенняго, безпокойнаго времени и предпочиталъ осень, когда ему особенно хорошо работалось. Длинные осенніе вечера, унылые и слезливые, нравились ему больше неопредѣленныхъ весеннихъ сумерекъ, въ ко-

торыхъ было что-то тревожное и которыя поднимали въ душѣ его смутныя волненія и туманныя настроенія.

Теперь въ особенности ему было не по себѣ.

Послѣдній разговоръ съ родителями ему не удался. Дмитрій Петровичъ разсчитывалъ, что это будетъ разговоръ рѣшительный, который окончательно опредѣлитъ его судьбу и судьбу близкой ему женщины. Но какъ-то ничего не вышло изъ этого. Онъ встрѣтилъ оппозицію, повидимому даже не особенно страстную, и тѣмъ не менѣе онъ сразу почувствовалъ, что ни отецъ, несмотря на его свободные взгляды, ни въ особенности мать, которую онъ считалъ по отношенію къ себѣ довольно равнодушной, не согласятся на его просьбу.

Да и самый разговоръ, къ которому онъ подготовлялся, вышелъ какимъ-то страннымъ, расплывчатымъ... Постоянно переходили на общія мѣста и никакъ не могли сосредоточиться на главномъ предметѣ. Послѣ того прошло нѣсколько дней, разговоръ не возобновлялся: то мѣшала сестра, пристававшая къ отцу съ своими нуждами народными, то были гости, то сами родители были заняты сенсаціоннымъ вопросомъ о новомъ назначеніи старшаго сына. Да и весь городъ теперь взбудоражился и занимался только однимъ—сплетнями и пересудами о пріѣздѣ Сергѣя Петровича.

Дмитрій былъ отчасти даже радъ тому: по крайней мѣрѣ его и Лидію оставили въ покоѣ и какъ будто совершенно забыли о нихъ. Не то было въ первое время по пріѣздѣ въ городъ. Всѣ интересовались имъ и въ особенности Лидіей. Она не могла выйти на улицу, чтобы не возбудить всеобщаго и довольно безцеремоннаго любопытства. А когда они показывались вмѣстѣ, такъ это ужасъ что̀ было такое! Многіе оборачивались, а дамы даже останавливались и подробно осматривали ихъ, какъ осматриваютъ въ музеяхъ восковыхъ куколъ, изображающихъ знаменитыхъ убійцъ, злодѣевъ или государственныхъ канцлеровъ.

Въ концѣ-концовъ они не только перестали показываться вмѣстѣ, но Лидія перестала совершенно выходить изъ скромной комнаты провинціальнаго отеля. Она рѣшалась покидать ее только въ крайнихъ случаяхъ, и тогда выходила поздно, въ сумерки, тщательно избѣгая главной улицы, и въ особенности дома Маріи Егоровны, которая имѣла обыкновеніе, съ наступленіемъ весенняго времени, проводить часы досуга на воздухѣ, сидя у подъѣзда на изящной чугунной скамейкѣ. Марія Егоровна уподоблялась въ это время года миѳической Тамарѣ: кто бы ни проходилъ мимо нея по тротуару—„воинъ, купецъ и пастухъ“—

она со всѣми заговаривала и влекла на свою скамейку; и тогда „странные, дикіе звуки“ сплетенъ раздавались у ея дома вплоть до наступленія вечера. Нѣсколько уже разъ престарѣлая губернская Тамара порывалась заговорить, подъ тѣмъ или инымъ благовиднымъ предлогомъ, съ проходившей мимо нея Галиной, но молодая женщина, почуявъ эти намѣренія, ускоряла шагъ и проносилась мимо какъ ураганъ.

Съ другой стороны, Дмитрій былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ и паденіемъ къ нему интереса. Бумаги изъ синода не приходили, но зато небольшой запасъ денегъ, съ которымъ онъ пріѣхалъ, приходилъ къ концу. Ѳирсъ Ѳирсовичъ все болѣе и болѣе насѣдалъ съ требованіемъ прописки, и шепталъ Дмитрію, что „ежели возможно было до сего времени обойтись безъ оной, благодаря междуцарствію въ городѣ, то теперь, въ ожиданіи пріѣзда новаго начальника, братца Дмитрія Петровича, это становится уже менѣе удобнымъ—и даже опаснымъ“.

Въ виду столь неудачно складывавшихся обстоятельствъ, Дмитрій рѣшилъ навѣстить Зарѣцкаго, въ его пригородномъ имѣніи, или, вѣрнѣе, дачѣ съ небольшимъ участкомъ земли, на которой Зарѣцкій всегда проживалъ весной. Зарѣцкаго онъ зналъ съ дѣтства и всегда былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, а главное очень цѣнилъ его легкіе взгляды на жизнь и на ея сложные вопросы. Взгляды Зарѣцкаго отличались самостоятельностью, смѣлостью и рѣшительностью. Отчасти отъ него и Дмитрій заразился этими взглядами, которые шли въ разрѣзъ со взглядами его семьи. Къ Зарѣцкому давно уже привыкло провинціальное общество, считавшее его „enfant terrible“ и вначалѣ чуждавшееся этого философа-насмѣшника. Теперь многое простили ему, и смотрѣли на него снисходительно, полунасмѣшливо, относясь къ нему какъ къ большому младенцу или потѣшному чудаку-забавнику.

Дмитрій издали еще замѣтилъ чистенькую дачу Зарѣцкаго и его самого, сидѣвшаго на террасѣ съ газетой въ рукахъ и курившаго толстѣйшую папиросу.

— А-а!—привѣтствовалъ гостя Зарѣцкій, сходя со ступенекъ террасы и колыша свое тучное тѣло.—Здорово, другъ! Какъ это надумалъ навѣстить стараго филина? Съ ночевкой?.. Нѣтъ? Жаль! Тогда не отпускай возницу: здѣсь этого продукта ни за какія тыщи не найдешь въ ту пору, когда нужно, но зато когда не нужно—ихъ сколько угодно. Здоровъ?

— Здоровъ, Аркадій Ниловичъ, благодарю васъ.

— Веселъ?

— Ну... не особенно.

— Что̀ такъ?

— О томъ будутъ слѣдовать пункты.

— Съ тѣмъ и пріѣхалъ?

— Почти.

— Ну, ладно... Ступай сюда, садись здѣсь; сейчасъ моя домоправительница, Домна Θедосѣевна, принесетъ тебѣ чаю. Вотъ папиросы, кури.

Они усѣлись на террасѣ, и старая Домна Θедосѣевна вскорѣ притащила, охая и кряхтя, самоваръ, который грузно поставила на столъ.

— Воздухъ-то, воздухъ какой!—наливъ чай, проговорилъ Зарѣцкій.—Точно лопнулъ парфюмерный заводъ и разлились по землѣ всѣ заготовленные духи. А впрочемъ, я не поэтъ и не знаю,—можетъ быть, мой символъ глупъ. Слыхалъ,—въ писательство пустился?

— Да.

— Скверно, братъ!

— Почему?—удивленно спросилъ Дмитрій.

— Что̀ хорошаго! Во-первыхъ, *ихъ* развелось, что̀ мухъ въ жаркое лѣто; во-вторыхъ, ни одному еще художнику не удавалось изобразить на полотнѣ того, что̀ бродило въ его воображеніи, и ни одному поэту не удавалось выразить въ стихахъ то, что̀ складывалось въ его душѣ. Поэтому я очень жалѣю писателей—они вѣчные мученики, и такъ называемое творчество—каторга. И потомъ подумай: вотъ тебѣ явился свѣжій, прелестный образъ и всталъ во всей прелести, во всей ясности въ твоемъ воображеніи. Вотъ тебѣ пришла на умъ идея, которую ты облекъ въ художественную форму. Все это прекрасно, волнуетъ душу, тѣшитъ твое артистическое чувство. Но вотъ ты садишься фиксировать то, что̀ зародилось въ твоей душѣ. Прелесть новизны уже исчезла, ты уже пережилъ моментъ, краски поблекли, но тебѣ надо все это записать на бумагу, вновь разжигать вдохновеніе, какъ потухшій костеръ, вновь насиловать воображеніе въ направленіи тѣхъ же образовъ и идей, когда въ мозгъ наплываетъ уже опять нѣчто новое, нѣчто сильное и нѣчто яркое. Какая мучительная и скучная работа!.. Поэтому, если ужъ писать, то надо писать безъ плана, безъ выработанной программы. Мелькнуло что̀-то въ воображеніи,—садись, пиши, не давай кристаллизоваться и осѣдать образамъ; пусть они пріобрѣтаютъ плоть и кровь, жизнь, тутъ же, подъ перомъ, во время работы. Тогда еще не скучно. Пиши такъ, что если у тебя въ

романѣ кто-нибудь постучался въ дверь, то ты бы самъ не зналъ, кто это. Такъ я еще понимаю. А иначе—мучительно. И не вѣрь, пожалуйста, тѣмъ педантамъ, которые говорятъ, что нужно вынашивать образы и мысли, писать подробные планы, провѣрить въ подробностяхъ архитектуру романа, обдумать предварительно детали. Все вздоръ! Такъ можно и должно писать вывѣски, а не романы. Романъ долженъ быть схваченъ на лету. Это живая птица, заключенная въ клѣтку строкъ. Пусть чувствуется, какъ она бьется крыльями за этими строчками, и какъ она стремится вырваться наружу... И еще: никогда не перечитывай, не передѣлывай романовъ—еже писахъ, писахъ! Ужъ это извѣстно, что человѣкъ никогда не доволенъ дѣломъ рукъ своихъ, которое ему всегда кажется несовершеннымъ. Поэтому отъ перечитыванія и передѣлокъ проку мало. Почему предполагать, что вотъ теперь, въ этой передѣлкѣ написанное выйдетъ совершеннѣе? Можетъ быть, выйдетъ умнѣе, выдержаннѣе, но и, конечно, вымученнѣе. Вспомни картину Иванова... какая смертельная скука!

Дмитрій улыбнулся.

— Какую ересь вы проповѣдуете!—сказалъ онъ.—А завѣты Гоголя, а завѣты прошлаго?

Зарѣцкій строго посмотрѣлъ на него.

— Юноша!—сказалъ онъ.—Не увлекайся завѣтами прошлаго. Это очень опасно. Что такое эти завѣты прошлаго? Это—школа, иначе сказать, пройденный путь. Ихъ необходимо почитать, какъ связь, какъ почву, питающую корни, дающую жизненные соки. Дерево ростетъ на оплодотворенной почвѣ, но развѣ оно должно доискиваться до состава этой почвы и анализировать ея элементы? Вздоръ! Завѣты прошлаго—это глубокія залежи изъ полусгнившихъ или сгнившихъ кореньевъ и организмовъ, переродившихся въ жирный черноземъ. Однимъ словомъ—это почва. На безплодной почвѣ ничто не выростетъ, конечно. Поэтому мы обязаны уваженіемъ и почтеніемъ къ великимъ завѣтамъ прошлаго, къ тѣмъ людямъ, которые дали соки этой почвѣ, къ тѣмъ школамъ, которыя создали намъ возможность работать, но Боже сохрани подражать имъ и приглашать искусство вѣчно оглядываться назадъ, заставлять его топтаться на мѣстѣ. Тогда выйдетъ застой, болото, ржавчина. Паденія въ искусствѣ нѣтъ, какъ и застоя. Великій законъ жизни, законъ прогресса, управляетъ міромъ. То, что на обыкновенномъ языкѣ, на языкѣ профановъ, называется упадкомъ, ну... декадентствомъ, чтобы сказать новое слово, регрессомъ, что-ли, то—лишь оста-

новка, отдыхъ творческой мысли, послѣ котораго искусство быстро шагаетъ впередъ и создаетъ новую школу, новую эпоху... Надоѣлъ я тебѣ?

— О, нисколько!..

— Нѣтъ, не дѣлайся писателемъ, другъ мой! — вздохнувъ, сказалъ Зарѣцкій.

— Но почему же, почему?

— Потому что повторять то, что говорилъ Гоголь, Тургеневъ и другіе—не стоитъ. Это уже сказано и сдѣлалось достояніемъ „великихъ завѣтовъ". И сказано хорошо—лучше не скажешь...

— Но новое?..

— Сказать новое, свое—очень трудно. Не всякому это дано. А если и скажешь—не поймутъ. Общество всегда, собственно, относилось буржуазно къ искусству, даже съ затаенной враждой, какъ оно относится враждебно къ героямъ, потому что герои, артисты, художники—выше его. Призывъ къ великимъ завѣтамъ прошлаго не болѣе какъ замаскированное, а можетъ быть инстинктивное желаніе задержать ходъ искусства, какъ нежеланіе новаго, какъ чувство неудобства, испытываемаго при перемѣнѣ старой, обношенной обуви на новую. Этотъ призывъ всегда есть въ основѣ своей—пробужденіе вѣчно дремлющаго на днѣ человѣческой души консерватизма,—то-есть обоготворенія обветшавшихъ формъ и идей. Толпа всегда консервативна, художники—всегда революціонеры. И между той и ними всегда идетъ глухая борьба. Художники побѣждаютъ, это правда, но только послѣ тяжкой борьбы подчиняя себѣ толпу, которая въ дальнѣйшемъ ходѣ всегда готова возмутиться, потому что толпа демократична, а истинное искусство всегда было, есть и будетъ и должно быть аристократично, то-есть, понятно для немногихъ и дорого немногимъ... Утомилъ я тебя?

— Ничуть.

— Чему же ты ухмыляешься?

— Мнѣ пришла на умъ сестра. Еслибы она васъ слышала!

— Ну-у... Вѣра! — протянулъ Зарѣцкій. — Не обвиняй ее. По ея мнѣнію, искусство терпимо, если оно преслѣдуетъ служебныя цѣли, если оно служитъ народу... Хочешь еще чаю?.. Давай стаканъ... У нея не-артистическая натура, суховатая, какъ у Сергѣя.

— А знаете ли, вы бы могли быть отличнымъ художественнымъ критикомъ,—сказалъ Дмитрій.

— Вотъ нынѣшняя молодежь!—воскликнулъ Зарѣцкій, всплес-

нувъ руками. —Ей оказываешь гостепріимство, поишь чаемъ, а она говоритъ дерзости... Однако, отложимъ вопросы искусства въ сторону и поговоримъ о тебѣ. Другъ мой! Слышалъ я о тебѣ разныя вещи.

— Я собственно и пріѣхалъ, чтобы поговорить о „разныхъ вещахъ", какъ вы выражаетесь.

— Чудесно. Начинай же.

— Нѣтъ, ужъ скажите лучше, что̀ вы слышали.

— Да вотъ хотя бы то, что ты пріѣхалъ не одинъ.

— Ну, да... съ Лидіей Иларіоновной Галиной.

— Такъ... Лидія! Хорошенькое имя. Ну, такъ что же? Жениться хочешь?

— Именно.

— Родители, конечно, противъ?

— Именно.

Зарѣцкій развелъ руками.

— Что̀ же я, голубчикъ, могу сдѣлать? Кто она? Курсистка?

— Нѣтъ. Консерваторка.

— Ага, значитъ, жрица искусства. Слыхалъ— замужняя и разводится.

— Уже развелась. Теперь остается намъ жениться. Я говорилъ объ этомъ съ матерью и отцомъ. Оба—противъ. Не даютъ своего согласія. Положимъ, можно обойтись безъ согласія, но мнѣ не хочется ссориться. Ужъ и безъ того вся семья смотритъ на меня косо. Сестра дуется за мои насмѣшки надъ ея народничествомъ, мама́ недовольна моими взглядами на жизнь...

— Какіе же у тебя взгляды на жизнь? — серьезно, но съ улыбкой въ глазахъ спросилъ Зарѣцкій.

— Конечно, не такіе, какъ у нихъ. Она, напримѣръ забыть не можетъ моихъ словъ, что добро и зло — крайнія выраженія одной истины. Но я же не виноватъ, что не могу мыслить по ихъ шаблону, и что не признаю добродѣтелями то, что̀ они признаютъ таковыми. А она все упрекаетъ меня за эти слова. Я какъ-то заспорилъ съ сестрой и сталъ ей доказывать, что слѣдуетъ переоцѣнить съ новой точки зрѣнія то, что̀ они признаютъ за несокрушимыя цѣнности... Ну, и вышла форменная баталія.

— Ахъ, такъ ты ницшеанецъ?—вскрикнулъ Зарѣцкій, и та же улыбка глазъ освѣтила его лицо.

— Ницшеанецъ, ницшеанецъ!—возразилъ Дмитрій.—Зачѣмъ непремѣнно этикетка?

— Потому что этикетка, какъ ты говоришь, покрываетъ содержаніе и даетъ возможность опредѣлить суть однимъ словомъ.

— Я не знаю,—назовите какъ хотите, если непремѣнно нужно названіе. Я знаю одно, что понятія наши обветшали и требуютъ обновленія. Добродѣтель—одна сторона истины, и зло имѣетъ всѣ права на вниманіе, потому что существуетъ рядомъ съ добромъ въ природѣ. И не будь этого понятія, не было бы и понятія о добрѣ.

— Ты ницшеанецъ,— повторилъ Зарѣцкій,—но недостаточно проникшійся этимъ ученіемъ. Ты сбиваешься. Лучше сказать, ты—теоретикъ. Тебя одолѣваетъ другое ученіе — христіанство со всѣми его нравственными принципами, вкорененное въ тебѣ преемственностью поколѣній. И потомъ, достаточно ли ты силенъ, чтобы выдержать марку ницшеанства? Я думаю—нѣтъ.

— Почему вы это думаете?—съ молодымъ задоромъ и обидчивостью спросилъ Дмитрій.

— Потому что ты не выдерживаешь роли.

— Какъ такъ?

— Если ты отрицательно относишься къ установленнымъ цѣнностямъ, которыя слѣдуетъ пересмотрѣть, то почему ты хочешь *жениться*? Вѣдь любовь — временное помѣшательство, а бракъ излечиваетъ это краткое помѣшательство, превращая его въ длинную глупость; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Заратустра.

Дмитрій сконфузился.

— Вы были бы правы упрекать меня въ непослѣдовательности, еслибы, дѣйствительно, я заботился о возстановленіи банальной формальности. Но, Аркадій Ниловичъ,—все больше горячась, продолжалъ онъ,—тутъ дѣло серьезнѣе...

— Да въ чемъ же серьезность? Ты любишь ее, она—тебя, вы любите другъ друга, и прекрасно! Любите. Никто не мѣшаетъ. Надоѣстъ —разойдитесь. Бракъ—устарѣвшій институтъ. Любовь должна быть свободнѣе птицы, которая все-таки связана съ землей, потому что принуждена садиться на вѣтку дерева или на скалу, чтобы отдыхать. Любовь — вѣтеръ. Она не должна быть ничѣмъ связана.

— Прекрасно...—попробовалъ выпутаться Дмитрій,—но мы живемъ не на той вершинѣ, съ которой проповѣдывалъ Заратустра... и потомъ еще... вѣдь не передѣлать же установившихся взглядовъ общества... по крайней мѣрѣ, такъ скоро.

— Я говорю, ты слабый теоретикъ. У Лидіи Иларіоновны, я слышалъ, ребенокъ?

— Да,—тихо отвѣтилъ Дмитрій.

— Ну, вотъ видишь! Женщина никогда полностью не за-

бываетъ отца своего ребенка. Это разъ. Женщина съ чужимъ ребенкомъ—тяжелое обстоятельство жизни, и какъ бы ты ни любилъ ея ребенка, она будетъ требовать все больше и больше чувствъ отъ тебя, и ей все будетъ казаться мало—это два. Нужна огромная сила, огромная нравственная сила, и большое мужество, и еще бо̀льшая любовь къ женщинѣ, чтобы такой бракъ походилъ на счастье. Женщины эгоистичнѣе мужчинъ. Для нея ребенокъ — часть ея самой, и, быть можетъ, въ этомъ кроется весь секретъ ея любви къ нему, а она никогда не прощаетъ холодности или равнодушія къ себѣ со стороны любящаго человѣка.

Дмитрій поднялъ голову. Въ его глазахъ мелькнуло что-то рѣшительное. Видимо, онъ хотѣлъ говорить, но не рѣшался высказать всего Зарѣцкому.

Послѣ недолгой борьбы съ самимъ собою, онъ, однакоже, сказалъ:

— Какой я дуракъ!... Не могу же я сомнѣваться въ васъ, Аркадій Нилычъ... Я вамъ открою свою тайну.

— Тайну? Говори же, говори, другъ мой!

— Ребенокъ этотъ не чужой, а мой... Вотъ причина, почему я хочу непремѣнно жениться, почему я обязанъ жениться. Надо его усыновить, приготовить ему будущность. Я не виноватъ, что нравы нашего общества клеймятъ презрѣніемъ незаконнорожденныхъ.

— Ну, такъ бы и говорилъ! Это—дѣло другое. Женись. Я ничего не имѣю противъ этого. Я, конечно, не знаю Лидіи Иларіоновны, и не могу судить, будете ли вы счастливы. Но женись! Во всякомъ случаѣ бракъ вѣдь не есть непоправимое зло, и къ нему придуманъ отличный коррективъ—разводъ. Я даже думаю, что реверсъ для офицеровъ установленъ въ видѣ этого корректива. Никто не долженъ бы жениться безъ обезпеченія бракоразводнымъ реверсомъ... Ты не знакомъ съ о. Парамономъ?

— Нѣтъ.

— Ну, я тебя познакомлю. Великолѣпный батюшка! Не ницшеанецъ, нѣтъ! христіанинъ! И въ добавокъ—прекрасный человѣкъ! Если родители не уступятъ, а ты все-таки захочешь жениться, поѣзжай въ мою усадьбу—верстъ двадцать отсюда, ты знаешь. Тамъ есть церковь, и о. Парамонъ тебя женитъ. А денегъ не будетъ на начало новой жизни—я дамъ. А потомъ мы всѣ—въ ноги родителямъ: такъ, молъ, и такъ, простите и благословите. Ну, родителю-то ничего и не останется, какъ сказать:—благослови васъ Богъ—а я не виноватъ!

— Но будете виноваты—вы...

— Такъ что же? Одной виной больше, одной меньше—не все ли равно?

Дмитрій всталъ и обнялъ Зарѣцкаго, который сталъ тяжело дышать и отстранилъ его рукой.

— Фу, чуть не задушилъ! И что за изліянія? За что мнешь тучнаго человѣка?

— За вашу доброту и отзывчивость, — засмѣялся Дмитрій, лицо котораго радостно засвѣтилось.

— Эка сказалъ! Какая же доброта! Просто любопытство. Люблю дѣлать опыты. Мнѣ кажется, я былъ бы хорошимъ химикомъ. Взялъ два вещества, растворилъ ихъ въ банкѣ брака, и смотри-любуйся, какъ они кристаллизуются на днѣ ея. Забавно... Жизнь есть море. Я люблю иногда нырять въ глубину и вытаскивать оттуда жемчужины. Я смотрю на себя какъ на искателя жемчуга. А тутъ вдругъ выловить двѣ жемчужины и помѣстить ихъ въ одинъ обручъ, который скуетъ ихъ! Любопытно. Ну, а когда понадобится разбить обручъ, приходи опять ко мнѣ. Вмѣсто попа, дамъ тебѣ анти-попа, сирѣчь бракоразводнаго адвоката. Но въ свидѣтели не пойду, потому что я наблюдатель жизни, зритель, а не актеръ. Химикъ, но не элементъ.

— Аркадій Нилычъ! — вдругъ сказалъ Дмитрій и сконфуженно остановился.

— Что, милый?

— Можно васъ познакомить съ Лидой?—скороговоркой проговорилъ Дмитрій, тотчасъ же покраснѣвъ. —Она такъ одинока здѣсь!..

— О, конечно... Отчего же нѣтъ?—предупредительно отвѣтилъ Зарѣцкій.

V.

Единственный желѣзнодорожный вокзалъ въ городѣ, обыкновенно не очень оживленный, а въ большинствѣ случаевъ даже пустынный,—былъ переполненъ публикой.

Жандармскій штабъ-офицеръ, тутъ же около Лѣвановъ, нѣсколько видныхъ губернскихъ и земскихъ дѣятелей—всѣ они сходились на платформѣ въ группы и вели оживленныя бесѣды. И лица, и разговоры ихъ, были взволнованы ожидавшимся въ этотъ день пріѣздомъ новаго начальника. Пришло, конечно, и нѣсколько дамъ, въ томъ числѣ и Маслова, въ сопровожденіи другой дамы, Шубиной. Маслову называли въ го-

родѣ сплетницей, а иногда, по Гоголю, „просто сплетницей“, въ отличіе отъ Шубиной, которая носила прозвище „сплетницы во всѣхъ отношеніяхъ“. Разница между ними заключалась въ томъ, что сплетни Масловой не носили злостнаго характера и были результатомъ ненасытимой жажды Маріи Егоровны ко всему новому, еще неизвѣстному другимъ лицамъ; сплетни ея были политическія, административныя, губернскія. Шубина интересовалась больше частными дѣлами городскихъ жителей, мелочами ихъ повседневной жизни, интимными подробностями ихъ семейныхъ дѣлъ. Поэтому она считалась гораздо опаснѣе, и любители сплетенъ очень цѣнили ее за рѣзвость и злобу, какъ охотники цѣнятъ борзыхъ собакъ. Она играла роль городничаго интимной жизни, прославленнаго ругателя, слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ.

Шубина оттащила Марію Егоровну въ сторону и стала ей выкладывать добытыя ею, Богъ вѣсть какими путями, свѣдѣнія о новомъ начальникѣ.

— Представьте себѣ, говорятъ, этотъ Варавинъ—человѣкъ очень нервный и очень надменный... не поздравляю съ такимъ начальникомъ. Онъ очень рѣзокъ съ подчиненными и презираетъ женщинъ...

— Но, душечка, Елена Ѳедоровна, откуда вы знаете это? Сергѣй Петровичъ никогда не бывалъ въ нашемъ городѣ, а вы никогда не бывали въ Петербургѣ.

— Такъ что же, душечка?.. Какъ это говорится?.. Отъ нитки къ иголкѣ... de fil en aiguille... Земля наполняется слухомъ.

— Не всякому слуху вѣрь. Вотъ я первая узнала о его назначеніи, но молчала, пока не получила подтвержденія отъ министерскаго племянника — у меня племянникъ въ министерствѣ служитъ. Я его для отличія называю министерскимъ племянникомъ, потому что у меня есть другой, театральный племянникъ, который служитъ при театрахъ.

— Но я не вижу нашего предводителя...

— Онъ, по всей вѣроятности, не будетъ.

— Да, онъ человѣкъ очень черствый и къ семьѣ относится индифферентно.

— Совсѣмъ не потому, а ему показалось неудобнымъ участвовать въ оффиціальной встрѣчѣ.

— Скажите! Какой педантизмъ! Впрочемъ, всѣ Варавины педанты. Это—семейное у нихъ. Вы видѣли эту... какъ ее? какъ ее? Ну, ту, съ которой имѣлъ „фронтъ“ пріѣхать въ городъ молодой Варавинъ?

Марія Егоровна улыбнулась. Ей всегда смѣшны были французскія словечки и фразы Шубиной, которая переводила ихъ такъ комично на русскій языкъ.

— Вы хотите сказать: Галину?

— Именно. Я какъ-то вышла взять воздуху и натолкнулась на нее. Какой непріятный типъ! И сколько нахальства во взорѣ!..

— Напротивъ, мнѣ говорили...

— Ахъ, душечка, вамъ говорили, а я сама видѣла. Брюнетка...

— Шатэнка, свѣтлая шатэнка,—Елена Өедоровна!

— Брюнетка, душечка, жгучая брюнетка!

— Шатэнка... Вы, можетъ быть, приняли кого-нибудь за нее?

— Ахъ, Боже мой! Со мной никогда такихъ ошибокъ не бываетъ. Брюнетка и потомъ женщина „труднаго возраста"... Въ сравненіи съ ней, Митя Варавинъ — юноша, хотя ему и за тридцать.

— Вы ошибаетесь... Митѣ всего двадцать-шесть, и мнѣ говорили, что Галиной около двадцати трехъ-четырехъ. Какой же это „трудный" возрастъ, какъ вы это называете?..

Өирсъ Өирсовичъ все это время суетился и волновался больше другихъ; онъ еле удерживался, чтобы не „осадить" двухъ пріятельницъ, занимавшихся пересудами и ставшихъ на самое видное мѣсто платформы. Полъ платформы онъ уговорилъ начальника станціи усѣять желтымъ пескомъ, хотя тотъ ему ставилъ на видъ всю безцѣльность этого украшенія, потому что въ это весеннее время не могло быть гололедицы. Онъ даже порывался украсить вокзалъ флагами, но Петръ Александровичъ, къ которому онъ съѣздилъ за совѣтомъ, отговорилъ его отъ этого, найдя, что это было бы „черезчуръ".

Льговскій, который, за выѣздомъ Ивана Ивановича, правилъ губерніей до пріѣзда новаго начальника, выѣхалъ еще наканунѣ на границу губерніи, для встрѣчи Сергѣя Петровича, и Өирсъ Өирсовичъ ждалъ теперь его съ нетерпѣніемъ, чтобы при первой же возможности поинтервьюировать его относительно новаго начальства. Явился на вокзалъ даже Переметневъ, и Өирсъ Өирсовичъ, замѣтивъ его грузную фигуру среди присутствовавшихъ, кинулся къ нему и, неизвѣстно зачѣмъ, спросилъ:

— Ну, вы-то для чего пожаловали?

— Для ради любопытства, — отвѣтилъ Переметневъ, озадаченный вопросомъ, и тотчасъ же попятился назадъ.

Но ужасу Өирса Өирсовича не было границъ, когда взоръ

его вдругъ нечаянно остановился на Галиной, появившейся среди публики.

Галина была въ простомъ, скромномъ суконномъ платьѣ, гладко сшитомъ и обрисовывавшемъ ея стройную фигуру. Она была высокаго роста, и волосы у нея были дѣйствительно свѣтло-каштановаго цвѣта. Чудные темные глаза ея съ длинными рѣсницами, какъ у дорогой куклы, смотрѣли робко и растерянно, и лицо ея было блѣдно и взволнованно. Она и сама не знала, какъ и зачѣмъ сюда попала. Митя былъ у родителей, и ей сдѣлалось такъ скучно сидѣть въ унылой комнатѣ провинціальнаго отеля, что ее потянуло на улицу, къ людямъ, съ которыми, если она и не могла говорить, то все-таки инстинктивно жаждала хотя безмолвнаго общенія. Мужчины и женщины съ любопытствомъ оглядывали ее, и она конфузилась отъ этихъ безцеремонныхъ взглядовъ, и уже сильно раскаявалась въ томъ, что ее потянуло сюда. Она знала, что въ этотъ день пріѣзжаетъ братъ Мити, и не могла удержаться отъ любопытства, привлекшаго ее на вокзалъ. Теперь она готова была провалиться сквозь землю, но было уже поздно, и она мужественно переносила оскорбительные взоры и перешептыванія дамъ, которыя при ея приближеніи отшатывались отъ нея, какъ отъ зачумленной.

Ѳирсъ Ѳирсовичъ растерялся—неизвѣстно почему. Присутствіе Галиной показалось ему дерзостью, угрозою общественной нравственности. Онъ не зналъ, что дѣлать. Подойти къ ней и попросить удалиться? Сдѣлать видъ, что онъ ее не замѣчаетъ? Но какъ ни какъ,—можетъ быть, она будущая родственница новаго начальника, если вѣрить слухамъ о женитьбѣ на ней въ недалекомъ будущемъ молодого Варавина.

Онъ кончилъ тѣмъ, что подозвалъ двухъ городовыхъ и заставилъ ими Галину, такъ что ее не стало видно, да и она ничего не могла видѣть, кромѣ широкихъ спинъ городовыхъ.

Раздался звонокъ.

Ѳирсъ Ѳирсовичъ выпятилъ грудь, нервно сжалъ въ рукѣ бумагу, на которой былъ написанъ рапортъ о состояніи ввѣреннаго его попеченію города, и быстро, мелкимъ шагомъ отправился на конецъ платформы, умоляющимъ взглядомъ окинувъ собравшуюся публику, какъ бы еще, въ послѣдній разъ, приглашая ее вести себя сдержанно.

Онъ чуть-чуть не наткнулся на Маслову и Шубину, упорно стоявшихъ на дебаркадерѣ по пути предполагаемаго слѣдованія начальника.

— Что-жъ это такое, Господи!—въ отчаяніи шепнулъ Ѳирсъ

Ѳирсовичъ, но останавливаться ему было некогда, а потому онъ промчался мимо, сказавъ жандарму, встрѣчавшему поѣздъ:— Убрать отсюда этихъ дамъ!

Дамы слышали приказаніе и возмутились.

— Какой невоспитанный человѣкъ!—прошипѣла Шубина.— Этотъ Ѳирсъ потому играетъ роль начальства, что дома самъ находится подъ начальствомъ старой вѣдьмы, его жены.

Жандармъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ нимъ, но не посмотрѣлъ на нихъ, а скосилъ глаза на публику и, какъ бы обращаясь къ ней, проговорилъ:

— Потрудитесь очистить платформу...

Въ публикѣ засмѣялись, а дамы отступили.

Локомотивъ показался на крутомъ поворотѣ пути своими тремя огненными глазами, хотя еще было довольно свѣжо, и сумерки только-что начинали спускаться на городъ.

Раздался рѣзкій и продолжительный свистокъ. Поѣздъ съ грохотомъ медленно подходилъ къ дебаркадеру.

Первымъ вышелъ изъ вагона-салона перваго класса Льговскій, и Ѳирсъ Ѳирсовичъ первымъ бросился къ нему по ошибкѣ, но тотчасъ же замѣтилъ ошибку и направился къ выходившему уже начальнику.

И когда онъ рапортовалъ ему, сомнѣніе не покидало бѣднаго полиціймейстера,—тому ли, кому надлежитъ, рапортуетъ онъ, —до того видъ Сергѣя Петровича не соотвѣтствовалъ тому представленію, которое онъ себѣ сдѣлалъ „о внѣшности начальства вообще“ и внѣшности новаго начальника въ частности. Онъ видѣлъ фотографическія карточки Сергѣя Петровича у Варавиныхъ, но тамъ онъ былъ снятъ очень молодымъ, почти безъ растительности на лицѣ. Послѣднихъ снимковъ у нихъ не было.

Сергѣй Петровичъ былъ высокъ и худъ. Одѣтъ щеголевато, въ длинномъ пальто-сакъ и цилиндрѣ à huit reflets. На рукахъ были свѣтло-коричневыя перчатки, въ рукахъ дорогая палка съ золотой ручкой. Лицо его, обрамленное остроконечной черной бородкой и довольно большими усами, загнутыми кверху, было очень блѣдно, а глаза его изъ-за золотого pince-nez глядѣли на рапортовавшаго полиціймейстера холодно и какъ будто чуть-чуть насмѣшливо. И какая-то полу-саркастическая улыбка, даже не улыбка, а скорѣе отраженіе ея, бродила около его губъ.

Движенія Сергѣя Петровича были порывисты, рѣзки, точно капризны, какъ бываютъ у очень нервныхъ и властныхъ особъ. Очевидно, имъ владѣло нетерпѣніе кончить скорѣе эту про-

цедуру, и, не давъ договорить Ѳирсу Ѳирсовичу, онъ подалъ ему руку и отрывисто сказалъ:

— Благодарю васъ.

Затѣмъ быстрой походкой, окинувъ тѣмъ же страннымъ, точно насмѣшливымъ взглядомъ публику, прошелъ во внутреннее помѣщеніе вокзала.

Здѣсь его встрѣтили Вѣра Петровна и Дмитрій Петровичъ, которые ни за что не хотѣли выйти на дебаркадеръ—сестра изъ оппозиціи къ предержащей власти, братъ—изъ нерасположенія къ Сергѣю Петровичу.

— А! И вы здѣсь, — равнодушнымъ тономъ проговорилъ Сергѣй Петровичъ, увидя ихъ.

Они поздоровались сухо, какъ будто чужіе или только-что познакомившіеся люди, а не близкіе родные, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ не видавшіеся. Сергѣй Петровичъ холодно поцѣловался съ сестрой, а брату пожалъ руку.

— Ты не заѣхалъ ко мнѣ проститься передъ отъѣздомъ изъ Петербурга,—сказалъ онъ.

— Да, не заѣхалъ,— отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ; живя въ Петербургѣ, онъ не видѣлся съ братомъ цѣлыми мѣсяцами, считая, что между ними ничего не было общаго.

— Ну, а ты какъ, Вѣра?—спросилъ Сергѣй Петровичъ.— Что подѣлываешь? Все по прежнему?

— Все по прежнему.

— Писали мнѣ, что все возишься съ мужиками.

— Стараюсь приносить пользу, насколько это возможно!— она пожала плечами.

— Что наши? Здоровы?

— Здоровы. Они ждутъ тебя дома. Папа просилъ передать, что не пріѣхалъ на вокзалъ, чтобы не помѣшать оффиціальному пріему.

Сергѣй Петровичъ усмѣхнулся.

— Я телеграфировалъ, чтобы никакого пріема не было,— сказалъ онъ.—По крайней мѣрѣ, просилъ Льговскаго дать телеграмму... Вы меня извините, мнѣ надо отпустить ихъ всѣхъ.

Онъ вышелъ за двери, и къ нему немедленно подскочилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ, который стоялъ съ Льговскимъ и выпытывалъ у него подробности путешествія.

Сергѣй Петровичъ, не взглянувъ на суетившагося полицій-мейстера, обратился прямо къ Льговскому:

— Никаноръ Григорьевичъ, позвольте васъ поблагодарить за ваши хлопоты и безпокойства... Завтра я сдѣлаю распоряженія

относительно пріема представляющихся лицъ. Человѣкъ съ моими вещами и багажемъ вѣроятно прибылъ уже третьяго дня, и у меня все готово.

— Какъ-же-съ, — подскочилъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ, — все въ должномъ порядкѣ, и человѣкъ вашъ здѣсь.

— Благодарю васъ...

— Вы не желаете познакомиться съ пріѣхавшими на вокзалъ, Сергѣй Петровичъ? — спросилъ Льговскій. — Тутъ правитель канцеляріи, чиновники особыхъ порученій...

— Завтра они мнѣ представятся, — суховато отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ, которому не понравилось выраженіе: „знакомиться". —Такъ, до свиданія...—онъ подалъ руку Льговскому и полиціймейстеру, и быстрой походкой, точно сорвавшись съ мѣста, скрылся въ дверяхъ.—Поѣдемте!—сказалъ онъ брату и сестрѣ.

— Какъ, ты уже все кончилъ?—спросила Вѣра.

— Что именно?

— Пріемъ чиновниковъ?

— Я съ ними не знакомился, отложилъ на завтра.

— Они могутъ обидѣться, Сергѣй, — сказала Вѣра и съ изумленіемъ взглянула на него.—Здѣсь это не принято.

— Да?—протянулъ онъ и тоже посмотрѣлъ на нее; затѣмъ, улыбнулся и прибавилъ:—Ты такъ хорошо знаешь порядки, что, мнѣ кажется, я возьму тебя въ чиновники по особымъ порученіямъ.

— Это значитъ,—вдругъ проговорилъ Дмитрій,—что не учи его и не суйся не въ свои дѣла.

Братъ покосился на него.

— Ты, повидимому, нисколько не измѣнился,—сказалъ онъ.

— Физически или морально?—насмѣшливо спросилъ Дмитрій.

— Ни такъ, ни этакъ.

Они сѣли въ экипажъ, и опять около Сергѣя Петровича появился Ѳирсъ Ѳирсовичъ.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, помогъ ему сѣсть въ экипажъ и почтительно спросилъ:

— Никакихъ приказаній не будетъ?

— Нѣтъ, ничего. Завтра, прошу васъ, явитесь ко мнѣ, часамъ къ десяти утра, а человѣку скажите, чтобы ѣхалъ къ отцу.

— Слушаю-съ.

Лошади тронули.

Варавина очень волновалась, ожидая сына. Уже въ третій разъ она входила въ столовую и съ безпокойствомъ оглядывала

сервировку стола, бѣлоснѣжную скатерть, цвѣты въ вазахъ и всякую мелочь. Нѣсколько разъ уже она взглядывала на часы и подбѣгала къ окну при малѣйшемъ грохотѣ экипажа.

Петръ Александровичъ казался спокойнѣе и только молча и сосредоточенно курилъ папиросу за папиросой. Зарѣцкій сидѣлъ въ углу гостиной, прибывъ по такому торжественному случаю съ дачи. Онъ тоже молчалъ и барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла. И Аркадій Ниловичъ, и Ольга Яковлевна, давно замѣтили, что Петръ Александровичъ какъ-то хмурится и безпокоится, какъ будто пріѣздъ сына былъ ему не по душѣ. Они долго уговаривали его поѣхать съ ними на вокзалъ, но онъ ни за что на это не согласился и убѣдилъ ихъ тоже не ѣхать.

— Сынъ есть, все-таки, сынъ,—неопредѣленно сказалъ онъ,—и я думаю не совсѣмъ въ порядкѣ вещей—торчать родителямъ на дебаркадерѣ среди его подчиненныхъ.

Варавина переглянулась съ Зарѣцкимъ.

В. Свѣтловъ.

ДРУЖБА ЖУКОВСКАГО съ ПЕРОВСКИМЪ

1820—1852 гг. [1])

Идеальная, трогательная дружба существовала, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, между поэтомъ—Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ—и съ виду суровымъ, но столь же добрымъ и нѣжнымъ въ душѣ воиномъ—Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ. Много было звеньевъ, которыя могли связывать этихъ двухъ замѣчательныхъ нашихъ людей первой половины недавно минувшаго столѣтія. Главнымъ звеномъ была ихъ взаимная любовь и глубокое уваженіе другъ къ другу. Между ними было то „родство души", въ существованіи котораго сомнѣвался поэтъ Лермонтовъ. Чистая, какъ горный хрусталь, душа поэта, его нѣжное, любящее сердце, выдающійся умъ и крупный поэтическій талантъ встрѣтились съ душою столь же благородною и свѣтлою, съ сердцемъ столь же искреннимъ и любящимъ, но болѣе мужественнымъ и закаленнымъ въ житейскихъ буряхъ—и, вдобавокъ, съ умомъ столь же обширнымъ и яснымъ, къ коему присоединялся, какъ бы взамѣнъ поэтическаго таланта, весьма сильный здравый смыслъ. Затѣмъ, оба они были очень образованными людьми—и оба же были чрезвычайно близки къ семьѣ великаго князя Николая

[1]) Матеріалами для настоящей статьи, неизданными отчасти, послужили, преимущественно, письма графа В. А. Перовскаго къ В. А. Жуковскому, числомъ болѣе пятидесяти, переданныя сыномъ поэта, Павломъ Васильевичемъ, послѣ смерти отца, по его желанію, гр. А. А. Толстой, отъ которой эти матеріалы и поступили недавно ко мнѣ—при любезномъ разрѣшеніи пользоваться ими для печати.

Павловича и къ нему самому, — и впослѣдствіи, когда великій князь сталъ императоромъ, оба они были осыпаны милостями царя и на обоихъ были возлагаемы царскія порученія величайшей важности. Такъ, на Жуковскаго было возложено воспитаніе юнаго наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича; на Перовскаго, ставшаго впослѣдствіи графомъ, возлагались, не разъ, чрезвычайныя военныя порученія—и, между прочимъ, онъ былъ назначенъ, въ 1839 году, главнымъ начальникомъ военной экспедиціи въ Хиву, а затѣмъ, позднѣе, въ 1851 году, оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, войска коего, подъ его начальствомъ, взявъ крѣпость Акъ-Мечеть, положили начало завоеванію коканскаго ханства [1]).

Было и еще нѣчто одинаковое въ судьбѣ этихъ людей: оба они были, какъ извѣстно, незаконнорожденные. Одинъ былъ сыномъ помѣщика Бунина и плѣнной турчанки, другой—побочнымъ же сыномъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго [2]). Надъ этимъ нелегальнымъ происхожденіемъ, очень мало, повидимому, безпокоившимъ этихъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, одинъ изъ нихъ, Перовскій, впослѣдствіи мѣтко и зло посмѣялся въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Жуковскому, которое помѣщается ниже.

Впрочемъ, и въ этой дружбѣ, какъ и всегда, одинъ изъ нихъ отчасти главенствовалъ надъ другимъ: Жуковскому принадлежала первенствующая роль; по крайней мѣрѣ, Перовскій, будучи человѣкомъ въ высшей степени скромнымъ и застѣнчивымъ, самъ находилъ, что онъ „стоитъ ниже“ своего уже знаменитаго въ то время друга, который невольно, быть можетъ, поражалъ его своею ученостью и поэтическимъ талантомъ.

Этихъ двухъ замѣчательныхъ людей связывало между собою еще и то обстоятельство, что оба они были всѣмъ обязаны лишь самимъ себѣ. Протекціи Жуковскій не имѣлъ совсѣмъ, а

---

[1]) Изъ времени перваго губернаторства Перовскаго въ Оренбургѣ, въ 30-хъ годахъ, слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, два интересныхъ событія: первый—это пріѣздъ въ Оренбургъ Пушкина, ради составлявшейся имъ въ то время „Исторіи Пугачевскаго бунта“, и Жуковскаго, сопровождавшаго (въ 1837 году) наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича въ его путешествіи по Россіи. Оба—и Пушкинъ, и Жуковскій—жили, за время своего пребыванія въ Оренбургѣ, у Перовскаго, въ его квартирѣ въ караванъ-сараѣ, - въ губернаторскомъ домѣ.

[2]) Графъ А. К. Разумовскій, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія (сынъ гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго) былъ женатъ на графинѣ В. П. Шереметевой, вскорѣ послѣ брака разошелся съ женою и не имѣлъ возможности получить формальный разводъ; поэтому и не могъ усыновить Перовскаго и его братьевъ.

Перовскій хотя и имѣлъ ее [1]), но она была для него излишня: такъ велики были его личныя способности и такъ исключительны были его самые первые шаги, несчастія и отличія на государственной службѣ. Извѣстно, что, получивъ воспитаніе въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ военную службу колонновожатымъ (тогдашній генеральный штабъ) и вскорѣ же попалъ въ плѣнъ, къ французамъ. Это случилось такъ. Перовскій, оставшійся на нѣсколько часовъ, по порученію начальства, въ Москвѣ,

---

[1]) Вотъ письмо (1821 года) великаго князя Николая Павловича къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому (отцу Перовскаго). Изъ него мы узнаемъ, что Николай Павловичъ взялъ на себя трудъ напомнить отцу Перовскаго о сынѣ, о судьбѣ и благосостояніи котораго гр. Разумовскій, очевидно, не слишкомъ-то много заботился. Это письмо очень важно еще и по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, мы видимъ, какимъ близкимъ человѣкомъ къ великому князю былъ Перовскій; а во-вторыхъ, изъ этого письма можно предполагать, что Николай Павловичъ, когда писалъ его и просилъ о Перовскомъ, *не зналъ*, что онъ будетъ въ скоромъ времени императоромъ и легко сможетъ, помимо равнодушнаго отца, сдѣлать счастливымъ близкаго къ нему человѣка. Письмо это мы приводимъ съ подлинника; оно появляется въ печати впервые. Вотъ оно:

„Vous serez peut-être étonné de la demande que je fais près de vous, mais vous connaissant trop pour douter de votre générosité je ne crains pas de m'adresser à vous, pour plaider une cause qui doit vous être tout aussi chère qu'à moi. Il s'agit du bien-être de mon cher Peroffs. et de toute sa famille. Vous êtes sûrement au fait de l'amitié sincère que je lui porte, il est donc bien naturel que tout ce qui le regarde m'interesse vivement. Le savoir heureux et tranquille pour tous les siens et pour lui-même m'est un besoin véritable. Il m'est donc plus qu'affreux de savoir le contraire. Cependant je dois le craindre, Monsieur le Comte, s'il n'obtient rien de votre générosité; son bonheur et celui de sa famille entière ne dépend que de vous seul, et j'espère vous connaître assez pour être sûr que vous ne voudrez pas abandonner un être qui vous doit son existence et qui par tous les titres possibles mérite la première place dans votre coeur. Si mes prières peuvent être de quelque poids à vos yeux, permettez que je les adresse à vous pour cet objet, qui me tient trop à coeur pour vous le cacher, et faites que je n'aie jamais besoin de douter de votre bonté et de votre justice. J'ajouterai encore qu'il est impossible d'unir plus de qualités estimables à plus d'amabilité que ne possède Basile. Il m'est vraiment bien cher et je lui ai voué une amitié bien sincère, persuadé qu'elle ne peut être mieux placée. Vous voyez donc que je suis bien à excuser dans *mes prétentions* si j'avais besoin d'excuse dans tout ce que je viens de vous exposer.— Aussi je suis bien persuadé que je ne reverrai Peroffs. que bien tranquillisé sur son bonheur, etc.

„Veuillez croire, Monsieur le Comte, à ma parfaite estime et à la haute considération avec lesquelles j'ai l'honneur d'être

„Votre très-affectionné Nicolas“.

Къ этому письму слѣдуетъ пояснить еще вотъ что́. Великій князь написалъ и отправилъ свое письмо безъ вѣдома самого Перовскаго, который не разъ говорилъ впослѣдствіи, что еслибы зналъ, то никогда не допустилъ бы этого ходатайства за себя.

во время вступленія въ нее арміи Наполеона I, былъ измѣннически образомъ схваченъ, сочтенъ за шпіона и приговоренъ къ разстрѣлянію. Случайность спасла его отъ смерти, но не спасла все-таки отъ плѣна,—и онъ, обобранный французскими солдатами, прошелъ пѣшкомъ изъ Москвы во Францію, безъ денегъ, теплаго платья и даже безъ сапогъ, отнятыхъ конвойными. Затѣмъ, спустя почти два года, узнавъ, что союзныя арміи вступили во Францію, онъ бѣжалъ изъ Орлеана, гдѣ подъ карауломъ содержались плѣнные (русскіе, англичане и испанцы)—и добрался-таки до русскаго отряда, благодаря, главнымъ образомъ, прекрасному знанію французскаго языка.

Испытанныя Перовскимъ въ плѣну лишенія и страданія обратили на него, по возвращеніи въ Россію, особое вниманіе вел. кн. Николая Павловича, который, узнавъ его ближе, ввелъ потомъ, какъ и Жуковскаго, въ свою семью. Впослѣдствіи, однако, Перовскій, сравнительно, не сдѣлалъ такой блестящей карьеры, на которую могъ разсчитывать и которую могъ ожидать,—какую сдѣлали, напр., графы Адлерберги, Орловъ, Бенкендорфъ и даже Клейнмихель и Нессельроде: его замѣчательно прямой и нетщеславный характеръ, острый, хотя и не злой языкъ и глубокое отвращеніе отъ лжи, низкопоклонничества и лести [1]), сдѣлали то, что онъ не оставался въ Петербургѣ, вблизи двора, постоянно,—и лучшіе годы своей службы, въ царствованіе Николая Павловича, онъ провелъ на окраинахъ Россіи—въ Оренбургѣ и, частію, на Кавказѣ. Эти же его качества, столь цѣнимыя въ немъ Жуковскимъ, создавали ему массу враговъ, бросавшихъ ему, при всякомъ удобномъ случаѣ, палки въ колеса... Графы Чернышевъ и Нессельроде и даже кн. Меньшиковъ не мало вредили Перовскому на всѣхъ путяхъ его, въ особенности за время неудачнаго зимняго похода въ Хиву. Одинъ Жуковскій оставался преданъ и вѣренъ ему до конца своей жизни,—и, уже будучи почти слѣпымъ, написалъ ему, ощупью, по подкладываемой подъ руку линейкѣ, письмо изъ Бадена, полное любви и заботы о своемъ далекомъ другѣ. Письмо это было писано въ мартѣ 1851 года—и было послѣднимъ письмомъ Жуковскаго.

Лишь одинъ разъ, въ 1824 году, то-есть, за двадцать-семь лѣтъ до написанія этого письма, крѣпкую и неразрывную дружбу этихъ двухъ людей омрачила небольшая, набѣжавшая тучка... Правда, размолвка ихъ продолжалась всего нѣсколько дней—и

[1]) Въ дневникѣ великаго князя Николая Павловича, 1824 года, имѣются, напр., слѣдующія строки: ...„Сегодня я далъ В. Перовскому крестъ, а онъ, встрѣтясь, даже не поблагодарилъ меня“.

закончилась полнѣйшимъ примиреніемъ; но, тѣмъ не менѣе, она произошла,—и о ней мы разскажемъ здѣсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она представляетъ нѣкоторый интересъ.

Къ этой маленькой размолвкѣ, оказывается, было примѣнимо извѣстное французское изреченіе—„cherchez la femme". Произошла она въ Аничковомъ дворцѣ. Жуковскій и Перовскій, будучи холостыми людьми, стали вздыхать по одной и той же фрейлинѣ, графинѣ Самойловой, остававшейся къ нимъ—увы!—совершенно равнодушной. Въ своей любви къ этой строгой красавицѣ Перовскій, будучи отъ природы болѣе откровеннымъ, признался впервые своему другу, Жуковскому, который поступилъ при этомъ случаѣ вполнѣ дружески и даже съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ: онъ не только подавилъ въ себѣ личное чувство зарождающейся любви, но еще и написалъ своему другу слѣдующее посланіе—не особенно важное, какъ увидимъ, по своимъ стихотворнымъ достоинствамъ, но дышащее любовью къ „товарищу" и искреннимъ желаніемъ ему успѣха и счастія. Вотъ это стихотвореніе:

„Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сознался:—
Къ любви была душа близка,
Въ ней, также, пламень загорался,—
Животворитель бытія,—
И жизнь отцвѣтшая *моя*
Надеждой снова зацвѣтала:
Опять о счастьи мнѣ шептала
Мечта—знакомецъ старины!..
Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,—
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ—
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Тѣхъ самыхъ, что давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ;—
Онъ небо узнаётъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой
Неизъяснимымъ упованьемъ,
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ,
Невыразимою тоской!..
Живымъ—утраченное мнится;
Онъ снова гость минувшихъ дней!—

И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей...

Таковъ былъ *я* одно мгновенье!—
Прелестно-быстрое видѣнье —
Давно не посѣщавшій другъ—
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный жизни лугъ!
Любовь мелькнула предо мною...
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,—
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней,—
И мертвое—мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ...
Но—удались, мой посѣтитель!
Не у меня тебѣ гостить—
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!..

Товарищъ! мной ты не забытъ:
Любовь друзей не раздружитъ.
Симъ несозрѣвшимъ *упованьемъ*,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой,
Сравню ль его *съ твоимъ* страданьемъ?!..
Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ—
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ...
Давно веселости ужъ нѣтъ!
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Товарищъ грустный! молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой:
Ты, молча, радостей дичишься—
И, къ жизни холоденъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ...
Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья—
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ:
Склоненность робкая *предъ ней*,
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ...
Перерывающійся гласъ...
Къ тому, что окружаетъ насъ

Задумчивое невниманье;
Присутствіе (ея)—очарованье
И неприсутствіе—тоска,
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека...
И это *все*, что сердцу ясно,
А выраженью не подвластно—

Сіи примѣты знаю я!
На то мой жребій далъ мнѣ право..
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть его отравой?..
Нѣтъ, милый, ободрись! *она*
Столь восхитительна не даромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена!
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ:
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто;
Уныло-сладостное слито
Съ сей оживленной красотой..
Въ ней что-то искреннее дышетъ,—
И въ миломъ голосѣ ея
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ...
О, ввѣрься жъ, другъ, душѣ прекрасной!
Ужель природою напрасно
Ей столько милаго дано?..
Люби! любовь и жизнь—одно!
Предайся ей, забывъ сомнѣнье,
И жребій жизни соверши:
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души!..“ [1])

Будучи годами старше своего „товарища“ и друга и уступивъ ему дорогу, Жуковскій разсчитывалъ, вѣроятно, что Перовскій преуспѣетъ въ своемъ ухаживаньѣ—и „жребій жизни совершитъ“, т.-е. женится на гордой и неприступной графинѣ Самойловой. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то: романъ Перовскаго подвигался впередъ очень медленно... Около этого времени, между друзьями и произошла, совершенно случайно, слѣдующая небольшая размолвка.

---

[1]) Это стихотвореніе, а равно и одно изъ писемъ покойнаго Жуковскаго, были когда-то напечатаны въ одномъ изъ московскихъ журналовъ.

Въ Аничковомъ дворцѣ, въ аппартаментахъ проживавшаго тамъ великаго князя Николая Павловича былъ домашній танцовальный вечеръ. Маленькія дѣти великаго князя, ихъ воспитательницы и нѣсколько фрейлинъ, въ числѣ коихъ была и графиня Самсйлова, танцовали подъ рояль. Перовскій и Жуковскій присутствовали также на этомъ вечерѣ; Перовскій былъ особенно оживленъ, много танцовалъ — съ дѣтьми и съ графиней Самойловой—и до того увлекся въ танцахъ, что слегка „карячился“, т.-е. кривлялся... Великая княгиня Александра Ѳедоровна не присутствовала на вечерѣ, такъ какъ ея не было дома. На другой день, Жуковскій явился къ ней для урока русскаго языка, которые онъ ей въ то время давалъ; а затѣмъ, на вопросъ великой княгини—какъ былъ проведенъ вечеръ наканунѣ, поэтъ разсказалъ, что всѣ очень веселились, что были танцы, въ которыхъ онъ, Жуковскій, не принималъ участія, но что Перовскій былъ особенно въ духѣ, много танцовалъ и „карячился“ съ дѣтьми... Великая княгиня, еще мало въ то время знакомая съ русскимъ языкомъ, не поняла, по всей вѣроятности, этого слова какъ бы слѣдовало—и, въ разговорѣ своемъ въ тотъ же день съ Перовскимъ, сообщила ему, что ей извѣстно, какъ онъ веселился наканунѣ съ ея дѣтьми и какъ онъ „карячился“... Вотъ изъ-за этого-то слова и загорѣлся весь сыръ-боръ...

Перовскій, тотчасъ же послѣ разговора съ великой княгиней, отправился къ Жуковскому объясняться. Между ними произошелъ крупный разговоръ, въ концѣ котораго Перовскій такъ вспылилъ, что сказалъ Жуковскому:—Дуракъ!

Кроткій и любвеобильный поэтъ ограничился лишь тѣмъ, что сказалъ Перовскому:—Пошелъ вонъ!

Перовскій ушелъ. А затѣмъ... затѣмъ, начались взаимныя терзанія и мученія двухъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, горячо любившихъ другъ друга... На другой же день размолвки, Жуковскій не вытерпѣлъ — и написалъ своему вспыльчивому другу слѣдующее письмо, дышащее юморомъ и любовью и въ которомъ вылилась, отчасти, нѣжная и благородная душа поэта. Вотъ это письмо, гдѣ Жуковскій обращается къ другу уже *на вы:*

„Василій Алексѣевичъ!

„Думалъ ли я, что первый листъ изъ новокупленной мною бумаги у г-на Ольхина употреблю на то, чтобы своими письменными убѣжденіями стараться укротить гнѣвъ вашъ, произведенный нашими *обоюдными* грубыми непристойностями?!. Боже мой! какъ невѣрна жизнь человѣческая!—Два друга, дышавшіе,

кажется, до сихъ поръ единогласно, въ совокупности и, такъ сказать, въ единственномъ числѣ,—хотя они сами и во множественномъ,—два Пилада, два Ореста, можно сказать даже два Данона и Пидіаса—вдругъ, въ одну минуту, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, свирѣпѣютъ: одинъ, въ какомъ-то бѣснотворномъ неистовствѣ, говоритъ другому: „Дуракъ!"—а тотъ, въ помѣшательствѣ остервенѣнія, отвѣтствуетъ: „Пошелъ вонъ!.."

„И что же? Раздраженный, негодующій другъ *идетъ вонъ*—идетъ и не возвращается!.. И за что все сіе?—за бѣсовское наважденіе! за танцовальное искусство, въ которомъ и тотъ и другой не искусны... Господи Боже мой! Что же такое Твоя жизнь, данная намъ для блага и на то, чтобы мы, посредствомъ добродѣтели, удостоивались Твоего рая?!.. Давно говоритъ пословица: „ляжешь живой, а встанешь мертвый"!..

„Василій Алексѣевичъ! Я не для того сказалъ вамъ: „пошелъ вонъ", чтобы и въ самомъ дѣлѣ вы пошли вонъ, а для того, чтобы вы пошли вонъ *изъ гнѣва* и возвратились бы въ милость. Вѣдь вы назвали меня „дуракомъ"... Ну, какой же я „дуракъ"?.. Развѣ не читали вы моихъ стихотвореній? *Такъ* дураки не пишутъ. Прочитайте-ко одно, которое начинается такъ: „Товарищъ, вотъ тебѣ рука!"—и увидите, что я знаю то, что говорю. А если я и сказалъ ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ о томъ, что вы карячились, танцуя съ дѣтьми, то я этимъ еще не оскорбилъ ни чести вашей, ни дружбы—и могу безъ угрызенія совѣсти повторить вышеупомянутое стихотвореніе. Его же теперь надобно повторить съ большимъ колыханіемъ сердца, ибо врагъ близко и нуженъ *союзъ*, чтобы его побѣдить.

„Василій Алексѣевичъ! „Поди вонъ"—значитъ: *поди сюда*!

Пребываю

Вашъ покорнѣйшій слуга-дуракъ

Василій Жуковскій".

Перовскій не замедлилъ отвѣчать своему другу. Въ письмѣ его, въ началѣ писанномъ *на вы*, все еще проскальзываетъ неуспокоившееся неудовольствіе,—и только въ концѣ письма онъ переходитъ на прежнее сердечное *ты* и заключаетъ его первою строкою вышеприведеннаго стихотворенія Жуковскаго. Вотъ его письмо:

„Василій Андреевичъ!

„Когда, по вашему приглашенію, я „вышелъ вонъ", то это потому только, что уже прежде *вышелъ изъ себя*,—и когда со-

шелъ съ „лѣственницы“, то самъ примѣтилъ, какъ я противъ васъ стою низко, но проклятое самолюбіе увѣрило меня, что если поднимусь опять къ вамъ, то унижусь...

„Впрочемъ, „дуракъ“ не значитъ, что я почитаю васъ глупымъ: мнѣ бы приличнѣе было назвать васъ *болтуномъ*, а сіи послѣдніе бываютъ и *не дураки*; такимъ-то и я васъ почитаю душевно. Мнѣ было досадно видѣть, что нельзя, просто, ни чихнуть, ни кашлянуть, чтобы вы тотчасъ же не перенесли бы то или другое къ ея высочеству; а между тѣмъ, это не принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ урокамъ, вами преподаваемымъ.

„Поговоримъ о дѣлѣ. Что значитъ—„врагъ близко“?... Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе; самому придти къ тебѣ никакъ теперь нельзя.

„Товарищъ, вотъ тебѣ рука!“

В. Перовскій“.

Въ pendant къ этому письму, Перовскій, переходя уже на шуточный тонъ, но все еще предполагая, что другъ его интересуется „извѣстною дѣвой“, отправилъ ему слѣдующее посланіе, съ препровожденіемъ *ея* перчатки и пр.

„Василій Андреевичъ!

„При семъ посылаю вамъ перчатку и уголокъ платка извѣстной вамъ дѣвы. Душевно желаю, Василій Андреевичъ, чтобы вы смотрѣли на сіи принадлежности, какъ и я на нихъ смотрѣлъ—какъ на простую тряпку и на простую лайку, и чтобы весна, а особенно горячее лѣто, нашли бы васъ совершенно прохлажденнымъ. Горе вамъ, Василій Андреевичъ, если будетъ тому противное! Въ случаѣ (чего, однако же, еще не предвижу), когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы рѣшительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу васъ убѣдительнѣйше, Василій Андреевичъ, дайте мнѣ знать чрезъ кого-нибудь о сей счастливой перемѣнѣ, дабы мы вмѣстѣ и торжественно предали бы землѣ, водѣ, или огню, всѣ эти перчатки, платки, ленточки и фруктовыя косточки... Ахъ, Царь Небесный! что это за праздникъ будетъ!.. Повѣрьте, что минута, въ которую я увѣрюсь, что вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ, будетъ пріятнѣйшею въ моей жизни! Но—*не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой*!..

В. Перовскій“.

Изъ этого письма очевидно, что Перовскій рѣшилъ порвать

свое ухаживанье за гордой красавицей и сталъ склонять къ тому же и Жуковскаго.

На этомъ тогда и закончилась маленькая размолвка, происшедшая между близкими друзьями. Затѣмъ, дружба ихъ никогда уже и ничѣмъ не нарушалась — до самой смерти одного изъ нихъ, Жуковскаго, умершаго ранѣе (въ 1852 году). Иногда только, подозрительный по характеру Перовскій, котораго Жуковскій все-таки продолжалъ превышать своею ученостью, начиналъ упрекать своего друга за лѣность въ перепискѣ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, отправленномъ изъ Спа, гдѣ Перовскій лечился и гдѣ пребывала, въ это же время, и семья великаго князя Николая Павловича, онъ писалъ своему другу, оставшемуся въ Петербургѣ, слѣдующее:

..."Не стану упрекать тебя въ твоемъ молчаніи: лѣнью назвать его и мало, и нельзя, знавши, что ты писалъ великой княгинѣ уже *четыре раза*,—и не по письму, а всякій разъ по цѣлой тетради. Не хочу также входить въ сравненіе твоихъ отношеній къ ея высочеству съ моими отношеніями къ тебѣ,— не хочу изыскивать, въ правѣ ли ты, писавши такъ часто и много ей, совсѣмъ не писать мнѣ?.. Мнѣ извѣстенъ твой, весьма справедливый на счетъ ея, образъ мыслей; а потому, усматривая, какъ легко тебѣ и пріятно превозмочь лѣнь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы писать ея высочеству, я вижу, также, что ты не находишь никакого удовольствія писать *мнѣ*, или получать отъ меня письма,—и еще не довольный тѣмъ, что не пишешь, взялъ еще какое-то странное (a prétention) обѣщаніе съ великой княгини не показывать получаемыхъ ею отъ тебя писемъ. Изъ всего этого вотъ что̀ для меня ясно: ты чувствуешь меня слишкомъ ниже себя и не находишь достойнымъ своей дружбы, особенно въ отдаленіи. Живя въ обществѣ вмѣстѣ, ты, конечно, можешь быть со мною въ нѣкоторой связи, разговаривать, иногда смѣяться (cela ne tire pas à conséquence)... но если бы, будучи разлучены, я сказалъ, что получаю отъ тебя письма, или, даже, что получилъ хотя одно письмо отъ тебя, то въ глазахъ всякаго это было бы для меня слишкомъ лестно, а тебѣ не дало бы никакой выпуклости (relief). Однакожъ, всякая тварь имѣетъ о себѣ выгодное понятіе; а потому, еслибы великая княгиня (которую люблю не изъ подражанія тебѣ, и которая не одобритъ скромнаго твоего молчанія) не изъявила желанія, чтобы я писалъ къ тебѣ, то я рѣшился уже не брать пера въ твою пользу.

"Ахенскія воды такъ мало, пока, помогли мнѣ, что я остаюсь

еще на мѣсяцъ въ Ахенѣ—и, вѣроятно, догоню его высочество [1]) только въ Петербургѣ. Прощайте, Василій Андреевичъ".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, на томъ же самомъ листѣ почтовой бумаги большого формата, Перовскій изливаетъ свою скорбь на лѣность и молчаніе нѣжно любимаго имъ друга въ слѣдующей, чрезвычайно интересной „аллегоріи", которую онъ и посылаетъ Жуковскому подъ видомъ „перевода" съ китайскаго:

„Одна изъ провинцій Китайскаго Государства въ особенности извѣстна страннымъ обычаемъ родителей, которые почти всегда оставляютъ дѣтей своихъ, съ нѣкотораго возраста, совершенно на произволъ судьбы, даютъ имъ какое-либо выдуманное имя и находятъ удовольствіе въ томъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ сами узнать ихъ не могутъ... Въ Китаѣ общее имя симъ несчастнымъ: *Василій.* Два такихъ Василія, оставленные родными, встрѣтившись, почувствовали, по сходству участи, одинъ къ другому нѣкоторую дружбу... По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ думалъ, что дружба эта—искрення, и долго обманывалъ себя... Но время, которое всѣмъ обманчивымъ чувствамъ возвращаетъ настоящій видъ, отдало и сей мнимой дружбѣ должную справедливость. Случилось это вотъ какъ. Оба Василія попали ко двору и были приняты въ службу одного изъ принцевъ высокой крови китайскихъ императоровъ,—и одинъ Василій, который былъ немного чернѣе и умнѣе своего товарища, воспользовался малыми сими преимуществами: ему поручили обучать молодую принцессу (которая была монгольскаго поколѣнія) китайскому языку. Нѣсколько лѣтъ исполнялъ онъ порученіе сіе, а товарищъ его, не примѣчая гордости чернаго Василія и не зная даже, чѣмъ могъ бы онъ противу него гордиться, старался поддерживать, по прежнему, старинную связь ихъ и дружбу. Но черный Василій, мало-по-малу отдаляясь отъ него, воспользовался первою разлукою, забылъ его, не писалъ ему, а писалъ только принцессѣ, увѣряя ее на китайскомъ діалектѣ въ искренней приверженности и привязанности. Принцесса, которая начинала уже говорить и понимать по-китайски и не зная, какъ зовутъ Василія чернаго по отцу, отвѣчала ему:

— „С . . . . . с . . . . Василій! Не вѣрю я твоимъ увѣреніямъ! Кто измѣнилъ дружбѣ, тотъ не заслуживаетъ вѣры ни въ ка-

[1]) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, пріѣзжавшемъ къ своей семьѣ, находившейся за границей.

комъ другомъ чувствѣ. Товарищъ твой хотя бѣлѣе и глупѣе тебя, но добрѣе... А потому, какъ скоро воротишься ты ко двору моему, повелѣно будетъ гофъ-мужику наказать тебя воловьими жилами по голымъ пяткамъ".

„Прощай, с . . . . . с . . . Василій!"

Это и есть то самое письмо, въ которомъ остроумный Перовскій зло вышучиваетъ своего „чернаго" (т.-е. смуглаго) друга за его манкированіе въ перепискѣ, подтруниваетъ надъ своимъ и Жуковскаго нелегальнымъ рожденіемъ и родителями, оставившими ихъ „на произволъ судьбы", и говоритъ, въ то же время, объ обязанностяхъ Жуковскаго при особѣ великой княгини Александры Ѳедоровны... Письмо это, повидимому, подѣйствовало на Жуковскаго и отчасти достигло цѣли: по крайней мѣрѣ, въ имѣющихся у насъ письмахъ Перовскаго, писанныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ году, не встрѣчаются уже горькія сѣтованія на молчаніе Жуковскаго,—хотя легкіе упреки въ этомъ смыслѣ все еще иногда проскальзываютъ въ письмахъ. Такъ, напр., въ письмѣ изъ Екатеринодара, Перовскій благодаритъ своего друга за „присланныя вѣсти" (вырѣзки изъ газетъ)—и затѣмъ пишетъ:

..."Тебя не смѣю просить писать мнѣ; а не худо бы: съ твоей стороны это была бы черта благородная, даже человѣколюбивая, а ты вѣдь къ этому способенъ. Здѣсь, сравнительно съ Петербургомъ, эти свѣдѣнія мнѣ гораздо важнѣе: тутъ узнать не отъ кого. Изъ всѣхъ даровъ Екатерины—Екатеринодаръ, конечно, самый пакостный; его описать трудно: это не городъ и не село; домовъ мало, улицъ много, но теперь по нимъ никто не ходитъ, потому что ни ходить, ни даже ѣздить нельзя —грязь лошадямъ по-брюхо. Нынче утромъ я на довольно рослымъ конѣ, хотѣлъ-было проѣхаться, но принужденъ былъ воротиться вспять, такъ какъ конь мой погрязъ, едва только я выѣхалъ за ворота.

„Прощай, любезный Василій! напиши хоть нѣсколько словъ твоему вѣрному товарищу—В. Перовскому".

Очевидно, Перовскій находилъ неотразимую для себя потребность въ письмахъ Жуковскаго. Что отвѣчалъ на эти сѣтованія своему другу поэтъ Жуковскій и чѣмъ онъ объяснялъ и оправдывалъ свое иногда продолжительное молчаніе, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, такъ какъ всѣ его письма были Перовскимъ, передъ смертью, сожжены,—за исключеніемъ двухъ, помѣщаемыхъ въ настоящей статьѣ. Это сожженіе писемъ Жуковскаго и др. представляется актомъ нѣсколько поспѣшнымъ—и

произошло такъ. Пріѣхавъ въ Крымъ, въ имѣніе Алупку, позднею осенью 1857 года, тяжко больнымъ и чувствуя приближеніе смерти, Перовскій рѣшилъ сжечь *всѣ* письма, имѣвшіяся при немъ, такъ какъ, въ виду отсутствія при себѣ кого-либо изъ близкихъ лицъ и не зная навѣрное, пріѣдутъ ли они и когда (телеграфа въ Крымъ въ то время еще не было), онъ не хотѣлъ, чтобы эти письма попали въ постороннія руки. И вотъ, когда онъ уже привелъ это въ исполненіе,—къ нему въ Крымъ, за десять дней до его кончины, пріѣхали братъ графъ Б. А. Перовскій и графиня А. А. Толстая. На ихъ рукахъ онъ и скончался.

Тѣ два письма Жуковскаго, которыя приводятся въ этой статьѣ, уцѣлѣли отъ ауто-да-фе случайно—какъ хранившіяся, въ качествѣ особо важныхъ и интересныхъ писемъ, въ отдѣльномъ портфелѣ Перовскаго.

Затѣмъ, изъ одного письма Перовскаго, писаннаго къ Жуковскому изъ Италіи, эта потребность переписки признается и объясняется всего лучше самимъ же Перовскимъ. Письмо это замѣчательно еще и въ другихъ отношеніяхъ. Оно, во-первыхъ, очень характерное по стилю Перовскаго, всегда остроумному, сжатому и, въ то же время, очень сердечному и благородному; во-вторыхъ, это письмо, писанное холостымъ и блестящимъ свитскимъ офицеромъ, преподаетъ скромному Жуковскому нѣкій *кодексъ любви* вообще и отношеній къ любимой женщинѣ въ частности; а въ-третьихъ, Перовскій говоритъ въ своемъ письмѣ о великой борьбѣ грековъ за освобожденіе. Этимъ письмомъ начиналась цѣлая серія интересныхъ писемъ Перовскаго къ Жуковскому изъ Италіи, которыя, годъ спустя, Жуковскій напечаталъ, подъ заглавіемъ: „Отрывки писемъ изъ Италіи“, въ альманахѣ Дельвига на 1825 годъ „Сѣверные цвѣты“,—и напечаталъ безъ предваренія Перовскаго, желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ. Вотъ это письмо изъ Флоренціи отъ 15 августа 1823 года.

„Ты отгадалъ, Жуковскій, я на тебя гнѣвался и хотѣлъ-было болѣе къ тебѣ не писать, но твое дружеское и лестное письмо обезоружило меня. Я согласенъ на условіе; только держи его свято: три письма моихъ за одно твое; торгъ для меня выгоденъ, и еслибы я былъ самолюбивъ, то могъ бы, пожалуй, возгордиться такою оцѣнкою моихъ писемъ, особенно когда ты требуешь ихъ „какъ любитель литературы“... Но—я самъ умѣю цѣнить свой товаръ: раздаю его безплатно и знаю, что онъ годенъ только для *немногихъ*; твои же письма для меня истинно

необходимы: во-первыхъ, потому, что въ каждомъ изъ нихъ ты пересылаешь мнѣ нѣсколько искръ чистаго огня, которымъ могу зажигать мои *фонари*; а во-вторыхъ, и потому, что—мнѣ кажется—нельзя аукать въ лѣсу, зная впередъ, что никто не откликнется... Ты на одинъ фрейлинскій взглядъ, на одну улыбку отвѣчаешь мадригаломъ, а я требую отъ тебя не отвѣтовъ (на мои письма отвѣчать нечего), а отвѣчай лишь на дружбу.

„Я молчалъ тоже и оттого, что писать было не о чемъ. Давно уже я сижу во Флоренціи, а въ ней, кромѣ картинныхъ галлерей, которыя давно описаны, нечего болѣе описывать.

„Относительно же твоего желанія узнать мои мысли на извѣстную тему, скажу слѣдующее. По-моему, послѣ несчастія быть несчастнымъ въ любви, самое ужасное, это—*казаться, безъ любви, влюбленнымъ*... И это еще, пожалуй, хуже перваго. Увѣрять женщину въ чувствѣ, котораго не чувствуешь,—грѣшно; но еще грѣшнѣе, увѣривъ ее въ этомъ, вывести затѣмъ изъ заблужденія. Ничто, кажется, не можетъ дать право нанести ей, вдругъ, ударъ—и ея любви, и самолюбію!.. Вотъ *мой кодексъ*. Человѣкъ, въ такихъ случаяхъ, долженъ быть самъ себѣ и обвинитель, и судья,—и судья строгій.

„Обманъ въ любви принято свѣтскими законодателями не считать обманомъ; оставить женщину не считается у нихъ проступкомъ... А по-моему, это—истинное преступленіе и противъ чести, и противъ сердца. Я думаю, что и твое убѣжденіе будетъ, въ этомъ случаѣ, согласно съ моимъ.

„Теперь о другомъ. Греки съ турками воюютъ. „Святые союзники“ глядятъ на нихъ и говорятъ: „Намъ некстати вмѣшиваться въ чужія дѣла... Къ тому же, грекамъ стоитъ только привыкнуть,—они тогда и сами одолѣютъ турокъ“. А между тѣмъ, турки ихъ рѣжутъ и мучаютъ... Мнѣніе „святыхъ союзниковъ“ для грековъ, конечно, очень лестно; но я опасаюсь, что, пока греки „привыкнутъ“—турки могутъ всѣхъ ихъ вырѣзать“...—Твой В. Перовскій“.

Наступилъ, затѣмъ, 1825-й годъ. Великій князь Николай Павловичъ сталъ императоромъ. Жуковскій сдѣлался лицомъ очень близкимъ—уже не къ великокняжескому, а къ императорскому двору; на него возложено было дѣло чрезвычайной важности—воспитаніе малолѣтняго наслѣдника престола, Александра Николаевича. Перовскій же попалъ совсѣмъ не туда, куда могъ разсчитывать попасть человѣкъ съ выдающимися, имѣвшимися

въ немъ, талантами администратора и военачальника; онъ былъ назначенъ „правителемъ канцеляріи“ морского министерства. Послуживъ на этой должности очень короткое время, Перовскій послалъ изъ Вѣны (гдѣ онъ находился въ отпуску, для свиданія съ отцомъ, гр. Разумовскимъ), на имя великаго князя Михаила Павловича, письмо, содержаніе котораго становится отчасти извѣстнымъ изъ слѣдующаго, очень характернаго письма его, отправленнаго одновременно и къ Жуковскому, стоявшему въ то время на высотѣ своего служебнаго положенія при дворѣ императора Николая:

„Жуковскій!

„Твое письмо я получилъ въ Вѣнѣ. Ты угадалъ, что буду на тебя сердиться, но угадалъ также, что и прощу тебя. Признайся, однако, что сердился я не напрасно?.. И простивши, не могу еще извинить тебя. Обо всемъ поговоримъ подробнѣе, когда увидимся; увидимся мы скоро—но надолго ли? Не знаю. Моя будущность не въ моихъ рукахъ...

„Прежде, нежели направлю свои шаги въ Петербургъ, хочу знать—на какой ногѣ придется мнѣ тамъ стоять? Когда я уѣзжалъ изъ Россіи, великій князь [1]) думалъ, что будетъ весьма трудно замѣнить меня въ должности правителя канцеляріи; я зналъ, что онъ ошибается, и что скоро перемѣнитъ мнѣніе. Поэтому, если я теперь, возвратясь, сяду на свое мѣсто, не говоря ни слова и не объяснившись, великій князь можетъ подумать, что я нахожусь на свой счетъ въ томъ заблужденіи, изъ котораго онъ уже вышелъ и въ которомъ я никогда не былъ. Итакъ, я написалъ ему; вотъ *текстъ* моего письма (которое, если хочешь, можешь видѣть у Адлерберга): я подозрѣваю, что не гожусь болѣе въ „правители канцеляріи“—и знаю навѣрное, что въ такомъ случаѣ не годенъ ни на что другое. Къ сему „тексту“ прибавилъ я нѣсколько варіацій.

„Мое настоящее расположеніе и всегдашняя наклонность влекутъ меня изъ службы; а нѣкоторыя обстоятельства и нѣкоторые люди понуждаютъ и совѣтуютъ еще въ ней остаться; но быть лишнимъ, безполезнымъ я не соглашусь: я прошусь въ отставку—и прошусь убѣдительно; откажутъ—это будетъ мнѣ лестно, но не весьма пріятно; согласятся—будетъ пріятно, но не такъ лестно. Но я предпочитаю пріятность безъ лести—лести безъ пріятности. Притомъ же, *дворъ* я никогда не считалъ для себя надежною пристанью; всегда былъ готовъ поднять якорь и рас-

---

[1]) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

пустить паруса—прежде, чѣмъ морской вѣтеръ разобьетъ меня о берегъ, или же береговой выгонитъ насильно въ море...

„Два слова о тебѣ. Занятія твои меня пугаютъ: мнѣ кажется, что ты—какъ *Жуковскій*—потерянъ теперь для друзей, какъ давно уже для нихъ потерянъ, *какъ поэтъ*. Гдѣ найдешь ты время бесѣдовать съ нами?!.. Но объ этомъ переговоримъ, когда увидимся.—Прощай, до свиданья! Что бы ни было со мною, товарищъ, вотъ тебѣ рука, вотъ тебѣ двѣ; одну дай Александрѣ Андреевнѣ [1]) и будь здоровъ".

Желаніе Перовскаго исполнилось: въ должности „правителя канцеляріи" его замѣстило другое лицо,—и онъ продолжалъ жить и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ; дружественныя отношенія между нимъ и Жуковскимъ оставались такъ же любовны и искренни, и все такъ же Перовскій продолжалъ иногда роптать на „гнусную лѣнь" своего друга въ перепискѣ. Для болѣе полной характеристики ихъ тогдашнихъ—въ началѣ царствованія Николая Павловича—отношеній, а также и нѣкоторыхъ событій того времени—при дворѣ и въ литературѣ—приведемъ здѣсь два письма Перовскаго *изъ Петербурга*, къ Жуковскому, находившемуся за границей. Годъ на этихъ письмахъ не выставленъ, но можно предполагать, что они писаны въ зиму съ 1826-го на 1827-й годъ.

29 ноября (1826 г.).

„Любезный Васинька!

„Я весьма обрадовался, получивъ милое письмо твое; это—уже второе съ отъѣзда твоего, и я столь часто не ожидалъ отъ тебя грамотъ, хотя и имѣю на нихъ нѣкоторое право. Но ты вѣдь баловать не любишь: теперь обѣщаешь не писать болѣе до апрѣля, а я, желая походить на тебя какъ можно ближе, произношу таковой же обѣтъ!.. Будучи совершеннымъ господиномъ своихъ занятій, все-таки неучтиво съ твоей стороны объявлять, что почти шесть мѣсяцевъ не будешь болѣе писать мнѣ. Если бы этотъ отдыхъ нуженъ былъ для твоего здоровья, или даже если бы бумага, на которой ты пишешь ко мнѣ, была нужна для какой-нибудь другой твоей нужды, я не сказалъ бы ни слова, и даже часто посылалъ бы тебѣ письма для наружнаго употребленія; но этого нѣтъ; слѣдовательно, твое заранѣе обдуманное молчаніе будетъ не что иное, какъ гнусная лѣнь.

„Я просилъ твоимъ именемъ Блудова писать тебѣ; онъ обѣ-

---

[1]) Александра Андреевна Воейкова—родная племянница Жуковскаго, которую Перовскій очень уважалъ.

щалъ „подумать"... Знаешь ли ты, что онъ, Блудовъ, сдѣланъ товарищемъ мужа Шишкова? [1]) Вообще, этотъ выборъ одобренъ гласомъ народа, который теперь въ правѣ ожидать нѣкотораго просвѣщенія. Блудовъ сказалъ Шишкову: — „*Товарищъ*! вотъ, тебѣ рука!.." А Шишковъ отвѣчалъ Блудову: „И жизнь отцвѣтшая моя надеждой новой возгорится"...

„Говорятъ также (но это еще не вѣрно), что Дашковъ будетъ товарищемъ Ланского,—и это было бы не дурно. Вас. Павл. Барыкова родила сына... Не знаю отчего, вслѣдъ за Ланскимъ пришли мнѣ на умъ родины? Можетъ быть, оттого, что сей мужъ нѣкоторымъ образомъ похожъ на бабу.

„Зная, что для тебя письмо не въ письмо, если не говорить въ нёмъ о твоей квартирѣ, скажу, что я непремѣнно займусь всѣми улучшеніями, которыя внушитъ мнѣ вкусъ и дружба касательно твоего ложемента: *вы* желали—исполняю; улыбнетесь—награжденъ; трудъ бездѣлкой почитаю, когда вамъ онъ посвященъ,—Василій Андреевичъ!..

„Одно мѣсто твоего письма перенесло меня въ давно прошедшее. Ты говоришь объ остаткахъ примадонны *Сандрени*— и удивляешься, не находя въ ней ничего, что̀ бы могло плѣнять... Другъ мой! тому уже двѣнадцать лѣтъ, какъ она меня плѣняла, и не меня одного, а начиная отъ толстаго Репнина jusqu'au plus mince officier de son état major, всѣ были ею очарованы: тогда, ни голосъ ея, ни сама она не дрожала. Сними теперь съ ея костей двѣнадцать лѣтъ—и увидишь, что ей было тогда двадцать-восемь. Прощай!"

Укоры Перовскаго своему другу за намѣреніе не писать въ теченіе шести мѣсяцевъ подѣйствовали на него, и онъ отвѣчалъ ему въ скорости,—что̀ мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма (на которомъ тоже нѣтъ года):

„Всегда любезный мнѣ, въ особенности же, всегда любимый мною Жуковскій!

„По предъидущему твоему письму, я ожидалъ отъ тебя слѣдующее письмо только въ апрѣлѣ. Вообрази же, какъ я обрадовался и еще больше удивился, получивъ еще письмо и увидавъ въ календарѣ, что у насъ только январь... Если не ошибаюсь, то, кажется, только моя неисправность послужила причиною исправнаго твоего писанья: именно, тебѣ бы хотѣлось имѣть болѣе подробностей о твоей квартирѣ, а особливо—планъ

[1]) Шишковъ состоялъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

ея... Нѣтъ, братъ, не обманешь!—пришлю, такъ перестанешь писать!.. Подожди,—но не безпокойся.

„Вяземскій прислалъ мнѣ, для отправленія къ тебѣ, цѣлый пучокъ журналовъ; я распоролъ его и вытащилъ оттуда письмо, которое, не читая, посылаю тебѣ; журналы же получишь немного погодя, чрезъ курьера.

„Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ тебѣ о дѣлахъ „Инвалида": ты знаешь, что на 27-ой годъ онъ оставленъ за В. [1]) на прежнемъ основаніи; теперь есть надежда, что и послѣ не совсѣмъ онъ отойдетъ отъ В.—Государь былъ столько добръ, что велѣлъ переговорить съ В. и придумать какой-либо способъ, чтобы, увеличивъ доходы инвалидовъ, не совсѣмъ лишать дохода и В.—Объ этомъ императора никто не просилъ, и это сдѣлано собственно имъ самимъ. Дай Богъ, чтобы дѣло это устроилось!

„Блудовъ est très scandalisé, что ты ему ни разу не писалъ; ему же теперь истинно нѣтъ времени и на записку: все занято его новою должностью и разными комитетами.

„На сей разъ объ Александрѣ Николаевичѣ скажу только два слова; послѣ буду писать подробнѣе: онъ продолжаетъ успѣвать во всемъ; премилый, предобрый и дающій большія надежды ребенокъ; нельзя не любить его всѣмъ сердцемъ; про тебя вспоминаетъ всегда съ тою же привязанностью. Великія княжны, также, съ каждымъ днемъ становятся прелестнѣе. Весело хвалить, когда можно хвалить безъ лести, а тутъ, къ счастію, можно распространить таковую безпристрастную хвалу и на самого императора. На его счетъ теперь одинъ голосъ: все, что въ продолженіе года можно было сдѣлать безъ крутыхъ переворотовъ—сдѣлано и дѣлается: злоупотребленія выводятся и наказываются, коль скоро ихъ открываютъ,—и тѣ, коимъ должно бояться, сдѣлались уже гораздо осторожнѣе не только въ столицѣ, но и внутри государства. Надобно надѣяться, что со временемъ осторожность эта обратится въ настоящую добродѣтель; притомъ же, покуда мы наживемъ безкорыстныхъ судей и безпристрастныхъ начальниковъ, можно будетъ довольствоваться и плутами, если они, хотя отъ страха, будутъ исправно играть роль честныхъ. Всѣ дивятся неутомимой дѣятельности императора. Быть можетъ, дѣятельность эта происходитъ отъ порочнаго образованія учрежденій, но несомнѣнно, что во всемъ государ-

---

[1]) Тутъ рѣчь идетъ о Воейковѣ—редакторѣ „Русскаго Инвалида", часть доходовъ съ котораго рѣшено было отчислять въ инвалидный капиталъ.

ствѣ онъ болѣе всѣхъ трудится,—и этотъ примѣръ прекрасенъ, если не будетъ забытъ тѣми, кои должны ему подражать.

„Прощай, любезный Жуковскій! цѣлую тебя въ морду. 25-го января.—В. Перовскій".

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, писанномъ 1-го января 1828 года изъ Екатеринодара, куда Перовскій былъ посланъ государемъ для разслѣдованія злоупотребленій, онъ уже оставляетъ миролюбивый тонъ относительно „пристрастныхъ начальниковъ" и „плутовъ", сильно возмущается своею честною душой и тотчасъ же спѣшитъ подѣлиться своими ощущеніями съ другомъ. Вотъ это интересное письмо:

„Января 1-го, 1828 года. Екатеринодаръ.

„Ты хочешь, чтобы я писалъ тебѣ, любезный мой Василій, но, право, не пишется—и не отъ лѣни, а отъ какого-то душевнаго engourdissement... Дѣлъ пропасть; почти каждый день сижу надъ ними часовъ до двухъ ночи; но—дѣла все мерзкія, отвратительныя: грабительства, притѣсненія бѣдныхъ, и тому подобное. Я хотѣлъ избѣжать въ жизни производства слѣдственныхъ дѣлъ—и попалъ сюда, какъ куръ во щи... Теперь у меня *четыре* дѣла, каждое листовъ по 600 и болѣе, а это только начало дѣлъ, и каждое изъ нихъ я непремѣнно долженъ прочитать отъ листа до листа, сдѣлать выписки, запросы и всякую дьявольщину, и при томъ еще читать бумаги, писанныя на малороссійскомъ діалектѣ, гдѣ, напримѣръ, Ѳома зовется Хомою, а хуторъ—футоромъ, и т. под. Скука смертельная!.. Одно только и утѣшаетъ меня, что пребываніе мое здѣсь непремѣнно должно принести пользу,—если не такую, которая бы была замѣтна въ Петербургѣ, то ужъ навѣрное чувствительную для угнетеннаго здѣшняго края. *Ты не повѣришь, до какой степени черноморскіе аристократы притѣсняли народъ*! Турецкіе паши никогда не налагали такихъ тяжестей на бѣдныхъ грековъ,—и греки, къ тому же, всегда находили себѣ защитниковъ, а черноморскій казакъ—безгласенъ: его бьютъ, сосутъ, а жаловаться запрещаютъ! Зато, въ нихъ такъ мало осталось удальства и молодечества ихъ предковъ—запорожцевъ: это настоящія мухи въ лапахъ у пауковъ... Въ любой русской губерніи, даже въ самой глухой и темной, можно все-таки найти съ кѣмъ поговорить,—если не съ мѣстнымъ уроженцемъ и обывателемъ, то съ заѣзжимъ или отставнымъ; а здѣсь—повѣришь ли?—въ цѣлой губерніи не съ кѣмъ слова вымолвить; и сущая бѣда, если набредешь на черноморскаго ученаго: точно попалъ на заднюю скамейку низшаго

класса уѣзднаго училища!.. Ни къ селу, ни къ городу, начнетъ разсказывать анекдоты про царя Македонскаго и тому подобныя новости: вретъ—и божится, и увѣряетъ, что онъ читалъ все это въ какой-то хорошей исторіи...

„Теперь здѣсь смѣняется черезъ день или грязь непролазная и непроходимая, или глубокій снѣгъ, изъ котораго на слѣдующій день опять грязь... Говорятъ, что это—la belle saison du pays!.. А весны и лѣта даже и старожилы боятся,—тогда отъ лихорадокъ нѣтъ спасенья и ничѣмъ нельзя отъ нихъ защититься и избавиться.

„Надѣюсь окончить порученіе прежде, чѣмъ получу лихорадку; а если къ тому времени не кончу, то поминай какъ звали!.. А propos de *какъ звали*: ныньче, любезный мой Василій, твои и мои имянины... Позволь мнѣ поздравить и тебя, и себя, и пожелать тебѣ счастья болѣе, чѣмъ себѣ желаю; а я себѣ желаю его довольно, да что-то не идетъ... Все равно, авось *къ тебѣ* придетъ,—тогда половину уступишь мнѣ; разумѣется, половину не такую, какъ пріобрѣтаетъ себѣ Кавелинъ: на этакія „половины“ я не имѣю претензіи... А каковъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ Кавелинъ! сколько счастья вдругъ привалило: и женихъ, и генералъ,—начиная съ плечъ и нисходя до.....! Прощай! не забывай твоего—Перовскаго“.

Въ томъ же 1828 году, наступила турецкая война, на которую императоръ Николай Павловичъ отправился лично. Мы знаемъ, кто изъ приближенныхъ любимцевъ императора пожелалъ раздѣлить съ нимъ труды походной жизни—графы Адлербергъ, Бенкендорфъ, Орловъ и др.,—но преданный государю полковникъ Василій Перовскій не только провожалъ государя на войну, но даже принялъ и въ сраженіяхъ личное участіе. И среди боевыхъ трудовъ и ужасовъ войны онъ имѣлъ время писать коротенькія, летучія письма къ своему далекому другу, Жуковскому, который, тоже, не забывалъ писать и ему. Такъ, напримѣръ, изъ лагеря подъ Анапой, отъ 13-го мая 1828 года, Перовскій пишетъ:

„Между ядрами турокъ съ одной стороны и пулями черкесъ съ другой, на дождѣ, получилъ я и прочелъ письмо твое, любезный другъ Василій, о петербургскихъ новостяхъ. Что̀ сказать тебѣ! Я могу теперь писать тебѣ лишь очень рѣдко и мало: ни день, ни ночь покою нѣтъ. *До сихъ поръ, я здоровъ.* Пиши чаще и знай, что сообщенія такъ трудны, что мое молчаніе не должно никого безпокоить. Прощай, любезный другъ! Цѣлую и обнимаю тебя.—В. Перовскій“.

Точно чувствовалъ Перовскій, отправляя это письмо, что вотъ-вотъ должно случиться съ нимъ что-нибудь недоброе: не даромъ онъ написалъ: *„до сихъ поръ*, я здоровъ"... и сообщалъ, что онъ будетъ писать „лишь очень рѣдко и мало" и просилъ писать *ему* „чаще"... Слѣдующее за этимъ письмо Перовскій могъ написать лишь пять мѣсяцевъ спустя—8-го октября 1829 года; онъ былъ тяжко раненъ пулею въ грудь, и пулю тогдашніе полевые хирурги долго не могли вырѣзать. Вотъ письмо этого крѣпкаго и мужественнаго человѣка:

„8-го октября, 1829 г.

„Я получилъ письмо твое, милый другъ, отъ неизвѣстнаго числа и мѣсяца. Твоя радость знать меня живымъ не удивила меня; но я хочу теперь еще болѣе обрадовать тебя: я *почти здоровъ*;—спереди рана закрылась, сзади тоже *скоро закроется*; остается боль въ груди, но которая меня не мучитъ и не безпокоитъ. Вотъ, видишь, Васька, какъ я скоро оправился!.. Что-то будетъ на будущій годъ? Кажется, придется опять грудь подставлять; да пройдетъ ли опытъ по нынѣшнему?!.. Какъ досадно, что Варна взята безъ меня! Ну, что бы стоило тому же туркѣ попасть въ меня мѣсяцемъ позже!..

„Я надѣюсь скоро выѣхать отсюда—то-есть, дней черезъ десять. Въ дорогѣ останусь около двадцати дней; значитъ, въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ будущаго обниму тебя.

„Новостей тебѣ не пишу никакихъ; все, вѣрно, знаешь самъ, а чего не знаешь,—скажутъ пріѣзжающіе отъ насъ, съ войны.

„Пожалуйста, уйми Воейкова: онъ завелъ преглупую брань съ Булгаринымъ; я вижу это изъ „Пчелы" и изъ „Инвалида", и вижу, что это можетъ кончиться очень дурно для Воейкова,—то-есть, онъ легко можетъ лишиться редакціи. Булгаринъ не безъ умысла напечаталъ въ одномъ и томъ же номерѣ „Пчелы" отвѣтъ Воейкову и панегирикъ брату Бенкендорфа... Воейковъ сто разъ обѣщалъ мнѣ не печатать въ „Инвалидѣ" никакихъ литературныхъ браней,—у него есть на то, особый ну... къ, „Славянинъ", и Булгаринъ подѣломъ—appuie sur ce que „l'Invalide" est une gazette officielle, où on ne peut se permettre de mauvaises plaisanteries.

„Прощай, другъ души! обнимаю тебя.—В. Перовскій".

Вышеприведенное письмо дорисовываетъ прекрасными штрихами личность друга Жуковскаго—его выносливую, желѣзную натуру, его преданную любовь къ своему другу, котораго онъ, человѣкъ, лежащій на одрѣ болѣзни, съ незакрывшеюся еще раною, причиненной, послѣ турецкой пули, ножомъ хирурга,

спѣшитъ увѣрить, что „почти здоровъ"... Въ то же время, этотъ тяжко раненый и изрѣзанный человѣкъ интересуется „преглупою бранью", которую завелъ редакторъ „Инвалида" съ недобросовѣстнымъ Булгаринымъ, опирающимся на Бенкендорфа: онъ отлично понимаетъ предательскій ударъ Булгарина, боится за Воейкова—и старается его предупредить и предостеречь... Да, Жуковскій едва ли могъ найти и выбрать себѣ лучшаго друга, чѣмъ Перовскій!

Когда одного изъ друзей, Перовскаго, постигло тяжкое горе—смерть отца, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, котораго онъ, въ глубинѣ и въ тайнѣ своей доброй и нѣжной души, сильно любилъ, несмотря на то, что не получилъ отъ этого отца ни имени, ни состоянія, то горе свое онъ тотчасъ же повѣдалъ другу, въ слѣдующемъ письмѣ:

„Почепъ. 10-го апрѣля.

„Все кончено, любезный другъ!.. Какъ ни спѣшилъ я, пріѣхалъ все-таки поздно: графъ скончался на другой день моего выѣзда изъ Петербурга. Скорая ѣзда доставила мнѣ, однакоже, послѣднее утѣшеніе—еще разъ взглянуть и проститься съ покойникомъ, для чего пришлось изъ телѣги попасть прямо въ церковь. Думаю, мнѣ не нужно описывать тебѣ мое душевное состояніе... Послѣ трехъ-лѣтней разлуки, нашелъ я отца въ гробѣ!.. Несмотря на всѣ старанія мои, я могъ лишь съ трудомъ узнать нѣкоторыя только черты обезображеннаго уже смертью лица его... Утѣшительно знать, какъ оставилъ онъ жизнь эту: кто и зналъ его, удивится твердости, христіанской покорности въ мученіяхъ и спокойствію, съ каковыми ожидалъ онъ приближенія смерти!.. Въ продолженіе десяти сутокъ, ожидалъ онъ каждую минуту послѣдняго издыханія, дѣлалъ распоряженія, самыя подробныя, молился или заставлялъ читать молитвы, во время которыхъ забывалъ, обыкновенно, свои страданія, самъ считалъ пульсъ свой и расчислялъ, сколько остается еще жить ему.... Братъ [1]) не отходилъ отъ постели его съ начала болѣзни до послѣдней минуты; ему продиктовалъ онъ два завѣщанія; по

[1]) Рѣчь идетъ о старшемъ братѣ, Алексѣѣ, авторѣ „Монастырки", писавшемъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Всѣхъ Перовскихъ было четверо: такъ, кромѣ Алексѣя, былъ Левъ Перовскій, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, и Василій и Борисъ, умершіе въ званіи генералъ-адъютантовъ. Всѣ братья, кромѣ Алексѣя, получили впослѣдствіи, за службу, графское достоинство (см. сочиненіе кн. А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ").

его напоминанію, примирился съ сыномъ [1]) и велѣлъ ему написать *статьи* для сестеръ и для него самого, для брата, сказавши: „Пиши, что̀ хочешь, я на все согласенъ". Братъ, однако, отъ всего отказался. Сестрамъ дадутъ наслѣдники то, что̀ приказывалъ графъ, если захотятъ, а мы довольны тѣмъ, что̀ дано намъ прежде. Братъ завѣщаніемъ симъ сдѣланъ главнымъ исполнителемъ воли графа, и къ нему во многомъ должны будутъ относиться сами наслѣдники,—и тогда они увидятъ, какъ и для кого воспользовался онъ послѣднею довѣренностью отца. Изъ насъ же, къ счастію, не найдется ни одного, который бы въ полной мѣрѣ не былъ благодаренъ Алексѣю за его поступокъ безкорыстный.

„Въ послѣдніе три дня была при графѣ и княгиня Репнина [2]).

„Вотъ, милый другъ Василій, краткое описаніе страшныхъ минутъ, утѣшительныхъ развѣ лишь тѣмъ, что онѣ заглаживаютъ вполнѣ все, что̀ въ жизни могло быть не совсѣмъ похвально. Никто, однако, не въ правѣ роптать на него: всѣхъ онъ вспомнилъ

„Прощай! Въ другой разъ буду писать тебѣ болѣе. Кланяйся Тургеневу (Н. И.) и не забывай вѣрнаго твоего—В. Перовскаго".

Затѣмъ, въ слѣдующемъ письмѣ къ Жуковскому, писанномъ изъ того же Почепа—имѣнія скончавшагося графа,—Перовскій говоритъ о многихъ тяжелыхъ непріятностяхъ, происшедшихъ тотчасъ же послѣ похоронъ, въ домѣ Разумовскаго: различная челядь, желая подслужиться *законнымъ* наслѣдникамъ, стала увѣрять ихъ, что братья Алексѣй и Василій Перовскіе „расхищали, предъ смертью графа, имущество его"... Идеально честная и безкорыстная душа Василія Алексѣевича Перовскаго была глубоко оскорблена и возмущена этими клеветами. Вотъ часть этого письма:

..."Непріятностямъ разнаго рода нѣтъ счету... Мы—я и братъ—сносили все терпѣливо, *ко всему* приготовившись заранѣе; но теперь задѣваютъ и оспариваютъ наше самое законное наслѣдство—*честь*. Подлые люди, не знавшіе, что имѣется за-

---

[1]) Съ графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Разумовскимъ, который былъ *старшимъ* изъ законныхъ сыновей графа А. К.; младшій же братъ, гр. Кириллъ Алексѣевичъ, страдавшій неизлечимою душевною болѣзнью, содержался въ это время, подъ строгимъ присмотромъ, въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.

[2]) Княгиня Варвара Алексѣевна, законная дочь графа отъ супружества съ гр. В. П. Шереметевой („Семейство Разумовскихъ", т. II). Она одна изъ всѣхъ четырехъ *законныхъ* дѣтей графа А. К. присутствовала при его смерти.

вѣщаніе покойнаго графа, думая, что оно совершено въ нашу пользу и желая прислужиться законнымъ наслѣдникамъ, подали во всѣ присутственныя мѣста „протестъ" и, сверхъ того, массу доносовъ... Несмотря на то, что братъ, стоя на колѣняхъ у смертнаго одра графа, думалъ только объ успокоеніи умирающаго отца, примирилъ его съ законными дѣтьми, отказался, при духовникѣ и свидѣтеляхъ, отъ всѣхъ личныхъ въ завѣщаніи выгодъ,—несмотря на все это, доносы, наполненные гнуснѣйшими клеветами, возъимѣли свой ходъ и дошли до министра внутреннихъ дѣлъ. Я пишу о томъ нынѣ къ великому князю, прошу довести все до свѣдѣнія государя—и не хочу никакой другой награды за прошлую и будущую мою службу.

..."Братъ объявилъ законнымъ наслѣдникамъ, что пусть все, данное раньше, возьмутъ отъ насъ, что мы—выше разсчетовъ и интересовъ, и что онъ счастливъ тѣмъ, что графъ умеръ на рукахъ его и что въ послѣднія минуты онъ своею сыновнею любовью доказалъ, что *предъ Богомъ нѣтъ разницы между дѣтьми законными и незаконными*... Алексѣй не требуетъ другой награды, кромѣ одной—чтобы память графа не была помрачена подлыми и злыми людьми.

„Прощай, другъ мой! Будьте всѣ здоровы.—В. Перовскій".

Вотъ въ какихъ прекрасныхъ, благородныхъ выраженіяхъ вылилась истинная сыновняя любовь и почитаніе къ памяти отца со стороны друга Жуковскаго — и какое глубокое негодованіе проявилось въ его честной и прямой душѣ, оскорбленной въ ея самыхъ чистыхъ и лучшихъ проявленіяхъ!.. Все это — и свою скорбь, и негодованіе — Перовскій спѣшитъ повѣдать, прежде всего, своему „другу души", поэту Жуковскому, умѣвшему, несомнѣнно, вполнѣ его понять и откликнуться ему...

Къ крайнему сожалѣнію, для болѣе полной характеристики взаимныхъ отношеній этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, недостаетъ писемъ Жуковскаго къ Перовскому, уничтоженныхъ, какъ мы упоминали выше, самимъ Перовскимъ, передъ смертью. Изъ сохранившихся же писемъ мы приведемъ здѣсь и второе письмо, написанное терявшимъ уже зрѣніе Жуковскимъ къ своему другу — по полученіи извѣстій о томъ, что Перовскій, бывшій совсѣмъ уже при смерти, выздоровѣлъ и что съ нимъ, при этомъ, произошелъ нѣкоторый душевный переворотъ, „перемѣнившій направленіе его жизни". На этомъ письмѣ, найденномъ послѣ смерти Перовскаго въ его „особо важныхъ" бумагахъ, сдѣлана была его рукою слѣдующая надпись: „Передать, послѣ моей смерти, графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой", которой —

онъ зналъ—будетъ очень пріятно имѣть это письмо Жуковскаго, особымъ уваженіемъ котораго и любовью она пользовалась. О графинѣ А. А. и упоминается въ началѣ этого интереснѣйшаго письма:

„Мой милый Перовскій!

„Все, что̀ графиня Толстая разсказывала мнѣ о послѣднемъ времени твоей жизни, наполнило благоговѣніемъ мое сердце. Оказывается, нѣсколько мгновеній перемѣнили направленіе твоей жизни... Понимаю вполнѣ, *что̀ съ тобою было*,—и еслибы можно было въ подобныхъ случаяхъ завидовать, я сказалъ бы, что завидую тебѣ. Кто провелъ нѣсколько ночей, какъ ты, въ чтеніи Евангелія въ виду приступающей уже смерти, въ переборѣ всего своего прошедшаго, и кто сдружился такъ, какъ ты, въ эти минуты со смертью, тотъ получилъ самое желанное — то, чего мы никакими усиліями воли своей получить не можемъ — получилъ *опытъ сердца*. Вѣра есть не иное что̀, какъ опытъ надъ нашимъ собственнымъ сердцемъ. Съ тобою случилось то *великое*, которое дается немногимъ —и, судя по словамъ Александрины, я нахожу, что ты своимъ здравымъ умомъ выбралъ именно тотъ путь, по которому ты наилучшимъ, наиболѣе свойственнымъ тебѣ образомъ дойдешь къ той цѣли, которая такъ чудно была тебѣ указана самою смертью, бывшей въ этомъ случаѣ лишь временнымъ посланникомъ—изъяснителемъ Божіей воли. Это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствій [1]), съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на землю, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанина и стремленіе исполнять волю Спасителя, тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе — лучшей дороги ты выбрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что̀ тебѣ сказали тѣ святыя ночи ожиданія смерти, въ которыя изъ своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель.

„Ты—человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собой своего Спасителя въ земную дѣятельность, посади Его съ собою на оренбургское губернаторство — пусть Онъ будетъ вездѣ и во всемъ съ тобою, —и изъ этого выйдетъ, наконецъ, миръ сердца, и въ свое время возобновятся для тебя тѣ *святыя ночи*, которыя были такъ благостно, самимъ Богомъ, тебѣ нис-

[1]) Тотчасъ же по выздоровленіи, въ томъ же 1851 году, Перовскій отправился вновь въ Оренбургъ, назначенный на постъ оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора и командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса.

посланы, но въ которыя уже смерть тебя не обманетъ, а возьметъ на свои руки—къ утѣшенію всѣхъ, кто пойметъ подобное таинство.

„Я ѣду скоро, то-есть черезъ недѣлю, въ Россію. Пишу къ тебѣ съ закрытыми глазами, которые у меня разболѣлись. Въ отечествѣ, можетъ быть, увидимся [1],—хотя мнѣ трудно вообразить, чтобы ты могъ оставить то мѣсто, которое теперь самъ себѣ выбралъ,—и нельзя желать, чтобы ты его оставилъ. Наша жизнь давно развела насъ. Теперь, на старости, разными путями, попали мы на одну дорогу. Заведемъ въ Россіи переписку—разъ въ мѣсяцъ, страницу или двѣ; кажется, дѣло сбыточное. Правда?—а увидишь, что не сбудется... Ну, прощай!—Жуковскій.

„P. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному. Ты не созданъ для созерцательной жизни, хотя все подобное весьма доступно твоему уму. Если ты, вслѣдствіе того, что̀ съ тобою произошло, захочешь *насильственно* предаться внутренней жизни, ты только *надорвешь душу*—и ничего не достигнешь. Твоя душа созрѣла на боевомъ полѣ жизни, — туда перенеси и внутреннюю ея жизнь. Какъ возвысится теперь все то, что̀ прежде дѣлалось въ смыслѣ одного только долга и что̀ *теперь* будетъ дѣлаться въ смыслѣ того же долга, но уже не сухого, земного, а превращеннаго въ жизни въ смиренную покорность Спасителю! Къ этому можно присоединить правило St.-François d'Assises: „Sentez, mais ne consentez pas". Мало ли что̀ осаждаетъ нашу душу! мы не можемъ не чувствовать то, что̀ само собою входитъ въ наше сердце; но мы всегда можемъ съ нимъ не соглашаться. Въ такомъ случаѣ, всякое дурное чувство становится намъ чуждымъ, становится только испытаніемъ души, полезнымъ ей, какъ гимнастика тѣлу.

„Не подумай, чтобы я принималъ роль твоего наставника. Нѣтъ! а говорить о такомъ предметѣ именно *съ тобой*—будетъ мнѣ къ добру: самого себя лучше узнаешь. А знать самого себя—значитъ бить себя по щекамъ ежеминутно".

„Баденъ. Іюль, 1851".

Это было *послѣднее* письмо Жуковскаго къ Перовскому. Въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, онъ скончался, окруженный своими родными—по женѣ—и напутствуемый священникомъ Базаровымъ, состоявшимъ при православной церкви въ Штутгартѣ. Послѣд-

[1]) Этой надеждѣ Жуковскаго не суждено было осуществиться: въ ночь съ 12-го апрѣля на 13-е, 1852 года, онъ въ Баденѣ же и скончался.

ніе дни и часы Жуковскаго подробно описаны о. Базаровымъ въ его довольно пространномъ и интересномъ письмѣ „О кончинѣ Жуковскаго“, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Ко всему вышесказанному о дружбѣ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей я нахожу не безъинтереснымъ добавить еще слѣдующее. Когда, три года тому назадъ, гр. А. А. Толстая передала мнѣ нѣсколько сотъ писемъ графа В. Перовскаго къ разнымъ лицамъ [1]), я замѣтилъ, что на большинствѣ изъ нихъ сдѣланы кѣмъ-то отмѣтки синимъ карандашомъ — и на поляхъ, и въ текстѣ—въ формѣ скобокъ, крестиковъ и вопросительныхъ знаковъ, — какъ будто бы кто-то собирался сдѣлать изъ нихъ выписки. Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе графини А. А.— и узналъ очень любопытную вещь, а именно, что эти отмѣтки сдѣланы рукою Л. Н. Толстого, которому, по его просьбѣ, всѣ эти письма были высланы графинею же — въ 1878 году, когда Л. Н., задумавъ писать романъ „Декабристы“, изучалъ „то время“ и, между прочимъ, остановился на крупной фигурѣ двадцатыхъ годовъ—на В. А. Перовскомъ. Затѣмъ, въ письмахъ разныхъ лицъ, хранимыхъ графинею А. А., я встрѣтилъ и самое письмо Л. Н. Толстого, относящееся къ этому дѣлу. Я позволю себѣ привести здѣсь это въ высшей степени интереснѣйшее письмо, часть котораго мнѣ довелось уже цитировать въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за минувшій годъ.

Вотъ это письмо Л. Н. Толстого, въ которомъ, между прочимъ, онъ говоритъ *объ обоихъ* этихъ людяхъ—Перовскомъ и Жуковскомъ вмѣстѣ:

„Ваше сомнѣніе, дорогой другъ, насчетъ моего выздоровленія было, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливо: я продолжаю хворать и лишь недавно—дня четыре—всталъ съ постели.

„Очень-очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для петербургской поѣздки, еслибы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ; желаніе это уже дошло до maximum; теперь нуженъ толчокъ... А толчка этого нѣтъ; даже, скорѣе, случился толчокъ обратный, въ видѣ моего нездоровья... Буду ждать. Личность Перовскаго вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits; — такимъ и

[1]) Почти всѣ эти письма — по крайней мѣрѣ болѣе интересныя изъ нихъ—войдутъ въ издаваемую мною, въ непродолжительномъ времени, книгу: „Графъ Перовскій—и его зимній походъ въ Хиву“.

я представляю его себѣ; и такая фигура—одна, напоминающая картину; біографія его—была бы груба [1]); но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напр., Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное, съ *декабристами*, — эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры,—выражаетъ вполнѣ *то время*.

„Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени двадцатыхъ годовъ, — и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать что то время, которое я помню — тридцатые года — уже исторія!.. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришелъ на богатый рынокъ и, оглядывая всѣ эти, къ его услугамъ предлагаемыя овощи, мяса̀, рыбы, мечтаетъ о томъ, какой бы онъ сдѣлалъ обѣдъ... Такъ и я мечтаю,—хотя и знаю, ка̀къ часто приходилось прекрасно мечтать, а потомъ портить обѣды, или ничего не дѣлать... Ужъ какъ пережаришь рябчиковъ, пото̀мъ ничѣмъ не поправишь! И готовить трудно—и страшно. А обмывать провизію, раскладывать—ужасно весело!..

„Молюсь Богу, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать хоть приблизительно то, что̀ я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить—до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе,—мнѣ бы хотѣлось сказать; но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то̀ самое и есть.

„Цалую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

Вашъ Л. Толстой“.

Просимые Львомъ Николаевичемъ матеріалы и „свѣдѣнія“ были ему даны, но задуманное имъ произведеніе, даже и „приблизительно“, не исполнилось: все ограничилось лишь извѣстными, очень небольшими *отрывками изъ романа* „Декабристы“. Такимъ образомъ, личность самаго близкаго къ Жуковскому друга—Перовскаго—осталась пока невыясненной.

Ив. Захарьинъ
(Якунинъ).

---

[1]) Надо обратить вниманіе, что Л. Н. Толстой писалъ эти строки еще *до* полученія имъ отъ графини А. А. Толстой просимыхъ „свѣдѣній“, т.-е. писемъ Перовскаго къ Жуковскому и другимъ лицамъ, по прочтеніи которыхъ едва-ли можно уже было бы найти „біографію“ Перовскаго—„грубой“.

КРУЖОКЪ „КРУГЛОЙ БАШНИ"

Изъ воспоминанiй В. Д. Хрущовой 1877—78 гг.

Окончанiе.

XVI *).

Когда, среди рабочихъ часовъ, выдавалась свободная минута, мы собирались въ IV-мъ отдѣленiи, ставшемъ центромъ нашихъ интимныхъ совѣщанiй и избраннымъ мѣстомъ для отдыха. Такое болѣе свободное время обыкновенно наступало между тремя-четырьмя часами.

Въ это время Д—ва пила чай, и мы съ сестрою были разъ навсегда званыя гостьи. Съ нѣкоторыхъ поръ Юлiя Серг. начинала похварывать и не могла ѣздить такъ аккуратно въ далекую загородную Башню. Въ ея отсутствiе, сестра моя замѣщала ее и брала эти отдѣленiя подъ свое вѣдѣнiе.

Въ добавокъ у Юлiи Серг., кромѣ ея занятiй въ Башнѣ, было много хлопотъ по дѣламъ „Общаго Кружка", весьма задорно и шумливо принявшагося за дѣло.

VI-е и VII-е отдѣленiя уже давно стали для насъ не чужими,—и между больными, а въ особенности между служителями, у насъ были прiятели. Обладая необыкновеннымъ умѣньемъ импонировать людямъ и вести дѣло, Д—ва создала изъ нѣкоторыхъ служителей настоящихъ себѣ помощниковъ. Между прочимъ, былъ въ ея отдѣленiи молодой служитель, родомъ сибирякъ, замѣнявшiй съ такимъ успѣхомъ сестру милосердiя, что трудно-

*) См. выше: мартъ, 249 стр.

больныхъ всегда приходилось поручать ему, даже и тогда, когда при отдѣленіи числилась наемная сестра милосердія.

Онъ, этотъ молодой человѣкъ, тоже ходилъ за больными „по усердію". Это былъ одинъ изъ тѣхъ привлекательныхъ типовъ, въ которыхъ строгость нравственныхъ понятій идетъ рука объ руку съ мягкостью, снисходительностью, жалостью къ другимъ.

Въ его обращеніи было что-то утонченное, деликатное,—качества, которыя не всѣмъ даетъ и высшее воспитаніе,—въ немъ они были самородны,—и это благородство натуры неотразимо привлекало. Никогда ни въ чемъ не воспользовался онъ нашимъ явнымъ къ нему довѣріемъ и исключительнымъ расположеніемъ.

Никакой въ немъ не было угодливости, никакой искательности и пошлости,—всегда ровный, всегда на видъ довольный. Его пріемы съ нами были ласковы и почтительны. Бывало, усаживаетъ онъ насъ въ сани, укутываетъ, увертываетъ, въ особенности если погода дурная, и наказываетъ извозчику везти насъ осторожно.

Никогда ни о чемъ личномъ не просилъ онъ насъ, а когда что получалъ, то поблагодаритъ и потупится,—точно вы его противъ шерсти задѣли. Онъ любилъ дѣло, любилъ насъ, и вещественный признакъ благодарности какъ будто дисгармонировалъ съ его внутреннимъ отношеніемъ къ намъ. Онъ молча слѣдилъ за нами, и когда, бывало, замѣтитъ, что которой-нибудь изъ насъ нездоровится, или одолѣетъ усталость, онъ подойдетъ и скажетъ: „Сестрица, тутъ для васъ койка готова,—пришли бы маленько отдохнуть".

Звали его Большаковъ.

Былъ еще и другой служитель въ этомъ отдѣленіи, котораго мы также любили и уважали за усердное отношеніе къ обязанностямъ, за милое обхожденіе съ больными и за безотвѣтную тихость и вѣжливость, — старикъ Юргановъ, тоже изъ сибиряковъ. Послѣднее время онъ лежалъ на койкѣ, у него сдѣлалось воспаленіе глазъ, и мы одно время думали, что добрый старикъ совсѣмъ ослѣпнетъ.

Съ чисто русскимъ терпѣніемъ, безропотно ожидалъ онъ рѣшенія своей участи, пока обреченный на полное бездѣлье. Онъ садился, бывало, поближе къ печкѣ, соберутся около него троечетверо товарищей, и онъ принимался имъ разсказывать. Говорилъ онъ не красно,—медленно и вяло, но солдаты любили слушать длинныя повѣствованія изъ былого, когда онъ былъ еще въ Сибири...

Прихожу и я разъ въ это отдѣленіе. Въ средней палатѣ, по

обычаю, собрались больные около печки, за печкой сидитъ старикъ Юргановъ и своимъ монотоннымъ голосомъ повѣствуетъ.

Я сѣла неподалеку у своего столика за списки и прислушалась.

— ...Да ужъ что-жъ,—какъ, бывало, ни повернись, что ни скажи,—ужъ знаешь, что порки не миновать. Такъ куда ни шло,—на все рѣшимости хватаетъ, на все готовъ!.. Да что-жъ, вѣдь правда, знаемъ, что хуже не будетъ, вотъ оно страху-то въ душѣ и нѣтъ никакого. Да,—вздохнувъ, продолжалъ онъ,—плохое было житье этимъ горнымъ фабричнымъ, а звались-то мы вольные рабочіе и жалованье получали,—а ужъ какая тутъ тебѣ воля,—воля,—что твоя каторга. Не приведи Богъ!..

Въ самомъ голосѣ разсказчика, въ интонаціяхъ чувствовалось спокойное, вполнѣ безпристрастное отношеніе къ разсказу. Видимо, онъ уже давно относился безъ злобы и горечи къ этому далекому прошлому.

— И соберутъ насъ этакъ ребятишекъ съ двадцать-пять изъ деревень, и везутъ артелями, сдаютъ по фатерамъ въ заводскихъ слободахъ. Конечно, не безъ добрыхъ людей Господень свѣтъ, есть и жалостливые до дѣтей. Ну, иной и призритъ къ себѣ въ домъ такого малолѣтку, кормитъ, поитъ, одежонку кой-какую справитъ, а въ концѣ мѣсяца и тащишь къ нему сорокъ копѣекъ да провеанту два пуда. Мнѣ-то самому грѣхъ жаловаться, а попалъ на добрыхъ людей; что отецъ съ матерью были до меня жалостливы. Помню, бывало, выдадутъ тебѣ провеантъ-отъ,—съ себя ростомъ мѣшокъ и потащишь, такъ едва-едва съ мѣста сдвинешь,—протащишь маленько, да и присядешь отдохнуть, а потомъ опять схватишься за мѣшокъ,—везешь-везешь,—такъ изъ силъ выбьешься прежде, чѣмъ до фатеры доставишь,—и сдашь хозяину и сорокъ копѣекъ отдашь. Оно, конечно, ужъ велики-ль деньги?—да вѣдь хозяинъ и самъ знаетъ, что больше нечего дать,—молчитъ, не гонитъ. Какъ самъ въ измалѣтствѣ горя навидался, знаетъ, каково оно,—ну, и жалѣетъ. А работали мы, что настоящіе работники, ничуть не меньше, только та разница, что порки намъ доставалось больше.

— Да за что же васъ били?—спросила я.

— За что! А за все. Проспалъ звонокъ—драть; не успѣлъ кончить дневной урокъ—драть. А вѣдь у нихъ уроки-то какіе задавались. Золото чистимъ,—прилипнетъ порошинка къ рукаву—драть; не выскоблишь чисто-начисто—драть. Одно слово, что за все порка. На все скупы,—а ужъ на порку тароваты.—Старикъ задумчиво покачалъ головою.—И не насъ однихъ, ребятишекъ,—

и рабочихъ сѣкли. За всякую провинность, не приведи Богъ, какъ сѣкли. Иного послѣ порки прямо въ снѣгъ и кладутъ,— что мертваго,—да и до смерти засѣкали. Только, Боже избави, чтобы это до большого начальства да довести,—боялись,—скрывали. Много они этой поркой да работой людского вѣку заѣдали, много народу съ бѣлаго свѣту сжили. Бывало, до того ужъ не въ моготу станетъ, что и свѣту бѣлому не радъ.—Онъ остановился, вспоминая и задумчиво покачивая головой. — Много тогда въ бѣга уходило. Начнутъ этакъ собираться партіями, въ глухихъ мѣстахъ, либо въ лѣсу гдѣ-нибудь,—смотришь: прошла недѣля, и не стало ихъ. А мы, ребятишки, этимъ бѣглымъ въ лѣсъ-то хлѣбъ носили. Кто въ скиты, кто въ странники, кто въ Сибирь, — такъ и разбредутся, и слѣдъ простылъ, — а пойди, разыщи,—гдѣ ихъ разыщешь? Начальство подымется, забѣгаетъ туда-сюда,—разсылаетъ въ погоню,—шумитъ: „разыскать, чтобы были пойманы!"—продолжалъ онъ, оживляясь, замѣчая пробуждающееся сочувствіе въ слушающихъ. — Конечно, не всегда и удавалось убѣжать, — бывало и то: провѣдаютъ, гдѣ такая-то партія собирается, да и накроютъ; ну, ужъ накрыли,—одно слово— каторга. Какая кому судьба. А какъ попались, такъ ужъ тутъ одна дорога: Сибирь да руднички.

Онъ опять помолчалъ.

— А часто попадались?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, рѣдко, — больше успѣвали уходить. Да вѣдь то время такое было, что вѣдь и въ каторгѣ то легче было, нежели этимъ вольнымъ фабричнымъ на заводахъ. Каторжникъ знаетъ себѣ свой урокъ; какъ кончилъ, идетъ себѣ въ казарму,—хоть ночь-то спитъ, да обутъ, одѣтъ;—а вѣдь у насъ,—ну, хошь бы этимъ мальчишкамъ какое житье: проспали первый звонокъ— двадцать-пять розогъ,—а у насъ звонили куда еще до свѣту,— извѣстно, ребенокъ—намается, намается, намучится за день-то съ этой съ работой, спитъ какъ снопъ, про все забылъ и горюшка нѣту; кажется, пушка грянь, и то бъ не услыхалъ, а тутъ звонокъ,—ну, и не услышитъ;—а проспалъ звонокъ, другой, тутъ и опомниться не дадутъ,—со сна-то да прямо порка,—да вѣдь какъ жарятъ-то!

Нѣкоторые изъ слушающихъ засмѣялись. Юргановъ оживлялся все болѣе и болѣе.

— Бывало, сидѣть-то больно, такъ зимой выбѣжишь на улицу, захватишь снѣгу за штанишки да подъ себя и положишь, чтобы не прилипали. А то тѣло-то все въ струпьяхъ, штанишки при-

липнутъ, а какъ потомъ надо отдирать, такъ отъ свѣту бѣлаго готовъ отказаться,—до того больно.

Солдатики-товарищи хохотали.

— Да вѣдь что-жъ, ей-Богу,—улыбаясь своею доброю, снисходительною улыбкою, говорилъ старикъ,—вѣдь на день-то иногда раза три разложатъ да выдерутъ. Много, зато, и помирало въ то время изъ подростковъ,—многимъ они своей поркой жизнь сократили.

Онъ опять помолчалъ.

— А жилъ у насъ, неподалеку отъ нашей фабричной слободы, одинъ добрый господинъ, такъ тотъ, бывало, подъ праздникъ, соберетъ насъ, ребятишекъ, велитъ къ себѣ идти, сколько насъ ни-на-есть, и накормитъ насъ. Разставитъ, этакъ, столы на дворѣ, разсажаетъ насъ. „Пообѣдайте, молъ, дѣтки,—небось, наголодались за недѣлю-то". Ужъ такая былъ душа человѣкъ,—великую онъ себѣ награду изготовилъ черезъ насъ на томъ свѣтѣ. А подъ праздникъ Рождества Христова, такъ тутъ, бывало,—не повѣрите, братцы мои,—созоветъ, этакъ, насъ, а ужъ у самого заранѣе заготовлены узлы, большущіе-пребольшущіе, и начнетъ онъ это, бывало, узлы развязывать, а насъ, ребятишекъ, одного за однимъ вызывать и раздаетъ одёжу всякую,—и сапоги, и куртки, и полушубки,—и идемъ, бывало, отъ него, одѣтые, обутые, согрѣтые, сами на себя не насмотримся. Да еще и обласкаетъ-то какъ! Да вѣдь что же, право,—вѣдь жалость возьметъ. Ходимъ-то почитай что совсѣмъ голые, морозы-то стоятъ какіе, а у насъ— ни кафтанишка, ни сапожонокъ; иной обмотаетъ ноги тряпкой, да такъ и бѣжитъ на фабрику. Откуда жъ было намъ брать-то? Сорокъ копѣекъ въ мѣсяцъ получали подростки, да два пуда провеянту, тутъ на все—и на фатеру, и на одёжу, и на сапоги.

— Да неужели и по сю пору горнозаводскіе рабочіе такое горе терпятъ?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, теперь совсѣмъ другіе порядки пошли; теперь куда какъ лучше стало, другое житье пошло. Теперь ужъ строго наблюдать стали, чтобы не били и не сѣкли рабочихъ; теперь противъ прежняго, сказываютъ, царство небесное. Большое начальство за мелкимъ наблюдаетъ и строго взыскиваетъ, и жалобы принимаетъ,—такъ мелкое начальство и боится,—теперь и на него судъ есть. А вѣдь главное горе—отъ этого мелкаго начальства. Большое начальство не захочетъ и мараться, чтобъ руку заносить,—благородное имя свое унижать,—а мелкому все равно, оно этого не разбираетъ, кулачищъ-то своихъ не жалѣетъ.—А вотъ разскажу я вамъ, какъ это порка у насъ вывелась, съ ка-

кихъ поръ на нее запретъ положонъ. Царство небесное генералу Муравьеву, — много народу за него Бога молятъ,—черезъ него у насъ и другіе порядки начались. Онъ прослышалъ ли про наше житье, или самъ видѣлъ—ужъ сказать не могу, а только послѣ сказывали, что за насъ самого царя просилъ, поклонился царю въ ноги да и говоритъ: „Вотъ, батюшка государь, каково, молъ, житье фабричнымъ на горныхъ заводахъ, такъ ужъ не оставь ихъ своей царской милостью". А государь-то и дозволилъ ему эти новые порядки вводить, начальство перемѣнять и въ строгости содержать. Онъ тогда и поѣхалъ по горнымъ заводамъ, да такъ поѣхалъ, чтобъ никто про это впередъ не зналъ, чтобъ нигдѣ его не ожидали. Нагрянетъ, осмотрится, все разузнаетъ, а ужъ потомъ и открываетъ себя начальникамъ-то нашимъ, что, дескать, вотъ, молъ, я кто,—отъ царя посланъ за народъ заступиться, а васъ, каторжныхъ мучителей, суду предавать. А до него, года за два, пріѣзжалъ другой генералъ,—важный такой, самый главный надъ нашими заводами. Тотъ суровый, немилосердый былъ человѣкъ,—звали его Чевкинъ генералъ. Самъ горбатый, рожа злая. Пріѣхалъ онъ на ревизію. А начальство-то, чтобы подслужиться да отъ себя глаза отвести, и говоритъ ему, что, вотъ, рабочіе изъ послушанія выходятъ, что, молъ, съ ними сладу нѣтъ. А ужъ какое жъ тутъ не слушаться, какъ кромѣ розги мы отъ нихъ ничего и не видимъ,—ни слова, ни приказа, ни науки, а только розга да розга. Мы ужъ знаемъ, что намъ порки не уйти,—а все одно порка,—вотъ, велѣлъ онъ, генералъ-то этотъ самый, всѣхъ насъ, подростковъ, собрать; согнали насъ, ждемъ мы. Вышелъ. „Здорово, мальчишки!"—кричитъ. А мы ему: „Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!" А смѣльчаки-то и гаркни: „Горбатый!" Начальство-то такъ и присѣло,—наше-то начальство, значитъ.

— Ахъ, вы—бѣдовые! Да какъ же вы осмѣлились?

— Да что жъ,—ужъ и страхъ-то изъ души весь выбили,—ужъ какъ ни повернись—все порка, такъ и думаемъ—все одно...

— Да за что же вы его такъ?

— А какъ же? Зачѣмъ сказалъ: „Здорово, мальчишки",—такъ намъ, ишь ты, это не по нраву пришлось.

— А чего же вы хотѣли?

— А такъ что: „Здорово, молъ, работники!"—вѣдь мы работниками считались, да и что̀ жъ, даромъ что мальчишки, а, ей-Богу, не меньше мужиковъ работу несли, только что сѣкли-то насъ чаще,—да ему что̀ до этого? Осерчалъ, страхъ какъ осерчалъ, даже въ лицѣ перемѣнился; кричитъ это, что „озор-

ники, видно, страху на васъ нѣтъ... Кто ихъ научилъ?" Заметалось наше начальство, мелкое-то, забѣгало. „Просите, молъ, прощенія, ахъ вы, такіе-сякіе! да какъ вы осмѣлились, какъ вымолвили? Черезъ васъ и намъ-то не сдобровать". Докладываютъ ему, что, молъ, очень они разобидѣлись, что вы ихъ изволили обозвать мальчишками; они у насъ считаются наравнѣ съ рабочими. „А, ну, ладно,—говоритъ,—такъ выдрать же хорошенько этихъ рабочихъ". Да съ тѣмъ и пошелъ.

Собесѣдники Юрганова весело расхохотались. Имъ по вкусу пришлась выходка и остроуміе Чевкина.

— Ну, а ты хотѣлъ разсказать, какъ Муравьевъ-то васъ отстоялъ? Что же онъ для васъ сдѣлалъ?

— Дай Богъ царство небесное генералу Муравьеву и всему потомству его! Награди его Господь за его милость къ народу! А вотъ какъ дѣло было. Я тоже былъ подростокъ, на пятнадцатомъ годку, не больше. И еще случилось-то такъ, что я ему, этому Муравьеву, чемоданчикъ его донесъ. Шелъ я это разъ въ гору,—послали меня,—вижу я, ѣдетъ передо мною въ сѣромъ пальто господинъ. И ѣдетъ-то одинъ-одинёхонекъ. Я думаю—купецъ какой ѣдетъ. Смотрю, а на дорогѣ-то лежитъ чемоданчикъ, этакъ, небольшой, ремешокъ-то порвавши, онъ съ плеча-то у него и свалился, а въ чемоданѣ-то у него двадцать-пять тысячъ было положено, да бумаги царскія. Поднялъ я этотъ чемоданчикъ, бѣгу за нимъ слѣдомъ, кричу: „Ваше благородіе, ваше благородіе, чемоданчикъ обронили!" Онъ оглянулся, хватился за бокъ,—чемоданчика-то и нѣтъ. А я добѣжалъ, да самъ его и подаю. Поблагодарилъ, велѣлъ за собою идти. Дорогой-то со мною разговорился, все это разспрашиваетъ про наше житьё-бытьё, да про начальство, да про строгость,—а я ему безъ утайки все разсказываю, всю правду, значитъ, что плохое наше житье. И не въ догадъ мнѣ. И про порку эту, и про битьё—про все. А онъ такъ—слушаетъ, слушаетъ, да головой-то и тряхнетъ. А мнѣ ни къ чему,—ни страху у меня передъ нимъ, ни трепету. А еще того я вамъ не сказалъ, что онъ мнѣ за свой чемоданчикъ-то трехрублевую далъ,—такъ я, отъ роду тогда такихъ денегъ не видя, не бралъ-было, а онъ заставилъ: „Возьми да возьми, ты мнѣ заслужилъ". Вотъ мы такъ и идемъ. „Я,—говоритъ,—къ вамъ на заводъ ѣду".—„Ну, что-жъ,—говорю,—милости просимъ".—„А гдѣ мнѣ тамъ пристать?" Я ему своего хозяина называю. Пріѣхали мы въ слободу къ вечеру,—прямо къ хозяину онъ и присталъ. Подали мы ему поужинать. А онъ бумаги досталъ, сидитъ, читаетъ да пишетъ. Я на полати залѣзъ, и не спится

мнѣ что-то, лежу, все на него смотрю, а онъ все—то почитаетъ въ бумагѣ и опять сидитъ, пишетъ. А самъ, нѣтъ-нѣтъ, да подойдетъ къ окошечку, посмотритъ, посмотритъ, точно поджидаетъ кого. Только вдругъ это, совсѣмъ къ ночи, слышимъ, колеса гремятъ по улицѣ—ѣдетъ кто-то—и къ самымъ нашимъ воротамъ. Стучатъ:—„Гдѣ, молъ, его высокопревосходительство пристали? сказали намъ, что здѣсь". Мы переполохались. А ужъ около нашего дома экипажей это наѣхало съ цѣлыхъ полдюжины, верховыхъ, ну, одно слово, цѣлая свита. „Есть ли у васъ генералъ приставши?" спрашиваютъ. „Приставши къ намъ есть господинъ, а не знаемъ сами—кто". А тутъ онъ самъ на крыльцѣ-то ужъ и стоитъ. Они всѣ—подъ козырекъ да вытянулись: „Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!"

Расказчикъ остановился на этомъ торжественномъ эпизодѣ своего разсказа.

— Ишь ты!—вырвалось у нѣкоторыхъ слушающихъ.

— Такъ вотъ оно, братцы мои, какъ дѣло-то было. А на другой день и пошло,—заплясало наше мелкое начальство, заметалось, и такъ хочетъ ему представить, и то покрыть, въ своемъ видѣ желаетъ все показать,—да какъ не такъ! Онъ ужъ и самъ все знаетъ. Ужъ и было имъ тутъ плясу,—а только что скрыть имъ не удалось ничего,—все наружу вышло: и сѣченье, и битье, и воровство ихнее, все оказалось. Ужъ потомъ оно не знало, чѣмъ взять, стали другъ на дружку доказывать. Такъ, я вамъ скажу, чего-чего тутъ только не было!

Въ это время прервали его разсказъ.

Служителя несли кубики. Началось завариванье и разливанье чаю. Но мнѣ хотѣлось знать конецъ этого разсказа. Тутъ въявѣ можно было прослѣдить, какъ складываются легенды и какое принимаетъ участіе воображеніе русскаго человѣка при передачѣ историческихъ событій, какъ много вносится ими своего творческаго.

Когда они отпили свой чай, мы стали собираться по домамъ; я подошла къ старику Юрганову и сѣла около него, тоже съ чашкой чаю. Около меня стоялъ Большаковъ. Они были земляки съ Юргановымъ и въ одномъ отдѣленіи были служителями.

Теперь Юргановъ былъ въ больничномъ халатѣ. Юл. Серг. хлопотала о его отпускѣ на родину, на поправку. Кромѣ того, что у него болѣли глаза, старикъ и вообще усталъ, усталъ такъ, что замѣтно слабѣлъ и таялъ.

— Ты, вотъ, разсказывалъ про Муравьева,—сказала я,—

а вышелъ ли какой толкъ отъ его посѣщенія? Дѣйствительно ли вамъ стало лучше, меньше васъ бить стали?

— А какъ же! Много народу онъ съ заводовъ-то вывелъ, и угнали далеко, куда—не знаемъ... А послѣ письма стали приходить, отъ выселенныхъ-то, къ роднымъ или къ сусѣдамъ, такъ въ письмахъ-то писали, что, молъ, не тужите объ насъ, намъ на новомъ мѣстѣ лучше, земля хлѣбъ родитъ, не то, что у васъ, у насъ, значитъ, и житье привольное [1]... Теперь вѣдь строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы не били, не сѣкли. Большое начальство зачастое пріѣзжать стало, за мелкимъ начальствомъ присматривать и съ него взыскивать. Одного изъ начальниковъ-то нашихъ такъ упрятали, что мы и слѣду его разыскать не могли. Сколько ни разузнавали, сколько ни спрашивали,—ничего не слыхали, и духъ-то его пропалъ. Ужъ и не знаемъ, куда онъ дѣвался, куда они его упрятали. А злодѣй былъ, не тѣмъ будь помянутъ, алчный злодѣй. И съ тѣхъ поръ съ нихъ какъ руками сняли,—точно переродились они. Стали удерживаться—отъ битья по мордѣ; размахнуться-то размахнется, а ударить ужъ и не смѣетъ. Такъ, бывало, смѣшно на нихъ станетъ, руки-то ужъ больше стали за спину закладывать,—такъ за спиной ихъ и носятъ.

Недѣли черезъ двѣ вышелъ Юрганову отпускъ. Отпускали его на годъ на поправку на родину. Бѣдному старику, уроженцу тобольской губерніи, приходилось на путь около полугода. По нашему разсчету, ему пришлось бы погостить дома сутокъ троечетверо, и затѣмъ снова выходить въ путь, чтобы къ сроку быть на мѣстѣ службы. Юлія Серг. снова принялась хлопотать, и старикъ пошелъ домой, получивъ полную отставку. Благодарилъ и ее, и насъ всѣхъ, пѣшкомъ уходя въ далекое странствованіе.

29-го ноября пришло извѣстіе о сдачѣ Плевны. Отлегло отъ сердца. Перекрестились солдатики, отслужили молебенъ.

Приближались Рождественскіе праздники. Средства „кружка" росли; за декабрьскими расходами, оставались еще деньги, и положено было часть этого остатка употребить на устройство праздотпускъ

[1] Идея о занятіи Амура привела къ освобожденію болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ изъ горнозаводскаго рабства, потому что, подъ предлогомъ усиленія состава забайкальскаго казачьяго войска на случай войны съ китайцами, Муравьевъ еще въ 1851 г. успѣлъ выпросить у императора Николая I-го увольненія изъ горнаго вѣдомства всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ къ кабинетскимъ заводамъ нерчинскаго округа. Изъ этихъ людей вышли потомъ первые поселенцы амурскаго края.

ника для больныхъ, — все это, понятно, въ весьма скромныхъ размѣрахъ.

„22-го декабря, — значится въ протоколѣ, — въ очередномъ собраніи членовъ комитета обсуждались мѣры, могущія быть принятыми комитетомъ по отношенію къ госпитальнымъ больнымъ, въ виду предстоящихъ праздниковъ", и т. д., и т. д.

Все состоялось по программѣ.

Къ одиннадцати часамъ предсѣдательница наша заѣхала за мною, и мы понеслись въ саняхъ къ загородной Башнѣ. Было отслужено шесть молебствій, послѣ которыхъ происходила раздача праздничныхъ гостинцевъ и картинъ. Затѣмъ предсѣдательница отъ себя лично одарила служителей госпиталя, по рублю на человѣка—большія деньги для людей, получающихъ по девяносту копѣекъ жалованья въ треть. Радость получившихъ, т.-е. попавшихся на глаза предсѣдательницѣ, была несказанная, но, увы, не всѣ попались на ея ясныя очи. Самые скромные и загнанные, приставленные къ чернымъ работамъ,— тѣхъ миновала щедрость предсѣдательницы. Мы старались, насколько могли, сгладить происшедшую путаницу. Но и намъ это было трудно, и мы впадали въ несправедливость, ибо тоже давали тѣмъ изъ неполучившихъ, которыхъ знали, которые были у насъ предъ глазами.

Облегчили намъ эту задачу уравненія служителя, которые сами приходили просить за обойденныхъ милостями товарищей.

Приходитъ Большаковъ и дожидаетъ, когда можно будетъ съ нами заговорить. Онъ покровительственно и одобрительно смотритъ на стоящаго нѣсколько поодаль человѣка въ кафтанѣ служителя.

— Что ты, Большаковъ?

Большаковъ переводитъ на меня свои ясные, серьезные глаза.

— Я къ вамъ, сестрица. Вотъ онъ ничего не получилъ на праздникъ.

Я посмотрѣла на того, на кого указывалъ Большаковъ. Видъ человѣка странный: онъ какъ-то весь съёжился и несмѣло блуждающимъ взглядомъ смотрѣлъ по сторонамъ; выраженіе его лица было дикое, угрюмое; глаза нетвердо, подозрительно смотрѣли на свѣтъ и на людей; его выраженіе напоминало сову, неожиданно попавшую изъ мрака и тишины на свѣтъ дневной и на говоръ людской.

— Кто это такой?—спросила я.

— Это—служитель-сортирщикъ, сестрица.

— Я его никогда не видала.

— Да его и не видать никогда,—отвѣчаетъ Большаковъ,—онъ внизу находится. Ихъ тамъ двое, вмѣстѣ живутъ. До нихъ тамъ дошло, что вы чай служителямъ раздаете, такъ онъ и пришелъ теперь къ вамъ: хочетъ просить, не будетъ ли ваша милость отсыпать имъ чайку да сахарку сколько-нибудь. Тамъ теперь такая стужа стоитъ, хуже чѣмъ на дворѣ,—такъ они тамъ назябнутся, назябнутся, и обогрѣться-то имъ нечѣмъ.

— Отчего вы не пойдете въ кухню обогрѣться?—вѣдь кухня рядомъ.

— Они прежде и ходили на кухню обое, — пояснялъ за него Большаковъ, — а теперь дверь-то заколотить велѣно, имъ надо, значитъ, кругомъ идти, черезъ дворъ. А если тамъ у нихъ какая-нибудь нечистота окажется, если, значитъ, они не досмотрѣли, такъ смотритель сейчасъ по мордѣ. Вишь, морду-то ему, намеднись, перекосилъ! (Тотъ, молча, перекривилъ лицо, чтобы подтвердить истину словъ Большакова.) Они каждую минуту должны тамъ находиться. Вѣдь иные какіе озорники, вѣдь не всякій чистоту наблюдаетъ...

Служитель впивался глазами въ Большакова во время его рѣчи, и время отъ времени съ сочувствіемъ смотрѣлъ на меня, кивая головою, въ знакъ полнаго одобренія къ словамъ Большакова. Онъ, видимо, не ожидалъ, что можно словами такъ выразить его положеніе и нужды. На него самого разсказъ Большакова производилъ сильное впечатлѣніе.

Я стала отмѣрять чай и сахаръ и дѣлить на двѣ пачки.

— Ихъ двое, ты сказалъ?—спросила я Большакова.

— Двое; да вы, сестрица, кладите вмѣстѣ всю препорцію; они тамъ совѣстно живутъ, все между собою дѣлятъ.

Я отдала совѣ его порцію, немного денегъ; Большаковъ благодарилъ за него. Большаковъ толкнулъ его въ спину и шепнулъ: „Скажи-жъ хоть спасибо“,—тотъ сталъ благодарить.

XVII.

Тифъ начиналъ усиливаться въ госпиталѣ. Заболѣла моя помощница, молоденькая дѣвушка; заболѣла одна изъ сестеръ милосердія.

Но форма болѣзни въ это первое время эпидеміи была легкая,—ни одного смертнаго случая не было.

Пока больные находились въ безсознательномъ состояніи, они

не требовали большого ухода, — соблюденія извѣстныхъ правилъ, которымъ впавшій въ состояніе апатіи и безпамятства пассивно подчинялся. Трудность наступаетъ съ той минуты, когда болѣзнь оставляетъ человѣка, возвращается и затѣмъ проявляется голодъ, ничѣмъ не утолимый голодъ, — а кормить много нельзя, — и вотъ тутъ начиналась борьба, борьба съ больнымъ и строгое наблюденіе за служителями, всегда готовыми, за лишній грошъ, снабдить больного, чѣмъ бы онъ ни пожелалъ. И не всегда ими въ этомъ руководило корыстное чувство, — они вѣрили, что такое непреодолимое желаніе больного не могло не быть ему въ пользу.

Заболѣлъ въ моемъ отдѣленіи, и заболѣлъ довольно серьезно, одинъ изъ лучшихъ палатныхъ служителей. Долго палата оставалась безъ прислуги, наконецъ назначенъ былъ новый служитель.

— Сестрица, къ намъ назначили новаго служителя въ третью палату, — пришелъ сказать фельдшеръ, съ особымъ удареніемъ на этомъ обыденномъ сообщеніи.

— Очень хорошо, — сказала я.

Тѣмъ пока и кончилось, и я забыла объ этомъ заявленіи.

Нѣсколько времени спустя, когда я проходила черезъ третью палату, меня остановилъ видъ человѣка въ служительскомъ платьѣ, сидящаго въ глубинѣ палаты, на койкѣ, и съ какимъ-то остервенѣніемъ чистящаго оловянную чашку.

Одна рука терла изо всей силы чашку въ то время, какъ другая быстро и судорожно поворачивала ее изъ стороны въ сторону. Онъ сидѣлъ, согнувшись, и, видимо, весь до самозабвенія былъ погруженъ въ свою работу.

Я остановилась и посмотрѣла на этого человѣка.

— Онъ сумасшедшій, сестрица, — конфиденціально сообщилъ мнѣ съ койки больной.

Оказалось, что этотъ человѣкъ, дѣйствительно, былъ только на-дняхъ выпущенъ изъ отдѣленія умалишенныхъ, что при военномъ госпиталѣ, и присланъ въ Башню на испытаніе. Онъ такъ былъ счастливъ, что вырвался изъ больницы, что избавился отъ общества сумасшедшихъ и всей страшной, мрачной обстановки, — что теперь напрягалъ послѣдній остатокъ всѣхъ способностей и силъ, чтобы угодить новому начальству и обезпечить за собою полученное мѣсто.

Понятно, что усердію его и ревности не было предѣловъ.

Звали его Яковъ Суродинъ.

Я стала присматриваться къ нему.

Вся фигура его—худая и согнутая. Время отъ времени его передергивало непроизвольно, помимо его воли; онъ каждый разъ быстро вскидывалъ глаза и со страхомъ озирался, — не замѣтилъ ли кто, что его встряхнуло.

Должно быть, не малое время посидѣлъ онъ въ сумасшедшемъ отдѣленіи, ибо былъ крайне изнуренъ и въ тихомъ состояніи совсѣмъ малосиленъ. Но съ возбужденіемъ росли и силы, и бывали минуты, что никто не могъ совладать съ нимъ, и онъ швырялъ вокругъ себя людей, какъ пѣшки. Черты его лица, сухого и морщинистаго, были постоянно въ движеніи, губы шевелились, и онъ шепталъ себѣ что-то, дѣлая при этомъ выразительные жесты. Голова, нѣсколько заостренная, покрыта была рѣдкимъ, щетинистымъ волосомъ, подростающимъ послѣ бритья.

Во всѣхъ его движеніяхъ и пріемахъ было что-то торопливое, стремительное и вмѣстѣ неувѣренное. Поступь—спѣшная и неровная; съ лица его не сходилъ отпечатокъ озабоченности и испуга,—постояннаго испуга, перешедшаго въ хроническое состояніе.

Какъ только прекращалась его физическая работа и онъ оставался безъ дѣла, онъ все такъ же торопливо и серьезно садился въ углу на койку; на лбу его собирались глубокія морщины, и онъ начиналъ самъ съ собою говорить, дѣлая жесты руками и передергивая мускулы своего жалкаго, измученнаго лица.

Я отправилась къ фельдшеру.

— Онъ на видъ совсѣмъ больной,—сказала я.—Какъ же онъ можетъ быть служителемъ?

— Да его больше изъ жалости сюда опредѣлили,—сказалъ фельдшеръ, видимо и самъ жалѣя бѣднаго помѣшаннаго.

Затѣмъ фельдшеръ разсказалъ, насколько самъ зналъ, его исторію.

У него въ одну ночь умерла жена и двое дѣтей,—кажется, сгорѣли или отъ холеры померли—фельдшеръ не зналъ,—но съ этихъ поръ человѣкъ потерялъ ясность сознанія, впадалъ въ бѣшенство, дрался, и его должны были отвезти въ сумасшедшее отдѣленіе военнаго госпиталя. На войнѣ онъ не былъ, но, должно быть, его больной, впечатлительный мозгъ былъ пораженъ разсказами о войнѣ, которыми наполнились палаты больницъ съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ стали помѣщать заболѣвшихъ на войнѣ. Его слабая, одурѣвшая голова полна была теперь представленій разныхъ ужасовъ, которые были тѣмъ ужаснѣе, что не реальными, а фантастическими образами ложились въ его и безъ того взбудораженную голову.

— Надо бы ему какихъ-нибудь капель дать, успокоительныхъ, а то, говорили, онъ ночью иногда бушуетъ: этакъ онъ у насъ больныхъ напугаетъ.

— А, мнѣ кажется, онъ такъ тихъ.

— Тихъ, сударыня, до поры, до времени. А если, напримѣръ, услыхалъ, что въ нѣсколько голосовъ заговорили,—онъ сейчасъ туда же, начинаетъ кричать, глаза нальются,—просто страсть смотрѣть.

— Посмотримъ.

Просила фельдшера ночью посмотрѣть за нимъ. Онъ обѣщалъ.

На слѣдующее утро, по отъѣздѣ доктора, мы съ фельдшеромъ рѣшили доктору пока не заявлять о немъ, чтобы его не прогнали.

Я спросила фельдшера о немъ.

— Вы бы сами къ нему подошли, сударыня, и сказали бы ему что-нибудь отъ себя, чтобы онъ себя тихо и скромно держалъ.

Я пошла за фельдшеромъ.

Вотъ онъ сидитъ на своей койкѣ и чиститъ кружки. Судорожными движеніями вертитъ онъ кружки между колѣнъ и полируетъ ихъ тряпкой. Онъ не поднимаетъ головы, только время отъ времени вскидываетъ глазами и испуганно оглядывается по сторонамъ.

— Ты нашъ новый служитель?—сказала я.

— Встань, что ты сидишь передъ сударыней! — крикнулъ на него фельдшеръ, самъ весьма недавно пріучившійся быть учтивымъ.

Тотъ поспѣшно вскочилъ, взглянулъ на меня и усиленно замигалъ глазами.

— Фельдшеръ жалуется, что ты тутъ не хорошо себя ведешь,—строгимъ тономъ сказала я.

— Никакъ нѣтъ-съ, я ничего, — выговорилъ онъ, и глаза его заморгали еще чаще, а лицо стало жалобно передергиваться.

— То-то, смотри!

Я хотѣла-было отойти, но жалость къ этому уродливому, бѣдному существу невольно поднялась въ душѣ. Я опять обернулась къ нему.

— А если ты себя будешь хорошо держать, не будешь говорить пустяковъ, будешь ночью смиренъ, я тебѣ подарю кисетикъ съ табачкомъ.

— Слушаю-съ, я отсюда никуда не пойду, буду смирно сидѣть.

Я ушла. Черезъ нѣсколько часовъ я взяла обѣщанный кисетъ и пошла въ свое отдѣленіе. Несмотря на мое увѣщаніе, онъ за это время опять начудилъ. Какъ только онъ завидѣлъ меня, онъ бросился опрометью въ свой уголъ и сѣлъ на койку.

Я позвала фельдшера. Оказалось, что онъ опять бушевалъ, схватилъ щетку и пустился въ догонку за служителемъ.

Я стала разспрашивать, что̀ его раздражило,—или онъ бросался на людей безъ всякой причины.

— Они надъ нимъ смѣются, когда онъ эту свою чепуху-то понесетъ, а онъ разозлится, да на нихъ...

— Такъ не надо, чтобы они смѣялись надъ нимъ.

— Да нѣтъ, сударыня, ужъ это не отъ того; вы лучше не велите ему къ окошку подходить.

— А что̀?

— Да онъ, какъ къ окошку подойдетъ, начнетъ прежде вглядываться, вглядываться — такъ глаза и пялитъ, руками всплеснетъ, да и начнетъ разсказывать всякую небывальщину,—а служителя-то не могутъ удержаться,—та̀къ и катаются со смѣху.

— Что̀ же онъ разсказываетъ?

— Да все это ему представляется, будто онъ передъ собой что-то видитъ,—на дворѣ ничего нѣтъ, а ему-то видятся тамъ цѣлые полки, будто война, будто это между собою рубятся люди, и турецкія головы валятся. Намеднись, стоитъ, это, у окна и вдругъ начинаетъ креститься,—крестъ за крестомъ, крестъ за крестомъ—и лицо у него станетъ такое, точно передъ нимъ страсть какая совершается, а на дворѣ ничего нѣтъ, какъ есть ничего, вотъ—какъ теперь. Я къ нему подошелъ, спрашиваю: „Что̀ это ты крестишься?" А онъ, это, мнѣ грозится, чтобы я тише говорилъ, а потомъ самъ и началъ, и такъ это жалостно: „И зачѣмъ это люди столько крови льютъ? смотри-ка, смотри, такъ и рубятъ, такъ и рубятъ, а кровь-то—что̀ рѣка течетъ! И скотину-то, бѣдную, крошатъ,—хоть бы скотину-то безотвѣтную пожалѣли! И къ чему это на свѣтѣ Божьемъ такое кровопролитное все дѣлается?!"... и начнетъ, это, прибирать всякія такія жалостныя слова... а потомъ, вдругъ, распалится, разсвирѣпѣетъ: „Бѣги,—кричитъ,—бѣги, коли его собаку! бей, коли! а не то—онъ вамъ всѣмъ головы поснимаетъ!"—вѣрно, это турокъ вспомнитъ:—„бей, православные, бей!.."—да схватитъ щетку, да на служителей и бросится. Такъ мы, сударыня, ей Богу, не знаемъ, что̀ съ нимъ дѣлать.

— Надо его успокоивать, а не дразнить,—это грѣхъ—смѣяться надъ больнымъ, и т. д., и т. д.

— Да помилуйте, сударыня, когда никакихъ силъ нѣтъ удержаться,—оправдывался фельдшеръ, который, вѣроятно, самъ находился въ числѣ катающихся со смѣху,—когда онъ это начнетъ всѣ свои фигуры выстраивать, да всю это городню разсказывать, такъ просто силъ нѣтъ никакихъ отъ смѣху удержаться.

Попросивъ еще разъ фельдшера быть внимательнымъ къ больному и беречь его, и, въ видѣ поощренія, вручивъ ему нѣсколько монетокъ, я пошла къ своему новому больному, который начиналъ меня забирать за живое.

Когда я подошла къ нему, онъ всталъ и сталъ быстро крутить полотенце, которое держалъ въ рукахъ. Глаза его были мутны и то съуживались въ скважинки, то расширялись и выкатывались.

— Ты буянилъ? а?

Онъ заморгалъ и потупился.

— Ты забылъ, что̀ я тебѣ говорила?

— Никакъ нѣтъ.

— Что̀ ты надѣлалъ?

— Ничего я не дѣлалъ, сударыня.

— Какъ ничего?—кричалъ и пустыя слова говорилъ! Добрые люди тебя жалѣютъ, беречь хотятъ, а ты не слушаешься, да еще драться лѣзешь.

— Нѣтъ, милостивая сударыня, помилуй Богъ, драться я не стану, буду смирно сидѣть,—скороговоркой говорилъ онъ.

— Вѣдь докторъ узнаетъ, велитъ тебя назадъ въ военный госпиталь везти.

— Нѣтъ, милостивая сударыня, я не хочу въ военный госпиталь,—тамъ, у-у—страшно!

— То-то и есть. Такъ ужъ ты слушай, что̀ тебѣ добрые люди говорятъ. Я тоже хочу, чтобы ты остался у насъ, но если ты будешь шумѣть и буянить, то насъ не послушаютъ и увезутъ тебя.

— Я буду васъ слушать, милостивая сударыня.

Я сѣла подлѣ него и долго бесѣдовала съ нимъ, пока слезы не потекли изъ его глазъ.

— Я и самъ не радъ, милосердная сестрица,—сказалъ онъ,—та̀къ мнѣ тяжко, та̀къ тяжко бываетъ..., а и самъ не знаю, что̀ съ собою дѣлать. Кабы вы меня вылечили,—вѣкъ бы сталъ Бога молить за васъ.

Я передала ему кисетъ съ табакомъ. Онъ обрадовался подарку, какъ ребенокъ.

Другіе съ завистью смотрѣли на нарядный кисетъ. Мы сдѣлали уговоръ, что получитъ кисетъ тотъ, кто не будетъ дразнить помѣшаннаго и издѣваться надъ нимъ.

Съ этихъ поръ я видимо заинтересовала его собою. Онъ сталъ слѣдить за всѣми моими дѣйствіями, его влекло поближе узнать, что я за человѣкъ. И онъ не сводилъ съ меня глазъ. Когда я уходила въ другую комнату, то черезъ нѣсколько времени изъ-за арки начинала появляться и опять прятаться эта уродливая, щетинистая голова, и за мной слѣдили эти мутные, блуждающіе глаза.

Передъ отъѣздомъ, я дала фельдшеру успокоительныхъ капель и, уже совсѣмъ собравшись уѣзжать, прошла по палатамъ. Онъ, какъ только завидѣлъ меня, выскочилъ изъ угла и устремился прямо ко мнѣ. Я остановилась.

„Это что̀ будетъ?"—подумалось мнѣ.

Подбѣжавъ совсѣмъ близко, онъ остановился.

— А что̀ прикажете мнѣ дѣлать, милостивая сударыня, если ночью мнѣ не будетъ спаться, а будетъ грезиться?—спросилъ онъ своей скороговорной рѣчью.

— Встать, выпить воды потихоньку, почистить кружки и опять лечь, а лучше всего читать молитвы.

Мы съ нимъ повторили „Отче нашъ" и „Взбранной воеводѣ".

Онъ былъ доволенъ и заморгалъ радостно глазами.

— А главное, поменьше говори;—какъ только тебѣ захочется говорить, ты сейчасъ и читай молитву, которую-нибудь... Это только самые пустые люди все лишнія слова говорятъ, а хорошіе люди больше молчатъ.

— Я, милостивая сударыня, хорошій человѣкъ.

— Ну, вотъ оттого я тебя и прошу не говорить никогда пустяковъ.

Мы разстались.

Слѣдующіе затѣмъ дни были довольно счастливые. Онъ казался спокойнѣе и начиналъ привыкать къ своимъ обязанностямъ. Но вотъ, въ одинъ день, пріѣзжаю я, фельдшеръ докладываетъ, что онъ опять бушевалъ, и опять сталъ заговариваться.

— Гдѣ онъ?

— Я его, сударыня, вмѣстѣ съ другими служителями за дровами послалъ. Онъ взялъ веревку для вязанки, все какъ слѣдуетъ, и пошелъ,—да и до сихъ поръ все нѣту.

Другіе служителя успѣли по два раза сходить и, возвращаясь, разсказывали, что онъ все дрова собираетъ: „Толчется изъ мѣста

въ мѣсто, и все себѣ подъ носъ бормочетъ, и на едину минуточку не умолкаетъ“.

Я осталась въ палатѣ ждать его возвращенія и сѣла около одного изъ больныхъ, чтобы онъ сразу не примѣтилъ меня.

Прошло еще съ четверть часа. Наконецъ, показалась его фигура съ вязанкой дровъ за спиною; только въ вязанкѣ было всего полѣнъ восемь-десять.

Идетъ онъ задумчивый, и губы его двигаются медленно; онъ что-то причитываетъ таинственное, и на лицѣ его выраженіе восторженное и вмѣстѣ строгое, благоговѣйное.

— Что ты такъ долго дрова собиралъ? Ишь, и принесъ всего-то три полѣна,—какія это дрова?—спрашиваетъ его фельдшеръ.

— Какія дрова? Умная голова!—да вотъ эти дрова, которыя притащилъ,—замигалъ онъ глазами и задергалъ мускулами; голосъ его шелъ точно скачками.

Но онъ остановилъ фельдшера и таинственно подмигнулъ ему: „помолчи, дескать,—ты и не понимаешь, и не смекаешь, гдѣ я былъ и что видѣлъ“.

Онъ осторожно, чтобы не нашумѣть, сложилъ съ плеча тѣ нѣсколько полѣшекъ, которыя онъ принесъ, устремилъ глаза въ окно и своимъ перерывчатымъ мѣрнымъ говоромъ сталъ разсказывать, что былъ онъ, видите ли вы, въ саду, въ большомъ саду, и въ этомъ саду много деревъ большихъ, — „скрозь все дерева ростутъ“. А потомъ вышелъ онъ на лугъ, — „а на томъ лугу трава зеленая,—тамъ ужъ лѣто красное и такое теплое, хоть въ одной рубахѣ ходи, и цвѣтиковъ разныхъ на томъ лугу видимо-невидимо, и не сосчитать. А по зеленой муравкѣ все дѣтки погуливаютъ, и между собою играются, пѣсни поютъ райскія и хороводы водятъ“. И вотъ онъ все ходилъ вокругъ и смотрѣлъ на этихъ дѣтокъ. „Смотрю и не насмотрюсь!“—съ блаженной улыбкой сказалъ онъ.

Лицо его свѣтилось радостью. Между этими дѣтьми, среди этой райской обстановки, его больному воображенію, вѣрно, привидѣлись и его погибшіе ребятишки.

Оттого такъ торжественно и сіяло это блѣдное, изстрадавшееся лицо.

Въ то время, какъ онъ разсказывалъ, около него собрался цѣлый кружокъ слушателей. Но онъ, въ увлеченіи разсказа, не видалъ ихъ.

Когда же онъ опомнился и пришелъ въ себя,—онъ задергалъ головою, заморгалъ и сталъ озираться, не понимая, зачѣмъ весь этотъ народъ стоитъ около него.

Одинъ изъ служителей засмѣялся.

Тогда онъ выпрямился и грозно посмотрѣлъ на смѣющагося.

Тотъ разсмѣялся еще больше.

Тогда сумасшедшій схватилъ полѣно и бросился на окружающихъ,—всѣ разсыпались въ разныя стороны, онъ пустился за однимъ служителемъ въ погоню.

Едва его успѣли схватить и удержать.

Я подошла къ нему и свела его на койку. Онъ, увидавъ меня, растерялся и сталъ смиренъ и покоренъ, какъ овца. Долго говорила я съ нимъ, разспрашивая его; онъ мнѣ опять повторилъ, что онъ былъ тамъ,—указывая на окно,—въ саду, и что тамъ лѣто красное... Но теперь онъ уже говорилъ съ неувѣренностью и время отъ времени вопросительно взглядывалъ на меня...

Онъ начиналъ сомнѣваться въ реальности чуднаго видѣнія, и сердце его наполнялось тоскою и скорбью...

— Помолимся-ка мы съ тобой,—сказала я.

И мы начали повторять молитвы, пока мысли его успокоились и онъ весь проникся стараніемъ запомнить тѣ новыя молитвы, которыя мы повторяли.

Послѣ этого онъ еще нѣсколько дней прослужилъ, какъ палатный служитель. Меня онъ отличалъ отъ всѣхъ и радостно подмигивалъ самъ себѣ, когда утромъ завидитъ меня въ отдѣленіи.

„Милостивая сударыня“—такъ за мной и осталось это прозвище, и къ этой своей сударынѣ онъ шелъ со всѣми своими просьбами и жалобами.

— Милостивая сударыня, а который вы мнѣ табачокъ подарили, я тотъ, Божіею милостью, весь выкурилъ, — сообщалъ онъ мнѣ.

Его мучили безсонницы. Фельдшеръ придумалъ дать ему на ночь водки, настоенной на какихъ-то усыпительныхъ травахъ, и въ эту ночь съ нимъ сдѣлался припадокъ въ родѣ бѣлой горячки.

Его увели въ отдѣльную палату и записали на скорбный листъ.

Черезъ недѣлю или дней десять, его выпустили, и онъ торопливо прибѣжалъ ко мнѣ просить, чтобы его снова опредѣлили въ мое отдѣленіе.

Я попросила объ этомъ смотрителя, и бѣдный помѣшанный опять появился въ отдѣленіи, въ своемъ рыже-зеленомъ, истертомъ кафтанѣ, и принялся рьяно тереть оловянныя кружки и чашки.

Когда онъ перечистилъ всю посуду,—улучивъ свободную минуту, онъ прибѣжалъ ко мнѣ.

Я ему стала говорить, что я увѣрена, что онъ постарается служить больнымъ усердно, не будетъ ихъ пугать и не будетъ говорить пустыхъ словъ и бѣгать со шваброй за служителями.

Слушая, онъ то моргалъ, то широко раскрывалъ глаза, такъ что весь лобъ покрывался глубокими поперечными морщинами.

— Милостивая сударыня,—а которыя вы мнѣ велѣли молитвы читать, я ихъ всѣ перезабылъ.

Очень жаль, но дѣло поправимое; мы стали повторять молитвы.

Онъ самодовольно закивалъ головой и, лукаво улыбаясь, сталъ выдѣлывать жесты и грозить пальцемъ, точно грозился кому-то.

Въ это время въ Башнѣ опять появились турки, а мой пріятель уже успѣлъ со шваброй броситься на непокорнаго больного, дразнившаго его.

— Если ты будешь бѣгать со шваброй за больными, то мы тебя внизъ къ туркамъ отправимъ; турки тебя проучатъ.

— А я, милостивая сударыня, этихъ турокъ за ноги схвачу, да объ стѣну головою какъ звякну!

Онъ такъ понялъ свою обязанность.

— Нѣтъ, звякать ты никого не смѣешь, а долженъ будешь туркамъ служить.

— Я, милостивая сударыня, турку не люблю, — турка съ людей кожу снимаетъ, жаритъ православныхъ да ѣстъ.

Я не дала ему продолжать. Такія исторіи всегда кончались дикими выходками.

Но наши старанія успокоить его, исправить, не достигли желаемаго результата. Его нельзя было долѣе держать при больныхъ.

Его помѣстили помощникомъ пріемщика въ цейхгаузѣ при Башнѣ. Тамъ онъ пробылъ съ мѣсяцъ, тамъ мы могли еще слѣдить за нимъ. Но затѣмъ его и оттуда удалили, и я потеряла его изъ виду.

Много времени спустя, намъ пришлось еще разъ встрѣтиться.

Весною къ намъ въ Башню привезли четырехъ человѣкъ, укушенныхъ бѣшеными животными, и двоихъ, укушенныхъ взбѣсившимися, вслѣдствіе укушенія, людьми. Когда мы утромъ пріѣхали въ Башню, мы застали сестеръ милосердія въ страшномъ переполохѣ.

— Къ намъ въ Башню бѣшеныхъ привезли!—съ ужасомъ на глупыхъ лицахъ встрѣтили онѣ насъ.—Ахъ, Боже мой, страхъ какой! Мы всю ночь не спали,—все боялись, что они ворвутся

и къ намъ прибѣгутъ,—потому они и были заперты на ключъ, но, говорятъ, у этихъ больныхъ такая сила... Теперь мы просили смотрителя приставить часовыхъ...

— Да что же, они связаны?

— Нѣтъ.

— Бѣсятся они, кричатъ, корчи съ ними дѣлаются?

— Нѣтъ.

— Такъ что они?

— Ничего, только они покусаны, и сбѣсятся.

Ольга К—ва рѣшилась сейчасъ же пойти къ этимъ людямъ, и мы пошли вмѣстѣ.

Въ отдѣльной комнатѣ, за рѣшетчатыми окнами, посажены были эти вновь прибывшіе. Передъ массивными дверьми стояли часовые, скрестивъ ружья. Наши костюмы давали намъ всюду доступъ,—насъ пропустили, и мы взошли. У меня сердце застучало, когда я вошла и за мною опять затворилась тяжелая дверь,—но я не показала виду. Когда мы появились, двое изъ нихъ стояли у окна; они, взглянувъ на насъ, устремились отъ насъ прочь въ глубь палаты; другіе двое, лежавшіе на койкѣ, поднялись. Они съ удивленіемъ, почти со страхомъ посмотрѣли на насъ.

— Здравствуйте!—сказали мы.

— Здравствуйте, сестрицы!

Мы двинулись-было впередъ.

— Вы не подходите къ намъ, — сказалъ одинъ изъ больныхъ, пожилой человѣкъ съ добрымъ лицомъ, на которомъ читались страхъ и напряженность отъ ожиданія чего-то ужаснаго, чего ни отвратить, ни обойти нельзя.

У нихъ у всѣхъ на лицахъ было тоже томленіе,—томленіе передъ тѣмъ ужаснымъ, неумолимымъ, что должно совершиться, и къ чему каждая минута, каждый часъ и день ихъ жизни неизбѣжно приближаетъ ихъ...

У нихъ передъ глазами въ мукахъ и терзаніяхъ погибли шесть человѣкъ — въ мукахъ сознательныхъ, ибо въ этой болѣзни сознаніе не покидаетъ человѣка. Судороги, корчи, бѣшенство—все это уже охватитъ больного, и онъ уже физически дикій, лютый звѣрь,—а душа въ немъ все-таки человѣческая, и этою душою онъ видитъ свое паденіе, видитъ свой человѣческій образъ изуродованнымъ и обезображеннымъ, имѣетъ довольно сознанія, чтобы понять, что онъ звѣрь,—но не довольно силы, чтобы сладить съ собою... Это—мука изъ мукъ; никакая физическая пытка не сравнится съ этимъ адомъ страданій.

Они видѣли, и теперь ожидали съ часу на часъ, со дня на день, себѣ такого же конца.

— Не подходите, матушки,—вамъ, видно, не сказали.

— Чего не сказали?

— Вѣдь мы не простые больные, но покусанные, — и онъ, понизивъ голосъ, прибавилъ: — изъ насъ ужъ шестеро померло дорогой, — всѣ сбѣсились,—мы четверо доѣхали.

— Можетъ, Богъ васъ и спасетъ, — сказалъ кто-то изъ насъ.—Мы сейчасъ къ вамъ доктора приведемъ, — Богъ милостивъ, авось и поможетъ.

— Мы васъ не боимся,—вы теперь здоровы; у васъ припадковъ не было?

У нихъ еще не было никакихъ признаковъ отравы,—они только томились ожиданіемъ страшнаго конечнаго исхода.

Они осыпáли насъ благословеніями, когда мы пошли отъ нихъ.—Значитъ, они теперь не одни съ ихъ горькой бѣдой; есть люди, которые сжалились надъ ними и обѣщаются помочь имъ; этотъ лучъ любви и жалости, внесенный къ нимъ, освѣжилъ и утолилъ ихъ напряженную страданіями, изболѣвшую душу.

Черезъ часъ, нѣкоторые изъ насъ снова вернулись къ „бѣшенымъ“ (имя это такъ и осталось за ними) въ сопровожденіи врача С. П. К—на, человѣка, котораго качества возбуждали въ насъ высокое уваженіе.

Серьезный врачъ и человѣкъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не былъ лишенъ мягкости, и даже какая-то нотка нѣжности звучала въ его словахъ къ больнымъ.

Онъ занялся нашими бѣшеными, не только разрѣшилъ намъ посѣщать ихъ, но даже сказалъ, что для нихъ развлеченіе и всякое ободреніе можетъ быть спасительно,—можетъ повліять на ихъ душевное настроеніе, доведенное теперь до полнаго упадка и близкое къ отчаянію.

Этихъ-то людей послѣ шести-дневнаго пребыванія въ Башнѣ перевели въ отдѣльную палату въ зимній госпиталь.

Этотъ госпиталь служилъ сборнымъ пунктомъ для уходящихъ на родину, и тамъ-то попечительство о выздоравливавшихъ воинахъ раздавало, отъ имени государыни, пособія уходившимъ на поправку или въ полную отставку.

Нашихъ бѣшеныхъ помѣстили въ отдѣльной палатѣ, находившейся при отдѣленіи сумасшедшихъ.

Я пошла туда съ сестрою, служившей при этомъ отдѣленіи. Намъ надо было идти садомъ, и скоро мы дошли до деревянной рѣшетки, отдѣляющей часть сада,—за этой заборкой гуляли

сумасшедшіе. У дверей стоялъ часовой. Желѣзная задвижка съ шумомъ отдернулась, заскрипѣла дверь на ржавыхъ петляхъ, и мы вошли въ ограду. Между гуляющими сумасшедшими я увидѣла и моего бывшаго служителя въ VIII-мъ отдѣленіи.

Онъ такъ изумился моему появленію, такъ несказанно обрадовался, что у него отъ неожиданности и радости отнялся языкъ. Всѣ мускулы его лица запрыгали, глаза заморгали, руки задергались, но выразить словами онъ ничего не могъ, и шелъ за мною, молча, выкатывая глаза и дѣлая усилія вымолвить слово, но языкъ ему не повиновался.

Я спрашивала его, не нужно ли ему чего, но, видя, что онъ не въ состояніи отвѣчать, я обратилась къ сестрѣ, меня сопровождавшей, и въ нѣсколькихъ словахъ разсказала ей его скорбную исторію.

Пока мы шли въ этомъ темномъ царствѣ, число сумасшедшихъ около насъ увеличивалось; имъ лестно было поглядѣть на необычное посѣщеніе.

Затѣмъ, служителя отослали ихъ, и мы вдвоемъ съ сестрою вошли къ заключеннымъ.

Пробывъ у нихъ съ часъ, мнѣ пришлось идти назадъ уже одной. У самаго выхода изъ палаты бѣшеныхъ я увидѣла сіяющее торжествомъ лицо Якова Суродина.

Онъ стоялъ съ какимъ-то узелкомъ, ожидая меня.

Онъ понялъ, что я пріѣхала, чтобы увезти его, торопливо собралъ свои пожитки и съ торжествомъ караулилъ меня.

— Милостивая сударыня,—заговорилъ онъ,—возьмите меня отсюдова,—я съ вами опять служить хочу!

Мое появленіе въ этомъ мѣстѣ ему представилось равнозначащимъ съ его избавленіемъ отсюда.

Но это была вещь невозможная,—докторъ заявилъ, что онъ не въ такомъ состояніи, чтобы можно было надѣяться на его выздоровленіе.

— Милостивая сударыня, явите Божескую милость, возьмите меня отсюдова, я съ вами опять служить хочу!—повторялъ онъ, идя за мною.

— Что же ты надѣлалъ, отчего тебя опять сюда привезли?

— Отчего опять привезли?—повторилъ онъ за мною.—Это они на меня такую злобу возъимѣли.

Толпа около меня сгущалась. Сумасшедшіе, видя, что я— нѣчто особенное и, должно полагать, важное, засуетились, забѣгали: кто проталкивался поближе, кто лѣзъ на рѣшотку, чтобы увидать меня; кто кричалъ мнѣ что-то черезъ головы товарищей.

Служитель пришелъ и провелъ меня до дверей.

У нихъ не было другого утѣшенія, какъ мои рѣдкія посѣщенія; не съ кѣмъ имъ было слова сказать, всѣми они забыты, даже въ садикъ просились,—имъ было запрещено. Только мои рѣдкія появленія соединяли ихъ съ Божьимъ вольнымъ міромъ и съ людьми.

— И когда же, сестрица, это кончится?—спрашиваютъ они.

Еще никто не знаетъ, чѣмъ это можетъ кончиться!

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Кіева, въ концѣ іюня, мнѣ пришли сказать, что докторъ выписываетъ ихъ на будущей недѣлѣ, и что я могу снаряжать ихъ въ путь. Я простилась съ ними. Это послѣднее свиданіе было такое трогательное, что и пересказать нельзя.

Въ іюнѣ нашъ госпиталь освѣтился прибытіемъ хорошихъ сестеръ милосердія, бывшихъ зимою въ жандармскихъ казармахъ и работавшихъ подъ наблюденіемъ графини П—ой.

Въ январѣ мѣсяцѣ положеніе нашего госпиталя приняло такой видъ, на который мы сами вначалѣ не смѣли разсчитывать.

Нашъ бѣднѣйшій вначалѣ „кружокъ“, которому грозили разладъ и всякое неустройство, теперь былъ признанъ самымъ могущественнымъ, образцовымъ и богатымъ. Мы строго соблюдали правило ничего не разсказывать о нашей дѣятельности и держать въ строгой интимности все, что дѣлалось въ стѣнахъ Башни. Мы гордились тою дружбой, которая теперь сплочивала насъ, членовъ-работниковъ, въ одну нравственную силу, и тѣмъ крѣпкимъ довѣріемъ, которое мы имѣли другъ къ другу.

Доѣхали, наконецъ, до насъ и плевненскіе плѣнные, выдержавшіе осаду и голодъ... Въ первый разъ видѣли мы, до какихъ крайнихъ предѣловъ можетъ дойти человѣческое истощеніе, и поражались, какъ живуче это бѣдное двуногое твореніе. Живыми людьми ихъ назвать было трудно.

Искра жизни еле тлѣлась въ нихъ. Иногда и нельзя было объяснить себѣ, почему больной, который вотъ сейчасъ еще что-то говорилъ, чего-то просилъ своими изсохшими, синими губами, легъ, покрылся одѣяломъ съ головою, и когда вы подошли узнать, чего онъ хочетъ,—уже эта блеснувшая искра жизни загасла и передъ вами онъ лежалъ бездыханный.

Умирали они отъ тифа, умирали отъ лихорадки, умирали отъ истощенія, умирали отъ того, что желудокъ не переносилъ

пищи, умирали отъ ложекъ вина, умирали по десяти, по пятнадцати человѣкъ въ день. Всякихъ болѣзней, всякой заразы привезли они въ нашъ госпиталь, — и смерть пошла гулять на просторѣ.

Тифъ, который до сихъ поръ не былъ смертельнымъ, принялъ теперь самый острый характеръ. Турки заживо разлагались. Еще живетъ, дышетъ, смотритъ своими черными глазами, а самъ уже разлагается.

Въ нихъ искра жизни тлѣла, какъ тлѣетъ огонь въ выгорѣвшей лампѣ,—свѣтильня уже не горитъ, а синій огонекъ все еще ходитъ по ней,—то вспыхнетъ, то померкнетъ, какъ бы цѣпляясь за нее. Колыхнулся воздухъ, толкнули едва замѣтно свѣтильню, и послѣдняя искра отлетѣла; такъ отлетала и жизнь изъ этихъ истощенныхъ, полуистлѣвшихъ тѣлъ.

Прежде турокъ клали въ перемежку съ нашими, но теперь имъ отвели два отдѣленія, которыя были исключительно ими наполнены. При этомъ возникъ вопросъ, обходить ли ихъ общественною помощью, или помогать имъ и предпринять что-нибудь и для нихъ.

Вопросъ этотъ былъ предложенъ на обсужденіе комитета. Онъ вызвалъ много разнорѣчивыхъ разсужденій и преній, но прошелъ въ пользу плѣнныхъ. Да и нельзя было иначе,—опасность грозила всѣмъ больнымъ и всѣмъ намъ одинаково столько же, какъ и туркамъ.

Все, что было на нихъ, — ихъ шолковыя куртки, богато шитые пояса, солдатская ихъ одежда — все было у нихъ отобрано; ихъ по-очереди сажали, одного послѣ другого, въ ванну и затѣмъ одѣвали въ бѣлье и несли на койки. Ихъ же платье сложено было въ огромную кучу въ полѣ, за Башней, и сожжено.

Никакъ не могли ихъ убѣдить отдать фески: подняли такой вопль и стонъ, что имъ ихъ оставили. Послѣднія силы употребили они, чтобы не отдать фесокъ.

Число заболѣвающихъ между русскими доходило до трехъ, четырехъ случаевъ въ день. Заболѣли первые служившіе при турецкихъ отдѣленіяхъ служителя, переводчикъ, фельдшеръ. Бывало, придутъ сказать, что служитель въ турецкомъ отдѣленіи на койку легъ. „А что?“ — „Да нехорошо“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, заболѣвшаго несли въ часовню. Заболѣла лучшая сестра милосердія, ходившая за тифозными больными изъ русскихъ.

Въ городѣ поднялись рѣчи объ опасности быть въ этой смер-

тоносной атмосферѣ. Близкіе къ намъ люди встревожились, — насъ оставалось все меньше и меньше.

Опасность, дѣйствительно, была большая. Въ виду такихъ обстоятельствъ, было собрано экстренное засѣданіе, и на немъ постановлено принять энергическія мѣры, чтобы пріостановить, елико возможно, дальнѣйшее распространеніе эпидеміи, направить всѣ усилія и остановить повальную смертность между плѣнными. Для того, чтобы поддержать въ нихъ жизнь, рѣшились обратить на нихъ общественную помощь и давать имъ пищу, сообразную ихъ привычкамъ. Въ этомъ случаѣ предсѣдательница наша дала намъ мудрые совѣты, какъ опытный человѣкъ. Тяжело больные стали получать—въ очень маломъ количествѣ вначалѣ—рисовую кашу на молокѣ, кофе вмѣсто вина, лимонадъ; выздоравливавшіе—пилавъ на бараньемъ салѣ. Любопытно было видѣть, какъ вдругъ ожили эти несчастные полумертвые, когда въ первый разъ почуяли запахъ горячаго кофе, который принесли въ большой кострюлѣ. Все это зашевелилось на своихъ койкахъ, все потянуло носомъ ароматъ, все запросило, замолило...

Такія мѣры дали требуемые результаты.

Случаи заболѣванія между своими стали рѣже, смертность между турками пріостановилась.

Надо отдать справедливость „Общему кружку", который явился въ самый разъ къ намъ на помощь въ этой общей бѣдѣ.

Онъ занялся исключительно дезинфецированіемъ всѣхъ госпиталей, ибо всѣ были запружены несчастными плевненскими плѣнными. Въ нашей „Башнѣ" пылали по двадцати дезинфекцій въ турецкихъ отдѣленіяхъ и прыскали карболовкой, пыхтя и свистя во всѣ стороны.

Гр. Анаст. Серг. П—а носилась по палатамъ съ тяжелымъ мѣднымъ гидропультомъ черезъ плечо, и за ней,—никогда, впрочемъ, не поспѣвая,—слѣдовалъ служитель съ карболовкой. Она сама качала трубу и съ неподражаемымъ усердіемъ и добросовѣстностью поливала стѣны, полы, потолки, отчасти койки и людей, попадавшихся невзначай. Затѣмъ хватала машину, взваливала себѣ на плечо и неслась съ нею дальше.

Нашимъ, русскимъ, это показалось даже обиднымъ: „Что это, сестрица, все вы у турокъ лиминацію зажигаете?"

Черезъ нѣсколько дней, очередь дошла и до нихъ, и они радовались, какъ дѣти, на хитрыя шипѣлки.

Они скоро поняли, что это дѣлается для ихъ пользы, и очень благодарили, когда гр. П—а и другія пришли убирать шипѣлки.

— А знаешь ли, зачѣмъ мы это дѣлаемъ?—спросила Анаст. Серг. одного изъ трудныхъ.

— А вѣрно, что для спасенія души,—отвѣчалъ больной, не понявши вопроса и объясняя поводъ, который, вѣроятно, руководилъ добрыми людьми, привезшими столь диковинныя и полезныя штуки.

— Ну, ужъ и хорошія же намъ штуки сегодня показывали!—говорилъ, придя снизу, одинъ изъ моихъ больныхъ.—Сказывали, завтра къ намъ принесутъ...

Штуки, дѣйствительно, оказались хорошими: зараза пріостановила свою разрушительную работу.

Остался дифтеритъ, который сталъ ложиться на раны. Оперировать было нельзя... Былъ одинъ гвардеецъ, нѣкто Лактіоновъ, которому предстояла трудная, серьезная операція—резекція плечевой кости. Онъ уже былъ оперированъ разъ, вскорѣ послѣ дѣла, но неудачно, и теперь ждалъ второй операціи. Къ его ранѣ прикинулась рожа, и человѣкъ отъ боли въ раздробленныхъ частяхъ часто не спалъ цѣлыя ночи и замѣтно слабѣлъ.

Съ заботами о туркахъ, о прекращеніи заразы, съ частыми заболѣваніями своихъ, я совсѣмъ потеряла изъ виду Лактіонова (онъ былъ у меня, когда у него сдѣлалась рожа), и во время работы намъ почти не приходилось видѣться съ товарищами.

Какъ-то разъ я пріѣхала въ Башню позже обыкновеннаго. Взойдя къ себѣ, я не встрѣтила моей сестры. Я прошла въ отдѣленіе Д—ой,—ея и тамъ не было. Встрѣтивъ штатную сестру, я спросила, гдѣ наши и отчего никого изъ нихъ не видать.

— Онѣ всѣ на операціи внизу, — былъ отвѣтъ: — сегодня трудная операція,—главный врачъ тамъ и еще два доктора.

— Изъ чьего отдѣленія больной?

— Изъ отдѣленія Ольги Алекс., гвардеецъ.

— Лактіоновъ,—догадалась я.

Больного снесли въ операціонную въ десять часовъ, теперь уже было около часа.

Я занялась ежедневнымъ дѣломъ,—раздачей порцій.

Въ то время, какъ я разливала вино и водку, въ отдѣленіе пришла кн. Ольга Дм. Г—а и направилась прямо на меня.

Она, приподнявъ свой передникъ, закатала его и прикрывала мантильей. На черномъ ея платьѣ были свѣжія пятна, густыя и вяжущія.

Сама она была блѣднѣе обыкновеннаго, но вполнѣ бодра.

— Вѣра Дмитріевна, ради Бога, нѣтъ ли у васъ запасного

фартучка? Мнѣ бы надо смѣнить мой,—посмотрите, на что я похожа.

Она остановилась передо мной и откинула фартукъ. По немъ, сверху до низу, шла темно-красная полоса, почти во всю ширину; рукава и платье тоже были залиты кровью.

— Господи!—въ испугѣ вскрикнула я:—что случилось?..

— Я никакъ не могла отойти, у меня обѣ руки были заняты, когда кровь хлынула,—ужасъ, на что я похожа!

— А Лактіоновъ?..

— Ничего; кажется, операція удачна; вѣдь ужъ мы тамъ болѣе двухъ часовъ. И сестра ваша тамъ.

Я сняла съ себя фартукъ и надѣла его на кн. Оленьку Г—ну.

— Онъ теперь долженъ скоро очнуться, и видъ крови можетъ испугать его.

Сами для себя онѣ не существовали.

— Я приду, — сказала я; — можетъ быть, и я могу чѣмъ-нибудь послужить вамъ.

— Да, приходите, мы всѣ очень устали. А теперь ужъ самое страшное прошло,—сказала Оленька, одобрительно кивнувъ головою, и побѣжала къ своему дѣлу.

Окончивъ раздачу, я пошла въ операціонную.

Когда я вошла, меня обдало запахомъ гноя и хлороформа,—казалось, въ этомъ воздухѣ нельзя было дышать и нѣсколькихъ минутъ. А онѣ уже находились тутъ около трехъ часовъ и дурно имъ не дѣлалось,—объ обморокахъ, истерикахъ или тому подобныхъ бабьихъ слабостяхъ—не было и помину.

Мученикъ, который лежалъ на столѣ, весь въ крови, съ растерзаннымъ тѣломъ, поглощалъ всѣ ихъ помыслы, все ихъ вниманіе.

Надо, однако, прибавить, что на нихъ лица не было,—онѣ были не только блѣдныя, но зеленыя.

Выраженіе напряженности и крѣпкаго утомленія, не столько физическаго, сколько нравственнаго, было на ихъ лицахъ; онѣ изстрадались за своего страдальца. Замѣтно было, что въ дѣло шелъ послѣдній запасъ силъ.

Но онѣ сами этого не замѣчали. Пережитыя минуты были слишкомъ серьезны.

Я приблизилась тихонько къ столу. На немъ лежалъ молодой гвардеецъ, по поясъ обнаженный. Лицо его было бѣлое, какъ полотно—ни кровинки; слегка судорожно двигались мускулы.

Вокругъ стола стояли операторъ и три сестры: Ольга А. К—а, княжна О. Г—на и сестра моя.

Ольгины тонкіе, красивые пальцы, покрытые густымъ слоемъ запекшейся крови, придерживали висящія лохмотья живого мяса и помогали доктору подбирать ихъ и прилаживать для зашивки. Операторъ соединялъ эти лохмотья и стягивалъ ниткой.

Каждый уколъ иглы заставлялъ больного вздрагивать и вскрикивать.

Наконецъ и это дѣйствіе было кончено.

— Отнимайте хлороформъ! — приказалъ операторъ, разгибаясь и откидывая голову. Со лба его по вискамъ струились капли пота. Онъ былъ измученъ. Онъ отошелъ въ сторону, чтобы вымыть руки и освѣжить голову.

— Уфъ, уфъ!—нѣсколько разъ съ разстановкой вырвалось у него.

Затѣмъ настало глубокое молчаніе. Больной долженъ былъ скоро очнуться.

Ольга К—ва не тронулась съ мѣста. Она обѣими руками поддерживала изрѣзанную руку, изъ которой только-что выпилили часть кости. Эта верхняя часть представляла видъ окровавленной выжатой тряпки,—такъ она съёжилась и такая въ ней чувствовалась безжизненность и безпомощность.

Но вотъ онъ шевельнулся, сдѣлалъ слабое усиліе передвинуться и опять застоналъ.

— Охъ, Господи, Господи!—со стономъ вырывалось у больного.

Глаза всѣхъ были устремлены на лицо больного.

Вотъ дрогнули вѣки и медленно стали приподниматься, но, отяжелѣвшія, опять закрылись. Онъ снова сдѣлалъ усиліе и открылъ глаза,—еще не живые, помутившіеся, ничего не выражающіе глаза.

Прошло еще нѣсколько секундъ. Глаза его стали поворачиваться къ свѣту; онъ сталъ осматриваться, еще не имѣя силы понять, что съ нимъ было, откуда эта боль,—и гдѣ онъ находится.

Онъ съ усиліемъ соображалъ.

— Положите ему компрессъ на голову, это его освѣжитъ, —сказалъ операторъ, слѣдившій за каждымъ его движеніемъ.

Онъ подошелъ къ столу.

— Ну что, молодецъ, долго мы тебя промучили? — спросилъ онъ.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе,—еще въ полуопьяненіи, отвѣчалъ больной. И повернувшись въ его сторону, онъ увидѣлъ Ольгу.

— И сестрица тутъ, — проговорилъ онъ, и помертвѣлыя черты его лица оживились.

— Тутъ много сестрицъ около тебя,—всѣ сестрицы сегодня къ тебѣ сошлись.

— Охъ, охъ, охъ!—протяжно застоналъ больной, сдѣлавши неловкое движеніе, потревожившее его искалѣченную руку.—Охъ, Господи, больно-то какъ!

— Знаю, знаю, ужъ ты мнѣ не разсказывай, а я тебѣ скажу, что теперь тебѣ все меньше и меньше будетъ больно.

— Приподняться бы мнѣ,—пріободряясь, сказалъ онъ, — да силъ-то нѣтъ.

— Приподнимите его осторожно!—сказалъ операторъ.—Сейчасъ будемъ тебѣ руку въ люльку укладывать; смотри, какая ей мягкая постель приготовлена.

На столѣ лежала большая ручная шина, уложенная толстымъ пушистымъ слоемъ ваты.

Сестры подвели ему за спину руки и тихонько стали приподнимать его. Ольга придерживала на вѣсу перепиленную руку.

Всѣ слѣдили за малѣйшимъ его движеніемъ, за каждымъ оттѣнкомъ его лица.

— А мнѣ бы покурить папиросочку, ваше высокоблагородіе, —слабо, потерявъ послѣднія силы при усиліи подняться, сказалъ онъ.

У насъ подъ руками папиросъ не было. У одного изъ служителей въ карманѣ оказалась папироска; онъ предложилъ ее больному, несмѣло, съ благоговѣніемъ.

— Извольте, у меня есть одна.

Они совсѣмъ мѣняютъ свои отношенія къ тѣмъ больнымъ, которые выносятъ операціи и которыми дорожатъ сестры, обращающіяся въ полныхъ слугъ больного.

— Закури и подай ему!—сказалъ врачъ.

— Ты смотри, огнемъ-то мнѣ въ ротъ не сунь! — сказалъ больной, и свойственная ему тонкая улыбка заиграла на губахъ и освѣтила его блѣдное, какъ холстъ, лицо.

Точно солнечнымъ лучомъ освѣтилась вся палата отъ этой первой улыбки страдальца, отъ котораго въ теченіе трехъ томительныхъ часовъ только и слышали, что раздирающіе стоны и вопли. Эта улыбка такъ и отразилась на лицахъ сестеръ.

Всѣмъ стало весело, всѣ ободрились.

Изнуренное, измученное выраженіе исчезло съ лицъ.

Эта улыбка заставила забыть и утомленіе, и вынесенные мучительные труды.

Ему подали папироску; онъ потянулъ дымъ.

— Вонючая, — сказалъ онъ, отворачиваясь: — ну тебя съ ней!

Принесли другихъ. И операторъ принялся укладывать и приспосабливать руку въ шину. Опять послышались крики.

Я отправилась въ то отдѣленіе, куда должны были перенести больного, приготовить постель и все, что понадобится.

Долгое время мучился онъ и послѣ; еще не разъ пришлось открывать рану и вставлять дренажъ, вынимать раздробленные остатки костей. Наконецъ кость начала наполняться, она стала ощутительна. Въ апрѣлѣ его отправили въ Петербургъ. Мы нашли его въ Петербургѣ, послѣ нашего переѣзда, въ отдѣленіи въ Алекс.-Невской лаврѣ, въ госпиталѣ, устроенномъ великой княгиней Александрой Іосифовной.

Въ отдѣленіи сестры моей былъ латышъ, больной ногами. Врачи не могли въ точности опредѣлить этой болѣзни — постепеннаго онѣмѣнія конечностей. Но съ каждой недѣлей эта постепенная парализація усиливалась, ноги окончательно отказывались служить и отнялись. Но латышъ вѣрилъ, что онъ еще можетъ поправиться, и одобрительно, любовно смотрѣлъ каждый разъ на доктора, осматривающаго и прописывающаго одну мазь за другою. Лечился онъ съ большимъ стараніемъ, — ему, видимо, такъ хотѣлось поправиться. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ, незамѣтныхъ больныхъ, которые ни на что не жалуются, ничего не требуютъ, да и смотря на его добродушное, полное лицо и не разгадаешь, сколько горя, какое безъисходное положеніе камнемъ давитъ ему душу.

Сестра моя уже раньше замѣтила его и говорила мнѣ, что она еще никогда не слыхала такихъ вздоховъ, такихъ глубокихъ, не въ подъемъ тяжелыхъ вздоховъ, какъ вздохи этого латыша. Такъ онъ ни на что не жалуется, и лицо у него какъ будто постоянно улыбающееся и довольное, а потомъ задумается и вздохнетъ, и такъ вздохнетъ — точно въ это время все его безъисходное горе всплываетъ и поворачивается у него на душѣ.

Она стала разспрашивать его о его обстоятельствахъ. Его добродушное широкое латышское лицо все засвѣтилось ласковой, благодарной улыбкой.

Онъ показалъ на ноги. Ему, пожалуй, долго нельзя будетъ работать, „а дома дѣтки есть, надо ихъ кормить, одѣвать и оббувать“; и когда онъ это скажетъ — лицо его померкнетъ, станетъ озабоченно, и онъ вздохнетъ, и вотъ въ этомъ-то вздохѣ и

кроется вся его забота; это такой душевный, потрясающій вздохъ, что, кажется, не одолѣть ему своего горя, никогда не сбыть съ сердца, никогда не найти ему изъ него исхода.

Мало-по-малу онъ разсказалъ всю свою исторію. Разсказъ его простъ и крайне прозаиченъ; по его полу-латышской рѣчи трудно и поймать какую-нибудь тонкость.

Но дѣло въ томъ, что когда онъ вернется на родину, то семья его, получающая теперь хотя скудное, но все же даровое пропитаніе, съ его возвращеніемъ лишится и этого. Земли у нихъ нѣтъ,—а какой же дуракъ возьметъ его, калѣку, въ фермеры или арендаторы. Вотъ эта забота и грызетъ его. Ноги все дѣлаются безпомощнѣе и безпомощнѣе, и онъ вернется домой не какъ опора и кормитель, а какъ бремя, лишній ротъ: „работать не могу, а ѣсть хочется",—покачивая неодобрительно головою, со вздохомъ говоритъ онъ.

Онъ все потерялъ за Дунаемъ; осталось у него только полуистлѣвшее бѣлье, которое было на немъ,—а какъ же ему вернуться домой безъ ногъ да и безъ денегъ?—не хочется. И вотъ онъ рѣшился копить и откладывать. Каждый день за копѣйку продавалъ 1/2 булки своей, иногда и всю булку, и, такимъ образомъ, уже въ госпиталѣ сколотилъ капиталецъ въ 1 р. 35 к.,—онъ уже давно по госпиталямъ валяется.

Когда пришло извѣстіе, что черезъ нѣсколько часовъ прибудутъ турки и что всѣ русскіе покинутъ Башню, то поднялась суматоха.

Къ вечеру увезли и латыша,—какъ и большинство нашихъ людей, увезли такъ быстро, такъ безпорядочно, что мы не могли дознаться, куда ихъ везутъ и увидимъ ли мы ихъ еще разъ.

Въ Башнѣ остались только такіе, которыхъ нельзя было двинуть, да тифозные.

Мнѣ былъ порученъ присмотръ надъ оставшимися нашими, а вновь прибывшіе уже были въ вѣдѣніи другого, такъ-называемаго „Общаго Кружка", которому мы передали наши суммы на продовольствіе.

Остальныя дамы изъ попечительницъ принялись отыскивать своихъ больныхъ по разнымъ госпиталямъ кіевскимъ. „Красный Крестъ" и тутъ не могъ оказать никакой помощи военнымъ госпиталямъ,—тяжело больные, равно какъ и выздоравливавшіе, были разложены по мѣстнымъ военнымъ госпиталямъ.

Къ вечеру этого дня наши товарищи уже успѣли напасть на слѣдъ своихъ людей, и многихъ разыскали въ новомъ ихъ помѣщеніи.

Бѣдный латышъ отыскался тоже въ одномъ изъ лазаретовъ. Ему не становилось лучше. Послѣ его признанія, сестра моя стала собирать для него, чтобы увеличить его капиталецъ. Увидавъ въ ней участіе, латышѣ сталъ смотрѣть на нее какъ на ангела-хранителя.

Еще мѣсяцъ пробылъ онъ въ госпиталѣ, но лучше ему не стало. Затѣмъ его выписали и дали полную отставку.

Да и куда же онъ годился?

Между прочимъ сестра собрала ему и дѣтское платье.

— Только какъ же ты все это повезешь,—вѣдь порядочная выйдетъ торбочка.

— Повезу, сестрица,—улыбаясь, отвѣтилъ онъ, — лишь бы было что везти.

XVIII.

Обращаюсь нѣсколько назадъ.

7-го февраля, утромъ, въ Башню пріѣхалъ генералъ К. и объявилъ, что, по разнымъ соображеніямъ, для простыхъ смертныхъ недоступнымъ, Башня назначается для помѣщенія турокъ, прибывающихъ сегодня ночью въ Кіевъ, и что, на основаніи такого распоряженія, всѣ больные русскіе должны быть эвакуированы въ теченіе дня.

Распоряженіе было настолько рѣшительно, что разспрашивать о чемъ бы то ни было не было времени.

Приходилось снаряжать всѣхъ больныхъ: могущихъ двигаться —отправлять въ другіе госпитали, бездвижныхъ приказано было переносить сверху въ нижнія отдѣленія.

Къ четыремъ часамъ Башня опустѣла. Изъ нея, по широкому полю, ведущему къ городу, потянулась длинная вереница колясокъ, дрожекъ, простыхъ телѣжекъ, на которыхъ сидѣли и лежали русскіе больные и раненые. За ними ѣхали ихъ пожитки, шли служителя.

Это внезапное распоряженіе, несмотря на свою рѣшительность, осталось для насъ необъяснимымъ и неразгаданнымъ. Почему отдали именно Башню, въ которой было такъ много больныхъ, и въ которой именно въ это время такъ увеличилась общественная помощь? Все это такъ и осталось „государственною" тайною. Многіе больные погибли вслѣдствіе этой передряги и неумѣстной перевозки. Умеръ болгаринъ, перенесенный черезъ дворъ во время сильной лихорадочной испарины; умеръ Волкотрубъ, которому все грезилось въ бреду, что черти лѣзутъ изъ

печки и не даютъ ему покою; умеръ Дѣденковъ, начинавшій-было оправляться отъ диссентеріи; умерли и застудились еще многіе другіе.

На другой день, 8-го февраля, узнали, что „Общій Кружокъ", подъ предсѣдательствомъ граф. Анаст. Серг. П—ой взялъ на себя заботы о плѣнныхъ туркахъ и вступаетъ въ завѣдываніе Башней. Мы всѣ собрались у предсѣдательницы и сообщили ей о разореніи нашей Башни и наплывѣ въ нее турокъ.

Изъ протокола засѣданія 8-го февраля: „Въ виду послѣдовавшаго со стороны военнаго начальства распоряженія объ удаленіи изъ Башни русскихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ и замѣщеніи ея плѣнными больными турками, постановлено: 1) прекратить дѣятельность дамъ-попечительницъ и назначить въ распоряженіе „Общаго Кружка" 500 руб. въ мѣсяцъ для дезинфекціи Башни и улучшенія пищи турокъ, а главнымъ образомъ временно оставшихся въ Башнѣ около 100 человѣкъ трудно-больныхъ. 2) Поручить В. Д. Х—вой (какъ представительницѣ нашего „кружка") и Ел. Д. П—вой (члену нашего „кружка" и „общаго") контроль за улучшеніемъ пищи русскихъ и турокъ въ Башнѣ и вообще за исполненіемъ обязательствъ, принятыхъ на себя членами „Общаго Кружка" по отношенію къ Башнѣ. 3) Постановлено: для улучшенія продовольствія больныхъ въ лазаретѣ мѣстнаго полка (лазаретъ этотъ находился подъ личнымъ покровительстомъ княг. Кочубей), куда нынѣ переведена большая часть больныхъ Башни, выдать 100 руб. означенному лазарету, черезъ посредство О. Л. К—ой".

14-го февраля мы получили отъ нашей предсѣдательницы приглашеніе собраться у нея вечеромъ по дѣлу.

Предсѣдательница открыла засѣданіе сообщеніемъ, что она должна оставить ненадолго Кіевъ, и потому предлагаетъ „кружку":

1) Завѣдываніе Башней предоставить членамъ „Общаго Кружка" (какъ уже было постановлено) подъ наблюденіемъ В. Д. Х—ой.

2) Продолжать считать „кружокъ" существующимъ и продолжать членскіе взносы.

Затѣмъ предсѣдательница сообщила, что концертъ г-жи Лавровской, устроенный недавно при ея содѣйствіи „въ пользу больныхъ и выздоравливающихъ воиновъ", доставилъ въ ея распоряженіе 837 р. 10 к. Означенныя деньги должны были быть раздѣлены между слабосильными командами и Башней, но, имѣя въ виду, что больныхъ въ Башнѣ продовольствуетъ уже „Общій Кружокъ на предоставленныя ему Башеннымъ Кружкомъ

средства, и что больные, оставшіеся въ Башнѣ и по нѣкоторымъ другимъ госпиталямъ, нуждаются въ теплой одеждѣ и денежныхъ пособіяхъ при выпискѣ, предсѣдательница предложила собранію: не признаетъ ли оно полезнымъ назначить слѣдующую для Башни часть вырученныхъ отъ концерта денегъ на пріобрѣтеніе теплыхъ вещей для раздачи выписывающимся изъ Башни больнымъ и раздачи денежныхъ пособій въ тѣхъ размѣрахъ, какіе установлены въ слабосильныхъ командахъ, заведенныхъ графиней [1]) Е. Л. И—ой.

Предложеніе это также принято, и предсѣдательница поручила В. Д. Х—вой, на время ея отсутствія, раздавать вещи и деньги изъ склада слабосильныхъ командъ больнымъ, выписывающимся изъ Башни, а всю сумму, вырученную отъ концерта, рѣшено причислить къ средствамъ попечительства о слабосильныхъ командахъ въ Кіевѣ.

Въ концѣ февраля прошелъ слухъ, что Башня снова будетъ занята русскими больными, что на-дняхъ ее очистятъ отъ турокъ и приступятъ къ усиленной ея дезинфекціи послѣ пребыванія въ ней такихъ гостей. Слухъ этотъ скоро подтвердился оффиціальнымъ извѣстіемъ, исходившимъ отъ военныхъ властей.

Предсѣдательница наша все еще отсутствовала, и отсутствіе ея, увы, могло затянуться на неопредѣленное время.

Но время ея предсѣдательства прошло не безслѣдно: нашъ „кружокъ", вначалѣ считавшійся бѣднѣйшимъ изъ кружковъ, которому грозилъ разладъ и всякое неустройство, — теперь былъ признанъ самымъ могущественнымъ, образцовымъ и богатымъ. Благодаря энергіи и умѣнью нашей предсѣдательницы, средства „кружка" очень увеличились; не вдаваясь въ философскія разсужденія о равенствѣ и правахъ человѣка, помогали тамъ, гдѣ видѣли, что помощь нужна,—понятно, обезпечивая прежде своихъ больныхъ. Всѣ члены „кружка" составляли одну плотную силу и дѣйствовали единодушно, всегда соблюдая положенное въ основу правило: ставить дѣло выше всякихъ личныхъ соображеній и внѣ личныхъ отношеній.

Встрѣчаясь съ посторонними, мы избѣгали говорить о своей дѣятельности и держали въ строгой интимности то, что происходило во время нашихъ засѣданій въ домѣ графини И—й, и тѣ крупные вопросы, которые на нихъ обсуждались и помаленьку проводились въ другія вліятельныя сферы. Такъ, послѣ долгихъ усиленныхъ попытокъ, въ нашу пользу прошелъ вопросъ

---

[1]) Съ декабря ея свекоръ получилъ этотъ титулъ съ нисходящимъ потомствомъ.

объ эвакуаціи людей, особенно калѣкъ, къ мѣсту ихъ родины. Безъ шуму и треску, но настойчиво и неотступно работали мы надъ „власть имѣющими", и незамѣтно для нихъ вводилось то, что, за нѣсколько недѣль, въ интимности „кружка" было положено провести.

Нашъ „кружокъ" считался гордымъ, недоступнымъ. Такимъ онъ и былъ,—и мы были горды другъ другомъ и тѣми крѣпкими отношеніями, которыя соединяли насъ.

Когда мы узнали, что Башня снова будетъ занята русскими, мы обратились съ единодушной просьбой къ глубоко уважаемой и любимой всѣми княгинѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Г—ной, прося ее принять на себя званіе временной предсѣдательницы, и этимъ самымъ соединить снова „кружокъ" и возобновить его дѣятельность при Башнѣ, которая, на-дняхъ, имѣетъ быть замѣщена русскими больными, прибывающими изъ Санъ-Стефано.

Княгиня склонилась на единодушное желаніе членовъ „кружка", и 2-го марта общество наше открыло свою дѣятельность подъ ея предсѣдательствомъ.

За все время пребыванія въ Башнѣ турокъ и только малой части русскихъ, „кружокъ" нашъ поддерживалъ сношенія съ госпиталемъ чрезъ избранныхъ изъ своей среды членовъ, обязавшихся слѣдить за дѣйствіями „Общаго Кружка" (гр. Анаст. Серг. П—ой и Комп.).

Много усилій стоило нашей предсѣдательницѣ провести дѣло о слабосильныхъ командахъ. Тамъ, гдѣ она должна была встрѣтить не только сочувствіе, но и горячую признательность,—она сталкивалась съ упрямствомъ, враждебностью и тупостью. То, что казалось вещью совсѣмъ простою, являлось труднымъ подвигомъ,—такъ тормазили ея дѣятельность на этомъ пути военныя власти.

Боролась она долго, стараясь втолковать военнымъ властямъ и доказывая на дѣлѣ, какъ существенна та помощь, которую она вноситъ, и какъ необходима такая поддержка для изнуренныхъ, измученныхъ людей, которымъ предстоитъ еще много испытаній и впереди,—но военныя власти долго не хотѣли мириться и до конца старались дѣлать видъ, что не признаютъ нашего существованія.

Въ это время, благодаря безпристрастному взгляду и горячему участію княгини Анны Матвѣевны, помощь, дѣйствительно, была направлена туда, гдѣ она была всего нужнѣе. Стали получать теплое платье и денежныя пособія не здоровяки, отправляв-

шіеся въ армію, а калѣки, шедшіе на родину—негодные къ службѣ и часто негодные къ работѣ.

Пріютъ для слабосильныхъ (при Михайловскомъ монастырѣ) преобразовали.

Устроена швейная мастерская; люди заняты; работаютъ почти всѣ,—шьютъ рубахи, башлыки, шаровары, неумѣлые — торбы. Все это идетъ для раздачи выбывающимъ на мѣсто родины. Да и какъ хорошо работалось при умѣлой распорядительности княгини Анны Матвѣевны!

Такъ какъ въ этой командѣ большею частью находились совсѣмъ выздоравливающіе, то отъ нечего дѣлать да отъ хорошаго житья и скуки начало появляться на сцену винцо. Теперь все это кончилось. Былъ даже случай, что одинъ изъ новичковъ и пропадалъ цѣлыя сутки.

Фельдфебель, приставленный къ Михайловскому пріюту, пришелъ съ своимъ рапортомъ и донесъ, что не все въ порядкѣ.

— Что такое?

— Изъ вновь прибывшихъ нижнихъ чиновъ одинъ загулялъ и не ночевалъ дома (слѣдуютъ имя и фамилія).

— Молодой?

— Молодой, изъ новобранцевъ. Докторъ докладывалъ вашему превосходительству, когда вы изволили у насъ быть, объ немъ,—такой бѣлокурый, съ больной грудью.

— А докторъ какъ-разъ сказалъ, что его надо беречь, что эта грудная опухоль очень опасна.

— Точно такъ-съ.

— Такъ какъ же это?

— Не могу знать.

— Нѣтъ, этого нельзя не знать; не слѣдовало его отпускать. Гдѣ же онъ теперь?

— Спитъ, что мертвый спитъ,—совсѣмъ одурѣлъ отъ вина. Сегодня его у ограды, у калитки подняли и принесли.

Теперь ѣхать не стоило; надо было переждать, пока онъ очнется.

Передъ вечеромъ пришли сказать, что онъ на ногахъ и въ полномъ сознаніи.

Я поѣхала въ Михайловскій монастырь.

На дворѣ находилось много изъ нашихъ людей. Вечеръ былъ теплый, солнечный. Главы златоверхаго монастыря такъ и горѣли, такъ и переливались блескомъ подъ косвенными лучами вечерняго солнца. Окрестные сады начинали зеленѣть; трава ужъ поднялась и совсѣмъ позеленѣла.

Большая часть слабосильныхъ воиновъ высыпали на монастырскій дворъ и ждали, пока имъ позволятъ идти на „прешпектъ“, т.-е. на улицу, гдѣ къ Пасхѣ строятъ качели.

Я велѣла привести его къ себѣ, на дворикъ, гдѣ меня окружили наши слабосильные воины.

Сконфуженный, съ потеряннымъ, виноватымъ лицомъ, появился онъ въ дверяхъ дома, потупился и остановился.

— Подойди поближе!—сказала я.

Несмѣло, не поднимая на меня глазъ, сталъ приближаться совсѣмъ еще юный, съ раздувшимся лицомъ и заплывшими отъ сна глазами, солдатикъ.

— Ну, иди жъ! Чего ноги-то волочишь?

— Небось, теперь и самъ не радъ,—говорили товарищи.

— Что ты сдѣлалъ? Ты знаешь ли, что за это ты можешь подъ судъ попасть? А грѣхъ-то какой, грѣхъ-то одинъ чего стоитъ!—и т. д., и затѣмъ, въ этомъ смыслѣ, пришлось прочитать ему длинную проповѣдь и разъяснить ему его несообразный поступокъ.

Онъ очень скоро проникся истиною того, что слушалъ, и лицо его изъ виновнаго и испуганнаго стало совсѣмъ несчастное, въ конецъ потерянное.

Интересно было слѣдить за выраженіями, которыя смѣнялись на этомъ впечатлительномъ, добродушномъ лицѣ.

Раскаяніе, досада на себя, сознаніе своей полной несостоятельности.

Слушая, онъ покачивалъ головою, точно дѣло шло о другомъ, нелѣпый поступокъ котораго онъ не только не одобрялъ, но даже и не вполнѣ уяснялъ себѣ, что какъ-де могъ человѣкъ дойти до такого безобразія?!

— Теперь разскажи мнѣ самъ, какъ это случилось. Разскажи всю правду, ничего не утаивая,—всю истинную правду съ начала до конца. Ну?

— Ну,—повторилъ онъ, моргая и собирая мысли, такъ что на лбу отъ напряженія заложились складки,—ну, вотъ какъ это вышло...—Онъ пріостановился.

— Ужъ ты все говори, какъ на духу, все равно,—подсказывали товарищи.

— Ну?—опять сказала я.

— Ну,—повторилъ онъ,—пошли мы, это, погулять,—тутъ, вотъ, на лужокъ, гдѣ качели строятъ.—Онъ опять остановился и взглянулъ на меня.—Вотъ, погуляли мы, это, посмотрѣли на рѣчку, на этого на князя святого; я отошелъ, да и сѣлъ на травку.

— Ну, это еще ничего, а дальше?..

— Дальше... сижу я, этакъ, одинъ въ сторонкѣ, подходитъ ко мнѣ солдатикъ, незнакомый, не изъ нашихъ здѣшнихъ,—подошелъ да этакъ и подсѣлъ ко мнѣ.

— Ну, и это еще ничего.

— Подсѣлъ да и говоритъ: „Ты,—говоритъ,—за Дунаемъ былъ?"—„Былъ", говорю. „И подъ Плевной былъ?"—„Подъ Плевной,—говорю,—не былъ".—„Раненый ты, что-ли, али такъ просто больной?"—„Не раненый,—говорю,—и не больной, а грудь расшиблена".—„А! вотъ что!—говоритъ.—А давно ли въ Россею вернулся?"—„Вернулся,—говорю,—второй мѣсяцъ".

— Что же—это правда?

— А какъ же? истинная правда. На первой недѣлѣ поста мы въ Россею пріѣхали. Я не выходилъ, лежалъ, а товарищи сказывали, что въ Россею пріѣхали.

— Ну, хорошо,—дальше.

— Дальше-то онъ мнѣ и говоритъ: „Пойдемъ,—говоритъ,—со мной въ кабакъ, я тебя угощу".—Онъ остановился и вопросительно взглянулъ на меня. Начиналось самое критическое мѣсто его разсказа.—Мы и пошли. Сталъ онъ меня угощивать: „Выпей,—говоритъ,—рюмочку". Я выпилъ.

Онъ остановился и перевелъ духъ.

— Ну?

— „Выпей,—говоритъ,—и другую". Я выпилъ. А потомъ онъ мнѣ и говоритъ: „Выпей-ка и третью". Я выпилъ. Посидѣли мы, этакъ, съ нимъ,—я и пошелъ домой. Прихожу,—а нашихъ-то ужъ угнали, и монахи калитку заперли.

— Что жъ, по твоему, какъ же—всю ночь имъ сидѣть, тебя караулить, монахамъ-то, когда, молъ, изволите пожаловать? Ишь, чего захотѣлъ! Въ девять часовъ завсегда калитку замыкаютъ. На то это и монастырь,—сказалъ фельдшеръ.

Послѣ его разсказа, я взяла его въ сторону, и мы долго еще бесѣдовали и разстались пріятелями.

Впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ работниковъ и выбросилъ изъ головы всѣ пустыя мысли. Онъ прожилъ у насъ болѣе мѣсяца, велъ себя примѣрно и настолько поправился, что могъ вернуться прямо въ свой полкъ.

Оказалось, что докторъ ошибся, признавъ его болѣзнь смертельной. Человѣкъ поправился и вернулся къ своему полку здоровымъ.

XIX.

Въ первыхъ числахъ марта Башню очистили отъ турокъ, дезинфецировали ее и отдали снова подъ русскихъ больныхъ.

Черезъ нѣсколько дней намъ дали знать, что въ Башню направленъ и уже приближается большой транспортъ больныхъ, прибывающихъ изъ Санъ-Стефано.

Добраться до Башни съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Распутица въ полной порѣ. И по шоссе ѣхать плохо, а по размякшей, немощеной дорогѣ пути и совсѣмъ нѣтъ. Рытвины, зажоры, проталины на каждомъ шагу, а на широкомъ пространствѣ вокругъ разлились и стоятъ цѣлыя озера. Въ ночь вода подмерзнетъ, а днемъ, подъ солнечными лучами, опять выступаетъ отовсюду вода.

Мы поѣхали на первый разъ всѣ вмѣстѣ.

Въ это время насъ уже оставалось немного при этомъ дѣлѣ. Многія разъѣхались, иныя удалились, да и у каждой изъ насъ за это время явились новыя обязанности, новыя хлопоты. Кто завѣдывалъ городскими лазаретами, кто управлялъ отдѣльными отраслями благотворительности. Насъ поѣхало четверо.

День выдался ясный, теплый. Въ воздухѣ слышались, проносились дуновенія весны. Мѣстами показалась земля; со всѣхъ горъ и пригорковъ торопливо и шумно бѣгутъ воды, сверкая на солнцѣ. Чувствуется пробужденіе дружное, мощное, приближается сила животворная, обновляющая,—и сколько надеждъ, сколько золотыхъ мечтаній волнуютъ воображеніе!..

Мы добрались до Башни, сдѣлавъ большой объѣздъ. Наканунѣ только прибыли больные. Ихъ—около четырехсотъ. Въ Башнѣ снова суета и оживленіе. Раненыхъ нѣтъ, но много истощенныхъ и зараженныхъ. Цѣлое отдѣленіе занято подъ цинготныхъ—мѣсто скорби и плача,—у многихъ выпадаютъ зубы, гноится и крошится иногда и вся челюсть, — операціи мучительны... Съ этою болѣзнью соединено обыкновенно самое угнетенное, мрачное настроеніе духа...

Другое отдѣленіе занято тоже зараженными...

Въ конецъ истощены многіе; иные истощены до полной апатіи, до полной деморализаціи,—такимъ уже стало все—все равно.

Не имѣя возможности работать такъ, какъ мы работали прежде, мы раздѣлили между собою обязанности и порѣшили ѣздить по двѣ каждый день по очереди, чтобы наблюдать, слѣ-

дить за сестрами и заниматься только исключительно трудными больными. Теперь и потребности другія: главнымъ образомъ питаніе, насколько можно хорошее, укрѣпляющее питаніе, къ которому надо пріучать постепенно ихъ ослабѣвшіе желудки.

Надзоръ за сестрами и, увы, строгій надзоръ, въ это время тоже сталъ необходимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вышли изъ предѣловъ приличія и позорили свое званіе. Одна изъ нихъ пила запоемъ, нѣкто I—ская, нашедшая себѣ покровительство и опору у попечительницы; другая, возведенная въ званіе старшей сестры, проводила время съ какимъ-то офицеромъ,—однимъ словомъ, горя и позора было достаточно, и обмана, и нерадѣнія—тоже. Лучшая изъ оставшихся сестеръ лежала въ больницѣ въ тифѣ...

Въ одинъ изъ дней моего дежурства я обходила палаты. И вижу я въ отдѣленіи внутреннихъ болѣзней—лежитъ на койкѣ совсѣмъ молодой солдатъ. Широко-раскрытыми, почти дѣтскими глазами слѣдитъ онъ за всѣмъ, что происходитъ вокругъ него. По заострившимся и осунувшимся чертамъ лица, по пепельно-синеватому цвѣту кожи, по общей изможденности и худобѣ не трудно опредѣлить, какого рода болѣзнь заѣдаетъ его.

Я подошла, остановилась и стала всматриваться. Глаза его то вспыхиваютъ и нѣкоторое время блестятъ напряженно-горячечнымъ огнемъ, то вдругъ совсѣмъ меркнутъ, отъ слабости закатываются наверхъ, и изъ-подъ полуоткрытыхъ вѣкъ страшно смотрятъ одни бѣлки. Я стала разспрашивать о немъ фельдшера. Въ этомъ отдѣленіи былъ хорошій фельдшеръ. Больной этотъ былъ изъ самыхъ трудныхъ, привезенныхъ недавно; докторъ прописалъ что-то, но въ выздоровленіи его сомнѣвался.

Я подошла къ больному. Его звали: Дмитріевъ, ему былъ всего двадцать-третій годъ отъ роду. Онъ постоянно лежалъ въ одномъ положеніи, и хотя часто уставалъ, и всѣ торчащія наружу, заострившіяся кости и устали, и наболѣли, но ему не откуда было достать силъ, чтобы повернуться.

Я побыла около него, поговорила съ нимъ, стараясь пріободрить его... Онъ слушалъ внимательно и ласково смотрѣлъ на меня.

Въ его выраженіи было что-то такое милое, безпомощное, жалкое...

Я опять подошла къ фельдшеру.

— Вѣдь докторъ еще не вполнѣ отчаялся?—спросила я.— Кто знаетъ,—у насъ были такіе трудные больные... Правда, что

этотъ—диссентерикъ, но онъ такой молодой; если употребить всѣ средства... Завтра я пріѣду, чтобы застать доктора.

Докторъ и самъ былъ заинтересованъ этимъ больнымъ и желалъ сдѣлать для него, что могъ. Такъ какъ нуженъ былъ тщательный уходъ, а фельдшеръ не поспѣвалъ, то къ этому больному приставлена была еще женщина изъ госпитальныхъ сидѣлокъ.

Черезъ нѣсколько дней ему стало лучше,—поносъ пріостановился, явился позывъ на пищу.

— Ты еще поживешь, Дмитріевъ, Богъ не безъ милости,—бывало, скажешь ему,—докторъ доволенъ тобою,—сказалъ: „лучше Дмитріеву". Молодымъ, хорошимъ людямъ надо жить.

Его изнуренное лицо оживаетъ при этихъ словахъ и освѣщается ласковымъ, любящимъ выраженіемъ. Ему, видимо, и самому хочется пожить.

— Ужъ и не знаю, сестрица,—своимъ слабымъ голосомъ тихо говоритъ онъ, — нутро-то у меня ужъ очень ослабѣло... точно его и нѣтъ совсѣмъ...—послѣ каждой фразы онъ останавливается, чтобы перевести дыханіе и отдохнуть.—Иной разъ лежу—и самъ себя не слышу. Да и кашель замучилъ... бьетъ, бьетъ, даже всю душеньку отшибетъ... Кабы сила была, я бы хоть посидѣлъ, а то силъ-то нѣтъ, ни приподняться, ни повернуться...

— Принимаешь ли ты лекарство, какъ докторъ велѣлъ?—и вотъ онъ тебѣ тутъ прописалъ укрѣпляющее питьё.

— Онъ аккуратно принимаетъ, — отвѣчаетъ вмѣсто него фельдшеръ,—онъ такой старательный больной,—а ужъ смирный, смирный, точно его и нѣтъ совсѣмъ.

Больной одобрительно и съ удовольствіемъ выслушиваетъ слова фельдшера.

— Помирать-то еще что-то не хочется,—съ дѣтской улыбкой и съ неувѣренностью не то говоритъ, не то спрашиваетъ онъ.—Хоть бы домой добраться. Дома-то у меня мать осталась да двое сиротъ,—братъ да сестренка, оба малолѣтки. Мать-то, какъ услыхала про замиренье,—небойсь, дожидается. Ей одной-то не справиться, и куда ей,—она у насъ хворая такая... Такъ вотъ ужъ и не знаю, какъ оно...

Онъ вопросительно смотритъ на меня.

— Они тамъ-то сказывали,—послѣ молчанія снова говоритъ онъ,—что какъ только замиренье выйдетъ,—полное это замиренье, значитъ, такъ насъ будутъ домой отпущать?

— И, конечно, будутъ отпускать,—подтвердила я.

— Да только ужъ наврядъ ли замиренье скоро выйдетъ,—

говоритъ фельдшеръ, читающій газеты и разсуждающій о политикѣ:—англичане что-то опять подымаются. Коварный народъ,—на войну, небойсь, нейдетъ, а ехидства своего подпускаетъ!

Больной слушаетъ и тихо вздыхаетъ.

— Ничего, милый, ты этимъ не тревожься, это тебя не касается, — ты только поправься, мы тебѣ и безъ замиренья отпускъ домой выхлопочемъ.

— Да то-то ужъ не знаю... плохая чтой-то поправка-то моя.

— Богъ дастъ—встанешь, ты еще молодой человѣкъ, и силы придутъ.

И самъ ужъ вѣришь въ возможность этой поправки, и привязываешься къ малѣйшей надеждѣ, чтобы вполнѣ вѣрить, что она возможна.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. Ему стало опять хуже,—появилось еще усложненіе въ болѣзни. Докторъ перемѣнилъ лекарство, но, казалось, не отчаявался.

— Ну что, Куперманъ,—что сказалъ докторъ сегодня?

— Сказалъ, что плохо,—тихо отвѣчаетъ фельдшеръ,—а все велѣлъ продолжать то же лекарство.

— Ну, мало ли что онъ сказалъ, доктора какъ часто ошибаются... Я приглашу доктора К. Надо все, все сдѣлать,—ахъ, Куперманъ, кабы намъ выходить его!..

Фельдшеръ пожимаетъ плечами и смотритъ на лежащаго неподалеку умирающаго молодого человѣка.

— Ужъ не знаю,—очень ужъ плохъ,—главное, изнуренъ очень. Сегодня утромъ я пришелъ, онъ спалъ, глаза-то закатились, одни бѣлки видны,—лежитъ недвижимъ,—я думалъ—онъ померъ. Подошелъ, сталъ его трогать, онъ и очнулся опять. А поправиться-то ему очень хочется,—такъ онъ старательно всѣ лекарства принимаетъ.

Больной проснулся и смотритъ теперь въ нашу сторону. Онъ понимаетъ, что разговоръ идетъ о немъ, и что въ этомъ разговорѣ онъ узналъ бы всю правду о себѣ.

— Здравствуй, Дмитріевъ, — подхожу я къ нему.—Вотъ я тебѣ подушечку привезла, помягче лежать будетъ.

Онъ ласково улыбается въ отвѣтъ.

— Докторъ говоритъ, что животу твоему лучше, а что надо теперь кашлю помочь. Завтра я привезу тебѣ питьецо, которое кашель облегчитъ.

— Ну и спасибо, сестрица; а теперь-то у насъ побудете?..

— Побуду,—посижу возлѣ тебя, компрессъ смѣню, натру тебя,—хочешь?

— А какъ же не хотѣть, хочу.... вы меньше за кости задѣваете...

Когда я стала уѣзжать и прощаться съ нимъ, онъ слабымъ, едва внятнымъ голосомъ сказалъ:

— Завтра-то ужъ я буду васъ ожидать!

Я уѣхала.

„Буду ожидать“! Да и что же у него есть теперь, что у него осталось отъ всей жизни, кромѣ этого ожиданія? Лежитъ недвижный и безпомощный, время отъ времени забываясь тяжелымъ сномъ, сквозь который ему мерещатся всѣ ужасы, всѣ страсти, которыя онъ видѣлъ, — и еще больше ноютъ всѣ наболѣвшія мѣста.

Усталъ онъ, въ конецъ усталъ, — „даже ужъ и дыхать-то трудно“,—жалуется онъ.

Вокругъ него все чужіе,—каждый занятъ собою, своей болью, своей нуждою. Онъ знаетъ, что вокругъ него стоитъ смрадъ, и что всѣмъ онъ въ тягость.

Ночью кашель принимается его бить, и будитъ сосѣдей. Который и смолчитъ, а который и ропщетъ, что спать не даетъ... Имъ и жалко его, а со сна все-же и досадно... и они устали, и они тоже надорваны и измучены. Имъ нуженъ отдыхъ и забвеніе,—а тутъ будитъ этотъ раздирающій душу кашель со стономъ.

— Вотъ мы ропщемъ на него,—говорилъ мнѣ его сосѣдъ,— что кашлемъ спать намъ не даетъ,—а какъ вздумаешь—ему-то самому каково!..

Да и нельзя о немъ не вздумать.

— Ужъ до того добьетъ кашель,—говоритъ онъ своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ, — что ни одного мѣстечка цѣленькаго не оставитъ...—А когда уймется кашель и онъ, весь разбитый, старается отдохнуть и забыться,—ему начинаетъ представляться его деревня, домъ, сосѣди, мать, — точно онъ опять видитъ ее и слышитъ, какъ она воетъ и надрывается, когда его сдавали въ солдаты, сажали на телѣжку и повезли въ городъ. Какъ они тамъ справляются безъ работника,—пожалуй и землю отдать придется... И кажется ему, что еслибы его теперь, сейчасъ же отпустили домой, онъ бы успѣлъ еще добраться до дому и тамъ скорѣе бы поправился... А если ужъ такая ему судьба, то померъ бы хоть дома,—и похоронили бы его какъ слѣдуетъ, на своемъ погостѣ, и помянули бы... Здѣсь онъ для всѣхъ чужой, и лежитъ такой беззащитный, убогій...

— Охъ, Господи! Господи!—вырывается тихій стонъ изъ его груди...

И страшно ему, страшно и смутно на душѣ,—страшно отъ приближающейся смерти, страшно отъ полнаго одиночества среди тишины и темноты ночной.. Такое нашло на него смущеніе. И отчего это все съ нимъ приключилося?.. Еще году не прошло съ тѣхъ поръ, какъ жизнь его измѣнилась, съ тѣхъ поръ, какъ его забрали и увезли,—а кажется, ужъ сколько времени прошло съ того дня... Среди этихъ безотрадныхъ, холодныхъ думъ, онъ вспоминаетъ о сестрицѣ, объ ея обѣщаніи помочь ему, хлопотать объ его отправкѣ домой, и это единственный свѣтлый лучъ, который озаряетъ, проникаетъ въ его душу. Онъ чувствуетъ, что только имъ, этимъ „сестрицамъ", онъ близкій человѣкъ, душа живая, и ждетъ не дождется, когда эта сестрица придетъ къ нему... А ночь еще стоитъ черная на дворѣ, лампа подъ потолкомъ давно потухла... а сонъ все его не беретъ... Кости ноютъ, вздохи занимаютъ... И только онъ закроетъ глаза, ему лѣзутъ всякія страсти въ голову,—и представляется ему сраженіе,—вся сумятица, вся дикость, весь ужасъ битвы,—и слышатся вокругъ вопли и стоны... Онъ просыпается, старается опомниться...

Подъ утро дремота одолѣваетъ его, и онъ опять забывается. И вотъ онъ видитъ въ полумракѣ, будто что-то входитъ въ палату и медленно подходитъ все ближе и ближе,—вотъ подошло и наклонилося... Кровь стынетъ въ его жилахъ; онъ чувствуетъ, какъ леденѣетъ его тѣло, въ глазахъ совсѣмъ номутилось... Это „она",—„она" пришла за нимъ...

Онъ силится приподняться; худыми, омертвѣлыми пальцами онъ хватается за одѣяло; онъ напрягаетъ мысль, чтобы вспомнить молитву, и что-то лепечутъ его посинѣвшія губы. Но вотъ „она" отшатнулась отъ него и прикоснулась къ его ногамъ...

Онъ потерялъ сознаніе...

Долго ли, коротко ли онъ такъ лежалъ,—никто сказать не можетъ, ни онъ самъ. Когда онъ очнулся и понялъ, что онъ еще живъ, онъ трижды перекрестился и открылъ глаза... Свѣтъ брезжитъ сквозь окно, вокругъ сосѣди спятъ, все тихо и служителей еще не слыхать... онъ одинъ не спитъ. Теперь ужъ ему нечего спать, теперь ужъ недолго ждать... пока „она" ноги отняла,—онъ чувствуетъ на нихъ ея холодное, мертвящее прикосновеніе,—а теперь придетъ за душою его... „Господи, помилуй! Господи, помилуй!"—мысленно твердитъ онъ. И онъ старается больше ни о чемъ не думать, ничего не вспоминать, и къ чему теперь: знаетъ, что все кончено...

Утромъ, когда я пріѣхала, то нашла его въ сильномъ возбужденіи; онъ весь горѣлъ, глаза блестѣли и съ безпокойствомъ

и страхомъ озирались вокругъ; однѣ ноги были ледяныя и посинѣли; онъ едва внятно, отяжелѣвшимъ языкомъ пытался разсказать мнѣ, что было съ нимъ ночью, что ночью смерть приходила къ нему...

Его натерли горячимъ спиртомъ, обложили грѣлками, растирали ноги. Докторъ далъ успокоительныхъ, утоляющихъ капель... Ему стало полегче. День прошелъ; я сидѣла около него, и нѣсколько разъ мнѣ казалось, что пришли послѣднія минуты, что искра жизни угасаетъ... но онъ сдѣлаетъ усиліе, очнется, откроетъ глаза, поворачиваетъ ихъ въ мою сторону и останавливаетъ ихъ на мнѣ... И этотъ взглядъ, ласковый, просящій взглядъ умирающаго долго нельзя будетъ забыть, точно онъ глубоко, глубоко заложилъ его вамъ въ душу...

На слѣдующій день, взойдя въ палату, гдѣ онъ лежалъ, я нашла мѣсто его пустымъ; койка его была вынесена.

— Гдѣ Дмитріевъ?—порывисто и необдуманно спросила я фельдшера.

— Кончился сегодня въ ночь,—я безъ васъ не велѣлъ его уносить въ часовню,—онъ тутъ стоитъ на лѣстницѣ...—Говоря это, фельдшеръ избѣгалъ смотрѣть на меня, и ему было жалко, и онъ привязался къ этому „старательному больному“.

А весна все болѣе и болѣе входила въ свои права,—въ воздухѣ раздавались весеннія птичьи пѣсни и возгласы, земля зеленѣла, и вокругъ разливались струи новой, молодой жизни...

XX.

Въ началѣ мая нашихъ больныхъ перевели въ лагерь—позади Башни, внѣ фортификацій, въ открытое поле. Палатки продувались насквозь чистымъ, душистымъ воздухомъ, солнце пригрѣвало; больные стали быстро оправляться, несмотря на многія неудобства лагерной жизни и на холодъ, наступившій вскорѣ послѣ перехода людей въ лагерь. Эпидемическія болѣзни совершенно прекратились.

Мнѣ рѣдко приходилось бывать въ лагерѣ, такъ какъ на мнѣ одной въ то время лежала обязанность и отвѣтственность раздачи пособій изъ денегъ, присылаемыхъ государыней на слабосильныхъ воиновъ. Однажды утромъ за мной заѣхала одна изъ моихъ сотрудницъ, кн. Ольга Д. Г—на, и просила ѣхать съ нею въ лагерь, а оттуда проѣхать въ бараки слабосильной команды, — центръ моей дѣятельности. Утро было нежаркое, свѣжій вѣтеръ продувалъ, солнце грѣло, все вокругъ распуска-

лось и зацвѣтало, и я рада была случаю выѣхать за городъ. Мы поѣхали. Въ Башнѣ мы должны быди найти мою сестру и Ольгу К—ву. Однако, ихъ не оказалось въ Башнѣ и мы направились черезъ редуты и земляныя фортификаціи въ лагерь,—приказавъ экипажу ѣхать окружной дорогой. Эти фортификаціи давно уже не имѣютъ никакого стратегическаго значенія и потеряли свой угрожающій видъ. Пушекъ нѣтъ, часовыхъ тоже нигдѣ не встрѣчаешь; по нимъ въ разныхъ направленіяхъ протоптаны тропинки, и по праздничнымъ днямъ гуляютъ печерскіе пригородные жители. На этотъ разъ, такъ какъ мы шли цѣлымъ лабиринтомъ насыпей, мы взяли съ собою провожатаго изъ госпитальныхъ служителей.

Когда мы поднялись на валъ, передъ нами раскинулся широкій видъ: на первомъ планѣ, среди зеленаго поля, пестрѣлъ лагерь съ своими бѣлыми палатками и мелкими деревянными строеніями; за лагеремъ—луга, а вдали—синій Днѣпръ, разливая свои обильныя воды на множество рукавовъ. По ту сторону Днѣпра широко раскинулось заднѣпровье и темные лѣса—до самаго горизонта.

Чуднымъ раздольемъ пахнуло на насъ, когда мы взошли на высоту; вольный вѣтеръ приносилъ отовсюду запахи зацвѣтающихъ травъ и молодой, пахучей листвы...

Мы снова должны были спуститься внизъ, пройти между двумя насыпями, обогнуть длинный выступъ, пройти сквозь земляныя ворота. Выйдя изъ воротъ, мы очутились передъ послѣднимъ валомъ, за которымъ начинался лагерь.

— Вотъ они!—сказали мы, увидавъ нашихъ.

На самомъ хребтѣ вала, обернувшись къ намъ спиною, сидѣли знакомыя намъ фигуры сестры моей и Ольги К—ой. Онѣ рисовали. Около нихъ, подобравши подъ себя ноги, въ офицерскомъ халатѣ, съ феской на головѣ, сидѣлъ... мы не совсѣмъ вѣрили своимъ глазамъ... турокъ,—да, настоящій турокъ,—феска выдавала его. Онъ сидѣлъ подлѣ нихъ и держалъ зонтикъ, защищая ихъ и ихъ альбомы отъ полуденнаго солнца.

— Voyez un peu ce Turc! — съ невольнымъ испугомъ сказала я моей спутницѣ.

Мы пріостановились.

— Oui, c'est un Turc,—подтвердила О. Г—а.

Рисующія и ихъ собесѣдникъ, услыхавъ наши голоса, обернулись въ нашу сторону.

— Montez donc!—закричала сверху Ольга К—а: — est-ce que notre compagnon vous fait peur?

— Mais c'est un Turc!

— Тюркъ, тюркъ! — заговорила вдругъ фигура, сидящая подлѣ нихъ, передразнивая мой голосъ:—не тюркъ—арабъ.

Мы взбѣжали на верхъ.

Арабъ не двигался. Онъ былъ проникнутъ своей обязанностью и внимательно слѣдилъ за падающею отъ зонтика тѣнью.

— C'est un capitaine de l'armée turque, un très galant homme, civilisé à sa manière et susceptible des moindres attentions,—объясняла О. К—а. — Tendez lui la main. — Ихъ, видимо, забавляло это оригинальное сообщество.—Il comprend le russe et le parle,—donc, faites attention.

Мы помѣстились около нихъ. Онѣ рисовали общій видъ лагеря и широкую равнину за нимъ, окаймленную вдали вѣковыми лѣсами Китаевской пустыни. Налѣво отъ насъ, на крутыхъ берегахъ Днѣпра, возвышалась стройная лаврская колокольня и блестѣли, играя на солнцѣ, многочисленныя златоверхія маковки церквей монастырскихъ.

Мы находились на разстояніи шаговъ двухсотъ отъ лагеря. Можно было различать лица людей, и мы обмѣнивались поклонами съ знакомыми.

Вскорѣ завязался разговоръ. Мы замѣтили арабу, что это очень любезно съ его стороны такъ защищать сестеръ отъ солнца,—что весеннее солнце очень опасно.

Онъ понялъ это въ томъ смыслѣ, что это опасно для цвѣта лица.

— Изъ бѣлыхъ будутъ черныя, — и онъ указалъ на себя: какъ онъ—смуглыя.—И руки черныя,—сказалъ онъ.

Мы отвѣчали, что это не большая бѣда, но что голова можетъ очень заболѣть, а что руки—ничего.

— Ничего?!—повторилъ онъ и удивленно кивнулъ головою: —да,—онъ понялъ,—и правда, когда мужъ любитъ бѣленькія,— полюбитъ и черненькія,—и онъ улыбнулся своей яркой улыбкой, освѣтившей все лицо.

— Да онѣ не замужемъ, капитанъ.

— А!—барышни?—съ удивленіемъ сказалъ онъ и указалъ на кольца на пальцахъ Ольги.

Мы ему объяснили, что барышни носятъ кольца, а что послѣ замужества надѣваютъ простое золотое кольцо.

Я показала ему.

Ему этотъ обычай не нравился.

Онъ находилъ, что мужъ долженъ дарить женѣ кольца съ камнями, самыми блестящими, самыми дорогими,—„много дорогихъ камней и ожерелій, и колецъ долженъ мужъ дать женѣ,— тогда жена мужа любитъ“,—прибавилъ онъ.

Мы стали его разспрашивать о его семьѣ. Онъ былъ женатъ и описывалъ свою жену съ любовью, но какъ вещь, —красивую, дорогую вещь,—украшеніе его дома.

— Одна у васъ жена?

— Одна и всегда одна, и прежде, и послѣ, и другой не будетъ. Двѣ, три—не хорошо: говорятъ, говорятъ, бранятъ, кричатъ,—война дома; бѣдный мужъ миру не имѣетъ, а дома миръ надо,—покой—хорошо.

Затѣмъ онъ сталъ разсказывать своей цвѣтистой, отрывочной, но выразительной рѣчью о тѣхъ сокровищахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя имѣетъ его жена, о тѣхъ богатыхъ одеждахъ и украшеніяхъ, въ которыя она одѣвается. Чѣмъ-то сказочнымъ вѣяло отъ этого разсказа.

Мы спросили, общій ли это обычай у арабовъ имѣть одну жену, или онъ лично дошелъ до такого сознанія?

Онъ увѣрялъ, что—общій, что это у турокъ только гаремы и жизнь противная.

— А турокъ—не арабъ,—и онъ значительно закачалъ головою, желая дать понять, что разстояніе между турками и арабами огромное. — Арабъ—не турокъ (т.-е. много превосходнѣе). Арабы турки не любятъ,—турки прежде враги. Арабы подкарауливаютъ турку въ ночное время на одинокихъ дорогахъ, въ дикихъ мѣстахъ. Арабъ сидитъ (т.-е. въ засадѣ). Турка идетъ въ Мекку—арабъ ружье,—пафъ!—турка упалъ.

Глаза капитана заискрились. Ясно было, что и онъ когда-то съ упоеніемъ занимался такой охотой.

Мы его спросили, отчего же онъ попалъ на турецкую службу и воевалъ противъ насъ. Онъ отвѣчалъ,—но или мы не поняли хорошенько, или онъ не хотѣлъ выяснить тѣхъ побужденій, которыя заставили его стать въ ряды турецкихъ войскъ.

Онъ тоже радовался, что миръ насталъ. Теперь онъ живетъ надеждою, и спитъ и видитъ, что его скоро отпустятъ домой, на далекую родину. Его взглядъ устремился вдаль.

Томленіе, и тоска, и страстный порывъ выразились въ его глубокихъ глазахъ.

— А вамъ не хорошо здѣсь?—спросила Ольга:—холодно, сыро въ лагерѣ?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо,—смотри, какъ хорошо!—онъ указалъ на халатъ, на теплые чулки на ногахъ, показалъ на свою палатку въ лагерѣ и хвалилъ все.

— Такъ что вамъ здѣсь больше нравится, чѣмъ въ госпиталѣ,—больше нравится?

— Да, больше нравится, — и онъ утвердительно кивалъ головой, — а ревматизмъ мой меньше нравится, — вотъ что.

Добротою и человѣчными отношеніями русскихъ къ военноплѣннымъ онъ искренно восхищался и съ восточнымъ паѳосомъ выражалъ свои чувства.

— Русскій хорошъ, — добрый человѣкъ, дома добрый, и тамъ, — онъ указалъ вдаль, — на войнѣ добрый, и когда война, кровь, дерутся, убиваютъ, — онъ представилъ рукою рукопашный бой, — когда человѣкъ рѣжетъ человѣка, то русскій — звѣрь, турокъ — звѣрь, арабъ — звѣрь... — и онъ съ выраженіемъ презрѣнія и жалости дернулъ плечами, т.-е. — что же дѣлать? — это общечеловѣческая черта.

Онъ помолчалъ.

— Русскій всегда хорошій и человѣкъ добрый, а пьянъ русскій — собака! — вдругъ сказалъ онъ.

Мы обидѣлись.

— Нѣтъ, капитанъ, русскій никогда не бываетъ собакой, — сказали мы.

— Не бываетъ, — онъ съ этимъ соглашался, — и не бываетъ, — съ удареніемъ повторилъ онъ (т.-е. никогда не бываетъ), — а пьянъ русскій — собака. — Онъ скрестилъ руки на груди и почтительно склонилъ голову, выражая этимъ жестомъ, что онъ радъ былъ бы отказаться отъ своихъ словъ, но, по совѣсти, не можетъ. Затѣмъ онъ замахалъ рукою, что, молъ, непріятнаго разговора этого продолжать не будетъ, молчать будетъ, приложивъ палецъ къ губамъ, — но не думать такъ не можетъ...

Мы стали подниматься, чтобы идти въ лагерь. Нашъ экипажъ, обогнувъ по большой дорогѣ фортификаціи, ожидалъ насъ за лагеремъ.

Мы еще должны были съѣздить въ саперный лагерь, гдѣ помѣщалась слабосильная команда.

— Мы желаемъ вамъ поскорѣе вернуться домой, — сказали мы ему на прощанье.

— А! домой! — воскликнулъ онъ, и лицо его засвѣтилось жизнью, и взглядъ унесся съ неудержимою силою къ далекому горизонту.

Онъ благодарилъ насъ и звалъ опять рисовать, выражая, что онъ и впередъ — нашъ вѣрный слуга.

Мы уѣхали. Больше намъ не случилось видѣть его... Многія изъ насъ въ это время и сами начинали помышлять о скорѣйшемъ возвращеніи домой — на родину, на отдыхъ и поправку...

ТРИ ДОРОГИ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Закамскій богатый помѣщикъ, отецъ доктора Немировскаго, провелъ свою молодость такъ же безпутно, какъ проводили въ его время многіе закамскіе и всякіе иные помѣщики.

Причины тому отчасти лежали въ средѣ, въ воздухѣ необозримыхъ луговъ и степей, которыми такъ богата наша родная земля, — въ длинномъ ряду поколѣній, его предковъ, которые жили опять такъ же, какъ и ихъ собственные предки.

Въ то далекое отъ насъ время, каждый помѣщикъ былъ связанъ двойной веревкой и тройнымъ узломъ. Онъ былъ связанъ крѣпостнымъ правомъ—и не понималъ этого. Онъ былъ связанъ всякими регламентаціями, которыя давали широкій просторъ силѣ капитала, всякому личному произволу и всякимъ безобразіямъ.

Широкіе, „безшабашные", кутежи, которые по наслѣдству достались обществу отъ стародавнихъ временъ матушки Екатерины Великой, перешли въ мелкія попойки и безобразія. Въ наше время, эти попойки и безобразія спустились еще ниже. Онѣ вошли въ среду мелкаго и средняго купечества, и жили и живутъ постоянно въ нашемъ крестьянствѣ.

Въ характерѣ Вадима Васильевича Немировскаго было много безпокойнаго, дѣятельнаго элемента, но приложенія для этой

---

*) См. выше: мартъ, стр. 75 и слѣд.

дѣятельности не было никакого. Здоровая, крѣпкая натура, сухощавая, мускулистая, жилистая, была какъ бы въ безустанномъ напряженіи. Въ его воображеніи постоянно возникали разные планы построекъ—одна чудовищнѣе и фантастичнѣе другой. До тѣхъ поръ, пока этотъ планъ существовалъ въ его головѣ и не осуществился на дѣлѣ, до тѣхъ поръ онъ мучился и волновался. Разбивка земли подъ постройку вносила нѣкоторое улучшеніе въ его угнетенное представленіе, а пилка и рубка бревенъ, стукъ топоровъ выводили окончательно его изъ тяжелаго состоянія.

Онъ съ наслажденіемъ готовъ былъ слушать этотъ стукъ и всю эту музыку построекъ по цѣлымъ часамъ и днямъ. Ему нравился смолистый запахъ дерева, ѣдкій запахъ шипящей негашеной извести, освѣжающій запахъ стружекъ и ихъ наваленные вороха, щепки и обрубки дерева, разбросанные по всему пространству постройки.

Это была его стихія.

Когда постройка оканчивалась, когда задуманное зданіе возводилось и было готово къ окончательной отдѣлкѣ, тогда на него нападалъ припадокъ разочарованія. Въ планѣ и фасадѣ это зданіе представлялось ему совершенно иначе. Комнаты оказывались черезчуръ низкими или, напротивъ, безобразно высокими, ихъ размѣръ былъ очень малъ или нецѣлесообразно великъ. Словомъ, мечта Вадима Васильевича не осуществлялась, и онъ опять хандрилъ, бросался безъ толку и причины на своихъ дворовыхъ и мужиковъ, безъ вины поролъ ихъ жестоко, отдавалъ въ солдаты, ссылалъ въ Сибирь, пока новая фантастическая мечта не снимала съ него это желчное разстройство. И онъ принимался за новую постройку.

Къ дому, оставленному ему его дѣдами, онъ пристраивалъ новые флигеля, или возводилъ большое зданіе для пріѣзжихъ гостей, которые очень рѣдко, впрочемъ, къ нему наѣзжали, боясь его желчныхъ выходокъ и раздражительнаго характера. Старый скотный дворъ былъ сломанъ и на мѣсто его возведена фантастическая постройка, въ которой для рогатаго скота было гораздо меньше удобствъ, чѣмъ въ старомъ зданіи. За скотнымъ дворомъ слѣдовала постройка прачешной, въ которой Вадимъ Васильевичъ хотѣлъ устроить помѣщенія для прачекъ, но помѣщенія оказались маленькими и холодными, а портомойня—громадной, и ее нельзя было натопить никакими дровами; зато всѣ помѣщенія для прачекъ напоминали маленькіе кіоски или маточныя пчелиныя ячейки.

Такія же неудачи и разочарованія постигли и другія по-

стройки: образцовую сыроварню, столярную, общественный складъ для мочалъ и зерносушильню.

Но, кромѣ этихъ, такъ сказать, хозяйственныхъ или экономическихъ построекъ, какъ называлъ ихъ Вадимъ Васильевичъ, имъ возводились въ саду и на дворѣ отдѣльные павильоны въ китайскомъ, англійскомъ, индійскомъ или арабскомъ вкусѣ. Эти павильоны были просто прихоть вкуса и пристрастія къ постройкамъ. Ихъ было настроено до пятнадцати или двадцати штукъ...

Садъ въ Немировкѣ былъ большой. Онъ занималъ около полуверсты, но и въ немъ выразился какой-то прихотливый и извращенный вкусъ владѣльца. Въ особенности около дома были насажены кусты и деревья, подстриженные кубами, конусами, вазами, шарами или пирамидами. Даже одно дерево было въ видѣ человѣческой фигуры.

Когда Вадиму Васильевичу пошелъ сороковой годъ, онъ въ первый разъ въ жизни отправился въ Москву и оттуда въ Нижній, на ярмарку.

На ярмаркѣ его плѣнила цыганка Маша, и съ этихъ поръ жизнь его сдѣлалась совсѣмъ извращенною.

Цыганка была, дѣйствительно, красавица. Статная, высокая, съ властнымъ взглядомъ. Вадимъ Васильевичъ увезъ ее насильно и уговорилъ обвѣнчаться съ нимъ. Но никакими средствами, ласками и подкупами онъ не могъ купить сердца красавицы. Она постоянно была холодна къ нему, и въ этомъ заключалось все несчастіе его жизни.

Хотя она, Маша, и была продана Вадиму Васильевичу таборомъ, но ея согласія на житье съ нимъ онъ не получилъ. Онъ думалъ вѣнцомъ привлечь ее къ себѣ; думалъ, что жертва его приличіями и понятіями дворянской среды тронетъ ее. Но вѣнчанье для дикой дѣвушки не имѣло никакого значенія, и она осталась для мужа такою же послѣ вѣнца, какой была и до вѣнца.

Вадимъ Васильевичъ рвалъ и металъ, сознавая свое безсиліе, сознавая, что ничто и никто не можетъ въ холодномъ свободномъ сердцѣ цыганки возбудить влеченье къ нему...

Къ этому мученью привязывалась еще ревность и усиливала его. Въ таборѣ остался молодой цыганъ, къ которому Маша была неравнодушна и который любилъ ее. Это обстоятельство усиливало цѣну Маши въ глазахъ табора, и онъ взялъ за нее съ Немировскаго пять тысячъ ассигнаціями. Для этой операціи Вадимъ Васильевичъ долженъ былъ заложить одно изъ своихъ имѣній въ симбирской губерніи.

Все это было дѣло грубаго и безчеловѣчнаго насилія, но этого не понималъ, не могъ понять Вадимъ Васильевичъ. Погибшая любовь Маши еще болѣе разъединяла ее съ нимъ и расхолаживала ихъ отношенія.

На второмъ году ея замужества, она забеременѣла, и Вадимъ Васильевичъ удвоилъ свои ухаживанія за нею. Онъ мечталъ, что любовь матери отразится и на ея любви къ нему, ея мужу. Родился сынъ Вадимъ, и чуть ли не съ первыхъ дней Маша возненавидѣла его. Ее раздражали муки и боли, которыя она перенесла изъ-за этого ребенка; раздражало его красное хмурое личико съ большими черными глазами. Оно напоминало ей ея любовь, ея далекаго красавца Петра.

„Такіе же большіе черные глаза“, — думала она. Но эти глаза были не его, Петра, а этого противнаго Вадима.

Она не хотѣла ни кормить, ни ласкать, ни даже смотрѣть на этого сына. Онъ былъ ей противенъ, ненавистенъ, и дѣтскій крикъ и плачъ его раздражалъ всѣ ея нервы.

Вадимъ Васильевичъ выбралъ ему здоровую бабу въ кормилицы, но эта баба была деревянный истуканъ, въ которомъ не вызывало никакихъ рефлексовъ никакое раздраженіе. Она ѣла, спала и двигалась совершенно автоматически.

Ребенокъ подросъ, и кормилицу смѣнила нянька, вялая, убогая старушка, тоже деревенская баба, не чувствовавшая никакой привязанности къ ребенку...

„Ровно чертенокъ!.. Прости, Господи!— думала она: — цыганское отродье“...

И мальчикъ росъ одинокій и отъ всѣхъ отчужденный, проводя почти всѣ дни на полу, въ кухнѣ, куда уносила его нянька.

Тамъ онъ игралъ съ лохматой кухонной собачонкой „Лакашкой“, дѣлился съ ней кусками, которые бросалъ ему поваръ. Тамъ онъ получалъ отъ всей дворни пинки и затрещины, и для всѣхъ онъ былъ „цыганскимъ отродьемъ“.

Однимъ словомъ, онъ воспитывался какъ дитя природы, какъ воспитываются наши крестьянскія дѣти.

У Вадима Васильевича былъ довольно большой домъ въ губернскомъ городѣ, и нерѣдко, въ особенности осенью и зимою, онъ пріѣзжалъ въ этотъ домъ; иногда онъ бралъ съ собой и жену; но она мѣшала, была пятномъ на его веселомъ настроеніи, и онъ охотно оставлялъ ее въ деревнѣ и проводилъ по нѣскольку дней, играя въ карты, пьянствуя съ пріятелями, а жена его во все это время жила одна-одинёшенька въ деревнѣ.

Жутко ей было въ большомъ пустомъ домѣ, въ зимнія долгія

ночи, когда вѣтеръ поднималъ метель въ полѣ и рвалъ и металъ, гремя ставнями. Никого въ цѣломъ домѣ не было у нея, съ кѣмъ бы она могла отвести душу, тѣмъ болѣе, что она плохо говорила по-русски.

Тоска и озлобленіе нападали на нее. Всѣ боялись или сторонились отъ нея. Она бродила одна въ глухую ночь по большимъ комнатамъ, пугая прислугу, которая давно уже дала ей кличку: „проклятая душа“.

Такъ проходили дни за днями. Прислуга давно уже убѣдилась, что съ барыней можно дѣлать, что хочешь. Да и за барыню она не считала ее. Для нея она была чѣмъ-то низшимъ, презрѣннымъ, поганымъ, отъ чего нужно было чураться и открещиваться. Однимъ словомъ, она была „цыганка“.

Вадимъ Васильевичъ всегда привозилъ ей изъ города подарокъ. Она какъ будто оживала при его пріѣздѣ, но время проходило, проходили годы, и она становилась угрюмѣе, молчаливѣе. Порой на нее находили припадки угрюмаго бѣшенства.

Стали замѣчать, что такіе припадка усиливались отъ присутствія ея сына, маленькаго Вадима, или Димки, какъ звала его прислуга. Ему шелъ тогда уже шестой годъ.

Обыкновенно онъ убѣгалъ въ лѣсъ, который начинался почти вплоть за домомъ,—убѣгалъ иногда въ сопровожденіи Лакашки, но чаще совершенно одинъ, проводилъ въ немъ цѣлые дни и возвращался поздно вечеромъ.

Одинъ разъ пришелъ вечеръ, наступила ночь—Димка не вернулся. Нянька, приставленная за нимъ, немного поволновалась, но вскорѣ успокоилась и заснула.

Какъ разъ случилось, что на слѣдующій день возвратился изъ города Вадимъ Васильевичъ, и ему доложили со страхомъ и трепетомъ, что Вадимка пропалъ. Первымъ дѣломъ Вадимъ Васильевичъ счелъ отодрать няньку,—и ее жестоко высѣкли. Затѣмъ выслалъ всю свою охоту, всѣхъ псарей и псовъ искать мальчика по лѣсу. Его нашли за пять верстъ, въ ямѣ, гдѣ онъ спрятался отъ погони.

Мальчика тоже жестоко высѣкли, и Вадимъ Васильевичъ въ первый разъ въ жизни, забывая о нервныхъ припадкахъ его жены, грубо напалъ на нее съ руганью и укорами, что она не хочетъ присмотрѣть за своимъ сыномъ. Маша ничего не отвѣтила. Она только сильно поблѣднѣла и сидѣла молча.

„Точно истуканъ безчувственный!“—подумалъ Вадимъ Васильевичъ.

Вечеромъ она исчезла, и въ ту же ночь сгорѣли скирды съ

хлѣбомъ Вадима Васильевича. Отчего сгорѣли—осталось неизвѣстнымъ.

Послѣ исчезновенія Маши, Вадимъ Васильевичъ запилъ мертвую чашу. Онъ протрезвился, но не надолго. Онъ бродилъ, вездѣ искалъ себѣ мѣста, ѣздилъ даже по чужимъ краямъ—и нигдѣ не находилъ покоя...

Послѣдніе дни онъ провелъ въ своемъ углу и скончался скоропостижно, отъ удара, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Сынъ его наслѣдовалъ все имѣніе его.

II.

Дѣтство и юность Вадима Немировскаго прошли въ лѣсу, такъ что онъ вполнѣ оправдывалъ мнѣніе Толкунова: онъ былъ воспитанъ въ „медвѣжьей академіи".

Сама природа указывала ему этотъ путь лѣсного дикаря, и эта природа была для него истинною матерью. Въ лѣсу прошло его дѣтство и его молодость. Опекуномъ надъ нимъ былъ назначенъ родной дядя его, по отцу: Семенъ Петровичъ Сабельскій. Человѣкъ одинокій, нелюдимый чудакъ, прямой и честный, онъ вовсе не заботился о мальчикѣ и предоставлялъ его воспитаніе самой природѣ. Но мальчикъ самъ, собственными силами дошелъ до необходимости общенія съ людьми. Семенъ Петровичъ выписалъ изъ К. и поручилъ Диму, за хорошее вознагражденіе, бывшему студенту семинаріи, а затѣмъ студенту университета, Крониду Иванычу Медіоланскому. Студентъ съ первыхъ шаговъ сталъ въ пріятельскія отношенія съ мальчикомъ и вскорѣ сдѣлался для него необходимымъ.

Натура у Кронида Петровича была богатырская. Громаднаго роста, силачъ, атлетъ, онъ почти безъ усилія переносилъ громадныя тяжести, ударомъ кулака сбивалъ съ ногъ годовалаго бычка, вдавливалъ пальцами въ доску однотесный гвоздь.

Вадимъ невольно поддавался и какъ бы заражался этой необыкновенной силой и энергіей. По цѣлымъ днямъ они ходили въ лѣсу; отыскивали норы лисицъ и барсуковъ, жили чисто растительной жизнью. Кронидъ, какъ его звала прислуга, ни на минуту не выпускалъ мальчика съ глазъ. Онъ перетаскивалъ его, какъ перышко, черезъ ручьи и болота, или вытаскивалъ его изъ топкаго болота, какъ котенка схвативъ за воротникъ парусинной куртки.

Все живое, пестрое, все, что бѣгало, скакало или летало,

все занимало, притягивало вниманіе мальчика, и все долженъ былъ называть ему Кронидъ, обо всемъ разсказывать подробно.

Когда мальчику минуло десять лѣтъ, онъ уже довольно бѣгло читалъ и читать выучился легко, почти самоучкой, потому что на первыхъ же порахъ сильно и страстно заинтересовался самымъ процессомъ чтенія.

Кронидъ приготовилъ его во второй классъ гимназіи, и Вадимъ долженъ былъ разстаться съ своимъ роднымъ лѣсомъ. Его отвезли въ губернскій городъ. Въ городѣ или, правильнѣе говоря, въ гимназіи ему все показалось дикимъ и чуждымъ.

Три дня онъ пробылъ въ гимназіи, на четвертый—сбѣжалъ. Отъ Немировки до города было болѣе ста верстъ. Онъ прошелъ ихъ въ недѣлю. Питался чернымъ хлѣбомъ, который купилъ въ городѣ, ягодами, которыя собиралъ по дорогѣ. Страшно отощалъ, но все-таки на восьмой день онъ подходилъ къ Немировкѣ. Вся прислуга выбѣжала смотрѣть на него, и всѣ дивились, какъ могъ десятилѣтній мальчикъ пройти пѣшкомъ болѣе ста верстъ.

На тринадцатомъ году онъ снова поступилъ въ гимназію. Кронидъ толковалъ ему, почему онъ долженъ былъ поступить и пройти весь гимназическій курсъ; но Вадимъ плохо понималъ его толкованія; его особенно интересовало одно: почему и отчего такъ устроенъ свѣтъ. Почему каждый стремится взлѣзть какъ можно выше всѣхъ другихъ, нахапать много денегъ и жить нахапаннымъ.

Почему учителя гимназіи учатъ его и греческому, и латинскому языкамъ?

— Да на что мнѣ эти языки? Что я съ ними буду дѣлать?— допрашивалъ онъ Кронида.

— Да ты еще молодъ... еще не понимаешь того дѣйствія, которое производятъ латинскія и въ особенности греческія формы... Поживешь, поростешь и поймешь.

Это былъ единственный пунктъ несогласія во взглядахъ ученика и учителя. Всякій разговоръ объ этомъ крайне спорномъ вопросѣ доходилъ чуть не до ссоры, такъ что Кронидъ рѣзко обрывалъ его соблазнительнымъ предложеніемъ:

— А пойдемъ въ лѣсъ.

И тотчасъ же все раздраженіе смолкало, являлось другое, мирное настроеніе. Забирались разные подходящіе инструменты, забирались коробки для насѣкомыхъ, сачки и ружья. Предметъ спора какъ-то уплывалъ вдаль и скрывался...

— Экой воздухъ здѣсь!..—восхищался Вадимъ, жадно вды-

хая смолистый, озонированный воздухъ.—Смотрите, какой тамъ паръ или туманъ!

— Это надъ болотомъ,—пояснялъ Кронидъ.

— А слушайте, слушайте! — говорилъ Вадимъ.—Слышите? Это синегрудка.

И они подкрадывались къ дереву. Вадимъ нацѣливался, стрѣлялъ и, подбѣжавъ къ убитой птичкѣ, клалъ ее въ ягдташъ, полюбовавшись еще разъ яркимъ синимъ пятномъ на ея горлѣ.

Но любимымъ ихъ мѣстомъ была лѣсная глушь. Тамъ, гдѣ столѣтнія пихты и ели стояли, какъ сѣдые великаны, тамъ, гдѣ смолистый воздухъ разливалъ вокругъ сильно пахучіе ароматы, тамъ была тишь, тамъ было какое-то угрюмое, сонное, заколдованное царство. И вдругъ, среди этой невозмутимой тишины, раздавался рѣзкій и трескучій, задирающій крикъ дятла...

Одинъ разъ, между стволами такихъ елей, тихо вырисовалась массивная фигура сохатаго. Вадимъ въ первый разъ увидалъ эту безобразную фигуру чудовища съ большой головой и громадными рогами. Осторожно, прислушиваясь ко всякому звуку и чутко обнюхивая почти каждое дерево, сохатый подходилъ къ нимъ; онъ обгладывалъ кору съ молодыхъ осинъ или общипывалъ съ вѣтвей старыхъ елей длинныя, висячія, сѣрозеленыя космы бородатаго ягеля.

Вадимъ тихо схватилъ ружье и прицѣлился.

— Не пробуй!—остановилъ его шопотомъ Кронидъ.—Его и пулей не вдругъ уложишь.

Но Вадимъ все-таки выстрѣлилъ. И тотчасъ же вслѣдъ за выстрѣломъ звѣрь отскочилъ въ сторону и мгновенно исчезъ изъ глазъ Вадима и Кронида. Только шумъ и трескъ проводили его быстрый, но тяжелый бѣгъ.

Вадиму долго послѣ этого мерещилась темно-бурая, почти черная, точно бархатная спина лося и его большіе, лапчатые или лопатообразные рога.

Въ другой разъ они натолкнулись на логово косули. Когда они были въ двадцати шагахъ отъ этого логова, то въ виду ихъ поднялась маленькая дикая козочка и кинулась въ сторону, но Вадимъ мгновенно вскинулъ свое ружье и пустилъ выстрѣлъ вдогонку. Косуля упала на одно колѣно и жалобно застонала. Кронидъ и Вадимъ со всѣхъ ногъ бросились къ ней. Она силилась приподняться, встать на ноги и не могла. Она снова упала и быстро двигала ногами, какъ будто хотѣла убѣжать. Вадимъ вынулъ изъ кармана складной ножикъ.

Кронидъ остановилъ его.

— Что ты хочешь дѣлать?—вскричалъ онъ.

— Прирѣзать ее.

— И тебѣ не жаль ее?.. Посмотри, какъ она, бѣдная, смотритъ на насъ... Какіе у нея добрые глаза... Смотри, смотри, она плачетъ... Право же, плачетъ.

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ,—сказалъ Вадимъ и, размахнувшись, всадилъ ножъ въ горло косулѣ и перерѣзалъ глубоко это горло.

— Какой вы... безжалостный!—сказалъ Кронидъ.

И эта безжалостность постоянно смущала и отталкивала отъ Вадима его ментора.

Онъ думалъ, что въ такіе юные годы сердце мальчика должно было быть такъ же сострадательно и сентиментально, какъ сердце юной дѣвушки.

Онъ не принималъ въ разсчетъ того, что Вадимъ выросъ одинокимъ, безъ участія матери и вообще женщины. Онъ не зналъ ласки, онъ не зналъ и состраданія. Но менторъ не подумалъ объ этомъ.

„Безсердечный мальчикъ",—рѣшалъ Кронидъ, и удивлялся умственнымъ или, вѣрнѣе говоря, познавательнымъ способностямъ этого безсердечнаго мальчика.

Въ гимназіи Вадимъ учился какъ-то порывами, и въ минуты этихъ порывовъ схватывалъ многое.

Кронидъ слѣдилъ за его уроками первые два, три года; затѣмъ ему отказали, и юноша былъ предоставленъ собственнымъ силамъ.

Въ тѣ годы, когда складывается міросозерцаніе въ головѣ юноши, Вадимъ отдавался безъ думы внѣшней жизни природы. Онъ свыкся, сжился съ ней и началъ подражать ея пріемамъ; а въ этихъ пріемахъ, на первый взглядъ, стояло безсердечіе. Всякій звѣрь и всякая птица жили, т.-е. пили, ѣли и дрались другъ съ другомъ изъ-за каждаго куска. Ученія Дарвина въ тѣ годы еще не существовало,—а то Вадимъ, навѣрное, былъ бы убѣжденнымъ и горячимъ дарвинистомъ, поклонникомъ этого ученія.

Съ этими взглядами Вадимъ кончилъ гимназію и вступилъ въ число студентовъ университета.

Онъ сдѣлался медикомъ. Медики тогда очень многіе предметы слушали вмѣстѣ съ натуралистами. Первые курсы были общими, а когда наступило раздѣленіе, Вадимъ, не колеблясь нимало, сдѣлался студентомъ-медикомъ.

Медицинскій факультетъ въ то время находился въ весьма

плачевномъ состояніи. Бо̀льшая часть профессоровъ были старики, нѣкоторые совершенно дряхлые. Физіологія, напримѣръ, читалась высокимъ, аистообразнымъ нѣмцемъ, который вѣрилъ въ животный магнетизмъ и проводилъ его какъ основу въ своемъ курсѣ. Профессоръ общей терапіи, тоже высокій и дряхлый старикъ, училъ по старымъ тетрадкамъ Рокитанскаго.

Вадимъ Немировскій прослушалъ полный курсъ и кончилъ докторомъ, но своими знаніями онъ не былъ удовлетворенъ. Онъ отправился въ Москву и поступилъ вольнослушателемъ опять на медицинскій факультетъ. Вскорѣ онъ убѣдился, что и здѣсь знанія не хватало. Ни Иноземцевъ, ни Оверъ не могли удовлетворить его. Всѣ ихъ знанія сводились къ раздраженію брюшного нерва и къ леченію молокомъ.

Онъ отправился за границу. Пробылъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ, вернувшись въ Немировку, устроилъ здѣсь у себя въ деревнѣ маленькую психіатрическую больницу.

III.

Въ Вознесенскомъ онъ не бывалъ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ Вѣра совершенно оправилась и встала съ постели, но Люба и Ольга Андреевна продолжали ухаживать за ней, какъ за больной.

— Вѣрунька! милая моя!—допрашивала ее Люба:—отчего ты ходишь такая невеселая, скучная, угрюмая?.. Забудь прошлое. Будь такая же ясная, бодрая, какой ты была до болѣзни. Вѣдь мы всѣ такъ же любимъ тебя, какъ и прежде. Отчего же ты такая скучная, скажи мнѣ?

И она ласкалась къ ней, цѣловала ее.

— Ахъ, Люба!.. Почему же я знаю... почему человѣку бываетъ скучно или весело? Вѣдь это невольно.

И по цѣлымъ днямъ она ходила по комнатамъ, къ чему-то прислушиваясь, заглядывала въ окна,—какъ будто кого-то ждала.

— Вѣра, милая моя! Что̀ съ тобой?—разспрашивала ее Ольга Андреевна.

— Ничего, maman!.. Все прошло... и мы опять вмѣстѣ.

— Это правда? у тебя нѣтъ никакого горя? Ты ничего не скрываешь отъ меня?

— Что̀ же я буду скрывать отъ тебя?

И Ольга Андреевна грустно цѣловала ее, крестила и отходила отъ нея.

„Почему же, — думала она, — она сидитъ все на одномъ

мѣстѣ? Сегодня, какъ встала, усѣлась тамъ въ уголъ, подлѣ печки, и не пошелохнулась. Книгу отложила въ сторону и сидитъ, какъ приговоренная. Господи! Милосердый! что съ ней?.. Неужели не прошло все это, что грозило ей тогда?"

Но прошло довольно много времени прежде, чѣмъ разрѣшился этотъ вопросъ. Теперь же сама Вѣра не могла еще отвѣтить на него вполнѣ ясно для самой себя.

А между тѣмъ назначенный для свадьбы день приближался.

За три дня до свадьбы, Толкуновъ совсѣмъ переѣхалъ къ Драевскимъ, поселился и устроился въ одной изъ комнатъ на антресоляхъ, въ той самой, въ которой помѣщался тогда Немировскій.

— Мнѣ здѣсь будетъ очень удобно,—говорилъ онъ.—Здѣсь будетъ моя спальня, а рядомъ—мой кабинетъ и уборная...

И онъ перевезъ въ это новое помѣщеніе всѣ свои книги и вещи...

За недѣлю до свадьбы, Ольга Андреевна и Люба отправились въ городъ. Необходимо было многое закупить къ свадьбѣ.

Свадебные билеты были разосланы за двѣ или за три недѣли. Эта свадьба была событіемъ для всего уѣзда; хотя кругъ знакомства Драевскихъ сильно сократился въ послѣднее время, но все-таки набралось людей довольно,—и всѣмъ были посланы пригласительные билеты.

Передъ свадьбой, за нѣсколько дней, у Ольги Андреевны было слѣдующее совѣщаніе съ Толкуновымъ.

— Какъ же,—спрашивала она,—пріѣдутъ тѣ званые, у кого нѣтъ своихъ лошадей?

— Не бойтесь, maman,—они непремѣнно пріѣдутъ такъ или иначе.

Было приглашено много молодежи, военныхъ и студентовъ. И всѣ они помѣстились въ этомъ домѣ-дворцѣ.

Послали пригласительные билеты Немировскому и Ченстоховскому.

Наконецъ, насталъ этотъ давно ожидаемый день. Всѣ были полны суеты и хлопотъ,—одна только Ольга Андреевна была покойна, какъ всегда. Ее не занимала внѣшняя сторона свадьбы. Она вся ушла въ свой внутренній духовный міръ и въ немъ пребывала невозмутимо. Такъ или иначе совершится эта внѣшняя обрядная сторона—ей было все равно. Только бы она совершилась на благо ея дорогой Любы. Она говорила ей и уговаривала сдѣлать свадьбу въ городѣ, говорила, что это не видано и не слыхано, чтобы свадьба игралась, устраивалась въ деревнѣ.

Но Люба такъ упрашивала, уговаривала ее, что она поддалась ея сильному желанію.

— Какъ же,—удивлялась Ольга Андреевна,—вѣдь это нельзя. Что скажутъ всѣ... весь городъ... Скажутъ, что у Драевскихъ недостало денегъ сыграть приличную свадьбу, какъ слѣдуетъ, по-дворянски, и они принялись оригинальничать, играть секретную свадьбу въ тихомолку... Нехорошо!..

— Мама,—возражала Люба,—да какое же дѣло до нашей свадьбы всѣмъ? Вѣдь это наша свадьба... Ну, мы и устраиваемъ ее такъ, какъ намъ удобнѣе...

— Ахъ, Люба!.. Мы жили до сихъ поръ между людьми, ничѣмъ не отличались ни отъ ихъ обычаевъ, ни привычекъ, и вдругъ... Вѣдь теперь всѣ ждутъ настоящей, дворянской свадьбы... а тутъ вдругъ мы сдѣлаемъ такой скандалъ... Нѣтъ, пусть память покойника Петра Онисимовича останется невозмущенной... Я ужъ положила на твою свадьбу десять тысячъ, и пусть эти деньги пойдутъ всѣ на эту свадьбу.

И она взглянула на Вѣру, которая сидѣла въ углу, около печки, и не вмѣшивалась въ сужденія, если не обращались прямо и лично къ ней.

Послѣ удара, который она перенесла, благодаря собственнымъ силамъ и благодаря помощи, во-время поданной Немировскимъ, у нея остались слѣды болѣзни въ видѣ легкихъ обмороковъ и головокруженій. Вотъ одна изъ причинъ, почему свадьбу играли въ деревнѣ. Немировскій сказалъ, что поѣздка въ городъ послѣ долгой, мирной жизни въ деревнѣ, можетъ дурно повліять на нервы Вѣры.

Въ это время вошелъ Ипполитъ и доложилъ о пріѣздѣ Гарбузова... Евграфъ Никитичъ былъ вызванъ, чтобы помочь въ свадебныхъ хлопотахъ. Несмотря на его мѣшкообразную, угловатую фигуру, онъ былъ очень подвиженъ, расторопенъ и на своей тройкѣ леталъ и перепархивалъ то въ городъ, то въ деревню.

И на этотъ разъ онъ влетѣлъ сіяющій и торжествующій.

— Все устроилъ, ваше превосходительство! — сказалъ онъ, входя съ комическою торжественностью и приложивъ руку подъ козырекъ.—Не одинъ, а два оркестра прибудутъ сего числа. Одинъ, военный, пріѣдетъ сегодня же вечеромъ, а другой... другой,—и онъ подмигнулъ съ торжественной улыбочкой,—другой посылаетъ вашему превосходительству Никандръ Александровичъ.

— Да что вы!..—вскричала Люба.

— Для васъ,—сказалъ Гарбузовъ,—такъ и сказалъ: „для Любовь Петровны, для такой милой барышни ничего не пожалѣю,

завтра же пошлю"... Они ужъ должны быть на пути... Я обогналъ ихъ недалеко около Кадышева.

Для объясненія удивленія Любы необходимо сказать, что Никандръ Александровичъ Загорный былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ Драевскими, и его любезность въ этомъ случаѣ была полной неожиданностью.

— Ну, теперь мы съ музыкой, съ музыкой!—радовалась Люба.—Вѣра! Вѣрушка, хандра противная!.. Да порадуйся ты хоть чуточку!

Въ это время на дворѣ раздалась громкая фанфаронада.

— Вотъ-съ! — вскричалъ Гарбузовъ: — получите... Даютъ знать, что пріѣхали.

И отъ этого взрыва веселости все какъ будто засіяло и приподнялось. Одна только Вѣра сидѣла, по прежнему угрюмая и молчаливая...

— Вѣра, Вѣрунька, противная!..—бросилась Люба и начала обнимать и тормошить Вѣру.—Слышишь... Слышишь!..

— Ахъ, Люба!..—сказала Ольга Андреевна.—Ты все еще совершенный ребенокъ... Тебѣ нужны игрушки, а не свадьба.

IV.

Торжественный день, наконецъ, наступилъ. Всѣ проснулись рано. Многіе изъ гостей и прислуги поднялись вмѣстѣ съ восходомъ солнца.

Вмѣстѣ съ восходомъ поднялась и Люба. Она долго ворочалась и затѣмъ соскочила съ постели, надѣла туфли, подбѣжала къ окну и распахнула его. Утренній свѣжій воздухъ охватилъ ее. Птицы пѣли и чирикали въ кустахъ. Что-то торжественное, тихое и радостное, казалось ей, лежало надъ всѣмъ большимъ садомъ. Со двора чуть слышно доносилась возня пріѣзжихъ лошадей и прислуги, говора и гомона. Деревья и кусты не шевельнулись. День обѣщалъ быть яснымъ, тихимъ и жаркимъ.

„Сегодня онъ будетъ мой,—подумала Люба,—будетъ на вѣкъ, на всю жизнь... и эта жизнь будетъ такая же тихая и мирная, какъ это утро"...

Пѣніе птицъ становилось громче и громче. Оно разливалось по всему саду.

И въ это самое время она вдругъ вспомнила, что она отворила окно, и Вѣра можетъ простудиться. Она быстро захлопнула его и обернулась на Вѣру, но Вѣра уже сидѣла на постели.

— Милая моя! Я тебя разбудила?—вскричала Люба.—Спи! Еще рано...

— Я давно не сплю,—призналась Вѣра.

Люба подошла къ ней... и ей вдругъ стало удивительно жаль эту милую, дорогую Вѣру, съ которой она должна была разстаться. Слезы полились изъ ея глазъ.

— Вѣра, милая!.. Я гадкая эгоистка! Я оставлю тебя одну!—и она принялась цѣловать ее жарко и страстно.

— Постой, Люба!.. Какъ одну? зачѣмъ одну?

— Завтра ты проснешься одна... Меня ужъ не будетъ,—и она припала къ ея груди и зарыдала...

— Люба, перестань... Это—ребячество; говорятъ, не хорошо плакать въ день свадьбы. Всю жизнь будешь плакать...

— И ты вѣришь?.. Вѣдь это предразсудокъ...

Дверь тихо скрипнула и отворилась. Вошла Ольга Андреевна.

— А?.. Вы уже проснулись!—удивилась она.

— Мама,—обратилась къ ней Люба съ вопросомъ:—Слышишь, Вѣра говоритъ, что плакать мнѣ сегодня—нельзя... что я буду плакать во всю мою жизнь... Развѣ это правда?.. Вѣдь это—предразсудокъ?..

— Мама!.. Она всю ночь не спала,—сказала Люба, бросаясь цѣловать Ольгу Андреевну.

— Не всю ночь, а съ двухъ часовъ утра,—пояснила Вѣра.

Ольга Андреевна подошла къ ней,—поцѣловала и приложила руку къ ея головѣ.

— Голова ничего,—сказала она.—Это можетъ быть отъ жары... Сегодня чуть не тридцать градусовъ въ тѣни... Вѣроятно, гроза будетъ... Па̀ритъ въ воздухѣ.

И дѣйствительно, на горизонтѣ начали образовываться грозовыя облака,—и вскорѣ нѣсколько сильныхъ ударовъ разразились надъ Вознесенскимъ.

Пошелъ дождь—частый и сильный, проливной дождь.

Толкуновъ тоже проснулся рано. Волненіе и ожиданіе перемѣны жизни—этотъ рѣшительный шагъ впереди—заставляли сердце его биться неровнымъ боемъ. Но одна мысль, что свадьба почему бы то ни было можетъ разстроиться, одна эта мысль приводила его въ ужасъ.

Онъ недолго занимался своимъ туалетомъ, и къ десяти часамъ вошелъ совершенно одѣтый. Недоставало только бѣлаго жилета и фрака, чтобы отправиться хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

Онъ сошелъ внизъ и разгуливалъ, скучая, по залѣ.

На верхъ, въ комнаты барышенъ, его не пускали.

Ольга Андреевна вчера еще объявила ему, что онъ не долженъ видѣть невѣсты до вѣнца. Напрасно онъ спорилъ и доказывалъ, что это пустой, даже безчеловѣчный обычай. Ольга Андреевна доказывала ему, что, вступая въ бракъ, какъ въ святое таинство христіанской церкви, онъ долженъ понимать его глубокій смыслъ и приготовиться къ нему, какъ къ таинству.

— Самъ Христосъ,—говорила она,—освятилъ это таинство, посѣтивъ бракъ въ Канѣ Галилейской.

Толкуновъ умолкъ...

Былъ уже первый часъ. Комната барышенъ переполнилась гостьями. Всѣ гостьи являлись уже въ тѣхъ костюмахъ, въ которыхъ онѣ должны были сопровождать невѣсту въ церковь...

Пріѣхала губернаторша съ дочкой. Все въ домѣ какъ бы всполохнулось, забѣгало при ея пріѣздѣ.

— А я ужъ къ вамъ на ночлегъ,—заявила она при входѣ. —Рады, не рады, а принимайте... Ночью я ни за что не поѣду по этимъ разбойничьимъ мѣстамъ... А къ вечеру, можетъ быть, пріѣдетъ мужъ, но только на одинъ часъ, не болѣе... Больше нельзя...

— Мы очень будемъ рады и благодарны,—говорила Ольга Андреевна, и проводила губернаторшу въ спальню Петра Онисимыча.—Здѣсь, я думаю, вамъ будетъ удобно,—сказала она.—Мы только поставимъ кушетку или кровать для вашей дочери, Надежды Семеновны. Что̀ вы хотите,—обратилась она къ дочкѣ:—кушетку или кровать?—у насъ и то, и другое найдется...

Надежда Семеновна выбрала кушетку, въ разсчетѣ, что съ кушеткой менѣе возни, чѣмъ съ кроватью.

Къ полудню весь домъ-дворецъ гудѣлъ, какъ рой пчелъ, а гости все наѣзжали и наѣзжали.

Пріѣхали старые старики, давно уже заживо похоронившіе себя въ своихъ прадѣдовскихъ усадьбахъ; даже дряхлый князь Серапіонъ Давидычъ пріѣхалъ изъ своей лѣсной усадьбы. Пріѣхалъ князь Шиповаловъ и княжна Марья Трофимовна Груинская. И много-много наѣхало молодыхъ и старыхъ гостей... Пріѣхалъ богатый помѣщикъ Николай Иванычъ Бухтеревъ, у котораго было до десяти тысячъ душъ. Пріѣхалъ вѣчный женихъ, Дмитрій Степанычъ Дѣвочкинъ, давно уже облысѣвшій, носившій парикъ, вѣчно вылощенный, набѣленный и нарумяненный...

V.

Всѣ барышни собрались въ комнату Вѣры и Любы.

Въ комнатѣ было душно, несмотря на отворенныя настежь окна. Всѣ старались быть веселыми и увлечь Любу; но она сидѣла скучная, поминутно порываясь заплакать. Ее страшила перемѣна жизни. Хотя, при воспоминаніи о женихѣ, прежнее свѣтлое чувство вспыхивало въ сердцѣ, не не надолго.

— Да что же это?—говорила Вѣра.—Ну, ободрись!.. Ну, возьми себя въ руки... Ну, выпей воды!

Ей давали валеріановыхъ, лавровишневыхъ и гофманскихъ капель, сѣрный эѳиръ,—но ничто не помогало.

— Elle est tout-à-fait hystérique,—говорила губернаторша.

— Вѣдь это невольно дѣлается...—признавалась Люба.—Я хочу быть веселой... и не могу...

Она смотрѣла заплаканными глазами на Ольгу Андреевну, и слезы, какъ бы сами собой, крупныя слезы, катились изъ ея глазъ.

— Savez-vous?—сказала губернаторша въ полголоса.—Мнѣ кажется, что ей можно позволить видѣться... Вѣдь они росли вмѣстѣ, каждый день видѣли другъ друга, не разлучались... Привыкли... Какъ же вы хотите... Вѣдь это ужъ вторая натура.

Въ это время Люба начала рыдать, сперва тихо, затѣмъ сильнѣе и сильнѣе, и, наконецъ, захохотала съ громкимъ, пронзительнымъ крикомъ...

Всѣ перепуганно засуетились, забѣгали... Вдругъ дверь отворилась,—торопливо вошелъ Толкуновъ. Люба моментально перестала плакать и протянула къ нему руки.

— Водя!..—проговорила она сквозь слезы.—Водя, милый, дорогой... Мнѣ показалось, что мы разстались навѣки, что я никогда, никогда больше не увижу тебя!..

— Успокойся, моя дорогая! Какъ это можно потакать воображенію и представлять себѣ, чего нѣтъ и не будетъ! Мы никогда, никогда не разстанемся... Ты точно маленькій ребенокъ...— И онъ страстно цѣловалъ ея руки.

Ольга Андреевна наклонилась къ нему и тихо прошептала:

— Владиміръ Элизарычъ, до вѣнца нельзя цѣловаться..

— Я знаю,—будьте покойны, я знаю...

Онъ хотѣлъ встать, но Люба изъ всѣхъ силъ ухватилась за него.

— Я здѣсь буду. Я не уйду!..

Люба опустила голову на спинку кресла и закрыла глаза. Рука ея все такъ же держала крѣпко и сжимала руку жениха. Но онъ чувствовалъ, какъ эта рука слабѣла и, наконецъ, высвободила его руку. Онъ посмотрѣлъ въ лицо Любы. Она спала тихо и покойно, — какъ ребенокъ, послѣ слезъ и глубокаго волненія, и слегка вздрагивала во снѣ.

„Она уснетъ, такъ ей лучше будетъ",—подумалъ Толкуновъ и осторожно поднялся съ кресла, приложилъ палецъ къ губамъ и, подойдя къ Ольгѣ Андреевнѣ, сказалъ шопотомъ:

— Мы всѣ уйдемъ отсюда... пусть она выспится.

Губернаторша первая повернулась къ дверямъ и, взявъ за руку свою дочь, пошла вонъ изъ комнаты. За ней потянулись на-цыпочкахъ, осторожно, оглядываясь по сторонамъ, всѣ присутствовавшіе. Съ Любой осталась одна Вѣра. Она сѣла тихонько подлѣ спящей и стала наблюдать за ея сномъ.

Она спала покойно около часа, затѣмъ начала безпокойно вертѣться, бормотать неразборчивыя слова. Наконецъ, съ крикомъ: „Постой! погоди!"—вскочила съ кресла и зарыдала.

— Люба, Люба... Я здѣсь... Что съ тобой?.. Опомнись!

Но Люба рыдала истерически и повторяла только одно слово:

— Я видѣла, видѣла...

— Кого ты видѣла? Что видѣла?..

Но Люба по прежнему рыдала и не могла отвѣчать на ея вопросы.

Дверь отворилась, и опять вошла Ольга Андреевна. За ней осторожно, какъ бы крадучись, вошелъ Толкуновъ.

— Милая моя,—сказалъ онъ, бросаясь къ ней,—къ чему опять эти слезы?

Но она, ничего не отвѣчая, встала съ кресла, взяла за руку Толкунова и подвела къ маленькому диванчику.

— Садись здѣсь,—сказала она сквозь слезы,—садись...

И она сѣла подлѣ него, но еще долго не могла успокоиться... Она жаловалась на холодъ.

— Я видѣла сонъ,—начала она тихо, пересиливая волненіе.—Я видѣла его такъ живо, какъ вижу тебя... Я видѣла бѣлаго голубка.... Такого хорошенькаго, милаго... что я просто не могла на него налюбоваться... Гдѣ я это видѣла—я не знаю... Я, какъ будто, была на воздухѣ... И вдругъ явилась какая-то страшная, костлявая, высокая-высокая старуха... схватила этого голубка... и... и...

И она снова горько зарыдала.

— Милая... успокойся, — говорилъ Толкуновъ, — вѣдь это было во снѣ...

— Нѣтъ,—говорила Люба сквозь слезы,—я видѣла нашего сына... Эта высокая, безобразная старуха схватила его своими костлявыми руками... Такъ страшно взглянула на меня... и унесла его... Я хочу закричать и не могу... А ты, будто бы, смотришь снизу... и зовешь меня... А потомъ я видѣла... волны, волны... ты, будто, хочешь переплыть ихъ и не можешь... Волны, волны... бѣгутъ, бѣгутъ все выше, выше и заливаютъ тебя...

Но дольше она не могла говорить и опять разрыдалась истерически, припавъ къ плечу Толкунова.

Въ этотъ разъ пароксизмъ плача продолжался дольше... Комната снова наполнилась гостями. Всѣ говорили: „Какой странный сонъ! Какой необыкновенный сонъ! И въ день свадьбы"... И всѣ дивились и вѣрили, что это сонъ пророческій. Толкуновъ, конечно, не вѣрилъ никакимъ снамъ... Онъ говорилъ, что все это одно воображеніе, разстроенные нервы, и больше ничего...

VI.

Послѣ этого тяжелаго сна Люба успокоилась—успокоилась вдругъ, сразу. Точно какой-то благодѣтельный вѣтеръ крыломъ спахнулъ съ ея души всю грусть и страхъ и предчувствіе небывалыхъ бѣдъ—она стала покойна, какъ и прежде. Ея лицо сдѣлалось только серьезно и выраженіе его стало удивительно схожимъ съ тѣмъ выраженіемъ, какое постоянно поражало у Ольги Андреевны.

Между тѣмъ, шумъ, возня и говоръ снова начались въ залѣ и во всѣхъ комнатахъ большого дома. Нетерпѣливое ожиданіе томило всѣхъ гостей, ожиданіе радостнаго торжества.

Наконецъ, Любу одѣли. Сколько было при этомъ суетни и хлопотъ! Каждая барышня старалась приколоть хоть одну ленточку. Началась уборка головы, для которой былъ нарочно заранѣе выписанъ парикмахеръ изъ города. Надѣли вѣнокъ, традиціонный вѣнокъ изъ fleurs d'oranges, который вообще мало подходитъ подъ то, что желаютъ выразить имъ.

Когда вывели Любу въ залу и подвели ее къ столу, на которомъ стояли образа и хлѣбъ, она, дрожа, начала тихо креститься. Лицо ея было покойно, и только крупныя слезы сами собой катились изъ ея глазъ.

Элизаръ Владимірычъ и Ольга Андреевна стояли рядомъ съ образами въ рукахъ.

Люба поклонилась въ землю, затѣмъ поднялась и крѣпко обняла Ольгу Андреевну. Точно облако снова налетѣло и вдругъ накрыло ея голову...

Толкуновъ давно уже былъ въ церкви. Давно уже Полистовскій, въ качествѣ шафера, пріѣхалъ изъ церкви и извѣстилъ невѣсту, что женихъ ждетъ ее.

Подали карету, хотя до церкви не было и сотни шаговъ. Усадили невѣсту; съ ней рядомъ сѣла губернаторша, въ качествѣ посаженой матери. Она сама напросилась на эту честь, говоря: — „Благословить такую невѣсту—половину грѣховъ съ плечъ. Все равно, что благословить ангельчика на вѣчную жизнь".

Къ восьми часамъ Любу обвѣнчали.

Когда священникъ поздравлялъ молодыхъ,—она ничего не видала и не слыхала. Когда же онъ сказалъ имъ: „Поцѣлуйтесь!" и она увидѣла напротивъ себя Водю, то она съ такой стремительностью бросилась къ нему и горячо обняла его, нисколько не заботясь о своемъ подвѣнечномъ платьѣ и головномъ уборѣ; губернаторша же сказала:—Quelle verve!!..

Вся дорога до дому была полна крестьянъ, изъ ближнихъ и дальнихъ селеній. Всѣ, услыхавъ о невиданной деревенской свадьбѣ, спѣшили посмотрѣть молодыхъ.

Какъ только молодые вступили въ домъ—музыка тотчасъ же грянула торжественный ритурнель, и громко выпалила пушка— единственная пушка, которая была оставлена еще Петромъ Онисимовичемъ на одномъ изъ холмовъ въ саду.

Молодые прошли въ гостиную. Тамъ былъ разостланъ большой персидскій коверъ, и Ольга Андреевна вмѣстѣ съ Элизаромъ Петровичемъ торжественно благословили ихъ.

Всѣ были необыкновенно радостно и торжественно настроены. Всѣмъ было легко и весело. Всѣ наперерывъ протискивались къ молодымъ, чтобы поздравить ихъ. Пробки хлопали, и шампанское лилось во всѣхъ углахъ залы.

Полистовскій, въ качествѣ шафера, распоряжался музыкой; балъ начался традиціоннымъ польскимъ. За польскимъ тотчасъ же начался вальсъ. Оркестръ заигралъ одинъ изъ тѣхъ веселыхъ, оживляющихъ, кружащихъ вальсовъ, которыми была полна бальная музыка Штрауса, и пары завертѣлись, замелькали въ бѣшеномъ круженіи...

За вальсомъ слѣдовали кадрили, польки—polka tremblante и полька-мазурка.

Балъ шелъ на всѣхъ парахъ...

Только Любѣ и Толкунову казалось, что балъ тянется безконечно долго и музыка гремитъ и льется безъ конца.

Оркестръ игралъ модную, мѣстную мазурку, называвшуюся „Козликомъ“ и написанную однимъ изъ мѣстныхъ композиторовъ на мотивъ всѣмъ извѣстный. Разумѣется, мотивъ былъ взятъ только какъ тема. И эта тема зажигала невольнымъ весельемъ всѣ возбужденныя сердца. Каждый какъ будто слышалъ въ ушахъ и въ сердцѣ этотъ простой и радостный, веселый призывъ, и каждый невольно подпѣвалъ:

Жилъ былъ у бабушки
Сѣренькій козликъ...
Фить такъ! вотъ какъ!
Сѣренькій козликъ...

Пара за парой... Одна волна за другой выступали подъ этотъ мотивъ, и всѣмъ было легко и весело. А на дворѣ, на лужайкѣ, шелъ свой балъ. Тамъ дѣвушки танцовали съ садовниками, на площадкѣ передъ окнами столовой, при яркомъ свѣтѣ горящихъ смоляныхъ бочекъ.

Балъ закончился фейерверкомъ, который былъ сожженъ за прудомъ, на небольшомъ холмѣ.

Весь садъ и всѣ окрестности представляли яркую движущуюся живую картину.

Повсюду горѣла иллюминація, на которую истратили болѣе двухъ тысячъ. Бенгальскіе огни освѣщали въ разныхъ мѣстахъ садъ, и прудъ, и всю окрестность...

VII.

Пиръ кончился. Музыка замолкла. Вознесенское опустѣло.

Утро было сѣрое, туманное.

Тихо летали галки и вороны. Тихо погасали и дымились костры и смоляныя бочки. Гости, пріѣхавшіе изъ города, мало-по-малу разъѣзжались. Сѣдой туманъ окутывалъ все, и въ этомъ туманѣ перекликались пѣтухи и громко кудахтали куры. Туманъ началъ осѣдать, но день былъ пасмурный, непогодный, сѣренькій. Мелкій дождь шелъ почти безъ перерыва.

Вѣра вышла на верхній балконъ, на который вела широкая дверь. Такой же балконъ былъ на другой половинѣ дома въ спальнѣ молодыхъ.

Былъ уже десятый часъ утра. Но весь домъ еще спалъ.

Сырая погода охватила Вѣру. Она оперлась на перила балкона и безучастно смотрѣла вдаль...

Вотъ уже скоро почти двѣ недѣли, съ самаго окончанія ея болѣзни, она не можетъ сладить съ собой, съ своимъ сердцемъ, съ своими нервами. Ей чего-то недостаетъ, она чего-то ждетъ, что должно совершиться непремѣнно. Она не только чувствуетъ свое одиночество въ жизни, но она какъ будто живетъ одна въ цѣломъ мірѣ.

„Кто, — думалось ей, — распоряжается такъ самовластно, безконтрольно нашими чувствами, нашими симпатіями и антипатіями?..“

Ей нравился тихій шумъ дождя... Онъ такъ гармонировалъ со всей окружающей обстановкой!

Во все время ея болѣзни она какъ-то отдалилась отъ всѣхъ окружающихъ ее лицъ. Ей стала какъ-то чужда и Ольга Андреевна, и Люба, и всѣ, всѣ, съ кѣмъ давно сжилась, свыклась ея душа и сердце.

Теперь, послѣ свадьбы Любы, она почувствовала сильнѣе свое одиночество. „Жизнь, это—туманъ,—думала она,—туманъ и дымъ. Онъ волнуется, обѣщаетъ многое, желанное. Въ немъ какъ будто что-то есть неразгаданное, влекущее, а въ сущности—ничего нѣтъ“...

Для нея нѣтъ радости, нѣтъ счастья... Ея жизнь такъ же потухнетъ, какъ эти дымные костры, исчезнетъ, какъ этотъ туманъ. Ея сердце тоскливо билось... Она, впрочемъ, знала, куда ее тянуло, но ей страшно было выговорить это имя...

Толкуновъ и Люба въ послѣднее время очень часто говорили и осуждали ея доктора. Но для нея этотъ докторъ былъ идеаломъ, къ которому стремилась вся душа ея. Она мысленно поклонялась ему и боялась его. Когда она вспоминала о немъ, то каждый разъ, неизмѣнно, какъ будто что-то толкало ее въ грудь, и ея сердце наполнялось любовью и ужасомъ.

И это странное чувство поднималось и разросталось съ каждымъ днемъ. Оно росло, прибывало. Она чувствовала его силу—силу страшную, всепоглощающую, стремительную и неодолимую.

— Вѣрочка моя!—говорила Ольга Андреевна.—У тебя ничего не болитъ? Что ты ходишь такая хмурая, молчаливая?.. Хочешь съѣздить въ городъ?..

Ольга Андреевна не догадывалась, что было причиной такой хандры, отчужденія отъ всего...

Какъ у всѣхъ женщинъ въ подобныхъ случаяхъ, у Вѣры явились на помощь мечты, и этими мечтами она теперь существовала. Въ нихъ была ея жизнь и отрада. Она воображала, что она можетъ поступить въ больницу къ Немировскому въ качествѣ помощницы. И такъ отрадно, обольстительно было это чувство!

И она посѣщала больницу, больницу, въ которую прежде не любила ходить, а теперь въ ней она проводила цѣлые дни и даже ночи. Она воображала, что работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, подъ его надзоромъ и руководствомъ. Но силы воображенія доставало не надолго. Она сознавала, что у нея недостаетъ знанія, не хватаетъ опытности, и воображеніе отказывается помогать ей. Наконецъ, она чувствовала, что это не то, что ей чего-то недостаетъ другого,—желаннаго, къ чему стремилось ея сердце.

Она работала въ больницѣ безъ устали, но стоило ей хотя на одно мгновеніе очнуться, вернуться къ дѣйствительности, и угаръ мечты мгновенно исчезалъ.

И на нее нападала тоска—taedium vitae.

— Вѣра, дорогая моя!.. Что съ тобою?—допытывалась у нея Ольга Андреевна.

— Ничего, тетя... Такъ. Голова болитъ...

— Хочешь, я пошлю за Семеномъ Ѳедоровичемъ, или къ Немировскому съѣздитъ Водя?—она такъ звала Толкунова.

При упоминаніи о Немировскомъ, кровь быстро прилила въ голову Вѣрѣ, и она сильно покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ!—торопливо заговорила она:—къ чему это? Я не больна; это остались слѣды прошлаго. Я прогуляюсь, и все пройдетъ.

— Пройдись по саду. Силы вернутся. Хочешь, пойдемъ, посмотримъ новые сорта цвѣтовъ; мы выписали сѣмена изъ Риги. Только надѣнь что-нибудь теплое, бурнусъ...

Вѣра накинула теплую шаль, и онѣ отправились.

Въ оранжереѣ Ольга Андреевна остановилась передъ цвѣтами, выведенными изъ присланныхъ сѣмянъ.

Она молча стояла и любовалась на нихъ. Вѣра тоже какъ будто молча любовалась ими, но мысли ея были далеко.

Ольга Андреевна взглянула на нее, и увидѣла, что она смотритъ въ окно оранжереи, туда, на дорогу, которая уходила въ даль.

— Вѣра! Да ты не слушаешь, что я говорю. Гдѣ ты витаешь? Признайся мнѣ, милая, дорогая моя, о чемъ ты думаешь,— и мнѣ да и тебѣ легче будетъ.

— Ни о чемъ, тетя... Право, ни о чемъ... Мнѣ кажется, что я теперь вообще ни о чемъ не думаю. Я только чувствую.

— Что же ты чувствуешь?

Вѣра не вдругъ отвѣтила; посмотрѣла кругомъ и сказала грустно:

— Пустоту... Мнѣ кажется, что кругомъ ничего, ничего нѣтъ... А тамъ есть...

— Гдѣ тамъ?

Она задумалась.

— Я не знаю — гдѣ?.. Тамъ гдѣ-то... Не такъ далеко, а есть...

— Богъ съ тобою, моя родная!.. Ты бы попробовала развлечься чѣмъ-нибудь...

— Я пробовала,—прошептала она.

— Вѣрочка моя милая!—заговорила Ольга Андреевна, обнимая ее:—когда я была молода, на меня, въ дѣвушкахъ, находило то, что̀ я называла „скучная полоса". Мнѣ также не хотѣлось ничего ни дѣлать, ни читать. Книга вываливалась изъ рукъ. Кругомъ была пустота страшная, скучная, нелюдимая... И знаешь ли что̀?.. Я начинала молиться Богу, усердно, до самозабвенія. И это чувство проходило. Мнѣ казалось, что это чувство, эта неодолимая тоска—отъ дьявола. Онъ—противникъ всего жизнерадостнаго, и онъ посылаетъ на насъ, какъ туманъ или дымъ, такіе слои, полосы. Это—искушеніе...

— Да, я молилась не разъ,—прервала ее Вѣра.

— А ты помолись съ усердіемъ, помолись такъ, чтобы ты почувствовала, что молитва твоя дошла до Бога, чтобы она растопила ледъ твоего сердца и привела тебя къ Всесильному и Милосердому...

„Какъ же мнѣ еще молиться?! — подумала Вѣра. — Я не могу вызвать въ сердцѣ то чувство, которое внутри меня не существуетъ".

— Вѣра, милая, дорогая моя! такъ нельзя жить.

— Видите—я живу,—тихо проговорила Вѣра.

— Нѣтъ, это не жизнь. Это—прозябаніе. Такъ живутъ всѣ травы, цвѣты, а не человѣкъ; онъ долженъ постоянно обращать всѣ свои мысли, чувства къ Богу.

„Это легко сказать, но трудно сдѣлать", — подумала Вѣра и замолкла, и затѣмъ продолжала жить такъ же однообразно, скучно, какъ бы въ полуснѣ.

VIII.

Акулина Степановна и почти вся дѣвичья постоянно приставали къ Вѣрѣ съ разспросами и догадками. Тогда она стала запираться въ своей комнатѣ, по цѣлымъ днямъ лежала у себя на постели и только думала:—„Вотъ, вотъ, сейчасъ стукнетъ, и *онъ* войдетъ въ дверь“.

Она вспоминала его симпатичный голосъ, его руку, которая такъ нѣжно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно брала ея руку. И дрожь, какъ отъ электрической искры, пробѣгала по ея рукѣ.

— Это, барыня,—говорила Акулина Степановна,—навѣрно, какъ ни на есть, а ее заговорили разбойники... Они положили зарокъ на нее, и вотъ она, голубушка, бьется какъ рыбка объ ледъ, и не можетъ распутать силковъ. Больно ужъ крѣпко, видно, заговорили ее.

Вѣра начала просыпаться по ночамъ и ходить по комнатамъ.

Ольга Андреевна упросила ее позволить нянѣ Акулинѣ Степановнѣ сидѣть около ея постели.

Сперва она не соглашалась на это. Но затѣмъ, обдумавъ, послушалась уговоровъ и Акулины Степановны, и Ольги Андреевны, и Любы, и Толкунова.

Съ каждымъ днемъ Вѣра худѣла все болѣе и болѣе. Она таяла примѣтно для глазъ, таяла какъ свѣча.

Наконецъ, съ ней начали дѣлаться какіе-то тяжелые припадки. Она во снѣ начала выходить въ садъ или уходить въ лѣсъ.

Толкуновъ, Люба и Ольга Андреевна, посовѣтовавшись, рѣшили обратиться къ Немировскому. Но какъ же обратиться?

— Поди-ка къ нему въ берлогу,—сказалъ Толкуновъ,—къ этому цыганскому медвѣдю. Лучше я просто напишу ему и приглашу къ намъ.

— Ахъ, Владиміръ Элизарычъ! Вѣдь письмо можетъ пропасть. Вы знаете, какъ неакуратны наши почты! И потомъ, куда же вы пошлете: черезъ Спасскъ, или черезъ Лаишевъ? или черезъ Чистополь?

Думали, думали, разбирали, судили-рядили, и наконецъ рѣшили, что неудобно, просто невозможно, посылать ни черезъ Спасскъ ни черезъ Лаишевъ, ни черезъ Чистополь, что письмо не дойдетъ и пропадетъ.

— Такъ я самъ съѣзжу, — великодушно предложилъ Толкуновъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ!—сказала Ольга Андреевна.—Это всего лучше.

И на другой же день онъ отправился. Погода была отвратительная, какія бываютъ только въ нашей сѣверо-восточной полосѣ. Шелъ и дождь, и снѣгъ, а вѣтеръ крутилъ и вертѣлъ, какъ настоящій циклонъ. Вся дорога была избита. Яма на ямѣ. Привелось ѣхать почти шагомъ. Но Толкуновъ погонялъ Силантія, боясь не застать дома Немировскаго, если пріѣдетъ позже пяти часовъ.

Къ счастью, онъ пріѣхалъ ранѣе и принужденъ былъ прождать почти столько же, какъ въ прошлый разъ. Тотъ же старый слуга, Спиридонъ, встрѣтилъ его. Такъ же отказался проводить его и такъ же привелось ему, самому Толкунову, пройти въ больницу, благо дорога была знакома и путь открытъ.

Онъ засталъ Немировскаго въ больницѣ.

Докторъ вышелъ къ нему, такъ же, какъ и въ прошлый разъ въ сопровожденіи двухъ казакиновъ, сѣраго и чернаго.

— Я пріѣхалъ къ вамъ,—сказалъ Толкуновъ,—по поводу нашей больной.

Немировскій нахмурилъ брови.

— Что такое?—спросилъ онъ крайне недружелюбно.—Опять какой-нибудь истерическій припадокъ. Для этого вы могли обратиться къ любому медику; а мнѣ далеко, да и некогда.

— Не припадокъ,—сказалъ Толкуновъ,—а цѣлый рядъ припадковъ. Больная не спитъ по ночамъ. Бредъ на яву. Аппетитъ совсѣмъ пропалъ. Ничего не ѣстъ, не пьетъ...

— Я не отказываюсь помочь ей,—перебилъ его Немировскій,—но вѣдь мнѣ необходимо хоть взглянуть на нее; а для этого у меня нѣтъ времени. У меня теперь на рукахъ очень интересный субъектъ, разумѣется, въ медицинскомъ отношеніи. И я его не могу оставить ни на одну минуту. Привезите ее ко мнѣ. Я посмотрю. Она вѣдь еще въ такомъ положеніи, что можетъ выѣзжать. Привезите.

Онъ посмотрѣлъ на часы и задумался, какъ бы соображая что-то.

— Да, привезите завтра, въ двѣнадцать часовъ, аккуратно. Слышите: въ двѣнадцать часовъ аккуратно!

И онъ рѣзко отвернулся и ушелъ во внутреннія комнаты.

„Не измѣнился нисколько,—подумалъ Толкуновъ.—Такой же цыганскій медвѣдь".

И онъ отправился обратно.

На другой день встали рано, выкатили спокойный дормёзъ, въ которомъ усѣлись Ольга Андреевна, Вѣра и Толкуновъ.

Вѣра всю дорогу старалась быть покойной и сдерживала свое волненіе, насколько могла.

Толкуновъ довелъ дамъ до госпиталя и сказалъ вышедшему къ нимъ на встрѣчу сѣрому казакину, чтобы онъ доложилъ Вадиму Вадимычу объ ихъ пріѣздѣ. Казакинъ осмотрѣлъ ихъ съ головы до ногъ.

— Вы какъ же это пріѣхали?—спросилъ сурово казакинъ:—по распоряженію Вадима Вадимыча, что-ли?

— Да, по его „распоряженію“,—подтвердилъ Толкуновъ и, слегка улыбнулся, подчеркнувъ слово: „по распоряженію“.

Казакинъ постоялъ еще немного; затѣмъ медленно повернулся и ушелъ во внутреннія комнаты.

Прошло двадцать минутъ, и часы медленно пробили двѣнадцать; почти въ ту же минуту вошелъ Немировскій.

Только-что онъ показался, какъ Вѣра, слегка, радостно вскрикнула, быстро подошла къ нему и протянула руку.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте!—и онъ взялъ ее за протянутую къ нему руку.

— Ну, какъ же вы ведете себя? Хандрите?.. Это нехорошо. Барышнямъ не надо хандрить, лѣниться. Надо дѣло дѣлать. Каждый долженъ работать, трудиться, а не жить праздно.

Немировскій какъ-то странно затѣмъ повелъ головой и сказалъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ:

— Я не нахожу въ ней ничего болѣзненнаго. Это просто разстройство нервовъ, которое можетъ вылечить всякій врачъ.— И онъ слегка поклонился ей и, не взглянувъ на Вѣру и на Толкунова, рѣзко повернулся къ двери и вышелъ.

Ольга Андреевна, Вѣра и Толкуновъ, ошеломленные этой новой выходкой, постояли съ полминуты, посмотрѣли другъ на друга и вышли изъ комнаты.

— Владиміръ Элизарычъ,—сказала Ольга Андреевна:— не обидѣлся ли онъ, что мы не дали ему ничего за визитъ? Хотя за первые визиты мы, кажется, щедро заплатили ему,—за три визита пятьсотъ рублей?..

— Я не думаю,—сказалъ Толкуновъ,—чтобы онъ искалъ денегъ. А впрочемъ, я пошлю ему.

Въ это время въ комнату, въ которой стояли Толкуновъ и Ольга Андреевна, вошелъ сѣрый казакинъ, и Толкуновъ прямо обратился къ нему.

— Послушайте, любезнѣйшій,—сказалъ онъ,—будьте столь

добры и передайте эти деньги Вадиму Вадимовичу. Мы забыли передать ихъ. И онъ подалъ деньги, положенныя въ конвертикъ.

Сѣрый казакинъ какъ-то странно съёжился и, отступивъ шага на два, сказалъ:

— Не могу-съ! Никакъ не могу-съ!.. У насъ это строго запрещено; никакихъ денегъ отъ больныхъ нельзя принимать... Строжайше запрещено. Мы получаемъ жалованья тридцать-пять рублей въ мѣсяцъ и должны служить за эти деньги и больше ничего не брать. Извините, никакъ не могу-съ.

И поклонившись, казакинъ ушелъ въ заднія комнаты.

IX.

На обратномъ пути Вѣру волновали все тѣ же неосуществившіяся мечты и надежды.

Въ своихъ мечтахъ и надеждахъ она твердо остановилась на одномъ проектѣ, и теперь ее занимала всецѣло мысль, какъ привести его въ исполненіе. Въ мечтахъ легко устранять всякое препятствіе, и ко всему, самому невозможному, можно всегда подойти окольными тропинками.

„Я напишу къ нему“,—подумала Вѣра наконецъ.

По пріѣздѣ, она тотчасъ же и принялась за перо и набросала начерно слѣдующее:

„М. Г. Вадимъ Вадимовичъ!

„Я обращаюсь къ вамъ съ убѣдительнѣйшей просьбой помочь мнѣ въ моемъ намѣреніи устроить жизнь такимъ образомъ, чтобы я могла быть довольна жизнью. Теперь мнѣ нечего дѣлать, и я страдаю... Я чувствую, что живу праздно и никому не приношу пользы,—а между тѣмъ на меня работаютъ. Для меня трудится много людей, для одной моей жизни. Помогите мнѣ ради всего святого! Вы помогли мнѣ въ моей болѣзни. Помогите и теперь въ моей серьезной психической болѣзни, отъ которой я медленно умираю.

„Я думала, что я могла бы замѣнить въ вашей больницѣ одного изъ вашихъ помощниковъ—только дайте мнѣ возможность пріобрѣсть необходимыя знанія.

„По моему, приносить пользу страдающему человѣку, это—высшее наслажденіе въ жизни. Дайте мнѣ эти знанія... Я умоляю васъ. Эта мысль,—т.-е., что вы дадите мнѣ то, о чемъ я прошу васъ, поглощаетъ всѣ мысли и мечты мои...

„Сжальтесь надо мной! Я, мнѣ кажется, не живу,—я прозябаю... Каждый день для меня—мученье, каторга... Я долго убѣждала себя, что все это—мои пустыя мечты и фантазіи... Но, Вадимъ Вадимовичъ, я человѣкъ. Я жить хочу. Дайте мнѣ эту жизнь! Я умоляю васъ.—Вѣра Драевская".

Три раза она передѣлывала и выправляла редакцію письма. Наконецъ, осталась ею вполнѣ довольна и переписала письмо въ трехъ экземплярахъ. Одинъ она послала черезъ Лаишевъ, другой—черезъ Спасскъ и третій—черезъ Чистополь.

Въ первый разъ послѣ долгой, напряженной жизни, она, отправивъ эти письма, вздохнула свободнѣе.

Безнадежность ея исчезла. Она теперь ждала. Она надѣялась.

„Не можетъ быть, чтобы онъ не отвѣтилъ", — думала она.

И она ждала.

Тайну этихъ писемъ она ввѣрила одной только Любѣ и просила ее, чтобы она никому, никому не выдавала ее.

— Онъ не отвѣтитъ,—предполагала Люба.

— Онъ долженъ отвѣтить,—возразила Вѣра. Вѣдь она писала и переписывала эти письма своими слезами. Неужели же онъ не человѣкъ, а каменная скала, глыба?

И онѣ обѣ ждали каждый день, чуть не каждый часъ.

У Любы не было тайнъ отъ Толкунова. Она ввѣрила ему тайну посланныхъ писемъ,—разумѣется, подъ строжайшимъ секретомъ.

Каждый четвергъ аккуратно привозили письма и журналы съ почты, и каждую почту и Люба, и Вѣра, встрѣчали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Но желанныхъ и ожидаемыхъ отвѣтовъ не привозили.

Вѣра высчитала самый кратчайшій срокъ, когда можно получить отвѣтъ, но этотъ срокъ давно уже прошелъ, а отвѣта все не было; прошелъ сентябрь и даже часть октября, а отвѣта все не было.

У Любы, между тѣмъ, явилось недомоганіе, какая-то malaise.

Толкуновъ догадался о причинѣ этой malaise—и обрадовался. Люба сбросила несносный корсетъ, и носила только блузы. Тотчасъ же выписали изъ города акушерку, толстую Софью Яковлевну Гуляльскую, извѣстную не только по эту, но и по ту сторону Камы. Она пріѣхала и сказала, что надо ожидать не ранѣе, какъ къ ноябрю мѣсяцу.

Люба теперь подверглась тщательному и зоркому надзору не только Ольги Андреевны, но и всѣхъ домашнихъ, начиная съ

Акулины Степановны и кончая маленькой Стешей, подросткомъ тринадцати лѣтъ.

Толкуновъ какъ будто удесятерилъ свой надзоръ и уходъ за Любой. Она стала ему теперь вдвойнѣ дорога, какъ его любимый другъ и какъ мать будущей семьи.

— Слушай, Водя,—говорила Люба:—если у насъ будетъ дѣвочка, дочь, то я отдаю ее тебѣ. Если же у насъ будетъ мальчикъ, то этотъ мальчикъ будетъ мой... Слышишь,—непремѣнно мой!

— А помнишь, ты говорила, что у насъ не должно быть ничего ни моего, ни твоего, а все общее, т.-е. наше?

— Ну, нѣтъ... Это касается всего неодушевленнаго, а мой сынъ, ты понимаешь, мой сынъ,—и она указала на себя,—онъ долженъ принадлежать матери, т.-е. мнѣ... Я его вскормлю, взрощу и воспитаю...

Чѣмъ ближе и ближе подходилъ срокъ, назначенный Софьей Яковлевной, тѣмъ безпокойнѣе и капризнѣе становилась Люба.

— Люба, милая!—уговаривалъ ее Толкуновъ:—неужели у тебя нѣтъ ни крошечки—ни терпѣнія, ни благоразумія?.. Ты сдѣлалась ужасно требовательна.

— Ты потерпи...—прерывала его Люба со слезами.—Я посмотрѣла бы, какъ бы ты вытерпѣлъ такое состояніе... Въ это время, мнѣ кажется, я никого не люблю... ни тебя, ни Бога, ни маму. Никого... никого.

Между тѣмъ зима наступала. Листья на деревьяхъ почти всѣ уже облетѣли. Холодный вѣтеръ дулъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Все живое разлетѣлось и попряталось или умерло.

Любѣ сдѣлалось лучше; она успокоилась, и всѣмъ сдѣлалось какъ-то покойнѣе.

— Оно, барыня, всегда такъ бываетъ,—говорила Акулина Степановна Ольгѣ Андреевнѣ:—коли въ первую половину тяжело бываетъ, то во вторую—не въ примѣръ легче...

X.

Наконецъ, выпалъ первый снѣгъ, чистый, веселый, радостный. На дворѣ стихло и проглянуло солнце. Все такъ весело заблестѣло. Милліоны разноцвѣтныхъ, радужныхъ искорокъ, звѣздочекъ зазвѣздились и заиграли по всѣмъ полямъ, кустикамъ и деревьямъ.

Послышался гдѣ-то вдали отчаянный звонъ колокольчиковъ,—

ближе, ближе... Крики и разудалыя пѣсни—и на дворъ влетѣли, съ громомъ, звономъ и бряцаньемъ, двѣ лихія тройки, запряженныя въ длинныя дроги или тарантасы.

На дрогахъ сидѣлъ Полистовскій, Захватьевъ, Егорка и еще трое охотниковъ, милыхъ людей — закамскихъ помѣщиковъ-сосѣдей...

За тарантасами бѣжали цѣлыя своры породистыхъ собакъ и просто дворняжекъ или „кабыздоховъ", какъ называлъ ихъ Полистовскій.

Все это было, какъ говорится, „на второмъ взводѣ", и пьяно, и весело.

— Я сейчасъ, сейчасъ,—говорилъ Полистовскій, когда тарантасы остановились передъ крыльцомъ, и онъ, шатаясь, пошелъ въ комнаты, а изъ внутреннихъ комнатъ выходили торопливо на встрѣчу имъ Толкуновъ и Ольга Андреевна.

— Здравствуйте! Какъ поживаете? Съ масляницей!—говорилъ Полистовскій.

И онъ подошелъ, немного покачиваясь, къ Ольгѣ Андреевнѣ и поцѣловалъ ея руку, а Ольга Андреевна наклонилась, чтобы поцѣловать его въ щеку, но сильный винный запахъ оттолкнулъ ее.

— А мы того... За Володей Толкуновымъ... встрѣчать зимній сезонъ... охотиться... Мы за тобой, братъ... Ѣдемъ!

— Шшш!—зашикалъ Толкуновъ:—у меня жена больна...

— А что же съ ней!..

— Такъ, женская болѣзнь, недомоганье.

— А мы, братъ, за тобой... Ѣдемъ!.. Прокатимся, погода отличная. Угонъ превосходный. Такую облаву учинимъ, что чорту будетъ жарко...

— Да я тебѣ говорю, что у меня жена больна.

— Да и ты захвораешь, коли не провѣтришься... Погода первый сортъ... Смотри... Посмотри... Выйди только: такъ тебя освѣжитъ, что ты точно воскреснешь...

— Погоди,—сказалъ Толкуновъ.—Я сейчасъ.

— Пойдешь у жены спроситься? А если не пуститъ?

Толкуновъ не слыхалъ его словъ. Онъ поспѣшно взбѣжалъ на лѣстницу, къ Любѣ.

— Послушай, дорогая моя... Они пріѣхали и зовутъ меня съ собой. Я поѣду, если ты не будешь скучать безъ меня.

— Зачѣмъ же скучать безъ тебя,—и я поѣду съ тобой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно! Тогда я останусь.

— Нѣтъ, поѣзжай!.. Я лучше останусь.

Но Толкуновъ уже разслышалъ, что въ голосѣ ея звучали слезы.

— Послушайте, — вмѣшалась Ольга Андреевна: — вы поѣзжайте... а мы втроемъ, съ ней (и она указала на Любу) и съ Вѣрой, поѣдемъ вслѣдъ за вами. Вѣдь мы вамъ не будемъ мѣшать. Можетъ быть, дорога-то послужитъ ей къ лучшему.

И радость опять засвѣтилась въ глазахъ Любы. Она быстро нагнулась и поцѣловала Толкунова, а онъ быстро обнялъ ее и затѣмъ сбѣжалъ съ лѣстницы и сказалъ Полистовскому:

— Погоди! Сейчасъ мы ѣдемъ!—и тотчасъ же, не слушая, что говорилъ ему Полистовскій, распорядился заложить тройку старыхъ, смирныхъ лошадей въ маленькую повозочку и опытнаго степеннаго кучера Сергѣя посадить на козлы.

Люба тотчасъ же вскочила съ постели и прежде всего бросилась къ Вѣрѣ. Но комната Вѣры была заперта.

— Вѣра! Вставай!.. Ѣдемъ на охоту... Отвори дверь...

— Нѣтъ... я не поѣду. Не мѣшай мнѣ!

И она опять затворила и заперла дверь.

Черезъ часъ всѣ вышли на крыльцо.

— Куда же мы сперва поѣдемъ? — недоумѣвалъ одинъ изъ охотниковъ.

— Коли жизнь не дорога, то къ чорту на рога! — отвѣтилъ Полистовскій; Егорка укоризненно покачалъ головой.

XI.

Рѣшили большинствомъ голосовъ ѣхать въ Осиновку, а оттуда въ Дубнякъ. Это былъ небольшой свѣтлый лѣсокъ молодыхъ березъ, осины и дубковъ. Онъ тянулся версты на четыре или на пять. Туда необходимо было ѣхать, потому что тамъ, въ деревнѣ Суходольной, были съ вечера заказаны загонщики, и съ этой деревни должны были начаться загоны.

Черезъ полчаса подъѣхали къ деревнѣ. Еще издали на дорогѣ виднѣлась большая толпа крестьянъ, которые громко разговаривали. Это и были загонщики.

Дроги въѣхали въ самую толпу. Загонщики торопливо разступались.

— Здорово, ребята!—закричалъ весело Полистовскій.

— Здравствуйте, Дмитрій Степановичъ! — отвѣтили ребята. Нѣкоторые сняли шапки.

— Ну, забирай сначала Гороховый клинъ!—закричалъ Полистовскій, спрыгивая съ дрогъ, и немного пошатнулся.

— Извѣстно, надо сперва въ Гороховый клинъ... Онъ какъ есть первый... Его не минешь... Обойти нельзя... Невозможно,—говорили загонщики.

Послѣ долгихъ споровъ и пререканій — рѣшили гнать нà „встрѣчь"—и всѣ загонщики разошлись занимать мѣста; а охотники пошли въ сосѣднюю большую избу, къ первому загонщику, Никитѣ Пуругаеву. Его изба стояла съ краю, и вся компанія ввалилась въ избу.

Толкуновъ побѣжалъ къ Любѣ. Ихъ повозочка стояла немного поодаль.

— Ну, что?—спросилъ онъ.—Какъ вы обрѣтаетесь?

— Ахъ, какъ весело!..—воскликнула Люба.

— Ну!—сказалъ Толкуновъ:—охота скоро начнется. Вотъ идутъ распорядители загонщиковъ, — и онъ указалъ на двухъ мужиковъ, которые тихо приближались, о чемъ-то говоря и размахивая отчаянно руками.—Сейчасъ начнется, прощай...

— Господи!—сказала Ольга Андреевна.—Какая суматоха! И изъ-за чего?—изъ-за того, чтобы убить какого-нибудь несчастнаго зайца.

Толкуновъ всегда относилъ эту охоту къ категоріи истребленія вредныхъ животныхъ. „Зайцы,—говорилъ онъ,—вредятъ лѣсамъ, обгладываютъ кору съ деревьевъ, они лишніе, вредные члены въ земледѣльческой цивилизованной жизни"...

— Ты куда же это исчезалъ?—строго допросилъ его заплетающимся языкомъ Полистовскій.—Съ бабьёмъ валандаешься...

— А вы не задерживайте... Не задерживайте, господа, охоту!—кричалъ пронзительно Захватьевъ, сильно выпившій.—Идемте зайцовъ бить... Идемте!..

И всѣ безпорядочной толпой отправились занимать мѣста.

— Ка-акъ!—удивился Захватьевъ.—Это безъ жеребьевъ?..

— Ну, безъ жеребьевъ или съ жеребьями,—развѣ не все равно?—проворчалъ кто-то.

Но для Захватьева это было не все равно. Онъ привезъ съ собой новенькіе нумера на мѣдныхъ жетончикахъ, и всю дорогу мечталъ, какой эффектъ произведетъ появленіе этого нововведенія, котораго онъ былъ великимъ изобрѣтателемъ.

Толкуновъ стоялъ около прямой, почти высокой осины.

Вдали, въ ближайшихъ колкахъ, зазвучали голоса загонщиковъ,—и прямо передъ Толкуновымъ выскочилъ на опушку лѣса

большой матерой русакъ. Его сѣровато-пестрая шкурка рѣзко выдѣлялась на снѣжныхъ полянахъ между деревьями.

Русакъ выскочилъ, повелъ ушами и присѣлъ прямо противъ Толкунова.

Толкуновъ быстро вскинулъ ружье, нацѣлилъ, и громкій выстрѣлъ огласилъ поле и кусты. Вслѣдъ за нимъ раздались и направо и налѣво отдаленные выстрѣлы.

Толкуновъ быстро зарядилъ ружье.

„Выскочитъ ли еще другой или нѣтъ?“ И только успѣлъ подумать, какъ другой небольшой зайчикъ заскакалъ прямо на него... Онъ приложился, хлопнулъ и положилъ его.

„Вотъ такъ счастливое мѣсто!“—подумалъ онъ—и снова зарядилъ ружье. Справа, слѣва также раздавались выстрѣлы.

Ближе и ближе слышались голоса и крики загонщиковъ; наконецъ они слились въ сплошной, голосистый крикъ.

И вдругъ заяцъ, совсѣмъ бѣлый, торопливо выскочилъ и принялся скакать нѣсколько наискось отъ Толкунова. Тотъ приложился прямо въ бокъ и положилъ его. Заяцъ перевернулся и упалъ.

Загонъ уже кончался; вдали между кустовъ стали показываться красныя лица загонщиковъ.

Толкуновъ прямо отправился къ застрѣленному зайцу и протянулъ уже руку, какъ вдругъ въ то же время изъ-за кустовъ вышелъ Захватьевъ и, подойдя къ зайцу, также протянулъ руку.

— Позвольте-съ,—сказалъ Толкуновъ,—это моя добыча...

Захватьевъ тотчасъ же обидѣлся и покраснѣлъ.

— Какъ ваша? ничуть не ваша, я его убилъ.

— Я стоялъ тутъ,—сказалъ Толкуновъ, и онъ указалъ на мѣсто, гдѣ онъ стоялъ.

Въ то время, когда они стояли на одномъ мѣстѣ и препирались, къ нимъ подошли другіе охотники.

— Ну, господа,—закричалъ кто-то,—время не терять, жребіи разбирать... Vite, vite, vite!

XII.

— Вамъ досталось между Кочежковымъ и Захватьевымъ,—говорили Толкунову.

„Опять между Захватьевымъ!“—подумалъ онъ.

Ему пришлось стоять подлѣ засохшаго большого куста орѣшника, который совершенно закрывалъ отъ него Захватьева.

„Я не буду смотрѣть туда и, главное, не буду спорить. Онъ ли, я ли убью зайца, все равно... Пускай все себѣ беретъ... Вѣдь это чистое мальчишество—спорить изъ-за зайца!

Впереди, подъ горкой, въ нѣсколькихъ шагахъ поднималась стѣна изъ кустовъ вяза и орѣшины. Захватьевъ стоялъ гдѣ-то внизу, такъ что Толкунову было не видно, гдѣ именно онъ стоитъ.

Загонщики гдѣ-то вдали закричали.

Гонъ подходилъ ближе и ближе. Уже слышались отдѣльные голоса. Вдругъ вблизи Толкунова, надъ его ушами, что-то сильно зашумѣло и захлопало. Въ то же мгновенье у него мелькнула мысль: „Это—глухари!“

И вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же онъ вскинулъ ружье, опустилъ дуло его по направленію, гдѣ низко надъ землей съ страшной силой летѣли два тетерева, и спустилъ курокъ.

Выстрѣлъ раздался какъ-то глухо, и въ то же время что-то закопошилось, завозилось въ травѣ, впереди того мѣста, на которомъ стоялъ Толкуновъ. Онъ раздвинулъ, отстранилъ сухой кустъ, который мѣшалъ ему видѣть, что было внизу.

На косогорѣ лежалъ и барахтался Захватьевъ.

Не помня себя, Толкуновъ кинулся къ нему и спросилъ его чуть слышно:—Захватьевъ, что съ тобой?

Но онъ и такъ понималъ, хотя и смутно, что съ нимъ.

Почти весь зарядъ долженъ былъ ударить Захватьеву въ високъ. Лицо его было все облито кровью.

Толкуновъ бросилъ свое ружье на землю и, нагнувшись къ раненому, поднялъ его.

Руки его дрожали и тряслись. Онъ тихо опустилъ раненаго опять на землю и самъ опустился подлѣ него.

— Захватьевъ,—проговорилъ онъ тихо.—Вставай... это ничего. Задѣлъ тебя немножко.

И онъ дикими глазами оглянулся кругомъ Но кругомъ никого не было.

Угонъ шелъ къ концу. Отрывочные выстрѣлы раздавались то тамъ, то здѣсь, вдали.

— Господи! Господи!—прошепталъ надорваннымъ голосомъ Толкуновъ.—Что же это такое? Вѣдь я убилъ его!

Въ это время на опушкѣ, въ кустахъ, показался Егорка. Толкуновъ закричалъ ему и отчаянно замахалъ руками.

Егорка подбѣжалъ, всплеснулъ руками и проговорилъ:

— Ахъ, грѣхъ какой!.. Кто это застрѣлилъ его? Эй, братцы!—закричалъ онъ изо всѣхъ силъ и снова повторилъ свой крикъ.

Полистовскій первый услыхалъ его призывъ и пошелъ бы-

стрыми шагами на зовъ. Угаръ опьяненія его теперь прошелъ. Онъ былъ бодръ и свѣжъ.

Вслѣдъ за Полистовскимъ подошли и другіе.

Толкуновъ стоялъ какъ потерянный, блѣдный, губы его дрожали. Онъ не могъ отвести глазъ отъ раненаго имъ и въ то же время замѣтилъ, что манишка сбилась на его груди и одинъ грязный кончикъ ея торчалъ изъ-за галстуха.

Подошли еще люди; подошли загонщики.

— Эй, братцы,—сказалъ кто-то,—несемъ его въ избу... Надо, чай, лекаря...

И нѣсколько мужиковъ подняли тщедушное тѣло Захватьева и понесли...

Вся охота пришла къ этому мѣсту. Лица у всѣхъ были испуганныя и ошеломленныя.

Всѣ шли тяжело ступая и переваливаясь.

— Николи еще... Николи этакой бѣды не случалось!—бормоталъ сѣдой старикъ-загонщикъ, угрюмо шагая за толпой.

— Здѣсь я... здѣсь!—закричалъ свѣжій, молодой голосъ.— Раздайтесь, братцы!

— А-а! это докторъ Сѣмянскій, Петръ Иванычъ...—и всѣ разступились и увѣренно, съ надеждой смотрѣли на молодого человѣка въ докторской фуражкѣ съ кокардой.

Захватьева внесли въ избу и положили на столъ.

— Эхъ! Не надобно на столъ-то класть!—ворчалъ сѣдой загонщикъ.—Примѣта есть нехороша...

— А вы отойдите, отойдите отъ окна, свѣтъ заступили!— закричалъ на нихъ докторъ. И всѣ начали понемногу отступать, жаться другъ къ другу.

— Воды!—скомандовалъ докторъ.—Давайте воды! Скорѣй!— Онъ говорилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осматривалъ рану.

Принесли воды. Онъ обмылъ рану... Прошло около двадцати минутъ.

Захватьевъ пошевелился, краска разлилась по ея лицу; онъ открылъ глаза и быстро сѣлъ на столъ.

Кто-то ахнулъ въ толпѣ. Кто-то вздохнулъ.

Въ толпѣ, обступившей столъ, началось быстрое движеніе и говоръ.

Всѣ разступились и оживились.

— Ну, что, докторъ?—спросилъ Толкуновъ, который стоялъ все время какъ приговоренный къ смерти. Сердце его усиленно билось.

— Вынесите его на дворъ!—вскричалъ сердито докторъ.— Осмотрѣть не дадутъ!

Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ приступило и протянуло руки къ Захватьеву, хватая его за полы пиджака. Но онъ самъ спустился со стола.

— Обморокъ съ нимъ былъ. Дѣло понятное!—кто-то проговорилъ въ толпѣ.

И множество рукъ подхватило его и повело вонъ изъ избы на чистый воздухъ, весь пронизанный веселыми солнечными лучами.

Выйдя на воздухъ и взглянувъ на небо, Захватьевъ перекрестился большимъ крестомъ.

XIII.

Толкуновъ вздохнулъ свободно и тоже внутренно перекрестился.

Теперь только онъ вспомнилъ о Любѣ, и чуть не бѣгомъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ ее.

„Но что это?"—подумалъ онъ испуганно, или это ему кажется?.. Голосъ Любы и стоны, стоны, захватывающіе душу. И онъ бросился стремглавъ къ повозкѣ. Люба, дѣйствительно, стонала и билась на рукахъ у Ольги Андреевны.

— Водя! Водя!.. Я умираю!—прокричала она, увидѣвъ Толкунова.

— Зачѣмъ умирать, Господь милостивъ,—проговорила Ольга Андреевна и сказала, обратившись къ Толкунову:—Cela commence déjà.

У Толкунова еще сердце не успокоилось отъ исторіи съ Захватьевымъ, какъ кровь снова бросилась ему въ голову. Онъ, ничего не отвѣчая ни Любѣ, ни Ольгѣ Андреевнѣ, порывисто подвинулъ сидѣвшаго кучера, самъ сѣлъ подлѣ него, взялъ изъ его рукъ возжи и быстро, круто повернулъ повозку.

Тройка, застоявшаяся на одномъ мѣстѣ, подхватила и понеслась.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса они на всемъ скаку прискакали на дворъ усадьбы и подкатили къ крыльцу.

Люба лежала въ обморокѣ. Ее внесли въ домъ. Со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ дверей выглянули и выбѣжали домашніе.

Толкуновъ внесъ Любу на рукахъ на лѣстницу.

Въ его комнатѣ на порогѣ стояла Софья Яковлевна, во всемъ величіи ея колоссальной фигуры.

Она быстро подхватила на руки Любу, отступила съ ней въ комнату и, захлопнувъ за собой двери, заперла ихъ на замокъ.

— Пустите же меня!—вскричалъ Толкуновъ.

Но изъ-за двери раздался голосъ гигантской акушерки.

— Нельзя-съ! нельзя-съ, милостивый государь! Невозможно!

Толкуновъ отшатнулся, и въ это самое время сзади его въ корридорчикѣ раздались легкіе, торопливые шаги Ольги Андреевны.

— Maman!—съ отчаяніемъ вскричалъ онъ.—Меня не пускаютъ!

Но Ольга Андреевна ничего не отвѣтила ему, и торопливо прошла въ свою комнату.

Толкуновъ слѣдомъ шелъ за ней, твердо разсчитывая, что онъ войдетъ въ другую дверь черезъ спальню Ольги Андреевны. Но только-что онъ увидалъ эту дверь, какъ она тотчасъ же захлопнулась передъ его носомъ и ключъ со звономъ щелкнулъ въ замкѣ.

Толкуновъ бросился въ эту дверь, надѣясь на свою силу, но крѣпкая старинная дверь не подалась. Онъ нѣсколько секундъ барабанилъ въ эту дверь, но тщетно, затѣмъ опомнился и пришелъ къ себѣ.

Но у себя, въ его рабочей комнатѣ, ему не сидѣлось; онъ прошелъ въ залу, куда тихо, неслышно вошла и Ольга Андреевна.

Онъ въ испугѣ вскочилъ.

— Что? Что случилось?

— Ничего!..—сказала Ольга Андреевна.—Все идетъ правильно.

— Что же вы пришли?

— Люба меня прислала. „Поди, говоритъ, мама, посиди съ нимъ. Ему, должно быть, тревожно на душѣ“.

— Я опять пойду туда, мнѣ не терпится,—сказала Ольга Андреевна.

— Идите, идите, родная... Господь милостивъ... Все, можетъ быть, обойдется благополучно.

И онъ тоже всталъ и пошелъ вслѣдъ за ней. Они вмѣстѣ, ровной, неторопливой походкой, взошли на лѣстницу. Толкуновъ повернулъ въ свой кабинетъ, въ большую комнату, съ венеціанскимъ окномъ. Тамъ стояло его рабочее кресло и подлѣ него—небольшое, уютное кресло его Любы.

Усталость и сильное волненіе не давали ему покоя. Какой-то шумъ или стукъ со стороны спальни опять отвлекъ его вниманіе.

Онъ вздрогнулъ и подошелъ къ дверямъ спальни. Но дверь была по прежнему заперта. Онъ долго стоялъ съ замираніемъ

сердца и прислушивался. Но звукъ не повторялся и была полная, мертвая тишина.

Онъ отошелъ отъ двери и медленно, нерѣшительно прислушиваясь, опять ушелъ въ свой кабинетъ.

Сумерки уже давно спустились. Маятникъ однообразно отбивалъ въ корридорѣ на большихъ часахъ, стоявшихъ въ видѣ колонны, въ углу, и эти часы играли какой-то торжественный мотивъ каждый часъ.

Толкуновъ прошелъ опять къ себѣ и бросился въ кресло.

„Господи!—подумалъ онъ.—Какое мученье ждать и надѣяться, висѣть между небомъ и землею, точно тебя жарятъ и жгутъ на медленномъ огнѣ".

Онъ загасилъ лампу и свѣчи, думая заснуть.

XIV.

Прошелъ часъ, прошло два. Онъ не зналъ, сколько прошло времени. Ожиданіе постоянное, безпокойное измучило его. Но онъ утѣшалъ себя мыслью, что его мученье ничтожно передъ тѣмъ, которое теперь переноситъ она, его Люба.

Въ окнахъ какъ будто начинало свѣтать, но это, вѣроятно, думалъ онъ,—обманъ глазъ.

Ни шороха, ни звука, полная тишина. И вдругъ среди этой тишины раздался громкій дѣтскій крикъ.

Толкуновъ, не помня себя, бросился къ спальнѣ.

Изнутри послышался голосъ акушерки.

— Сейчасъ, папаша!.. сейчасъ мы приберемся.

Онъ хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

Долгое ожиданіе и всѣ тревоги сегодняшняго утра выразились, наконецъ, сильнымъ нервнымъ припадкомъ, и онъ зарыдалъ, зарыдалъ спазматически, прислонясь къ холодной стѣнѣ.

А въ спальнѣ слышались смѣшанные, безпорядочные голоса, и всѣ ихъ покрывалъ голосистый, твердый голосъ новорожденнаго.

Наконецъ двери отворились, и онъ стремглавъ бросился туда. Но передъ дверью стояла акушерка въ кожаномъ фартукѣ и съ засученными по локоть рукавами.

Толкуновъ отстранилъ ее и прямо бросился къ Любѣ.

Въ первое мгновеніе онъ не узналъ ее.

Что-то лежало на ея постели, но это что-то имѣло такое

измученное, блѣдное, искаженное лицо, что у него сердце сжалось, и слезы сами собой полились изъ его глазъ.

Наконецъ онъ успокоился.

— А вотъ-съ, папаша! Вы взгляните на насъ. Вотъ-съ, мы какой молодецъ!—проговорила акушерка, держа ребенка обѣими руками подъ грудку.

Онъ теперь замолкъ, и Толкуновъ могъ разсмотрѣть его.

„Какой онъ уморительный! Точно маленькій раченокъ“,—подумалъ онъ.

А маленькій раченокъ, завернутый въ пеленку, таращилъ на него свои сине-сѣрые стеклянные глаза и старался всѣми силами упрятать въ ротъ свою крохотную ручёнку.

„Боже мой!—подумалъ Толкуновъ,—какимъ безобразнымъ и безпомощнымъ является человѣкъ на свѣтъ божій!“

— Водя!—тихо позвала Люба, и онъ подошелъ къ ней.—Ты сядь тутъ подлѣ меня, и мнѣ будетъ хорошо, покойно.

И онъ придвинулъ кресло и сѣлъ подлѣ нея... Она взяла его руку и смотрѣла на него красными отъ слезъ и ярко блестящими глазами. Она взяла эту руку и положила ее къ себѣ на грудь.

— Водя!—прошептала она, такъ тихо, что онъ долженъ былъ нагнуться, чтобы разслушать:—А у насъ сынъ...

— У насъ сынъ,—повторилъ Толкуновъ и нѣжно, тихо поцѣловалъ ея руку.

Прошелъ часъ или два послѣ суматохи; все притихло, успокоилось и уснуло.

Вдругъ гдѣ-то вдали въ корридорѣ раздалась бѣготня, отрывистый громкій шопотъ, споръ и тихіе, подавленные крики.

Ольга Андреевна встрепенулась; она уже задремала, сидя въ большомъ креслѣ.

— Что у васъ такое, что за бѣготня и суматоха?

— Барышни нѣтъ!—проговорила на ходу юркая Даша и пробѣжала мимо.

— Какъ нѣтъ?

— Такъ, нѣтъ ихъ въ комнатѣ.

И только теперь вспомнила Ольга Андреевна, что въ этотъ день Вѣра не выходила изъ комнаты. Теперь только ей показалось удивительно страннымъ, что Вѣра не приняла участія въ ихъ сперва скорбной, а затѣмъ радостной суматохѣ.

Теперь всѣ собрались около дверей ея комнаты. Дѣйствительно, изъ-подъ этой двери несся такой холодъ, какъ на дворѣ,

и всѣ принялись стучать въ дверь и будить Вѣру. Но всѣ старанія были напрасны. Вѣра не откликалась.

— Надо сломать двери,—проговорила внушительно Акулина Степановна и перекрестилась.

Спросили Ольгу Андреевну, и она сама осмотрѣла двери и приказала открыть ихъ. Долго искали ключей, чтобы отпереть. Позвали Степана и Андрея, и они высадили дверь.

Окно было отворено, а комната пуста.

Набросились на дѣвушку, которая убирала постоянно комнату Вѣры.

— Я къ нимъ стучалась,—оправдывалась Даша,—а онѣ говорятъ: „послѣ приди, не мѣшай спать". Я уже и не осмѣливалась ихъ безпокоить.

— Не осмѣливалась!—передразнила Аграфена Степановна.— Ты должна была тотчасъ же барынѣ доложить.

Должно замѣтить, что эта комната была не та, въ которой Вѣра жила прежде, до замужества Любы. Это была небольшая комната, окно которой, единственное окно, выходило въ садъ, въ глухой уголъ, заросшій малинникомъ, уже одичавшимъ и сильно разросшимся. Этотъ уголъ прилегалъ одной стороной къ Ахтаю, а другой—къ большой рощѣ.

— Барыня! Смотрите-ка! Чудо какое!—вскричала Даша и указала на ручку окна, къ которой была привязана простыня, а къ ней еще простыня и еще простыня.

— Вотъ, матушка моя, теперь и я догадалась,—проговорила Ѳедосья кастелянша:—догадалась, милая, зачѣмъ она приказала мнѣ дать ей чистую простыню, а черной такъ мы и не нашли,— искали, искали и не нашли.

И всѣ заглядывали за окно. Къ ручкѣ его были привязаны три простыни. Конецъ нижней простыни постоянно относило вѣтромъ въ сторону, и онъ полоскался, какъ длинный флагъ.

Всѣ столпились у окна и думали, куда же Вѣра могла уйти.

Въ послѣдніе дни, когда все было занято болѣзненнымъ состояніемъ Любы и никто не обращалъ никакого вниманія на Вѣру, она постоянно бродила по всѣмъ комнатамъ, какъ будто искала кого-то, какъ будто не находила себѣ мѣста.

Послѣдній ея визитъ въ Немировку, казалось бы, долженъ былъ отнять у нея всякую надежду на исполненіе ея мечтательнаго плана; а между тѣмъ, случилось совершенно наоборотъ.

Натура Вѣры принадлежала къ тѣмъ упрямымъ, стойкимъ натурамъ, для которыхъ препятствія составляютъ какъ бы масло, подливаемое въ огонь. Если въ ея мечтахъ исчезала всякая воз-

можность сломить препятствія дѣйствительныя, то она начинала сочинять и придумывать препятствія невозможныя. Притомъ, всѣ мечты принадлежатъ къ области фантастическаго, а въ этой области всѣ перегородки и препятствія ломаются, какъ тростинки отъ легкаго дуновенія вѣтра.

И теперь она мечтала, что Немировскій не можетъ и не долженъ ее оттолкнуть, что онъ тронется ее мольбою и согласится помочь ей. Но въ чемъ и какъ—она этого не обсуждала.

По временамъ, въ какомъ-то смутномъ туманѣ, она сознавала, что все это—изобрѣтеніе ея фантазіи, и ничего въ дѣйствительности нѣтъ, но эти минуты просвѣтленія находили на нее рѣже и рѣже и наконецъ совсѣмъ оставили ее. Она пришла къ тому убѣжденію, что ей невозможно не бѣжать... туда, куда влекла ее привычная, любимая ея мечта, куда притягивало ее измученное, больное сердце.

И она занялась приготовленіемъ къ побѣгу. Прежде всего, она выбрала комнату, удаленную отъ всѣхъ другихъ. Затѣмъ она начала обдумывать костюмъ свой, и пришла къ заключенію, что ей необходимо купить или достать полушубокъ, простой, крестьянскій полушубокъ.

— Мама,—обратилась она къ Ольгѣ Андреевнѣ,—мнѣ необходимъ полушубокъ для утреннихъ прогулокъ.

Ольга Андреевна, разумѣется, удивилась.

— Вѣдь у тебя есть соболья шубка,—сказала она.—Зачѣмъ же тебѣ еще полушубокъ?

— Шубка для гостей и выѣздовъ, а мнѣ нуженъ простой рабочій полушубокъ.

— Что это за странная фантазія приходитъ тебѣ въ голову?—сказала Ольга Андреевна, но все-таки позвала Финогена, котораго спеціальность была зимнее одѣяніе на всю дворню, и Финогенъ смастерилъ ей хорошенькую новенькую дубленку.

— Фу! какъ она пахнетъ!—сказала Вѣра съ отвращеніемъ, но все-таки велѣла повѣсить дубленку къ себѣ въ комнату.

„Она не понадобится раньше мѣсяца“,—думала она. И ей смутно представлялось, что она убѣжитъ въ то самое время, когда настанетъ время Любѣ родить.

И она давно приставала къ акушеркѣ, чтобы та точно, непремѣнно точно опредѣлила день.

— Матушки мои! Да кто же это можетъ сдѣлать?—всплеснула руками акушерка.—Позовите хоть лейбъ-акушера, и тотъ этого не сможетъ сдѣлать. Мѣсяцъ еще мы можемъ опредѣлить

и то приблизительно, а день...—И она махнула рукой и усмѣхнулась.

Когда Любу привезли съ охоты, Вѣра пыталась проникнуть въ спальню ея, но безуспѣшно.

Тогда Вѣра начала собираться.

Она надѣла приготовленный костюмъ и ждала, когда раздастся первый крикъ ребенка, чтобы исчезнуть.

Было раннее утро. Синева дня только-что разлилась на востокѣ. Вѣра вышла на дорогу съ длинной палкой, какую обыкновенно носятъ богомолки-странницы, идущія къ святымъ мѣстамъ.

Н. П. Вагнеръ.

БАЙРОНЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ

1816—1819.

Послѣ перелома, пережитаго Байрономъ въ Швейцаріи [1]), внезапно начинается веселье его венеціанскаго житья, и можетъ почудиться (въ особенности если принять на вѣру небылицы и преувеличенія разныхъ біографовъ, „очевидцевъ" и т. п.), не было ли тутъ „искушенія", столь обычнаго въ легендахъ. Развеселая, гулящая—съ горя по утраченной свободѣ—Венеція, точно обольстительная вакханка, преградила путь спускавшемуся съ горъ задумчивому страннику, приманила его, зачаровала, закружила, и задержала въ своихъ сѣтяхъ до той поры, пока не очнулся онъ и съ брезгливымъ негодованіемъ не вырвался на волю, проклиная чаровницу. Такъ Венера укрывала въ сладостномъ плѣну рыцаря-поэта Тангейзера.

Но зачѣмъ искать искушеній и навожденій!.. Преждевременно было торжествовать побѣду надъ прошлымъ. Въ *послѣдній* разъ вырвались неулегшіяся еще, не покорившіяся разсудку и волѣ страсти; это было (по выраженію самого поэта) „прощаніе съ молодостью", судорожное, напоминавшее своей лихорадочностью самые острые пароксизмы застарѣлаго его недуга, нервной жажды наслажденій, какъ средства заглушить тоску. Послѣ разлуки съ Шелли, тоска вернулась; одиночество было полное; недавно пережитое снова надвинулось и томило,—а кругомъ бойко неслась жизнь, безпечальная, полная соблазновъ... Строже су-

---

[1]) См. въ 1900 г. статьи того же автора: „Изъ жизни Байрона", мартъ; „Байронъ въ Лондонѣ", май; „Байронъ въ Швейцаріи", ноябрь.

роваго моралиста самъ поэтъ осудилъ впослѣдствіи растрату своихъ силъ и увлеченій, заклеймилъ среду, которая пыталась втянуть его въ свой низменный душевный складъ и полную распущенность. Его отзывы о Венеціи сначала полны симпатіи и художественныхъ восторговъ; подъ-конецъ онъ даетъ ей презрительное прозвище „приморскаго Содома" (Sea-Sodom), которое онъ со временемъ вложилъ въ уста и Марино Фальеро, выдѣляетъ изъ своего осужденія лишь внѣшность чуднаго города, „столь же великолѣпнаго, какъ его исторія", и признается въ своемъ *отвращеніи* къ венеціанцамъ, чье нравственное паденіе онъ „никогда не представлялъ себѣ дошедшимъ до крайней степени, пока они сами не дали ему въ этомъ урокъ" (Letters, IV, 325).

Какъ ни суровъ приговоръ, какъ ни подтверждаютъ его преданные Байрону свидѣтели его венеціанскаго житья, Шелли, Гобгоузъ, Томасъ Муръ,—было бы большою несправедливостью считать этотъ періодъ въ жизни поэта (съ краткими отлучками его изъ Венеціи занявшій цѣлыхъ три года, съ ноября 1816 по декабрь 1819 года) сплошнымъ регрессомъ, тяжкой ошибкой, вредной и для творчества поэта, и для его общественно-политическаго призванія. Въ наиболѣе критическія минуты, когда стороннему свидѣтелю бросались въ глаза лишь карнавальное веселье или похожденія въ боккачіевскомъ вкусѣ,—не прерывалось развитіе идей, замысловъ, задачъ, которымъ посвящены были его лучшія силы. *Никогда* не измѣнялъ онъ имъ,—но работа художника, мыслителя, наблюдателя жизни человѣчества, была незамѣтна для непосвященнаго взора. Такъ Лермонтовъ среди разгара ухарской жизни въ кавалерійской школѣ, когда всѣ мысли его, казалось, направлены были лишь къ пирамъ и донъ-жуановскимъ приключеніямъ, берёгъ святыню своихъ думъ и вдохновеній, и въ ночной тиши то же перо, которое набрасывало скоромные стишки „Уланши", вносило въ завѣтную тетрадь импровизаціи „Демона" или полные искренняго лиризма диѳирамбы любимой дѣвушкѣ.

Три года, проведенные Байрономъ въ Венеціи и ославленные сплетнею, какъ пора широкаго разлива его безнравственности и цинизма, погубившаго его дарованіе,—связаны съ появленіемъ такихъ произведеній, какъ новая редакція третьяго акта „Манфреда", четвертая пѣснь „Чайльдъ-Гарольда", „Жалоба Тасса", „Беппо", „Мазепа", наконецъ первыя главы „Донъ-Жуана". Не очевидно ли, что при всѣхъ своихъ тѣневыхъ сторонахъ жизнь въ „приморскомъ Содомѣ" была для Байрона зна-

чительнымъ шагомъ впередъ въ развитіи его художественныхъ силъ. Когда связи съ Венеціей порвались навсегда, онъ одновременно повелъ широкую дѣятельность писателя и опасную работу пропагандиста-заговорщика, освободителя Италіи. Правда, въ эту пору его согрѣла любовь,—*послѣдняя* его любовь. Но вѣдь и она зародилась въ Венеціи...

Таково истинное значеніе „венеціанскаго періода"; но чтобы подтвердить и обосновать это значеніе, нужно постоянно имѣть въ виду оба теченія, не избѣгая ихъ противорѣчій. Изученіе хроническихъ контрастовъ, среди которыхъ вьется извилистая линія духовнаго и художественнаго роста,—одна изъ любопытнѣйшихъ задачъ біографіи поэта.

Когда пришелецъ,—кто бы онъ ни былъ, мечтатель или искушенный житейскою прозой труженикъ,—впервые видитъ Венецію, онъ не можетъ не испытать впечатлѣнія фантастическаго сна на яву, олицетворенной мечты, оживленной сказки,—до того она не похожа ни на что имъ видѣнное. Потомъ можетъ настать раздумье: меланхолія былого величія, увяданія, подернетъ флеромъ волшебныя краски, въ глаза бросятся бѣдность, отсталость, безнадежность,—но равнодушіе и холодность первыхъ минутъ просто немыслимы.—Такъ это было искони. Какъ же сильно долженъ былъ подѣйствовать чудный городъ на того, кто (по собственному его признанію) съ раннихъ лѣтъ любилъ переноситься въ мечтахъ на востокъ и въ Венецію, словно въ обѣтованныя страны красоты и счастья! Байронъ провелъ нѣсколько дней въ постоянномъ возбужденіи. Его плѣняло все: величавая старина, живописная оригинальность жизни среди воды, жгучая красота венеціанскаго типа, пѣсни гондольеровъ, тихіе каналы, зеркало лагунъ, дворцы, дремлющіе храмы съ великими памятниками искусства, веселый гулъ толпы на площади св. Марка, лабиринтъ картинныхъ закоулковъ, висячихъ мостовъ, площадокъ, колоннадъ, бесѣдокъ, увитыхъ цвѣтами, безчисленныхъ и заманчивыхъ неожиданностей, которыя открываются вдругъ при любомъ поворотѣ гондолы и манятъ къ себѣ таинственностью, безпечностью и нѣгой. Прежде всего, онъ идетъ во дворецъ дожей, и смѣна впечатлѣній великолѣпія и царственной гордости старинныхъ владыкъ республики трагическими отголосками тайнаго суда, доноса, пытокъ, казней, видъ тюремъ подъ свинцовой крышей, „Моста Вздоховъ", впервые ставятъ его лицомъ къ лицу съ тѣмъ міромъ могущества, преступности и самоуправства, попиравшаго народную свободу, который онъ со временемъ изобразилъ въ двухъ трагедіяхъ. Зародышъ одной изъ нихъ уже обо-

значился въ эту минуту. Въ письмахъ къ Дж. Мэррею (Letters, IV, 58 и 92) Байронъ говоритъ, что сильнѣе всего на него подѣйствовалъ видъ чернаго покрывала, окутывавшаго портретъ дожа Марино Фальеро, того возвышенія, на которомъ онъ былъ коронованъ, а впослѣдствіи обезглавленъ [1]), и мрачно прозвучавшій разсказъ чичероне о томъ, какъ престарѣлый „Фальеро, движимый ревностью, составилъ заговоръ противъ того государства, въ которомъ былъ верховнымъ главою". Три мѣсяца спустя (25-го авг. 1817), Байронъ уже заявляетъ, что рѣшилъ написать трагедію на этотъ необыкновенно драматическій сюжетъ" [2]).

Но свѣтлыя картины и бытовыя сцены скоро смягчили тяжелое впечатлѣніе прошлаго. Байрону хотѣлось увидать прежде всего Ріальто; туда влекли его,—говоритъ онъ,—воспоминанія о Шекспирѣ и его „Венеціанскомъ купцѣ". Шейлокъ наравнѣ съ Отелло, наконецъ съ Пьеромъ, героемъ забытой теперь, но горячо написанной трагедіи XVII-го вѣка: „Venice preservent, or a plot discovered", Отвэя [3]), поддерживалъ въ немъ желаніе увидать во что бы то ни стало Венецію. Среди множества лавчонокъ, облѣпившихъ смѣло переброшенную черезъ Canal Grande арку моста, въ сутолокѣ бойкой торговли, шума, смѣха и жужжанія толпы, безостановочно, точно по лѣстницѣ Іакова, сновавшей вверхъ и внизъ по мосту, онъ очутился въ томъ водоворотѣ, который вскорѣ втянулъ его въ себя и закружилъ чуть не до самозабвенія.

Поселился онъ сразу въ центрѣ этого водоворота, вблизи отъ площади св. Марка, съ другой стороны—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ театра „Fenice", на Фрецценіи, одной изъ типичнѣйшихъ венеціанскихъ улицъ или узкихъ корридоровъ, гдѣ дома глядятъ другъ другу въ окна, оставляя сверху едва замѣтную голубую полоску неба, гдѣ звонко раздаются голоса и жизнь вырывается изъ потемокъ на улицу, гдѣ можно было бы стосковаться о просторѣ, еслибъ не перерѣзалъ ее какой-то каналъ и вѣчно шмыгающія во всѣ стороны гондолы не уносили чело-

[1]) Въ настоящее время нѣтъ болѣе портрета Фальеро на стѣнахъ Sala del Maggior Consiglio; вмѣсто него, на черномъ фонѣ, виднѣется надпись: „Hic est locus Marini Falethri decapitati pro criminibus".

[2]) Анализъ трагедіи и обзоръ источниковъ ея сдѣланъ въ книгѣ Franz Krause, „Byron's Marino Faliero". Ein Beitrag zur vergleichende Litteraturgeschichte", Breslau, 1897.

[3]) Полная непріязненныхъ народной свободѣ выходокъ и косвенныхъ намековъ на англійскій либерализмъ, пьеса эта, мѣстами, напр. въ сценахъ любви, полна поэтическихъ красотъ. Запятнавшій себя подслуживаніемъ послѣднимъ Стюартамъ, даровитый Отвэй погибъ въ крайней бѣдности (1685).

вѣка вдаль. Домъ, который Байронъ выбралъ себѣ для житья, принадлежалъ суконщику Segati, и внизу помѣщалась его лавка. Не трудно отгадать, почему выборъ палъ именно на этотъ невзрачный домъ,—у „Венеціанскаго купца" (какъ сразу прозвалъ его Байронъ) была красавица-жена съ „большими, чудными глазами антилопы"; стоило ей остановить на форестьерѣ ихъ взглядъ, пламенный и манящій, и онъ предпочелъ ея заурядный домикъ всѣмъ палаццо, красивымъ, опустѣвшимъ и дешевымъ. Черезъ нѣсколько дней онъ уже пишетъ друзьямъ, что влюбился и счастливъ съ своею Маріанной; „вѣдь въ его положеніи броситься въ каналъ или очертя голову влюбиться—лучшее, или, можетъ быть, худшее, что онъ могъ бы сдѣлать". Переписка долго наполняется описаніями красоты Маріанны, ея тяжелыхъ черныхъ косъ, *восточной* прелести глазъ, глубокихъ и страстныхъ, классическаго профиля, смуглаго цвѣта лица, крошечнаго ротика. Послѣ увлеченій ранней юности, онъ никогда не вдавался въ такой лиризмъ описаній женской красоты. Очевидно, онъ совсѣмъ захваченъ; „я не въ силахъ передать впечатлѣнія, которое производятъ на меня ея глаза",—прерываетъ онъ однажды потокъ восторговъ.

Сближеніе пошло необыкновенно быстро: „Венеціанскій купецъ" былъ старъ, вѣчно занятъ дѣлами и все уходилъ въ лавку; Маріаннѣ было всего 22 года и она скучала; говорили потомъ, будто она утѣшалась, какъ всѣ женщины ея круга, съ тою легкостью нравовъ, которою славилась Венеція, но Байрона она увѣрила, что полюбила впервые. По-своему она къ нему привязалась, хотя никогда не забывала матеріальной стороны дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ гордилась тѣмъ, что ея другъ—знатный и богатый иностранецъ. Въ свѣтлые промежутки она весело щебетала,—и „въ ея устахъ наивность венеціанскаго діалекта пріобрѣтала необыкновенную прелесть",—или пѣла народныя пѣсни и свои импровизаціи. Въ другіе же періоды она была безумно ревнива и мучила Байрона ужасными сценами. Однажды,—разсказываетъ онъ,—вечеромъ, во время ея отсутствія, къ поэту постучалась жена ея брата, искавшая защиты отъ постылаго мужа; едва они успѣли разговориться, какъ ворвалась Маріанна, осыпала соперницу побоями, завладѣла ея косами, насилу была отвлечена отъ нея, упала въ обморокъ и, во время стараній привести ее въ чувство, застигнута врасплохъ мужемъ, которому кое-какъ объяснили ея присутствіе у Байрона, что не помѣшало ему наконецъ догадаться, какъ далеко зашла связь его жены.

Но проходило облако, и снова Маріанна веселилась, и пѣла, и любила.

Байронъ не могъ не чувствовать всего различія ихъ натуръ. Маріанна Сегати была неразвита и первобытна, хотя не безъ здраваго смысла, остроумныхъ выходокъ, смѣлыхъ намѣреній. Когда онъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, собрался на время въ Римъ, она объявила, что ни за что не разлучится и уѣдетъ съ нимъ. Въ эту минуту она была цѣлой головой выше большинства венеціанокъ, легко мѣнявшихъ обожателей, и готова была изломать свою жизнь. Но раздумье овладѣло Байрономъ, и онъ съ трудомъ убѣдилъ ее остаться, напоминая, что у нея есть ребенокъ. Зато онъ сильно тосковалъ въ Римѣ („I am wretched at being away from Marianna", IV, 19) и все рвался назадъ.

Таковъ былъ первый актъ его венеціанской „Комедіи любви", съ инцидентами во вкусѣ „Декамерона", но съ несомнѣнными проблесками истиннаго чувства съ обѣихъ сторонъ. Связь съ Маріанной была посвященіемъ его въ культъ безпечнаго наслажденія, которому все отдавалось вокругъ. И началась она при завлекательной обстановкѣ: черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Байрона, насталъ карнавалъ, — а въ тѣ годы это было чуть не важнѣйшее дѣло въ быту Венеціи. По словамъ Байрона, въ теченіе шести недѣль царило постоянное веселье; каждый день— маскарады, катанья, опера, иллюминація, балы, ridotti, шумъ и пѣніе на улицахъ, площадяхъ и каналахъ, и такъ до глубокой ночи. Какъ легко было завязывать нѣжныя знакомства, вести интригу, сколько похожденій скрывалось подъ покровомъ маски и домино! Съ увлеченіемъ, которое часто казалось болѣзненнымъ, Байронъ бросился въ самую пучину, ничѣмъ не пренебрегая, желая все испытать, — пока не настало пресыщеніе и переутомленіе. Впечатлѣнія перваго карнавала, пережитаго имъ на итальянской почвѣ, со всѣмъ estro настоящаго туземца, долго не изгладились; они образовали со временемъ безподобно реальный бытовой фонъ „Беппо"; обрисовать его такъ ярко могъ лишь очевидецъ и участникъ. Но карнавалъ вызывалъ на поверхность жизни то, что̀ служило ея двигательной силой и покрывало ее сплошною сѣтью свободныхъ отношеній и комбинацій, не только терпимыхъ, но почти узаконенныхъ, какъ прадѣдовскій обычай. „Съ начала XVII-го вѣка,—говоритъ историкъ общественнаго и частнаго быта Венеціи [1]),—когда мода потре-

---

[1]) P. G. Molmenti. „Storia di Venezia nella vita privata dalle origini alla caduta della republica". Torino, 1885, 380—81.

бовала, чтобы семейныя привязанности не проявлялись на глазахъ у людей, придуманы были cavalieri serventi, существованіе которыхъ признавалось даже брачными контрактами. Это нововведеніе, сначала невинное, естественно должно было извратиться, и позже появились *чичисбеи*, опиравшіеся въ своихъ интригахъ на гондольеровъ и камеристокъ. Они сопровождали даму всюду, въ театръ, концертъ, въ церковь, на балы, входили въ домашнія дѣла своей подруги, которая показалась бы смѣшною, еслибы выѣзжала съ своимъ мужемъ". Житье втроемъ было дѣломъ обыкновеннымъ; смѣна поклонниковъ превратилась въ правильный любовный круговоротъ. Положеніе Байрона въ домѣ Сегати входило въ норму „чичисбеата"; хотя и мысли о томъ не было у искренно увлекшагося поэта, все-же онъ вскорѣ увидалъ себя однимъ изъ воиновъ большой арміи легализированныхъ „друзей дома". Наблюдая съ изумленіемъ этотъ порядокъ вещей, всѣми признаваемый нравственнымъ и приличнымъ, онъ именно въ Венеціи долженъ былъ начать тотъ сатирическій пересмотръ разногласій во взглядахъ человѣчества на нравственность, который сталъ основой его „Донъ-Жуана".

„Вступая въ этотъ городъ, чувствуешь словно дыханье сладострастія (un air de volupté), опасное для нравовъ", говорилъ о Венеціи XVIII-го вѣка заѣзжій путешественникъ-моралистъ, выдавшій себя потомъ печатно (подражая манерѣ Монтескьё въ „Персидскихъ Письмахъ") за китайскаго шпіона, посланнаго въ Европу пекинскимъ дворомъ для изученія ея современнаго положенія [1]). По свидѣтельству историковъ быта и показанію Байрона, которому подтверждали это старожилы, уровень нравовъ со времени паденія республики не улучшился, и къ свободѣ брачныхъ нравовъ присоединилась и общая распущенность, поддержанная притокомъ гулящихъ и продажныхъ женщинъ. Прежде хоть сенатъ и дожи, наконецъ демократическая партія, пытались остановить развращеніе и по-своему готовы были примѣнить къ населенію республики хоть нѣкоторыя изъ требуемыхъ просвѣтительнымъ вѣкомъ мѣръ и реформъ для поднятія экономическаго благосостоянія и просвѣщенія массы [2]), которое отразилось бы и на уровнѣ нравственности,—австрійскія же власти, чуждыя народу, были безсильны и неумѣлы, тогда какъ обездо-

---

[1]) „L'espion chinois, ou l'envoyé secret de la cour de Pékin pour examiner l'état présent de l'Europe". Cologne, 1769, второй томъ, письмо 74.

[2]) Интересные матеріалы для изученія просвѣтительныхъ идей и новыхъ экономическихъ теорій въ ихъ борьбѣ со старымъ венеціанскимъ аристократизмомъ собраны въ книгѣ Макс. Ковалевскаго: „Происхожденіе совр. демократіи", томъ 4.

ленная во всемъ толпа какъ будто видѣла въ свободѣ любви и веселья, въ безграничной маскарадной вольности послѣдній остатокъ прежней свободной жизни. Когда Байронъ совсѣмъ порвалъ съ Венеціей, онъ въ письмахъ часто набрасывалъ отталкивающія характеристики общества, которое не знаетъ ни чести, ни дружбы, ни вѣрности, въ которомъ нѣтъ семьи, нѣтъ привязанности,—онъ долженъ былъ личнымъ опытомъ придти къ такому приговору.

Но могъ ли, несмотря на изобиліе всякихъ утѣхъ и развлеченій, авторъ „Гарольда" и „Шильонскаго узника", поэтъ политическій и обличитель повсемѣстнаго торжества реакціи, не видѣть бѣдственнаго положенія великаго и несчастнаго народа, изъ рядовъ котораго венеціанцы явились передъ глазами поэта первымъ печальнымъ примѣромъ паденія и неволи Италіи? Могъ ли онъ, за шумомъ карнавала и игривостью любовныхъ нравовъ, не отгадать страданій народа въ его цѣломъ, лишеннаго самыхъ элементарныхъ условій разумнаго существованія, и не понять, что Италія, по восторженному выраженію Шелли, „рай для изгнанниковъ" [1]), и въ то же время страна мертвыхъ? Въ перепискѣ встрѣчаются отзывы о ломбардо-венеціанскомъ режимѣ австрійцевъ, какъ о самомъ отсталомъ и нетерпимомъ, о мѣстной печати, онѣмѣвшей, безсильной и жалкой,—но вопросъ еще не ставится рѣзко, и тотъ, кто, бывало, возбуждалъ испанцевъ и грековъ свергнуть чужеземное иго, добыть свободу,—какъ будто медлитъ высказаться. Тѣмъ временемъ уже скоплялись въ различныхъ частяхъ Италіи силы для организаціи освободительнаго движенія. Лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ появленіемъ Байрона, послѣ опасной агитаціи на глазахъ австрійцевъ, и потомъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ держалъ въ рукахъ всѣ нити, эмигрировалъ въ Англію Уго Фосколо. Въ сосѣднемъ Миланѣ редакціонный кружокъ газеты „Il Conciliatore", съ Сильвіо Пеллико во главѣ, сдѣлался очагомъ оппозиціи австрійцамъ. Эти первые провозвѣстники возрожденія Италіи выказали вскорѣ (говоря словами Мицкевича о соотечественникахъ Пушкина) удивительный „героизмъ неволи". Вскорѣ послѣ окончательнаго отъѣзда Байрона изъ Венеціи, туда привезли арестованнаго Пеллико, заточили его сначала въ знаменитыхъ „Piombi", потомъ на островѣ Мурано, чтобы, въ заключеніе, схоронить его на долгіе годы, вмѣстѣ съ другими мучениками, въ казематахъ Шпильберга [2]).

---

[1]) „Thou Paradise of exiles, Italy!" „Julian and Maddalo", стихъ 57.

[2]) Стендаль обратился къ Байрону съ письмомъ, полнымъ сожалѣнія о несчастномъ Пеллико, и ожидалъ заступничества за него со стороны англійскаго поэта. Raffaello Barbiera, „Figure e figurine del secolo che muore". Milano, 1899, 37—8.

Но у Байрона сначала было слишкомъ мало соприкосновенія даже съ дѣятелями итальянской литературы. Въ Миланѣ онъ встрѣтилъ даровитаго, но безпринципнаго ренегата Монти, и вскорѣ брезгливо отвернулся, хотя и отъ него выслушалъ что-то въ родѣ совѣта вступиться за итальянское дѣло: „только посторонній, не-итальянецъ, въ особенности представитель свободной Англіи можетъ высказаться сполна по этому вопросу передъ Европой“, говорилъ Монти [1]). Въ Венеціи онъ познакомился съ другою прежнею знаменитостью, Ипполитомъ Пиндемонте, но авторъ патріотическихъ одъ и глубоко прочувствованныхъ элегій былъ уже старъ и склонялся къ піэтизму. Съ писателями иного типа судьба пока не сводила Байрона. Политическая же агитація была исключительно тайною; проникнуть въ нее непосвященному было невозможно. Если Байронъ почему-либо предполагалъ ея существованіе, быть можетъ, даже въ близкихъ къ нему слояхъ, — ему пришлось лишь подъ конецъ своего венеціанскаго житья дождаться того, что рука любимой женщины ввела его въ подземелье итальянской народной политики, и жизнь его озарилась энтузіазмомъ къ общему благу.

Страстность, съ которою Байронъ бросился и въ объятія Маріанны, и въ волны карнавала (послѣднюю его ночь, 18-го февраля, онъ напролетъ провелъ въ маскарадѣ „Феniче“), говорила о желаніи забыться, заглушить то, что его мучило. Тотъ, кто одинъ только съумѣлъ бы ободрить и вдохновить его, Шелли, былъ далеко и явился въ Венецію лишь въ 1818 году. Старое горе постоянно напоминало о себѣ. То придетъ изъ Англіи вѣсть о томъ, будто лэди Байронъ уѣзжаетъ за-границу и беретъ съ собой Аду,—и это притязаніе располагать ея судьбой, игнорируя волю отца, возмущаетъ его; то его извѣстятъ, что Ада принята подъ опеку Chancery Court (въ сущности, это было лучшее, что могли сдѣлать),—и онъ протестуетъ противъ самовластія жены, противъ вмѣшательства опеки, обращается съ гнѣвными письмами къ своему адвокату, *даже къ женѣ* (два неизвѣстныхъ до сихъ поръ письма напечатаны теперь по сохранившимся черновымъ наброскамъ [2]),—не для того, чтобы искать примиренія, а чтобы высказать нѣсколько горькихъ истинъ. По его словамъ, онъ, несмотря ни на что, допускалъ возможность сближенія, теперь же всѣ иллюзіи исчезли; рядъ рѣзкихъ ея поступковъ показалъ ему, что ей недоступна гуманность. Но торжествовать

[1]) Онъ называлъ Англію „единственнымъ трибуналомъ, передъ которымъ Европа можетъ предъявлять свои жалобы“ (Broughton „Italy“, 1859, 40).

[2]) Letters, 1900, IV, 66 и 268.

она не будетъ; никогда не испытаетъ она болѣе ни счастія, ни спокойствія; „Время и Немезида отмстятъ ей"... „Никто не бываетъ, даже невольно, виновникомъ ужаснаго несчастія, не поплатившись за то,—говоритъ онъ;—я немало платилъ уже за свою долю; отплата продолжается,—но и ваша очередь настанетъ"... Когда же, годъ спустя, получена была вѣсть о томъ, что одинъ изъ главныхъ возбудителей ихъ семейнаго раздора, шестидесятилѣтній сэръ Самуэль Ромилли, отъ горя о смерти своей жены перерѣзалъ себѣ горло, и судъ призналъ престарѣлаго самоубійцу умалишеннымъ, Байронъ снова написалъ женѣ, предаваясь мрачной радости при видѣ мщенія судьбы за него...

Тяжелы были также вѣсти объ общемъ положеніи Англіи, о быстрыхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ ней реакціею за время отсутствія Байрона, о травлѣ свободныхъ идей такимъ маніакомъ консерватизма, какъ Кэстльри, приведшей, наконецъ, къ стѣсненію политическихъ вольностей и пріостановкѣ, въ 1817 г., „Habeas Corpus". Хотя въ тѣ минуты, когда особенно мучительно оживали недавнія оскорбленія, у Байрона вырывались теперь заявленія, что, *„кромѣ ада*, онъ не желалъ бы ничего общаго съ англичанами" („I know no other situation except Hell which I should feel inclined to participate with them", Letters, IV, 125) и т. п., негодованію его не было предѣловъ. Въ рядахъ оппозиціи дѣйствовали близкіе ему люди, Гобгоузъ, Ли-Гонтъ [1]), или внушавшіе уваженіе энергіею своего демократизма вожди, въ родѣ Коббетта; безмолвіе, на которое осуждалась страна, гнетъ на печать и право митинговъ, отмѣна личной безопасности, сливались въ безотрадную картину безвыходнаго застоя.

Говорить о личныхъ и общихъ заботахъ и горестяхъ, дѣлиться мыслями было не съ кѣмъ. Въ образованномъ венеціанскомъ обществѣ у Байрона было два, три дома, гдѣ онъ охотно показывался, когда изъ мѣщанскихъ низинъ снова хотѣлось ему подняться въ тѣ слои, которые еще выказывали нѣкоторый интересъ къ литературѣ, искусству, тонкому общежитію. Это были салонъ графини Альбрицци и модная гостиная графини Бенцони; вторая слишкомъ походила, благодаря изысканнымъ вкусамъ ея хозяйки, на парижскіе философски-острословные салоны XVIII-го вѣка, и лишь въ первомъ его жалѣли, ему сочувствовали. Одинъ изъ лучшихъ и подробнѣйшихъ литературныхъ портретовъ Бай-

---

[1]) Шелли сдѣлалъ также цѣнный вкладъ въ литературу политическихъ памфлетовъ своимъ „Proposal for putting reform to the Vote through out the Kingdom", а позже—воззваніемъ къ народу: „Address to the people".

рона принадлежитъ умной и наблюдательной contessa Albrizzi и включенъ ею въ дополненное изданіе ея „Ritratti“ [1]), интересной коллекціи характеристикъ замѣчательныхъ людей, съ которыми ей приходилось встрѣчаться [2]),—но и она не могла вполнѣ понять и раздѣлить его запросовъ, сомнѣній и надеждъ. Большой наивностью проникнута, напримѣръ, та часть его характеристики, гдѣ авторъ сожалѣетъ о томъ, что „манія такъ называемыхъ либеральныхъ убѣжденій ни въ чьемъ умѣ не пустила такихъ глубокихъ корней, какъ въ немъ“, и удивляется тому, что „онъ, будучи лордомъ и пэромъ свободнѣйшей изъ всѣхъ странъ, Англіи, называлъ себя рабомъ“ (essendo Lord e Pari della liberissima Inghilterra, riputavasi schiavo).

Одиночество, гложущая рефлексія и недовольство собой скрывались подъ маской веселости и любовнаго задора, особенно въ первые мѣсяцы, и лира его была беззвучна (tuneless). Чтобъ заглушить безпокойство, онъ предавался, по старой привычкѣ, усиленнымъ физическимъ упражненіямъ, особенно плаванію, кидался, иногда въ одеждѣ, въ волны канала или лагуны, вызывая изумленіе небывалымъ искусствомъ (однажды ночью онъ плылъ по каналу, дѣйствуя одною лишь рукой, а въ другой — держа факелъ, чтобъ обезопасить себя отъ внезапнаго появленія изъ-за угла гондолъ). Онъ старался сжиться съ толпой, замѣшаться въ нее, блуждалъ по городу, особенно въ поздніе вечерніе часы. Случалась ли гдѣ-нибудь бѣда, онъ спѣшилъ на помощь, и мы, конечно, не знаемъ всѣхъ примѣровъ его непоказного, братскаго участія (въ воспоминаніяхъ одного изъ участниковъ его греческой экспедиціи, маркиза де-Сальво [3]), встрѣчается, напр., разсказъ о томъ, какъ Байронъ въ Венеціи появился разъ на пожарѣ, сгубившемъ все имущество бѣднаго типографщика, увидалъ, что тушеніе невозможно, велѣлъ передать

---

[1]) „Ritratti scritti da Isabella Teotochi Albrizzi“. Pisa, 1826.

[2]) Съ детальностью живописца она описала его наружность,— небесно-голубые глаза, каштановыя кудри, мраморную бѣлизну шеи, которая всегда была открыта, недовольность лица, то „спокойнаго, какъ весеннее утро“, то пламеннаго и бурнаго,— отмѣтила, какъ тяготился онъ своею ролью театральнаго героя, возбуждающаго всеобщее вниманіе,—запомнила его литературные пріемы,—напр., привычку передъ созданіемъ произведенія посѣтить мѣста, которыя въ немъ изображаются, и „вдохновиться самымъ ихъ воздухомъ“,—съ сочувствіемъ указала на то, что упоминанія его о женѣ были всегда полны уваженія,—заподозрила недостаточность полученнаго имъ нравственнаго воспитанія, сказывавшуюся въ склонности признавать только одну свою волю,—привела рядъ типичныхъ анекдотовъ изъ повседневной его жизни, и т. д.

[3]) „Lord Byron en Italie et en Grèce“, par le marquis de Salvo. Londres — Paris, 1825, p. 78.

бѣдняку просьбу зайти къ нему, далъ ему записку къ банкиру,—и погорѣлецъ съ восторгомъ получилъ 360 дукатовъ). То бродилъ онъ по храмамъ и дворцамъ, полнымъ художественныхъ произведеній; красоты венеціанской школы раскрывались передъ нимъ; посѣщеніе такого богатаго частнаго музея, какъ palazzo Manfrini, было и для него событіемъ; три портрета, кисти Джорджьоне, и портретъ Аріоста, работы Тиціана, вызвали восхищенный отзывъ въ письмахъ и нѣсколько прекрасныхъ стиховъ въ „Беппо"; онъ любовался и одушевленными мраморами Кановы,—но искусство никогда (даже впослѣдствіи, когда галереи и музеи центральной Италіи довершили его художественное образованіе) не имѣло властнаго, рѣшающаго вліянія на душу Байрона [1]), и онъ признавалъ себя невѣждой въ вопросахъ его (оттого такъ блѣдны его попытки эстетическихъ оцѣнокъ итальянскаго художества въ 4-й главѣ „Чайльдъ-Гарольда"). Но ни атлетическій спортъ, ни кочеваніе среди народа, ни созерцаніе старыхъ мастеровъ не давали ему такого душевнаго отдохновенія, такой опоры, какъ испытанная его цѣлительница, природа,—на этотъ разъ море.

Его дальніе, нѣжные горизонты манили къ себѣ; высшимъ удовольствіемъ были поѣздки, незамѣтно приводившія изъ лагуны въ морской просторъ, или высадки на узкую и длинную косу Lido, тогда почти безлюдную и омываемую съ противоположнаго края волнами открытаго моря. Тамъ часто бродилъ онъ одиноко цѣлыми часами. Со временемъ (послѣ возвращенія изъ Рима) онъ помѣстилъ у коменданта сторожевого форта своихъ верховыхъ лошадей, ежедневно переправлялся на Лидо, отдавался наслажденію продолжительной ѣзды верхомъ по острову, до крайняго его пункта Malamocco, обвѣянный морскимъ воздухомъ, и въ эти минуты (по свидѣтельству частаго участника въ этихъ поѣздкахъ, англійскаго консула Гоппнера, съ которымъ онъ сблизился въ началѣ 1818 г.) бывалъ необыкновенно возбужденъ умственно, строилъ планы новыхъ произведеній, декла-

[1]) Всего рѣзче высказался онъ по этому вопросу въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1817: искусство „ненавистно ему, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно напоминаетъ нѣчто видѣнное имъ или такое, что онъ можетъ когда-либо увидать"; оттого ему противны лики святыхъ и неземные сюжеты церковной живописи; рубенсовская анатомія и „дьявольская игра красокъ" вызывали въ немъ отвращеніе; въ Испаніи на него мало дѣйствовали Мурильо и Веласкецъ. „Изъ всѣхъ художествъ это—самое вычурное и неестественное. Я никогда не видалъ картины или статуи, которая приблизилась бы хоть на милю къ моимъ представленіямъ и ожиданіямъ,—но я видѣлъ много горъ, морей, рѣкъ, мѣстностей, двухъ или трехъ женщинъ, которыя настолько же превышали ихъ", и т. д.

мировалъ свои стихи, то вдавался въ меланхолическія размышленія, то поражалъ неожиданной веселостью. Но въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Венецію у него не было спутниковъ на Лидо; одиноко бродилъ онъ по гребню косы или у края волнъ, какъ, бывало, въ Швейцаріи, по берегамъ Лемана или по альпійскимъ тропамъ, любовался закатомъ солнца, погружавшагося въ морскую гладь, мечталъ,—и представлялось ему, что нигдѣ въ мірѣ не хотѣлось бы ему лечь въ землю, кромѣ этого благословеннаго уголка (Гоппнеръ указывалъ [1]), въ своихъ воспоминаніяхъ, написанныхъ для Т. Мура, даже мѣсто, около второго форта, у подножія большого пограничнаго камня, которое поэтъ выбралъ для своей могилы).

Поѣздки по лагунѣ и посѣщенія Лидо привели Байрона на островъ св. Лазаря. Однимъ изъ поразительныхъ контрастовъ стало больше въ его сложной душевной жизни.

Далеко выдвинулся впередъ, къ морю, словно сторожевой постъ Венеціи, крохотный островокъ San-Lazzaro; на самомъ краю горизонта бѣлѣетъ кучка его зданій, съ темной каймою деревьевъ, надъ которыми высится остріе колокольни,—съ начала XVIII-го вѣка монастырская община армянъ-мхитаристовъ, колонія иноковъ и въ то же время очагъ культуры; тихій пріютъ, куда не доходятъ ни шумъ, ни соблазны Венеціи; не аскетическая усыпальница, а центръ образовательной и національно-политической пропаганды, въ которомъ вся братія, до скромнаго служки или ученика-семинариста, два вѣка подъ рядъ трудится надъ просвѣщеніемъ далекихъ своихъ соплеменниковъ въ Турціи, пишетъ, печатаетъ, готовится къ учительству и проповѣди. Подъ сводами ли длинной крытой галлереи, манящей въ свою прохладу,—въ тѣни ли монастырскаго сада, увѣнчаннаго исполинской старинной магноліею,—или на обрѣзѣ берега, у самыхъ волнъ, подъ оливковыми деревьями, откуда открывается панорама лагуны, острововъ и Венеціи, — на человѣка нисходятъ здѣсь миръ и затишье, созерцаніе и думы. Возлѣ него, безъ шуму, идетъ немолчная работа, въ библіотекѣ, по кельямъ или въ наборной палатѣ, но и сознаніе ея близости не въ силахъ нарушить блаженнаго замиранія всѣхъ тревогъ и волненій, и ровнаго душевнаго отдыха.

Байронъ испыталъ это, изъ любопытства заглянувъ (еще въ декабрѣ 1816 г.) въ экзотическій армянскій уголокъ и до того увлекшись, что провелъ на островѣ весь день, и только насту-

---

[1]) Th. Moore, „Life of Byron", 373.

пившая темнота заставила его подумать о возвращеніи. Его пригласили вернуться,—и онъ не только вернулся, но въ теченіе цѣлой зимы почти регулярно проводилъ полдня на San-Lazzaro. „Бывало, — говоритъ гр. Альбрицци, — онъ выходилъ раннимъ утромъ изъ дому, чтобы отправиться на армянскій островокъ, побесѣдовать съ учеными и гостепріимными монахами и изучать труднѣйшій ихъ языкъ, а вечеромъ, возвратившись въ своей черной гондолѣ, онъ, всего часа на два, заглядывалъ куда-нибудь въ свѣтъ". Скоро сдѣлался онъ любимцемъ всей братіи, плѣненной его ласковымъ, дружескимъ тономъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ одинъ англійскій изслѣдователь, собирая матеріалы для армянскаго эпизода въ біографіи поэта, еще засталъ ослѣпшаго отъ старости монаха изъ тѣхъ временъ. Едва его спросили, помнитъ ли онъ Байрона, старикъ просіялъ: „Bironi!— воскликнулъ онъ,—о, говорите со мной о Bironi!" На вопросъ,— былъ ли онъ красивъ, монахъ отвѣтилъ восторженно: „Онъ былъ необыкновенно красивъ, *точно святой*, только въ лицѣ желтый, ужасно желтый". Затѣмъ онъ подалъ посѣтителю сбереженный имъ ножикъ, которымъ Байронъ рѣзалъ, бывало, яблоки и притомъ, будто бы, однажды сказалъ: „Вотъ я рѣжу теперь яблоко, но такъ я хотѣлъ бы рѣзать головы туркамъ"... [1])

Среди братіи у него нашелся особый любимецъ, сближеніе съ которымъ превратилось въ дружбу, полную со стороны Байрона глубокаго уваженія. Это былъ одинъ изъ старшихъ монаховъ, хранитель библіотеки; поэтъ обозначаетъ его именемъ отца Паскаля „Aucher", очевидно, затрудняясь транскрипціею армянскихъ звуковъ; современные намъ армяне называютъ его Авгерьяномъ. Ни къ кому, кажется, такъ не подходило лестное прозвище „dotti e ospitali monaci", которое дала мхитаристамъ гр. Альбрицци. Много помогло сближенію то обстоятельство, что передъ тѣмъ Авгерьянъ провелъ въ Англіи два года. Тѣмъ легче могъ онъ посвятить поэта въ положеніе армянъ въ Турціи, познакомить съ исторіею народа, съ попытками возродить его литературу и воздѣлать языкъ. Отсюда былъ только шагъ до предложенія изучить этотъ языкъ, и Байронъ съ рвеніемъ принялся за дѣло. Разумѣется, въ перепискѣ, часто говорящей о его лингвистическихъ упражненіяхъ, онъ не разъ старался окружить ихъ остроумными шутками и приписать себѣ иные мотивы; то онъ увѣряетъ, что для выхода изъ тяжелаго душевнаго состоянія искалъ непреодолимо труднаго дѣла, которое отвлекло бы мысли въ дру-

---

[1]) G. E. Mackay. „Lord Byron at the armenian convent". Venice, 1876, p. 77.

гую сторону, то придаетъ своей работѣ значеніе спорта, помогающаго убить время,—то шутливо жалѣетъ о томъ, что не довелъ до конца изученіе двухъ важныхъ и трудныхъ языковъ, арабскаго и армянскаго, потому что каждый разъ, влюбившись въ какую-нибудь пустую женщину (some absurd womankind), прерывалъ свои занятія,—и это, несмотря на увѣренія отца Паскаля, что земного рая слѣдуетъ искать въ Арменіи. „Я же искалъ его—Богъ знаетъ гдѣ,—замѣчаетъ Байронъ.—Нашелъ ли его?.. Что-жъ! Иногда находилъ,—на одно мгновенье, минуты на двѣ"...

Занятія, однако, шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ можно предполагать. Подъ умѣлымъ руководствомъ Байронъ дѣлалъ быстрые успѣхи; въ январѣ—февралѣ 1817 г. онъ уже перевелъ посланіе коринѳянъ къ апостолу Павлу [1]), побудилъ Авгерьяна къ составленію англійской грамматики для армянъ и армянской—для англичанъ, энергически помогалъ ему, хлопоталъ у Мэррея объ изданіи первой, на печатаніе второй затратилъ 1000 франковъ и написалъ предисловіе, любопытное во многихъ отношеніяхъ, но не увидѣвшее свѣта и найденное впослѣдствіи въ байроновскихъ бумагахъ. Въ немъ онъ съ сочувствіемъ и благодарностью вспомнилъ о томъ, *чѣмъ* была для него въ трудную минуту тихая обитель, способная предубѣжденному міранину показать на дѣлѣ, что „есть нѣчто иное и лучшее—даже въ земной жизни"; своихъ друзей онъ назвалъ „священствомъ благороднаго и порабощеннаго народа", высоко оцѣнилъ древнюю исторію Арменіи и нѣсколько разъ сурово отозвался о гнетѣ Персіи и Турціи, приравнявшемъ судьбу армянъ къ участи евреевъ и грековъ. Протестъ противъ этого гнета смутилъ Паскаля и братію своею рѣзкостью, и они затруднились помѣстить предисловіе [2]), къ великой досадѣ Байрона, который, говорятъ, воскликнулъ: „Вы боитесь строгаго отзыва о вашихъ притѣснителяхъ? О, лукавые рабы, вы заслуживаете крутыхъ повелителей; вы недостойны великаго народа, отъ котораго произошли". Въ связи съ прежними протестами Байрона противъ турецкаго владычества, это предисловіе за нѣсколько лѣтъ до „греческой экспедиціи" предвѣщаетъ активное вмѣшательство Байрона въ освобожденіе турецкихъ рабовъ.

---

[1]) Упражненія Байрона въ армянскомъ языкѣ и переводы стихотвореній съ армянскаго на англійскій языкъ изданы были на островѣ св. Лазаря въ 1876 г. (L. Byron's armenians exercises and poetry, consisting of english translations by him from armen. literat.).

[2]) Оно напечатано въ приложеніи къ IV тому байроновской переписки.

Книги, грамматическая ученость, борьба съ труднымъ языкомъ, не поглощали, однако, всего времени Байрона на островѣ. Въ монастырскомъ саду или подъ любимыми поэтомъ деревьями надъ моремъ (они такъ и слывутъ теперь „оливами лорда Байрона") онъ также проводилъ долгіе часы, то съ своимъ другомъ, то одинъ, съ своими думами и художественными замыслами. Авгерьянъ, который, конечно, могъ слышать это отъ самого Байрона, утверждалъ впослѣдствіи [1], что здѣсь былъ, наприм., задуманъ въ новой редакціи третій актъ „Манфреда",—и мы врядъ ли ошибемся, если припишемъ болѣе сочувственное отношеніе автора къ характеру аббата мягкимъ впечатлѣніямъ личности о. Паскаля. Близость вольнодумца, „демоническаго" поэта, съ уравновѣшеннымъ, полнымъ участія и терпимости инокомъ, — близость, ради которой Байронъ не поступился ни однимъ изъ завѣтныхъ убѣжденій,— одна изъ тѣхъ особенностей его натуры, которыя идутъ въ разрѣзъ съ господствующимъ одностороннимъ ея пониманіемъ [2].

Но въ данную минуту силы ея были все-таки надломлены; постоянные переходы отъ веселости къ грусти, отъ страстнаго оживленія къ философской сосредоточенности, уже указываютъ на лихорадочность, болѣзненную тревогу. Въ 1817 г., предвѣстія недуга перешли въ болѣзнь съ сильнымъ жаромъ, безсонницей или тяжкими сновидѣніями. Въ Венеціи открылась эпидемія. Медицина была варварская; условія жизни въ узкой улицѣ, надъ гнилымъ каналомъ, способны были только поддерживать и развивать заразу; перемѣна воздуха явилась необходимой. Едва почувствовавъ возвратъ силъ, онъ рѣшилъ поѣхать въ Римъ.

Путешествіе, богатое поэтическими результатами, окончательно ввело его въ жизнь, природу, исторію, искусство Италіи, его второго отечества. До того, кромѣ бѣглыхъ впечатлѣній Милана, Вероны или Виченцы, онъ зналъ только обособленный мірокъ Венеціи. Теперь онъ проникаетъ въ сердце Италіи,—онъ во Флоренціи, въ Римѣ; онъ проходитъ по слѣдамъ античной цивилизаціи, его окружаютъ памятники „Возрожденія". Послѣ пригладѣвшихся уже тоновъ Венеціи, послѣ безнадежной ея отсталости въ культурѣ, его не могла не поразить широта всемірно-исторической рамы, въ которой выступали великія созданія мысли и

---

[1] Онъ говорилъ это автору статьи „The armenians in Venice", въ „Bentley's Miscellany", 1839, т. V.

[2] Объ армянскомъ эпизодѣ біографіи Байрона ср. также „Литературные Очерки" Юрія Веселовскаго, 1900, ст. „Байронъ на о. св. Лазаря".

творчества. Это—новый вкладъ въ его развитіе, новая глава въ его нравственномъ воспитаніи.

Онъ былъ мало подготовленъ къ тому, что его ожидало; обиліе впечатлѣній кружило голову. Съ цѣлымъ отдѣломъ ихъ онъ такъ и не смогъ справиться,—обзоръ галлерей и музеевъ вызывалъ отдѣльныя минуты невольныхъ и безотчетныхъ увлеченій, вѣжливое одобреніе или даже равнодушіе при видѣ художественныхъ сокровищъ. Оттого онъ былъ въ состояніи посвятить Флоренціи одинъ день, бѣгло осмотрѣть двѣ галлереи, капеллу Медичи, церковь Santa Croce; онъ испыталъ „опьянѣніе красоты", и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣнное сливалось, очевидно, въ хаосъ, изъ котораго выдѣлялось въ памяти семь, восемь портретовъ и статуй, перечисляемыхъ въ письмахъ безъ особой оцѣнки, а впослѣдствіи, въ „Гарольдѣ", заднимъ числомъ разсудочно описанныхъ и превознесенныхъ. Но если онъ былъ лишенъ цѣлаго ряда наслажденій, его очаровали другія стороны итальянскаго міра, и прежде всего его природа.

Встрѣтившись въ Римѣ снова съ своимъ вѣрнымъ Гобгоузомъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ часто странствовалъ по окрестностямъ; въ короткое время они верхомъ объѣздили ихъ всѣ, побывали въ Альбано, на озерѣ Неми, въ альбанскихъ горахъ, въ Тиволи, Фраскати, Аригіи, дважды были въ Терни, любуясь бѣшенымъ, „ужасающе красивымъ водопадомъ, который оставилъ за собой всѣ видѣнные прежде". Какъ нѣкогда Греція, Римъ возбуждалъ фантазію Байрона нѣмою рѣчью своего прошлаго, своими памятниками, развалинами; на форумѣ, въ Колизеѣ, всюду вставали призраки, всюду оживала далекая старина Гракховъ, Юлія Цезаря, Нерона, Суллы, чудились звуки рѣчей съ трибуны, плескъ толпы въ амфитеатрѣ, бой гладіаторовъ, блескъ тріумфальнаго шествія, — величіе и паденіе, героизмъ друзей народа и безумный произволъ деспотовъ, потомъ разгромъ Рима варварами, водоворотъ народовъ, властителей, религій, языковъ, сумерки папскаго средневѣковья, внѣшнее изящество и духовное убожество позднихъ вѣковъ, вся исторія Вѣчнаго Города, этой „Ніобеи народовъ" (Niobe of nations), съ раннихъ лѣтъ чтимаго поэтомъ всею душой (the city of my soul) и, наконецъ, представшаго передъ нимъ.

Могущественное вліяніе римской исторіи встрѣтилось съ сильнымъ впечатлѣніемъ живой литературной лѣтописи Италіи, во время пути раскрывавшейся передъ Байрономъ. Аркв̀а близь Падуи напомнила о Петраркѣ, Феррара—о Тассѣ; во Флоренціи ожили воспоминанія о Боккаччьо, Аріостѣ, Альфьери; великіе поэты,

вскорѣ придавшіе творчеству Байрона новое направленіе, подѣйствовали уже въ эту пору легендами о нихъ, живымъ отпечаткомъ ихъ личности и дѣятельности. Наконецъ, изученіе Италіи въ ея современной подчиненности и раздробленности укрѣпило въ Байронѣ стремленія, которыя возбуждало уже въ Венеціи зрѣлище австрійскаго господства. „О, родина моя, я вижу стѣны, и арки, и колонны, и башни, уцѣлѣвшія отъ предковъ нашихъ,— но *славы* твоей не вижу болѣе!"—такъ говорилъ, годъ спустя (1818), съ глубокой скорбью, въ одѣ „Къ Италіи", Леопарди [1]. „О, еслибъ ты была не такъ прекрасна, зато болѣе могуча!"— восклицалъ еще въ XVII вѣкѣ, въ своемъ сонетѣ, Винченціо да-Филикайя, предтеча поэтовъ-проповѣдниковъ политическаго возрожденія Италіи [2]. Не вѣдая о самомъ существованіи Леопарди, но уже успѣвшій познакомиться съ сонетомъ его предшественника, Байронъ на опытѣ пришелъ къ одному съ ними выводу и въ „Чайльдъ-Гарольдѣ" ввелъ въ свои размышленія прекрасный переводъ двухъ строфъ стараго поэта (пѣснь IV, строфы 42—43).

Впечатлѣній было много, но старая привычка, испытанная и въ восточномъ путешествіи, и въ Швейцаріи, вести дневникъ въ видѣ стихотворныхъ набросковъ или прозаическаго конспекта будущихъ строфъ, не проявлялась болѣе. Даже вернувшись въ Венецію, Байронъ отвѣчалъ Мэррею, не допускавшему мысли, чтобы путешествіе не вызвало вдохновенія, увѣреніемъ, что не только не написалъ, но и не задумалъ ни одной строки изъ продолженія поэмы, и даже не знаетъ, будетъ ли когда-нибудь ее продолжать. Единственными осязательными результатами были пока окончаніе въ Римѣ третьяго акта „Манфреда" (въ особенности изображеніе Колизея при лунѣ) и большое стихотвореніе „Жалобы Тасса", написанное въ началѣ поѣздки, вслѣдъ за посѣщеніемъ Феррары, и уже изъ Флоренціи отправленное въ Англію. Видъ мрачной и сырой келіи въ госпиталѣ св. Анны, гдѣ провелъ въ заточеніи, какъ опасный безумецъ, слишкомъ семь лѣтъ пѣвецъ „Освобожденнаго Іерусалима", поразилъ Байрона такъ же сильно, какъ видъ подземелья въ Шильонѣ и память о страданіяхъ Бонивара. Онъ вполнѣ вѣрилъ преданію, отрицавшему душевное разстройство Тасса и видѣвшему въ его насильственномъ задержаніи среди умалишенныхъ и маніаковъ жестокую и деспотическую

[1] „O, patria mia, vedo le mura e gli archi, e le colonni e i simulacri e l'erme torri degli avi nostri, ma la gloria non vedo".

[2] „Vincenzio da Filicaja. Poesie toscane", изд. сына поэта, Firenze, 1707: сонетъ „All' Italia".

расправу герцога надъ дерзкимъ плебеемъ [1]), и на этомъ построилъ свое стихотвореніе. Оно также, какъ „Шильонскій узникъ“, получило форму монолога, но сходится съ поэмой лишь по общему мотиву неволи и жалобы, и развиваетъ этотъ мотивъ самостоятельно, переноситъ читателя въ потрясенное душевное состояніе оклеветаннаго и измученнаго великаго человѣка и въ какомъ-нибудь десяткѣ строфъ даетъ полную жизни характеристику Тасса. Его заперли вмѣстѣ съ сумасшедшими, оглашающими воздухъ дикими воплями и безумнымъ смѣхомъ, но съ нимъ—его мечты, воспоминанія, замыселъ его завѣтной поэмы; его поднимаетъ надъ жалкой долей сознаніе своей поэтической силы, а любовь къ Леонорѣ д'Эсте, главное его преступленіе, любовь нераздѣленная, опозоренная, горитъ въ его сердцѣ. Но мысли и чувства, торжествующія надъ ужасами заключенія, уступаютъ мѣсто болѣзненной тревогѣ, причиненной потрясеніемъ; она овладѣваетъ имъ, мучитъ видѣніями и страхами; сѣтованія и жалобы затемняютъ полное достоинства и благородства проявленіе великой личности. Монологъ написанъ тепло и искренно, безъ пережитыхъ, байроническихъ деталей; извѣстнымъ образомъ задуманный, характеръ Тасса переданъ во всѣхъ его душевныхъ движеніяхъ; наряду съ Бониваромъ ему принадлежитъ не послѣднее мѣсто въ ряду характеристикъ, когда-либо предпринятыхъ поэтомъ.

Но „Lament of Tasso“ былъ поэтическимъ прологомъ къ путешествію. Послѣ Рима, Кампаньи, горъ, естественно ждешь чего-нибудь въ родѣ „Римскихъ элегій“, но ожиданія напрасны. Творческія возбужденія пришли позже, въ Венеціи. Къ концу римскаго житья въ усиленной степени проявилась обычная грусть, поднялось раздумье; къ нимъ присоединилась словно тоска по родинѣ; Байрону такъ страстно захотѣлось снова увидать Маріанну, что онъ ускорилъ отъѣздъ, не захотѣлъ останавливаться во Флоренціи и побудилъ Маріанну выѣхать къ нему на встрѣчу... До чего сильна была въ немъ потребность привязанности, ласки, видно изъ того волненія, съ которымъ онъ встрѣтилъ, полученное имъ въ Римѣ извѣстіе о рожденіи Аллегры. „Въ виду безконечной семейной войны и отчужденія отъ меня Ады, хорошо имѣть существо, на которомъ можно сосредоточить свои на-

[1]) Изученіе болѣзни Тасса съ точки зрѣнія психіатріи сдѣлано A. Corradi, „Le infermità di Torquato Tasso“, Memorie dell' Istituto Lombardo, 1880. Это одинъ изъ цѣнныхъ вкладовъ въ разростающуюся въ Италіи литературу „психо-антропологическихъ“ изслѣдованій о писателяхъ (книги Патрици о Леопарди) 1896, Антонини и Коньетти объ Альфьери, 1898.

дежды“, писалъ онъ сестрѣ; „необходимо, чтобы мнѣ было кого любить на старости лѣтъ,—и, быть можетъ, судьба сдѣлаетъ эту крошку великимъ, даже единственнымъ моимъ утѣшеніемъ“ (Letters, IV, 123—4). Онъ сначала не могъ рѣшить вопроса, гдѣ помѣстить свою дочку, и кончилъ тѣмъ, что взялъ ее къ себѣ въ Венецію, баловалъ, возилъ съ собой и радовался этому лучу свѣта.

Идеализація Маріанны была вызвана тою же потребностью,— но она слишкомъ приподняла заурядную, совсѣмъ земную ея натуру; ореолъ долженъ былъ потускнѣть при первомъ неосторожномъ шагѣ, поступкѣ, словѣ, которые раскрыли бы ея подлинную личность... Въ виду наступившаго лѣта, Байронъ отыскалъ себѣ на Брентѣ виллу „La Mira“, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Венеціи, былъ счастливъ видѣть около себя Маріанну, и, освѣженный путешествіемъ, въ красивомъ затишьѣ, окаймленномъ дальними горами, надъ темноголубыми водами Бренты, вдохновительницы многихъ поэтовъ [1]), онъ горячо принялся за „Гарольда“. По письмамъ можно прослѣдить ходъ работы. 26 іюня написано всего 30 строфъ, 9 іюля ихъ уже 56, черезъ 6 дней— 92, 20 іюля—153; наконецъ, 29 іюля готова была вся четвертая пѣснь, разросшаяся до небывалой въ прежнихъ частяхъ поэмы цифры *ста восьмидесяти шести* строфъ.

Въ обширномъ предисловіи, въ видѣ сердечнаго, дружескаго письма къ Гобгоузу, которому посвящена глава, иногда въ самомъ текстѣ, наконецъ въ заключительномъ прощаніи съ героемъ и съ читателями, Байронъ говоритъ объ „окончаніи“ поэмы. *Моя задача выполнена,* моя пѣснь замолкла; сюжетъ мой замеръ въ отзвукѣ эхо“,—говоритъ поэтъ.—Но какая же именно задача, почему разсказъ долженъ прерваться, почему сцена близь озера Нэми — *послѣдняя,* въ которой выступитъ Пилигримъ, — совершенно непонятно. Отъ прежняго *сюжета* почти не оставалось и слѣда въ третьей пѣснѣ, теперь же поэтъ окончательно порываетъ съ нимъ въ предисловіи. „Мнѣ стало тягостно,—говоритъ онъ,—постоянно выдерживать пограничную линію между паломникомъ и авторомъ,—линію, которой никто не хотѣлъ видѣть,— совсѣмъ такъ, какъ это было съ китайцемъ въ „Гражданинѣ вселенной“ Гольдсмита, котораго никто не принималъ за ки-

[1]) Подъ вліяніемъ Байрона она и для Пушкина являлась въ романтическомъ освѣщеніи, способномъ возбуждать вдохновеніе: „Адріатическія волны! О, Брента! нѣтъ, увижу васъ, и, вдохновенья снова полный, услышу вашъ волшебный гласъ! Онъ святъ для внуковъ Аполлона; *по гордой лирѣ Альбіона онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной*“ и т. д. „Евгеній Онѣгинъ“, гл. I.

тайца; „старанія выдерживать это различіе и досада при видѣ неудачи такъ ослабили усилія моего вымысла, что я пришелъ къ мысли покинуть эту фикцію, и такъ и поступилъ“. Стало быть, Гарольда болѣе нѣтъ, и его мѣсто занялъ странникъ-поэтъ, котораго все, что онъ видѣлъ и пережилъ, побуждаетъ къ описаніямъ или размышленіямъ, признаніямъ, отголоскамъ прошлаго.. Если такъ, почему же отказывается онъ отъ привычной исповѣди передъ читателемъ, отъ своей бесѣды съ нимъ, то задушевной, то шутливой, то возмущенной и сатирической?.. На это есть печальный отвѣтъ въ 185-й строфѣ: „я теперь уже не тотъ, что прежде, и образы лишь неясно носятся передо мной; тотъ огонь, который, бывало, охватывалъ весь духъ мой, колеблется, гаснетъ, мерцаетъ“. Поэту кажется, что онъ въ послѣдній разъ отдается грустному удовольствію обзора своей жизни, признанія въ дѣлахъ, помышленіяхъ, разочарованіяхъ, — и, небрежно прерывая нить разсказа или рядъ путевыхъ картинъ, онъ завладѣваетъ поэмой, вторгается въ нее съ своей трепещущей, нервной личностью, и изливаетъ раздумье, раздраженіе или скорбь въ лирическихъ монологахъ, равныхъ по силѣ лучшему, что когда-либо онъ написалъ.

Но онъ не могъ не сознавать, что они могли быть написаны и внѣ кадра описательной поэмы, — между тѣмъ наслѣдіе стараго сюжета—*Паломничества*—и только-что оконченное путешествіе обязывали къ извѣстному обиходу путевыхъ описаній. Такъ явилась вторая основная часть содержанія. Въ предисловіи высказано, напр., желаніе изобразить Италію въ современномъ состояніи ея литературы и нравовъ; хотѣлось также обрисовать видѣнныя красивыя мѣста. Впрочемъ, они гораздо болѣе плѣняли, ласкали взоръ, чѣмъ поднимали духъ своею мощью, какъ альпійскіе великаны, и Байронъ не разъ, при видѣ мягкихъ контуровъ итальянскихъ холмовъ, даже Апеннинъ, вспоминалъ о другомъ, суровомъ и величественномъ горномъ краѣ... Приходилось, стало быть, прибѣгать къ непривычнымъ тонамъ въ живописи природы,—при видѣ достопамятностей наполнять свой разсказъ именами, событіями, образами. Прежде,—и не такъ давно,—это сложное содержаніе давалось ему легко; теперь, послѣ страницъ потрясающаго лиризма, передъ читателемъ открывалась словно портретная галлерея историческихъ дѣятелей или движущаяся панорама, сопровождаемая восторженной риторикой...

Въ изобиліи описательныхъ деталей, въ стараніи не пропустить ничего примѣчательнаго, сильно повиненъ Гобгоузъ съ своими искренними, но на этотъ разъ неудачными совѣтами. „Когда онъ

пріѣхалъ изъ Рима въ Венецію, онъ нашелъ новую главу „Гарольда“ почти оконченною,—но, просмотрѣвъ ее, увидалъ, что въ ней недостаетъ описанія многихъ выдающихся природныхъ красотъ и историческихъ моментовъ и личностей“ [1]. Онъ предоставилъ Байрону въ распоряженіе свою начитанность, провелъ даже нѣсколько мѣсяцевъ въ библіотекѣ дожей, чтобъ извлечь матеріалы для пространныхъ примѣчаній и поясненій къ поэмѣ, которыя и издалъ потомъ отдѣльной книгой [2]. Онъ побудилъ Байрона расширить поэму, составилъ списокъ незатронутыхъ еще предметовъ,—подвергая художественное произведеніе опасности превратиться въ этихъ мѣстахъ изъ свободно задуманнаго разсказа... въ „поэтическаго Бэдекера“, какъ непочтительно выразился въ наше время одинъ изъ усердныхъ комментаторовъ, вовсе не думавшій выступать зоиломъ.

Слѣды пристроекъ къ поэмѣ, вызванныхъ разсудочными соображеніями, слишкомъ замѣтны; переложенныя въ стихи, любительскія экскурсіи въ классическую древность или въ исторію искусства, всѣ эти перечни личностей, мѣстностей и памятниковъ,—Корнелія, мать Гракховъ, Цецилія Метелла, легендарная римлянка, кормившая грудью своего отца-узника, даже Цезарь и Помпей, художественныя красоты Венеры Медицейской, Аполлона Бельведерскаго, Лаокооновой группы, достопамятности Тразимена или Клитумна—введены, по требованію навязанной программы или въ силу несвойственнаго прежде поэту стремленія къ полнотѣ описанія страны (ни онъ, ни читатели не искали, напр., въ третьей главѣ „Гарольда“ полнаго инвентаря Швейцаріи!). Личныхъ впечатлѣній, при краткости поѣздки, было для этого недостаточно; пришлось прибѣгать къ книжнымъ источникамъ, и не только къ библіотечнымъ справкамъ Гобгоуза, но даже къ общедоступнымъ пособіямъ. Послѣ сличеній, сдѣланныхъ сначала Дарместетеромъ, затѣмъ Кёльбингомъ [3], не подлежитъ сомнѣнію, что такимъ руководствомъ были для него когда-то очень цѣнившіяся „Письма объ Италіи“ Дюпати [4], вышедшія еще въ концѣ XVIII-го вѣка и впослѣдствіи много разъ переизданныя. Красивые по формѣ, обнаруживающіе и по мысли незаурядное развитіе, эскизы стариннаго энтузіаста Италіи превращались въ

---

[1] „Italy, remarks made in several visits from the year 1816 to 1854“, by Lord Broughton (Гобгоузъ). Lond., 1859, IV.

[2] „Historical illustrations of the fourth Canto of Childe Harold“. London, 1818.

[3] „Byron und Dupaty's Lettres sur l'Italie, Englische Studien“, XVII, I, 1892, стр. 448—459.

[4] Dupaty, „Lettres sur l'Italie“, Paris, 1788.

байроновскіе стихи; Дюпати помогъ ему вторгнуться въ область искусства, воспѣть Лаокоона, Аполлона, описать Пантеонъ, далъ нѣсколько красокъ для изображенія грота Эгеріи. И какъ блѣдны, холодны, хотя благозвучны, эти строфы въ сравненіи съ тѣми, которыя свободно созданы фантазіею и выразили душевное настроеніе поэта,—съ яркою картиной Венеціи, открывающей собой главу, со сценой въ Колизеѣ! За внезапно пронесшееся передъ странникомъ видѣніе умирающаго гладіатора, таинственно связанное, какъ символъ, съ собственной судьбою поэта, можно отдать десятки условныхъ и банально красивыхъ описаній.

Но поэтическая географія или географическая поэзія и археологія, къ счастью, не занимали главнаго мѣста въ заключительной главѣ „Гарольда"; она подчинена высшимъ требованіямъ. Невольно является предположеніе, что отдѣльные моменты странствія—только рядъ поводовъ для лирическихъ импровизацій, имѣющихъ высокое автобіографическое значеніе и связанныхъ по ассоціаціи идей съ впечатлѣніями паломника. Какъ будто ему казалось, что его исповѣдь, полная то гнѣва, то грусти, прозвучитъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ субъективно, если не перевить ее эпизодами путешествія или экскурсіями въ исторію и художество. Сведенная къ этой важнѣйшей сущности, послѣдняя глава „Чайльдъ-Гарольда" должна занять мѣсто въ числѣ лучшихъ созданій Байрона, справедливо гордившагося ею.

Рѣдко давалъ онъ заглянуть такъ глубоко въ его больную душу. Автобіографическія строфы написаны человѣкомъ разбитымъ, усталымъ, меланхолически подводящимъ итоги. Впечатлѣнія вѣковой старины и разрушеннаго величія усиленно наводили его на это тяжелое занятіе. „Среди руинъ проходитъ онъ, самъ—живая руина" (a ruin amidst ruins). Съ горечью оглядывается онъ на жизнь, и міровая грусть охватываетъ его; не только личное его существованіе, но и судьба человѣчества кажется ему ничтожествомъ и ложью. Все отравлено; зло, страданія, смерть, неволя потоками низвергаются на насъ; призракъ любви обманчивъ; ея кумиры неизбѣжно рушатся; не сочувствіе и искренняя привязанность рѣшаютъ сближеніе людей,—случайность, злорадное божество, разбиваетъ однимъ прикосновеніемъ жезла своего наши надежды, превращаетъ ихъ въ прахъ,—и всѣ мы, проходя потомъ, попираемъ его [1]).

Но какая участь ждетъ самого поэта? Вѣроятно, послѣ одного

[1]) Мысль, еще мрачнѣе высказанная у персидскаго поэта Омаръ-Хайяма: „раньше тебя и меня было множество сумерекъ, много солнечныхъ восходовъ; будь же остороженъ, попирая эту пыль,—быть можетъ, это былъ зрачокъ молодой красавицы".

изъ посѣщеній Лидо, когда онъ мысленно выбиралъ себѣ на немъ могилу, написаны тѣ строфы (9—10), въ которыхъ онъ предвидитъ свою смерть на чужбинѣ, словно пророчески предсказываетъ, что въ усыпальницѣ великихъ людей Англіи, въ „уголкѣ поэтовъ" Вестминстерскаго аббатства, не дадутъ ему пріюта, и ему чудится надъ памятникомъ своимъ повтореніе извѣстной надписи: „въ Спартѣ были люди гораздо достойнѣе его". Но не титаническимъ протестомъ отвѣчаетъ онъ на приговоръ людской; онъ никогда не искалъ симпатій и не нуждался въ нихъ; „терніи, которыя онъ пожиналъ, были съ того дерева, которое онъ самъ же насадилъ; они терзаютъ его, изъ ранъ сочится кровь, но вѣдь долженъ же онъ былъ знать, какіе плоды дастъ со временемъ подобное сѣмя!" Самообладаніе, однако, измѣняетъ ему, и къ концу главы, очевидно снова захваченный аффектомъ, онъ съ необыкновенной силой взываетъ къ Времени и Немезидѣ, требуя отмщенія его врагамъ и клеветникамъ. Быть можетъ, оно наступитъ лишь въ далекомъ будущемъ, когда истлѣютъ кости несчастнаго, — но его грозный стихъ и тогда обрушитъ на людскую несправедливость тяжесть его проклятія, — и проклятіемъ этимъ будетъ—Прощеніе (that curse shall be Forgiveness). Нѣсколько стиховъ, слѣдующихъ за этимъ неожиданнымъ оборотомъ,—стиховъ, звучащихъ жалобой, обращенной къ матери-землѣ, написаны съ такою страстностью горечи и отчаянія, которая не можетъ не найти отзвука въ сколько-нибудь чуткихъ и еще не закоснѣвшихъ людяхъ.

И, какъ бывало прежде, сквозь печаль снова прорывается энергія. Подобно Горацію и Пушкину, Байрона утѣшаетъ мысль, что „онъ жилъ не даромъ", что „весь онъ не умретъ". „Во мнѣ есть что-то,—говоритъ онъ,—способное преодолѣть гоненія и время, и жить, когда меня уже не станетъ, нѣчто неземное, негаданное моими врагами; отзвукъ умолкнувшей лиры смягчитъ людей и разбудитъ въ окаменѣвшихъ сердцахъ позднее раскаяніе любви". Онъ считалъ непреходящею, безсмертною въ его поэзіи, очевидно, не столько художественную ея сторону, сколько мысль, проповѣдь свободы и гуманности; именно здѣсь находится уже оцѣненный выше знаменательный стихъ, который назвалъ независимость мысли нашимъ послѣднимъ, единственнымъ оплотомъ. И несмотря на господствующій во всей пѣснѣ тонъ міровой и личной скорби, поэтъ проявилъ эту независимость въ строфахъ, въ которыхъ мы снова узнаемъ свободолюбиваго пѣвца. Онъ еще рѣзче громитъ всеобщій реакціонный заговоръ, противъ народныхъ вольностей, обличаетъ деспотовъ и „разбойниковъ",

поработившихъ Италію, протестуетъ (во вступленіи) противъ новыхъ посягательствъ англійскаго консерватизма на неприкосновенность конституціи (пріостановку акта „Habeas corpus"). Пессимизмъ внушилъ ему, правда, безотрадную мысль о вѣчномъ круговоротѣ исторіи, приводящемъ отъ свободы къ славѣ, отъ нея къ богатству, порокамъ, нравственному паденію, наконецъ къ одичанію, варварству, тиранніи и новому добыванію воли,—но, несмотря ни на что, онъ хочетъ остаться навсегда не только приверженцемъ, но и провозвѣстникомъ свободы. Непрерывность работы мысли, окрѣпшей въ швейцарскомъ одиночествѣ и въ общеніи съ Шелли, съ особенною силой проявляется именно въ подобныхъ мѣстахъ поэмы.

Смѣна наполеоновскаго гнета давленіемъ его побѣдителей вызываетъ у Байрона негодующее восклицаніе: „Неужели тираны могутъ быть свергнуты только тиранами, и у свободы нѣтъ болѣе такихъ витязей, какіе нашлись въ Америкѣ, когда она, подобно Палладѣ, воспрянула во всеоружіи и непобѣдимости,—неужели въ нѣдрахъ любви не бывать больше такому посѣву,—неужели въ Европѣ не найдется нигдѣ подобной страны!" [1]) Но вѣра въ конечное торжество справедливости, — которая и въ прежніе годы брала у Байрона верхъ надъ пессимизмомъ [2]),—внушаетъ ему въ горячо написанной 98-ой строфѣ видѣніе свободы, чье знамя, надорванное, но все еще развѣвающееся, несется съ бурной силой *противъ вѣтра,*—чей трубный звукъ, даже на время замирая, возбуждаетъ волненіе и тревогу; настанутъ лучшіе дни, живительная весна... Эти искреннія, полныя возбуждающей силы слова находили отголосокъ всюду, гдѣ въ то глухое время поднимались освободительныя попытки. Когда черезъ два года вспыхнула испанская революція, и Шелли привѣтствовалъ ее двумя одами [3]), онъ надъ „Одой къ свободѣ" поставилъ эпиграфомъ байроновскіе стихи:

---

[1]) Въ новомъ, пятомъ томѣ писемъ, среди „Отрывочныхъ мыслей" встрѣчается слѣдующая замѣтка: „Человѣчеству ничего не осталось кромѣ республики, и я думаю, что для этого есть шансы. Обѣ Америки (сѣверная и южная) уже имѣютъ республику, Испанія и Португалія близки къ ней; всѣ жаждутъ ея. О, Вашингтонъ!" (стр. 462). Это написано было въ 1821 году...

[2]) Donner, „L. Byron's Weltanschauung", стр. 56, вѣрно замѣтилъ, что „въ основѣ байроновскаго „Weltschmerz"'а лежитъ нѣчто опредѣленное, положительное, стремленіе къ намѣченной цѣли".

[3]) Первая озаглавлена: „An Ode, written, October 1819, before the spaniards recovered their liberty", вторая—„Ode to liberty". Poetical works of P. B. Shelley, ed. by Buxton Forman, 1900, III, 287 и 295.

Yet, Freedom! yet thy banner, torn, but flying,
Streams like the thunder-storm *against* the wind.

Когда съ вершины горы въ Альбано передъ Байрономъ разостлалась вдали голубая кайма Средиземнаго моря, онъ едва могъ сдержать свое волненіе. Вспомнилась ему молодость, первое плаваніе по этому морю куда-то въ заманчивую даль Востока, полное грёзъ, очарованій, увлеченій; мысль понеслась еще дальше, вглубь дѣтства; ожили счастливые дни, проведенные ребенкомъ на волнахъ океана; царственный просторъ стихіи, съ раннихъ лѣтъ дорогой ему и снова раскрывшейся передъ нимъ, успокоилъ удрученную мысль, указавъ на природу, столько разъ врачевавшую его скорби. Этою незабвенною сценой внезапно обрывается нить странствій пилигрима. Если имъ суждено прерваться, всего лучше было кончить этимъ аккордомъ. Нѣсколько прекрасныхъ (сильно поразившихъ впослѣдствіи Пушкина [1]) строфъ въ честь океана,—и Байронъ прощается съ призракомъ своего героя, разстается съ читателемъ, говоритъ послѣднее *прости* произведенію, которое столько лѣтъ было неразлучно съ поэтомъ.

Онъ разставался не только съ нимъ, но со всѣмъ направленіемъ и складомъ своего художественнаго вкуса, съ испытанными поэтическими пріемами, съ типомъ страдающаго героя, съ паѳосомъ его разлада, его сѣтованій, привязанностей, проклятій. Въ стихотворныхъ импровизаціяхъ Байрона и позже мелькаетъ порою силуетъ разбитаго жизнью страдальца; въ „Каинѣ" и трагедіяхъ послышатся иногда какъ будто отголоски его рѣчей, а разработка драматическихъ коллизій потребуетъ мрачныхъ красокъ, сильныхъ душевныхъ движеній, психологіи страстей,—но господствующей чертой байроновскаго творчества становится отнынѣ—*смѣхъ*. Въ богато одаренной натурѣ открылся родникъ новыхъ или едва намѣченныхъ прежде дарованій, сложная личность подверглась новому превращенію.

Не странно ли, что и въ наше время, въ обиходномъ представленіи о байронизмѣ, отрицаніе, разочарованность, болѣзненная таинственность, „демоническое" начало, міровая скорбь исключительно являются сущностью поэзіи и міросозерцанія Байрона, — что большинство какъ будто не хочетъ признать или умышленно забываетъ, что авторъ „Гарольда", „Манфреда", восточныхъ поэмъ—въ то же время одинъ изъ величайшихъ сатирическихъ поэтовъ, одаренный и остроуміемъ шутливо-безпечнаго

---

[1]) Отголосокъ ихъ встрѣчается, напр., въ „Подражаніи Байрону" („волнуйся подо мной, угрюмый океанъ"—„roll on, thou deep and dark blue ocean, roll!").

разсказа, и безпощадною строгостью судьи общечеловѣческихъ пороковъ и соціально-политическихъ неустройствъ! Неужели и теперь еще дѣйствуютъ ханжескія обличенія безнравственности, которыя нѣкогда встрѣчали „Беппо“, „Видѣніе суда“, главу за главой „Донъ-Жуана“,—или снова на дѣлѣ оправдывается гоголевское наблюденіе надъ нашимъ вѣчнымъ пристрастіемъ къ героическому и равнодушіе къ силѣ комизма, смѣха?

Въ послѣдней пѣсни „Гарольда“ Байронъ какъ-то сравнилъ человѣка съ маятникомъ, вѣчно колеблемымъ между слезами и смѣхомъ. Съ неменьшей правдой онъ могъ бы сослаться на одинаковость источника смѣха и печали, когда-то, въ одномъ изъ наиболѣе искреннихъ его признаній, указанную Гоголемъ. Самъ поэтъ объяснялъ друзьямъ свой переходъ въ область комизма соображеніями, въ которыхъ было гораздо больше практическаго литературнаго чутья, чѣмъ эстетической глубины. Сбираясь въ той или другой формѣ воспользоваться своимъ знаніемъ Италіи, для изображенія быта и нравовъ, онъ обѣщалъ сдѣлать это въ „веселомъ, шутливомъ тонѣ, чтобъ опровергнуть тѣхъ, кто обвиняетъ его въ однообразіи и манерности“ (Letters, IV, 218). Онъ просилъ Мура разъяснить, при случаѣ, Джеффри, по поводу статьи о „Манфредѣ“, что „авторъ никогда не былъ (да и теперь имъ не сдѣлался) мизантропически, мрачно настроеннымъ джентльменомъ, за котораго принимаетъ его критикъ, что онъ въ дѣйствительности юмористъ, очень общительный съ близкими ему людьми, и такой болтливый и смѣшливый, что не отстанетъ и отъ самыхъ бойкихъ соперниковъ“ (тамъ же, 73—74). Одинъ изъ участниковъ въ греческой экспедиціи, Миллингенъ [1]), очень мѣтко, и совсѣмъ въ духѣ байроновской самооцѣнки, говоритъ, что „самое вѣрное отраженіе,—какъ въ зеркалѣ,—тона байроновскаго разговора и духа, оживлявшаго его бесѣду, даетъ „Донъ-Жуанъ“. Съ другой стороны, послѣ разрыва съ Байрономъ, Ли Гонтъ утверждалъ [2]), что поэтъ покинулъ паѳосъ для юмора только потому, что убѣдился въ невозможности поддерживать свою славу прежними средствами романтическихъ преувеличеній и фантастики, на которыя проходила мода,—извѣтъ, несостоятельность котораго доказывается только-что пережитымъ громаднымъ успѣхомъ именно „романтическаго“ эпилога къ „Ч.-Гарольду“.

Не желаніе перемѣнить только струны на лирѣ и не новый стратегическій манёвръ для добыванія славы руководили Байро-

[1]) Millingen, „Memoirs of the affairs of Greece“, 1830, p. 116.
[2]) Leigh Hunt, „Recollections“. London, 1828, p. 79.

номъ,—сама жизнь выдвинула въ его натурѣ ту сторону, которая и раньше мелькала въ его произведеніяхъ, внезапно освѣщая ихъ юморомъ или сатирою, теперь же сдѣлалась преобладающею. Въ немъ изумленный читатель открывалъ теперь неистощимую веселость, располагавшую цѣлымъ богатствомъ остроумныхъ выходокъ, колкихъ политическихъ и общественныхъ намековъ, ѣдкаго или забавнаго стиха, завлекательно интереснаго, часто пикантнаго разсказа, комическихъ силуэтовъ и характеристикъ. Только веселость эта была все-же печальная, на основѣ вѣчной неудовлетворенности, тоски и протеста. Наши позднѣйшія наблюденія и выводы въ этомъ духѣ подтверждаются цѣннымъ свидѣтельствомъ такого близкаго *свидѣтеля* жизни поэта, какъ *его жена*, записаннымъ *имъ самимъ* въ появившихся въ настоящее время сполна „Отрывочныхъ мысляхъ“ его [1]: „Я помню,—говоритъ Байронъ,—какъ, проведя въ обществѣ цѣлый часъ въ необычайной, искренней, можно даже сказать блестящей веселости, я сказалъ женѣ:—„Меня называютъ меланхоликомъ, даже злоупотребляютъ этимъ названіемъ,—ты видишь сама, Bell, какъ часто это оказывается несправедливымъ“.—„Нѣтъ, Байронъ,—отвѣчала она,—это не такъ; въ глубинѣ сердца ты—печальнѣйшій изъ людей, даже въ тѣ минуты, когда кажешься самымъ веселымъ“...

Недолго продержалось у Байрона то благодушное настроеніе, въ которомъ, вернувшись изъ Рима, онъ поселился въ „La Mira“, уединенно, съ любимой женщиной, ища забыться въ чемъ-то похожемъ на счастье. Явились сначала подозрѣнія, потомъ увѣренность въ томъ, что Маріанна не стоитъ его любви. Послѣ неожиданнаго открытія, что она торгуетъ его подарками и перепродала ювелиру купленную у него же для нея парюру, онъ сталъ отдаляться отъ Маріанны; пелена спала съ глазъ, иронія замѣнила увлеченіе. Связь еще не была порвана, когда на пути Байрона явилось новое женское лицо,—именно, на пути, потому что онъ увидалъ его во время поѣздокъ по окрестностямъ своей виллы. Лѣтомъ 1817 г., земледѣльческое населеніе вокругъ Венеціи очень страдало отъ неурожая, и Байронъ (какъ мы случайно узнаемъ изъ одного только письма) помогалъ голодавшимъ. Однажды, вмѣстѣ съ Гобгоузомъ, онъ ѣхалъ верхомъ вдоль Бренты; имъ попалась группа этихъ несчастныхъ; они, заговоривъ съ ними объ ихъ нуждѣ, оказали имъ помощь. Двѣ стоявшія въ сто-

[1]) Letters, V, 1091, pp. 403—468; такъ называемыя „Detached thoughts“ извѣстны были до сихъ поръ лишь отрывочно; теперь сполна воспроизведена рукопись, сохранившаяся у внука поэта.

ронѣ молодыя и очень красивыя женщины сами завели вдругъ разговоръ съ иностранцами, выражая удивленіе, почему они даже не подумали спросить, не нуждаются ли также и онѣ. На оправданіе Байрона, что нужды не видно по ихъ наряду, и на нѣсколько двусмысленный его намекъ, что съ такою наружностью погибнуть нельзя, онѣ отвѣчали: „Загляните туда, гдѣ мы живемъ, и вы увидите самую страшную бѣдность". Съ посѣщенія этого началось знакомство Байрона съ Маргаритой Коньи, поразившей его съ перваго взгляда своей внѣшностью.

Нѣсколько времени спустя, они сблизились. Маргарита храбро выдержала открытый натискъ соперницы, столкнувшись съ нею однажды лицомъ къ лицу,—и началось царство „Форнарины" (ея мужъ былъ хлѣбникомъ), какъ назвалъ Маргариту Байронъ, перенеся на нее извѣстное прозвище подруги Рафаэля.

Слишкомъ много чести было въ этомъ прославленномъ псевдонимѣ для той, къ кому послѣ вдохновительницы великаго художника, послѣ первообраза его мадоннъ, перешелъ онъ по прихоти Байрона. Черноокая, стройная венеціанка еще болѣе, чѣмъ Маріанна, была первобытна, невѣжественна, безграмотна, съ бѣшенымъ и ревнивымъ характеромъ. Со временемъ самъ Байронъ назвалъ ее (въ письмѣ къ Мэррею) „красивымъ, но совершенно неприрученнымъ *животнымъ*". Поддавшись минутному капризу, онъ сошелся съ Форнариной въ такую пору, когда, послѣ сильныхъ впечатлѣній путешествія и той грусти, которую оно оставило послѣ себя, его болѣзненно поразило разочарованіе въ Маріаннѣ. Онъ искалъ разсѣянія, самозабвенія, уже не идеализировалъ, а просто отдавался возбужденію чувственности. Съ Маргаритой ему сначала было весело, смѣшно; словно самъ того не замѣчая, онъ возвратился къ карнавальной веселости первыхъ мѣсяцевъ, пріучилъ себя заглушать тоску и раздумье безпечнымъ развлеченіемъ, и по наклонной плоскости сталъ въ этомъ отношеніи опускаться все ниже. За Форнариной показались другія женскія лица, нити неожиданно завязывавшихся интригъ перепутывались и скрещивались. Зимою, когда онъ переѣхалъ въ Венецію и занялъ цѣлый палаццо (одинъ изъ трехъ, принадлежавшихъ когда-то знаменитой семьѣ Мочениго) на Canal Grande, невдалекѣ отъ прежняго его жилья, и, стало быть, располагалъ одинъ большимъ домомъ въ три яруса,—этотъ палаццо наполнился оживленіемъ и запестрѣлъ всевозможными лицами. Тутъ появлялась Маргарита съ своими присными, запросто располагались гондольеры, народные пѣвцы, подплывали закутанныя, чуть не замаскированныя женщины. Джэфрсону,—несмотря на

то, что онъ задался цѣлью показать „настоящаго Байрона“,— привидѣлся даже цѣлый гаремъ, будто бы заведенный поэтомъ въ старомъ дворцѣ Мочениго [1]). Все-же мы знаемъ, что Шелли, появившійся передъ Байрономъ, въ августѣ 1818 г., въ Венеціи, пришелъ въ ужасъ отъ того общества, въ которомъ онъ нашелъ своего друга...

О любви къ Маргаритѣ не могло быть и рѣчи. Форнарина потѣшала Байрона своими эксцентричностями,—то благочестіемъ, которое охватывало ее при звукѣ благовѣста въ объятіяхъ ея друга, то гордостью, съ которой она отстаивала свою личность, напр., противъ притязаній какой-то знатной соперницы („пускай она — *дама*, зато я — *венеціанка*!“—съ комической важностью восклицала она), то безконечнымъ невѣдѣніемъ всего, что дѣлается на свѣтѣ, то заботой о Байронѣ, выражавшейся часто въ грубѣйшей формѣ (измучившись однажды безпокойствомъ во время его долгаго отсутствія на Лидо въ бурную погоду, она встрѣтила его на ступеняхъ пристани, подъ дождемъ, плачущая, съ мокрыми, распущенными волосами, гнѣвнымъ крикомъ: „Ah! *can' della Madonna*, xe esto il tempo per andar' al' Lido!“). Но затѣмъ стали обнаруживаться выходки настоящей психопатки, и Байронъ снова переносилъ сцены, достойныя Каролины Ламъ или Джэнъ Клермонтъ. Маргарита внезапно ушла отъ мужа совсѣмъ къ Байрону, противъ его воли; появленіе супруга и рядъ непріятныхъ сценъ—были результатомъ. Попытки такого бѣгства возобновлялись; наконецъ, пересиливъ оппозицію Байрона, она водворилась у него въ качествѣ домоправительницы; по его словамъ, какая-то непреодолимая, безвольная лѣнь, овладѣвшая имъ, допустила это вторженіе,—пока не собралъ онъ остатки энергіи и не потребовалъ ея удаленія. Послѣ этого не было предѣловъ ея раздраженію; она грозила „ножевой расправой“, и дѣйствительно ворвалась однажды съ ножемъ; ее обезоружили, хотѣли посадить въ гондолу, но она бросилась въ каналъ, и ее съ трудомъ привели въ чувство.

Случайные намеки Байрона заставляютъ предполагать другія приключенія, скрывавшіяся въ тѣни этого главнаго. Къ концу печальной потѣхи промелькнуло даже что-то похожее на искреннюю привязанность; онъ проговорился о ней всего въ одномъ письмѣ, которое освѣтило одинъ изъ любопытнѣйшихъ и въ то же время совсѣмъ неизвѣстныхъ эпизодовъ его жизни. *Она*—

---

[1]) Jeaffreson, „The real lord Byron“, 1883, II, глава VII, надписанная: „Byron's depravation“.

дочь мѣстнаго nobile; *ей* всего 18 лѣтъ; ни объ одной изъ своихъ венеціанскихъ героинь Байронъ не отзывается такъ, какъ о ней, говоря, что *Анджьолина*—„дорогой его другъ" (a very dear friend of mine). Объ ихъ свиданіяхъ узнали въ ея семьѣ; къ Байрону явились съ увѣщаніями священникъ и полицейскій коммиссаръ; дѣвушку заперли. Но едва обстоятельства измѣнились къ лучшему и присмотръ ослабѣлъ, прежнее возобновилось. Анджьолина увлеклась настолько, что мечтала соединиться съ нимъ навсегда и побуждала его къ разводу съ женой. Мало того,—когда на вопросъ ея, неужели онъ не можетъ избавиться отъ жены, онъ сказалъ: „большаго избавленія, чѣмъ теперь, нельзя достигнуть,—не хотите же вы, чтобъ я ее отравилъ?"—дѣвушка *не отвѣчала*, и „въ этомъ молчаніи краснорѣчивѣе, чѣмъ въ тысячѣ словъ, сказалась расовая черта, страстность южной натуры"...

Быть можетъ, этому эпизоду, только-что начинающему выступать изъ своей таинственности, слѣдуетъ приписать поворотъ, происшедшій въ настроеніи Байрона еще до его встрѣчи съ Терезой Гвиччіоли. Несмотря на обиліе развлеченій, нравственная неудовлетворенность его все возростала, меланхолія глубже въѣдалась, нервы были измучены, по временамъ голова словно нѣмѣла, чудныя кудри стали сѣдѣть,—а Байрону было всего тридцать лѣтъ... И вдругъ послышался удивительный „байроническій" смѣхъ.

„Беппо"—первый его опытъ.

Привыкнувъ къ его русскому оттиску, „Нулину", полному блестящей causerie и шаловливаго юмора, мы обыкновенно склонны видѣть въ байроновской шуточной поэмѣ только первообразъ безподобной игривости, изумившей когда-то чиннаго нашего читателя въ личныхъ отступленіяхъ „Евгенія Онѣгина", въ „Графѣ Нулинѣ", въ „Домикѣ въ Коломнѣ". Но, посылая „Беппо" своему издателю, Байронъ писалъ, что „поэма полна политики и рѣзкости", и что ее придется издать отдѣльно безъ имени автора. Въ то же время мы, однако, узнаемъ, что въ основу положенъ „венеціанскій анекдотъ, который очень позабавилъ поэта", и что, взявъ себѣ за образецъ остроумную пародію на легенды о королѣ Артурѣ, выпущенную незадолго передъ тѣмъ, подъ псевдонимомъ мистера Роберта Whistlecraft'а, однимъ изъ второстепенныхъ поэтовъ, Джономъ Гукгэмомъ Фриромъ [1]), онъ быстро на-

[1]) Бывшій дипломатъ, свѣтскій остроумный стихотворецъ, пародировавшій также „Пѣсню о Роландѣ", прекрасно перелагавшій Аристофана.

бросалъ 84 строфы своей шутки. Если прибавить къ этимъ даннымъ вліяніе итальянскаго комическаго стихотворства (отъ Боярдо и Пульчи до „Говорящихъ животныхъ“ Касти), которое Байронъ въ это время изучалъ и къ которому пристрастился [1]), — обозначатся элементы, изъ которыхъ должна была сложиться новая отрасль байроновской поэзіи,—комизмъ интриги, положеній, характеровъ и серьезный соціально-политическій и нравственный фонъ сатиры. Трудно рѣшить, которому изъ нихъ въ „Беппо“ принадлежитъ первенство. Какая игра красокъ въ картинѣ Венеціи,—сначала въ ея повседневной живописности, съ ея каналами, лагуной, Ріальто, роями тиціановскихъ красавицъ,—потомъ въ пестрой суматохѣ карнавала! Когда изъ этой рамки выдвигаются три единственныхъ дѣйствующихъ лица разсказа, жена, другъ дома и внезапно объявившійся въ маскарадѣ подъ одеждой турка, пропавшій безъ вѣсти мужъ, сколько боккачіевской бойкости въ развитіи комическаго положенія и въ благополучной, всѣхъ примиряющей развязкѣ, сколько соли въ нравоописательномъ этюдѣ съ натуры и въ забавно-серьезныхъ разсужденіяхъ о великомъ институтѣ „чичисбеевъ“, или cavalieri serventi. Характеры Лауры, ея „вице-мужа“ графа, меломана, „отмѣнно изящнаго кавалера, казавшагося героемъ своему камердинеру, типическаго вздыхателя доброй старой школы“, и плута Беппо, — несмотря на скромные размѣры характеристики, обусловленные миніатюрностью всей рамки, стоятъ передъ читателемъ, какъ живые. Но, шаловливо прерывая то-и-дѣло свой разсказъ, словно поддразнивая читателя, авторъ отклоняется отъ сюжета, иногда настолько, что нить его можетъ порваться и интересъ ослабѣть, — до того блещутъ остроуміемъ и злостью эти a parte. Чего въ нихъ только нѣтъ! Едва показались, напр., Лаура съ графомъ и, подъ предлогомъ восхваленія чичисбеевъ поэтъ вдался въ изъявленія своей привязанности ко всему въ Италіи, къ климату, нравамъ, женщинамъ, онъ вдругъ вспоминаетъ, что ему необходимо поставить внѣ сомнѣнія и свой англійскій патріотизмъ, заявить о преданности всему родному,— и въ нѣсколькихъ десяткахъ стиховъ уже обрисовано жалкое положеніе, до котораго довели Англію торіи. „О, Англія,—восклицаетъ поэтъ, — при всѣхъ твоихъ недостаткахъ я все еще люблю тебя; я люблю правительство (но такое, что совсѣмъ не управляетъ), цѣню свободу печати и пасквилей, уважаю Habeas

[1]) Еще въ Брюсселѣ, получивъ въ даръ отъ маіора Гордона переводъ „Animali parlanti“ Касти, В. Стюарта Роза, Байронъ пришелъ въ восторгъ и „чуть не выучилъ стихи наизусть“.

corpus (въ тѣ годы, когда у насъ его не отнимаютъ), люблю нашу постоянную армію, нашихъ распущенныхъ моряковъ; толки о реформахъ, налогъ въ пользу бѣдныхъ, люблю и мои долги,— и долги англійской націи; храни, Боже, регента, церковь и короля! Вѣдь я дѣйствительно все и всѣхъ люблю!" Появленіе Беппо, вернувшагося изъ Турціи, да и одѣтаго туркомъ, ведетъ за собой картинку турецкаго быта съ его многоженствомъ, гаремами, праздностью, безграмотствомъ, — тотчасъ вспыхиваетъ сатира: „Вѣдь счастливы эти люди, не вѣдая азбуки, стало быть, и критики, и стихотворства, не терзая музъ, не наводняя журналовъ, не собираясь въ эстетическихъ гостиныхъ, чтобъ оттуда управлять вкусомъ". Сатирическая выходка, сразу перемѣстившая разсказъ въ англійскую литературную среду, кончается раздѣломъ писательскихъ силъ: одесную поставлены Роджерсъ, Вальтеръ-Скоттъ, Муръ и прочая „избранная братія" (all the better brothers), ошуйю—въ особенности сыны alma mater, нетерпимые, самодовольные, педанты, „мнимые остроумцы, поддѣльные джентльмены" (острота подлинника непереводима, — „the would be wits and can't be gentlemen") [1]). Иногда достаточно совсѣмъ случайнаго повода, — напр., упоминанія о судьбѣ, фортунѣ,—и поэтъ уже весело шутитъ надъ капризной богиней, управляющей людской удачей, вспоминаетъ, до чего немилостива была она къ нему до настоящей минуты, надѣется, что она захочетъ, наконецъ, свести счеты, возстановить равновѣсіе.

Пусть Байронъ, какъ обыкновенно думаютъ, не вполнѣ сознавалъ, какая неподражаемая бездѣлка вышла изъ-подъ его пера, и энтузіазму англійскихъ читателей пришлось объяснить ему это, — все же несомнѣнно, что первый опытъ на новомъ пути внушилъ ему смѣлость идти дальше. Черезъ нѣсколько дней послѣ отсылки своей стихотворной шалости, онъ, словно мимоходомъ, сообщаетъ уже Мэррею, что вскорѣ, можетъ быть, пришлетъ ему еще одну вещицу „въ стилѣ Беппо". Въ такомъ непритязательномъ тонѣ возвѣщено было зарожденіе величайшаго изъ байроновскихъ произведеній, „Донъ-Жуана". Нужны ли еще доказательства непрерывности творческаго развитія Байрона, ни въ чемъ не пострадавшей отъ склада его жизни?

Но и въ ней становилось все свѣтлѣе. Какъ первая ласточка, вѣстница весны, явилась Аллегра въ сопровожденіи няни-

---

[1]) Однимъ изъ нихъ выпущена была анонимно брошюра въ отвѣтъ Байрону: „A poetical epistle from Alma Mater to Lord Byron occasioned by some lines in Beppo". Cambridge, 1819.

швейцарки, и наполнила домъ своимъ щебетаньемъ и смѣхомъ; чуткая не по лѣтамъ, полная наивной граціи и ласки, блиставшая красотою голубыхъ глазъ, которые Шелли, вскорѣ ея большой другъ, оставившій прелестный дѣтскій портретъ ея въ поэмѣ „Юліанъ и Маддало“, называлъ „отраженіями итальянскаго неба“, она плѣняла всѣхъ; Байронъ съ удивленіемъ находилъ въ Аллегрѣ сходство—съ своей женой, искалъ чертъ, которыя напомнили бы ему Аду, и презабавно заявлялъ, что ея „чертовски бойкій умъ безспорно считаетъ отцовскимъ даромъ“ (she has a devil of a spirit—but that is Papa's). Потомъ пріѣхалъ Монкъ Льюисъ, за два года передъ тѣмъ посредникъ Байрона въ изученіи гётевскаго „Фауста“, явились Томасъ Муръ и Шелли; потомъ Байронъ устроилъ для Шелли съ семьей уютное дачное житье на виллѣ, которую сначала нанялъ у Гоппнера для себя. Вблизи поселились дорогіе ему люди. Шелли, его добрый геній, былъ снова съ нимъ [1]).

Письма Шелли изъ Венеціи и автобіографическая поэма „Julian and Maddalo“ останутся навсегда цѣннымъ показаніемъ тонко наблюдательнаго очевидца о жизни и настроеніи Байрона на рубежѣ венеціанскаго искуса и полнаго возрожденія. Шелли явился сначала одинъ, въ качествѣ парламентера отъ Claire, молившей отпустить къ ней дочь на продолжительное время,— говоря точнѣе, онъ не сказалъ другу, что молодая дама инкогнито приплыла съ нимъ въ гондолѣ изъ Падуи и скрывается въ гостинницѣ. Мягкому вліянію Шелли удалось склонить Байрона на уступку, и когда Мэри Шелли прибыла изъ Лукки и они поселились всѣ на виллѣ, туда на время явилась и Аллегра. И въ первый день свиданія съ Байрономъ, и въ частые пріѣзды (иногда съ женой) въ Венецію изъ виллы „I Cappuccini“, у Эвганейскихъ горъ [2]) (въ Эсте, невдалекѣ отъ Аркв̀а, могилы Петрарки), Шелли велъ продолжительные и задушевные разговоры съ другомъ, напомнившіе ихъ бесѣды въ Швейцаріи. Въ первый же день Байронъ увлекъ его съ собою на Лидо; тамъ уже стояли осѣдланныя лошади,—и вдали отъ людей, на волѣ изъѣздивъ изъ конца въ конецъ весь островъ, онъ изливалъ свою исповѣдь, говорилъ о разочарованіяхъ, объ „оскорблен-

[1]) Къ этому времени улучшилось и матеріальное положеніе Байрона, благодаря состоявшейся, наконецъ, продажѣ Ньюстэда.

[2]) Тамъ Шелли написалъ „Lines written among the Euganean Hills“, полныя поэтическихъ описаній мѣстности и философскихъ думъ, съ глубоко симпатичнымъ отзывомъ, между прочимъ, о Байронѣ. Poetical Works of Shelley, ed. by H. Buxton Forman, 1892, II, 284.

ныхъ чувствахъ", переходилъ къ литературнымъ планамъ, произносилъ свои стихи, тепло и дружески отнесся къ судьбѣ Шелли, столь же гонимаго общественными предразсудками. Въ другой разъ они совершили вмѣстѣ поѣздку по лагунѣ, съ такимъ драматизмомъ описанную Шелли въ выше названной поэмѣ, и высадились па сосѣднемъ съ San Lazzaro, тоже крайнемъ островѣ венеціанскаго архипелага, гдѣ въ ту пору былъ пріютъ умалишенныхъ. Виною была настойчивая мысль самого Байрона, мысль гамлетовская,—нѣтъ, еще безотраднѣе размышленій Гамлета на кладбищѣ: легче съ черепомъ Іорика въ рукахъ предаваться думамъ о бренности и ничтожествѣ людской доли, чѣмъ очутиться среди дикаго скопища заживо умершихъ страдальцевъ, измученныхъ обычнымъ въ то время жестокимъ обращеніемъ своихъ стражей и врачей, умѣвшихъ только обуздывать, смирять,—и среди криковъ, хохота, безсвязныхъ рѣчей, давать волю своей глубокой *міровой* скорби [1])... Признанія и жалобы одного изъ заточенныхъ, погубленнаго вѣроломствомъ любимой женщины, ставшаго маніакомъ, вѣчно терзаемаго своимъ несчастьемъ, и участливо выслушиваемаго обоими друзьями, дали имъ поводъ къ долгимъ размышленіямъ, въ которыхъ выразились—весь пессимизмъ одного и несокрушимая ничѣмъ вѣра въ торжество добра—его спутника.

Учащая пріѣды въ Венецію, Шелли могъ ближе присмотрѣться къ странному образу жизни, который у себя дома могъ вести человѣкъ геніальный, способный на глубокія думы и поразительные замыслы [2]). И въ лицо ему, и заочно въ письмахъ, говоря о немъ, онъ порицалъ его,—и въ то же время признавался, что считаетъ его великимъ поэтомъ, —„вѣдь одно уже обращеніе его „Къ океану" это доказываетъ"... Съ тревогой смотрѣлъ онъ на будущее; „у Байрона вы можете легко подмѣтить много добрыхъ влеченій,—говорилъ онъ,—но они недолго держатся послѣ вашего ухода. Нѣтъ, я увѣренъ, и для его добра я искренно желаю, чтобъ настоящій складъ его жизни былъ

---

[1]) Попытка сравнить вообще Байрона съ Гамлетомъ,—довольно неудачная,—сдѣлана W. Sichel, „The two Byrons", Fortnightly Review, 1898, VII; авторъ видитъ сходство въ склонности къ одиночеству, въ измѣнчивости настроенія, доходящей до безумія, въ великодушіи и чувствительности, въ ненависти ко всякому притворству и т. д.

[2]) Относительно этого образа жизни есть также любопытныя показанія сына привычнаго байроновскаго адвоката Гансона, который пріѣзжалъ въ Венецію по дѣлу о продажѣ Ньюстэда. Редакторъ послѣдняго изданія сочиненій Байрона приводитъ ихъ прямо по рукописи.

какъ можно скорѣе прерванъ какимъ-нибудь потрясающимъ событіемъ".

И вдругъ этотъ, казалось, близкій къ гибели человѣкъ изумилъ его небывалымъ подъемомъ поэзіи. „Я повидался съ лордомъ Байрономъ,—писалъ Шелли, 8 октября 1819 г., Пикоку,—и почти не узналъ его; онъ превратился въ оживленнѣйшаго и счастливѣйшаго человѣка. Онъ прочелъ мнѣ первую пѣснь своего „Донъ-Жуана", вещь во вкусѣ „Беппо", но безконечно лучше" [1]).

Въ этомъ сочувственномъ отзывѣ нѣтъ еще ни слова о широкомъ замыслѣ новой поэмы, который со временемъ нашелъ горячаго цѣнителя именно въ Шелли. Очевидно, въ ту пору Байронъ даже его не посвятилъ въ свою тайну. Когда двѣ первыя пѣсни появились въ печати, вся критика, — и сочувствовавшее автору меньшинство, и единодушная въ своемъ осужденіи господствовавшая партія,—разсматривала вступленіе въ поэму лишь по существу и отмѣчала въ немъ рядъ соблазнительныхъ картинъ съ демонически-пряной приправой небывалаго остроумія. Приступая къ работѣ, съ которою потомъ онъ не разставался до самой смерти, Байронъ, быть можетъ, не установилъ детальнаго плана (когда друзья стали осуждать фривольность его пріемовъ, онъ могъ шутя угрожать тѣмъ, что въ наказаніе имъ напишетъ „Донъ-Жуана" въ *пятидесяти* пѣсняхъ),—но связующая мысль была твердо поставлена, подчиняя себѣ всѣ отдѣльныя ея примѣненія въ поэмѣ, какъ бы разнородны они ни были. Уже выборъ эпиграфа характеристиченъ. Онъ взятъ изъ шекспировской „Двѣнадцатой ночи" [2]); сэръ Тоби бросаетъ въ лицо притворщику Мальволіо восклицаніе: „Неужели ты думаешь, что оттого, что ты добродѣтеленъ, на свѣтѣ не должно уже быть ни пироговъ, ни элю?" И клоунъ поддакиваетъ ему: „Клянусь святою Анной, все пряное и впредь будетъ щекотать намъ нёбо". Наперекоръ всеобщему лицемѣрію и чопорности, Байронъ провозглашаетъ законность изображенія *всѣхъ* сторонъ жизни, законность свободнаго смѣха, веселости и юмора, срывающихъ со всего личину, терпимость къ мірскому, земному элементу въ поэзіи, необходимость житейской правды въ ней. Примѣненное въ слѣдующей затѣмъ первой пѣсни къ непринужденной картинкѣ изъ закулисныхъ *испанскихъ* нравовъ, основное положеніе это могло показаться лишь оправданіемъ крайней поэтической „вольности",

---

[1]) Dowden, P. B. Shelley, II, 234—235.

[2]) Актъ II, явленіе 3.

которую захотѣлъ себѣ присвоить поэтъ. Только со временемъ, когда передъ читателемъ стало развертываться сложное *общечеловѣческое* содержаніе поэмы, охватившее десятки всевозможныхъ, и двусмысленныхъ, и патетическихъ, и плѣнительно-нѣжныхъ, и грозно-обличительныхъ эпизодовъ, взятыхъ изъ жизни самыхъ разнообразныхъ народовъ, греческаго, турецкаго, русскаго, англійскаго, мысль Байрона обнаружилась во всей ея глубинѣ.

Настойчивыя и по истинѣ неистощимыя обвиненія Байрона въ безнравственности личной его жизни и литературной дѣятельности (новѣйшая клевета принадлежала поэту - лавреату Соути [1]), который распространялъ сплетню о развратной жизни Байрона и Шелли въ Женевѣ съ двумя сестрами; подъ стать ей пущена была англичанами изъ Венеціи нелѣпая басня о связи Шелли и съ Мэри Годвинъ, и съ Claire...), привели поэта къ желанію не только раскрыть, сколько добродѣтельнаго лицемѣрія выказываютъ его судьи, но, подобно великому вопросу: „что есть истина", поставить другой вопросъ: что такое „нравственность", *что* понимаютъ подъ нею люди, зовущіе отступника къ ея трибуналу, есть ли незыблемый, для всѣхъ обязательный ея кодексъ, или ея законы и обычаи мѣняются сообразно расѣ, климату, темпераменту, культурѣ, религіи. Личный опытъ, долгія странствія, чтенія показали ему много разнородныхъ варіацій на тему о „нравственномъ"; турецкій міръ съ его многоженствомъ, освященная обычаемъ въ Венеціи жизнь втроемъ, свѣжее тогда преданіе о петербургскомъ фаворитизмѣ екатерининскихъ временъ, считавшемся вполнѣ нормальнымъ, близкое знакомство съ тѣмъ, что въ англійской жизни скрывалось подъ маской добродѣтели и чопорности, давали цѣнные матеріалы для отвѣта на поставленный имъ вопросъ. Но если первая пѣснь могла возбудить предположеніе, что онъ возьметъ на себя только пересмотръ укоренившихся взглядовъ на отношенія между полами, на любовь и чувственность, онъ вскорѣ расширилъ кругозоръ, и въ міровой обзоръ вошли тогда трагическія картины сраженій и осады, приводящія къ рѣзкому протесту противъ войны вообще, узаконенной все тѣмъ же кодек-

[1]) Соути въ ненависти къ Байрону доходилъ до фанатизма. Когда появилась, послѣ смерти поэта, книга Медвина, коснувшагося его интригъ и нападокъ, Соути сдѣлалъ печатное категорическое заявленіе, что „обличалъ Байрона за то, что онъ наложилъ позорное клеймо на англійскую литературу, что онъ совершилъ тяжкое преступленіе противъ общества, выпустивъ произведеніе, въ которомъ насмѣшки смѣшаны съ ужасами, грязь съ безбожіемъ, развратъ съ вольномысліемъ", и т. д.

сомъ нравственности, вошла политическая и соціальная сатира. Одного сопоставленія начала поэмы, которое разыгрывается въ спальнѣ севильской красотки, съ ея концомъ, который предполагалось вставить въ тревожную пору французской революціи и развязать узелъ сюжета смертью Жуана ради народнаго, хотя и чужого ему блага, уже достаточно, чтобы показать, какое широкое развитіе суждено было зародышу поэмы, казалось, предназначенной, по примѣру „Беппо", воздѣлывать „невинный юморъ".

Если въ „Донъ-Жуанѣ" Байронъ сбирался подвести итоги испытаннаго и видѣннаго, то, конечно, очень любопытно отмѣтить, что къ тому же времени относится и внезапное рѣшеніе собрать воспоминанія и оставить послѣ себя правдивый разсказъ о своей опороченной и оклеветанной жизни. Такъ возникли знаменитые байроновскіе „Мемуары", раздѣляющіе съ мемуарами Гейне одинаковую участь посмертнаго уничтоженія [1]) и таинственной привлекательности. Сначала Байронъ допускалъ мысль объ ихъ напечатаніи и въ этомъ смыслѣ писалъ Мэррею 10-го іюля 1818 г. Черезъ недѣлю у него было готово 6—7 листовъ; 26 августа они уже занимаютъ 44 листа большого формата; всего предполагалось листовъ семьдесятъ. Во время писанія, однако, поднялись сомнѣнія въ умѣстности ихъ обнародованія; у Байрона явилась даже мысль передать предварительно мемуары черезъ третьи руки для просмотра женѣ, какъ одному изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣющему право знать, что̀ о немъ пишутъ, —и въ числѣ важнѣйшихъ новинокъ только-что вышедшаго V тома переписки поэта находятся два письма его къ женѣ по этому поводу [2]). Но не только подъ вліяніемъ непріязненнаго отношенія лэди Байронъ къ его замыслу, а также по многимъ другимъ соображеніямъ взяла верхъ мысль, что *пока* печатать мемуары невозможно. Правда, по словамъ самого автора, это—не Признанія (Confessions), а только Memoranda; о любовныхъ увлеченіяхъ, напр., говорится очень немного, за то *разсказана подробно вся исторія брака и его послѣдствій;* несмотря на желаніе выдержать безпристрастіе и

---

[1]) Единственная уцѣлѣвшая часть гейневскихъ мемуаровъ касается дѣтства и отрочества поэта.

[2]) Letters, V, 1901; лэди Байронъ отклонила предложеніе, не изъ-за своихъ интересовъ, а ради „Ады"; несмотря на то, что лично она уже много пострадала отъ несправедливости, послѣдствія очень бы ее опечалили. Байрона непріятно поразилъ этотъ тонъ, и онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, приводя даже два стиха изъ дантова „Ада", возлагаетъ вину на „гордую жену".

спокойствіе, въ разсказъ ворвались злость, сатира и смѣхъ; въ немъ отразилась цѣлая полоса англійской общественной жизни [1]). Послѣ колебаній Байронъ воспользовался пріѣздомъ въ Венецію Томаса Мура, для того чтобы передать ему рукопись мемуаровъ, предоставивъ ему право располагать ею, послѣ смерти поэта, по своему усмотрѣнію. Собраніе нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, созванное для этой цѣли, рѣшило рукопись уничтожить [2])...

Но вернемся къ „Донъ-Жуану“.

Надписанное надъ поэмой имя легендарнаго испанскаго героя и испанская же обстановка первой пѣсни показались современникамъ поэта признакомъ его желанія самостоятельно разработать старое преданіе, перенеся его въ XVIII-е столѣтіе, быть можетъ, устранивъ все сверхъестественное, ради бо̀льшей реальности, но оставаясь въ традиціонныхъ рамкахъ типа. Ожиданія не оправдались; съ каждою новою пѣснью легенда и поэма расходились все дальше, и не только въ частностяхъ сюжета, постоянной смѣнѣ обстановки и т. д., но именно въ пониманіи и освѣщеніи главнаго дѣйствующаго лица. „Мнѣ нуженъ герой!“ — съ комическимъ отчаяніемъ восклицаетъ авторъ въ первой же строкѣ и шутя прибавляетъ: „не правда ли, это необычные поиски, именно въ наше время, когда герои расплодились во множествѣ!“ Длинный списокъ ихъ, приводимый вслѣдъ затѣмъ, не удовлетворяетъ его; хотя на-ряду съ мишурными и пошлыми знаменитостями въ немъ есть нѣсколько замѣчательныхъ именъ, но „ихъ не приспособишь къ риѳмамъ“. Приходится взять стариннаго героя, того Жуана, „котораго всѣ помнятъ въ пантомимѣ, гдѣ чортъ обыкновенно уноситъ его куда-то, прежде чѣмъ наступилъ для того срокъ“... Ни слова ни о родоначальницѣ всѣхъ драмъ на тему жуановской легенды, пьесѣ Тирсо де-Молина [3]), ни о комедіи Мольера, ни объ оперѣ Моцарта съ художественнымъ либретто Да-Понте. Вспомянутъ только наказан-

---

[1]) Letters, IV, 368.

[2]) Муръ давалъ до этого рѣшенія мемуары разнымъ лицамъ для просмотра, и тѣ сдѣлали себѣ выписки. Джонъ Россель говорилъ потомъ, что въ нихъ было нѣсколько „неделикатныхъ частностей (indelicate passages), были интересныя описанія первыхъ житейскихъ впечатлѣній“, была исторія брака,—въ общемъ же они не оправдали ожиданій. Leslie Stephen, біографія Байрона въ „Diction. of national biography“, 1886, 155. Роджерсъ не одобрялъ уничтоженія мемуаровъ; опасныхъ мѣстъ было 3—4 страницы.

[3]) Изслѣдованіе Артура Фаринелли, „Don Giovanni, note critiche“. Giornale storico d. letterat. Italiana, 1896, I, подвергло сомнѣнію и авторство Тирсо, и историческій прототипъ „Донъ-Жуана“.

ный вертопрахъ народныхъ пьесъ, кукольныхъ или мимическихъ, которыя съ давнихъ поръ всюду (въ томъ числѣ и въ Англіи) [1]) расплодились, каррикатурно разработывая для своей публики романтическій сюжетъ. Солидарность съ народнымъ юморомъ сразу выдаетъ своеобразныя намѣренія автора. Въ очеркѣ дѣтства, семьи, воспитанія героя, перваго его дебюта въ „страсти нѣжной“, выполненномъ съ удивительнымъ остроуміемъ и задоромъ, декорумъ, требовавшійся преданіемъ, уже отсутствуетъ. „Донъ-Жуанъ“ Мольера, Моцарта, неотразимый, вѣрящій въ себя завоеватель, своею удалью, обольстительностью, презрѣніемъ къ общественнымъ стѣсненіямъ и предразсудкамъ, часто импонирующій свидѣтелямъ его побѣдоноснаго шествія, при всѣхъ порокахъ и распущенности могъ казаться положительнымъ героемъ. Есть ли хоть одна черта изъ *этого* пониманія его характера въ байроновскомъ „Донъ-Жуанѣ“, начинающемъ свои похожденія интригой съ доньей Юліей, которая прячетъ его, при появленіи мужа, подъ грудой одѣяла, потомъ — нѣжномъ другѣ Гаидэ, потомъ, въ одеждѣ одалиски, обитателѣ гарема, русскомъ офицерѣ, екатерининскомъ придворномъ и т. д.? Какъ въ позднѣйшемъ, *петербургскомъ* демонѣ Лермонтова,—демонѣ „Сказки для дѣтей“, спустившемся съ заоблачныхъ высотъ въ бытовую прозу Невскаго или Морской, едва сохранились очертанія таинственнаго его прототипа, такъ (и притомъ въ гораздо большей степени) поблекли въ байроновскомъ Жуанѣ черты его родоначальника. Психическое ихъ сродство, конечно, несомнѣнно; оно— въ томъ сильно развитомъ и вѣчно неудовлетворенномъ инстинктѣ любви, стремленіи къ обладанію и наслажденію, которое въ наше время обозначали спеціальнымъ именемъ „донъ-жуанизма“ [1]) и изучали въ ученыхъ трактатахъ съ біологической точки зрѣнія [2]). Выбравъ своимъ героемъ не мольеровскаго „grand épouseur du genre humain“, какъ называетъ своего господина Сганарель, не завоевателя, чувствующаго въ себѣ „отвагу Александра Македонскаго“ и „сердце, способное любить всѣхъ женщинъ міра“,—а „жреца любви“, такъ сказать, на вторыя роли, Байронъ тѣмъ легче могъ сдѣлать его своимъ спутникомъ въ заду-

---

[1]) Исторія англійскаго театра не занялась изданіемъ подобныхъ пьесъ. Энгель, „Don-Juan Sage auf der Bühne“.

[1]) Armand Hayem. „Le Don-juanisme“. Paris, 1886.

[1]) „Die Don-Juan Sage im Lichte biologischer Forschung“, v. Dr. A. Rauber, Prof. der Anatomie in Jurief (Dorpat). Leipz. 1899. О раннемъ періодѣ этой общечеловѣческой легенды ср. мою статью „Легенда о Донъ-Жуанѣ“, въ „Этюдахъ и характеристикахъ“.

манномъ странствіи по свѣту съ цѣлями общественной сатиры. Донъ-Жуанъ, блестящій гидальго, обязывалъ бы къ тріумфальному шествію; Жуанъ увлекающійся, легкомысленный, юмористъ и вѣтренникъ, но не глупый, наблюдательный, не только могъ, но долженъ былъ попадать изъ одного рискованнаго, двусмысленнаго или потѣшнаго положенія въ другое. Сколько простора для изображенія жизни, какъ она есть!

Но въ самомъ же началѣ поэмы какая неожиданная непослѣдовательность въ изображеніи героя, какое поэтическое отклоненіе отъ натурализма первой пѣсни!.. Морское путешествіе, придуманное матерью Жуана для охлажденія его сердечнаго пыла, приводитъ поэта къ превосходнымъ картинамъ бури, борьбы съ стихіей, кораблекрушенія [1],—и этотъ мракъ и ужасъ вдругъ смѣняются нѣжной идилліей любви Жуана, выброшеннаго волнами на пустынный островъ пирата, и Гаидэ. Точно свѣтлый оазисъ среди пошлости всевозможныхъ альковныхъ и гаремныхъ приключеній, собранныхъ въ поэмѣ, красуется въ ней свободная отъ всякой сентиментальности повѣсть искренней, наивной любви дѣвушки, выросшей на волѣ, въ природѣ, безконечно далеко отъ лжи и притворства свѣта, и внушающей сластолюбцу Жуану—единственный разъ въ его жизни—такое же искреннее чувство. Ихъ счастье, согрѣтое южнымъ солнцемъ, въ тиши и нѣгѣ невѣдомаго никому блаженнаго уголка—поэтическая мечта, поразительная по свѣжести красокъ. Она свободно зародилась въ фантазіи Байрона. Хотя бы даже онъ зналъ о сходномъ эпизодѣ Жуана съ рыбачкой Тизбой, — тоже послѣ кораблекрушенія,—въ пьесѣ Тирсо де-Молина (чего доказать нельзя), этотъ эпизодъ показалъ бы ему только новый примѣръ вѣроломства Донъ-Жуана, который насмѣялся надъ крестьянкой такъ же, какъ бросалъ знатныхъ поклонницъ. Въ байроновской идилліи только грубая рука пирата, внезапно вернувшагося, въ состояніи разорвать счастье любящихся... Пусть въ судьбѣ Жуана встрѣча съ Гаидэ и привязанность его къ ней кажутся непослѣдовательностью, прихотью художника, въ его поэзіи весь этотъ эпизодъ, и въ особенности образъ Гаидэ [2])—одна изъ выдающихся красотъ.

---

[1]) Въ описаніи его находятъ сходство съ разсказомъ о гибели корабля „Юноны" (Narrative of the shipwreck Juno in the year 1795), прочитаннымъ Байрономъ еще въ дѣтствѣ и поразившимъ его.

[2]) Очень рано стали дѣлаться попытки иллюстрировать богатый женскій персоналъ байроновской поэзіи. Въ лучшей изъ нихъ, „Finden's Byron beauties or the principal female characters" etc., 1835, наиболѣе удачны Гаидэ, Дуду, Гюльбейазъ и лэди Пинчбекъ.

Когда по изданной теперь сполна перепискѣ Байрона съ друзьями и съ Мэрреемъ, завязавшейся усиленно вслѣдъ за присылкою имъ двухъ первыхъ пѣсенъ, слѣдишь за предостереженіями, даже протестами ихъ, и видишь, какъ они (даже радикалъ Гобгоузъ) чуть не готовы вторить массовымъ осужденіямъ „безнравственности", удивляешься, какъ эпизодъ на островѣ пирата (правда, еще не доконченный, но уже достаточно опредѣлившійся) своими мягкими тонами и нѣжными красками не примирилъ строгихъ судей съ началомъ поэмы. Все вниманіе ихъ сосредоточилось на непринужденныхъ сценахъ первой главы, подозрительность открыла (и не безъ основанія) въ характеристикѣ семьи Жуана сходство съ нѣкоторыми изъ условій, окружавшихъ самого поэта въ юности и во время брачной жизни; боязнь новыхъ скандальныхъ столкновеній овладѣла ими, и что-то въ родѣ военнаго совѣта, созваннаго Мэрреемъ, старалось отговорить Байрона отъ печатанія поэмы. Но съ удивительной выдержкой, въ полномъ сознаніи своей правоты, онъ въ рядѣ писемъ краснорѣчиво и горячо отстаивалъ свободу писателя, стоялъ за просторъ юмора, заявлялъ, что пойдетъ отнынѣ съ глубокимъ убѣжденіемъ по слѣдамъ великихъ сатириковъ, напоминалъ, что если осудить „Донъ-Жуана", то слѣдуетъ предать проклятію Аріоста, Пульчи, Свифта [1]), Рабле, Вольтера. Онъ рѣшилъ, во что̀ бы то ни стало, напечатать свое опасное произведеніе,— только анонимно, даже безъ издательской фирмы, только съ указаніемъ типографіи. Но мыслимо ли было сохранить анонимность! Кто бы не узналъ Байрона по его стиху и любимымъ пріемамъ! *Такъ* писать могъ одинъ только онъ... Что̀ же было бы, еслибъ (какъ того настойчиво желалъ сначала Байронъ, принужденный потомъ уступить) первой пѣсни было предпослано дышащее презрѣніемъ посвященіе стражу нравственности—и въ то же время клеветнику и ренегату—Соути! [2])

Скоро послышался изъ Англіи хоръ осужденій, проклятій и негодованія, который ему предрекали, но онъ мужественно встрѣтилъ отпоръ, ни въ чемъ не уступилъ, апеллируя къ суду потомства и къ безпристрастному мнѣнію остальной читающей и мыслящей Европы, и, годъ за годомъ увеличивая поэму новыми

---

[1]) Свифта Байронъ считалъ почти недосягаемымъ образцомъ сатиры; когда по поводу „Беппо" друзья дѣлали лестныя для него сравненія, онъ отклонялъ ихъ съ искреннею скромностью ученика.

[2]) Когда Соути только-что выступалъ въ качествѣ присяжнаго обличителя Байрона, поэтъ съ грустной ироніей, показывавшей знаніе людей, замѣтилъ: „Почему нападаетъ онъ на меня? Вѣдь я не дѣлалъ ему добра!"...

пѣснями, писалъ ихъ подъ выстрѣлами близорукой и чопорной критики и общественной нетерпимости. Однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ счастливо пережитаго венеціанскаго искуса, конечно, слѣдуетъ признать проявленіе съ первыхъ же строфъ великой поэмы окрѣпшаго въ немъ художественнаго самосознанія, независимости и энергіи. До чего фантазія его въ ту пору снова стала воспріимчивою и чуткою, показало одновременное съ началомъ „Донъ-Жуана“ созданіе, совершенно въ другомъ родѣ, съ сюжетомъ на половину историческимъ, произведенія, полнаго патетическихъ моментовъ и роскошныхъ описаній дикой природы. Стоило Байрону встрѣтить въ вольтеровской „Исторіи Карла XII“ разсказъ о томъ, какъ Мазепа въ молодости подвергся жестокой мести польскаго вельможи, заставшаго свою молодую жену съ нимъ на свиданіи, былъ, обнаженный, привязанъ къ бѣшеному степному коню, пущенному на волю, и спасенъ этимъ конемъ, принесшимъ его на себѣ, послѣ нѣсколькихъ дней безумной скачки, въ родную Украйну,—и у него явился замыселъ Мазепы. Распространенное мнѣніе, будто эта поэма относится къ болѣе позднему времени сближенія поэта съ Гвиччіоли [1]), причемъ въ сюжетѣ видятъ отношеніе къ дѣйствительности,—польскій палатинъ—старикъ Гвиччіоли, жена его — Тереза,—опровергается письмомъ поэта, говорящаго, еще въ сентябрѣ 1818 г., о необходимости окончить и перебѣлить „Мазепу“. Другое, бѣглое упоминаніе Вольтера о привалѣ шведскаго короля, во время бѣгства изъ Полтавы, въ лѣсу, гдѣ, утомленный и мучимый ранами, онъ заснулъ, подвергаясь опасности взятія въ плѣнъ, пригодилось для вступленія и обстановки, и на этой соединенной основѣ возникла цѣлая сцена: ночь, костеръ, скудная шведская свита, взволнованный и тщетно ищущій отдыха король, возлѣ него старикъ Мазепа, котораго Карлъ побуждаетъ занять его какимъ-нибудь разсказомъ,—хоть о томъ необычайномъ происшествіи, которое съ нимъ, говорятъ, случилось въ молодости. Тутъ начинается столь любимый Байрономъ разсказъ-монологъ, но какой яркій, драматическій! Передъ старымъ гетманомъ проносится молодость его при блестящемъ дворѣ въ Варшавѣ, оживаютъ черты любимой женщины, вспоминаются счастливыя минуты свиданій, потомъ внезапный ударъ судьбы, свирѣпая расправа,—и страшные дни, пережитые на обезумѣвшемъ отъ воли животномъ въ глуши невѣдомыхъ краевъ. Темные лѣса,

[1]) Этого мнѣнія держится и авторъ новѣйшей монографіи о „Мазепѣ“: Lord Byrons „Mazeppa“, eine Studie von Dr. D. Engländer. Berlin, 1897.

безграничный просторъ степей, шумные потоки, чьи волны перерѣзываетъ вплавь бѣшеный конь, миражи, лунный свѣтъ и тѣни, жуткое одиночество, неизбѣжность смерти, гнѣвъ, стыдъ, муки голода, отчаяніе,—все пригрезилось поэту и воплотилось въ рядѣ картинъ, выдерживающихъ читателя въ возростающемъ возбужденіи до трагической минуты, когда обезсиленное животное издыхаетъ, надъ нимъ уже вьются хищныя птицы, привязанный къ трупу Мазепа замираетъ въ оцѣпенѣломъ снѣ—и пробуждается въ казацкой хатѣ... Послѣднія строки поэмы снова возвращаютъ насъ къ обстановкѣ начала; впечатлѣніе страстно веденнаго разсказа искусно смѣняется прозаическимъ эффектомъ, — король давно заснулъ подъ звуки гетманской рѣчи. Мелодраматичнѣе былъ бы другой пріемъ, которымъ въ прежніе годы завершилъ бы поэму Байронъ, опустивъ занавѣсъ при замершихъ отъ волненія группахъ слушателей Мазепы.

Точно оживленная притокомъ новыхъ силъ, возрождалась и поэтическая дѣятельность, и жизненная энергія Байрона. Въ это именно время онъ встрѣтилъ Терезу Гвиччіоли, — и, какъ она потомъ вспоминала, эта встрѣча имѣла величайшія послѣдствія для нихъ обоихъ.

Лучшій портретъ Терезы, принадлежащій кисти извѣстнаго въ свое время художника-любителя графа д'Орсэ, изображаетъ очень юное, хрупкое существо съ тонкимъ профилемъ, нѣжнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, римскимъ узломъ волосъ, перевитыхъ бархаткой, и волнистыми локонами, спущенными спереди на широко открытую красивую шею; во всей позѣ и нарядѣ есть что-то дѣвически граціозное и наивное. Въ такомъ видѣ предстала она передъ Байрономъ въ гостиной графини Бенцони, въ апрѣлѣ 1819 г., послѣ колебаній (даже отказа отъ знакомства), сначала выказанныхъ обѣими сторонами. Но когда она увидала его вблизи,—писала она впослѣдствіи Муру [1]), „его благородная и необыкновенно красивая внѣшность, звукъ его голоса, его манеры, тысяча очарованій, съ нимъ связанныхъ, дѣлали его до такой степени непохожимъ ни на кого изъ видѣнныхъ ею дотолѣ людей, ставили его выше всѣхъ, что она не могла не вынести глубочайшаго впечатлѣнія“. Она только вступала въ жизнь, но ранняя юность ея (ей шелъ всего семнадцатый годъ) была незадолго передъ тѣмъ уже прикована къ искушенному житейскимъ опытомъ богачу, гордецу и дѣльцу, шестидесятилѣтнему графу Гвиччіоли, вступившему въ третій бракъ, какъ въ выгод-

1) „Life of L. Byron“, 393.

ную и пріятную сдѣлку, и не оставившему по себѣ ни одного сочувственнаго воспоминанія. Трудно понять, какъ могъ состояться этотъ бракъ, какъ оба лица, отъ которыхъ зависѣла судьба дѣвушки, отецъ ея, графъ Гамба, и братъ Пьетро, люди недюжинные, уже тогда, быть можетъ, принимавшіе участіе въ тайной политической агитаціи, въ которую ввели вскорѣ Байрона, послѣ встрѣчи ея съ нимъ такъ горячо принявшіе участіе въ ея судьбѣ, стараясь разобщить съ постылымъ мужемъ, могли дать согласіе на бракъ.

Байронъ былъ ея первою любовью, и она искренно привязалась къ нему. Люди, встрѣчавшіеся съ нею послѣ смерти поэта, свидѣтели ея долгой жизни (она умерла лишь въ 1873 г.), посѣтители парижскаго салона „маркизы де-Буасси", жены одной изъ креатуръ Наполеона III (увѣряютъ, будто мужъ, знакомя съ нею, прибавлялъ иногда: „ma femme, ancienne maitresse de lord Byron"), наконецъ читатели ея книги о Байронѣ [1]), слабой компиляціи личныхъ воспоминаній и книжныхъ выдержекъ, кѣмъ-то неудачно проредактированной,—относились къ ней несочувственно и готовы были подвергать сомнѣнію ея привязанность къ поэту; анализируя его *позднѣйшее* настроеніе, заключали почти то же и о его чувствѣ. Но лиризмъ первыхъ впечатлѣній, даже первыхъ лѣтъ, съ обѣихъ сторонъ, нельзя подвергать сомнѣнію, а показанія такихъ неподкупныхъ свидѣтелей, какъ Шелли, или тонко наблюдательныхъ свѣтскихъ знакомыхъ поэта даже изъ болѣе поздней поры, какъ лэди Блессингтонъ [2]), рисуютъ Терезу, какъ человѣка, съ ея мягкимъ вліяніемъ на Байрона, чуть не посланницей судьбы.

Съ ея появленіемъ, все остальное, всѣ венеціанскія связи, шалости, излишества, померкло, словно никогда не существовало; отнынѣ до его смерти царство Терезы нераздѣльно; чувственно возбужденнаго Байрона больше нѣтъ. Поэзія его звучитъ гимномъ любви; „Донъ-Жуанъ" обогатился новыми пѣснями, гдѣ съ возростающею нѣжностью досказана идиллія Гаидэ. Байронъ не можетъ болѣе жить вдали отъ Терезы. Она уѣзжаетъ съ мужемъ въ Равенну, — онъ слѣдуетъ за ними; итальянское письмо, которое онъ оставилъ ей однажды, не дождавшись ея, полно искрен-

---

[1]) „Lord Byron jugé par les témoins de sa vie". Paris, 1868; въ слѣдующемъ году появился англійскій переводъ подъ болѣе точнымъ заглавіемъ: „My recollections of L. Byron and those of eye-witnesses of his life". Lond., Bentley.

[2]) Новѣйшее изданіе ея „Journal of the conversations of L. Byron with the countess of Blessington". Lond., 1893. Въ литературѣ нѣмецкихъ диссертацій есть книга Blümel'я объ этомъ дневникѣ, какъ біографическомъ матеріалѣ.

няго чувства. Интриги мужа, замѣтившаго это чувство и поведшаго двойную игру, то ставя препятствія, то дѣлаясь снисходительнымъ, за то добиваясь консульскаго мѣста или большого займа у Байрона, отравили, однако, безмятежное сначала счастье. Байронъ испыталъ невиданную имъ еще тревогу; необычайные планы проносятся въ его головѣ; они будутъ добиваться развода,—если же потерпятъ неудачу, онъ все броситъ въ Европѣ, и съ Аллегрой выселится въ Америку, начнетъ новую жизнь простого смертнаго, затеряется въ толпѣ; чувствовать же, что Тереза такъ близко отъ него и не можетъ ему принадлежать, выше его силъ. Лиризмъ любви смѣнился на время глубокою меланхоліею. Необыкновенно потрясенный въ первое же посѣщеніе гробницы Данта въ Равеннѣ, онъ приходилъ часто думать и мечтать около нея, и однажды былъ найденъ тамъ Терезой въ полномъ самозабвеніи. По дорогѣ, въ Болоньѣ, на кладбищѣ въ Чертозѣ его до слезъ трогаютъ надгробныя надписи, въ которыхъ простые люди, погребенные тутъ, просятъ себѣ—„мира, вѣчнаго успокоенія" (Martini Luigi *implora pace*; Lucrezia Picini *implora eterna quiete*), и его захватываетъ мысль о смерти, онъ видитъ свою могилу на Лидо и желалъ бы, чтобы треволненная его жизнь закончилась этою трогательно простою мольбою успокоенія на вѣки.

Во время вторичнаго пріѣзда въ Болонью, вмѣстѣ съ супругами Гвиччіоли, Байронъ рѣшился-было ускорить развязку; пользуясь отлучкой стараго графа, Тереза уѣхала съ своимъ другомъ въ Венецію и поселилась у него въ „La Mira". Но, нѣсколько времени спустя, появился мужъ, сначала съ угрозами и требованіями, и насильно вернулъ жену въ Равенну; но отъ горя она такъ опасно занемогла тамъ, что не только отецъ, но и мужъ умоляли теперь Байрона пріѣхать и успокоить ее. Его права косвенно признавались, разводъ и свобода становились возможными, жить вдали отъ Терезы было уже безполезно,—и Байронъ выселился окончательно изъ Венеціи.

Со временемъ, оглядываясь на годы, проведенные въ ея стѣнахъ, онъ склоненъ былъ къ суровымъ приговорамъ; ему какъ будто казалось, что добромъ онъ не можетъ ихъ помянуть. Стороннему наблюдателю, и притомъ на историческомъ отдаленіи отъ той поры, виднѣе та масса „добра", которая выдѣляется изъ непригляднаго подчасъ хода жизни, полнаго ошибокъ, болѣзней воли, гнетущей тоски и опьяняющихъ наслажденій. Первое же стихотвореніе, написанное Байрономъ въ Равеннѣ подъ сильнымъ внушеніемъ Терезы,—„Пророчество Данта",—показало всю мѣру

поэтическаго и гражданственнаго роста, совершившагося за время его венеціанскаго плѣненія. Въ новый, послѣдній періодъ своей жизни онъ вступалъ и какъ авторъ „Донъ-Жуана", и какъ политически созрѣвшій дѣятель, болѣе чѣмъ когда-либо чуткій къ нуждамъ страдающаго человѣчества, какъ „англійскій Мирабо" (мѣткій эпитетъ, приложенный къ Байрону Лесли Стифеномъ въ его новѣйшемъ трудѣ [1]). Страданія Венеціи были для него поучительнымъ образцомъ бѣдствій всей страны, которой отнынѣ онъ посвятилъ свои силы; въ концѣ мужественной „Оды къ Венеціи", появившейся вмѣстѣ съ „Мазепой", онъ, указывая на опытъ павшаго великаго города, заявилъ, что „лучше не щадя лить свою кровь, чѣмъ дать ей вяло переливаться въ венахъ, что лучше быть съ погибающими спартанцами при Ѳермопилахъ, чѣмъ гнить въ своемъ болотѣ". Шелли былъ все-таки правъ, когда въ внезапномъ приливѣ лиризма—въ своихъ „Lines written among the Euganean hills"—вспомнивъ, чѣмъ были берега Скамандра для Гомера, Эвонъ для Шекспира, Воклюзъ для Петрарки, онъ воздалъ честь Венеціи за гостепріимство, оказанное его другу-изгнаннику, предчувствуя, что ея имя навсегда будетъ неразлучно съ тѣмъ „могучимъ духомъ, способнымъ прозрѣвать неземное",—которому нѣкогда она дала у себя пріютъ...

Алексѣй Веселовскій.

[1]) Leslie Stephen. „The english utilitarians". 1900, II, 365.

ИЗЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

II.—ЛОРЕНЦО СТЕККЕТТИ [1]).

„Postuma“.

1.

Пѣсни мои бѣдныя, вѣтромъ разнесенныя,
Память отлетѣвшихъ юношескихъ лѣтъ,
Пѣсни, гнѣвомъ, радостью, жалостью внушенныя,—
Что-то съ вами станется, какъ умретъ поэтъ?

Прочь, бѣгите прочь отъ свѣта развращеннаго,
Отъ людей напыщенныхъ, лживыхъ и пустыхъ;
Глубоко въ душѣ моей отъ непосвященнаго
Прячу я сокровища тайныхъ думъ своихъ.

Но когда вы встрѣтите дорогую, милую,
Ту, кого любилъ я всею сердца силою,—
Ей, которой вѣдомы всѣ мои стремленія,
Горести, тревоги, радости, волненія,—
Ей вы перескажете сны мои влюбленные,
Пѣсни мои бѣдныя, вѣтромъ разнесенныя...

---

[1]) См. выше: мартъ, 162 стр.

2.

Осень унылую грустно встрѣчая,
Ты на кладбище приди, дорогая:
Много цвѣтовъ на могилѣ моей
Для золотистой головки твоей.

Ты ихъ сорви: они сердцемъ взлелѣяны,
Выросли сами, никѣмъ не посѣяны;
То—непропѣтыя пѣсни мои,
Въ сердцѣ замолкшіе звуки любви...

3.

Въ вечернемъ сумракѣ повѣяло прохладой,
Полей распаханныхъ пронесся ароматъ,
И мы взошли на холмъ, и были намъ отрадой
Напѣвы звонкіе немолкнущихъ цикадъ.

Блеснула звѣздочка на темномъ небѣ ночи,
Съ безмолвною мольбой ты взоръ къ ней подняла,
И понялъ я любовь, твои увидѣвъ очи,—
Я понялъ то, чего сказать ты не могла...

4.

Застольная пѣсня.

Пѣсни ночныя далёко несутся,
Пышныя розы въ кудряхъ моихъ вьются,
Громко звенитъ мой голосъ:—Скорѣй
Кубокъ налейте полнѣй!

Жить я хотѣлъ для любви лишь одной,
Жертвовалъ ей,—о, безумецъ!—душой,
Ночи не спалъ отъ страстныхъ желаній,
Слезъ, воздыханій...

Глупо! Тотъ женщины сердцемъ владѣетъ,
Кто покорить ее лестью умѣетъ;
Хитростью дерзкой любовь побѣждаетъ,
Ложью плѣняетъ.

Вѣру, надежду я схоронилъ,
Самъ ихъ оплакалъ, въ гробъ уложилъ;
Мертвыхъ не надо тревожить...—Скорѣй,
Кубокъ налейте полнѣй!

III.—БАРБАРО ДИ САНЪ-ДЖОРДЖІО.

„Fiori d'Autunno“.

1.

Къ Данте.

Ты оживилъ меня могучимъ словомъ,
Ты пролилъ утѣшенье въ душу мнѣ;
Ты, какъ орелъ, въ величіи суровомъ
Паришь въ недостижимой вышинѣ.

И вотъ,—тебя потомки отрицаютъ,
Признавъ Зола̀ высокимъ образцомъ;
Поэзіи они не постигаютъ,
Склоняясь въ прахъ предъ пошлости пѣвцомъ...

Готовъ я былъ погибнуть въ бурѣ свѣта;
Меня ты спасъ,—для юнаго поэта
Свѣтилъ ты путеводною звѣздой;

О, пусть всегда отъ пагубныхъ сомнѣній,
Отъ пошлости житейскихъ треволненій
Хранитъ меня безсмертный образъ твой!

2.

Современная поэзія.

Въ вѣнкѣ изъ звѣздъ, въ благоуханьѣ бѣломъ,
Какъ юность, какъ прелестная любовь,
Она стремилась къ небу взоромъ смѣлымъ,
Святымъ огнемъ намъ зажигая кровь.

Ея напѣвы слухъ намъ чаровали,
Нашъ духъ къ любви божественной влекли
И въ вѣчномъ гимнѣ Данта утѣшали
Людей за скорбь минутную земли.

Теперь, увлекшись модою бульварной,
Вся въ завиткахъ подъ шляпкою вульгарной,
Она земному предалась душой;

Что̀ было прежде—и что̀ стало нынѣ!
Когда-то я считалъ ее богиней,
Теперь—продажной только красотой...

IV.—МАРІЯ-АЛИНДА БОНАЧЧИ-БРУНАМОНТИ.

„Flora“.

Новая весна.

Къ моему окошку легкою стопою
Подошла и тихо молвила весна:
„Прихожу къ тебѣ я съ утренней зарею,
Я полна желаній, мною жизнь красна!

„Выходи скорѣе на просторъ, на волю!
Что̀ теряешь время средь тоскливыхъ книгъ?
Ждутъ тебя цвѣты лазоревые въ полѣ,
Съ ласковымъ зефиромъ шепчется тростникъ...

„Тамъ, въ лѣсу, подъ мохомъ и въ травѣ зеленой,
Дремлютъ пѣсни чудныя, полныя любви:
Разбуди скорѣе ихъ напѣвъ влюбленный,
А не то—споютъ ихъ раньше соловьи!“

Перев. П. О. Морозовъ.

„СТУДЕНЧЕСКІЙ СОЮЗЪ“

въ

ВЪ ДАНІИ

Рѣдкій пріѣзжій, осматривающій Копенгагенъ, не обратитъ вниманія на расположенное въ центрѣ старой части города, недалеко отъ Новой Королевской площади, красивое двухъ-этажное зданіе, принадлежащее „Обществу датскихъ студентовъ“. До 1882 г., оно собирало подъ свою гостепріимную кровлю не только всѣхъ датскихъ студентовъ, но и пріѣзжающихъ время отъ времени, шведскихъ и норвежскихъ ихъ собратьевъ.

Въ 1882 г., въ „Обществѣ“ произошелъ расколъ, и выдѣлившіеся изъ „Общества“ студенты образовали особый „Студенческій Союзъ“. Въ первыя двѣнадцать лѣтъ существованія, „Союзу“ приходилось довольствоваться весьма скромнымъ помѣщеніемъ; зато нынѣшнее его помѣщеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Находится оно въ такъ-называемомъ Бульварномъ кварталѣ, между университетомъ и политехникумомъ, по близости большихъ студенческихъ общежитій. Любимымъ аппартаментомъ студентовъ въ помѣщенія „Союза“ является читальня съ богатой библіотекой. Въ этой читальнѣ каждый студентъ, изъ какой бы датской провинціи ни былъ родомъ, ежедневно можетъ найти родную газету, да и для студентовъ норвежцевъ и шведовъ также имѣется здѣсь большой выборъ газетъ ихъ родины.

Зимою, по субботамъ, въ „Союзѣ“ бываютъ общія собранія, на которыхъ читаются лекціи или доклады на общеинтересныя темы,

вызывающія затѣмъ оживленный обмѣнъ мнѣній между присутствующими; исполняются артистами музыкальные и вокальные нумера, или читаются художественныя произведенія. Эти „субботники“ развились изъ прежнихъ студенческихъ „вечеринокъ“, которыя заканчивались попойками, такъ-называемымъ „Punschesold“. Теперь картина представляется иная. Послѣ лекціи, доклада или художественно прочитаннаго авторомъ, артистомъ или любителемъ, литературнаго произведенія, члены „Союза“ съ гостями занимаютъ мѣста за столиками,—кто требуетъ себѣ чего-нибудь, кто нѣтъ,—пьютъ и ѣдятъ вообще мало, а больше говорятъ и слушаютъ. Говорятъ на тему только-что выслушанной лекціи, доклада или литературно-художественнаго произведенія. То одинъ, то другой встаетъ и проситъ слова. Оратора внимательно выслушиваютъ, иногда соглашаются съ нимъ и выражаютъ одобреніе высказаннымъ имъ мнѣніямъ, иногда у него находятся страстные оппоненты. Общая бесѣда все болѣе и болѣе оживляется.

Придерживаясь принципа самой широкой свободы мнѣнія, „Союзъ“ охотно предоставляетъ каѳедру докладчика или лектора лицамъ самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и направленій, даже и непопулярныхъ въ наиболѣе передовыхъ и просвѣщенныхъ кружкахъ „Общества“, къ которымъ принадлежитъ большинство членовъ „Союза“. Вначалѣ люди консервативнаго лагеря относились къ „Союзу“ очень враждебно и отклоняли всякія приглашенія выступать докладчиками на собраніяхъ „Союза“, но съ годами положеніе вещей измѣнилось, и теперь въ „Союзѣ“ выступаютъ иногда со своимъ словомъ и сторонники „укрѣпленія столицы“ (либеральная партія противъ этого), и члены „внутренней миссіи“, и приверженцы католицизма и т. п. И каждый докладъ находитъ въ „Союзѣ“ самыхъ внимательныхъ слушателей, которые затѣмъ обмѣниваются взглядами и мнѣніями съ самимъ докладчикомъ и между собою.

Наиболѣе же часто, разумѣется, читаются въ „Союзѣ“ доклады и лекціи передовыми и просвѣщенными сторонниками идей, объединяющихъ членовъ „Союза“. Такъ, напримѣръ, выступаютъ докладчиками такія лица, какъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ, извѣстный датскій философъ, профессоръ Гёфдингъ, братья Брандесъ и другіе.

Лишь нѣсколько разъ въ году серьезныя „бесѣды“ общихъ собраній смѣняются беззаботнымъ весельемъ: хоровымъ пѣніемъ, веселыми застольными рѣчами и танцами. Такъ бываетъ въ день основанія „Союза“, 2-го мая, въ дни веселыхъ загородныхъ экскурсій, студенческихъ праздниковъ и т. п. Тогда молодежь веселится во

всю, отдыхая отъ серьезнаго умственнаго труда, веселится тѣмъ искреннѣе и беззаботнѣе, что подобное веселое времяпрепровожденіе является въ „Союзѣ“ исключеніемъ, а не правиломъ.

Насколько разнообразной является программа докладовъ и бесѣдъ въ „Союзѣ“, настолько же разнообразнымъ бываетъ и контингентъ слушателей и бесѣдующихъ. Членами „Союза“ состоятъ студенты *обоего пола*, и каждому члену предоставляется право вводить на субботнія бесѣды и на всѣ праздники по нѣскольку гостей. Члены являются со своими близкими, родными, друзьями и знакомыми, учащаяся молодежь смѣшивается съ людьми среднихъ лѣтъ и пожилыми, различныхъ классовъ и профессій, и это, конечно, ведетъ къ еще бо́льшему оживленію во время обмѣна мнѣній, нежели еслибы въ нихъ участвовали люди одного поколѣнія и одного дѣла.

Отдѣляясь въ 1882 г. отъ „Общества студентовъ“ небольшой кружокъ членовъ, образовавшихъ „Союзъ“, руководился желаніемъ уйти отъ безплодныхъ раздоровъ и найти наилучшее приложеніе своимъ силамъ. Послѣднее же было указано студентамъ сознаніемъ, что получаемое ими за счетъ платежныхъ силъ народа образованіе обязываетъ ихъ и *„воздать этому народу по мѣрѣ силъ и возможности“*.

И вотъ, юный „Союзъ студентовъ“ горячо сталъ работать на пользу народа, и результатами его трудовъ явились слѣдующія въ высшей степени симпатичныя и полезныя предпріятія:

1) „Вечерніе классы для простого народа“ (основаны въ 1882 г.).

2) „Изданіе общеполезныхъ книгъ для народа и составленіе статей для провинціальной прессы“ (1884 г.).

3) „Юридическая помощь неимущимъ“ (1885 г.).

4) „Свободный театръ“ (1891 г.).

5) „Руководство при посѣщеніи музеевъ“ (1892 г.).

Разнообразная и полезная дѣятельность „Союза“ не замедлила найти самый горячій откликъ въ народѣ, и чувства признательности послѣдняго къ студентамъ нерѣдко проявляются самымъ трогательнымъ образомъ.

Іоганнъ Оттосенъ, авторъ книги, изъ которой мы почерпнули эти свѣдѣнія, говоритъ по поводу дѣятельности „Союза“ слѣдующее:

„Я глубоко убѣжденъ, что этотъ духъ, которымъ былъ до сихъ поръ проникнутъ „Союзъ“ и вся его дѣятельность, будетъ и впредь воодушевлять прибывающія молодыя силы и побуждать ихъ браться за такія задачи, рѣшеніе которыхъ вполнѣ имъ по

силамъ и полезно для развитія и совершенствованія этихъ силъ. Разнообразная и плодотворная дѣятельность „Союза“ внѣ своихъ стѣнъ подкрѣпила въ его членахъ сознаніе обязательности выполненія своего долга передъ обществомъ и народомъ и утвердила ихъ въ томъ убѣжденіи, что они такимъ путемъ оказываютъ немаловажное содѣйствіе къ развитію и укрѣпленію того уваженія къ умственному труду, той жаждѣ знанія и образованія, которыя уже такъ распространены въ датскомъ простомъ народѣ и особенно среди рабочихъ классовъ въ Копенгагенѣ“...

I.

Устройство вечернихъ классовъ для простого народа явилось однимъ изъ первыхъ шаговъ „Союза“ на поприщѣ полезной общественной дѣятельности. Уже спустя полгода по основаніи самаго „Союза“, члены его открыли 69 классовъ или курсовъ, изъ которыхъ на восьми читались лекціи по исторіи, гигіенѣ и обществовѣдѣнію. На эти курсы записалось 1.468 человѣкъ.

Рабочіе союзы съ восторгомъ приняли предложеніе „Союза студентовъ“, и разосланные по заводамъ, фабрикамъ и мастерскимъ листы для занесенія въ нихъ фамилій желающихъ посѣщать классы были черезъ двѣ недѣли возвращены „Союзу“ до того заполненными, что учредители классовъ невольно стали сомнѣваться въ возможности удовлетворить такой, превышавшій всякія ожиданія, спросъ на знаніе.

Въ первую зиму классы были открыты лишь для мужчинъ, но съ слѣдующей осени стали принимать и женщинъ. Обученіе, однако, велось отдѣльно для каждаго пола; только лекціи слушались мужчинами и женщинами вмѣстѣ.

Въ первое время много хлопотъ доставило разыскиваніе помѣщеній для классовъ. Учредители обратились-было въ городскую училищную коммиссію съ просьбой о разрѣшеніи имъ пользоваться помѣщеніями городскихъ школъ, но просьба эта была отклонена. Зато директоры частныхъ учебныхъ заведеній охотно предоставили свои помѣщенія въ распоряженіе учредителей вечернихъ классовъ. Черезъ годъ, въ коммиссію городскихъ школъ былъ внесенъ членами городского магистрата запросъ о причинѣ отказа коммиссіи содѣйствовать со своей стороны столь симпатичному и полезному дѣлу. Результатомъ запроса и явилась отмѣна прежняго постановленія коммиссіи, такъ что съ

1884 года для вечернихъ классовъ уже пользуются помѣщеніями городскихъ школъ.

Само собою разумѣется, что всѣ добровольцы-преподаватели вечернихъ классовъ несутъ свой трудъ безвозмездно. Недостатка въ желающихъ жертвовать своимъ временемъ и силами никогда не встрѣчается. Каждый годъ въ концѣ сентября распорядители дѣла вызываютъ желающихъ быть руководителями занятій въ вечернихъ классахъ, и предложеніе всегда съ избыткомъ покрываетъ спросъ. Такое безкорыстное отношеніе къ дѣлу лучше всего и ручается за ревностное его выполненіе, обезпечивающее, въ свою очередь, добрыя отношенія между учащимися и учащими.

До извѣстной степени вечерніе классы для простого народа могутъ показаться аналогичными съ высшими народными школами [1]), но между ними существуетъ и весьма значительное различіе. Высшія народныя школы на цѣлые полгода отрываютъ желающихъ пройти ихъ курсъ отъ обычныхъ занятій и трудовъ; вечерніе же классы берутъ у жаждущихъ пополнить пробѣлы своего образованія лишь часы досуга, по окончаніи трудового дня. Самая программа высшихъ народныхъ школъ и результаты, достигаемые ими, шире и выше, такъ какъ учащіеся посвящаютъ прохожденію курса все свое время и всѣ силы, тогда какъ посѣтители вечернихъ классовъ несутъ туда, послѣ трудового дня, лишь остатки своихъ умственныхъ и физическихъ силъ. Понятно, что они могутъ являться въ классы и утомленными, и вялыми, и сонными, и понятно также, что такимъ трудовымъ людямъ легко отстать отъ курса. Въ теченіе полугодового курса всегда и замѣчается порядочная убыль участниковъ.

Главными причинами этой убыли, кромѣ общихъ условій трудовой жизни рабочихъ, въ которой нерѣдки и періоды усиленной, переутомляющей дѣятельности, и періоды полной безработицы, одинаково мало благопріятные для ученія, являются: перемѣна рабочихъ часовъ, перемѣна мѣста жительства или работы, болѣзнь и, наконецъ, довольно фантастическія представленія рабочаго люда о продолжительности срока, нужнаго для усвоенія того или другого знанія. Видя медленность своихъ успѣховъ, многіе разочаровываются, впадаютъ въ сомнѣніе относительно возможности вообще достичь желаемыхъ результатовъ, и бросаютъ занятія. Нѣкоторые же отказываются отъ посѣщенія

---

[1]) Подробности о нихъ см. въ моей книгѣ: „Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи“.

классовъ потому, что пропустили, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ (или по своей волѣ), нѣсколько уроковъ и стѣсняются обнаружить свою отсталость отъ курса.

Не можетъ между учащими въ вечернихъ классахъ и учащимися установиться и такого общенія, какъ въ высшей народной школѣ, гдѣ учащіе и учащіеся цѣлый день вмѣстѣ. Но, разумѣется, это не исключаетъ возможности существованія самыхъ хорошихъ сердечныхъ отношеній между ними и взаимнаго пониманія, что и составляетъ одну изъ наиболѣе привлекательныхъ сторонъ дѣла. Вечерніе классы, устроенные студентами, не мало содѣйствовали сближенію между интеллигенціей и простымъ народомъ и, какъ уже упомянуто въ вышеприведенной выдержкѣ изъ отзыва Оттосена, развитію въ послѣднемъ уваженія къ просвѣщенію и его представителямъ.

Есть и еще одно существенное различіе между высшими народными школами и вечерними классами для рабочихъ. Первыя обязаны своимъ возникновеніемъ восторженной проповѣди Грунтвига, и руководители ихъ краеугольнымъ камнемъ своей дѣятельности сдѣлали „живое слово“, а ближайшею задачею—развитіе въ учащихся болѣе широкаго кругозора; руководители же вечернихъ классовъ для простого народа съ самаго начала намѣтили себѣ болѣе скромную, практическую задачу—сообщить учащимся нѣкоторый запасъ наиболѣе необходимыхъ для нихъ знаній, недостатокъ которыхъ особенно чувствителенъ въ ихъ быту. Поэтому-то собственно „лекціи“ никогда не играли особенно важной роли въ практикѣ; все сводилось главнымъ образомъ къ чисто школьному преподаванію, причемъ на первомъ планѣ стояли такіе предметы, какъ чистописаніе, ариѳметика, орѳографія, нѣмецкій и англійскій языкъ. Особенно охотно посѣщаются классы англійскаго языка; желающихъ изучать его, въ первую же зиму, нашлось 304 ч., которыхъ и раздѣлили на 17 группъ.

Кромѣ подобныхъ общихъ предметовъ, преподаются и спеціальные, если набирается достаточное количество желающихъ имъ учиться. Такъ, однажды, 35 мастеровыхъ подали заявленіе о желаніи пройти курсъ по металлургіи; въ другой разъ такое же число маляровъ—курсъ по химіи красокъ; еще однажды записалось полсотни собиравшихся эмигрировать въ Южную-Америку мужчинъ и женщинъ на курсъ португальскаго языка; артель же землекоповъ пожелала ознакомиться со способомъ измѣренія земляныхъ участковъ, съ цѣлью контролировать получаемую заработную плату. Вообще, записывающіеся на курсы руководятся по большей части чисто практическими соображеніями. Однимъ

хочется изучить какой-нибудь иностранный языкъ, такъ какъ они собираются эмигрировать, или отправиться усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ за границу; другимъ, какъ, напр., портнихамъ и модисткамъ—чужой языкъ нуженъ для того, чтобы слѣдить за модой по заграничнымъ журналамъ; третьимъ—гаваньскимъ рабочимъ, чтобы объясняться съ командой иностранныхъ судовъ, и т. д. Многіе родители записываются на курсы нѣкоторыхъ предметовъ, чтобы получить возможность помогать своимъ дѣтямъ-школьникамъ при приготовленіи уроковъ; мелкіе хозяева-ремесленники часто записываются на курсы бухгалтеріи, ариѳметики и чистописанія, чтобы имѣть возможность раціональнѣе вести свое дѣло; рабочіе учатся ариѳметикѣ, чтобы обезпечить себѣ правильный разсчетъ со стороны хозяевъ, и т. п. Какъ на единичный примѣръ, можно указать на старуху 69 лѣтъ, которая училась чистописанію, чтобы переписываться со своими дѣтьми и служить чтицею писемъ для своихъ старыхъ сотоварокъ по богадельнѣ.

Изъ этого видно, что опредѣленной программы для вечернихъ классовъ нельзя установить. Распорядители ведутъ дѣло, примѣняясь къ текущимъ потребностямъ учащихся, и сами составляютъ и издаютъ нужные для преподаванія учебники, пріобрѣтаемые учащимися на льготныхъ условіяхъ.

Во главѣ вечернихъ классовъ стоитъ комитетъ изъ пяти членовъ; кромѣ того, выбираются инспектора, по одному для каждаго участка, на которые раздѣленъ городъ, для общаго удобства учащихъ и учащихся.

Срокъ занятій вообще и продолжительность каждаго отдѣльнаго курса—полугодовой: съ 1-го октября по 1-е апрѣля, но работа комитета начинается уже съ начала сентября. Послѣ предварительныхъ совѣщаній, разсылаются въ газеты, на фабрики, заводы, въ мастерскія и развѣшиваются въ кіоскахъ оповѣщенія съ приглашеніемъ желающихъ записываться въ указанныхъ мѣстахъ на тотъ или другой курсъ. Когда списки съ именами участниковъ готовы, послѣднихъ распредѣляютъ на группы—въ каждой не болѣе 20 лицъ—и назначаютъ имъ аудиторіи, причемъ принимается въ разсчетъ мѣсто жительства участвующихъ, чтобы имъ не пришлось тратить лишняго времени на ходьбу. Затѣмъ составляется преподавательскій персоналъ, аудиторіи снабжаются необходимыми учебными пособіями, и участниковъ извѣщаютъ открытыми письмами о началѣ занятій.

Новые участники допускаются только съ новаго года и то лишь на такіе предметы, какъ чистописаніе, ариѳметика и т. п.,

въ которыхъ вновь поступающіе могутъ принять участіе не въ ущербъ занимающимся съ самаго начала курса. Лица моложе 16-ти лѣтъ въ вечерніе классы не принимаются. Самое обученіе ведется, какъ уже было упомянуто, съ обоими полами отдѣльно. Женщинъ обучаютъ учительницы, мужчинъ—учителя.

Наплывъ участниковъ держится изъ года въ годъ почти на одномъ уровнѣ. Наибольшимъ же оживленіемъ отличалось 1895—96 учебное полугодіе, когда участники были подраздѣлены на 97 группъ, по 20 чел. каждая; изъ нихъ 29 группъ были женскія. По предметамъ эти группы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: чистописаніе—16 группъ, орѳографія—12 группъ, ариѳметика—12, родной датскій языкъ—12, бухгалтерія—7, нѣмецкій языкъ—22, англійскій—19, французскій—1, математика—2, физика (лекціи съ опытами въ помѣщеніи политехникума)—1, химія (тамъ же)—1, и гимнастика—4 группы.

Преподавательскій персоналъ составляется преимущественно изъ студентовъ и студентокъ, но бывали случаи спроса на предметы, не входящіе въ курсъ университета и политехникума, и тогда комитету приходилось прибѣгать къ услугамъ обладавшихъ нужными познаніями постороннихъ лицъ, что, впрочемъ, тоже не представляло для комитета особыхъ трудностей, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, всѣ, къ кому только обращался комитетъ, обнаруживали полную готовность по мѣрѣ силъ содѣйствовать организованному „Союзомъ“ прекрасному дѣлу. Нерѣдки также случаи, что преподаватели являются изъ среды самихъ рабочихъ, прошедшихъ предварительно тотъ или иной курсъ въ „вечернихъ классахъ“, и отъ души готовыхъ подѣлиться пріобрѣтенными познаніями съ собратьями, еще нуждающимися въ нихъ.

Всѣ преподаватели, какъ сказано, несутъ свой трудъ безвозмездно, и за самое обученіе съ посѣтителей вечернихъ классовъ поэтому ничего не взимается, но для покрытія разныхъ другихъ, связанныхъ съ организаціей классовъ, расходовъ, съ каждаго участника берется по 50 эре [1]) за каждый полугодовой курсъ, на который онъ записался. Учебники и учебныя пособія предоставляется участникамъ пріобрѣтать въ аудиторіяхъ по пониженнымъ цѣнамъ, такъ что, въ общемъ, всѣмъ желающимъ учиться доставляется возможность осуществить свое желаніе на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Къ этому надо еще прибавить, что и въ отношеніи самаго времени посѣщенія классовъ участникамъ предоставлена довольно широкая свобода.

---

[1]) Около 25 коп. на наши деньги.

Можно записываться и на болѣе ранніе часы вечера, и на болѣе поздніе, глядя, какъ кому удобнѣе. Булочникамъ, напр., удобнѣе посѣщать классы въ болѣе раннее время, а прислугѣ—попозже. И даже, если желанія участниковъ относительно времени занятій нарушаютъ общій установленный порядокъ, всегда удается найти преподавателей, которые готовы жертвовать своимъ трудомъ въ неурочное время.

Результаты, достигаемые курсами, трудно опредѣлить, такъ какъ результаты эти могутъ обнаружиться лишь въ примѣненіи на практикѣ, въ самой жизни, гдѣ участники вечернихъ классовъ по большей части недоступны наблюденію руководителей классовъ. Но лучше всего свидѣтельствуетъ о пользѣ вечернихъ классовъ ихъ популярность въ средѣ рабочаго люда и постоянный наплывъ желающихъ посѣщать ихъ. Въ упоминавшемся уже учебномъ полугодіи (1895—96 г.) число участниковъ достигло, напримѣръ, почти 2.000. Кромѣ того, указываетъ на успѣшность занятій и то обстоятельство, что изъ прошедшихъ курсы вечернихъ классовъ выработываются хорошіе преподаватели тѣхъ же предметовъ, о чемъ уже говорилось выше. Затѣмъ, нерѣдко комитетъ получаетъ изъ-за границы отъ бывшихъ учениковъ вечернихъ классовъ составленныя на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ письма, въ которыхъ эти люди съ благодарностью сообщаютъ о своихъ успѣхахъ на чужбинѣ, обусловленныхъ пріобрѣтенными на курсахъ познаніями. Вообще, какъ комитетъ, такъ и преподаватели и преподавательницы вечернихъ классовъ нерѣдко имѣютъ удовольствіе получать отъ бывшихъ и настоящихъ учениковъ и устныя, и письменныя выраженія самой горячей искренней признательности.

Въ общемъ „вечерніе классы“ и могутъ уже считаться вполнѣ окрѣпшимъ, солиднымъ и въ высшей степени полезнымъ учрежденіемъ „Союза студентовъ“.

II.

Весной 1884 г., изъ членовъ „Союза“ составился еще комитетъ для руководства новымъ предпріятіемъ, имѣвшимъ цѣлью распространеніе въ народѣ путемъ печати разныхъ полезныхъ свѣдѣній. Самое распространеніе это предполагалось вести двумя путями: изданіемъ отдѣльныхъ брошюръ и помѣщеніемъ научно-популярныхъ статей въ различныхъ провинціальныхъ органахъ печати. Отдѣльныя брошюры комитетъ началъ выпускать уже съ

начала 1885 г., и по 1895 г. ихъ вышло 140, цѣною по 10 эре [1]); нѣкоторыя брошюры представляли цѣльныя статьи; другія же, болѣе обширныя статьи распредѣлялись на 2—3 и болѣе брошюръ.

Каждая статья представлялась авторомъ на разсмотрѣніе комитета, отъ усмотрѣнія котораго уже и зависѣло изданіе ея. Самыя статьи трактовали разные имѣющіе серьезное значеніе въ практической жизни вопросы, какъ-то: питаніе грудныхъ дѣтей, уходъ за ними, оздоровленіе жилищъ, значеніе воздуха и т. п.; затѣмъ былъ выпущенъ рядъ статей, дававшихъ основныя понятія по физикѣ, и серія статей по родной исторіи, какъ-то: о происхожденіи страны, о каменномъ и бронзовомъ вѣкѣ, о царствованіи королевы Маргариты, объ освобожденіи крестьянъ и проч.

Успѣхъ новаго дѣла въ первыя пять лѣтъ былъ громадный, далеко превосходившій всѣ ожиданія комитета. Многія брошюры выдержали нѣсколько изданій, по 6.000 экз. каждое. Примѣръ „Союза“ вызвалъ множество подражаній со стороны частныхъ издателей, и мало-по-малу спросъ на изданія комитета ослабѣлъ, такъ что въ 1892 г. комитетъ рѣшилъ временно прекратить издательство.

Черезъ два года дѣло было возобновлено, но въ нѣсколько ме́ньшихъ размѣрахъ.

Зато съ весны 1895 при комитетѣ образовалось особое бюро, завязавшее сношенія съ редакціями провинціальныхъ газетъ, для которыхъ члены „Союза“ взялись составлять статьи приблизительно того же характера, какъ и издававшіяся отдѣльными брошюрами для народа. Организуя это новое дѣло, „Союзъ“ руководился тою же цѣлью содѣйствія просвѣщенію народа,— въ данномъ случаѣ путемъ улучшенія содержанія дешевыхъ провинціальныхъ газетъ. Средства послѣднихъ обыкновенно невелики, и это существенно отзывается на матеріалѣ, составляющемъ ихъ содержаніе; немудрено, поэтому, что на предложеніе бюро доставлять, за очень скромную плату, добросовѣстно составленныя знающими людьми, интересныя и полезныя статьи охотно отозвались 24 провинціальныя редакціи.

Статьи для этихъ газетъ пишутся членами „Союза“, какъ студентами, такъ и профессорами, просматриваются членами бюро и затѣмъ уже отсылаются редакціямъ. Въ лѣтнее полугодіе (апрѣль—сентябрь) статьи доставляются послѣднимъ—разъ, а въ зимнее—два раза въ недѣлю.

---

[1]) 1 эре—$1/2$ копѣйки.

Объемъ статей—около 200 строкъ, или 7.000 буквъ. Содержаніе—самое разнообразное. Въ теченіе перваго года составлено, напр., научно-популярныхъ статей: по исторіи—15, по естествовѣдѣнію—13, по медицинѣ—13, по географіи—7, по юриспруденціи — 5, по политической экономіи — 5, по археологіи — 2, по педагогикѣ—3. Вообще же, при составленіи статей, авторы имѣютъ въ виду прежде всего удовлетворять запросамъ самой жизни, почему большинство статей и трактуютъ разные насущные житейскіе вопросы, какъ-то: вступленіе въ бракъ, отношенія между хозяевами и рабочими, составленіе завѣщаній, предупредительныя мѣры противъ заболѣваній, противъ чахотки, пользу холодныхъ морскихъ купаній, сохраненіе въ свѣжемъ видѣ съѣстныхъ припасовъ, страхованіе на случай смерти и увѣчья, и пр., и пр. Кромѣ того, затрогивались въ статьяхъ и нѣкоторые общественные вопросы, могущіе заинтересовать народъ, напр. ученіе Монрое, значеніе вольныхъ гаваней и т. п.

Получаемый авторами гонораръ, въ сущности, далеко не можетъ считаться достаточнымъ вознагражденіемъ за прилагаемый къ дѣлу серьезный трудъ, такъ что и это предпріятіе, какъ и всѣ предпріятія „Союза", вполнѣ сохраняетъ свой филантропическій характеръ.

Откликнувшіяся на предложеніе бюро 24 редакціи разбросаны по всей странѣ и представляютъ органы печати самаго различнаго направленія. Точныхъ свѣдѣній о степени распространенности ихъ не имѣется, но если даже ограничиться цифрою постоянныхъ подписчиковъ данныхъ газетъ—отъ 3 до 7 тысячъ,—то и тогда можно считать, что статьи находятъ себѣ достаточное число читателей, и что членамъ „Союза" есть для кого трудиться.

III.

Открывая въ 1885 г. „Отдѣлъ юридической помощи неимущихъ", „Союзъ студентовъ" имѣлъ цѣлью посильное содѣйствіе уравненію правъ всѣхъ согражданъ передъ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя de jure всѣ граждане и равноправны по отношенію къ закону, de facto оно далеко не такъ: значительная часть населенія остается въ родѣ какъ бы безправною, такъ какъ возможность для народной массы отстаивать свои права передъ закономъ сильно съужена, во-первыхъ, незнакомствомъ народа даже со своими гражданскими, личными и имущественными правами, не говоря уже о судебныхъ порядкахъ и законахъ, а

во-вторыхъ, бѣдностью, не позволяющею ему пользоваться совѣтами и помощью людей свѣдущихъ.

Правда, датскимъ законодательствомъ въ послѣднюю четверть вѣка сдѣлано многое для облегченія необразованнымъ и неимущимъ классамъ возможностя добиться справедливости путемъ суда, но въ отношеніи тѣхъ житейскихъ случаевъ, гдѣ бываютъ нужны юридическія познанія, классы эти оставались безпомощными до организаціи „Союзомъ“, въ декабрѣ 1885 г., „Отдѣла юридической помощи неимущимъ“.

Новое дѣло сразу нашло живой откликъ какъ среди той части населенія, для которой было организовано, такъ и среди юристовъ всѣхъ лагерей и направленій, которые и вступили въ „Отдѣлъ“ въ качествѣ сотрудниковъ. Съ 1893 г., „Отдѣлъ юридической помощи неимущимъ“ получилъ окончательную, твердую организацію. Во главѣ „Отдѣла“ стало правленіе, половина членовъ котораго избирается „Союзомъ“ изъ числа сотрудниковъ-юристовъ, а половина—самими сотрудниками. Главный контингентъ послѣднихъ—присяжные повѣренные и кандидаты правъ, числовъ 60; затѣмъ въ качествѣ помощниковъ ихъ выступаютъ и студенты-юристы обоего пола (22 студента и 6 студентокъ). Дѣятельность студентовъ и студентокъ ограничивается перепиской документовъ, составленіемъ простыхъ, несложныхъ прошеній и т. п.

Если дѣятельность студентовъ носитъ такимъ образомъ второстепенный характеръ, самое участіе студентовъ въ дѣлѣ и то обстоятельство, что оно ведется подъ флагомъ студенческаго „Союза“, играли первостепенную роль въ смыслѣ упроченія дѣла. Главной цѣлью вновь организованнаго „Отдѣла“ была подача совѣтовъ и всякаго рода разъясненій юридически-несвѣдущимъ людямъ, и первымъ условіемъ успѣшной его дѣятельности было безусловное довѣріе этихъ людей къ „Отдѣлу“. Организуй подобную юридическую помощь правительство или городской магистратъ, или даже само сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, дѣло, конечно, также могло бы снискать общее довѣріе, но на это потребовалось бы, пожалуй, много времени и трудовъ. „Союзъ“ же, за свое семилѣтнее существованіе, уже успѣлъ настолько заручиться общественными симпатіями и довѣріемъ всего населенія, что и къ новому организованному имъ предпріятію всѣ сразу отнеслись съ полнымъ довѣріемъ, благодаря чему оно быстро и стало на ноги.

По мѣрѣ расширенія дѣятельности „Отдѣла юридической помощи неимущимъ“, „Отдѣлъ“ сталъ пользоваться субсидіями по

600 кронъ въ годъ, отъ правительства и отъ городского общественнаго управленія, нисколько, впрочемъ, не теряя черезъ это независимости своей дѣятельности. Расходы же „Отдѣла“ равняются въ годъ 4—5 тысячамъ кронъ; главный расходъ—на наемъ помѣщенія и жалованье завѣдующему „Отдѣломъ“ адвокату и его помощнику, которые обязаны присутствовать въ помѣщеніи; покрываются всѣ расходы упомянутыми субсидіями, пожертвованіями и добровольными взносами кліентовъ. Самому „Союзу“ не приходилось пока тратиться на „Отдѣлъ“ матеріально; его вкладъ въ дѣло—безвозмездный трудъ его членовъ.

Дѣятельность „Отдѣла“ проявляется прежде всего въ разъясненіи кліентамъ разныхъ юридическихъ вопросовъ и положеній, въ составленіи прошеній въ различныя административныя инстанціи, въ выправленіи документовъ, составленіи актовъ, взысканіи небольшихъ суммъ и, наконецъ, въ веденіи дѣлъ на судѣ.

Разумѣется, „Отдѣлъ юридической помощи“ соблюдаетъ въ отношеніи тяжебныхъ дѣлъ величайшую осмотрительность и беретъ на себя веденіе ихъ, лишь убѣдившись въ невозможности покончить дѣло мирнымъ путемъ и удостовѣрясь въ правотѣ истца. Веденіе самыхъ процессовъ возлагается на завѣдующаго „Отдѣломъ“.

Кромѣ случаевъ чисто-юридическихъ, „Отдѣлъ“ приходитъ на помощь несвѣдущему и неимущему люду и во многихъ другихъ; съ годами, сотрудники „Отдѣла“ стали, если можно такъ выразиться, какъ бы свѣтскими духовниками этого люда, къ которымъ онъ идетъ за совѣтомъ и указаніемъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Одному нужно составить и написать прошеніе о мѣстѣ, другому—о пенсіи или о стипендіи для дѣтей, третьему—получить какія-нибудь свѣдѣнія изъ иностраннаго консульства; четвертому нужны указанія относительно составленія духовнаго завѣщанія; этотъ проситъ совѣта относительно заключенія такого-то контракта съ хозяиномъ, тѣ собираются хлопотать о разводѣ и не знаютъ, куда обратиться, и пр., и пр. И никто не уходитъ изъ „Отдѣла“ безъ совѣта, указанія и т. п. Лишь просьбы о составленіи на имя частныхъ лицъ прошеній о пособіи безусловно отклоняются „Отдѣломъ“.

Порядокъ занятій въ „Отдѣлѣ“ таковъ. Ежедневно, по буднямъ, въ помѣщеніи „Отдѣла“ дежурятъ, кромѣ завѣдующаго съ помощникомъ, шесть очередныхъ сотрудниковъ—присяжныхъ повѣренныхъ или кандидатовъ правъ съ помощниками-студентами. Каждый занимаетъ отдѣльный кабинетъ, гдѣ принимаетъ кліентовъ и заноситъ въ особый журналъ каждое дѣло, которое тре-

буетъ составленія бумагъ или даетъ поводъ къ неоднократнымъ обращеніямъ кліента въ „Отдѣлъ". Всѣ составленные бумаги и акты просматриваются затѣмъ завѣдующимъ, который, въ случаѣ надобности, дѣлаетъ свои замѣчанія или указанія, съ цѣлью сохраненія необходимаго единства въ дѣлопроизводствѣ.

Число дѣлъ за годъ достигаетъ обыкновенно 6.000, изъ которыхъ наибольшая часть, 33%, приходится на семейно-правовыя отношенія (заключеніе или расторженіе брака, обезпеченіе оставленныхъ женъ или дѣтей, или дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и т. п.); 12% составляютъ дѣла, связанныя съ хлопотами о государственной пенсіи, выдаваемой престарѣлымъ гражданамъ по закону 9-го апрѣля 1891 г.; 11% — дѣла, связанныя съ отношеніями между хозяевами и рабочими; 8%—съ долговыми обязательствами; 4%—съ хлопотами о подданствѣ; 3%—дѣла о наслѣдствахъ. Немало также бываетъ случаевъ, когда „Отдѣлу" приходится разрѣшать недоразумѣнія между домовладѣльцами и жильцами, но обыкновенно такія дѣла улаживаются сразу.

Число дѣлъ, которыя приходится „Отдѣлу" вести судебнымъ порядкомъ, достигаетъ въ послѣдніе годы 80 въ годъ.

Самое названіе „Отдѣлъ юридической помощи для неимущихъ" указываетъ на то, что помощь эта безвозмездная, но расходы по дѣлу, какъ-то на марки и проч., несетъ самъ кліентъ. Самымъ бѣднымъ, впрочемъ, и тутъ оказывается „Отдѣломъ" посильная помощь. Въ случаѣ, если кліенту, при содѣйствіи „Отдѣла", удается получить значительную сумму денегъ, „Отдѣлъ" предлагаетъ ему сдѣлать нѣкоторое пожертвованіе въ пользу „Отдѣла". Но, конечно, такіе случаи не часты.

„Отдѣлъ", вообще, зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы юридическая помощь оказывалась лишь дѣйствительно неимущимъ, т.-е. людямъ, которымъ совершенно не подъ силу или слишкомъ обременительно пользоваться помощью оплачиваемой. Слѣдить же за этимъ не особенно трудно, такъ какъ матеріальное положеніе кліента обыкновенно выясняется уже при изложеніи имъ своего дѣла. Ошибки возможны, но рѣдки и поправимы, такъ какъ съ лицъ, обманувшихъ „Отдѣлъ" относительно своего экономическаго положенія и оказавшихся состоятельными, „Отдѣлъ" взыскиваетъ плату за веденіе дѣла формальнымъ порядкомъ. Зато нерѣдки такіе случаи, когда кліенты сразу объявляютъ себя въ состояніи и готовыми заплатить за оказываемое содѣйствіе; такимъ кліентамъ „Отдѣлъ" отказываетъ, направляя ихъ искать платной помощи у адвокатовъ или нотаріусовъ.

Главный контингентъ лицъ, прибѣгающихъ къ помощи „Отдѣла“,—чернорабочіе, прислуга, мелкіе ремесленники, мастеровые и торговцы, словомъ, тотъ людъ, который, за невозможностью пользоваться услугами настоящихъ адвокатовъ, принужденъ прибѣгать къ спившимся или невѣжественнымъ лицамъ, которые, однако, также берутъ за свою помощь, принимая во вниманіе ея качество, очень недешево.

Въ первые годы къ помощи „Отдѣла“ обращалось, среднимъ числомъ, до 12 тысячъ человѣкъ въ годъ, а въ послѣдніе—до 30 тысячъ, что достаточно говоритъ за смыслъ существованія „Отдѣла“ и за довѣріе къ нему населенія.

IV.

Въ 1891 г., „Союзъ“, руководствуясь примѣромъ Парижа, рѣшилъ основать „Кружокъ свободнаго театра“, цѣлью котораго была бы постановка, время отъ времени, пьесъ, не принятыхъ почему-либо ни казеннымъ, ни частными театрами, но обладающихъ такими достоинствами, что являлось желательнымъ ознакомить съ ними публику. Число членовъ „Кружка“ первоначально равнялось 128, а со временемъ разрослось до 1.200. До 1896 г., было поставлено всего 9 оригинальныхъ и 3 переводныхъ пьесы, и затѣмъ, при посѣщеніи Копенгагена труппой французскаго „Théâtre de l'œuvre“,—еще двѣ французскія пьесы на французскомъ языкѣ. Изъ числа поставленныхъ пьесъ назовѣмъ лишь извѣстныя русской публикѣ: „Тереза Ракэнъ“, Э. Зола; „Вороны“ А. Бека, и „Непрошенная гостья“ М. Метерлинка. При постановкѣ пьесъ „Кружку“ оказывали содѣйствіе лучшія артистическія силы частныхъ сценъ Копенгагена.

Всѣмъ извѣстно, какое благотворное вліяніе на общее развитіе, на расширеніе умственнаго кругозора человѣка, можетъ оказать посѣщеніе музеевъ, при условіи надлежащаго, толковаго ознакомленія съ собранными въ нихъ художественными или научными коллекціями. Но такое именно ознакомленіе часто и составляетъ камень преткновенія для людей не только мало образованныхъ, но даже и образованныхъ, да некомпетентныхъ въ данной области. Правда, при музеяхъ состоятъ служащіе, которые охотно даютъ посѣтителямъ краткія указанія и объясненія, но всякій, конечно, пойметъ, что этого крайне недостаточно. Устроивъ вечерніе классы для простого народа, „Союзъ студентовъ“ вошелъ въ тѣсное общеніе съ народомъ, причемъ и не

замедлила обнаружиться желательность имѣть на-готовѣ толковыхъ руководителей, которые могли бы сопровождать учащихся въ классахъ, при обозрѣніи ими музеевъ и другихъ достопримѣчательностей столицы. Отсюда же былъ лишь одинъ шагъ и до образованія при „Союзѣ“ особаго комитета, поставившаго себѣ цѣлью содѣйствіе наиболѣе полезному посѣщенію музеевъ.

Послѣ многихъ попытокъ, удалось, наконецъ, придать дѣлу правильную организацію, обезпечившую ему успѣхъ. Самый комитетъ составился изъ членовъ „Союза“ и лицъ, завѣдующихъ музеями, содѣйствіе которыхъ устранило многія помѣхи и неудобства, встрѣчавшіяся вначалѣ при выполненіи программы комитета.

Убѣдившись на опытѣ, что командировка руководителей въ музеи въ обычные часы влечетъ за собой чрезмѣрное скопленіе посѣтителей, комитетъ выхлопоталъ для посѣтителей, желающихъ осматривать музеи подъ руководствомъ его сотрудниковъ, особые часы, принявъ на себя связанные съ этимъ дополнительные расходы по каждому музею.

Желающіе воспользоваться объясненіями руководителей запасаются особыми билетами, выдающимися въ самыхъ музеяхъ, въ помѣщеніи „Союза студентовъ“ и въ конторахъ нѣкоторыхъ другихъ учрежденій. Каждой группѣ посѣтителей изъ 12 человѣкъ дается особый руководитель. Самый осмотръ продолжается два часа; осмотръ особенно богатыхъ музеевъ или коллекцій можетъ производиться и въ нѣсколько пріемовъ; въ такихъ случаяхъ, по окончаніи перваго двухчасового осмотра руководитель объявляетъ группѣ о днѣ и часѣ слѣдующаго. При самомъ осмотрѣ руководители не ограничиваются стереотипными указаніями и разъясненіями, но стараются вызывать вопросы со стороны посѣтителей, чтобы такимъ путемъ расширить ихъ интересъ къ предмету.

Руководители набираются, главнымъ образомъ, изъ студентовъ и студентокъ, изъявившихъ на то желаніе. Обыкновенно профессора университета, послѣ лекціи, выясняютъ слушателямъ цѣль предпріятія и приглашаютъ желающихъ записаться въ число руководителей. Записавшіеся проходятъ затѣмъ, подъ руководствомъ завѣдующихъ музеями, настоящій курсъ, обстоятельно знакомящій ихъ самихъ со всѣми достопримѣчательностями музеевъ, и, по окончаніи этого курса, поочередно назначаются сопровождать въ музей группы посѣтителей. Для каждаго музея выбирается изъ числа руководителей такъ называемый

старшина, который и руководитъ распредѣленіемъ очередей и принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ комитета.

Польза, приносимая народу организаціей этого предпріятія „Союза", понятна сама собою, но не меньшую пользу приноситъ это дѣло и самой учащейся молодежи, участвующей въ немъ. Всестороннее ознакомленіе съ музеями и другими достопримѣчательностями столицы не мало пополняетъ ихъ собственное образованіе, а самое руководительство группами посѣтителей развиваетъ въ будущихъ учителяхъ, общественныхъ и научныхъ дѣятеляхъ, навыкъ къ популярно-научнымъ бесѣдамъ съ учениками и пріучаетъ къ ясному и толковому изложенію предмета. Кромѣ того, многимъ изъ учащейся молодежи предстоитъ въ будущемъ трудиться въ провинціи, гдѣ еще ощущается такой недостатокъ въ научныхъ и художественныхъ коллекціяхъ; вотъ тутъ-то студенты, прошедшіе курсъ подъ руководствомъ завѣдующихъ столичными музеями, и могутъ принести существенную пользу, способствуя составленію коллекцій и организаціи мѣстныхъ музеевъ.

Организовавъ личное руководство обозрѣніемъ музеевъ, комитетъ озаботился еще изданіемъ цѣлаго ряда общедоступныхъ пояснительныхъ каталоговъ музеевъ, затѣмъ организовалъ посѣщенія школьными учителями столичныхъ фабрикъ, заводовъ и разныхъ выдающихся казенныхъ и частныхъ промышленныхъ и техническихъ учрежденій, въ родѣ монетнаго двора и пр., съ цѣлью пополнить имѣющійся въ распоряженіи учителей матеріалъ для общеобразовательныхъ бесѣдъ съ дѣтьми.

Поставивъ это новое дѣло на твердую почву, комитетъ передалъ его въ вѣдѣніе одного изъ учительскихъ кружковъ, и возьметъ его на себя вновь лишь въ томъ случаѣ, если оно окажется не подъ силу кружку. Общеніе студентовъ съ учителями городскихъ школъ повело къ тому, что и учителя стали пользоваться руководствомъ студентовъ при посѣщеніи музеевъ, а затѣмъ, въ свою очередь, становились руководителями при посѣщеніи музеевъ учениками городскихъ школъ.

Статистическія данныя имѣются лишь за первые три года дѣятельности комитета. Изъ нихъ видно, что услугами комитета воспользовались 4.608 лицъ, раздѣленныхъ на 304 группы, и 32 учебныя заведенія и союза. Руководителями же служили 97 чел. студентовъ и студентокъ, прошедшихъ упоминавшійся подготовительный курсъ.

Польза описанной нами разнообразной общественной дѣятельности „Союза датскихъ студентовъ“ настолько очевидна, что нѣтъ надобности въ особыхъ комментаріяхъ, и остается только высказать пожеланіе, чтобы дѣятельность эта, продолжаясь съ тою же энергіей впредь и развиваясь дальше въ самой Даніи, послужила добрымъ примѣромъ для студентовъ другихъ странъ.

П. Ганзенъ.

ТАЙНА СМЕРТИ

Ночь—темный, тусклый взоръ на землю опустила,
И дремлетъ, и молчитъ, крыломъ не шевеля...
Въ туманѣ, какъ въ дыму, погасли звѣздъ кадила,
И паутиной сновъ окутана земля.

Жизнь умерла кругомъ, но тайны воскресаютъ;
Неуловимыя, какъ легкій вздохъ ночной,
Онѣ встаютъ, плывутъ, трепещутъ, исчезаютъ,
И лишь одна изъ нихъ всегда во мнѣ, со мной.

То—смерти вѣчная, властительная тайна;
Я чувствую ее на днѣ глубокихъ сновъ,
И въ предразсвѣтный часъ, когда проснусь случайно,
Мнѣ слышится напѣвъ ея немолчныхъ словъ:

—„Я здѣсь, какъ сердца стукъ и какъ полетъ мгновеній,
„Я—страхъ предъ вѣчностью; но этотъ страхъ пройдетъ,
„И ледяной огонь моихъ прикосновеній
„Лишь ложныя черты и выжжетъ, и сотретъ"...

И ясно вижу я въ тѣ вѣщія мгновенья,
Что жизнь отвѣта ждетъ—и близится отвѣтъ,
Что есть—проклятье, боль, уныніе, забвенье,
Разлука страшная,—но смерти нѣтъ...

Поликсена Соловьева.

РАБЫНЯ

РОМАНЪ.

The slave. By Robert Hichens. London, 1900.

I.

Въ одно майское утро въ Лондонѣ два человѣка прохаживались, наслаждаясь первымъ весеннимъ солнцемъ, по улицѣ Пикадилли. Старшій изъ нихъ былъ брюнетъ, съ кожей, походившей на пергаментъ, съ острыми проницательными глазами, съ фигурой, которая всегда была мала, а теперь еще начала ссыхаться, и съ бородой и волосами, тронутыми сѣдиной. Другой былъ высокій, стройный юноша лѣтъ двадцати-трехъ, съ красивыми чертами лица, большими голубыми глазами и очень густыми гладкими волосами темно-каштановаго цвѣта надъ низкимъ лбомъ. Юноша былъ очень хорошо одѣтъ по послѣдней модѣ и видимо поддѣлывался подъ общепринятый типъ настоящаго дэнди.

Въ наружности старшаго, напротивъ, было что-то мѣшковатое. Платье его было отъ хорошаго портного, но оно съ перваго же раза приняло отпечатокъ фигуры своего обладателя и какъ-то уныло висѣло на немъ, отдаваясь вліянію то вѣтра, то пыли и пріобрѣтая, благодаря этому, очень неопрятный видъ. Невозможно было найти во всемъ Лондонѣ двухъ другихъ людей, которые бы менѣе подходили другъ къ другу по внѣшнему виду. Ихъ несходство, выразившееся такъ ярко даже въ костюмѣ, отражалось еще сильнѣе въ различномъ выраженіи глазъ, въ походкѣ, до странности непохожей одна на другую, въ рукахъ и въ манерѣ держать палку. Старшій держалъ ее крѣпко худыми, крюч-

коватыми пальцами и звонко постукивалъ ею по мостовой. А молодой человѣкъ держалъ трость легко, почти небрежно, какъ держали ее сотни другихъ молодыхъ людей, проходившихъ мимо нихъ въ какой-нибудь клубъ или паркъ. Многіе изъ нихъ весело кивали ему головой. Нѣкоторые взглядывали на его товарища, но, казалось, никто не зналъ его.

— Теперь только я вижу, до чего долго я здѣсь не былъ,— сказалъ старшій, сэръ Рёбенъ Аллабрутъ. — Пикадилли полно чужихъ для меня людей. Даже ты, ты, Обрэ,—онъ видимо колебался, прежде чѣмъ произнести послѣднее слово,—чужой. Ты былъ школьникомъ, когда я пустился въ мои странствія. Теперь ты—то, что̀ дѣвушки называютъ красивымъ мальчикомъ—настоящій дэнди съ прямымъ носомъ. Твоя мать гордится тобою больше, чѣмъ когда ты былъ въ Итонѣ; но я...

Онъ замолчалъ и вздохнулъ, и въ этомъ вздохѣ было что-то непріятное.

— Школьникомъ я вамъ больше нравился?—спросилъ молодой человѣкъ дѣланнымъ голосомъ.

Сэръ Рёбенъ покосился на него.

— Я тогда лучше тебя зналъ, — отвѣтилъ онъ. — Я слишкомъ долго былъ въ отсутствіи. Даже мои немногіе настоящіе друзья кажутся мнѣ чужими.

— Кромѣ моей матери, конечно? — сказалъ молодой человѣкъ.

— Да! Но твоя мать исключеніе, Обрэ,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ съ мгновенною вспышкою чувства, въ которомъ былъ едва замѣтный намекъ на что-то комичное.

— Ну, конечно, я знаю,—сказалъ Обрэ съ легкимъ нетерпѣніемъ человѣка, принужденнаго выслушивать общеизвѣстныя истины, и, снявъ шляпу, онъ поклонился вдовѣ, которая нарушала красоту этого пріятнаго утра и своимъ ярко-краснымъ платьемъ, и свѣтло-желтыми колесами своего экипажа. Она улыбнулась ему съ слонообразной граціей и снисходительностью дородной женщины къ тонкому, нѣжному юношѣ.

— Это кто же?.. это вѣдь лэди Эленъ Маргмонтъ?—сказалъ сэръ Рёбенъ, смотря ей вслѣдъ.

— Да; вы ее, кажется, знали?

— Она часто бывала у меня въ домѣ на обѣдахъ. Но это было восемь лѣтъ тому назадъ. Она меня не узнала. Я думаю, я измѣнился больше, чѣмъ она.

— Да, знаете ли, вы очень посѣдѣли съ тѣхъ поръ,—ска-

залъ Обрэ съ холодностью и равнодушіемъ, съ какимъ обыкновенно молодежь говоритъ о такихъ предметахъ.

— Конечно. Ну, а другихъ перемѣнъ нѣтъ?

— У васъ немного болѣе утомленный видъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ откровенно: — я думаю, это вліяніе жаркаго климата.

Сэръ Рёбенъ посмотрѣлъ на него проницательно, какъ будто съ цѣлью уловить насмѣшку, но не уловилъ ея, и вспомнивъ, какъ много было дѣтскаго въ натурѣ его собесѣдника, подивился своей подозрительности и той забывчивости, которая ее вызвала.

— Жаркаго климата!—проговорилъ онъ.—Да, я тоже думаю. Но твоя мать, кажется, не нашла большой перемѣны въ моей наружности.

— О, мама вѣдь никогда не замѣчаетъ ничего подобнаго,—сказалъ Обрэ. И опять сэръ Рёбенъ былъ озадаченъ его словами, благодаря недостатку памяти.

— Ахъ, нѣтъ! Я помню,—отвѣчалъ онъ.—Но еслибы я не измѣнился, то она бы это замѣтила.

— Да... А солнце какъ припекаетъ!

— Мнѣ вовсе не жарко,—возразилъ сэръ Рёбенъ.

Повидимому, имъ больше нечего было сказать другъ другу; но легко было подмѣтить, что они находились или прежде были въ очень близкихъ отношеніяхъ. Юноша чувствовалъ себя совершенно свободно. Только въ настроеніи сэра Рёбена замѣтно было вначалѣ какое-то безпокойство и неровность, какъ будто онъ хотѣлъ въ чемъ-то оправдаться. Но, по мѣрѣ того, какъ они шли, къ нему видимо съ каждымъ шагомъ все болѣе возвращалось свойственное ему душевное спокойствіе.

Лондонъ похожъ на странную и трудную игру для человѣка, который много лѣтъ не игралъ въ нее. Но если онъ когда-нибудь игралъ въ нее хорошо, то онъ скоро припоминаетъ свое прежнее искусство и смѣло становится лицомъ ко всѣмъ сложностямъ игры, преодолѣвая ихъ съ увѣренною быстротой. Къ тому времени, когда гуляющіе подошли къ Бондъ-Стриту, сэръ Рёбенъ чувствовалъ себя уже гораздо лучше. Онъ раскланялся съ двумя знакомыми, которые тотчасъ же узнали его. Это ли обстоятельство, или старая привычка, но только было что-то, что вдохнуло въ него чувство увѣренности и свободы. Онъ повеселѣлъ, поднялъ голову и зашагалъ быстро и легко.

— Я скоро почувствую себя какъ дома,—проговорилъ онъ.

— Ну, конечно, вѣдь вы лондонецъ!

— Но, все таки,—сказалъ сэръ Рёбенъ,—менѣе тебя; такимъ,

какъ ты, я никогда не буду.—Онъ окинулъ своего собесѣдника острымъ взглядомъ.—Лондонъ тебѣ подходитъ, какъ перчатка къ рукѣ, какъ перчатка отъ Веннингса.

Обрэ улыбнулся.

— Ужъ теперь перчатки покупаютъ не у Веннингса,—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ?

— Теперь его мѣсто заняли Ричардсъ и Клейфильдъ.

— Я пойду туда и куплю перчатки. Гдѣ это?

— Бондъ-Стритъ, направо, если вы пойдете къ Оксфордъ-Стриту.

— Благодарю! Да, Обрэ, ты теперь освоился съ Лондономъ, какъ съ Итономъ, когда я уѣзжалъ.

Юноша насмѣшливо улыбнулся.

— Вы такъ думаете?

— Всѣмъ нужно, конечно, сообразоваться съ „антуражемъ", —въ Лондонѣ это необходимо. Глупо этого не дѣлать.

Они повернули въ Бондъ-Стритъ.

— Ты съумѣлъ бы освоиться со всякой обстановкой?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Во всякомъ случаѣ, я постарался бы производить такое впечатлѣніе,—отвѣчалъ Обрэ.

Голосъ у него былъ совершенно такой же, какъ у тысячи превосходно воспитанныхъ молодыхъ людей. Интонаціи этого голоса составляютъ общее достояніе людей извѣстнаго круга. Сэръ Рёбенъ провелъ въ Лондонѣ больше лѣтъ, чѣмъ Обрэ Геррикъ прожилъ на свѣтѣ, и, однако, не уловилъ ни одной изъ этихъ интонацій. Правда, что онъ и не хотѣлъ ихъ улавливать и теперь слышалъ ихъ въ голосѣ шедшаго съ нимъ рядомъ юноши съ чувствомъ разочарованія.

Неужели же нужно, чтобы и *ея* сынъ былъ какъ всѣ? Вѣдь это все куклы вмѣсто женщинъ, статуэтки вмѣсто мужчинъ, — онъ видѣлъ ихъ повсюду вокругъ себя. Онъ ожидалъ, что увидитъ ихъ, зналъ, что долженъ увидѣть. И все-таки въ немъ поднималось чувство презрѣнія человѣка иной расы, когда онъ наблюдалъ ихъ шутовской видъ и слушалъ ихъ голоса, похожіе на голоса полишинелей, хотя, конечно, болѣе гармоничные.

Мимо проѣхалъ принцъ въ двухмѣстной каретѣ. Онъ увидалъ Обрэ и кивнулъ ему головой. „Интересно было бы знать, будетъ ли онъ опять со мной обѣдать",—подумалъ сэръ Рёбенъ.

На Бондъ-Стритѣ было множество женщинъ, направлявшихся къ своимъ портнихамъ. Многія изъ нихъ шли пѣшкомъ,

съ мѣшечками въ рукахъ. Онѣ имѣли сосредоточенный видъ и двигались медленно съ лицами, обращенными къ окнамъ магазиновъ. По большей части онѣ молчали; тѣ же, которыя болтали между собою, говорили о шляпкахъ и наколкахъ, о вечернихъ накидкахъ, о модномъ цвѣтѣ, о томъ, который царилъ въ ту минуту надъ всѣми другими,—о самой подходящей краскѣ для волосъ, о вновь изобрѣтенной пудрѣ, о новыхъ духахъ, о самыхъ красивыхъ цвѣтахъ для украшенія столовъ, о томъ, какой вышины должны быть брилліантовыя гребенки. Говорили о прелести или, напротивъ, о безобразіи чьей-то шеи, замѣченной въ прошлый вечеръ благодаря надѣтому на ней узкому жемчужному колье; о томъ, какъ хорошо серьги освѣщаютъ слишкомъ смуглыя лица, и о глупости модистки, которая допустила, чтобъ ея самая старая кліентка казалась старой. Ихъ платья пріятно шуршали во время ходьбы и почтительно замолкали передъ зеркальными окнами магазиновъ. Одна уронила свой мѣшечекъ. Сэръ Рёбенъ поднялъ его и отдалъ по принадлежности. Дама поблагодарила его, сдѣлавъ изумленные глаза, повернулась къ своей пріятельницѣ и заговорила съ слабымъ оживленіемъ о боа изъ перьевъ и о накидкѣ, которую она видѣла и которая была сдѣлана изъ грудныхъ перышекъ морскихъ птицъ. Двѣ женщины проѣхали въ викторіи. Обѣ онѣ были знаменитости, обѣ были очень тонки, съ бѣлыми лицами, крашеными волосами и лунообразной улыбкой. Ихъ длинныя руки лежали на колѣняхъ и онѣ говорили нѣжными дѣтскими голосами, разбирая и осуждая новую театральную пьесу. Увидавъ Обрэ, онѣ обратили на него свою искусственную улыбку, и коляска проѣхала мимо, увлекаемая горячащимися лошадьми.

— Жажда власти дѣлаетъ ихъ такими худыми, — сказалъ Обрэ сэру Рёбену.

— Онѣ имѣютъ видъ умирающихъ съ голоду, — возразилъ тотъ.

— О, нѣтъ; онѣ и не думаютъ морить себя голодомъ. Да и кому это придетъ въ голову въ Лондонѣ?

Онъ говорилъ съ такой спокойной простотой, что у сэра Рёбена все время мелькала мысль, не смѣется ли онъ.

Они уже прошли медленными шагами часть Бондъ-Стрита. Вокругъ нихъ сновали женщины, не отрывая глазъ отъ магазинныхъ оконъ. На встрѣчу имъ развѣвались кружева. Блестящій шолкъ окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ древесные листья окружаютъ человѣка, проходящаго лѣсомъ. Воздухъ былъ наполненъ нѣжнымъ журчаньемъ женскихъ голосовъ и музыкаль-

нымъ звукомъ легкихъ шаговъ. Сэръ Рёбенъ мало-по-малу сталъ поддаваться странному чувству возбужденія. Болѣе семи лѣтъ не слыхалъ онъ этого шелеста лондонской толпы нарядныхъ женщинъ, и забылъ ихъ тонкое очарованіе. Его большіе темные глаза начали блестѣть, улыбка стала появляться на подвижныхъ губахъ. Онъ сильнѣе сжалъ свою трость и чувствовалъ себя почти какъ мальчикъ на ярмаркѣ. Онъ посмотрѣлъ на Обрэ и встрѣтилъ спокойный и сдержанный взглядъ его неизмѣняющихся голубыхъ глазъ. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто все это его не касалось, и сэръ Рёбенъ покраснѣлъ отъ внутренняго сознанія своего собственнаго мальчишескаго возбужденія. „Въ наше время только старики умѣютъ чувствовать", — подумалъ онъ, и все-таки ему хотѣлось бы быть молодымъ. Потомъ, отвѣчая на спокойный взглядъ Обрэ, онъ сказалъ:

— Мнѣ очень странно видѣть опять такое количество англійскихъ женщинъ, послѣ этихъ вѣчныхъ восточныхъ покрывалъ, и онѣ все такія же, какъ восемь лѣтъ тому назадъ.

— Все смотрятъ въ окна магазиновъ?

— Именно! Онѣ будутъ смотрѣть въ окна магазиновъ утромъ въ день Страшнаго Суда. Какъ легко провидѣть жизнь и предсказать будущее многихъ женщинъ!

— Вы такъ думаете?

— А ты — развѣ нѣтъ? Вотъ, напримѣръ...—онъ остановился и посмотрѣлъ кругомъ. Потомъ тронулъ своего собесѣдника за руку и прошепталъ: —Посмотри-ка!

Они подошли теперь къ извѣстному ювелирному магазину. Толпа здѣсь немного порѣдѣла, и они могли видѣть на нѣкоторое разстояніе передъ собою.

Обрэ посмотрѣлъ по направленію взгляда сэра Рёбена. Этотъ взглядъ былъ устремленъ на дѣвушку, неподвижно стоявшую передъ ювелирнымъ магазиномъ. Она была просто одѣта въ черное съ сѣрымъ, и ея маленькая шляпа не закрывала лица и волосъ. Она была высока и тонка, какъ тысячи англійскихъ дѣвушекъ, но, вглядѣвшись ближе, можно было замѣтить, что она не была на нихъ похожа. Лицо ея, несмотря на блѣдность, имѣло тотъ горячій оттѣнокъ, который встрѣчается въ Италіи, но тамъ онъ обыкновенно бываетъ въ соединеніи съ темными волосами. У нея же волосы были свѣтлые и блестящіе, какъ будто покрытые легкимъ налетомъ золотой пудры. Черты лица были маленькія и аристократическія, глаза—очень длинные, сѣрые, полные блеска и огня. Голова — маленькая и прекрасно посажена; ротъ въ одно и то же время имѣлъ выраженіе хо-

лодное и страстное. Это была красавица—и красавица не обыкновеннаго типа: свѣжая, но не розовая, спокойная, но не мрачная и не печальная. Несмотря на это, скорѣе ея поза, чѣмъ ея наружность, привлекла взглядъ сэра Рёбена. Въ Бондъ-Стритѣ эта поза особенно поражала. Казалось, что дѣвушка совсѣмъ забыла, гдѣ она. Во всей ея фигурѣ выражалось сильнѣйшее духовное напряженіе. И въ уединеніи такое выраженіе поразительно, а тѣмъ болѣе среди толпы. Очевидно, дѣвушка въ эту минуту была одна, одна въ своемъ сознаніи. Она не обращала вниманія ни на что, кромѣ магазиннаго окна, передъ которымъ стояла. На ея блѣдномъ лицѣ длинные сѣрые глаза смотрѣли пристально, какъ въ трансѣ. Рядомъ съ нею, не обращая на себя вниманія и видимо скучая, стояла, вся въ черномъ, маленькая женщина. Въ ея покорномъ видѣ было что-то почти трогательное; судя по чистенькому скромному платью, это была горничная. Молодая дѣвушка смотрѣла на драгоцѣнныя вещи. За зеркальнымъ окномъ магазина былъ сдѣланъ откосъ изъ блѣдно-янтарнаго бархата, на который множество скрытыхъ маленькихъ электрическихъ лампочекъ бросало сильный лучистый свѣтъ. По этому бархатному откосу были разложены брилліанты: цѣпочка, серьги, браслеты, часы, подвѣски, узенькая корона. Все это искрилось и сверкало, и въ этомъ блескѣ было что-то злое. Янтарный бархатъ скромно оттѣнялъ всѣ эти драгоцѣнности. А онѣ сіяли на показъ всей улицѣ, какъ живыя презрительныя существа, равнодушныя въ своемъ торжествѣ, какъ женщина, которая попираетъ ногами весь свѣтъ. Глубина ихъ серебристаго огня казалась безграничной. И въ эту глубину поглощенная созерцаніемъ молодая дѣвушка погружалась съ серьезной страстностью, въ которой было что-то похожее на чувственность. Ея губы раскрылись, глаза начали блестѣть, маленькія ноздри расширились. А потомъ вдругъ въ ея лицѣ появилось выраженіе чего-то туманнаго, какъ сказка, сказка этихъ драгоцѣнныхъ камней, въ которыхъ живетъ свѣтъ и измѣнчивое сіяніе. До сихъ поръ она только смотрѣла съ напряженіемъ—теперь въ ней проснулось воображеніе. До сихъ поръ она только наблюдала и все ея существо сосредоточивалось въ глазахъ—теперь она думала и все ея существо сосредоточилось въ сердцѣ.

Когда сэръ Рёбенъ тронулъ за руку Обрэ, то спокойствіе послѣдняго было нарушено. Увидавъ дѣвушку передъ окномъ, онъ слегка вздрогнулъ и покраснѣлъ, какъ мальчикъ. Но черезъ минуту онъ овладѣлъ собой, и сэръ Рёбенъ не замѣтилъ его

мимолетнаго волненія. Снова тронувъ его за руку, сэръ Рёбенъ прошепталъ ему на ухо:

— Вотъ, напримѣръ, будущее этой дѣвушки,—развѣ ты не можешь отгадать его?

— Нѣтъ,—проговорилъ Обрэ холодно и отрывисто.

— У нея—это будущность драгоцѣнностей, брилліантовая будущность.

— Я не согласенъ съ вами,—отвѣтилъ Обрэ быстро, съ вспышкой гнѣва, которая смутила его собесѣдника.—Вы совершенно неправы—вы ошибаетесь.—Проговоривъ это, онъ двинулся впередъ и остановился рядомъ съ дѣвушкой передъ брилліантами. Онъ приподнялъ шляпу и что-то сказалъ ей. Она медленно обернулась, отведя глаза отъ драгоцѣнностей, какъ будто это движеніе было жертвой и причинило ей физическую боль. Она въ самомъ дѣлѣ имѣла видъ человѣка, который съ трудомъ возвращается къ дѣйствительности изъ области сновидѣній. Но когда она увидала Обрэ, то углы ея губъ приподнялись въ улыбку, и она протянула ему руку.

— Не правда ли, эти брилліанты прелестны?—проговорила она весело.

— Великолѣпны! Вамъ хотѣлось бы ихъ имѣть?—Это было сказано для сэра Рёбена.

— Мнѣ кажется, всѣ женщины иногда желаютъ имѣть красивыя вещи, хоть на минуту; и мужчины также.—Въ ея глазахъ промелькнуло кокетливое выраженіе.

— Мужчины иногда желаютъ имѣть красивыя вещи на болѣе долгій срокъ,—сказалъ Обрэ, понижая голосъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—возразила она.—А я думаю, что мужчинамъ скорѣе надоѣдаютъ вещи, чѣмъ женщинамъ. Моя мать всегда это говоритъ. Можетъ быть она не права? Не отвѣчайте. Вы не можете сказать. Однако, я должна идти. Бѣдная Марія только и мечтаетъ о томъ, чтобы сѣсть.

Это было всегдашнее настроеніе ея горничной,—она любила покой. Но теперь, на ломанномъ англійскомъ языкѣ, она сочла нужнымъ скромно заявить, что предпочитаетъ усиленное движеніе.

Ея молодая госпожа снисходительно улыбнулась въ отвѣтъ на ея краснорѣчіе, слегка пожала руку Обрэ и направилась дальше. Повидимому, она не замѣтила сэра Рёбена, который ожидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ, опершись на палку. Ея стройная, очаровательная фигура, сопровождаемая торопящейся фигурой горничной, быстро скрылась въ толпѣ.

— Такъ ты знакомъ съ этой дѣвицей, читающей по бриліантамъ, какъ по звѣздамъ?—сказалъ сэръ Рёбенъ, когда Обрэ вернулся къ нему.

— Всякій знаетъ лэди Кэриль Ноксъ,—оборвалъ его Обрэ.

— Кто она такая?

— Дочь лорда Сэнтъ-Орминъ!

— Дочь Сэнтъ-Орминъ! Отъ него-то ужъ навѣрное она не получитъ никакихъ драгоцѣнностей.

Они зашли въ клубъ, членомъ котораго состоялъ Обрэ. Длинная курительная комната въ нижнемъ этажѣ была почти пуста въ этотъ ранній часъ. Они усѣлись, и сэръ Рёбенъ закурилъ сигару. Онъ теперь совсѣмъ освоился съ Лондономъ и пріобрѣлъ свое обычное самообладаніе, въ которомъ было что-то непріятное.

— Она училась во Франціи, когда я уѣзжалъ, — продолжалъ онъ.—Говорили, что Сэнтъ-Орминъ готовилъ ее въ гувернантки, потому что самъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Обрэ ничего не сказалъ. Повидимому, разговоръ ему не нравился. Онъ задумчиво смотрѣлъ на свои лакированныя ботинки.

— Что Сэнтъ-Орминъ — все такъ же бѣденъ? — спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Еще бѣднѣе.

— Я думалъ, что это невозможно. Но лэди Кэриль не будетъ гувернанткой.

— Почему?

Сэръ Рёбенъ посмотрѣлъ на своего юнаго собесѣдника.

— Нѣтъ. Она навѣрное устроитъ жизнь по-своему.

— Вы думаете! — сказалъ Обрэ, медленно зажигая папиросу.

— Да, и это очень умно. Чтобы имѣть успѣхъ, надо быть спеціалистомъ, надо рѣшить съ юныхъ лѣтъ, къ чему имѣешь склонность, чѣмъ будешь въ жизни. Въ наши дни нельзя браться сразу за нѣсколько вещей. Если вы дѣлаете хорошо два дѣла, то на васъ уже смотрятъ, какъ на дилеттанта, а если три — такъ прямо какъ на полнѣйшее ничтожество. Но если вы дѣлаете только что-нибудь одно хорошо, то успѣхъ за вами. Представьте себѣ доктора, который былъ бы извѣстенъ какъ первоклассный докторъ и какъ первоклассный художникъ. Кто далъ бы ему пощупать пульсъ? Кто сталъ бы покупать его картины? Медицина бросала бы тѣнь на его искусство, — искусство пор-

тило бы его научную карьеру. Всѣ люди, имѣющіе успѣхъ, односторонни. Лэди Кэриль одностороння; она ясно видитъ вдали свою будущность.

— Вы такъ думаете?—сказалъ Обрэ, закинувъ ногу на ногу и произнося слова медленно и слегка презрительно.

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же такое она видитъ?

— Брилліанты.

Обрэ слегка покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Сэръ Рёбенъ продолжалъ:

— Такіе брилліанты, какіе, быть можетъ, видѣлъ Аладинъ, когда спустился въ заколдованное подземелье. У англичанокъ рѣдко бываетъ воображеніе, но у лэди Кэриль оно есть. Глядя на эти брилліанты, она видѣла весь блескъ своей будущности, видѣла то, чего жаждетъ и что получитъ. Она видѣла свои грядущіе дни въ блескѣ брилліантовъ, кровавыхъ рубиновъ, сапфировъ, похожихъ на ночное небо, въ сверканьѣ изумрудовъ, добытыхъ изъ минъ Музо или горъ Сахары, въ ярко-желтыхъ или ярко-красныхъ восточныхъ камняхъ и въ персидской бирюзѣ.

По тому, какъ онъ все это говорилъ, было ясно, что въ его жилахъ текла не англійская кровь. Его темные глаза сверкали; онъ былъ въ волшебномъ подземельѣ вмѣстѣ съ Аладиномъ, для него каждая драгоцѣнность оживала и благоухала ароматами тѣхъ странъ, изъ которыхъ была взята. Онъ, казалось, вдыхалъ бальзамическій запахъ пряныхъ кореньевъ Цейлона, сапфиры приносили ему благовонія Индіи; въ живомъ блескѣ сѣро-зеленыхъ варіолитовъ чудились ароматы альпійскихъ цвѣтовъ, а надъ холодною бирюзой дышалъ горячій воздухъ Персіи, отягченный запахомъ умирающихъ розъ. Въ эту минуту онъ былъ вполнѣ человѣкомъ Востока. Но тутъ онъ вдругъ остановился, вспомнивъ, что находится въ Лондонѣ и въ обществѣ молодого англичанина.

— Ты наблюдалъ за лицомъ лэди Кэриль, когда она смотрѣла на брилліанты?—спросилъ онъ.

— Да,—сказалъ Обрэ.

— Не думаешь ли ты, что ей очень нравятся эти драгоцѣнности?

— Настолько же, насколько ей нравится все прекрасное.

— Нѣтъ, Обрэ; можетъ быть этотъ огонь, эти краски и погрузили ее въ пріятный сонъ, но въ то же время она думала о своей будущности. Она—какъ юноша, выбирающій профессію.

И что въ этомъ дурного? Она сама похожа на брилліантъ, у нея такое живое свѣтлое лицо, блестящіе волосы и сверкающіе сѣрые глаза.

— Вы видѣли ее только одинъ разъ и совершенно не понимаете ея,—сказалъ Обрэ. Онъ говорилъ спокойно, но его губы какъ-то сжались, и онъ опустилъ глаза, чтобы сэръ Рёбенъ не могъ видѣть ихъ выраженія.

— Ее я видѣлъ одинъ разъ, но я видѣлъ много женщинъ,—возразилъ сэръ Рёбенъ.

На этотъ разъ Обрэ выказалъ уже настоящее нетерпѣніе.

— Я терпѣть не могу, когда судятъ такъ о людяхъ вообще,—сказалъ онъ.—Въ толпѣ, состоящей изъ ста женщинъ, заключается сто индивидуальностей.

— И нѣчто общее,—вѣчно женственное—въ сердцѣ каждой изъ нихъ. Можешь ли ты сказать, что у лэди Кэриль этого нѣтъ?..

— Я говорю, что лэди Кэриль не похожа на обыкновенныхъ дѣвушекъ.

— Я согласенъ съ тобой. Я это увидалъ, когда смотрѣлъ на нее въ Бондъ-Стритѣ. У нея характеръ болѣе странный и рѣшительный, чѣмъ у большинства дѣвушекъ.

— Странный,—да, это вѣрно.

— Странный, какъ брилліантъ. И, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть страннѣе брилліанта? Въ дѣйствительности это пустякъ, а кажется, что въ немъ бездонная глубина; онъ сверкаетъ какъ ничто живое не можетъ сверкать,—а въ немъ нѣтъ жизни; это разноцвѣтный факелъ, но котораго никто не зажигалъ. Да, лэди Кэриль похожа на брилліантъ, а вѣдь я, Обрэ, знаю толкъ въ брилліантахъ.

Сэръ Рёбенъ былъ когда-то ювелиромъ. Онъ смотрѣлъ на своего собесѣдника съ живымъ интересомъ. Въ обращеніи сэра Рёбена съ людьми всегда было что-то грубоватое, странное, какъ будто даже комичное, хотя очевидно онъ и привыкъ къ хорошему обществу, и былъ человѣкомъ образованнымъ. Казалось, что онъ всегда чего-то доискивается. Онъ, очевидно, и теперь вглядывался въ своего юнаго собесѣдника, но тотъ совершенно не желалъ идти ему на встрѣчу, хотя невольно и выдавалъ себя съ наивностью молодости, воображающей себя необычайно тонкой и загадочной.

— Она выѣзжаетъ первый годъ?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да.

— И очень веселится?

— Кажется. Она не похожа на другихъ дѣвушекъ. Ей все равно, что она бѣдна. Со временемъ она, можетъ быть, будетъ богата. Ея двоюродный дѣдъ, лордъ Веррендеръ, оставилъ ей свое состояніе, но онъ можетъ прожить еще лѣтъ двадцать или тридцать. Лэри Кэриль не думаетъ о деньгахъ.

— А Сэнтъ-Орминъ, въ свое время, порядочно думалъ о нихъ.

— Онъ думаетъ и теперь. Онъ устроиваетъ разныя акціонерныя общества, но, кажется, большинство изъ нихъ лопнуло. Онъ все ходитъ по судамъ, давая свидѣтельскія показанія противъ тѣхъ, которые разорились.

— Ну, а лэди Сэнтъ-Орминъ?

— О! Она чувствуетъ себя прекрасно. Не особенно любитъ вывозить свою дочь, но, вѣроятно, скоро привыкнетъ къ этому.

— Она все еще ходитъ въ розовомъ?

— О, да!

— Она всегда была вѣрна себѣ во всемъ, исключая развѣ религіозныхъ вопросовъ, и я боюсь, что она позавидуетъ брилліантамъ.

— Какимъ брилліантамъ?—спросилъ Обрэ.

— Брилліантамъ своей дочери.

— Вы говорите такъ, точно они уже у нея есть.

— Я только предвижу ея блестящую будущность.

— Въ данномъ случаѣ вы можете оказаться плохимъ угадчикомъ, сэръ Рёбенъ.

Тотъ ничего не возразилъ.

— Хотите, я вамъ это докажу?—сказалъ Обрэ.

— Какимъ образомъ?

— Представлю васъ лэди Кэриль. Когда вы ее узнаете, то...

— Узнаю, что ошибся?

Обрэ кивнулъ утвердительно головой.

— Въ такомъ случаѣ я признаю свою ошибку.

— Отлично! Приходите въ паркъ послѣ двѣнадцати часовъ, такъ—между четырьмя и пятью. Она и ея мать навѣрное тамъ будутъ.

— Сначала позавтракаемъ въ Паркъ-Лэнѣ.

Обрэ колебался.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ,—но я не могу. Мнѣ нужно заглянуть къ портному и еще въ два мѣста. Кромѣ того, я сегодня очень поздно пилъ чай.

— Такъ заходи за мною.

— Хорошо, около четырехъ.

II.

Обрэ не пошелъ къ своему портному и не сталъ завтракать. Разставшись съ сэромъ Рёбеномъ, онъ сдѣлалъ крюкъ по дорогѣ къ Ганноверскому скверу и вернулся на свою квартиру въ Жермайнъ-Стритѣ. Тамъ онъ бросился въ кресло и сталъ курить съ нѣкоторымъ неистовствомъ, вплоть до того времени, когда надо было отправляться въ Паркъ-Лэнъ. Онъ думалъ о бриліантахъ.

Обрэ былъ третьимъ сыномъ лорда Рангклифа, человѣка бѣднаго, какъ церковная мышь, хотя онъ никогда не бывалъ въ церкви. Онъ и Сэнтъ-Орминъ были оба очень хорошо извѣстны въ Лондонѣ своею бѣдностью, но каждый изъ нихъ былъ бѣденъ по-своему. Лордъ Рангклифъ былъ высокаго роста, тяжелъ въ разговорѣ, имѣлъ искусственныя манеры и очень нерѣшительный характеръ. Онъ не прочь былъ отъ богатства, но онъ не хотѣлъ быть богатымъ. Хотѣть чего-нибудь было для него слишкомъ утомительно. Онъ даже никогда не хотѣлъ быть хорошимъ мужемъ. Но, однако, очень строго соблюдалъ благопристойность, и про него говорили, что многое въ его жизни покрыто мракомъ неизвѣстности. Онъ очень мало заботился о своихъ четырехъ сыновьяхъ,—дочерей у него не было. Онъ былъ не мало удивленъ, сознавъ себя отцомъ семейства, но оставилъ это удивленіе при себѣ. Потомъ онъ сталъ давать своимъ сыновьямъ маленькое опредѣленное жалованье и совѣтовалъ имъ „чѣмъ-нибудь заняться". Преслѣдуя этотъ идеалъ своего отца, Джонъ, старшій, пошелъ въ лейбъ-гвардію, а Вэнъ, второй, отправился на Цейлонъ съ туманныии проектами чайныхъ плантацій. Что касается Обрэ, то считалось, что онъ собирается заняться чѣмъ-нибудь. Самый младшій сынъ, Гербертъ, былъ въ Итонѣ и отличался въ разныхъ играхъ и шалостяхъ.

Лорду Сэнтъ-Ормину нравилось изображать человѣка, бодро преодолѣвающаго превратности судьбы. Роста онъ былъ ровно пяти футовъ и двухъ дюймовъ, имѣлъ очень свѣжее лицо и бѣлокурую бороду, тронутую сѣдиной. Его плутоватые каріе глаза весело блестѣли, а живой мозгъ неустанно работалъ, придумывая новые способы разоренія себя и другихъ. Его страсть къ обществу себѣ подобныхъ мѣшала ему, какъ онъ выражался, „прогорѣть" въ одиночествѣ. Всегда находились разные единомышленники, которые просаживали свои деньги вмѣстѣ съ нимъ: старые сельскіе священники съ малыми доходами, но съ широкими замыслами; старыя

дѣвы, желавшія получать пятнадцать процентовъ на свой капиталъ; юные шалопаи изъ аристократическихъ семей; вдовы изъ окрестностей Лондона; американцы, вновь пріѣхавшіе въ Англію. Вся эта разнородная толпа людей сходилась въ одномъ—въ общей любви къ Сэнтъ-Ормину. Лэди Сэнтъ-Орминъ, только-что начавшая вывозить свою дочь, имѣла свой собственный капиталъ, который и удержала благоразумно за собою, убѣдившись на своемъ мужѣ, что не слѣдуетъ довѣрять людямъ, объявляющимъ съ улыбкой, что они злодѣи, но ничего не могутъ съ собою подѣлать. Она была страстная музыкантша, но вела себя въ высшей степени немузыкально. Говорили, будто бы какой-то шутникъ сравнилъ ее съ полькой, сыгранной на духовыхъ инструментахъ. Сравненіе было изъ удачныхъ. Очень высокая, съ бѣлыми какъ лунь волосами и живыми глазами, она обыкновенно одѣвалась въ самые яркіе цвѣта, ужасно любила marrons glacés и розовыя шляпы. Она никогда не бывала одна: или у нея кто-нибудь завтракалъ, или она отправлялась къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, и такъ каждый день, когда она бывала въ Лондонѣ. По воскресеньямъ она обыкновенно приглашала цѣлую компанію знакомыхъ къ себѣ на дачу, недалеко отъ Лондона. Въ этихъ случаяхъ занимались музыкой до обѣда, а послѣ обѣда устроивались различныя игры на лугу. Звуки „Страстной Пятницы“ изъ „Парсиваля“ служили великолѣпной увертюрой для разныхъ игръ и гонокъ на велосипедахъ, въ которыхъ съ удовольствіемъ принимали участіе самые знаменитые оперные артисты. Воскресенья лэди Сэнтъ-Орминъ славились такъ же, какъ банкротства лорда Сэнтъ-Ормина. Лэди Сэнтъ-Орминъ ѣздила въ оперу каждый разъ, какъ давали Вагнера. Она пять разъ путешествовала въ Байрейтъ, и говорила о Вотанѣ такимъ фамиліарнымъ тономъ, что многіе непросвѣщенные люди думали, что онъ ея дѣдушка или дядя, отъ котораго она ждетъ наслѣдства. Она любила какого-нибудь тенора болѣе, чѣмъ большинство женщинъ любитъ военныхъ, и однажды устроила обѣдъ, на которомъ присутствовало пять знаменитыхъ баритоновъ. Лэди Кэриль была ея единственнымъ ребенкомъ.

Въ половинѣ четвертаго, Обрэ надѣлъ шляпу и перчатки и отправился къ сэру Рёбену, который жилъ въ Паркъ-Лэнѣ. День былъ жаркій, и всѣ высыпали на воздухъ, наслаждаясь солнцемъ. На Пикадилли было тѣсно отъ той особенной разнородной толпы, которая проводитъ время на его узкихъ троттуарахъ въ теченіе двухъ съ половиной самыхъ модныхъ мѣсяцевъ въ году. Но Обрэ не обращалъ вниманія на сновавшихъ вокругъ него людей. Онъ

былъ занятъ совсѣмъ другимъ,—онъ думалъ объ утреннемъ разговорѣ. У сэра Рёбена, хотя онъ былъ уже немолодъ, очень простъ, даже грубоватъ, была особенная способность производить впечатлѣніе на людей, съ которыми онъ вступалъ въ сношеніе. Эта способность не мало содѣйствовала его успѣху въ жизни. Злые языки говорили, что онъ при одномъ случаѣ воспользовался этой способностью, чтобы втереться въ довѣріе одного иностраннаго правительства, и стянулъ съ него плутовскимъ образомъ пятьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ на какихъ-то желѣзныхъ дорогахъ. Была ли это правда, или нѣтъ, только сэра Рёбена считали несомнѣнно очень богатымъ, и онъ несомнѣнно пользовался одно время большимъ вліяніемъ въ Лондонѣ. Онъ былъ родомъ съ Востока; отецъ его былъ египетскій паша, а мать—французская танцовщица. Родился онъ въ Каирѣ, воспитывался на континентѣ и жизнь началъ продавцомъ драгоцѣнныхъ камней. Сначала онъ продавалъ ихъ въ Египтѣ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ и получилъ титулъ, потому что, благодаря своему богатству, былъ крайне полезенъ нѣкоторымъ людямъ, желавшимъ скрыть свое имя. Онъ женился на хорошенькой креолкѣ, умершей восемь лѣтъ тому назадъ. Послѣ ея смерти, онъ жилъ за границей, проводя долгіе годы на Востокѣ, въ Индіи, Персіи, Египтѣ и Марокко, гдѣ его удерживало то, что туманно называютъ „дѣлами". Теперь онъ вернулся въ Лондонъ, сильно состарившись. Обрэ Геррикъ былъ его крестникъ. Это случилось вслѣдствіе большой дружбы между матерью Обрэ, лэди Рангклифъ, и сэромъ Рёбеномъ.

Лэди Рангклифъ была удивительно добрая и самоотверженная женщина. Сначала она всячески старалась жить для своего мужа. А когда онъ безмолвно, но ясно не разрѣшилъ такой свободы обращенія, то она отъ него перешла къ своимъ сыновьямъ, по мѣрѣ того, какъ они рождались, и баловала ихъ сверхъ мѣры. Она обладала художественнымъ чутьемъ и воображеніемъ и вообще была похожа на арфу, струны которой дрожатъ отъ слишкомъ сильныхъ порывовъ вѣтра. И она иногда неожиданно вдавалась въ откровенность съ сравнительно чужими людьми. Изъ этой черты ея характера и возникла ея дружба съ сэромъ Рёбеномъ. Ея единственный братъ, лордъ Гэнри Граль, попалъ въ затруднительное денежное положеніе. Онъ былъ гораздо моложе ея, почти мальчикъ, и пріѣхалъ къ ней за помощью, которую она была совершенно не въ состояніи ему оказать. Вечеромъ въ день его пріѣзда она обѣдала въ гостяхъ и была въ очень тяжеломъ настроеніи. Ей случилось сидѣть за обѣдомъ рядомъ съ

сэромъ Рёбеномъ. Она не очень хорошо его знала, но ей было все равно. Послѣ третьяго блюда, она уже пустилась въ откровенности. Симпатія, которую она ко всѣмъ чувствовала, всегда склоняла ее къ неожиданнымъ и чувствительнымъ изліяніямъ. Сэръ Рёбенъ отнесся къ ней съ вѣжливымъ сочувствіемъ. Тогда лэди Рангклифъ дала полную волю своей откровенности. Еще обѣдъ не кончился, какъ уже сэръ Рёбенъ обѣщалъ пустить въ ходъ всю свою финансовую опытность, чтобы помочь лорду Генри. Онъ такъ хорошо сдержалъ свое слово, что очень скоро молодой человѣкъ былъ снова поставленъ на ноги. Благодарность лэди Рангклифъ не знала границъ. Еслибы сэръ Рёбенъ спасъ ея собственную голову отъ плахи, то она не могла бы испытывать большей благодарности. Ей хотѣлось какимъ-нибудь внѣшнимъ образомъ выразить всю глубину своего чувства. Обрэ далъ ей случай сдѣлать это. Онъ родился какъ разъ вскорѣ послѣ того, и его надо было крестить. Лэди Рангклифъ пригласила сэра Рёбена быть однимъ изъ крестныхъ отцовъ. Такимъ образомъ она сдѣлала египтянина членомъ своей семьи, что доставило ему громадное удовольствіе. Онъ сталъ обожать лэди Рангклифъ. Теперь, вернувшись послѣ долгаго отсутствія въ Англію, онъ, конечно, прежде всего отправился къ своему крестнику и его матери.

Ее онъ нашелъ неизмѣнившеюся. Но крестникъ изъ милаго мальчика превратился въ молодого человѣка съ наружностью дэнди, съ дѣланными манерами и сдержанной рѣчью. Сэръ Рёбенъ почувствовалъ разочарованіе при видѣ этой перемѣны, но сказалъ себѣ, что этого надо было ожидать. Лондонъ имѣетъ необыкновенную способность превращать милыхъ мальчиковъ въ непріятныхъ молодыхъ людей. Обрэ не былъ непріятенъ, но сэру Рёбену онъ казался лишеннымъ всякаго живого человѣческаго чувства до этого утра на Бондъ-Стритѣ. Все случившееся на улицѣ и въ клубѣ проливало нѣкоторый свѣтъ на его поведеніе, на извѣстную юношескую жесткость и натянутость его манеръ. Сидя въ курительной комнатѣ своего большого дома въ Паркъ-Лэнѣ, сэръ Рёбенъ перебиралъ въ умѣ все случившееся утромъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и неудовольствія. И Обрэ думалъ о томъ же, идя по улицѣ и по площади Гамильтона. Онъ помнилъ каждое слово, сказанное сэромъ Рёбеномъ, взвѣшивалъ каждое изъ нихъ и подошелъ къ дому въ Паркъ-Лэнѣ, совершенно поглощенный своими мыслями. Его прямо провели въ курительную комнату, убранную въ восточномъ вкусѣ. Сэръ Рёбенъ сидѣлъ на диванѣ и имѣлъ видъ старый и совершенно не-

похожій на европейца. Такія фигуры встрѣчаются иногда на базарахъ въ Каирѣ и Константинополѣ. Въ убранствѣ его огромнаго дома сказывались его восточные вкусы. Преобладали яркіе цвѣта—сверкающій красный и голубой и желтый такого тона, который часто встрѣчается на стѣнахъ мавританскихъ cafés. Воздухъ въ комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, былъ наполненъ легкимъ запахомъ куреній и померанцевыхъ цвѣтовъ. На низенькомъ лакированномъ столѣ стояла на серебряной подставкѣ фарфоровая чашка съ остатками турецкаго кофе. Сэръ Рёбенъ предложилъ кофе Обрэ, но тотъ отказался.

— Намъ пора отправляться,—сказалъ онъ.—Лэди Орминъ никогда не остается въ паркѣ послѣ пяти. Она всегда уѣзжаетъ въ гости.

— Хорошо,—сказалъ сэръ Рёбенъ и позвонилъ, чтобъ ему подали шляпу и перчатки. Ихъ принесъ ему слуга-арабъ, находившійся у него въ услуженіи много лѣтъ. Сэръ Рёбенъ жилъ противъ воротъ Гайдъ-Парка, такъ что имъ нужно было только пересѣчь улицу, чтобы присоединиться къ веселой толпѣ, прогуливавшейся подъ деревьями и удобно расположившейся на маленькихъ зеленыхъ креслахъ, чтобы поболтать и посплетничать.

Сэръ Рёбенъ надѣлъ модныя, раздушенныя перчатки, плотно обтягивавшія ему руки. Сюртукъ его былъ застегнутъ, а бѣлый атласный галстухъ продѣтъ въ широкое золотое кольцо, въ которое былъ вставленъ гигантскій рубинъ. Онъ шелъ немного усталой походкой, въ своихъ ботинкахъ изъ патентованной кожи, разглядывая толпу и поводя то въ ту, то въ другую сторону огромными черными глазами. Многіе шумно привѣтствовали его, выражая радость по случаю его возвращенія.

Обрэ внимательно осматривалъ толпу. Казалось, тамъ были рѣшительно всѣ, кромѣ лэди Орминъ и ея дочери. Тамъ былъ старый шотландецъ, очень пустой человѣкъ, разъѣзжавшій съ одной великосвѣтской свадьбы на другую, катавшійся на велосипедѣ, игравшій въ „гольфъ“ и дѣлавшій все самое для себя ненавистное, если это только могло повести къ какому-нибудь великосвѣтскому знакомству.

Тамъ были австралійцы, купившіе самую рѣдкую коллекцію въ городѣ за очень круглую сумму. Тамъ былъ ростовщикъ, закадычный другъ многихъ высокопоставленныхъ особъ, и хорошенькая молодая дѣвушка, носившая платья отъ самаго извѣстнаго портного. Тамъ была почтенная м-ссъ Грэнвичъ, съ карандашомъ и записной книжкой, заработывавшая свое скудное содержаніе заготовленіемъ еженедѣльныхъ статей о высшемъ свѣтѣ

для самой свѣтской газеты „Нарядная Женщина“. Тамъ была вновь объявившаяся красавица, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, шесть недѣль тому назадъ бывшая самымъ очаровательнымъ и простымъ созданіемъ, и теперь превратившаяся въ воплощеніе аффектаціи, въ фальшивую эгоистку, у которой всѣ мысли были сосредоточены на ней самой. Тамъ была дама, вся прелесть которой совершенно исчезла съ тѣхъ поръ, какъ ея портретъ, написанный великимъ портретистомъ, Рэддингомъ, былъ „гвоздемъ“ выставки въ Королевской Академіи. Словомъ, тамъ былъ весь свѣтъ,—но гдѣ же были лэди Сэнтъ-Орминъ и лэди Кэриль?

— Онѣ, можетъ быть, въ какомъ-нибудь концертѣ,—сказалъ Обрэ.—Сегодня этихъ концертовъ наберется до двадцати-пяти, а лэди Орминъ ужасно любитъ концерты.

— Я читалъ сегодня въ „Times“, что Баррэ даетъ сегодня концертъ изъ собственныхъ произведеній въ Сэнтъ-Джемсъ-Голлѣ.

— А! въ такомъ случаѣ она тамъ. Она обожаетъ Баррэ—по крайней мѣрѣ его музыку. Это человѣкъ, ненавидящій Брамса и любящій обѣдать въ гостяхъ. Онъ съумѣетъ втереться въ общество. Мнѣ онъ кажется страшно скучнымъ, но... А! вотъ и онѣ! Это ихъ экипажъ только-что остановился.

Его спокойный молодой голосъ едва замѣтно дрогнулъ отъ волненія. Сэръ Рёбенъ это замѣтилъ. У него былъ очень тонкій слухъ. Къ рѣшеткѣ парка подъѣхала запряженная вороными лошадьми викторія, съ большими красными колесами и лакеями въ черныхъ съ краснымъ ливреяхъ. Въ ней сидѣла лэди Кэриль рядомъ съ женщиной съ сѣдыми волосами и блестящими глазами. На ней было зеленое платье съ розовымъ и розовая шляпа, украшенная розами. Передъ ними, на крошечной скамеечкѣ, помѣщался маленькій господинъ съ острою черной бородкой, очень щегольски одѣтый и съ розой въ петлицѣ.

— Онѣ привезли съ собою Бредэлли,—сказалъ Обрэ,—какая скука!

— Онъ поетъ еще до сихъ поръ?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да, въ видѣ большой милости. Онъ удивительно богатъ романсами. Сочиняетъ ихъ по четыре въ годъ, по одному на каждое время года. Онъ женился на женщинѣ, у которой куча денегъ. Вотъ они выходятъ изъ экипажа. Подойдемъ къ нимъ?

— Если ты хочешь.—Они пошли къ пріѣхавшимъ прямо по травѣ, но, прежде чѣмъ они дошли до лэди Сэнтъ-Орминъ, къ ней приблизился необыкновенно тучный пожилой господинъ съ длинной взъерошенной бородой, имѣвшій всегда такой видъ, точно онъ сейчасъ расплачется. Это былъ м-ръ Жерри Фэнъ, другъ

королей, самый скучный человѣкъ въ Лондонѣ, но съ которымъ наиболѣе искали знакомства. Увидя, что онъ приближается, Обрэ нахмурился.

— Ну, теперь еще и старый Фэнъ съ ними,—сказалъ онъ.

— И ужъ готовъ заплакать,—прибавилъ сэръ Рёбенъ.—Въ концѣ концовъ мало перемѣнъ за восемь лѣтъ.

— Дураки не мѣняются,—сказалъ Обрэ почти сердито.

Въ эту минуту лэди Сэнтъ-Орминъ замѣтила его и кивнула ему. Она и ея компанія направились къ стульямъ подъ деревья. Она оживленно говорила съ Бределли, а лэди Кэриль слѣдовала безмолвно, въ сопровожденіи м-ра Фэна, который рѣдко находилъ нужнымъ утруждать себя разговоромъ.

— Эта пѣсня о монахинѣ, лиліи и Пьерро въ высокой шапкѣ была восхитительна, — говорила лэди Сэнтъ-Орминъ. — Только французъ способенъ... А! м-ръ Геррикъ,—почему вы не были на концертѣ Баррэ? Мы просидѣли полчаса и въ восторгѣ. Это вашъ другъ? Ну, конечно, сэръ Рёбенъ Аллабрутъ! Мы, кажется, прежде довольно часто встрѣчались, и вы знаете моего мужа въ Сити, не правда ли?

— Да, лэди Сэнтъ-Орминъ.

— Но вы жили въ Рамсгэтѣ, или еще гдѣ-то, для вашего здоровья, въ послѣднее время?

— Нѣтъ, не въ Рамсгэтѣ. Въ Персіи.

— Ахъ, въ Персіи? Ну, конечно! Я надѣюсь, что тамошній воздухъ вамъ помогъ. Баррэ написалъ очаровательную пѣсню о персидскихъ цвѣтахъ. Въ Персіи есть цвѣты? Ну, это все равно. Пѣсня великолѣпная. Цвѣты есть! Я скажу это Баррэ. Онъ будетъ доволенъ. Онъ любитъ быть точнымъ. Вы знакомы съ моей дочерью, сэръ Рёбенъ? Позвольте,—сэръ Рёбенъ Аллабрутъ—лэди Кэриль Ноксъ.

Знакомство состоялось помимо Обрэ. Впослѣдствіи сэръ Рёбенъ былъ радъ, что это случилось именно такъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ усѣлась подъ деревьями. Лицо ея раскраснѣлось подъ вліяніемъ музыки, и она продолжала быстро разговаривать, обращаясь къ сэру Рёбену, м-ру Фэну и Бределли, въ то время какъ лэди Кэриль и Обрэ заняли два стула позади нихъ.

— Баррэ въ этомъ сезонѣ полюбилъ Вагнера,—говорила лэди Сэнтъ-Орминъ Бределли. — Это меня радуетъ, потому что вѣдь это былъ его единственный недостатокъ,—эта ненависть къ Вотану, вы знаете. Право, въ ней было что-то личное. А вы любите музыку, сэръ Рёбенъ?

— Это одно изъ величайшихъ удовольствій для меня...

— Отлично; значитъ, вы изъ нашихъ. Вы не заняты въ будущее воскресенье?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ въ Ипсомъ. У меня тамъ дача. Баррэ пріѣдетъ, нѣсколько человѣкъ изъ оперы и еще трое. Я позову м-ра Геррика. И все время у насъ будетъ музыка, или почти все время. Вы только-что вернулись изъ Персіи, сэръ Рёбенъ?

— Да, я только пятый день въ Англіи.

— Въ такомъ случаѣ вы, вѣроятно, еще не читали „Le sentier défendu". Романъ этотъ вышелъ три дня тому назадъ. Я его прочла на другой же день. Вамъ надо его достать. Авторъ книги— мой большой другъ, одинъ молодой французъ. Онъ тоже будетъ въ Ипсомѣ въ воскресенье, хотя и ненавидитъ музыку. Онъ еще совсѣмъ мальчикъ, и въ его книгахъ одна психологія. Я это больше люблю. Приключенія я ненавижу, а вы? То, что мы дѣлаемъ—совсѣмъ не важно, но то, что мы чувствуемъ и думаемъ...

Между тѣмъ лэди Кэриль и Обрэ тихо разговаривали между собою. Хотя лэди Кэриль и была вмѣстѣ съ своею матерью въ концертѣ Баррэ, но не была разгорячена музыкой. Въ своемъ бѣломъ платьѣ и черной шляпѣ она производила свѣжее, чистое и сверкающее впечатлѣніе морознаго утра. Она отличалась тѣмъ, что у нея никогда не было разгоряченнаго вида въ бальномъ залѣ, среди толпы народа, и эту особенность многіе мужчины находили замѣчательно привлекательной. Вѣроятно, Обрэ былъ изъ ихъ числа. По крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ такой видъ, глядя теперь на нее.

— Вы знаете, кто это? — спросилъ онъ, указывая на сэра Рёбена, который, опираясь на палку обѣими руками и подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, слушалъ безконечную житейскую философію лэди Сэнтъ-Орминъ.—Это—мой крестный отецъ.

— Сэръ Рёбенъ вашъ крестный отецъ!—проговорила лэди Кэриль, тихонько закрывая свой бѣлый зонтикъ.

— Почему это васъ удивляетъ?

— Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Я не о немъ думала. Я только старалась ясно представить себѣ, что вы—чей-нибудь крестникъ.

— А это трудно?

— Да,—сказала она, твердо смотря на него своими длинными сѣрыми глазами.—Мнѣ кажется, очень трудно.

— Но почему же?—спросилъ онъ, улыбаясь ей, какъ улы-

баются дѣтямъ люди, склонные къ нѣжнымъ родительскимъ чувствамъ.

— „Крестникъ“ звучитъ какъ что-то невинное, простое, не отъ міра сего. Это слово вызываетъ представленіе о монастырѣ, жизни, посвященной высшей цѣли.

— Теперь я вижу, что для меня просто дико быть крестникомъ.

— Вы вѣдь совсѣмъ не простой, не правда ли, м-ръ Геррикъ?

— Должно быть, нѣтъ.

— А вы хотѣли бы, честно говоря, быть простымъ?

— Мнѣ трудно себѣ представить, какъ бы это было,—сказалъ онъ серьезно и вполнѣ искренно. Онъ самъ много думалъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ кончилъ школу въ Итонѣ, готовился поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ и—бросилъ все это для обыкновенной свѣтской жизни. Конечно, онъ не былъ очень простымъ, и зналъ это. Но бывали минуты, когда ему казалось, что очень красиво—быть простымъ въ характерѣ, въ желаніяхъ, въ цѣляхъ и въ жизненныхъ привычкахъ.

— А вы можете себѣ это представить, лэди Кэриль?—проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Не знаю. Да, мнѣ кажется, что могу. Мнѣ кажется, что, въ сущности, я сама довольно простая,—прибавила она.

У нея былъ очень спокойный, безстрастный голосъ, который могъ становиться оживленнымъ, если она этого хотѣла, но въ немъ рѣдко или даже никогда не звучало глубокое чувство, хотя Обрэ иногда и обманывался на этотъ счетъ.

— Вы... вы говорите, что вы просты?—сказалъ онъ.

Онъ смотрѣлъ на нее и думалъ о замѣчаніи сэра Рёбена, что лэди Кэриль была увѣрена въ своемъ жизненномъ успѣхѣ, потому что была одностороння. Быть сложной—значило быть многосторонней. Не подтверждала ли она теперь безсознательно сказанное о ней сэромъ Рёбеномъ?

— Скажите мнѣ,—проговорилъ Обрэ,—испытывали ли вы когда-нибудь сильное желаніе?

— Вы очень любопытны.

— Правда? Можетъ быть, относительно васъ. Мнѣ хотѣлось бы васъ понять, лэди Кэриль. Вы мнѣ это позволите?

— Развѣ это въ моей власти? Развѣ во власти какой-нибудь женщины дать мужчинѣ вполнѣ понять себя?

— Навѣрное, если она этого хочетъ.

Лэди Кэриль отвѣтила не сразу. Сидя безмолвно на малень-

комъ зеленомъ стулѣ и отвернувшись отъ своего собесѣдника, она улыбалась. Казалось, она задумалась и забыла, что должна отвѣчать. Обрэ наблюдалъ за нею съ жаднымъ, почти мальчишескимъ любопытствомъ. И сэръ Рёбенъ, хотя, повидимому, внимательно слушавшій вѣчно возбужденныя рѣчи лэди Сэнтъ-Орминъ, также наблюдалъ за нею.

— Вы не отвѣчаете? — спросилъ Обрэ послѣ долгаго молчанія.

Улыбка сошла съ лица лэди Кэриль, и оно приняло прежній холодный и равнодушный видъ.

— Я не знаю, съумѣю ли я,—сказала она.—Можетъ быть, я еще сама не знаю, что̀ для меня всего нужнѣе, чего мнѣ хочется больше всего.

— Развѣ не того же самаго, чего хотятъ другія женщины?—сказалъ онъ очень тихо.

— Вы думаете, что я до такой степени обыкновенна, что я должна быть такой же, какъ вся эта толпа,—всѣ эти женщины?

Она презрительно оглянулась вокругъ себя.

Со всѣхъ сторонъ ихъ окружали женщины: женщины молодыя и старыя, и неопредѣленнаго возраста; женщины съ сѣрыми лицами и морщинами вокругъ глазъ, съ подкрашенными щеками или мертвенно-блѣдныя. Здѣсь были рыжія женщины, напудренныя, бѣлокурыя и черноволосыя; женщины въ чудовищныхъ шляпахъ и яркихъ туалетахъ; женщины улыбающіяся, болтающія, сердитыя, веселыя, усталыя, злыя, больныя и чувственныя; женщины сосредоточенныя, равнодушныя, нервно возбужденныя, а другія, напротивъ, спокойныя,—очевидно, привыкшія и притерпѣвшіяся къ этой шумной, захватывающей лондонской жизни.

Обрэ вспыхнулъ до корней волосъ.

— Не толкуйте ложно моихъ словъ! — проговорилъ онъ быстро.—Я не хотѣлъ сказать, что вы похожи на другихъ женщинъ.

— Такъ что̀ же вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что всѣ женщины сходятся въ одномъ желаніи.

— Въ какомъ желаніи?

— Въ желаніи, чтобы ихъ любили.

— А, теперь понимаю.

При этихъ словахъ, ея голосъ прозвучалъ какъ-то особенно молодо,—ни тѣни дрожи не было въ немъ, и Обрэ подумалъ: „Какъ она невинна! Она не поняла моего намека“.

Неизвѣстно, поняла его или нѣтъ лэди Кэриль, но только она не дала ему возможности объясниться. Она посмотрѣла на группу, собравшуюся вокругъ ея возбужденной и раскраснѣвшейся матери, и спросила:

— Вашъ крестный отецъ очень старъ?

— Ему, я думаю, за шестьдесятъ, — отвѣтилъ Обрэ, такъ неожиданно отвлеченный отъ интересовавшаго его разговора.

— О, какой старый!

— Для насъ—да.

— Онъ догадался, что мы говоримъ о немъ. Онъ мнѣ кажется очень умнымъ.

Сэръ Рёбенъ, въ самомъ дѣлѣ, внимательно смотрѣлъ на нихъ, и теперь онъ улыбнулся лэди Кэриль и даже пересталъ слѣдить за разсказомъ лэди Сэнтъ-Орминъ о какихъ-то баритонахъ и французскихъ поэтахъ.

— Да, онъ уменъ, — повторила лэди Кэриль. — Но у него улыбка ростовщика. Я думаю, въ немъ даже есть что-то дикое, когда онъ бываетъ одинъ.

Прежде чѣмъ Обрэ успѣлъ ей что-нибудь отвѣтить, сэръ Рёбенъ подошелъ къ нимъ.

— Лэди Сэнтъ-Орминъ собирается уѣзжать, лэди Кэриль, — сказалъ онъ.

— Я такъ и знала. Мы съ мамой въ одинъ день совершаемъ больше выходовъ, чѣмъ какая-нибудь актриса въ цѣлый мѣсяцъ.

— И васъ забавляетъ эта комедія?

— Иногда. Но я не увѣрена, что это долго продолжится. Вы любите баритоновъ, сэръ Рёбенъ?

Онъ улыбнулся, Обрэ—тоже.

— Я давно ихъ не видалъ, — сказалъ сэръ Рёбенъ, — но ваша матушка была такъ любезна, что пригласила меня на воскресенье.

— Я надѣюсь, вы любите музыку?

— Это—одно изъ моихъ главныхъ удовольствій.

— Подъ деревьями?

— Гдѣ бы то ни было.

— Я не знаю, удастся ли это въ воскресенье, но только музыка будетъ на открытомъ воздухѣ. Это—новѣйшая выдумка моей матери и monsieur Баррэ. Они придумали спрятать музыкантовъ въ зелени. Вы также пріѣдете въ Ипсомъ, м-ръ Геррикъ?

— Если получу приглашеніе.

— Я приглашаю васъ.

— Въ такомъ случаѣ, я пріѣду,—сказалъ онъ, стараясь, и довольно успѣшно, не выказать слишкомъ большой радости.

Въ сосѣдней группѣ произошло волненіе. Лэди Сэнтъ-Орминъ направилась къ выходу, по дорогѣ задѣвая и опрокидывая шлейфомъ стулья.

— Кэриль!—закричала она.—Мы должны теперь ѣхать къ лэди Герріэтъ.

— Хорошо, мама.

Онѣ стали садиться въ экипажъ.

— Не забудьте же, сэръ Рёбенъ: въ воскресенье, въ четыре часа. И вы должны остаться обѣдать, и вы также, м-ръ Геррикъ. Будутъ исполнять послѣдній квартетъ Баррэ среди зелени.

Сэръ Рёбенъ взглянулъ на лэди Кэриль со своей улыбкой стараго ростовщика.

— Мы это придумали для м-ра Кранца. Онъ такъ безобразенъ, что лучше его не видѣть, но онъ играетъ на віолончели... Послѣ обѣда, сэръ Рёбенъ, будетъ состязаніе на велосипедахъ при факелахъ, французскія пѣсни Араки,—вы знаете, этотъ сиріецъ съ рыжими волосами? и т. п. Въ городъ мы вернемся въ дилижансѣ. Au revoir! Au revoir!.. Мы еще должны сегодня быть въ оперѣ... Ну, Кэриль, что ты думаешь о сэрѣ Рёбенѣ?

— У него чудесный рубинъ на галстухѣ. Ты замѣтила?

III.

Простившись со всѣми, сэръ Рёбенъ отправился къ матери Обрэ. Рангклифы жили въ Итонъ-Сквэрѣ, въ большомъ, но небогато обставленномъ домѣ. У нихъ было три лакея и очень потертые ковры. Лэди Рангклифъ была дома. Его провели наверхъ, въ ея будуаръ. Она сидѣла въ черномъ платьѣ среди множества рисунковъ, съ бутылочкой гумми-арабика въ одной рукѣ и съ иллюстрированнымъ журналомъ въ другой.

— Пожалуйста, подайте чай, Чарльзъ,—сказала она лакею, отворившему дверь. — Это я дѣлаю ширмы, сэръ Рёбенъ, для моихъ старушекъ въ Уайтчапель. Имъ нравятся эти картинки,—объяснила она сэру Рёбену. — Онѣ ихъ находятъ очень изящными, бѣдняжки.

Лэди Рангклифъ была высокая, худая женщина пятидесятиодного года, съ широкими плечами, длинными руками и черными,

какъ смоль, волосами. У нея были почти грубыя черты лица, вздернутый носъ, большіе темные, близорукіе глаза и добродушный ротъ. Еще дѣвушкой она отличалась замѣчательной силой, и до сихъ поръ великолѣпно ѣздила верхомъ и правила лошадьми. Кромѣ своей близорукости, она страдала еще нѣкоторой глухотой, и отчасти вслѣдствіе этихъ недостатковъ любила сидѣть близко къ людямъ, съ которыми разговаривала, и при этомъ пристально смотрѣла на собесѣдника.

Теперь, подойдя очень близко къ сэру Рёбену, она сѣла такъ, что касалась его платья, и сказала:

— Ну, видѣли вы Обрэ?

— Мы съ нимъ только-что разстались.

— Не правда ли, какой онъ сталъ красивый? Онъ красивѣе Вэнъ; но вѣдь Вэнъ на меня похожъ, бѣдняга.

Это было сказано убѣжденнымъ тономъ и съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Обрэ съ вами много говорилъ?—прибавила она быстро.

— Не особенно много.

— Онъ ужасно скрытенъ.

Въ это время принесли чай. Лэди Рангклифъ передала сэру Рёбену молоко, сахаръ и чашку, и продолжала:

— Ужасно скрытенъ, особенно со мной. Это ужъ судьба всѣхъ матерей—страдать отъ скрытности сыновей, которые ихъ любятъ и которыхъ онѣ любятъ.

Она быстро налила себѣ чаю и продолжала:

— Я говорю это вамъ потому, что вы—его крестный отецъ, сэръ Рёбенъ, и, кромѣ того, вы знаете свѣтъ. Чѣмъ менѣе Обрэ говоритъ мнѣ объ этомъ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что онъ влюбленъ. Все-таки, у матерей есть то преимущество, что онѣ прекрасно догадываются о томъ, чего сыновья имъ не говорятъ. Конечно, я ни за что на свѣтѣ не подамъ и виду Обрэ, что все знаю, а онъ самъ никогда не догадается. Мальчики всегда считаютъ себя такими умными. Я ихъ люблю за это. Дѣвочки считаютъ себя хитрыми, а мальчики—умными. Но лэди Кэриль—совершеннѣйшее дитя!—воскликнула она внезапно.—И при этомъ она умная, въ этомъ все дѣло. Обрэ, конечно, тоже уменъ, но дѣвушка въ этомъ отношеніи всегда возьметъ верхъ.

— Лэди Кэриль Ноксъ?—перебилъ ее сэръ Рёбенъ.

— Да, именно.

— Вы думаете, что онъ любитъ лэди Кэриль, а вамъ она не нравится?

Лэди Рангклифъ ужаснулась.

— О, я не могу этого сказать. Во многихъ отношеніяхъ она мнѣ очень нравится. Она красива, прекрасно воспитана, но она не сдѣлаетъ Обрэ счастливымъ. Онъ гораздо сердечнѣе ея. Она въ этомъ не виновата, ужъ здѣсь она ничего не можетъ подѣлать, а Обрэ нуждается въ любви, какъ женщина. Мало того, что нуждается,—она ему необходима. Не всѣ мужчины таковы.

Въ эту минуту она подумала о своемъ мужѣ.

— Я еще не знаю новаго, выросшаго Обрэ,—проговорилъ медленно сэръ Рёбенъ.—Я его совершенно не знаю.

— Мнѣ кажется, что онъ скоро сдѣлаетъ предложеніе лэди Кэриль. Вотъ что меня такъ волнуетъ.

Послѣднія слова лэди Рангклифъ произнесла съ безпокойнымъ видомъ доброй собаки, не получившей отвѣта на свою ласку.

— Меня это нисколько не удивитъ,—сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Но почему же?—воскликнула она съ крайней непослѣдовательностью.

— Я ихъ видѣлъ вмѣстѣ сегодня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ?

— На Бондъ-Стритѣ—утромъ и въ Гайдъ-Паркѣ—днемъ.

— Ну, и что же вы о ней думаете?

— Я думаю, что она и красива, и интересна.

— Красива! Да, не правда ли? А, я вспоминаю теперь, вы вѣдь обожаете красоту. И до сихъ поръ? Вы и теперь еще любите хорошенькія лица?

Она смотрѣла на него такъ пристально, что его большіе глаза заморгали, какъ отъ слишкомъ яркаго солнечнаго свѣта.

— Отчего бы и нѣтъ?—проговорилъ онъ съ чувствомъ внезапной неловкости.

— Какъ будто это такъ важно? — сказала лэди Рангклифъ съ сомнѣніемъ.

— Это очень важно,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ, и въ его глазахъ появилось страстное выраженіе, преобразившее все его лицо.—Добрыя качества не продаются, но красота продается здѣсь, въ Лондонѣ, такъ же успѣшно, какъ и въ Занзибарѣ. И ее стоитъ покупать, очень стоитъ, хотя цѣна и бываетъ часто весьма высокая.

Говоря эти слова, онъ сталъ ужасно безобразенъ, но лэди Рангклифъ была такъ близорука, что рѣдко замѣчала безобразіе.

— Я такъ довольна, что у Обрэ нѣтъ денегъ,—замѣтила она:—онъ никогда не будетъ въ состояніи покупать такую красоту.

— Ахъ, вы такъ не похожи на всѣхъ насъ!—воскликнулъ сэръ Рёбенъ въ порывѣ благоговѣнія передъ этой пожилой, некрасивой женщиной.—Я бы хотѣлъ, чтобы Обрэ былъ похожъ на васъ.

— Итакъ, вы видѣли лэди Кэриль и Обрэ вмѣстѣ. Вы думаете, что онъ готовится сдѣлать ей предложеніе?

— А вы увѣрены, что она его приметъ?—проговорилъ сэръ Рёбенъ спокойно.

— Я никогда не увѣрена въ женщинахъ, — отвѣчала лэди Рангклифъ. — Обрэ очень привлекателенъ, — прибавила она съ нервнымъ подергиваніемъ головы.—И на что они будутъ жить? Вы могли бы внушить... не прямо сказать, а только внушить Обрэ, что лэди Кэриль будетъ несчастна, выйдя замужъ за бѣдняка.

— А... вы-таки немного поняли лэди Кэриль!

— О, женщины всегда немного понимаютъ другъ друга. Лэди Кэриль очень красива, но въ ней мало... я говорю это вамъ только потому, что вы—крестный отецъ Обрэ, и должны знать — мало сердечности. Она—милая дѣвушка, я въ этомъ увѣрена, и это не ея вина, но Обрэ рано или поздно узнаетъ ее, и будетъ несчастливъ. Обрэ очень впечатлителенъ, и на него можно повліять.

— А вы думаете, что на лэди Кэриль нельзя повліять?—проговорилъ сэръ Рёбенъ.

Онъ проговорилъ это очень спокойно, но въ его глазахъ загорѣлся злобный огонекъ.

— Кто же повліяетъ на нее? Ужъ только не я! — сказала лэди Рангклифъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Нѣтъ; но я?

Лэди Рангклифъ посмотрѣла ему совсѣмъ близко въ лицо. Было очевидно, что она рѣшала, насколько онъ привлекателенъ физически.

— Нѣтъ!—проговорила она наконецъ, покачавъ головой:—и вы не сможете.

— Я ее увижу опять въ воскресенье вмѣстѣ съ Обрэ.

— Ну, и что же, что вы думаете?

Сэръ Рёбенъ всталъ, чтобы уходить.

— Что я думаю,—проговорилъ онъ, уже взявшись за ручку двери:—я думаю, что если Обрэ сдѣлаетъ предложеніе, то лэди Кэриль ему откажетъ.

IV.

Въ субботу, наканунѣ собранія у лэди Орминъ въ Ипсомѣ, была большая распродажа въ ювелирномъ магазинѣ Мёрфи, на Кингъ-Стритѣ. Сэръ Рёбенъ отправился туда. Между дорогими камнями, выставленными для осмотра публики, находился огромный изумрудъ, принадлежавшій когда-то Екатеринѣ Великой. На немъ были вырѣзаны три фигуры, представлявшія душу, увлекаемую наслажденіями. Главными покупателями этого камня были сэръ Рёбенъ и два очень извѣстныхъ купца. Они набивали цѣну, пока, наконецъ, изумрудъ не остался за сэромъ Рёбеномъ, заплатившимъ за него баснословныя деньги. Присутствовавшіе на аукціонѣ затаили дыханіе, а нѣкоторыя женщины посмотрѣли на него съ выраженіемъ безмолвной зависти: это былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ изумрудовъ на свѣтѣ.

— Кто та женщина, для которой онъ предназначается?— прошепталъ одинъ молодой человѣкъ другому.

— Не имѣю понятія, но не завидую ей, — отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на темное, некрасивое лицо сэра Рёбена и его нескладную пожилую фигуру. Маклеръ поздравилъ его съ успѣхомъ и не удержался, чтобы не спросить:

— Я и не подозрѣвалъ, что вы собираете драгоцѣнные камни, Аллабрутъ.

— Меня больше забавляетъ борьба, посмотрѣть, чья возьметъ,—проговорилъ небрежно сэръ Рёбенъ, и пошелъ садиться въ свой экипажъ. Когда онъ уѣхалъ, то къ маклеру подошелъ пріятель.

— Что, сказалъ тебѣ Аллабрутъ, для кого этотъ камень?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ, а кто-нибудь догадывается?

— Ни единая душа. Онъ только-что возвратился съ Востока. Можетъ быть, привезъ съ собой гаремъ. Странно, что послѣ смерти лэди Аллабрутъ онъ распродалъ всѣ свои драгоцѣнности, а теперь опять начинаетъ собирать ихъ на старости лѣтъ.

Сэръ Рёбенъ отлично замѣтилъ произведенное имъ волненіе, но остался къ нему совершенно равнодушенъ. И однакоже, проѣзжая по многолюднымъ улицамъ въ своей каретѣ съ зелеными подушками, онъ чувствовалъ трепетъ въ сердцѣ отъ какого-то предчувствія и отъ сознанія, что въ немъ еще есть молодость и даже способность ликовать. Его темные глаза сверкали, когда онъ откинулся въ глубину кареты и сталъ наблю-

дать мелькавшія мимо уличныя сцены. Онъ не видалъ ихъ многіе годы, но такъ хорошо зналъ ихъ прежде, что и теперь онѣ казались ему такими привычными. Даже моторы, и тѣ онъ засталъ еще въ Парижѣ, такъ что для него не было ничего вполнѣ новаго. А еслибы и было что-нибудь новое на этихъ улицахъ, переполненныхъ народомъ, то онъ, все равно, ничего бы не замѣтилъ, потому что передъ его глазами сіялъ зеленый свѣтъ огромнаго изумруда и три тонкія вырѣзанныя фигуры, изображавшія душу, увлекаемую наслажденіями. Онѣ лишали драгоцѣнный камень его первобытной красоты. Вырѣзывать что-нибудь на дорогомъ камнѣ—значитъ наносить ему несказанное и неизгладимое оскорбленіе. Это декадентскій поступокъ,—все равно, что пожелать написать слова на поверхности моря или сонетъ на серебрѣ мѣсяца. Но сэру Рёбену нравился этотъ вырѣзанный рисунокъ не по своей рѣдкости, а по своему содержанію. Его сильное и грубое воображеніе было очаровано утонченной чувственностью этихъ легкихъ фигуръ, всплывавшихъ на блестящемъ камнѣ, какъ на неподвижной водной поверхности. Ему казалось, что онъ видитъ давно умершаго рѣзчика за его искусной работой, какъ часто онъ видалъ угрюмыхъ людей, работавшихъ на сумрачныхъ базарахъ Каира, Багдада и Индіи. Въ своихъ тонкихъ темныхъ пальцахъ, выражавшихъ всю чувственность его расы, этотъ давно умершій мастеръ держалъ драгоцѣнный камень, и взглядъ его длинныхъ, блестящихъ глазъ утопалъ въ зеленомъ свѣтѣ, который такъ любилъ Плиній и который былъ описанъ Теофрастомъ. Въ немъ рождалось желаніе, свойственное людямъ,—одухотворить совершенное, но мертвое произведеніе природы и заставить говорить это безмолвное чудо красоты. И потомъ, навѣрное, онъ улыбался недоброй, загадочной улыбкой, улыбкой народовъ Востока, и думалъ: „Я заставлю тебя выдать твою тайну людямъ. Ты долженъ будешь открыть женщинамъ, что ты такое: опасная приманка, зеленый свѣтъ, манящій въ темноту, искра, сверкающая на краю бездны“...

Карета сэра Рёбена остановилась передъ его домомъ въ Паркъ Лэнѣ. Онъ медленно вышелъ изъ экипажа и вошелъ въ домъ. Этотъ домъ производилъ на него странное впечатлѣніе въ это лѣто не потому, что онъ находился въ отсутствіи восемь лѣтъ,—восемь лѣтъ для старика не слишкомъ большой срокъ,—но потому, что въ немъ не было больше его жены, хорошенькой креолки. Благодаря ея отсутствію, домъ казался необычайно большимъ, и сэръ Рёбенъ невольно вздрогнулъ отъ жуткаго чувства, несмотря на тепло въ комнатахъ, на яркую окраску, кар-

тины, плотные ковры и расписные потолки. Въ этомъ домѣ было что-то слегка таинственное. Въ немъ легко могъ находиться скрытый и охраняемый гаремъ, какъ въ восточныхъ дворцахъ. Казалось, этотъ огромный домъ наполненъ живыми существами. Но если въ немъ и была какая-нибудь гурія, то она не подавала признаковъ жизни: она вздыхала, улыбалась, плакала, любила, спала и играла на своей маленькой лютнѣ въ какой-нибудь комнатѣ, совершенно скрытой отъ слуха и взоровъ людей.

Уютная тишина этого дома нравилась въ былые годы сэру Рёбену. Послѣ дѣловой сутолоки въ Сити онъ любилъ внезапно возвращаться въ свой тихій домъ, проводить цѣлые часы въ бездѣйствіи и грёзахъ, не нарушаемыхъ рѣзкимъ звономъ денегъ. Но тогда лэди Аллабрутъ была жива. Она была не особенно умна, но сэръ Рёбенъ и не требовалъ ума отъ красивыхъ женщинъ. Она любила бывать въ обществѣ, и часто, когда ея мужъ возвращался изъ Сити, ея не было дома, и онъ сидѣлъ одинъ. Но одиночество не тяготило его; онъ чувствовалъ присутствіе лэди Аллабрутъ, когда ея и не было. Теперь у него остались одни только воспоминанія, но вѣроятно въ нихъ было нѣчто ужасное, потому что онъ старался не вызывать ихъ.

V.

Въ воскресенье сэръ Рёбенъ поѣхалъ съ Обрэ въ Ипсомъ. Былъ ясный жаркій день. Дача лэди Сэнтъ-Орминъ стояла посреди обширной лужайки. Въ ней былъ концертный залъ съ паркетнымъ поломъ, столовая, билліардная, три или четыре уборныхъ, кухня и людскія. За дачей находились конюшни. На лужайкѣ была разбита палатка, увѣшанная вышивками въ египетскомъ стилѣ и декорированная пальмами и тепличными растеніями. Вокругъ всего сада былъ устроенъ велосипедный трэкъ. Садъ былъ обнесенъ стѣной, и въ него въѣзжали черезъ очень высокія чугунныя ворота на кирпичномъ фундаментѣ, густо заросшемъ плющомъ. Нѣсколько крестьянъ, всѣ въ пыли отъ проѣзжавшихъ экипажей, глазѣли изъ-за рѣшотки воротъ на гостей лэди Сэнтъ-Орминъ. Они вытаращили глаза на пѣгихъ лошадей сэра Рёбена и одинъ изъ нихъ замѣтилъ довольно громко: „Ну ужъ это не музыканты и не пѣвцы, а прямо изъ цирка“.

— Вѣроятно у лэди Сэнтъ-Орминъ бываетъ очень смѣшанное общество?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да, очень смѣшанное,—сказалъ Обрэ натянуто.

Было уже четыре часа, когда они подъѣхали къ крыльцу дачи подъ соломеннымъ навѣсомъ и до ихъ слуха долетѣли голоса многочисленнаго общества, собравшагося на лужайкѣ. Въ жаркомъ лѣтнемъ воздухѣ стоялъ смѣшанный гулъ голосовъ. Раздавались англійскія, французскія, нѣмецкія и итальянскія фразы, и два лакея выносили изъ дома большіе пюпитры и папки съ нотами. Лэди Сэнтъ-Орминъ, въ розовомъ шолковомъ платьѣ и въ розовой шляпѣ съ большими полями, стояла на балконѣ концертнаго зала и необыкновенно оживленно бесѣдовала съ тремя мужчинами. Лицо ея было подкрашено, сѣдые волосы напудрены; она играла огромнымъ вѣеромъ изъ розовыхъ перьевъ и быстро и громко говорила по-французски. Одинъ изъ мужчинъ, очень высокій и широкоплечій, съ крашеной бородой и горящими глазами, былъ знаменитый оперный басъ. Другой, маленькій и сѣдоватый, державшій въ рукахъ пару ярко-красныхъ перчатокъ, былъ модный композиторъ Баррэ. Третій—еще довольно молодой, меланхоличный человѣкъ, похожій на птицу, съ черными волосами и некрасивой улыбкой, былъ извѣстенъ своей любовью къ музыкѣ, мистицизмомъ, легкими нравами, образованностью и вѣчными страданіями желудка. Араки, пѣвецъ изъ Сиріи, закуривалъ въ углу папиросу и украдкой разсматривалъ свое лицо въ висѣвшемъ на стѣнѣ зеркалѣ.

— Вы какъ разъ во-время, сэръ Рёбенъ... Нѣтъ, нѣтъ, Баррэ, ту, въ которой говорится объ обезьянѣ и соловьѣ, я ее люблю! Вы какъ разъ во время. Только-что начали усаживать Herr Kranz'а среди рододендроновъ. М-ръ Геррикъ, вы должны... Получше спрячьте въ кусты пюпитръ Herr Kranz'а, Джемсъ!— прибавила она, обращаясь къ лакею.

— Сэръ Рёбенъ, вы знакомы съ monsieur Анно? Это—лучшій Мефистофель, послѣ Фора.

Господинъ съ крашеной бородой и горящими глазами поклонился очень величественно.

— Да, Баррэ, послѣ квартета. И потомъ—нѣтъ, только не „Пѣсню рыданій“, Араки, ее надо послѣ обѣда. Она гораздо лучше выходитъ въ темнотѣ, гораздо лучше. Гдѣ же Сэнтъ-Орминъ? Нужно, чтобы онъ смирно сидѣлъ во время музыки. Я не могу допустить, чтобы онъ бродилъ здѣсь среди кустовъ, устроивая акціонерныя компаніи въ то время, какъ будетъ исполняться очаровательный... Гдѣ же онъ? Сэнтъ-Орминъ! Сэнтъ-Орминъ!

Человѣкъ очень маленькаго роста и съ бородой, пробиравшійся украдкой черезъ веранду, вдругъ остановился.

— Что тебѣ, Фифи?

— Куда это ты идешь? Не къ музыкантамъ ли?

— Ну да, но вѣдь квартетъ...

— Глупости, Сэнтъ-Орминъ, ты ничего въ этомъ не понимаешь. Ты только будешь кричать о деньгахъ и мѣшать... Сэръ Генри, не хотите ли вы сыграть партію на билліардѣ? Да! Я такъ и думала. Сэнтъ-Ормину очень хочется... Ну, теперь сэръ Рёбенъ, пойдемте, теперь я спокойна на его счетъ. Гдѣ Кэриль? Ахъ, вотъ она съ м-ромъ Фэномъ.

Глаза Обрэ блеснули, когда онъ увидалъ Кэриль, стоявшую, всю въ бѣломъ, на лужайкѣ съ м-ромъ Фэномъ. Она поздоровалась съ Обрэ и сэромъ Рёбеномъ. Послѣдній обратилъ вниманіе на то, что ея рука была очень холодна. Обрэ принесъ ей стулъ, но она отказалась сѣсть.

— Стоя, я могу видѣть Herr Kranz'а,—сказала она.—Какъ разъ мнѣ видно его голову, окруженную листьями. Нужно же мнѣ смотрѣть на что-нибудь интересное, пока они будутъ играть.

— Такъ, значитъ, вы не любите музыки?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Нѣтъ, отчего же? Но я уже столько разъ слышала музыку monsieur Баррэ!

— Вы, какъ и лэди Сентъ-Орминъ, обожаете Вагнера?

— О, лэди Кэриль ужасно любитъ итальянскую музыку,—проговорилъ молодой итальянскій композиторъ, стоявшій у ближайшаго розового куста.

— Да, можетъ быть. Но какъ вы это угадали, синьоръ Рудини?

— Я слышалъ, какъ вы сказали, что предпочитали бы имѣть ложу на „Травіату“ съ madame Вива, чѣмъ на „Мейстерзингеровъ“.

— Говорятъ, что въ первомъ актѣ на ней будетъ брилліантовъ на восемьдесятъ тысячъ фунтовъ,—прошептала м-ссъ Паркинсонъ, дама съ темно-желтымъ цвѣтомъ лица, играя краснымъ зонтикомъ, украшеннымъ маками.

Сэръ Рёбенъ взглянулъ на Обрэ, но юноша смотрѣлъ на лэди Кэриль, и въ эту минуту глаза его загорѣлись страстью.

— Я люблю мотивы изъ „Травіаты“,—проговорила молодая дѣвушка своимъ спокойнымъ голосомъ.

— „Травіата“ такъ пріѣлась. Меня она просто оскорбляетъ. Тише, они начинаютъ,—проговорила лэди Сэнтъ-Орминъ.

— М-ръ Гэррисъ, — прибавила она громкимъ шопотомъ, обращаясь къ молодому человѣку, собравшемуся уходить.—Идите

сюда и сядьте возлѣ меня. Мнѣ хочется, чтобы вы написали объ этомъ квартетѣ въ вашей газетѣ. Онъ вамъ понравится.

Смуглый молодой человѣкъ покорно сѣлъ въ то время, какъ віолончель Herr Kranz'а зазвучала изъ кустовъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ слушала съ какой-то страстностью. По ея словамъ, музыка была ея религіей, и, подобно многимъ, она любила наслаждаться религіей съ полнымъ комфортомъ, у себя дома, среди собственныхъ рододендроновъ, и чтобы жрецами были разныя музыкальныя знаменитости, преимущественно мужескаго пола. Ея душа вполнѣ зависѣла отъ нервной системы, и на нее дѣйствовала музыка извѣстнаго сорта композиторовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Вагнеръ. Моцартъ ей былъ скученъ, какъ скучно многимъ людямъ протяжное церковное пѣніе. Шумная музыка возбуждала ея нервы.

Медленно замирающія ноты возвѣстили объ окончаніи квартета.

— Баррэ, вамъ надо чего-нибудь выпить,—рѣшительно проговорила лэди Сэнтъ-Орминъ.

Композиторъ улыбнулся просительно и жадно.

— Пойдемте со мною въ палатку. Кэриль, пригласи сэра Рёбена. А потомъ monsieur Анно споетъ „Le Bon Dieu et les oiseaux", послѣднюю пѣснь Баррэ. Monsieur Анно, вы вѣдь не забыли!

Знаменитый басъ, съ необычайно порочнымъ выраженіемъ лица, поклонился, любезно улыбаясь.

— Можно мнѣ тоже пойти съ вами, лэди Кэриль?—сказалъ онъ хорошимъ англійскимъ языкомъ.

— Пожалуйста,—отвѣтила она.—И вы также, сэръ Рёбенъ!

Она пошла по лужайкѣ въ сопровожденіи обоихъ мужчинъ. Обрэ послѣдовалъ за м-ссъ Паркинсонъ.

— Я люблю пѣть о маленькихъ птичкахъ, — сказалъ monsieur Анно.—Онѣ такъ невинны и потому такъ очаровательно поютъ!

Произнося эти слова, онъ придалъ намѣренную нѣжность своему великолѣпному голосу.

— Не потому ли и вы поете такъ очаровательно, monsieur Анно?—спросила молодая дѣвушка.

Онъ многозначительно улыбнулся.

— Вы должны были задать мнѣ этотъ вопросъ до моего пріѣзда въ Лондонъ,—отвѣчалъ онъ.

— Маленькія птички способны на сарказмъ,—проговорила она, улыбаясь.

— Можетъ быть, именно моя утраченная невинность и заставляетъ меня пѣть съ такою страстью,—прошепталъ онъ.— Не можетъ быть артистомъ тотъ, кому не о чемъ жалѣть.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ нечего жалѣть вашу утраченную невинность.

— Вы обладаете настоящимъ разговорнымъ талантомъ, а я все время дѣлаю промахи. Я силенъ только когда пою.

Онъ устремилъ на нее свои горящіе глаза съ тѣмъ выраженіемъ, которымъ онъ вскружилъ голову всей Америкѣ и совершенно плѣнилъ русскую публику. Она весело разсмѣялась на его слова и взглянула на сэра Рёбена.

— Музыка—вещь опасная. Не правда ли, сэръ Рёбенъ?— сказала она, и они вошли въ палатку.—Можетъ быть, мнѣ лучше и не слушать послѣднюю пѣсню monsieur Баррэ?

— Мнѣ кажется, вамъ нечего бояться,—сказалъ онъ значительно.

Она быстро обернулась и посмотрѣла на него въ первый разъ съ настоящимъ любопытствомъ.

— Вы думаете, что это произведетъ на меня меньше впечатлѣнія, чѣмъ на весь Лондонъ?—спросила она.

— Да и нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— А, вы прикрываетесь загадками... Какая толпа!

Палатка, несмотря на свою величину и благовоспитанность гостей, представляла собою поле сраженія. Въ ней столпилось множество народа; каждый старался достать что-нибудь выпить. Жаркій воздухъ, пропитанный запахомъ цвѣтовъ, становился нестерпимымъ. Недалеко отъ входа, знаменитая примадонна, въ садовой шляпѣ и въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, усѣянномъ лиловыми орхидеями, ѣла ананасъ и разговаривала по-французски съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ.

Ея собесѣдникъ былъ толстый юноша, ненавидѣвшій музыку. Она любила толстыхъ юношей и также ненавидѣла музыку, хотя умѣла пѣть въ совершенствѣ, когда хотѣла. Они разговаривали о Grand Prix.

— Я скорѣе думаю, что „Ласточка“ графа де Граммона,— говорила она толстому юношѣ.

— Никакого вѣроятія. Ставьте на Суризеттъ, — отвѣчалъ толстый юноша.—Хотите еще ананаса?

— Не могу больше изъ-за голоса. Это такое мученіе—имѣть голосъ!

— Да, вамъ тяжело приходится.

— Еще бы! Но ничего не подѣлаешь. А чьего завода Суризеттъ?...

Баррэ пилъ шампанское и выслушивалъ льстивыя похвалы двухъ пожилыхъ аристократокъ. Онѣ были сестры и красили свои сѣдые волосы въ одинъ и тотъ же каштановый цвѣтъ, чтобы лучше обмануть общество, и всѣ вѣчно смѣялись надъ ихъ невинными усиліями.

Лэди Сэнтъ-Орминъ стояла въ кружкѣ людей, причастныхъ къ оперѣ. Нахальнаго вида господинъ, съ вздернутымъ носомъ и закрученными усами, разговаривалъ авторитетнымъ тономъ съ нею и съ окружавшими ее. Онъ былъ дѣлецъ и человѣкъ совершенно немузыкальный; но такъ какъ онъ былъ участникомъ разныхъ оперныхъ предпріятій, то считалъ себя въ правѣ обучать искусству настоящихъ артистовъ.

— Я слышалъ ее два раза въ Буда-Пештѣ,—говорилъ онъ медленнымъ, лѣнивымъ голосомъ. — Превосходное сопрано, нисколько не испорченное Вагнеровскими партіями.

Очень дородная молодая женщина, въ платьѣ цвѣта горчицы, украшенномъ большой розой и въ желтыхъ нитяныхъ перчаткахъ, вдругъ вся вспыхнула. Она наканунѣ вечеромъ исполняла партію „Венеры“.

— Неужели, мистеръ Вильсонъ?—воскликнула она.

— Неиспорченное! Я повторяю, — продолжалъ онъ спокойно.—Я привезу ее на слѣдующій сезонъ, и тогда вы увидите.

— Но что же она будетъ пѣть,—сказала лэди Сэнтъ-Орминъ, —если кому нужно что-нибудь кромѣ Вагнера? Мнѣ, конечно, ничего больше не нужно.

— О, это Вагнеровское сумасшествіе пройдетъ... оно пройдетъ, — сказалъ м-ръ Вильсонъ. — Пока оно дѣлаетъ сборъ— отлично, но вѣдь это не можетъ такъ продолжаться. Я знаю вкусы публики. Это не можетъ продолжаться вѣчно.

— Вы совершенно правы, м-ръ Вильсонъ, — проговорило лирическое сопрано въ зеленомъ платьѣ, у котораго были только высокія ноты, пассажи и трели. — Тяжелая музыка не можетъ быть вѣчно въ модѣ. Я всегда это говорила. Должна наступить реакція.

— Да, но, конечно, мы не возвратимся къ „Севильскому Цирюльнику“, синьорина, — отвѣчалъ м-ръ Вильсонъ съ тихой улыбкой.

Дама въ зеленомъ платьѣ поспѣшила заняться земляничнымъ мороженымъ.

— Мнѣ кажется, мы должны ждать спасенія отъ молодой

французской школы,—сказала одна изъ обожавшихъ Баррэ аристократокъ съ выкрашенными въ каштановый цвѣтъ волосами.

Баррэ, которому только-что минуло шестьдесятъ-четыре года, принялъ скромный видъ.

— Мнѣ кажется, что „Парсиваль“ — начало новой музыкальной эры,—сказалъ м-ръ Фрàзеръ, господинъ, похожій на птицу, сочинявшій гимны и устроивавшій у себя многолюдные завтраки.—У насъ должны быть религіозныя музыкальныя драмы, полныя страсти, любви и желанія, но парящія въ асмосферѣ мистицизма. Человѣкъ долженъ во что-нибудь вѣрить. Онъ долженъ стремиться ввысь, хотя тѣло и притягиваетъ его къ землѣ.

Если вѣрить тому, что о немъ говорили, то м-ръ Фрàзеръ былъ именно изъ тѣхъ людей, которыхъ тѣло притягиваетъ къ землѣ.

— Я бы хотѣлъ играть св. Стефана, еслибы была написана опера на этотъ сюжетъ,—сказалъ monsieur Анно.—Подумайте только о послѣдней сценѣ,—какъ бы она была выгодна для пѣвца!

— О, мнѣ кажется, вамъ больше бы подходилъ Иродъ или еще какой-нибудь сильный характеръ въ этомъ родѣ!—воскликнула лэди Сэнтъ-Орминъ.—Но не кажется ли вамъ, monsieur Анно, что намъ пора прослушать „Le Bon Dieu“? Конечно,—въ концертномъ залѣ; я знаю, вы не любите пѣть на воздухѣ.

— Съ восторгомъ,—отвѣчалъ monsieur Анно, походя болѣе чѣмъ когда-либо на Ирода.

Онъ повернулся къ лэди Кэриль, которая стояла тутъ же съ сэромъ Рёбеномъ, м-ссъ Паркинсонъ и Обрэ Геррикомъ.

— Вы придете меня послушать?—спросилъ онъ ее.—Если нѣтъ, то я подумаю...

— Чтò вы подумаете?—спросила молодая дѣвушка, спокойно глядя въ его наглые глаза.

— Что вы боитесь моей власти.

— Я приду,—отвѣчала она.—Но я ничего не боюсь.

— Ни даже самаго опаснаго изъ всѣхъ искусствъ?

— Ни даже того. Вы пойдете, сэръ Рёбенъ? Я хочу оправдать вашу вѣру въ меня.

Когда сэръ Рёбенъ вышелъ вмѣстѣ съ нею изъ палатки, то онъ увидалъ, что Обрэ слѣдитъ глазами за monsieur Анно. На мгновеніе лицо юноши преобразилось. Оно все дышало гнѣвомъ и отвращеніемъ. Но тотчасъ же это выраженіе сгладилось —его смѣнило прежнее, спокойное и дѣланное.

— Вы хотите послушать „Le Bon Dieu“?—спросилъ онъ у м-ссъ Паркинсонъ.

— О, да! Это навѣрное будетъ великолѣпно! Никто какъ Баррэ не умѣетъ писать музыку на такіе сюжеты, и никто не можетъ исполнять ее такъ, какъ милый monsieur Анно.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте. Я съ вами согласенъ. Monsieur Анно—самый подходящій человѣкъ, чтобы дѣлать Бога популярнымъ среди свѣтскаго общества.

VI.

Баррэ сѣлъ за фортепіано, провелъ полной рукой по сѣдымъ волосамъ и заигралъ интродукцію на верхнихъ тонахъ. А monsieur Анно, облокотившись на крышку фортепіано и устремивъ глаза на лэди Кэриль, началъ пѣть, или, скорѣе, декламировать на одной нотѣ своимъ прекраснымъ, глубокимъ голосомъ поэму объ умершихъ въ снѣгу цвѣтахъ, умирающихъ отъ голода птицахъ и о бѣломъ призракѣ перваго мороза. Большинство пѣсенъ Баррэ было написано на одной или, самое большее, на двухъ нотахъ, и только подъ конецъ появлялась маленькая томная мелодія, поражавшая слушателя въ то время, когда онъ уже терялъ всякую надежду что-нибудь услышать. Пѣвцы, исполнявшіе эти образцовыя произведенія, говорили речитативомъ до появленія мелодіи, а тогда начинали пѣть со всей силой, чтобы доказать, что у нихъ есть настоящій голосъ. И такъ какъ Баррэ всегда старался подбирать красивыя слова, то каждый разъ всѣ приходили въ восторгъ и говорили, что человѣкъ, умѣющій такъ заинтересовать мелодіей на одной нотѣ, долженъ быть геніальнымъ. На этотъ разъ мертвые цвѣты, умирающія птицы и морозъ были изображены речитативомъ, а маленькая мелодія приберегалась для появленія „Господа Бога“, съ дождемъ для цвѣтовъ и крошками, очевидно неземного происхожденія, для ослабѣвшихъ воробьевъ и красношеекъ.

Лэди Кэриль стояла въ толпѣ и не опускала своихъ спокойныхъ блестящихъ сѣрыхъ глазъ подъ пристальнымъ взглядомъ пѣвца. Сэръ Рёбенъ и Обрэ наблюдали за нею одинаково внимательно, но съ различными чувствами. Подъ конецъ пѣсни великолѣпный голосъ monsieur Анно наполнилъ комнату, и всѣ присутствовавшія женщины затрепетали отъ чувственнаго волненія, м-ссъ Паркинсонъ заплакала, а накрашенныя щеки лэди Сэнтъ-Орминъ заблестѣли въ пылу восторга. Одна лэди Кэриль,

для которой собственно и предназначалась пѣсня, оставалась вполнѣ равнодушной.

Когда замерла послѣдняя нота, она сказала сэру Рёбену:

— Я думаю, мама была права. Изъ monsieur Анно вышелъ бы удивительный Иродъ. Роль Господа Бога ему не особенно подходитъ.

— У васъ есть нервы?—проговорилъ онъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— Какой странный вопросъ! Я думаю, что есть. Почему вы меня спрашиваете?

— Взгляните кругомъ, посмотрите на всѣхъ этихъ женщинъ.

Она оглянулась вокругъ себя.

Всѣ лица застыли послѣ заключительныхъ аккордовъ Баррэ и все еще сохраняли возбужденное выраженіе, обнажающее глубоко скрытые инстинкты дикаря въ цивилизованномъ человѣкѣ. На многихъ лицахъ скулы какъ-то неестественно выдались, а губы раскрылись отъ учащеннаго дыханія. По виду этихъ женщинъ легко было судить объ успѣхѣ monsieur Анно.

Медленно оглядѣвъ присутствовавшихъ, лэди Кэриль сказала сэру Рёбену:

— Ну и что же?

— А теперь посмотрите на себя въ зеркало.

Зеркало, въ которомъ разсматривалъ себя Араки, находилось какъ разъ возлѣ нея. Она повернулась къ нему и увидала свое бѣлое лицо.

— Вы хотите сказать, что у меня не такой видъ, какъ у нихъ, но вѣдь мнѣ никогда не бываетъ жарко, — проговорила она совершенно спокойно.

— Вамъ никогда не бываетъ жарко, да никогда и не будетъ. Никакіе тропики не въ состояніи на васъ повліять.

— Сэръ Рёбенъ, вы говорите обо мнѣ съ такою увѣренностью, какъ будто давно и хорошо меня знаете.

— А вы знаете, — возразилъ онъ, — съ чего началась моя карьера?

— Нѣтъ.

— Я былъ продавцомъ бриллiантовъ.

Молодая дѣвушка вдругъ пристально, съ живымъ интересомъ посмотрѣла на его истощенное и морщинистое лицо. Ея нѣжныя, тонкія губы полураскрылись, и она собиралась что-то сказать.

— Почувствовали вы мою силу, лэди Кэриль?—раздался голосъ monsieur Анно.

Онъ пробрался къ ней отъ рояля, несмотря на шумныя

мольбы лэди Сэнтъ-Орминъ и другихъ дамъ, просившихъ его спѣть еще пѣсню о монахинѣ, нарушившей свои обѣты съ хорошенькимъ Пьерро.

Все оживленіе мгновенно исчезло съ лица молодой дѣвушки.

— У васъ прекрасный голосъ,—проговорила она.

— Голосъ? Не въ этомъ дѣло. Вы чувствовали, когда я пѣлъ, мою душу, мою волю, меня самого?

— Какимъ образомъ? Сердцемъ, какъ ребенокъ, или нервами, какъ вся эта толпа?

Онъ наклонился къ ней своимъ любимымъ движеніемъ, похожимъ на страстное объятіе, сдерживаемое только глупыми свѣтскими приличіями.

— И тѣмъ, и другимъ,—проговорилъ онъ.

— Я не думаю, чтобы у меня были нервы, — сказала она холодно и взглянула на сэра Рёбена.

— А сказать вамъ по правдѣ, что я думала все время, пока вы пѣли, monsieur Анно?—проговорила она съ лукавой улыбкой.

— Пожалуйста скажите! — сказалъ онъ, скрестивъ свои огромныя руки и пристально глядя ей въ глаза.

— Я думала, что вы имѣете весьма смутное понятіе о Господѣ Богѣ, а голосъ вашъ—одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ.

Въ эту минуту къ нимъ подошла м-ссъ Паркинсонъ и стала осыпать пѣвца восторженными похвалами. Онъ моментально перевелъ на нее свои страстные взоры,—она была чрезвычайно богата и устроивала фэшенебельные музыкальные вечера, на которыхъ присутствовали члены королевской фамиліи. Лэди Кэриль осталась съ сэромъ Рёбеномъ и къ нимъ вскорѣ подошелъ Обрэ.

— Не пойдете ли вы теперь со мною?—сказалъ онъ ей тихо. —Пойдемте выпить чашку чая въ чайный домикъ.

— Хорошо,—отвѣтила она.—Сэръ Рёбенъ, я сама вамъ хочу показать нашъ чайный домикъ. Вы должны мнѣ сказать, такъ ли у насъ красиво, какъ въ чайныхъ домикахъ въ Японіи.

Лицо Обрэ точно окаменѣло, но она, казалось, не замѣчала этого. Она была возбуждена болѣе обыкновеннаго.

Когда они пересѣкли лужайку, то она сказала:

— Я чувствую себя по семейному между крестникомъ и крестнымъ отцомъ. Подарили вы м-ру Геррику серебряную ложечку, сэръ Рёбенъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ собираетесь подарить?

— Можетъ быть, если подъ серебряной ложечкой вы разумѣете дружескую услугу, — сказалъ онъ, какъ бы намекая на

что-то; но Обрэ не замѣтилъ этого; онъ весь былъ поглощенъ своимъ чувствомъ. Они прошли мимо кустовъ и находившагося за ними пруда. Красноватыя золотыя рыбки безпрерывно плавали тамъ кругомъ, открывая и закрывая мягкіе рты и глядя передъ собой выпуклыми безсмысленными глазами. Обрэ посмотрѣлъ на нихъ. Ихъ яркія тѣла сверкали какъ огонь, но, несмотря на это, какія онѣ были холодныя! Эта мысль ярко вспыхнула въ его головѣ, онъ самъ не зналъ—почему.

— Эти рыбы похожи на движущіеся драгоцѣнные камни. У нихъ такой же живой огненный цвѣтъ, — сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Да,—отвѣчала лэди Кэриль.—Мнѣ всегда кажется, что онѣ теплыя, если ихъ тронуть.

— А онѣ все-таки холодныя,—проговорилъ онъ, вспоминая то ощущеніе, которое онъ испыталъ, пожимая въ первый разъ ея руку.

Чайный домъ, маленькое и низкое деревянное строеніе съ остроконечной соломенной крышей, раздѣлялся на четыре комнаты, въ каждой изъ которыхъ были разставлены столики. Когда они подошли къ домику, то онъ казался совершенно пустымъ, и Обрэ почувствовалъ на мгновеніе холодную злобу къ своему крестному отцу. Но, войдя, они убѣдились, что ошиблись. Въ первой комнатѣ, за чашкою чая, извѣстный теноръ разыгрывалъ Фауста, выбравъ Маргаритой хорошенькую русскую княгиню, мужъ которой только и дѣлалъ всю жизнь, что бралъ ванны отъ какихъ-то сложныхъ болѣзней. Въ слѣдующей комнатѣ маленькій пасторъ разсказывалъ смѣшную исторію опереточной пѣвицѣ. Въ третьей—пожилой судья, ненавидѣвшій Вагнера, давалъ совѣты и объяснялъ законы красавицѣ, собиравшейся развестись съ мужемъ. Наконецъ, въ четвертой комнатѣ еврейка въ розовомъ платьѣ лорнировала молодого художника, сидѣвшаго возлѣ нея. Онъ тихо говорилъ ей, что ея портретъ могъ бы составить его карьеру.

— Какъ всѣ любятъ чай!—сказала лэди Кэриль, въ четвертый разъ граціозно отступая отъ двери.—Пожалуй намъ придется его пить на воздухѣ.

Но въ эту самую минуту маленькій пасторъ и пѣвица порывисто выскочили изъ своей комнаты и исчезли съ звонкимъ взрывомъ смѣха.

— Какъ это мило со стороны м-ра Себастіана! — сказала лэди Кэриль, входя въ оставленную комнату.—Онъ долженъ вернуться въ городъ къ восьмичасовой службѣ. Миссъ Дэзи Геріотъ поетъ у него сегодня вечеромъ: „Блаженны чистые сердцемъ“.

Она сѣла за круглый столъ у окна, и имъ подали чай. Чашка слабо звякнула, когда лакей ставилъ серебряный подносъ на столъ. Вокругъ все стало тихо.

— Любите ли вы тишину? — спросилъ сэръ Рёбенъ у лэди Кэриль.

Она подала ему чашку.

— Не особенно,—отвѣчала она.—А вы, м-ръ Геррикъ?

— Я люблю,—готовъ былъ отвѣтить Обрэ, но удержался и сказалъ:

— Тишина—такая рѣдкость для меня, что я, въ сущности, не имѣю о ней понятія.

— А я годами жилъ въ тишинѣ, — проговорилъ сэръ Рёбенъ:—на морѣ, въ моей яхтѣ, странствуя съ караванами, въ моемъ мавританскомъ саду въ Танжерѣ.

— Почему вы такъ долго не возвращались въ Англію? — спросила нѣсколько безцеремонно молодая дѣвушка. — Что сталось за это время съ вашими брилліантами?

Обрэ сдѣлалъ невольное движеніе.

— Я распродалъ мои брилліанты много лѣтъ назадъ,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ.—А на Востокѣ я былъ у себя на родинѣ,— продолжалъ онъ. — Вы вѣдь знаете, что я не англичанинъ. Въ моихъ жилахъ течетъ восточная кровь, и я чувствую себя дома въ такихъ мѣстахъ и съ такими людьми, которые бы васъ испугали.

— О, нѣтъ!—Лэди Кэриль слегка мѣшала ложечкой чай.

— Во всякомъ случаѣ, привычки и образъ жизни этихъ людей возбудили бы въ васъ отвращеніе.

— Вы думаете, что это могло бы случиться, послѣ всѣхъ привычекъ и обычаевъ цивилизованнаго общества?...

— Вы забываете, что у меня есть мужъ, Гиксонъ!—раздался голосъ еврейки въ розовомъ платьѣ, проходившей вмѣстѣ съ художникомъ въ садъ.

— Не можете ли и вы это забыть?—возразилъ тотъ.—Подумайте только, что значилъ бы для меня такой успѣхъ! Почему же...—Ихъ голоса замерли.

— Вы очень саркастичны, лэди Кэриль,—сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Я—саркастична?—она проговорила это съ спокойнымъ удивленіемъ. И Обрэ страстно захотѣлось сказать сэру Рёбену, что лэди Кэриль говорила въ простотѣ и безъ всякаго сарказма, точно такъ же, какъ не поняла его намека на любовь въ Гайдъ-Паркѣ.

„Какъ онъ можетъ, глядя ей въ лицо,—думалъ юноша,—

предполагать, что она понимаетъ истинное значеніе всего того, что происходитъ вокругъ нея! Она—бѣлый цвѣтокъ, и всѣ лепестки этого цвѣтка сложены и покоятся въ чистомъ снѣ".

— Слушайте! — проговорила лэди Кэриль и подняла свою маленькую бѣлую руку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ раздался глубокій голосъ monsieur Анно. Онъ пѣлъ „Crépuscule", послѣднюю изъ двухъ пѣсенъ Баррэ. Вечеръ тихо спускался. Они сидѣли молча.

— Выйдемъ теперь, пойдемте на воздухъ,—предложила лэди Кэриль, когда первый куплетъ замолкъ.

Теперь голосъ пѣвца звучалъ ближе къ нимъ и казался еще прекраснѣе. У ихъ ногъ разстилалась вода, въ которой безмолвно плавали сверкающія рыбы, и Обрэ наблюдалъ, какъ ихъ блестящія тѣла тускнѣли, уходя въ густую тѣнь. Пѣсня кончилась. Раздался рѣзкій звукъ гонга.

— Это звонятъ къ обѣду!—сказала лэди Кэриль.—Пока мы будемъ обѣдать, освѣтятъ садъ.

Гости лэди Сэнтъ-Орминъ, дождавшіеся обѣда, усѣлись за небольшіе столы, по восьми человѣкъ за каждый столъ. Обрэ пригласилъ американскую поэтессу и сѣлъ противъ лэди Кэриль, возлѣ которой помѣстился monsieur Анно. Сэръ Рёбенъ обѣдалъ за столомъ лэди Сэнтъ-Орминъ. Американская поэтесса была премилое существо, съ мягкими, бѣлыми какъ снѣгъ волосами и блестящими наблюдательными карими глазами. Она много путешествовала, много страдала и, подобно всѣмъ милымъ женщинамъ съ нѣжной душою и много страдавшимъ, она любила молодежь. Она старалась угадать будущность каждаго молодого существа, надѣялась и боялась за него, и страстно желала охранить его чистоту и тотъ свѣтъ, подобный утренней зарѣ, который свѣтится въ глазахъ и сердцахъ молодежи. Она раньше никогда не встрѣчалась съ Обрэ и съ нимъ вообще было трудно разговаривать. Во многихъ отношеніяхъ онъ походилъ на своего отца, британскаго аристократа, до мозга костей. М-ссъ Рекиттъ,— Адель Рекиттъ, какъ ее всегда называла читающая публика,— пробовала съ нимъ разговаривать о разныхъ вещахъ, но онъ отвѣчалъ мрачно и разсѣянно. И все-таки онъ ей нравился. Ей нравилась особенная, окружавшая его, атмосфера. Она быстро угадывала характеры и еще быстрѣе ихъ чувствовала. И очень скоро, стараясь отыскать причину страннаго настроенія Обрэ, она поняла, что причиной этого былъ monsieur Анно.

Monsieur Анно былъ одинъ изъ многихъ мужчинъ, думающихъ дурно о всѣхъ женщинахъ. Тѣхъ, которые старались по-

колебать его мнѣніе, онъ называлъ притворщиками, и считалъ себя лучше ихъ, потому что былъ правдивѣе. Необыкновенно одаренный отъ природы, онъ обладалъ благороднымъ голосомъ и наружностью, которую тоже можно было бы назвать благородной, еслибы въ ней не было чего-то порочнаго. Музыкальность соединялась въ немъ съ живымъ темпераментомъ. Когда онъ пѣлъ, то умѣлъ чувствовать и чувствовалъ, что пѣлъ, хотя не всегда такъ, какъ это было нужно. Но и въ пѣніи его сказывалась чувственная натура. Когда онъ пѣлъ о Господѣ Богѣ, онъ думалъ о женщинѣ или вообще о комъ-нибудь, кого хотѣлъ очаровать, и онъ сдѣлалъ больше зла своимъ пѣніемъ, чѣмъ всѣ дьявольскія ухищренія, изобрѣтенныя цивилизаціей. Его постояннымъ желаніемъ было проявлять надъ кѣмъ-нибудь свою власть. Днемъ и ночью его преслѣдовала или какая-нибудь мысль, связанная съ этимъ желаніемъ, или какая-нибудь возникавшая изъ него надежда. Въ этотъ вечеръ онъ испытывалъ такое желаніе относительно лэди Кэриль. Обрэ зналъ это, а черезъ него и м-ссъ Рекиттъ. Хотя ея собесѣдникъ и казался спокойнымъ, вполнѣ владѣющимъ собою и даже холоднымъ, но она чувствовала, что онъ все время на сторожѣ и что онъ внутренно весь дрожитъ отъ остраго чувства гнѣва. М-ссъ Рекиттъ перенеслась мыслями за много лѣтъ назадъ, вспомнила человѣка, который все это переиспыталъ изъ-за нея, и Обрэ, не сознавая этого, сдѣлался ей близкимъ и понятнымъ.

— Слышали вы, какъ я вызывалъ сумерки?—тихо спросилъ monsieur Анно у лэди Кэриль.

— Да, даже природа покоряется вамъ. Васъ какъ зовутъ?

— Юлій.

— А не Орфей?

— Вы жестоки! Но мнѣ нѣтъ дѣла до сумерекъ, это—дѣло природы. Мнѣ важно только имѣть власть надъ людьми.

— Надъ оперной музыкой! Вотъ старая лэди Грумъ не пропускаетъ ни одного вечера, когда вы поете.

— Но вы многіе пропускаете.

— Въ Ковентъ-Гарденѣ бываетъ такъ жарко.

— А вы любите ночную прохладу и открытыя мѣста. Такъ пойдемте со мною послѣ обѣда. Мнѣ нужно...

М-ссъ Рекиттъ почувствовала, что ея сосѣдъ вздрогнулъ. Онъ поднесъ стаканъ къ губамъ, и она увидѣла, что его рука слегка дрожала. За столомъ лэди Орминъ раздался почти дикій взрывъ хохота. Кто-то возлѣ Обрэ сказалъ:

— Эти собранія у лэди Орминъ бываютъ всегда восхитительно веселыя.

И Обрэ почувствовалъ, какъ всѣ нервы въ немъ задрожали. Онъ старался не смотрѣть на monsieur Анно, но лихорадочное оживленіе, отражавшееся на необыкновенно выразительномъ лицѣ пѣвца, невольно привлекало его вниманіе. Это лицо было для него крайне ненавистно, но онъ сознавалъ его власть, его магнетическое вліяніе. И ему казалось, что такіе глаза должны взволновать сердце молодой дѣвушки самымъ сильнымъ чувствомъ, хотя бы чувствомъ отвращенія. Ему вспомнилась слышанная когда-то пѣсня: „Если ты спишь, дѣвушка, проснись! Встань и отвори твою дверь!“ Что̀, если monsieur Анно удастся разбудить эту милую спящую дѣвушку? Душевная боль Обрэ переходила въ физическое страданіе. Ему казалось, что обѣдъ тянется безъ конца, потому что онъ тоже рѣшилъ, что̀ станетъ дѣлать по окончаніи его.

— Ночью должно быть очень хорошо въ этомъ саду,—раздался пріятный голосъ м-ссъ Рекиттъ, обращенный къ нему. Онъ машинально обернулся къ ней.

— Да, и сегодня будетъ луна.

— Вы любите деревню?

— Не знаю. Иногда. Я очень люблю стрѣльбу и охоту.— Потомъ онъ прибавилъ небрежно:—А вы?

— Я люблю покой, люблю животныхъ и люблю думать,— слѣдовательно, люблю и деревню. Трудно думать въ толпѣ.

— Вы это находите?—спросилъ Обрэ съ внезапнымъ оживленіемъ, которое выдало его собственныя мысли.

— Т.-е., я хочу сказать, правильно думать,—отвѣтила она.— Конечно, часто умъ очень быстро работаетъ среди шума и многолюдства, но намъ нужна тишина, чтобы отыскать ошибки нашего мышленія, равно какъ мы нуждаемся въ страданіяхъ, чтобы отыскать ошибки въ нашемъ поведеніи.

Обрэ въ первый разъ посмотрѣлъ ей въ лицо съ внимательнымъ любопытствомъ. Легкія кольца пара поднимались надъ маленькими столами,—всѣ пили кофе.

Послѣдовало общее движеніе. Мужчины начали закуривать сигары. Всѣ дамы обѣдали въ шляпахъ. Теперь нѣкоторыя изъ нихъ надѣли на плечи свѣтлыя накидки. Примадонна, съ помощью толстаго юноши, завязала кружево вокругъ горла, служившаго ей источникомъ доходовъ, и отправилась смотрѣть, какъ зажигаютъ факелы для велосипедной гонки.

Лордъ Сэнтъ-Орминъ похлопывалъ по спинѣ сэра Рёбена,

въ чаяніи разговора объ одномъ дѣлѣ въ Сити, обѣщавшемъ большія выгоды. Араки украдкою устроивалъ свою прическу передъ зеркаломъ и пробовалъ новую улыбку для пѣсни, которую онъ долженъ былъ исполнить для лэди Сэнтъ-Орминъ. Улыбка не вышла. Онъ попробовалъ другую, болѣе злую, и пристально разсматривалъ ее съ безпокойнымъ и испытующимъ выраженіемъ въ глазахъ. Monsieur Анно наклонился къ лэди Кэриль:

— Какъ теперь очаровательно въ саду!

— Да, онъ похожъ на садъ Маргариты, и вамъ слѣдовало бы быть въ красномъ.

М-ссъ Рекиттъ всячески старалась дать возможность Обрэ уйти, не сдѣлавъ невѣжливости. Monsieur Анно и лэди Кэриль направились къ верандѣ и исчезли. На мгновеніе ихъ фигуры бросили темную тѣнь на лиловатые брызги фонтана и скрыли ихъ, но тотчасъ Обрэ увидѣлъ опять блестящую, переплетенную какъ кружево, водяную сѣть.

— Не хотите ли вы пойти въ садъ? — сказалъ онъ м-ссъ Рекиттъ спокойнымъ, но принужденнымъ голосомъ.—Всѣ идутъ...

— Хорошо, пойдемте,—отвѣчала она.—А потомъ мнѣ нужно найти лорда Сэнтъ-Орминъ. Я должна поговорить съ нимъ объ одномъ маленькомъ дѣлѣ.

Обрэ мысленно поблагодарилъ свою милую собесѣдницу, и они отправились.

Садъ былъ въ самомъ дѣлѣ поэтиченъ, и въ тихомъ ночномъ воздухѣ было что-то нѣжное и сказочное. Серебряная луна сіяла сухимъ блескомъ, поднимаясь надъ темной зеленью каштановъ. Легкіе порывы слабаго вѣтерка приносили медленно умиравшіе запахи цвѣтовъ. И съ этими запахами сливались воздушные и волнующіе своей таинственностью и страстностью ароматы всей природы, усиливающіеся въ ночные часы. Когда Обрэ и м-ссъ Рекиттъ вошли въ садъ, толстый юноша, никого не предупредивъ, пустилъ ракету, и всѣ женщины взвизгнули. Ракета взвилась надъ деревьями и разсыпалась прямо въ лицо луны. Потокъ золотыхъ искръ пролился внизъ дождемъ на черную зелень деревьевъ. Оглянувшись, Обрэ замѣтилъ, что онъ одинъ—и свободенъ. Его милая собесѣдница скрылась, воспользовавшись взрывомъ ракеты.

П. С.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ УСПѢХИ ГЕРМАНІИ

I.

Какъ извѣстно, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ послѣ франко-нѣмецкой войны, счастливая побѣдительница Франціи, получившая пятимилліардную контрибуцію, обнаружила послѣ непродолжительнаго оживленія, всѣ признаки промышленнаго упадка, тогда какъ ея побѣжденная соперница выходила изъ пережитаго бѣдствія какъ бы возрожденной для новой борьбы уже на мирномъ полѣ культуры. „На почвѣ промышленности мы потерпѣли пораженіе, равное двумъ Седанамъ,—съ горечью замѣчалъ проф. Reulleaux, представитель Германіи въ жюри филадельфійской всемірной выставки 1876 г. Раньше думали, что объединенная и возрожденная Германія должна занять первое мѣсто на почвѣ промышленности и превзойдетъ прочія страны... Случилось же какъ разъ обратное: нѣмецкая индустрія производитъ предметы лишь плохого качества и малоцѣнные и нисколько не прогрессировала ни въ отношеніи вкуса, ни въ области изобрѣтеній“ [1]). Но прошло еще 10—15 лѣтъ, и объединенная Германія обратила своими успѣхами общее на себя вниманіе; а теперь въ отношеніи быстроты развитія промышленности съ нею могутъ соперничать только Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты.

Въ литературѣ еще, къ сожалѣнію, не имѣется сколько-нибудь обстоятельной исторіи этихъ успѣховъ. А между тѣмъ такая

[1]) Жоржъ Блондель. „Промышленный подъемъ Германіи“, стр. 193.

исторія представляла бы большой интересъ и въ смыслѣ уясненія нѣкоторыхъ положеній теоретической экономіи, и въ виду той аналогіи, какую можно было бы провести между Германіей и Россіей,—какъ извѣстно, тоже выражающей претензію считаться быстро прогрессирующей (въ промышленномъ, конечно, отношеніи) страной. Отсутствіе полныхъ систематизированныхъ и разработанныхъ данныхъ не мѣшаетъ, однако, писателямъ останавливаться на вопросѣ о причинахъ быстрыхъ промышленныхъ успѣховъ Германіи и намѣчать кое-какія черты этого интереснаго процесса. Однимъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ является вопросъ о томъ, куда помѣщаетъ Германія—въ нашъ вѣкъ общаго, казалось бы, перепроизводства товаровъ—всю ту массу продуктовъ, какая является результатомъ быстро развивающейся промышленности страны, имѣющей 50 милліоновъ населенія. На этомъ вопросѣ мы и хотимъ остановить нѣсколько вниманіе читателя.

Французскіе авторы, пишущіе о Германіи,—какъ на одну изъ причинъ ея большихъ промышленныхъ успѣховъ сравнительно съ Франціей—указываютъ на быстрый ростъ ея населенія. Хотя въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть отраженія особыхъ условій, въ какихъ, въ указанномъ отношеніи, находится сама Франція, тѣмъ не менѣе нужно согласиться съ тѣмъ, что увеличеніе населенія вообще есть факторъ, благопріятствующій экономическому прогрессу, особенно если, по условіямъ даннаго момента, это увеличеніе ведетъ къ перетасовкѣ населенія и къ измѣненію установившагося отношенія между различными промышленными отраслями. А это именно и имѣло мѣсто въ послѣднее время въ Германіи, о чемъ можно судить даже простымъ сравненіемъ данныхъ двухъ послѣднихъ переписей населенія.

Съ 1882 по 1895 г. населеніе Германіи возросло съ 45.221 до 51.770 тыс. душъ, т.-е. на 6.549 тыс. человѣкъ, или на 14%, и не только все это приращеніе населенія пошло на усиленіе промышленныхъ классовъ, но послѣдніе оттянули къ себѣ и 724 тыс. земледѣльческаго населенія. Такимъ образомъ, число лицъ сельско-хозяйственныхъ профессій, за разсматриваемыя 13 лѣтъ, уменьшилось съ 19.225 тыс. до 18.501 тыс.; число же лицъ промышленныхъ классовъ возросло съ 26 милл. до 33 милл. 270 тыс., т.-е. на 7 милл., 270 тыс. чел., или на 28%. Изъ этого видно, что промышленный классъ умножался вдвое быстрѣе, нежели все населеніе страны; а такъ какъ промыслы сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ крупныхъ поселеніяхъ, то въ томъ же, приблизительно, отношеніи (т.-е. на 2% въ годъ) росли

за разсматриваемое время и города. И дѣйствительно, изъ 28 городовъ Германіи съ населеніемъ выше 100 тыс. душъ, въ теченіе пятилѣтія 1885—90 гг. 22 города увеличивались даже значительно быстрѣе, нежели на 2% въ годъ, а въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ такимъ темпомъ возростало населеніе 18-ти городовъ; въ общемъ же, для всѣхъ этихъ городовъ населеніе увеличивалось въ это пятилѣтіе, въ среднемъ, на 2% въ годъ. Въ предшествующее пятилѣтіе это возростаніе (относительное) было значительно быстрѣе. Равнымъ образомъ и въ пятилѣтіе 1895—1900 гг.,—какъ показала перепись, произведенная въ концѣ прошлаго года,—населеніе 28-ми крупнѣйшихъ городовъ возростало значительно быстрѣе, нежели въ 1890—95 гг., а именно на 3½% въ годъ. Въ этотъ же промежутокъ времени къ 28-ми городамъ, имѣющимъ болѣе 100 тыс. жителей, прибавилось таковыхъ еще пять [1]).

„Нигдѣ въ Европѣ мы не найдемъ примѣра столь быстраго роста городовъ,—говоритъ по этому поводу Жоржъ Блондель;—аналогичное явленіе представляютъ только Соединенные-Штаты, съ ихъ чудовищнымъ ростомъ такихъ городовъ, какъ Чикаго, и внезапнымъ появленіемъ новыхъ съ 150 тыс. жителей. На берегахъ Атлантическаго океана и въ долинѣ нижняго теченія Миссисипи города прогрессируютъ съ такой же быстротой, какъ и въ Германіи". Берлинъ, напр., за послѣднія 20 лѣтъ выросъ болѣе, чѣмъ Нью-Іоркъ: второй увеличился на 76%, а первый на 90% [2]). Столь быстрое увеличеніе городского населенія требовало, конечно, соотвѣтствующаго роста жилыхъ помѣщеній, вслѣдствіе чего послѣднее пятнадцатилѣтіе должно было отличаться широкимъ развитіемъ строительной дѣятельности въ городахъ, а слѣдовательно и особеннымъ развитіемъ тѣхъ отраслей производства, которыя приготовляютъ строительные матеріалы и принадлежности. Объ этомъ усиленіи строительной дѣятельности можно судить потому, что тогда какъ все населеніе Германіи возросло за разсматриваемое тринадцатилѣтіе, какъ мы видѣли выше, на 14%, а численность лицъ промышленнаго класса — на 28%, число лицъ, занятыхъ въ строительной промышленности, увеличилось съ 533 тыс. до 1.045 тыс., т.-е. на 512 тыс. или на 96%. Не все это возростаніе строительной промышленности, конечно, вызвано увеличеніемъ городского населенія; какъ увидимъ ниже—было много другихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ

---

[1]) „Изъ экономической жизни западной Европы", стр. 21—23. „Вѣстн. Финансовъ, Пром. и Торговли". 1900, № 52.

[2]) „Торгово-промышленный подъемъ Германіи", стр. 16.

развитію этой промышленности. Тѣмъ не менѣе, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, мы имѣемъ право заключить, что однимъ изъ источниковъ быстраго возростанія въ послѣднее время внутренняго спроса Германіи на продукты ея промышленной дѣятельности было усиленіе строительства, вызванное переселеніемъ ея жителей изъ деревень въ города.

Еще въ большей, вѣроятно, степени содѣйствовало возростанію этого спроса преобразованіе промышленности Германіи въ крупную форму. О быстротѣ этого преобразованія можно судить потому, что всѣ 2 милл. 60 тыс. человѣкъ, усилившихъ въ теченіе разсматриваемаго періода категорію лицъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности вмѣстѣ съ горнозаводской и строительнымъ дѣломъ, падаютъ на среднія (занимающія 6—50 рабочихъ) и крупныя (занимающія болѣе 50 рабочихъ) предпріятія. При этомъ замѣчается, что чѣмъ крупнѣе предпріятія, тѣмъ быстрѣе они выросли; въ общемъ же личный составъ среднихъ предпріятій увеличился на 76%, а крупныхъ—на 87%. Мелкія же предпріятія потеряли 2,5% занятыхъ въ нихъ лицъ. Исключая строительное дѣло и ограничиваясь отраслями собственно производства товаровъ, мы увидимъ, что въ главнѣйшихъ изъ этихъ отраслей (обнимающихъ 75—80% числа занятыхъ производствомъ товаровъ лицъ) личный персоналъ участниковъ въ мелкихъ предпріятіяхъ сократился на 1—40%, въ среднихъ увеличился на 14—119%, и въ крупныхъ—на 29—162% [1]).

Итакъ, въ экономической исторіи Германіи послѣднихъ 15—20 лѣтъ наблюдается быстрое преобразованіе мелкаго производства въ крупное. Но что̀ значитъ преобразованіе формы производства?

Характерной его чертой въ новѣйшее время является даже не столько увеличеніе личнаго состава участвующихъ въ предпріятіяхъ лицъ, сколько замѣна ручныхъ орудій машинами и личной двигательной силы—механической. Такъ, въ теченіе періода времени, который мы нынѣ разсматриваемъ, число механическихъ лошадиныхъ силъ въ германской промышленности возросло съ 1 до 3, 4 милліоновъ, т.-е. почти въ $3^1/_2$ раза. Внѣшній строй крупной фабрично-заводской промышленности отличается поэтому отъ строя мелкаго производства тѣмъ, что въ первомъ относительно гораздо бо̀льшая часть капитала затрачена на оборудованіе предпріятій, т.-е. на зданія, машины, паровые и другіе двигатели и т. п. А если такъ, то преобразованіе мелкой про-

---

[1]) Ж. Блондель, ibid., стр. 280—282.

мышленности въ крупную само должно возбуждать производительную дѣятельность, приготовляющую строительные матеріалы и предметы оборудованія фабрикъ, и пока совершается это преобразованіе, масса производительныхъ силъ страны обращается на тѣ отрасли промышленности, результатомъ которыхъ будутъ не продукты непосредственнаго потребленія населенія, а предметы, которые пойдутъ еще на новое производство въ качествѣ строительныхъ матеріаловъ, матеріаловъ для приготовленія машинъ, рельсовъ, паровыхъ котловъ и т. п. Пока совершается этотъ процессъ сооруженія новыхъ техническихъ, болѣе совершенныхъ промышленныхъ и транспортныхъ предпріятій—страна можетъ проявлять признаки значительнаго оживленія промышленности. Но когда оборудованіе новыхъ предпріятій настолько подвинется впередъ, что на первый планъ должно выступить производство предметовъ непосредственнаго потребленія,—продолженіе описаннаго оживленія промышленности или даже средній темпъ производства возможенъ будетъ лишь въ томъ случаѣ, если внутренній спросъ на эти продукты окажется возросшимъ соотвѣтственно увеличенію производительности самыхъ предпріятій, или если страна будетъ имѣть обезпеченный сбытъ своимъ товарамъ на внѣшніе, иноземные рынки. Въ Германіи, какъ мы увидимъ ниже, имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, это послѣднее явленіе, и самое преобразованіе ея промышленности въ значительной степени обусловливалось развитіемъ внѣшней торговли по сбыту предметовъ непосредственнаго потребленія и матеріаловъ для построекъ и оборудованія промышленныхъ предпріятій. Безъ этого обстоятельства промышленное оживленіе Германіи было бы гораздо скромнѣе и сопровождалось бы, вѣроятно, довольно крупными бѣдствіями для мелкихъ производителей, которые только частью привлекались бы къ работѣ на новыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, частью же не находили бы сколько-нибудь обезпечивающаго ихъ заработка. Это мы заключаемъ изъ того, что, несмотря даже на успѣхи вывоза изъ Германіи продуктовъ ея промышленности, назначенныхъ для непосредственнаго потребленія (и на увеличеніе заработковъ рабочихъ, вслѣдствіе быстраго развитія промышленности вообще), число лицъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ (въ томъ числѣ писчебумажное производство, кожевенное, приготовленіе пищевыхъ продуктовъ, освѣтительныхъ матеріаловъ и т. д.), не увеличилось и на 20%, а въ главнѣйшихъ изъ этихъ отраслей промышленности—текстильной и приготовленія одежды (занимающихъ въ совокупности 2.383 тыс. человѣкъ)—число рабочихъ не увеличилось, за разсматриваемое время, даже въ размѣрахъ

роста всего населенія страны: послѣднее обнаруживаетъ, какъ мы видѣли, приращеніе въ 14%, а первые—менѣе, нежели въ 10%.

Въ противоположность тому, что̀ наблюдается въ области производства предметовъ непосредственнаго потребленія—промышленныя отрасли, готовящія, главнымъ образомъ, матеріалы и принадлежности строительнаго дѣла и оборудованія фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п., обнаруживаютъ очень быстрое развитіе. Такъ, число рабочихъ въ горномъ дѣлѣ увеличилось на 106 тыс. или на 24%, занятыхъ обработкой дерева—на 30%, металловъ—на 180 тыс. или на 40%; въ керамическихъ производствахъ—на 209 тыс. или на 60%; въ производствѣ машинъ и инструментовъ—на 226 тыс. или на 64%. Во всѣхъ пяти названныхъ крупныхъ отдѣлахъ промышленности число занятыхъ лицъ возросло, за 13 лѣтъ, съ 2.065 тыс. до 2.914 тыс., т.-е. на 850 тыс. или на 41%. Это возростаніе слишкомъ въ два раза превосходитъ приростъ личнаго персонала въ промышленныхъ отрасляхъ, приготовляющихъ продукты общаго потребленія.

Итакъ, въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ въ Германіи быстро идетъ впередъ процессъ техническаго оборудованія страны соотвѣтственно новѣйшимъ условіямъ производства. Этотъ процессъ требуетъ большихъ массъ строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей, на производство которыхъ и направляется, главнымъ образомъ, какъ естественный приростъ населенія, такъ и рабочіе мелкихъ заведеній, вытѣсненныхъ фабрикой. Благодаря такому усиленному требованію предметовъ для техническаго оборудованія, промышленность Германіи въ этотъ переходный моментъ освободилась отъ зависимости отъ спроса на предметы непосредственнаго потребленія и могла бы проявлять признаки нѣкотораго процвѣтанія даже при неподвижности такого спроса. Но въ дѣйствительности подъемъ заработной платы оживилъ требованія рынка и на продукты массоваго потребленія, и этимъ оживленіемъ спроса поддерживались тѣ крупныя фабрики, готовящія соотвѣтствующіе продукты, сооруженіе которыхъ взамѣнъ мелкихъ предпріятій, между прочимъ, и породило наблюдаемый нами процессъ промышленныхъ успѣховъ Германіи. Но что внутренняго спроса на эти предметы недостаточно для поддержанія ихъ производства въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ росту фабрикъ и заводовъ, видно изъ того, что именно въ этихъ отрасляхъ промышленности (напр. текстильной) и раздаются уже жалобы на перепроизводство товаровъ. А что внутренняго рынка вообще становится менѣе и менѣе достаточно для потребленія

всего, производимаго Германіей (несмотря на то, что ея производство направлено, главнымъ образомъ, на ея же собственное оборудованіе, результаты котораго въ смыслѣ массы продуктовъ, ищущихъ потребителя, въ полной мѣрѣ проявятся только впослѣдствіи)—видно изъ тѣхъ усилій, какія она дѣлаетъ для пріобрѣтенія внѣшнихъ рынковъ, и изъ успѣховъ, достигнутыхъ ею на этомъ пути. Къ этому вопросу мы теперь и переходимъ.

II.

По развитію внѣшней торговли, Германія до послѣднихъ лѣтъ занимала второе мѣсто среди цивилизованныхъ націй: выше ея стояла только Великобританія; остальныя же торгово-морскія державы — Голландія, Франція и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — слѣдовали уже за Германіей. Впереди другихъ націй Германія находится и въ отношеніи быстроты развитія внѣшней торговли. За десятилѣтіе 1886—1896 гг. общій оборотъ ея спеціальной (т.-е. по вывозу продуктовъ мѣстнаго производства и по ввозу предметовъ, назначенныхъ для внутренняго потребленія, а не для вывоза въ другія страны) торговли увеличился съ 5.873 милл. марокъ до 7.833 милл., т.-е. поднялся на 1.960 милл. марокъ, или на 33%. Торговля трехъ другихъ величайшихъ торговыхъ державъ измѣнилась въ это время слѣдующимъ образомъ: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ она увеличилась на 26%, въ Великобританіи—на 19%, а во Франціи нѣсколько сократилась. Только торговля Голландіи поднялась въ это время на 45%.

Но чтобы правильнѣе оцѣнить успѣхи Германіи, нужно сравнить ее съ другими промышленными націями въ тотъ періодъ времени, когда борьба за рынки сдѣлалась особенно острой. Въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ вывозъ всѣхъ главнѣйшихъ государствъ увеличивался, а съ 1891 г. начался упадокъ вывоза, смѣнившійся затѣмъ новымъ ея ростомъ. Окончательнымъ же итогомъ этихъ колебаній было то, что съ 1890 по 1896 гг. Австріи удалось только сохранить свой экспортъ, Франція и Англія потеряли 9% его, Германія же и Голландія пріобрѣли: 6% (первая) и 23% (вторая); вывозъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ увеличился всего на 2%. Наибольшіе успѣхи, однако, сдѣланы Германіей въ три слѣдующіе года: въ 1898 г. вывозъ нѣмецкихъ товаровъ увеличился сравнительно съ 1896 г. на 240 милл. мар., тогда какъ англійскій экспортъ

сократился. Въ 1899 г. экспортъ германскій увеличился еще на 234 милліона марокъ; въ это время и Англія показала приращеніе вывоза на 20 милл. фунт. стерлинговъ. За періодъ же времени 1890—1899 гг., экспортъ нѣмецкихъ товаровъ поднялся на 663 милл. марокъ или на 20%; ввозъ чужихъ товаровъ въ Германію увеличился на 1.035 милл. марокъ; общій же оборотъ внѣшней торговли этой страны возросъ на 1.698 милл. марокъ. Ввозъ товаровъ въ Англію (по общей торговлѣ) увеличился, въ теченіе того же десятилѣтія, на 65 милл. фунт. стерл. или на 1.300 милл. марокъ; но такъ какъ вывозъ ея продуктовъ сократился на 200 милл. марокъ, то общій оборотъ внѣшней торговли этой величайшей торговой страны поднялся лишь на 1.100 милл. марокъ, что составляетъ $^2/_3$ подъема внѣшней торговли Германіи. Вывозъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ ростетъ, за послѣдніе годы, быстрѣе германскаго, но такъ какъ ввозъ въ нее чужихъ продуктовъ остается, приблизительно, неизмѣннымъ, то по общему обороту ея внѣшняя торговля остается все-таки позади нѣмецкой [1]).

Внѣшняя торговля Франціи развивается еще медленнѣе англійской. Такъ, общій годовой оборотъ этой торговли (спеціальной) съ 1887—1891 по 1895—1899 гг. сократился съ 7.834 до 7.700 милл. фр.; а если исключить торговлю Франціи съ ея колоніями, то окажется, что ввозъ чужихъ товаровъ во Францію уменьшился за разсматриваемое время на 338 милл. франковъ, а вывозъ—на 51 милл. фр. Германія въ это время расширяла свою торговлю, и результатомъ этихъ двухъ противоположныхъ движеній было то, что разница между общимъ торговымъ оборотомъ Франціи и Германіи, составлявшая въ 1891 г. 820 милліоновъ въ пользу Германіи достигла въ послѣднее время 3 милліардовъ франковъ [2]).

Вышеприведенныя цифры даютъ намъ, поэтому, право заключить, что рѣшительное преобладаніе на внѣшнихъ рынкахъ получаютъ въ послѣдніе годы Германія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, оттѣсняя болѣе и болѣе на задній планъ другія великія промышленныя державы европейскаго континента. Такимъ образомъ, въ отношеніи развитія внѣшней торговли, какъ и въ отношеніи роста городского населенія, Германія сближается съ молодымъ заатлантическимъ государствомъ.

Послѣ этихъ замѣчаній относительно общихъ итоговъ внѣш-

---

[1]) „Sixth annual abstract of labour statistics of the United Kingdom". „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли". 1900 г., № 7.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли", 1900 г., № 48.

ней торговли Германіи, перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ ея деталей.

Распредѣляя ввозимые въ Германію и вывозимые изъ нея товары на главнѣйшіе отдѣлы (приблизительно), мы увидимъ, что за время съ 1886 по 1896 г. ввозъ въ Германію питательныхъ (хлѣбъ, яйца, кофе) и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства (животныя, сѣмена клевера, табакъ, отруби) увеличился на 540 милл. марокъ (съ 624 милл. мар. до 1.164 милл. марокъ), ввозъ сырыхъ матеріаловъ поднялся на 702 милл. марокъ (съ 1.161 до 1.863 милл. марокъ), а ввозъ фабрикатовъ—лишь на 150 милл. марокъ (съ 1.000 до 1.150 милл. марокъ). Это значитъ, что Германія въ сильной степени развиваетъ у себя потребленіе чужеземныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и сырыхъ матеріаловъ и очень мало—готовыхъ продуктовъ чужихъ фабрикъ и заводовъ. Въ вывозѣ товаровъ наблюдаются иныя отношенія: наибольшіе успѣхи замѣчаются въ вывозѣ фабрикатовъ, увеличившемся на 436 милліоновъ марокъ; за ними слѣдуютъ сырые матеріалы, экспортъ которыхъ поднялся на 220 милл. марокъ; что же касается продуктовъ сельскаго хозяйства—вывозъ ихъ не только не увеличился, но даже сократился на 122 милл. марокъ.

Сказанное не лишне дополнить указаніемъ на тотъ фактъ, что изъ сырыхъ матеріаловъ Германія получаетъ изъ чужихъ странъ преимущественно продукты сельскаго хозяйства и лѣсоводства (которымъ принадлежитъ 60% стоимости ввозимыхъ сырыхъ матеріаловъ), и что 30% цѣнности вывозимаго ею сырья падаетъ на долю каменнаго угля и желѣза.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній относительно внѣшней торговли Германіи мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что на международномъ рынкѣ эта страна болѣе и болѣе выдѣляется своимъ промышленнымъ характеромъ: она предоставляетъ другимъ контрагентамъ производить для нея предметы сельскаго хозяйства, а на себя беретъ обработку матеріаловъ, доставляемыхъ ими, и добываніе разныхъ ископаемыхъ.

Эта роль Германіи еще яснѣе опредѣлилась въ послѣдующіе годы. Съ 1895 по 1899 гг. вывозъ германскихъ продуктовъ поднялся съ 3.318 до 3.991 милліоновъ марокъ, т.-е. на 673 милл. марокъ или на 20%. При этомъ вывозъ главнѣйшихъ ископаемыхъ и фабрично-заводскихъ издѣлій (желѣза, мѣди и издѣлій изъ нихъ, машинъ, каменнаго угля, деревянныхъ, гончарныхъ, гуттаперчевыхъ издѣлій, москательныхъ товаровъ, платья, галантереи, книгъ и т. п.) увеличился на 40% (съ

1.423 до 1.986 милл. марокъ), и цѣнность соотвѣтствующихъ предметовъ, составляя въ 1895 г. 43% общаго вывоза, поднялась въ 1899 г. до 50% [1]).

Чтобы лучше выяснить то значеніе, какое внѣшняя торговля Германіи имѣетъ для поддержанія ея промышленности, остановимся на главнѣйшихъ изъ экспортируемыхъ ею товаровъ.

По добычѣ каменнаго угля Германія занимаетъ третье мѣсто въ мірѣ (выше ея стоятъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Великобританія). Она добываетъ его въ 3½ раза болѣе, нежели Австро-Венгрія, въ 4 раза болѣе Франціи, въ 5½ разъ болѣе Бельгіи и въ 10 разъ больше Россіи. Это очень просто объясняется тѣмъ, что названный предметъ имѣетъ широкое примѣненіе внутри страны для отопленія жилыхъ помѣщеній и какъ источникъ двигательной силы быстро развивающейся крупной промышленности. Несмотря, однако, на широкое потребленіе внутри страны, нѣмецкій уголь вывозится и за границу. Въ теченіе 1894—1897 гг. онъ вывозился, въ среднемъ, въ количествѣ 800 милл. пуд. въ годъ, т.-е. въ количествѣ, значительно превышавшемъ всю добычу этого продукта въ Россіи. Хотя эти 800 милл. пуд. составляютъ лишь 12% общей добычи названнаго продукта въ Германіи, но, принимая во вниманіе широкій спросъ на уголь внутри страны,—вывозъ его въ указанномъ размѣрѣ нельзя не считать значительнымъ успѣхомъ нѣмецкой промышленности [2]).

Въ гораздо большей мѣрѣ работаетъ на вывозъ другая высоко развитая въ Германіи промышленность: добыча и обработка желѣза. По количественному развитію этой, какъ и каменноугольной промышленности, Германія занимаетъ мѣсто вслѣдъ за Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Великобританіею. Въ теченіе 1893—1897 гг. ею добывалось, въ среднемъ, 374 милл. пудовъ чугуна въ годъ; вывозилось же его въ чужія страны—въ видѣ чугуна, желѣза и издѣлій изъ нихъ—134 милл. пудовъ въ годъ. Это количество на ⅓ превосходитъ массу всего добываемаго чугуна въ Россіи и составляетъ 36% добываемаго и переработываемаго чугуна въ Германіи. Если даже исключить изъ экспорта чугуна тѣ 25 милл. пудовъ, которые ежегодно ввозятся въ Германію въ видѣ желѣза и издѣлій изъ

---

[1]) „Statistical abstract for the principal and other foreign countries from 1886 to 1896.“ „Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли“, 1900 г. №№ 7 и 24.

[2]) Впрочемъ, Германія сама получаетъ иностраннаго угля, въ среднемъ, 350 милл. пудовъ въ годъ, и, за вычетомъ этого количества, чистый вывозъ угля опредѣляется въ 450 милл. пудовъ.

него, послѣ чего вывозъ этого продукта опустится до 30% внутренняго производства, то и тогда окажется, что внѣшній рынокъ даетъ Германіи возможность почти въ 1½ раза увеличить свою металлургическую промышленность. Что же касается успѣховъ вывоза этого продукта—о нихъ можно судить потому, что съ 1893 по 1899 гг. цѣнность вывозимаго изъ Германіи желѣза и издѣлій изъ него поднялась на 100% (съ 280 милл. марокъ до 560 милл.) [1]).

Въ сахарной промышленности значеніе внѣшняго рынка для внутренняго производства Германіи еще больше.

По количеству производимаго сахара Германія занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ: въ 1894—1897 гг. она производила его, въ среднемъ, 97 милл. пуд. въ годъ, въ то время, какъ три слѣдующія за нею по размѣрамъ производства страны давали этого продукта: Австро-Венгрія—53 милл. пудовъ, Франція и Россія—по 37 милл. пуд. Такимъ образомъ, производство сахара въ Германіи въ 1⅓ раза превышаетъ выработку его въ Россіи и Франціи вмѣстѣ, а если къ этимъ двумъ странамъ присоединить и Австро-Венгрію, то ихъ совокупный продуктъ всего на ⅓ превзойдетъ продуктъ германской сахарной промышленности. Германія выдается также и быстротой развитія сахарнаго производства: тогда какъ въ годъ предпослѣдней переписи (въ 1882 г.) она производила 36 милл. этого продукта, черезъ 13 лѣтъ, въ моментъ послѣдней промысловой переписи, производство ею сахара утроилось.

Это огромное (абсолютно и относительно) развитіе сахарной промышленности въ Германіи обязано, главнымъ образомъ, увеличенію вывоза этого продукта за границу. Дѣйствительно, производство сахарнаго песку возросло, за разсматриваемое время, на 60 милл. пудовъ; вывозъ же сахара за границу съ 18 милл. пудовъ поднялся до 60 милл. пуд., т.-е. на 42 милл. пуд. [2]). Въ настоящее время Германія сбываетъ за границу ⅔ производимаго ею сахара, или, иначе говоря, существованіе внѣшняго рынка дало ей возможность въ три раза увеличить свое производство этого продукта.

Мы не имѣемъ подъ руками цифровыхъ данныхъ для того, чтобы столь же точно опредѣлить значеніе внѣшняго рынка для другихъ производствъ въ Германіи. Замѣтимъ только, что, по

---

1) „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли“, 1898 г., № 26, и 1900 г. № 50.

2) Радцигъ, „Сахарная промышленность всего свѣта“. „Матеріалы по разработкѣ тарифовъ желѣзныхъ дорогъ“, вып. II.

указанію Рафаэля-Жоржа Леви, сильно двинувшееся впередъ производство въ Германіи искусственныхъ красокъ на $^4/_5$ имѣетъ въ виду сбытъ за границу [1]). Что касается вывоза другихъ фабрикатовъ — наибольшій успѣхъ имѣли продукты текстильной промышленности и приготовленія одежды. Вывозъ шолковой, шерстяной и бумажной пряжи и тканей съ 1886 по 1896 гг. увеличился съ 413 милл. до 511 милл. марокъ, т.-е. на 98 милл. марокъ или на 24%, а вывозъ готоваго платья поднялся съ 96 до 121 милл. марокъ, т.-е. на 25 милл. марокъ или на 27% [2]). Наибольшее возростаніе вывоза предметовъ текстильной промышленности наблюдается, однако, въ послѣдующіе три года. Въ это время экспортъ бумажныхъ, шерстяныхъ и шолковыхъ издѣлій и матеріаловъ (послѣдніе составляютъ 10—15% общаго вывоза предметовъ этой категоріи) поднялся съ 580 до 740 милл. марокъ, что соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію вывоза почти на 10% [3]).

Значеніе внѣшнихъ рынковъ для промышленности какой-либо страны измѣряется не однимъ только отпускомъ туда товаровъ мѣстнаго происхожденія. Значеніе это опредѣляется еще и тѣмъ участіемъ, какое принимаетъ страна въ морской международной торговлѣ въ качествѣ перевозчика товаровъ на своихъ судахъ. Чтобы согласиться съ этимъ утвержденіемъ, достаточно предположить, что данная страна не принимаетъ участія въ морской перевозкѣ, а строитъ суда для внѣшней торговли какой-либо другой страны. Въ этомъ случаѣ она сбываетъ свои товары (суда) на внѣшній рынокъ. Но то же самое имѣетъ мѣсто и тогда, когда она беретъ на себя перевозку товаровъ по внѣшнимъ морямъ. Отличіе же этого случая отъ предшествующаго заключается въ томъ, что стоимость судна, сдѣланнаго по заказу извнѣ, реализуется сразу, стоимость же собственнаго флота, участвующаго въ международной торговлѣ, погашается по частямъ фрахтами, взимаемыми за перевозку товаровъ.

Обращаясь же, послѣ этихъ замѣчаній, къ вопросу о томъ, какую роль играетъ Германія въ качествѣ торговца и перевозчика товаровъ, нужно будетъ сознаться, что въ этомъ отношеніи она также сдѣлала огромные успѣхи. „Торговля развивается въ Германіи еще съ большей быстротой, чѣмъ промышленность,— пишетъ по этому поводу Ж. Блондель.—Для развитія индустріи необходимо дать прежде всего мощный толчокъ торговлѣ и от-

---

[1]) „Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли“, 1898 г., № 11.

[2]) „Statistical abstract“, etc.

[3]) „Journal of the Royal Statistical Society“. London 1900. 30 June, p. 339.

крыть ей новые рынки. Промышленная дѣятельность находится всегда въ связи съ размѣрами рынка, для котораго предназначаются ея продукты. Германія считаетъ, что ей недостаточно быть промышленной націей; она понимаетъ, что ей нужно самой сбывать свои продукты, что она должна быть также торговой націей". „Нѣмцы прекрасно понимаютъ, что судостроеніе не есть такое же производство, какъ другія индустріи; что торговый флотъ представляетъ могущественную силу для развитія торговли и политическаго вліянія страны. Они почувствовали, что корабль является цѣннымъ орудіемъ пропаганды продуктовъ и вліянія страны. Существуетъ своего рода родство между флагомъ даннаго корабля и товаромъ, который этотъ корабль привозитъ въ заморскія страны; въ глазахъ потребителя эти двѣ вещи сливаются; онъ запоминаетъ флагъ и смѣшиваетъ его съ товарной маркой,—приписывая такимъ образомъ товаръ странѣ, которую представляетъ флагъ корабля" [1]).

Какіе же успѣхи сдѣлала Германія въ отношеніи развитія своей внѣшней морской торговли (внѣшняя морская торговля Германіи составляетъ болѣе 70% всей ея международной торговли)? Косвеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ данныя о развитіи ея торговаго флота вообще. Въ теченіе десятилѣтія 1886—1896 гг. тоннажъ торговаго нѣмецкаго флота увеличился на 203 тыс. или на 16%. Большее развитіе въ абсолютныхъ цифрахъ показали Англія (тоннажъ увеличился на 1.591 тыс.) и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты (тоннажъ возросъ на 574 тыс.), а въ относительныхъ—Англія (увеличеніе тоннажа флота на 22%) и Данія (увеличеніе на 26%). Но чтобы правильно оцѣнить успѣхи Германіи, слѣдуетъ принять во вниманіе, что описываемое время было моментомъ борьбы морскихъ націй за перевозку товаровъ, и что эта борьба окончилась неудачно для многихъ участниковъ. Такъ, торговый флотъ Франціи сократился въ это время на 10%, Австріи—на 17%, Италіи—на 19%; Норвегія увеличила тоннажъ своего флота всего только на 3%, а Швеція не съумѣла даже удержать прежніе размѣры своего флота. Такимъ образомъ, успѣхи Германіи (какъ и прочихъ преуспѣвшихъ странъ) достигнуты на счетъ менѣе счастливыхъ соперниковъ, и успѣхи ея въ этомъ отношеніи тѣмъ замѣчательнѣе, что по своему географическому положенію она не можетъ быть названа морскою державой.

---

[1]) „Торгово-промышленный подъемъ Германіи", стр. 71, 99.

Беря болѣе длинный промежутокъ времени, а именно двадцатилѣтіе 1875—1896 гг., мы увидимъ, что тоннажъ судовъ вмѣстимостью болѣе 100 тоннъ (принимая во вниманіе бо̀льшую скорость пароходовъ сравнительно съ парусными судами) увеличился въ Даніи на 240%, въ Германіи—на 185%, Великобританіи—на 102%, въ Швеціи—на 86%, Голландіи—на 47% и во Франціи—на 37%. Особенно быстрые успѣхи въ дѣлѣ развитія своего флота дѣлаетъ Германія въ самые послѣдніе годы. За четырехлѣтіе съ 1895 по 1899 гг. тоннажъ ея болѣе крупнаго торговаго флота увеличился на 207 тыс., т.-е. на столько же, какъ и въ теченіе предшествующаго цѣлаго десятилѣтія [1]).

Впрочемъ, приведенныя цифры относятся ко всему торговому флоту Германіи, назначенному и для внутренняго, и для внѣшняго плаванія. Но у насъ есть данныя, прямѣе отвѣчающія на вопросъ о томъ—какіе успѣхи сдѣлала эта страна въ качествѣ перевозчика товаровъ для внѣшняго рынка. Данныя эти касаются распредѣленія судовъ, приходящихъ въ германскіе порты по ихъ принадлежности Германіи и другимъ государствамъ. Въ 1880 г. въ порты Германіи вошли суда общей вмѣстимостью въ 6,6 милл. тоннъ, изъ коихъ 2,6 милл., или 39%, принадлежало нѣмцамъ, а 4 милл., или 61%,—иностранцамъ. Въ 1898 г. общій тоннажъ пришедшихъ въ Германію судовъ опредѣляется въ 35,5 милл., изъ коихъ иностранцамъ принадлежало всего 16,3 милл. тоннъ, или 46%, а нѣмцамъ—19,2 милл. тоннъ, или 54%. Такимъ образомъ, при возростаніи за разсмотрѣнныя 18 лѣтъ тоннажа судовъ, занимающихся перевозкой товаровъ между Германіей и другими странами, въ 5,4 раза, участіе въ этой перевозкѣ нѣмецкихъ судовъ увеличилось слишкомъ въ 7,4 раза, а иностранныхъ—лишь въ 4,1 раза [2]).

III.

Сообщенныя выше данныя относительно успѣховъ нѣмецкой внѣшней торговли легко объясняютъ намъ тѣ опасенія, какія возникаютъ, преимущественно въ Англіи и во Франціи, за ихъ внѣшніе и даже внутренніе рынки. „Англійскій генеральный консулъ въ Петербургѣ горько жалуется на то, что нѣмцы дѣ-

[1]) „Вѣстн. Финанс., Пром. и Торговли“, 1900 г., №№ 7 и 41.

[2]) „Вѣстникъ Финанс., Пром. и Торговли“, 1898 г., № 18 и 1900 г., № 7.

лаютъ жестокую конкурренцію англичанамъ", благодаря чему „повсюду въ Россіи нѣмецкіе продукты вытѣсняютъ англійскіе" [1]). Въ Италіи не только англійскіе химическіе продукты, желѣзный товаръ, искусственные цвѣты и т. п. постепенно замѣщаются нѣмецкими, но „даже англійская пряжа, стоявшая до сихъ поръ внѣ конкурренціи, повидимому, также начинаетъ вытѣсняться нѣмецкой". Таково же, приблизительно, относительное положеніе англійскихъ и нѣмецкихъ товаровъ въ скандинавскихъ государствахъ и въ Италіи. Но наибольшіе успѣхи нѣмецкаго экспорта наблюдаются на рынкахъ внѣ-европейскихъ странъ.

„За время съ 1875 по 1895 г., торговля Германіи съ Сѣверной Америкой поднялась на 128%, съ южной и центральной—на 480%, съ восточной и западной Индіями на—480%, съ Австраліей—на 475% и вся эта торговля отнята у Великобританіи". Извѣстный англійскій путешественникъ Стэнли слѣдующими чертами рисуетъ положеніе дѣлъ на рынкахъ, находившихся до недавняго времени въ исключительномъ обладаніи англичанъ. „Въ Австраліи мы потеряли 20%, а нѣмцы выиграли 400%; въ Новой Зеландіи наша торговля понизилась на 25%, а нѣмецкая поднялась на 1.000%; въ Капской колоніи мы, правда, подвинулись впередъ за десять лѣтъ на 125%, но нѣмецкая торговля прогрессировала вдвое быстрѣе. Даже въ Канадѣ мы потеряли 11%, а нѣмцы выиграли 300%". Успѣхъ нѣмецкихъ товаровъ въ Азіатской Турціи образно обрисованъ англійскимъ консуломъ въ Смирнѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Я невольно самъ становлюсь все менѣе и менѣе англичаниномъ. Я ношу французскія ботинки, нѣмецкую одежду; стулья моего кабинета—нѣмецкаго издѣлія, равно какъ перья, бумага и ковры. Пиво, которое я пью, также привезено изъ Германіи. И скоро въ моемъ домѣ не останется ничего англійскаго, кромѣ моего тѣла, моихъ костей и неизмѣнныхъ чувствъ, меня одушевляющихъ. Да, съ грустью долженъ я признать, что торговля англичанъ въ Смирнѣ падаетъ съ каждымъ днемъ". Черезчуръ впечатлительные англичане выводятъ изъ фактовъ борьбы за рынки Англіи и Германіи очень печальныя заключенія для своей страны. „Промышленное превосходство Великобританіи,—пишетъ, напр., Вильямсъ, — было до сихъ поръ ходячей аксіомой; скоро оно отойдетъ въ область миѳа". А англійскіе шовинисты спѣшатъ рекомендовать и рѣшительныя мѣры для предотвращенія такого

---

[1]) Нижеприводимые факты заимствованы у Жоржа Блонделя, „Торгово-промышленный подъемъ Германіи".

исхода. „Ужасная дуэль приготовляется между Англіей и Германіей,—говоритъ публицистъ „Saturday Review“,—и я былъ бы счастливъ, еслибы война вспыхнула между этими странами по возможности скорѣе, пока превосходство англійскаго флота еще позволяетъ разрушить Бременъ и Гамбургъ, Кильскій каналъ и гавани Балтійскаго моря“.

Германія начинаетъ вытѣснять англійскіе товары съ внутреннихъ рынковъ самой Англіи, и, подъ вліяніемъ крупныхъ ея успѣховъ въ этомъ отношеніи, въ классической странѣ свободной торговли возникло даже протекціонистское движеніе. Такъ, напр., лондонскій „Iron and Coal Trades Review“, органъ крупныхъ англійскихъ промышленниковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года писалъ слѣдующее. „Англійскій промышленникъ никогда не домогался отъ государства привилегій, всегда полагался на свои собственныя силы, пока ему предстояла правильная борьба. Но теперь дѣло обстоитъ иначе, и мануфактуристъ лишенъ возможности бороться. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать важность свободы торговли въ Великобританіи, но все-же мы, не колеблясь, утверждаемъ, что это — вопросъ, требующій тщательнаго пересмотра, потому что конкурренція становится ужасающею, и почти нѣтъ возможности противостоять иностраннымъ конкуррентамъ“ [1]).

Во Франціи Леви, Блондель, Швобъ и другіе знатоки Германіи не устаютъ предупреждать своихъ соотечественниковъ относительно опасности, угрожающей на внѣшнихъ рынкахъ французскимъ товарамъ со стороны нѣмецкихъ; и эти предупрежденія нельзя не считать совершенно своевременными.

„Германія на много обогнала насъ на русскомъ рынкѣ,—пишетъ, напр., Ж. Блондель.—Очень мало такихъ отраслей промышленности, въ которыхъ нѣмецкіе продукты не были бы впереди французскихъ; очень мало городовъ, гдѣ нѣмецкіе коммиссіонеры не опередили французскихъ и не получили бы заказовъ, благодаря ловкости, съ какой они обдѣлываютъ свои дѣла“. Вообще,— замѣчаетъ по этому поводу Блондель,— „франко-русскій союзъ не приноситъ намъ въ экономическомъ отношеніи никакой выгоды. Русскіе вытянули изъ Франціи, за послѣднія нѣсколько лѣтъ, пять или шесть милліардовъ, при помощи которыхъ они заканчиваютъ созданіе необходимыхъ имъ техническихъ сооруженій и стараются реализировать богатства, заключающіяся въ нѣдрахъ ихъ страны; но они пока не открыли у себя ни одного рынка для нашей

---

[1]) Цитировано по „Вѣстн. Фин., Пром. и Торг.“ 1900 г., № 50.

индустріи, они не открыли нашей торговлѣ никакого поприща для дѣятельности". Бывшій министръ, Жюль Рошъ, посѣтивъ съ научной цѣлью скандинавскія государства, по возвращеніи назадъ писалъ слѣдующее. „Франція тамъ пользуется большой симпатіей, французскіе продукты нравятся тамъ по прежнему, но, къ несчастію, несмотря на предпочтеніе, которое тамъ оказываютъ издѣліямъ нашей индустріи, наши торговыя сношенія съ этими странами падаютъ съ ужасающей быстротой". Такъ, Швеція покупаетъ у французовъ едва на 5—6 милл., а у нѣмцевъ—болѣе, чѣмъ на 120 милл.; Норвегія—у первыхъ на $3^1/_2$ милл., а у вторыхъ — на 60 милл. слишкомъ. „Что касается Даніи, то наши консулы передаютъ жалобы самихъ датчанъ на то, что французы туда болѣе не заглядываютъ". Въ Испаніи, по сообщенію французскаго консула, французскій товаръ устраненъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы наводнили рынокъ собственными продуктами. „Нѣмцы — мастера по части изготовленія товаровъ, красиво отдѣланныхъ и потому ходкихъ. И къ тому еще они умѣютъ подчиняться требованіямъ покупателя; нѣмецъ фабрикуетъ и поставляетъ именно то, что спрашиваетъ покупатель". Въ Италіи Германія продаетъ приблизительно на 150 милл. „Торговая палата Милана энергично возстаетъ противъ наплыва нѣмецкихъ продуктовъ, которые заняли мѣсто, принадлежавшее раньше Франціи. Такъ какъ финансовое положеніе Италіи далеко не блестяще,—легко понять, почему итальянцы, признавая вполнѣ превосходство французскихъ продуктовъ, отдаютъ, однако, предпочтеніе болѣе дешевому нѣмецкому товару". „До послѣдняго времени—по словамъ австрійскаго консула въ Салоникахъ—купцы этого города оказывали открыто предпочтеніе французскимъ товарамъ, но теперь Германія перегнала Францію и во всѣхъ подчиненныхъ туркамъ областяхъ вліяніе нѣмцевъ значительно усиливается".

Особенно интересна побѣда, одержанная нѣмцами надъ французами въ Румыніи. По словамъ французскаго консула въ Яссахъ, въ глазахъ румына все французское хорошо. „Считается шикомъ говорить и мыслить по-французски, одѣваться и причесываться по-парижски и покупать французскія издѣлія". И послѣднее относится не только къ состоятельнымъ классамъ, но и къ простому народу. „И въ большомъ магазинѣ, и въ жалкой лавчонкѣ, вамъ покажутъ отборныя вещицы, находящіяся въ особой витринѣ, и объяснятъ, что онѣ французскаго производства, т.-е. высшаго качества. Поэтому же простые люди всегда предпочитаютъ, при равной цѣнѣ, пріобрѣсти вещь, носящую кличку француз-

ской. Достаточно показать какую-нибудь вещицу крестьянину и сказать, что она французская, и соберется цѣлая толпа. Онъ съ чистой совѣстью будетъ дивиться ей и находить въ ней всякія совершенства и станетъ восторженно показывать ее сбѣжавшимся товарищамъ" [1]). И при такомъ-то преклоненіи румынъ передъ всѣмъ французскимъ, Франція, нѣкогда ведшая значительную торговлю съ Румыніей, теперь ввозитъ туда лишь предметы роскоши, составляющіе исключительное достояніе ея промышленности, „тогда какъ Германія успѣла широко развить свою вывозную торговлю и обезпечить за собой на румынскомъ рынкѣ первенство въ коммерческомъ отношеніи". Значительный ущербъ нанесенъ торговлѣ Франціи съ Румыніей примѣненіемъ послѣдней страной протекціоннаго тарифа. Но „невольно возникаетъ вопросъ, какъ умудряется Германія ввозить въ Румынію значительное количество товаровъ, отъ ввоза которыхъ вынуждена была совершенно отказаться Франція?" Отвѣтъ заключается въ томъ, что нѣмцы предприняли настоящій промышленный походъ на Румынію, представляющую обширный рынокъ для ихъ товаровъ, и „расположенную у самыхъ дверей Германіи. Они основали тамъ банки, построили фабрики, положили основаніе эксплоатаціи лѣсовъ и нефтяныхъ источниковъ, и предприняли весьма значительныя общественныя работы" [2]). По сообщенію Блонделя, нѣмцы помѣстили въ Румыніи капиталъ въ 760 милл. франковъ (французскій вице-консулъ называетъ всего 400 милл. франковъ), тогда какъ французы имѣютъ тамъ всего 220 милл., а самимъ румынамъ принадлежатъ лишь 200 милл. франковъ.

Франція имѣетъ тѣмъ болѣе основаніе жаловаться на Германію, что именно подражаніемъ французскимъ образцамъ и вкусу нѣмцы обязаны значительной долей своихъ успѣховъ. „Повсюду въ Германіи убѣждены, — говоритъ Ж. Блондель, — что наши соперники весьма часто ограничиваются однимъ подражаніемъ нашимъ издѣліямъ; вначалѣ они подражаютъ плохо, но мало-по-малу все совершеннѣе и съ бо̀льшимъ пониманіемъ дѣла". Чувствуя, напр., себя отсталыми въ художественной промышленности, нѣмцы отправляются въ Парижъ, изучаютъ тамъ послѣднія усовершенствованія и развиваютъ свой вкусъ. „Издѣлія хромолитографскихъ мастерскихъ Лейпцига считаются за границей продуктами англійской или французской индустріи въ виду ихъ изящества". Въ Берлинѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Бреславлѣ „гер-

---

[1]) „Вѣстн. Фин." 1900 г., № 44.

[2]) „Вѣстн. Фин.", № 3.

манизируются оригинальныя модели искусственныхъ цвѣтовъ, купленныя въ Парижѣ, и разсылаются по всему свѣту". Наконецъ, нѣмцы не брезгаютъ и прямой поддѣлкой подъ французскіе товары. Нѣмецкія фирмы въ Скандинавіи, напр., продаютъ свои товары за французскіе. „Такъ называемыя французскія вина привозятся изъ Любека; „парижскіе" товары изготовляются на нѣмецкихъ фабрикахъ; „французскіе" базары всѣхъ нидерландскихъ городовъ дѣлаютъ большинство закупокъ у нѣмцевъ". Германское вино подкрашивается въ Гамбургѣ и подъ французской этикеткой вывозится въ Бразилію, и т. д.

IV.

Мы видѣли, какихъ успѣховъ достигла Германія въ развитіи своей внѣшней торговли. Вывозъ ея увеличивается, главнымъ образомъ, на счетъ двухъ націй — Англіи и Франціи, и она успѣшно стремится къ тому, чтобы сдѣлаться фабрикой для различныхъ, преимущественно заатлантическихъ странъ. Какими же средствами достигаетъ она своихъ цѣлей и что даетъ перевѣсъ этой молодой еще въ промышленномъ отношеніи странѣ надъ такими высоко-культурными и организовавшимися капиталистическими націями, какъ Англія или Франція?

Приступая къ возможному отвѣту на этотъ вопросъ, мы хотимъ прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что именно промышленная молодость Германіи и составляетъ одно изъ главнѣйшихъ ея оружій въ борьбѣ за рынки. Всѣ, кажется, писатели, занимающіеся этимъ вопросомъ, указываютъ на то, что Германія побѣждаетъ соперниковъ дешевизною своихъ продуктовъ, вниманіемъ, съ какимъ она относится ко всѣмъ мелочамъ требованій рынковъ, и тщательнымъ изученіемъ какъ самихъ этихъ рынковъ, такъ и пріемовъ производства и торговли, практикуемыхъ ея старшими сосѣдками. Но все это особенно легко достигается ею, между прочимъ, потому, что она—еще молодая въ промышленномъ отношеніи нація, не имѣющая крѣпкихъ торговыхъ традицій, связывающихъ иниціативу, и вполнѣ сознающая необходимость учиться у болѣе опытныхъ своихъ конкуррентовъ. Находясь до послѣдняго времени позади Англіи и Франціи въ промышленномъ отношеніи, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была равной имъ въ отношеніи умственной культуры и сдѣлала необыкновенные успѣхи въ дѣлѣ развитія гражданственности и политической свободы, которыя были крайне благопріятны для

развитія личной и общественной самодѣятельности и иниціативы (безъ которыхъ невозможны широкіе успѣхи ни на какомъ поприщѣ дѣятельности), и окрылили сознаніе нѣмцевъ, что они—великая нація, долженствующая стать во главѣ цивилизаціи, благодаря чему ихъ стремленіе къ успѣху на разныхъ поприщахъ, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать на-ряду съ представителями другихъ государствъ—возбуждалось не только личнымъ интересомъ, но, до извѣстной степени, и мотивами патріотическаго характера. А такъ какъ промышленность и торговля образуютъ главнѣйшее поле, на которомъ развертываютъ свои силы и конкуррируютъ другъ съ другомъ современные народы, то на это же поле устремилась и приподнятая энергія нѣмцевъ. Въ этомъ дѣлѣ нѣмецкое правительство идетъ рука объ руку съ представителями нѣмецкой промышленности и торговли. Еще Бисмаркъ, беря въ свои руки министерство торговли, заявилъ, что, послѣ военныхъ побѣдъ, онъ постарается доставить своей родинѣ побѣды экономическія. Правительство Германіи неуклонно идетъ по этому же пути, и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ политическомъ (гдѣ именно правительству принадлежитъ честь введенія во вновь возникшей имперіи всеобщей подачи голосовъ), интересы правительства, повидимому, совпадаютъ съ интересами націи. По понятнымъ всѣмъ мотивамъ, германское правительство стремится, напр., къ созданію сильнаго военнаго флота. И такой же флотъ считается важнымъ условіемъ успѣха Германіи въ борьбѣ за рынки, не только представителями нѣмецкой промышленности и торговли, но и выдающимися ея учеными. Хорошо извѣстный русской публикѣ молодой экономистъ Шульце-Геверницъ, рекомендуя нѣмецкой дипломатіи проникнуться коммерческимъ духомъ и высказывая мнѣніе, что вся нѣмецкая иностранная политика „должна была бы быть политикой коммерческой", вслѣдъ за этимъ прибавляетъ: „Но если мы желаемъ этого—нужно доставить нашимъ посламъ оружіе, безъ котораго они будутъ только скромными попрошайками, а именно—могущественный флотъ [1]).

Какъ примѣръ того, насколько коммерческій духъ овладѣлъ нѣмцами, Жоржъ Леви указываетъ двухъ братьевъ Кунгардтъ, предпринявшихъ кругосвѣтное путешествіе по разнымъ маршрутамъ и издавшихъ затѣмъ его описаніе. Одинъ изъ братьевъ въ предисловіи къ своему труду говоритъ: „Я желалъ бы побудить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые колеблются это

[1]) Цитировано по „Вѣстн. Фин., Пром. и Торг.", 1898 г., № 19.

сдѣлать, путешествовать въ молодости, осмотрѣть возможно больше странъ внѣ Европы, чтобы, вернувшись на родину, употребить пріобрѣтенный опытъ съ наибольшей пользой для отечества. Германія, германская торговля, промышленность, земледѣліе всегда будутъ имѣть нужду въ лицахъ, знающихъ остальную часть земного шара не по книжкамъ и журналамъ" [1]).

Мы не можемъ сколько-нибудь подробно останавливаться на конкретныхъ данныхъ относительно средствъ, обезпечивающихъ быстрые успѣхи нѣмецкой промышленности. Всѣ, кто наблюдалъ этотъ предметъ, указываютъ прежде всего на хорошую школьную подготовку нѣмцевъ къ промышленной дѣятельности и на связь, существующую между фабриками и заводами съ одной стороны и университетскими и прочими лабораторіями и учеными кабинетами—съ другой. Не говоря о массѣ спеціальныхъ техническихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ училищъ, въ каждомъ поселеніи Германіи, имѣющемъ болѣе тысячи жителей, открываются курсы для взрослыхъ, на которыхъ дается научное образованіе, сообразно профессіи учащихся, и всѣ рабочіе, не достигшіе 18-лѣтняго возраста, могутъ быть обязываемы къ посѣщенію этихъ курсовъ. Болѣе половины, напр., промышленныхъ поселеній Пруссіи сдѣлали посѣщеніе этихъ курсовъ обязательнымъ [2]). Питомцы университетовъ и техническихъ училищъ не только поступаютъ на службу на фабрики и заводы, но часто становятся во главѣ послѣднихъ, въ качествѣ ихъ владѣльцевъ, и не прерываютъ сношеній съ своей alma mater. Благодаря этому, учебныя заведенія и ихъ лабораторіи составляютъ какъ бы одно цѣлое съ фабриками и заводами. Обширныя, напр., лабораторіи по электротехникѣ, устроенныя на счетъ правительства, „одновременно являются и школами, гдѣ образуются молодые электротехники, и центрами научныхъ работъ, которыя привлекаютъ предпринимателей для осуществленія сдѣланныхъ открытій". Извѣстно, какіе успѣхи сдѣланы въ Германіи химической промышленностью, а это достигнуто, главнымъ образомъ, благодаря тѣсному общенію науки и практики. „Нѣмцы,—говоритъ Ж. Леви,—замѣстили на своихъ фабрикахъ надсмотрщиковъ докторами естественныхъ наукъ". „Сношенія между заводами химическихъ производствъ и университетами установлены вполнѣ правильно. Директоры фабрикъ всегда готовы предоставить въ распоряженіе ученаго необходимые аппараты и матеріалы; ученые

---

[1]) Ibid.

[2]) Ж. Блондель, стр. 173.

никогда не отказываютъ въ разсмотрѣніи той или другой проблемы заводчиковъ". Сами заводы открываютъ у себя настоящія научныя лабораторіи. „Лабораторіи при фабрикахъ химическихъ производствъ служатъ центромъ непрерывныхъ работъ, направленныхъ къ различнымъ цѣлямъ, часто непредвидѣннымъ, но всегда плодотворнымъ. Толпа молодыхъ химиковъ производитъ изысканія въ многочисленныхъ направленіяхъ, намѣчающихъ путь къ великимъ открытіямъ. По мѣрѣ того, какъ промышленность развивается и выдвигаетъ новые вопросы,—наука въ этихъ лабораторіяхъ рѣшаетъ новыя проблемы". На одной фабрикѣ въ Лудвигсгафенѣ, напр., занимается больше инженеровъ, чѣмъ ихъ насчитывается въ той же промышленности въ цѣлой Англіи [1]).

Учась дома, нѣмцы не менѣе того учатся и за границею. Нѣмецкая молодежь тысячами поступаетъ на службу къ торговымъ и промышленнымъ фирмамъ болѣе развитыхъ странъ, вытѣсняя туземцевъ дешевизною предлагаемаго ею труда. Здѣсь она знакомится съ пріемами торговли и промысла, часто съ секретами производства и съ требованіями рынка и, обогатясь этими познаніями, а то и заручась коммерческими связями, возвращается на родину, поступаетъ на службу на мѣстныя фабрики и конторы, и своими знаніями помогаетъ имъ побѣдить иностранныхъ конкуррентовъ. „Нѣмецкіе приказчики,—жалуется патріотическая англійская газета,—пріѣзжаютъ къ намъ служить за половинное жалованье, остаются у насъ лѣтъ пять, и потомъ возвращаются домой, чтобы примѣнить на практикѣ опытъ, пріобрѣтенный у англійскихъ патроновъ. Жадность побуждаетъ низшіе слои лондонскихъ и брэдфордскихъ купцовъ нанимать этихъ нѣмецкихъ недорослей, малотребовательныхъ и дѣятельныхъ, показавшихъ, что они — не что иное, какъ простые коммерческіе шпіоны".

Нѣмцы, однако, далеко не всѣ возвращаются послѣ науки на родину. Многіе изъ нихъ устроиваются прочно на чужбинѣ и работаютъ здѣсь на пользу нѣмецкой же промышленности. „Они проникаютъ въ администрацію разныхъ фирмъ, отелей, торговыхъ домовъ, работаютъ безъ устали и мало-по-малу подвигаются по соціальной лѣстницѣ... Едва молодой нѣмецъ успѣваетъ заработать тамъ нѣсколько грошей, онъ пишетъ родственнику, расхваливаетъ прелести новой родины, и если этотъ родственникъ рѣшается также покинуть Германію, онъ ему отыскиваетъ занятіе, одолжаетъ свою одежду, отдаетъ половину своей комнаты, пока имъ обоимъ не удастся, наконецъ, хорошо устро-

[1]) „Вѣстн. Финанс.", 1898 г. № 11, статья Леви.

иться... Такимъ образомъ, въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, напр., половина крупныхъ торговыхъ домовъ находится въ рукахъ нѣмцевъ, и прославленный англо-саксонскій коммерческій геній теряетъ свое главенство и подпадаетъ подъ вліяніе тевтонской расы" [1]).

Подобныя путешествія предпринимаются не всегда на личный счетъ. Въ Штеттинѣ, напр., образовалось общество, „поставившее себѣ задачей посылать за границу молодыхъ приказчиковъ для того, чтобы они совершенствовались въ языкѣ и ознакомились съ домами чужой страны. Эти молодые люди должны воспользоваться мѣстомъ, какое имъ удалось бы получить на чужбинѣ, и посылать отправившему ихъ обществу періодическіе отчеты о положеніи торговли той страны, гдѣ они поселились. Они должны сообщать и цѣны ввозимыхъ товаровъ, и указывать, какую пользу могъ бы извлечь Штеттинъ изъ этихъ свѣдѣній". Въ Гамбургѣ почти всѣ болѣе богатыя буржуазныя семьи посылаютъ своихъ дѣтей за границу набираться знаній [2]).

Не менѣе интересны пріемы, употребляемые нѣмцами для распространенія своихъ товаровъ. Въ противоположность старымъ промышленнымъ націямъ, не заботящимся о томъ, чтобы подойти къ покупателю, а ожидающимъ, чтобы тотъ подошелъ къ нимъ,—нѣмцы не только стараются приноровиться къ требованіямъ даже ничтожныхъ рынковъ, но и предупредить спросъ на издѣлія. Для этого они установили тѣсное общеніе между производителями и потребителями разныхъ товаровъ. Такъ, напр., нѣмецкія электрическія общества имѣютъ на службѣ цѣлый батальонъ инженеровъ, а эти, „полные соревнованія, сторожатъ заказы у себя и за границей, даже не ожидая, но создавая ихъ, приглашая города къ преобразованію ихъ старыхъ системъ освѣщенія и передвиженія". „Характерной чертой промышленности цвѣтныхъ тканей является то, что она находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ покупателями, которые періодически посѣщаются инженерами, состоящими при фабрикахъ". Такимъ образомъ узнаются желанія покупателей и сообща выработываются лучшія средства ихъ удовлетворенія. „Между фабриками и ихъ покупателями установилось настоящее взаимодѣйствіе: взаимно даются совѣты, сообщаются нужды, возбуждаются общіе вопросы, и это сразу отозвалось совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде, развитіемъ красильной промышленности" [3]).

---

[1]) Ж. Блондель, ibid., стр. 151—2.

[2]) Ibid., стр. 162, 164.

[3]) „Вѣстн. Финанс.", 1898, № 11.

Выше было уже упомянуто о томъ интересномъ фактѣ, что, несмотря на покровительственныя таможенныя пошлины, нѣмцы расширяютъ свою торговлю съ Румыніей въ то время, когда французы теряютъ ее. Достигаютъ же они такихъ результатовъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ. Германскіе промышленники два раза въ годъ, послѣ жатвы, когда населеніе располагаетъ деньгами, посылаютъ въ Румынію своихъ агентовъ, которые, съ образцами фабрикатовъ въ рукахъ, посѣщаютъ самыя маленькія мѣстечки и берутъ заказы, подкупая покупателей дешевизною издѣлій. Если ихъ вещь не подходитъ ко вкусу покупателя—они берутъ у него образчикъ, модель или даже фотографію желательнаго предмета, и на слѣдующій годъ являются уже съ товаромъ, приготовленнымъ согласно вкусу потребителя [1]). Разсказываютъ почти курьёзныя вещи о вытѣсненіи подобными пріемами однихъ товаровъ другими. Англичане, напр., посылали въ Бразилію превосходныя швейныя иголки, завертывавшіяся, по обыкновенію, въ черную бумагу. Бразильцы, однако, не любятъ чернаго цвѣта. Узнавъ объ этомъ отъ своихъ агентовъ, саксонскіе фабриканты послали туда свои иголки, завернутыя въ розовую бумажку, и вытѣснили англійскій товаръ. Англичане отправляли на островъ Св. Троицы обувь, не справившись, конечно, о томъ—подходитъ ли она къ ногѣ туземцевъ. Нѣмцы же обратили вниманіе на послѣднее обстоятельство, стали приготовлять обувь по формѣ ноги (болѣе плоской) туземцевъ и—завладѣли этимъ рынкомъ [2]). По словамъ одного консульскаго донесенія, „сербы очень привязаны къ образцамъ, завѣщаннымъ предками; они предпочитаютъ, напр., ножъ старинной формы, и это съ ихъ стороны не простой капризъ: они привыкли обращаться съ такимъ ножемъ и рѣже ранятъ имъ свои пальцы. Англійскіе фабриканты не хотѣли подчиниться ихъ желанію; но пріѣхалъ нѣмецъ и скопировалъ старинный сербскій ножъ. Его ножъ, правда, не рѣжетъ,—прибавляетъ консулъ,—тогда какъ англійскій рѣжетъ хорошо, но это не важно!.. Вопросъ о формѣ является рѣшающимъ также и для другихъ орудій".

Большое значеніе въ дѣлѣ промышленныхъ успѣховъ Германіи Ж. Блондель придаетъ присущему нѣмцамъ, въ противоположность англичанамъ и французамъ, духу ассоціаціи. „Духъ ассоціаціи проникъ какъ въ сферы предпринимательскія, такъ и въ общественные слои вообще. Благодаря ему, нѣмецъ гораздо

[1]) „Вѣстн. Финанс.", 1900 г. № 44.
[2]) Блондель, стр. 162 и др.

легче француза столкуется съ сосѣдомъ; не отрекаясь отъ своей личности, онъ соединяется въ кружки и мощные союзы, гдѣ каждый работаетъ на общую пользу". „Въ Германіи нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ бы не было общества поощренія нѣмецкой индустріи вообще или же только мѣстной промышленности. Многія изъ этихъ обществъ заняты устройствомъ выставокъ, раздаютъ преміи, печатаютъ спеціальныя изданія". Главнѣйшія отрасли промышленности соединяются въ синдикаты, которые задаются цѣлью не только обирать потребителя, но и способствовать развитію нѣмецкой промышленности. Такъ, чтобы дать возможность желѣзной промышленности бороться съ иностранной конкурренціей, синдикатъ коксовыхъ заводчиковъ сталъ выдавать премію за вывозимую зеркальную желѣзную руду; онъ же выдалъ синдикатамъ чугуно-литейныхъ заводчиковъ субсидію въ 600 тыс. марокъ, чтобы они могли бороться съ привозомъ англійскаго чугуна. На конгрессѣ металлургическихъ заводчиковъ и судостроителей первые заявили готовность работать даже съ небольшимъ убыткомъ—лишь бы послѣдніе брали матеріалы у нихъ. Судостроители, съ своей стороны, заявили, что они готовы платить нѣмецкимъ фабрикантамъ на 3—5% дороже, чѣмъ англійскимъ. Наконецъ, представитель желѣзныхъ дорогъ изъявилъ согласіе на пониженіе провозныхъ платъ на матеріалы, перевозимые съ заводовъ на верфи. Такая политика отдѣльныхъ заводчиковъ и ихъ организацій объясняется, конечно, не патріотическими чувствами, а сознаніемъ того, что временныя потери нѣкоторыхъ, если онѣ ведутъ къ развитію національной промышленности, выгодны для предпринимателей, какъ класса,—и готовностью понести нѣкоторыя жертвы въ настоящемъ для того, чтобы пожать плоды въ будущемъ. Не вездѣ, однако, предприниматели разсуждаютъ подобнымъ же образомъ, и въ большинствѣ промышленныхъ странъ они предпочитаютъ крупный барышъ успѣхамъ національнаго производства.

Большое значеніе въ дѣлѣ завоеванія нѣмцами внѣшнихъ рынковъ имѣетъ тотъ фактъ, что они стремятся не только завязать непосредственныя сношенія съ странами, куда они отправляютъ свои товары, но и перенестись туда въ качествѣ мѣстныхъ дѣятелей. Особенно облюбовали они заатлантическія страны. Не говоря объ эмиграціи туда нѣмецкихъ рабочихъ, которые, конечно, предпочитаютъ и тамъ потреблять продукты нѣмецкаго производства,—въ чужія страны въ большихъ размѣрахъ направляются нѣмецкіе капиталы и коммерсанты. По собраннымъ недавно германскимъ правительствомъ свѣдѣніямъ, во внѣ-

европейскихъ странахъ помѣщено въ разныхъ предпріятіяхъ 8—10 милліардовъ марокъ нѣмецкихъ денегъ (кромѣ тѣхъ 10—12 милліардовъ марокъ, которыя, по устарѣлымъ даже даннымъ, помѣщены во внѣ-европейскихъ процентныхъ бумагахъ, находящихся въ Германіи), приносящихъ ежегодно около 500 милліоновъ марокъ чистаго дохода. Въ Южной Америкѣ, напр., помѣщено до 2 милліардовъ нѣмецкихъ денегъ, въ Центральной—больше милліарда, въ Сѣверной—до 5 милліардовъ, въ Трансваалѣ—около 900 милліоновъ марокъ, и т. д. [1]) Поэтому, когда Германія получаетъ изъ различныхъ заатлантическихъ странъ сырьё, которое отправляетъ обратно въ видѣ фабрикатовъ, то это въ значительной степени является обмѣномъ нѣмецкихъ продуктовъ на иностранные, добытые на нѣмецкіе же капиталы. Такимъ образомъ, Германія эксплуатируетъ внѣшніе рынки вдвойнѣ: и какъ мѣсто сбыта ея продуктовъ, и какъ поле приложенія ея капитала, а иногда—и труда.

Такія же завоеванія нѣмцы дѣлаютъ и въ Европѣ, и фабричная, напр., промышленность русской Польши по ея происхожденію принадлежитъ больше Германіи, нежели Россіи.

Описанные пріемы нѣмцевъ для завоеванія внѣшнихъ рынковъ, быть можетъ, были бы недостаточны для успѣшной борьбы съ такими сильными противниками, какъ Англія или Франція, еслибы Германія не обладала еще однимъ оружіемъ—дешевизною своихъ продуктовъ. Отчего фабричные продукты Германіи дешевле таковыхъ же Англіи или Франціи—понять нетрудно.

Франція и Англія—болѣе старыя капиталистическія страны. Ихъ промышленность сравнительно давно приняла крупную форму и не испытываетъ теперь существенныхъ преобразованій послѣдней. Введеніе техническихъ улучшеній, имѣющихъ, какъ извѣстно, окончательнымъ результатомъ удешевленіе продукта, совершается здѣсь, поэтому, съ извѣстной постепенностью, сообразуясь съ быстротой изнашиванія дѣйствующихъ на фабрикахъ машинъ и орудій. Въ Германіи мы наблюдаемъ другое явленіе. Тамъ именно теперь происходитъ въ широкихъ размѣрахъ организація крупнаго производства; теперь устроиваются заново многочисленныя фабрики и заводы, примѣняющіе, конечно, самыя послѣднія техническія новинки, въ наибольшей степени удешевляющія производство продуктовъ. Нѣмецкіе товары, поэтому, въ общемъ, должны быть дешевле англійскихъ или французскихъ, и могутъ

---

[1]) Сборникъ консульскихъ донесеній, 1900, в. IV.

бороться съ ними не только на внѣшнихъ рынкахъ, но и на ихъ собственныхъ, внутреннихъ рынкахъ.

Техническое совершенство нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ соединяется съ другимъ условіемъ, удешевляющимъ производимые ими товары, — дешевизной (по крайней мѣрѣ, сравнительно съ Англіей) труда. Правда, низкая заработная плата, сама по себѣ, скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ способствуетъ промышленнымъ успѣхамъ; но это, главнымъ образомъ, потому, что она обыкновенно соединяется съ неразвитостью рабочаго класса. Въ Германіи же рабочій очень быстро культивируется и образуется, и если, тѣмъ не менѣе, заработная плата тамъ ниже, нежели въ Англіи, то это, главнымъ образомъ, потому, что естественные плоды этого культивированія еще не успѣли обнаружиться съ достаточной ясностью. Заработная плата нѣмецкаго рабочаго, впрочемъ, въ послѣдніе годы ростетъ довольно быстро.

Въ сходномъ положеніи относительно техническаго совершенства находятся и новые заводы въ Россіи. Извѣстно, какое участіе принимаютъ въ послѣднее время, напр., бельгійскіе капиталисты въ расширеніи нашей желѣзной промышленности. „Они создали здѣсь значительное число крупныхъ заводовъ и поставили ихъ въ техническомъ отношеніи несравненно выше подобныхъ же предпріятій въ самой Бельгіи“. И еслибы одного этого обстоятельства, въ совокупности съ дешевизной рабочихъ рукъ, было достаточно для успѣшной борьбы за рынки, русскіе заводчики не прекращали бы теперь производства, а завалили бы продуктомъ рынки Бельгіи, „такъ какъ заводы, находящіеся въ Бельгіи, конкуррировать съ заводами, построенными бельгійцами въ Россіи, положительно не въ состояніи“ [1]).

Мы задались выше вопросомъ о томъ, куда помѣщаетъ Германія продукты своей быстро развивающейся промышленности — и отвѣтили на это данными, указывающими на то, что главнѣйшими (но далеко не единственными) средствами поглощенія этихъ продуктовъ служитъ сама эта промышленность, преобразующаяся изъ мелкой формы въ крупную, и внѣшніе рынки, на которыхъ нѣмецкіе продукты понемногу вытѣсняютъ англійскіе и французскіе. Эти средства поглощенія не могутъ, однако, обезпечить непрерывнаго и неуклоннаго развитія промышленности. Успѣхи Германіи на внѣшнихъ рынкахъ даютъ ей возможность помѣ-

[1]) „Сборникъ консульскихъ донесеній“, 1900 г., вып. V, стр. 420.

щать туда только часть производимаго ею избыточнаго продукта. Что же касается новыхъ заводовъ и фабрикъ, сооруженіе коихъ оживляетъ прежде всего промышленность, приготовляющую строительные матеріалы и предметы оборудованія заводовъ, а затѣмъ и прочія отрасли труда, — такое ихъ вліяніе продолжается до тѣхъ поръ, пока они не будутъ воздвигнуты въ количествѣ, удовлетворяющемъ существующій спросъ на предметы непосредственнаго потребленія человѣка и общества, послѣ чего учредительная дѣятельность потерпитъ крупныя сокращенія, излишне построенные заводы и фабрики останутся безъ дѣла, и за періодомъ оживленнаго состоянія промышленности послѣдуетъ время ея угнетенія. Это время, повидимому, уже наступаетъ, и крахи нѣкоторыхъ кредитныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ затрудненіями въ сбытѣ желѣза, уже вызвали статьи нѣмецкихъ экономистовъ о томъ, что ожидаетъ германскую промышленность въ ближайшемъ будущемъ.

Новѣйшая исторія германской промышленности интересна для насъ, главнымъ образомъ, потому, что Германія, какъ и Россія, есть страна въ промышленномъ отношеніи молодая, и примѣръ быстрыхъ ея успѣховъ можетъ поддержать надежду на то, что и Россія послѣдуетъ по ея пути. Данныя, приведенныя въ настоящей замѣткѣ, врядъ ли, однако, оправдываютъ такую надежду, а условія промышленнаго оживленія послѣднихъ лѣтъ въ Россіи и Германіи ясно показываютъ, сколь различны рычаги, производящіе это оживленіе. Непосредственно возбуждающаго промышленную дѣятельность правительственнаго вліянія въ Германіи мы почти не замѣчаемъ; но зато мы видимъ въ ней широкое развитіе общественной иниціативы въ области политической, образовательной и экономической. Въ Россіи такой самодѣятельности нѣтъ и—по общимъ юридическимъ условіямъ — не можетъ быть, и главнѣйшимъ факторомъ ея промышленныхъ успѣховъ служатъ правительственныя мѣропріятія. Правительство ввело почти запретительные таможенные тарифы 1891 г., чуть не силкомъ толкнуло наши желѣзнодорожныя общества на путь расширенія рельсовыхъ путей, всячески поощряло это расширеніе гарантіей затрачиваемыхъ на него средствъ и отысканіемъ нужныхъ для этого капиталовъ; давая заказы, привлекало въ Россію иностранные капиталы для сооруженія новыхъ фабрикъ и заводовъ—и плодомъ такихъ экстраординарныхъ усилій было достиженіе промышленнаго оживленія—правда, ничтожнаго по сравненію съ успѣхами нѣмецкой промышленности, но возбудившаго толки чуть не о новой эрѣ

въ исторіи нашей промышленности. О дѣйствительномъ характерѣ и средствахъ этого оживленія можно, впрочемъ, судить еще по тому, что, съ замедленіемъ желѣзнодорожнаго строительства, обнаружились всѣ признаки промышленнаго кризиса, что это оживленіе сопровождалось ростущимъ обнищаніемъ земледѣльческаго населенія, выразившимся учащеніемъ голодовокъ, подобныя которымъ можно встрѣтить лишь въ Китаѣ и Индіи, и что вывозъ изъ Россіи продуктовъ фабрично-заводской обработки не превышаетъ 100 милл. рублей, изъ коихъ бо́льшая половина принадлежитъ нефтянымъ продуктамъ и продуктамъ обработки матеріаловъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ.

Изъ послѣдняго обстоятельства видно, что мы почти лишены того источника помѣщенія продуктовъ индустріи, которымъ съ такимъ успѣхомъ пользуется Германія—внѣшнихъ рынковъ; а такъ какъ пріобрѣтеніе таковыхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія культуры и общественной самодѣятельности, то мы не имѣемъ надежды пріобрѣсти эти рынки и въ не очень отдаленномъ будущемъ. Въ своихъ промышленныхъ успѣхахъ мы поэтому особенно зависимъ отъ благосостоянія населенія,—преимущественно земледѣльческихъ классовъ, къ которымъ принадлежитъ бо́льшая часть жителей страны. Благосостояніе же это скорѣе падаетъ, нежели возвышается, и мы лишены возможности задержать это паденіе средствомъ, примѣняемымъ въ Германіи въ интересахъ земледѣльческихъ классовъ: мы вывозимъ, а не ввозимъ хлѣбъ, и не можемъ поэтому поддержать его продажную цѣну введеніемъ таможенныхъ пошлинъ.

Вообще, не къ особенно утѣшительнымъ заключеніямъ относительно нашего будущаго приводитъ даже и поверхностное знакомство съ блестящими успѣхами германской промышленности.

В. В.

ВЛЕЧЕНЬЕ КЪ ВЫСОТѢ

Въ старости глубокой дрязги и заботы
Угнетаютъ душу, какъ темница тѣсная...
Ей потребенъ выходъ изъ низинъ въ высо́ты;
Строй ея чаруетъ будущность безвѣстная.

Чѣмъ ко смерти ближе, тѣмъ душа невольно
Чаще изъ темницы на свободу просится,
И земная дума, прочь отъ жизни дольной,
Къ голосамъ призывнымъ далеко уносится.

Такъ, въ обширномъ храмѣ, въ часъ богослуженья,
Передъ образами съ золотыми ризами,
Въ знойномъ и струистомъ блескѣ освѣщенья,
Вьется дымъ кадильный облаками сизыми.

Онъ пойдетъ по церкви дальше, повсемѣстно;
Посѣтитъ привѣтно всю толпу народную;
Но ему, средь люда, словно станетъ тѣсно,
И полетъ онъ правитъ въ высоту свободную.

Тихо онъ обходитъ куполъ на просторѣ;
Тамъ со стѣнъ взираютъ иноки-мыслители,
И призывъ загробный видится въ ихъ взорѣ—
Отъ земной юдоли въ горнія обители.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Мартъ, 1901.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1901.

Кончина Н. П. Боголѣпова.—Правительственныя сообщенія и распоряженія. — Московскій агрономическій съѣздъ; его отношеніе къ общественной самодѣятельности, къ административной регламентаціи и къ взаимодѣйствію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій. — Московскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ.—Общій характеръ постановленій съѣзда и возбуждаемыя ими надежды. — Возможность введенія суда присяжныхъ въ Туркестанѣ.

2-го марта скончался Н. П. Боголѣповъ. На составленной по этому поводу меморіи Государственнаго Совѣта Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Горячо сожалѣю о безвременной кончинѣ Николая Павловича Боголѣпова". Въ меморіи означено было слѣдующее: „Предъ закрытіемъ засѣданія предсѣдатель (департамента промышленности, наукъ и торговли) заявилъ, что имъ получено глубоко прискорбное извѣстіе о кончинѣ министра народнаго просвѣщенія т. с. Боголѣпова, послѣдовавшей отъ нанесенной ему рукою злоумышленника раны. Почившій являлся ближайшимъ сотрудникомъ департамента по многочисленнымъ и важнымъ вопросамъ, касающимся народнаго образованія. Члены департамента могли оцѣнить прямоту, твердость взгляда и убѣжденное желаніе развитія просвѣщенія русскаго народа, которыми была запечатлѣна дѣятельность Н. П. Боголѣпова. Жизнь волею Господнею пресѣклась внезапно. Вѣрный до послѣдней минуты своему долгу, онъ скончался при исполненіи своихъ многотрудныхъ обязанностей, къ которымъ былъ призванъ Высочайшею волею. Память о немъ и о его безвременной кончинѣ не изгладится въ сознаніи всѣхъ бывшихъ свидѣтелями его искренняго служенія благу народному. Выслушавъ съ сердечнымъ сочувствіемъ слова своего предсѣдателя и почтивъ, по его предложенію, память усопшаго Н. П. Боголѣпова вставаніемъ, департаментъ промышленности, наукъ и торговли положилъ записать вышеизложенное въ особый журналъ".

6-го марта обнародовано слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Въ виду распространившихся ложныхъ слуховъ о подробностяхъ уличныхъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи, министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующія данныя, имѣющіяся у него на основаніи донесеній мѣстныхъ властей.

„19 февраля въ Петербургѣ, послѣ окончанія Божественной литургіи и общаго молебна въ Казанскомъ соборѣ, часть находившейся въ храмѣ учащейся молодежи, къ которой присоединились и лица, стоявшія на паперти собора, столпились на Казанской площади между соборомъ и скверомъ, у крыла колоннады, при чемъ нѣкоторыя лица, находившіяся въ толпѣ, пытались произносить рѣчи; на требованіе полиціи разойтись собравшіеся отвѣтили отказомъ, и въ толпѣ послышался призывъ: „Господа! всѣ плотной толпой направо, по Невскому". Слѣдуя этому призыву, толпа, съ пѣніемъ пѣсенъ, повернула на Невскій, занявъ часть улицы и весь тротуаръ. Вытребованнымъ немедленно нарядомъ полиціи толпа эта была оттѣснена во дворъ дома Петербургской городской думы, при чемъ никакихъ увѣчій никому нанесено не было; во дворѣ думы участники толпы переписаны въ числѣ 244 человѣкъ, изъ коихъ оказалось студентовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы 71, слушательницъ разныхъ женскихъ курсовъ 128, другихъ женщинъ 20 и постороннихъ 25; переписанные были затѣмъ распущены по домамъ; объ участникахъ указаннаго безпорядка возбуждено дознаніе, которому данъ надлежащій ходъ.

„Того же числа въ городѣ Харьковѣ, по окончаніи богослуженія въ соборѣ и въ университетской церкви, при выходѣ изъ храма молящихся, выдѣлилось до 100 студентовъ университета и технологическаго и ветеринарнаго институтовъ и двинулись группой къ зданію университета съ пѣніемъ пѣсенъ; въ виду отказа подчиниться требованію полиціи и разойтись, лица эти были окружены вытребованной сотнею казаковъ, введены въ зданіе полицейскаго управленія и переписаны. Между тѣмъ, вокругъ зданія полицейскаго управленія, постепенно образовалось сборище изъ учащейся молодежи, требовавшее освобожденія задержанныхъ; въ виду отказа толпы (къ которой присоединились и многіе любопытные) разойтись, лица, замѣченныя въ подстрекательствѣ къ этому, были также арестованы. Вечеромъ толпа учащейся молодежи, къ которой опять присоединилось значительное число любопытныхъ, пыталась устроить демонстрацію у помѣщенія редакціи газеты „Южный Край", куда направилась съ пѣніемъ, гиканьемъ и свистомъ, но была своевременно окружена вытребованными войсками и введена въ управленіе полиціймейстера для удостовѣренія личностей; по удаленіи при этомъ послѣдней группы, къ оставшимся на улицѣ вновь примкнула толпа людей разнаго званія, которая около драматическаго театра кричала, шумѣла и пѣла пѣсни; вызванныя войска оттиснули толпу въ сосѣднія улицы и затѣмъ разсѣяли ее. Хотя губернатору и было подано восемь заявленій о полученныхъ ушибахъ и ударахъ, но, по провѣркѣ медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, подтвердилось только одно. Объ участникахъ описанныхъ безпорядковъ также возбуждено дознаніе, при чемъ изъ числа 136 аре-

стованныхъ 24 человѣка остовлены подъ стражей, а остальные освобождены.

„22 и 23 февраля, въ Москвѣ въ 12 час. дня, у зданія стараго университета стали собираться сначала студенты университета, а потомъ и воспитанники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, слушательницы разныхъ женскихъ курсовъ и другія женщины. Не смотря на требованіе полиціи разойтись, толпа все возрастала и около часа дня, отодвинувъ сторожей отъ калитки, проникла въ наружный дворъ университета и затѣмъ, взломавъ двери, въ числѣ около трехсотъ человѣкъ ворвалась въ актовый залъ, гдѣ открыла сходку, приглашая на таковую своихъ товарищей, стоявшихъ на улицѣ и во дворѣ въ числѣ тоже около 300 слишкомъ человѣкъ, при чемъ собравшіеся возбуждали публику, бросая ей разныя воззванія. Какъ увѣщанія полиціи на улицѣ, такъ и инспекціи въ актовомъ залѣ не могли заставить собравшихся разойтись и прекратить безпорядки; въ виду чего сборище съ улицы и двора университета было окружено нарядомъ полиціи и препровождено въ находящійся по близости манежъ. Участники сходки, по выходѣ ихъ во дворъ университета, были тѣмъ же порядкомъ доставлены въ тотъ же манежъ; затѣмъ всѣ переписаны въ числѣ 630 человѣкъ, изъ коихъ оказалось 517 воспитанниковъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, 12 постороннихъ лицъ и 101 женщина; всѣ задержанные продолжали вести себя въ манежѣ бурно и вызывающе, не подчиняясь никакимъ требованіямъ полиціи; къ вечеру женщинамъ было предложено удалиться изъ манежа и разойтись по домамъ, чѣмъ воспользовались 93 женщины, а остальныя 8 пожелали остаться ночевать въ манежѣ вмѣстѣ съ другими задержанными. 24-го февраля 52 изъ числа задержанныхъ отправлены подъ конвоемъ въ тюрьму. Въ ночь на 25-е февраля 21 воспитанникъ межевого института были сданы учебному начальству, а прочіе 463 человѣка препровождены партіями въ пересыльную тюрьму. 24-го февраля толпы по преимуществу учащейся молодежи, доходившія по временамъ до 700 человѣкъ, пытались войти въ сношенія съ ночевавшими въ манежѣ задержанными, переговариваясь съ ними черезъ разбитыя ими стекла въ нѣкоторыхъ окнахъ этого зданія; полиція, поддержанная сотней казаковъ, неоднократно очищала мѣстность отъ толпившихся, но около 5 часовъ вечера постепенно собиравшаяся толпа приблизительно человѣкъ въ 300 направилась по Никитской и Тверскому бульвару съ пѣснями и криками, а остуда—на Тверскую улицу, гдѣ гдѣ у Брюсовскаго переулка была отодвинута нарядомъ въ боковые переулки и разсѣяна. Около часу въ ночь на 25-е февраля толпа свыше 100 человѣкъ студентовъ и женщинъ, не пропущенная на Тверскую, пошла по Петровкѣ и была оттѣснена нарядомъ у Петровскихъ воротъ. Въ воскресенье, 25-го февраля, толпа изъ разночинцевъ, руководимая воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницами разныхъ женскихъ курсовъ, производила въ теченіе дня безпорядки въ центральныхъ частяхъ города, порываясь проникнуть на Тверскую улицу; эти попытки были останавливаемы нарядомъ полиціи и двумя сотнями казаковъ. Къ вечеру, когда разнузданное сборище стало разбивать стекла въ уличныхъ фонаряхъ на Большой Никитской улицѣ и Страстномъ бульварѣ, то, съ цѣлью окончательнаго

прекращенія безпорядковъ и въ виду наступающей ночи, въ помощь полиціи были вызваны два эскадрона 3-го драгунскаго Сумскаго полка и приступлено къ задержанію безчинствовавшихъ. Одна толпа, числомъ до 400 человѣкъ, была окружена и доставлена въ манежъ, а другая, безобразничавшая близъ Срѣтенскихъ воротъ, введена въ домъ Воробьева. По выясненіи задержанныхъ въ манежѣ и во дворѣ Воробьева, арестованы 16 студентовъ, два бывшихъ студента и одинъ лѣкарь, какъ руководители безпорядковъ; остальные, по перепискѣ ихъ, распущены по домамъ; всего же, включая вышепоименованныхъ въ теченіе дня за ослушаніе полиціи и руководительство безпорядками, арестовано 34 человѣка, въ томъ числѣ студентовъ университета и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—21, слушательницъ разныхъ женскихъ курсовъ—9 и постороннихъ—4. 26-го февраля, около 2 часовъ дня, на Охотнорядской площади образовалась толпа, приблизительно, въ 150 человѣкъ студентовъ, женщинъ и постороннихъ лицъ, которая была нарядомъ раздѣлена и часть ея оттѣснена и введена, въ числѣ 85 человѣкъ, въ манежъ, гдѣ была переписана; въ ней оказался 31 студентъ, изъ коихъ двое, какъ наиболѣе виновные, арестованы. Въ тотъ же день при полицейскихъ участкахъ задержано за попытки къ устройству уличныхъ безпорядковъ въ разныхъ частяхъ города 25 человѣкъ; въ томъ числѣ 15 студентовъ. Изъ числа задержанныхъ оставлены подъ стражей двое мужчинъ и одна женщина. Въ воскресенье, 4-го марта, въ 2 часа дня, на Тверскомъ бульварѣ демонстративно появившаяся толпа, около 70 человѣкъ, большинство которой составляли воспитанники техническаго училища, была окружена полиціей и введена во дворъ сосѣдняго дома; при задержаніи этой толпы собралась группа женщинъ, старавшихся возбудить сочувствіе любопытныхъ осужденіемъ дѣйствій полиціи; женщины эти, въ числѣ 9-ти, были также задержаны; затѣмъ, участники безпорядковъ, въ числѣ 67, переписаны, и изъ нихъ арестовано 11 воспитанниковъ техническаго училища, 1 студентъ московскаго университета и 3 женщины. За время всѣхъ происходившихъ въ Москвѣ въ указанные дни безпорядковъ не было никакихъ столкновеній и дракъ толпы съ полиціей и вызывавшимися ей въ помощь военными командами при удержаніи и арестованіи виновныхъ. Относительно всѣхъ виновныхъ производится разслѣдованіе подлежащими учебными начальствами и административными властями.

„4-го сего марта, въ С.-Петербургѣ, около 11 часовъ утра, къ Казанскому собору стали подходить группы разнаго званія лицъ, которыя расположились въ самомъ соборѣ, вокругъ него и на площади; къ 12-ти часамъ толпа значительно пополнилась студентами столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницами разныхъ женскихъ курсовъ, такъ что паперть колоннады собора, скверъ и боковые проѣзды оказались сплошь занятыми толпой, числомъ около 3.000 человѣкъ. На требованія полиціи разойтись бо̀льшая часть присутствовавшихъ не обращала вниманія. Въ толпѣ распространялись по рукамъ разные листки, а одинъ студентъ, около дверей собора, началъ громкимъ голосомъ читать воззваніе отъ имени петербургскихъ студентовъ, съ предъявленіемъ разныхъ требованій; послышались возгласы и поднялись шумъ и крики; вслѣдствіе сего былъ вызванъ уси-

ленный нарядъ полиціи и казаковъ, который совершенно изолировалъ скопище на площади отъ окружавшей его и расположившейся большей частью по Невскому проспекту публики. При появленіи отряда, окруженная толпа, подаваясь назадъ, къ дверямъ собора, стала бросать въ войска и полицію разными предметами; нѣсколько студентовъ пытались при этомъ развернуть имѣвшіеся при нихъ красные и бѣлые флаги съ разными надписями, которые отъ нихъ были немедленно отобраны. Съ правой стороны собора часть толпы вступила въ борьбу съ разсѣивавшимъ ее нарядомъ полиціи и казаковъ, дѣйствуя палками и взятыми съ паперти желѣзными прутьями отъ ковровъ, и бросая галошами, обледенѣлымъ снѣгомъ и каменьями; въ это время брошеннымъ изъ толпы желѣзнымъ молоткомъ безъ рукоятки былъ раненъ въ голову командиръ 2-й сотни лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, есаулъ Исеевъ, причемъ ударъ былъ настолько силенъ, что названный офицеръ, окровавленный, выбылъ изъ строя. Увидѣвъ это, окружавшіе его казаки спѣшились и двинулись въ центръ толпившихся на паперти, гдѣ между ними и толпой завязалась драка, при чемъ часть буйствовавшихъ была оттиснута на площадь, окружена нарядомъ и отправлена подъ арестъ; часть же бросилась въ соборъ, при чемъ нѣкоторые остались въ фуражкахъ и даже курили папиросы; на замѣчаніе швейцара о прекращеніи такого безчинства въ церкви одинъ изъ студентовъ нанесъ ему ударъ по лицу; несмотря на возникшій въ церкви безпорядокъ и шумъ, богослуженіе продолжалось до конца; бо̀льшая же часть молящихся поспѣшила удалиться изъ храма черезъ боковыя двери. По закрытіи царскихъ вратъ, настоятель вышелъ на амвонъ для увѣщанія безчинствовавшихъ, но безуспѣшно, а на предложеніе покинуть соборъ одинъ изъ студентовъ, стоявшій сзади настоятеля, взялъ его за рукавъ рясы, совѣтуя, во избѣжаніе непріятностей, удалиться самому; затѣмъ толпа отодвинулась къ задней стѣнѣ собора для совѣщанія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, при чемъ большинство рѣшило не выходить изъ церкви по одиночкѣ и уничтожить все, что̀ при нихъ имѣлось компрометирующаго. Въ это время вошла полиція и убѣдила остававшуюся толпу, въ числѣ около 300 человѣкъ, покинуть соборъ и слѣдовать въ Казанскую часть. Площадь передъ соборомъ была очищена отъ производившихъ безпорядки къ часу дня, послѣ чего чины наряда полиціи и казаковъ вынуждены были въ теченіе нѣсколькихъ часовъ устранять скопленіе на Невскомъ собравшихся, къ сожалѣнію, въ громадномъ количествѣ между Садовой улицей и Полицейскимъ мостомъ любопытствовавшихъ, крайне стѣснявшихъ дѣйствія полиціи. Всего задержано 4-го марта 760 человѣкъ, изъ коихъ 339 студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы, 377 женщинъ, преимущественно слушательницъ разныхъ женскихъ курсовъ, и 44 постороннихъ. Во время драки съ толпой раненъ вышеназванный есаулъ Исеевъ и нанесенъ сильный ударъ приставу подполковнику Вильчевскому; получили удары и пораненія, потребовавшія оказанія медицинской помощи, но не имѣющія серьезнаго характера—20 городовыхъ и 4 казака, а изъ числа арестованныхъ—18 мужчинъ и 14 женщинъ. О виновникахъ безпорядковъ производится дознаніе".

8-го марта обнародовано обязательное постановленіе с.-петербургскаго градоначальника, изданное на основаніи ст. 15 и пп. 1 и 2 ст. 16 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Прил. къ ст. 1 Уст. о пред. и пресѣч. пр., Св. Зак. т. XIV), слѣдующаго содержанія:

Ст. 1-я. Сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ, для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, воспрещаются. Ст. 2-я. При возникновеніи уличнаго безпорядка, скопленіе сторонней публики на перечисленныхъ въ ст. 1-й и ближайшихъ къ мѣсту происшествія мѣстахъ—воспрещается. Ст. 3-я. Вышеупомянутыя сходбища и собранія (ст. 1), а равно сторонняя публика (ст. 2), обязаны, по первому требованію полиціи, разойтись. Ст. 4-я. Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются, въ административномъ порядкѣ, аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до пятисотъ рублей. Ст. 5-я. Настоящее постановленіе вступаетъ въ законную силу со дня его распубликованія и распространяется на столицу и пригородныя мѣстности.

12-го марта разосланъ гг. губернаторамъ и оберъ-полиціймейстерамъ слѣдующій циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ:

„Въ концѣ минувшаго февраля и первыхъ числахъ текущаго марта общественный порядокъ и спокойствіе въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи были нѣсколько разъ нарушены уличными безпорядками.

„Изъ представленныхъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о ходѣ означенныхъ безпорядковъ я усмотрѣлъ, что хотя со стороны мѣстныхъ властей и были принимаемы къ ихъ устраненію признававшіяся ими соотвѣтственными мѣры, но во многихъ случаяхъ распоряженія полиціи едва ли могутъ быть признаны вполнѣ отвѣчающими требованіямъ той быстроты и рѣшительности, которыя представляются безусловно необходимыми для немедленнаго устраненія возникшаго безпорядка и возстановленія нарушенныхъ благочинія и общественнаго спокойствія. Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе и то, что подлежащія полицейскія власти, повидимому, недостаточно усвоили себѣ сознаніе, что органы полиціи въ равной, если даже не въ большей степени, обязаны изыскивать мѣры не только къ пресѣченію всякаго рода нарушеній закона, но въ особенности къ предупрежденію таковыхъ. Въ примѣненіи къ случаямъ уличныхъ безпорядковъ эта предупредительная дѣятельность полицейскихъ органовъ представляется особенно необходимою, такъ какъ своевременно изысканныя и правильно примѣненныя мѣры являются желательными именно въ то время, когда толпа только еще начинаетъ собираться на мѣсто безпорядковъ, дальнѣйшему развитію коихъ можетъ быть положенъ, такимъ образомъ, предѣлъ въ самомъ ихъ началѣ.

„Къ сожалѣнію, отсутствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должной распорядительности замѣчено мною, главнымъ образомъ, въ этотъ перво-

начальный, подготовительный періодъ безпорядковъ, что̀, конечно, влечетъ за собою необходимость прибѣгать къ серьезнымъ мѣрамъ для прекращенія безобразій со стороны толпы, самаго скопленія которой, быть можетъ, удалось бы избѣжать предупредительными распоряженіями. Равнымъ образомъ я не могу не отмѣтить и нѣкоторой медлительности властей въ соотвѣтственномъ примѣненіи имѣвшихся уже въ ихъ распоряженіи, по вызовѣ полицейскаго наряда и войскъ, достаточныхъ къ подавленію безпорядковъ средствъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, полиціею, за нѣсколько часовъ до момента, когда подготовлявшаяся заранѣе демонстрація обратилась въ уличный безпорядокъ, было уже, повидимому, замѣчено направленіе лицъ, намѣревавшихся произвести безпорядки, къ избранному для сего мѣсту; обращало на себя вниманіе и то, что независимо лицъ, непосредственно проникнувшихъ въ заранѣе избранное мѣсто, многіе собрались довольно значительными группами въ ближайшемъ сосѣдствѣ, оставаясь въ выжидательномъ положеніи. Мѣръ къ устраненію возникавшаго скопища, однако, своевременно принято не было, и дѣятельность полицейскихъ органовъ проявилась на дѣлѣ лишь тогда, когда собравшіеся успѣли сплотиться уже въ толпу, превышавшую нѣсколько сотъ человѣкъ, и отказались исполнить предъявленное имъ требованіе разойтись. Въ другомъ случаѣ уличный безпорядокъ, начавшійся въ срединѣ дня, при участіи около полутораста человѣкъ, постепенно возрастая, принялъ къ вечеру того же дня серьезные размѣры по числу участниковъ, для разсѣянія коихъ пришлось прибѣгнуть къ вызову войскъ. Между тѣмъ немедленное воздѣйствіе на собиравшуюся толпу и устраненіе скопленія публики въ самомъ началѣ, по всей вѣроятности, было бы достаточнымъ для недопущенія образованія большого скопища. Мнѣ извѣстенъ также случай, когда чины полиціи, замѣчая постепенное скопленіе лицъ, несомнѣнно собиравшихся въ данное мѣсто для недозволенныхъ цѣлей, въ теченіе болѣе часа ограничивались, повидимому, одними лишь слабыми увѣщаніями, приступивъ къ удаленію нарушающей порядокъ толпы съ мѣста происшествія спустя довольно значительный промежутокъ времени. Отсутствіемъ своевременно принятыхъ мѣръ я объясняю себѣ и предоставленную въ одномъ случаѣ возможность толпѣ образоваться около мѣста временнаго задержанія лицъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, и даже вступить въ переговоры съ заключенными. Наконецъ, неоднократно чины полиціи, вмѣсто того, чтобы не допускать никакихъ скопленій на улицахъ, приступали къ разсѣянію буяновъ уже послѣ соединенія ихъ въ болѣе или менѣе значительныя толпы, которыя до того безнаказанно двигались по улицамъ, съ шумомъ, криками и пѣснями, будучи притомъ сопровождаемы любопытными и другимъ празднымъ людомъ.

„Охраненіе общественнаго порядка и спокойствія, недопущеніе шумныхъ и безпорядочныхъ скопищъ и принятіе соотвѣтственныхъ по сему мѣръ составляютъ прямую обязанность чиновъ полиціи (ст. 113, 120 и 121 Уст. о пред. прест., п. 5 ст. 681, 688 и 726 Общ. губ. учр. т. II Св. Зак.), на отвѣтственность же губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полиціймейстеровъ законъ возлагаетъ принятіе, при возникновеніи безпорядковъ между обывателями, всѣхъ нужныхъ

дѣйствительнѣйшихъ и удобнѣйшихъ мѣръ для прекращенія сихъ безпорядковъ, вразумленія заблуждающихся и усмиренія ослушныхъ. Для сего они могутъ требовать содѣйствія войскъ и, въ случаѣ необходимости, силою и строгостью полагаютъ конецъ неустройствамъ.

„Не признавая возможнымъ давать какія-либо ближайшія указанія относительно самыхъ способовъ прекращенія безпорядковъ, такъ какъ способы эти, съ одной стороны, указаны закономъ, а съ другой, въ отношеніи выбора при ихъ примѣненіи, нерѣдко зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и условій времени и мѣста, я, тѣмъ не менѣе, въ силу возложенной на меня по закону обязанности охраненія внутренней безопасности въ имперіи, нахожу необходимымъ преподать гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полиціймейстерамъ нижеслѣдующія руководящія соображенія относительно мѣръ, признаваемыхъ мною наиболѣе цѣлесообразными, въ случаяхъ возникновенія безпорядковъ.

„Соотвѣтственно тѣмъ моментамъ, на которые можетъ быть расчленяемо самое разсматриваемое событіе, мѣры, въ отношеніи его принимаемыя, должны касаться: 1) предупрежденія возникновенія безпорядка; 2) прекращенія возникшаго безпорядка, и 3) возстановленія нарушеннаго порядка.

„Обращаясь къ разсмотрѣнію мѣръ первой категоріи, я прежде всего признавалъ бы желательнымъ, чтобы мѣстныя высшія губернскія власти озаботились изысканіемъ соотвѣтственныхъ способовъ къ тому, чтобы, по возможности, быть заранѣе освѣдомленными о замышляемомъ безпорядкѣ. Въ этихъ цѣляхъ надлежитъ обратить особое вниманіе на наблюдательную дѣятельность чиновъ полиціи. Полиція, при внимательномъ наблюденіи за элементами населенія, наиболѣе по условіямъ даннаго времени или мѣста склонными къ производству безпорядковъ, должна получить заблаговременно хотя бы нѣкоторыя указанія на подготовленіе безпорядка въ той или иной формѣ. По полученіи подобныхъ указаній или же свѣдѣній о начинающемся ненормальномъ скопленіи народа въ извѣстномъ районѣ, надлежитъ безотлагательно усилить мѣстный полицейскій нарядъ, главная обязанность коего должна первоначально заключаться въ принятіи мѣръ къ недопущенію скопленія публики и недозволенію лицамъ, замышляющимъ устройство безпорядка, соединиться въ толпу болѣе или менѣе значительнаго размѣра. Для сего чины полиціи должны въ это именно время тщательно наблюдать за появленіемъ на мѣстѣ группъ изъ нѣсколькихъ лицъ, остановками на улицѣ или тротуарѣ проходящихъ, не вызываемыми какими-либо основательными причинами, и т. п. Замѣтивъ подобное явленіе, чины полиціи обязаны немедленно предъявить требованіе разойтись, не останавливаться и слѣдовать своею дорогою, не загораживая свободнаго прохода другимъ. Требованіе это должно быть предъявлено въ вѣжливой, но непремѣнно авторитетной формѣ, и притомъ ко всѣмъ лицамъ, не взирая на ихъ званіе и положеніе и памятуя, что всѣ безъ различія обязаны безпрекословно подчиняться законнымъ требованіямъ полиціи. Неповинующихся такому требованію чинъ полиціи долженъ предупредить о послѣдствіяхъ неповиновенія, а въ случаѣ упорства—задержать и препроводить въ ближайшее полицейское помѣщеніе, для составленія протокола и при-

влеченія къ законной отвѣтственности. Въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе объ усиленной охранѣ, такія лица должны быть подвергаемы взысканію въ административномъ порядкѣ, для чего вездѣ должны быть своевременно изданы, на основаніи 15 и 16 ст. указаннаго положенія, соотвѣтственныя обязательныя постановленія о недопущеніи уличныхъ собраній и скопищъ.

„Если, однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры, лица, задавшіяся цѣлью произвести безпорядокъ, приступятъ къ дѣйствіямъ, клонящимся къ нарушенію общественнаго порядка и спокойствія, т.-е. соберутся въ скопище, не желающее разойтись, начнутъ производить шумъ, крикъ, произносить рѣчи, покушаться на оказаніе сопротивленія распоряженіямъ полиціи по задержанію того или другого лица и т. п., то на обязанность административныхъ и полицейскихъ чиновъ возлагается безотлагательное примѣненіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядка, а также къ удаленію съ мѣста послѣдняго любопытствующей публики, присутствіе которой нерѣдко въ значительной степени парализуетъ дѣятельность полицейскихъ чиновъ, отвлекая вниманіе ихъ отъ достиженія главнѣйшей цѣли и вынуждая ихъ удѣлять часть времени и средствъ второстепеннымъ задачамъ. При этомъ представляется безусловно необходимымъ придавать указаннымъ распоряженіямъ въ высшей степени энергичный характеръ, дабы быстрымъ и настойчивымъ образомъ дѣйствій заставить производящихъ безпорядокъ лицъ тотчасъ же разсѣяться и очистить мѣсто происшествія. Отсутствіе быстроты, энергіи и настойчивости со стороны чиновъ полиціи въ первый же моментъ возникновенія безпорядка несомнѣнно влечетъ за собою дальнѣйшее его развитіе и необходимость затѣмъ примѣненія крайнихъ мѣръ. Въ этотъ моментъ всѣ чины полиціи должны быть проникнуты одною лишь цѣлью: достигнуть быстраго возстановленія порядка во что бы то ни стало и принимать всѣ надлежащіе къ тому способы, не останавливаясь передъ необходимостью дѣйствовать строгостью и силою.

„Для достиженія требуемаго результата представляется безусловно необходимымъ, чтобы всѣ дѣлаемыя по сему поводу распоряженія исходили отъ одного авторитетнаго лица, находящагося притомъ непосредственно на мѣстѣ происшествія.

„Совершенно соотвѣтственнымъ являлось бы, по мнѣнію моему, чтобы въ этихъ случаяхъ непосредственное главное руководство чинами полиціи на мѣстѣ принимали на себя лично гг. губернаторы, градоначальники и оберъ-полиціймейстеры; буде же лица эти, по особо важнымъ причинамъ, не могли бы принятъ на себя эту обязанность, на мѣстѣ безпорядка должно, во всякомъ случаѣ, находиться уполномоченное ими на то лицо, которое и обязано единолично дѣлать надлежащія распоряженія. При возникновеніи безпорядковъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ каждое изъ нихъ должно быть назначено особое лицо изъ старшихъ и наиболѣе опытныхъ полицейскихъ чиновъ, которое и принимаетъ необходимыя мѣры подъ личною своею за нихъ отвѣтственностью. Въ распоряженія полиціи отнюдь не должно быть допускаемо вмѣшательство, въ какой бы то ни было формѣ, лицъ постороннихъ, не взирая на ихъ положеніе, чинъ или званіе; появленіе подобныхъ лицъ должно немедленно повлечь за собою ихъ задер-

жаніе. Нижнихъ полицейскихъ чиновъ слѣдуетъ избѣгать ставить въ положеніе самостоятельныхъ распорядителей; имъ должно быть внушено, что личная иниціатива съ ихъ стороны въ принятіи какихъ-либо мѣръ можетъ быть допущена лишь въ исключительныхъ и отдѣльныхъ случаяхъ. По сему представляется необходимымъ имѣть въ составѣ дѣйствующаго на мѣстѣ полицейскаго наряда возможно бо̀льшее число полицейскихъ офицеровъ и чиновниковъ, на обязанность коихъ и должно быть возложено руководительство нижними чинами и строгое наблюденіе за ихъ дѣйствіями.

„При невозможности прекратить безпорядокъ наличными силами полиціи, законъ уполномочиваетъ прибѣгать для сего къ содѣйствію войскъ. Мѣра эта не должна, однако, быть употребляема безъ серьезной къ тому необходимости, такъ какъ пріучать толпу къ вызову войска, если дѣйствіе послѣдняго ограничивается пассивнымъ присутствіемъ на мѣстѣ безпорядка, совершенно нежелательно. Слѣдуетъ, напротивъ, вселить въ населеніи увѣренность, что появленіе войска указываетъ не только на возможность, но и на необходимость употребить въ дѣло оружіе. Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ вызову пѣхотныхъ частей; что же касается кавалеріи, то своевременный вызовъ послѣдней, не исключительно въ цѣляхъ употребленія оружія, представляется иногда весьма соотвѣтственнымъ и желательнымъ.

„По прибытіи войска, по вызову гражданскаго начальства, послѣднее, въ силу закона (пп. 15 и 16 Прилож. къ ст. 316 (прим.) т. II Общ. губ. учр.), отнюдь не должно присвоивать себѣ права распоряженія нижними воинскими чинами; оно ограничивается сообщеніемъ прибывшему на мѣсто старшему начальнику военнаго отряда о положеніи дѣла, а также передаетъ ему указанія о цѣли, которой имѣется въ виду достигнуть; затѣмъ на обязанности старшаго на мѣстѣ представителя гражданской власти остается, по исчерпаніи всѣхъ зависящихъ отъ него средствъ къ усмиренію неповинующихся, опредѣленіе времени, когда войска должны прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ.

„По подавленіи возникшаго безпорядка, разсѣяніи буйствующей толпы и очищеніи мѣста сборища, дѣйствія полиціи должны немедленно принять снова вполнѣ спокойный и нормальный характеръ. Чины полиціи должны постоянно помнить, что имъ по закону не предоставлено карательной власти, а насколько отъ нихъ требуется энергія и принятіе самыхъ строгихъ и иногда даже чрезвычайныхъ мѣръ при подавленіи безпорядка, настолько послѣдующая ихъ дѣятельность должна быть основана на точномъ и хладнокровномъ примѣненіи закона и направляться, главнымъ образомъ, къ облегченію возможности правильнаго разслѣдованія дѣла и привлеченія виновныхъ въ безпорядкахъ къ отвѣтственности. Поэтому старшіе чины полиціи на мѣстѣ дѣйствія должны обращать особое вниманіе на то, чтобы подчиненные имъ младшіе чины, при задержаніи замѣченныхъ въ участіи въ безпорядкѣ лицъ, препровожденіи ихъ въ мѣста заключенія, возстановленіи пріостановленнаго движенія на улицахъ и т. п., всегда соблюдали должное спокойствіе, отнюдь не дозволяя себѣ дѣйствій, не вызываемыхъ болѣе необходимостью.

„Предлагая гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-поли-

ціймейстерамъ изложенныя выше указанія къ обязательному руководству и точному исполненію, я твердо увѣренъ, что при внимательномъ, разумномъ и строгомъ отношеніи къ дѣлу со стороны подлежащихъ властей, уличные безпорядки имѣть мѣста *не должны*, а посему своевременное принятіе мѣръ къ ихъ предупрежденію и прекращенію я возлагаю на личную строгую отвѣтственность всѣхъ обязанныхъ къ тому по закону должностныхъ лицъ.

„Съ содержаніемъ настоящаго циркуляра предлагаю ознакомить всѣхъ высшихъ и низшихъ чиновъ полиціи, съ преподаніемъ имъ надлежащихъ по сему разъясненій и указаній“.

На основаніи 2-й части статьи 42-й устава Союза взаимопомощи русскихъ писателей при Русскомъ литературномъ обществѣ, с.-петербургскимъ градоначальникомъ, 12-го марта, сдѣлано распоряженіе о закрытіи этого союза. Вторая часть ст. 42-ой устава союза была изложена такъ: независимо отъ предоставленнаго с.-петербургскому градоначальнику (ст. 321 и 863 Общ. Губ. Учр.) права закрывать общественныя собранія при обнаруженіи въ нихъ чего-либо противнаго государственному порядку и общественной безопасности и нравственности, градоначальникъ можетъ закрыть союзъ всегда, когда признаетъ это нужнымъ по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о безпорядкѣ или нарушеніяхъ устава.

Возвращаемся къ московскому агрономическому съѣзду, о которомъ мы упомянули, мѣсяцъ тому назадъ, по поводу постановленія его, относившагося къ мелкой земской единицѣ. Засѣданія съѣзда, продолжавшіяся десять дней, отличались рѣдкимъ оживленіемъ. Всѣ шесть секцій, на которыя онъ раздѣлялся, работали усиленно; въ общемъ собраніи происходили интересныя пренія по вопросамъ, въ высшей степени важнымъ для народной массы. Любопытны цифры, характеризующія личный составъ съѣзда: изъ 315 его членовъ представителей земствъ, губернскихъ и уѣздныхъ, было 26, земскихъ агрономовъ, инструкторовъ и статистиковъ—97, профессоровъ—18, директоровъ и преподавателей среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ—18, уполномоченныхъ министерства земледѣлія по сельско-хозяйственной части, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ хозяйства, а также представителей опытныхъ полей и фермъ—46, представителей сельско-хозяйственной печати—5, представителей и агрономовъ обществъ сельскаго хозяйства—75, лицъ разныхъ другихъ категорій—32. Итакъ, представители земствъ (выборные и невыборные) располагали только одною,

съ небольшимъ, третью голосовъ; не изъ нихъ однихъ составлялось, слѣдовательно, то значительное большинство, которымъ разрѣшены главнѣйшіе вопросы, подлежавшіе обсужденію съѣзда. Само собою разумѣется, притомъ, что разногласіе возникало иногда и между земскими членами съѣзда.

Въ тѣсной связи съ извѣстнымъ уже нашимъ читателямъ постановленіемъ съѣзда о мелкой земской единицѣ стоятъ его взгляды на многія другія стороны народной жизни. Вниманіе съѣзда было обращено на образующіяся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. въ губерніяхъ самарской, вятской, курской, полтавской) сельско-хозяйственныя общества *малаго раіона*, обнимающія собою, бо̀льшею частью, только одну волость и нерѣдко достигающія довольно удовлетворительныхъ результатовъ (неудачу они потерпѣли только въ костромской губерніи). Не отрицая пользы подобныхъ обществъ для повышенія какъ общей, такъ и сельско-хозяйственной культуры, съѣздъ нашелъ, что они, какъ союзы добровольные, не представляютъ собою интересы всѣхъ слоевъ сельскаго населенія и не могутъ, слѣдовательно, замѣнить мелкую земскую единицу. Особенно желательнымъ учрежденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ вообще и обществъ „малаго раіона“ въ особенности съѣздъ призналъ въ губерніяхъ неземскихъ, не потому, конечно, чтобы они могли замѣнить собою земскія учрежденія, а потому, что они способны хоть нѣсколько удовлетворить назрѣвающія нужды населенія. По справедливому указанію съѣзда, въ неземскихъ губерніяхъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ слѣдовало бы предоставить право облагать своихъ членовъ не одинаковымъ для всѣхъ и потому слишкомъ высокимъ для многихъ взносомъ, а по соразмѣрности съ платежной силой каждаго. Пренія о мелкомъ кредитѣ, коснувшіяся всѣхъ различныхъ его формъ (волостныхъ кассъ, сельскихъ банковъ, кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ) привели съѣздъ къ убѣжденію въ наибольшей цѣлесообразности кредитныхъ товариществъ, какъ не требующихъ образованія паевъ (часто фиктивныхъ и во всякомъ случаѣ затрудняющихъ вступленіе въ товарищество) и всего легче допускающихъ контроль и участіе земства. И здѣсь съѣздъ возлагаетъ особыя надежды на мелкую земскую единицу; пока ея нѣтъ, онъ рекомендуетъ величайшую осторожность въ учрежденіи кредитныхъ товариществъ, въ виду затруднительности правильнаго контроля надъ ихъ операціями. Мелкая земская единица играла большую роль и въ преніяхъ о задачахъ мѣстныхъ агрономовъ. Указывалось на возможность и пользу прямыхъ сношеній между агрономами и отдѣльными общинами, сельскохозяйственными обществами, волостными собраніями опытныхъ хозяевъ; но съѣздъ, не отвергая ни одного изъ этихъ способовъ распространенія агрономи-

ческихъ свѣдѣній, все-таки призналъ, что живая связь агрономической организаціи съ населеніемъ можетъ осуществиться лишь тогда, когда на мѣстахъ будутъ существовать „мелкіе общественные органы, обезпечивающіе развитіе общественной самодѣятельности".

Другая основная мысль, къ которой много разъ, по различнымъ поводамъ, возвращался съѣздъ—это необходимость устраненія или уменьшенія искусственныхъ преградъ, стоящихъ на пути сельско-хозяйственнаго развитія. Къ числу такихъ преградъ относятся, напримѣръ, дѣйствующія правила о допущеніи и недопущеніи сельско-хозяйственныхъ изданій въ школы, библіотеки и читальни. На съѣздѣ выяснилось, что недопущенными могутъ оказаться даже такія изданія, которыя *одобрены* ученымъ комитетомъ министерства земледѣлія! Съѣздъ призналъ желательнымъ, чтобы всѣ безъ исключенія книги, касающіяся сельскаго хозяйства, были допущены къ свободному обращенію какъ въ школахъ, такъ и въ библіотекахъ и читальняхъ, и чтобы ученый комитетъ министерства земледѣлія составлялъ періодически каталоги сочиненій, имъ одобренныхъ [1]. Рѣшено также возбудить ходатайство о дозволеніи издавать, въ малороссійскихъ губерніяхъ, на малорусскомъ языкѣ, брошюры и періодическія изданія по сельскому хозяйству [2]. Находя, что однимъ изъ лучшихъ средствъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній служатъ сельско-хозяйственныя чтенія и бесѣды, съѣздъ призналъ въ высокой степени важнымъ и желательнымъ, чтобы ихъ устройство было включено въ программу дѣятельности агрономовъ, какъ земскихъ, такъ и правительственныхъ, и учителей, какъ мѣстныхъ, такъ и странствующихъ, и предоставлено сельско-хозяйственнымъ обществамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ пришелъ къ заключенію, что необходимо было бы облегчить открытіе бесѣдъ и чтеній, замѣнивъ нынѣ дѣйствующія правила простымъ обязательствомъ заблаговременно сообщать мѣстной полицейской власти о времени, мѣстѣ и предметѣ чтенія или бесѣды. Убѣжденіемъ съѣзда, что излишняя регламентація задерживаетъ и извращаетъ нормальный ходъ народной жизни, объясняется, далѣе, рѣзкій отпоръ, встрѣченный предложеніемъ „регулировать общинное землевладѣніе если не законодательнымъ путемъ, то по крайней мѣрѣ со стороны мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ учрежденій—

---

[1] Въ настоящее время ученый комитетъ министерства земледѣлія разсматриваетъ только тѣ книги, которыя представлены ему самими авторами или издателями. Во время преній на съѣздѣ было выражено вполнѣ основательное желаніе, чтобы разсмотрѣнію комитета подлежало все выходящее вновь по данной отрасли знаній.

[2] О неудобствахъ нынѣ дѣйствующаго порядка даетъ понятіе запретъ на сельско-хозяйственныя брошюры г. Чикаленка (см. Обществ. Хронику въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1900 г.).

земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ, земскихъ агрономовъ и сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ". Одинъ изъ немногихъ защитниковъ предложенія пытался объяснить отрицательное отношеніе къ нему большинства словами: „земскій начальникъ", который, „какъ жупелъ, запугали собраніе". На это былъ данъ отвѣтъ, что земскій начальникъ страшенъ для общины не какъ жупелъ, а какъ „реальная власть, связывающая свободу общины и весьма часто налагающая свое veto на ея рѣшенія". Нерасположеніе съѣзда къ административной опекѣ выразилось и въ преніяхъ о мелкомъ кредитѣ, отмѣтившихъ нежелательность вмѣшательства земскихъ начальниковъ въ внутренніе распорядки ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Успокоительно, въ этомъ отношеніи, подѣйствовало на съѣздъ заявленіе одного изъ его членовъ, что противъ такого вмѣшательства высказался недавно правительствующій сенатъ... Изъ того, что съѣздъ возставалъ противъ избытка регламентаціи, еще не слѣдуетъ, что ему дорога теорія безусловнаго невмѣшательства государства въ экономическую жизнь: наоборотъ, онъ стоитъ за правительственную и земскую поддержку предпріятій, полезныхъ для народной массы—всякаго рода коопераций въ сферѣ производства, кредита, потребленія и сбыта, напр., артельныхъ и общественныхъ сыроваренъ и маслодѣленъ. Искусственное ограниченіе общиннаго землевладѣнія съѣздъ отвергаетъ потому, что считаетъ эту форму землевладѣнія вполнѣ совмѣстною съ агрикультурными улучшеніями...

Большой интересъ представляютъ пренія и постановленія съѣзда по вопросу объ отношеніи между земствами губернскимъ и уѣздными, возбуждающему столько споровъ и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что съѣздъ коснулся этого вопроса только въ предѣлахъ своей компетенціи, т.-е. только съ агрономической точки зрѣнія; но полезное въ одной области земскаго хозяйства не можетъ не быть полезнымъ и во всѣхъ другихъ. На обсужденіе съѣзда вопросъ былъ поставленъ въ слѣдующей формѣ: слѣдуетъ ли признать желательнымъ какое-либо взаимодѣйствіе между губернскими и уѣздными земствами въ дѣлѣ организаціи агрономической помощи, и если взаимодѣйствіе между ними въ области агрономической дѣятельности желательно, то какой именно типъ такого взаимодѣйствія представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Предсѣдатель московской губ. земской управы, Д. Н. Шиповъ (предсѣдательствовавшій въ одной изъ секцій съѣзда), сообщилъ съѣзду, что въ настоящее время существуютъ три типа организаціи земской агрономической дѣятельности. Первый типъ основанъ на принципѣ централизаціи: губернское земство несетъ всѣ расходы по агрономической помощи населенію, приглашаетъ уѣздныхъ агрономовъ, которые дѣйствуютъ по его про-

граммѣ и подъ контролемъ губернской управы и губернскаго агронома; такова организація въ вятской, нижегородской, пермской (до 1900 г.) и херсонской губерніяхъ. Второй типъ основанъ на принципѣ общей работы и взаимодѣйствіи между губернскимъ и уѣздными земствами, причемъ уѣздныя земства пользуются полной самостоятельностью и автономіей въ своей агрономической дѣятельности; иниціативу въ разрѣшеніи вопросовъ принимаетъ на себя губернское земство, но она можетъ исходить и отъ уѣздовъ; объединеніе достигается путемъ съѣздовъ агрономовъ, членовъ экономическихъ совѣтовъ, предсѣдателей управъ для совмѣстнаго обсужденія и разработки вопросовъ; такова организація въ московской, курской, самарской, уфимской, ярославской и новгородской губерніяхъ. Третій типъ представляетъ разобщенность уѣздныхъ агрономическихъ организацій, которыя работаютъ обособленно и отдѣльно по разнымъ программамъ; къ этому типу принадлежатъ губерніи владимірская, воронежская, калужская, орловская, саратовская, тамбовская, черниговская, таврическая и олонецкая. Почти всѣ члены съѣзда, принимавшіе участіе въ преніяхъ, стали на сторону второго типа; за него энергично высказался и Д. Н. Шиповъ, котораго печать извѣстнаго оттѣнка такъ охотно выставляетъ врагомъ самостоятельности и самодѣятельности уѣздныхъ земствъ. По мнѣнію Д. Н. Шипова, всѣ практическія мѣропріятія должны находиться въ рукахъ уѣздовъ, но для объединенія агрономической дѣятельности необходимо содѣйствіе губернскаго земства. Иниціатива въ возбужденіи вопросовъ должна принадлежать какъ уѣзднымъ земствамъ, такъ и губернскому; земства уѣздныя и губернское „должны работать какъ два равноправныхъ члена, идти рука объ руку, при полномъ взаимномъ довѣріи“.

За второй типъ подало голосъ подавляющее большинство съѣзда. Между этимъ рѣшеніемъ и недавними постановленіями московскаго губернскаго земскаго собранія, подробно разобранными въ нашемъ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи, нѣтъ никакого принципіальнаго различія; и тамъ, и тутъ имѣется въ виду общее, дружное дѣйствіе губерніи и уѣздовъ. Если съѣздъ не коснулся *условій*, на которыхъ можетъ быть оказываема уѣздамъ губернская помощь — условій, указанныхъ московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ,— то это объясняется разницей въ задачахъ того и другого: съѣзду достаточно было намѣтить, въ общихъ, всюду примѣнимыхъ чертахъ, наилучшій *типъ* междуземскихъ отношеній, — а московскому губернскому собранію предстояло опредѣлить, для своей губерніи, конкретную ихъ форму. Систематическихъ враговъ земства, видящихъ въ данномъ вопросѣ только удобное поле борьбы противъ земскихъ учреж-

деній, рѣшеніе съѣзда конечно, не переубѣдитъ и не успокоитъ; но есть основаніе надѣяться, что оно сгладитъ разногласія, существующія среди самихъ земцевъ, и облегчитъ соглашеніе между сторонниками уѣздной самодѣятельности и защитниками губернской иниціативы.

Нельзя не привѣтствовать рѣшеніе съѣзда и потому, что оно служитъ косвеннымъ опроверженіемъ взглядовъ извѣстнаго писателя, авторитетомъ котораго такъ охотно прикрываются наши земствофобы. Продолжая осуждать образъ дѣйствій московскаго губернскаго земскаго собранія, Б. Н. Чичеринъ [1]) присоединяетъ къ своимъ прежнимъ доводамъ новые, преимущественно юридическаго свойства. „Для утвержденія самостоятельности юридической единицы на прочныхъ основахъ"—говоритъ высокоуважаемый писатель—„существуетъ только одно средство: точное опредѣленіе правъ и обязанностей. Это—азбука юриспруденціи. Всѣ сложныя юридическія тѣла, состоящія изъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ единицъ, основаны на этихъ правилахъ. Собственный нашъ законъ требуетъ раздѣленія земскихъ дѣлъ на губернскія и уѣздныя. Постановивъ общимъ правиломъ, что мѣстныя дѣла должны быть въ вѣдѣніи уѣздовъ, а общія — въ вѣдѣніи губерніи, онъ предоставляетъ самимъ земствамъ болѣе подробное разграниченіе вѣдомствъ. Но именно этого московское земство знать не хочетъ. Оно находитъ разграниченіе вѣдомствъ совершенно излишнимъ. Одно и то же учрежденіе можетъ быть и въ вѣдѣніи губерніи, и въ вѣдѣніи уѣзда... Коренной вопросъ о различіи компетенціи, который для всякаго западнаго юриста составлялъ бы основаніе, на которомъ только и можно построить правильныя отношенія,—у насъ вовсе даже и не поднимается... Въ этомъ нельзя не видѣть печальнаго наслѣдія всего нашего прошлаго, котораго главный грѣхъ состоялъ въ чрезмѣрно слабомъ развитіи сознанія права. Вслѣдствіе этого, крѣпостное состояніе, начавшееся съ едва замѣтныхъ ограниченій, достигло, наконецъ, самыхъ широкихъ размѣровъ. И нынѣ, когда оно уничтожено, хаотическое состояніе права составляетъ главную язву нашего крестьянскаго быта. Этотъ недостатокъ отражается и на всѣхъ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Конечно, гораздо проще и легче оставить все въ неопредѣленномъ состояніи и рѣшать дѣла каждый разъ, какъ Богъ внушитъ. Но именно это—признакъ варварскаго состоянія общества".

Тяжесть обвиненія, взводимаго здѣсь на московское губернское земство, — а слѣдовательно и на всѣ другія, идущія тѣмъ же путемъ, — равняется его незаслуженности. Точное разграниченіе

---

[1]) См. № 348 „С. Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1900 г.

предметовъ вѣдомства между земствами губернскимъ и уѣздными могло бы выразиться только въ детальной, постоянно растущей регламентаціи, меньше всего благопріятной для живого развитія земскаго дѣла. Представимъ себѣ, напримѣръ, что земская агрономія была бы отдана исключительно и всецѣло въ вѣдѣніе губернскаго земства. Отдаленная отъ населенія, на которое она должна вліять, лишенная поддержки мѣстныхъ жителей, она легко могла бы пріобрѣсти именно тотъ бюрократическій характеръ, который совершенно напрасно усматривается въ образѣ дѣйствій московскаго губернскаго земства. Въ уѣздахъ чувствовался бы недостатокъ въ агрономической помощи, во всякое время близкой и готовой; она являлась бы только въ лицѣ сотрудниковъ губернскаго агронома, іерархически подчиненныхъ своему начальнику. Еслибы, наоборотъ, агрономическое дѣло было признано исключительно уѣзднымъ, представители его шли бы въ разбродъ, часто не зная о томъ, что предпринимается рядомъ съ ними, при условіяхъ аналогичныхъ или совершенно однородныхъ; средства, состоящія въ ихъ распоряженіи, были бы до крайности различны, — а въ иныхъ уѣздахъ агрономической помощи населенію не было бы вовсе.

Предупредить или устранить всѣ эти неудобства можно только „взаимодѣйствіемъ", плодотворность котораго давно доказана на практикѣ. Опытъ многихъ губерній удостовѣряетъ, что въ положеніи вещей, пугающемъ Б. Н. Чичерина, нѣтъ рѣшительно ничего ненормальнаго; одно и то же учрежденіе можетъ находиться въ одно и то же время въ вѣдѣніи и губерніи, и уѣзда, и несмотря на это—или, лучше сказать, *благодаря* этому, — процвѣтать и развиваться. Дѣятельность губерніи не совпадаетъ, въ подобныхъ случаяхъ, съ дѣятельностью уѣзда, не врѣзывается въ нее, не повторяетъ и не переиначиваетъ ею сдѣланнаго, а служитъ для нея дополненіемъ или поддержкой. Уѣздъ ни къ чему не вынуждается: онъ принимаетъ или отклоняетъ предлагаемыя ему условія, сохраняя во всемъ остальномъ полную свободу дѣйствій. Могутъ, конечно, встрѣчаться уклоненія отъ этой нормы — но не по нимъ слѣдуетъ судить о самой системѣ. Тамъ, гдѣ она функціонируетъ правильно, она не даетъ никакого повода вызывать призракъ былыхъ временъ, говорить о безправіи, которое они намъ оставили въ наслѣдство. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что изъ всѣхъ областей русской государственной и общественной жизни, меньше всего правонарушеній совершается именно въ земской сферѣ. Это, очевидно, сознавалъ и агрономическій съѣздъ, постановляя свое заключеніе по вопросу о взаимодѣйствіи губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій... Замѣтимъ, наконецъ, что даже съ чисто юридической точки зрѣнія уѣздныя земства вовсе не

являются безправными по отношенію къ губернскому: если, по мнѣнію уѣзднаго земства, постановленіемъ губернскаго земскаго собранія нарушены законные интересы уѣзда, постановленіе это можетъ быть обжаловано Прав. Сенату.

Общій выводъ изъ работъ агрономическаго съѣзда сдѣланъ весьма удачно въ рѣчи, произнесенной, при его закрытіи, А. М. Зиновьевымъ (херсонскимъ губернскимъ земскимъ агрономомъ). „Русская дѣйствительность"—сказалъ ораторъ — „выдвинула на съѣздѣ массу насущныхъ нуждъ сельскаго хозяйства. Большинство этихъ нуждъ связывается однимъ признакомъ — неотложностью ихъ удовлетворенія, но надъ всѣми нуждами доминируетъ *неудовлетворенность въ общественности*... Отрадно отмѣтить, что на съѣздѣ, несмотря на его разнообразный составъ, никто не усомнился въ своевременности и неотложности сельско-хозяйственныхъ улучшеній для массы населенія, при посредствѣ организованной сельско-хозяйственной помощи. Московское земство дало блестящій образецъ того, насколько плодотворна работа земскихъ агрономовъ, а первый всероссійскій съѣздъ торжественно призналъ за земскими агрономами законное право гражданства въ Россіи. Но нужно еще открыть агроному широкій доступъ къ сознанію массы еще малограмотнаго населенія, нужно развязать путы, мѣшающія широкому развитію русской общественности, нужна помощь населенію въ пріисканіи денежныхъ средствъ для правильной постановки сельскаго хозяйства. Тогда только исчезнетъ громадная пропасть, отдѣляющая нынѣ сельскохозяйственную науку и уровень спеціальныхъ знаній вообще отъ уровня развитія массы населенія. Тогда свѣтъ сельско-хозяйственныхъ знаній широкой волной прольется въ массу населенія, и изъ мертвой природы сельскіе хозяева и земледѣльцы исторгнутъ новые милліоны народнаго богатства".

Вполнѣ присоединяясь къ этимъ словамъ, мы надѣемся, что ходатайство съѣзда о періодическомъ его созывѣ не пройдетъ безслѣдно, и прекрасно начатая работа не останется безъ столь же плодотворнаго продолженія.

Не меньше агрономическаго съѣзда заслуживаетъ вниманія съѣздъ дѣятелей по народному образованію, происходившій въ Москвѣ съ 1-го по 11-ое марта. Въ составъ этого съѣзда предполагалось сначала включить только директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, директоровъ учительскихъ семинарій и предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ (губернскихъ и уѣздныхъ) московскаго учебнаго округа; впослѣдствіи, по ходатайству московскаго губернскаго земскаго собранія, къ нимъ были присоединены предсѣдатели губернскихъ зем-

скихъ управъ и представители духовенства (также по одиннадцати губерніямъ, образующимъ московскій учебный округъ). Громадное большинство членовъ съѣзда состояло, такимъ образомъ, отчасти изъ должностныхъ лицъ учебнаго вѣдомства, отчасти изъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства; тѣмъ знаменательнѣе выводы, къ которымъ пришелъ съѣздъ. Съ особеннымъ интересомъ ожидалось заключеніе его по поводу проекта наказа училищнымъ совѣтамъ, встрѣтившаго столь единодушныя возраженія и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати [1]). Характеръ этого заключенія можно было до извѣстной степени предугадать уже по вступительной рѣчи предсѣдателя съѣзда, попечителя московскаго учебнаго округа. „Критика проекта наказа" — сказалъ г. попечитель — „не должна поглощать слишкомъ много дорогого намъ времени, такъ какъ этотъ проектъ уже достаточно обсуждался въ училищныхъ совѣтахъ и въ дирекціяхъ, *и недостатки его достаточно выяснены*".

Въ виду этихъ словъ представители дворянства и земства (кн. П. Н. Трубецкой и Д. Н. Шиповъ), говорившіе послѣ г. попечителя, могли ограничиться пожеланіемъ, чтобы развитіе начальной школы происходило по прежнему при взаимодѣйствіи правительства и общества. Дальнѣйшія засѣданія съѣзда не были публичны; свѣдѣнія о нихъ, проникшія въ печать, далеко не полны, но все-же даютъ довольно ясное понятіе о настроеніи и взглядахъ съѣзда. Вопросъ о томъ, нуженъ ли и желателенъ ли общій министерскій наказъ, вызвалъ горячій обмѣнъ мнѣній. Одни полагали, что общій наказъ долженъ быть составленъ, въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта, которымъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено, по указанію опыта и по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, составить такой наказъ и внести его на разсмотрѣніе комитета министровъ. Другіе думали, что предоставленіе министру народнаго просвѣщенія составить наказъ не есть еще обязательство, какъ видно и изъ того, что онъ не издавался 26 лѣтъ. Они полагали, что изданіе наказа не вызвано никакими существенными нуждами школьнаго дѣла, такъ какъ, при существующемъ Положеніи 1874 г., школьное дѣло расло и дало благіе результаты, и что при разнообразныхъ условіяхъ не только во всей Россіи, но и въ отдѣльныхъ губерніяхъ общій наказъ былъ бы немыслимъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и высказалось большинство съѣзда, признавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, желательнымъ изданіе мѣстныхъ инструкцій, составляемыхъ самими училищными совѣтами.

Затѣмъ на обсужденіе съѣзда былъ поставленъ вопросъ, можно

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстн. Европы" за 1901 г.

ли считать проектъ наказа существенно измѣняющимъ „Положеніе о начальныхъ училищахъ", Высочайше утвержденное 25 мая 1874 г. Во время преній нѣкоторыми членами высказывалось мнѣніе, что наказъ составленъ согласно основнымъ началамъ Положенія, и что вводимыя имъ измѣненія „стремятся только къ установленію порядка и однообразія въ веденіи школьнаго дѣла"; но возраженія противъ этого мнѣнія были, очевидно, весьма вѣски и сильны, такъ какъ въ концѣ-концовъ съѣздъ *единогласно* нашелъ наказъ существенно измѣняющимъ положеніе всѣхъ органовъ, завѣдующихъ, въ силу закона 1874 года, народнымъ образованіемъ. Столь же единогласно признаны были нежелательными какія бы то ни было принципіальныя измѣненія въ вышеупомянутомъ законѣ. Присоединяясь къ неоднократно повторявшимся земскимъ ходатайствамъ, съѣздъ высказался за включеніе въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ качествѣ третьяго члена отъ земства, предсѣдателя уѣздной земской управы. Возбужденный нѣкоторыми членами съѣзда вопросъ о включеніи въ число членовъ совѣта земскихъ начальниковъ съ правомъ голоса по дѣламъ училищъ всего уѣзда не встрѣтилъ поддержки главнымъ образомъ потому, что присутствіе въ совѣтѣ такой большой группы новыхъ членовъ нарушило бы равномѣрное соотношеніе этой группы съ другими группами членовъ совѣта. Полномочія лицъ, избираемыхъ предводителемъ для наблюденія за школами, на основаніи ст. 41-й Положенія 25 мая, съѣздъ совершенно правильно призналъ прекращающимися съ окончаніемъ срока, на который избранъ предводитель. Разсмотрѣвъ подробно вопросъ о выборѣ кандидатовъ на учительскія мѣста, съѣздъ нашелъ, что этотъ вопросъ совершенно выясненъ циркулярнымъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія 3 мая 1875 г. и разъясненіемъ Правительствующаго Сената отъ 15 іюня 1883 г. Изъ этихъ разъясненій видно, что въ назначеніи учителей надо различать три момента: 1) пріисканіе или избраніе кандидата, лежащее прежде всего на обязанности учредителей или содержателей училищъ и затѣмъ уже на инспекторахъ (проектъ наказа предоставлялъ избраніе учителя инспектору, безъ всякой оговорки относительно законныхъ правъ учрежденія или лица, содержащаго школу); 2) допущеніе избранныхъ кандидатовъ къ учительскимъ обязанностямъ, что принадлежитъ исключительно инспектору, и 3) утвержденіе въ учительскихъ должностяхъ, что принадлежитъ исключительно училищному совѣту. Разногласіе между содержателями училищъ и инспекторомъ при выборѣ кандидатовъ должно быть разрѣшаемо училищнымъ совѣтомъ. По вопросу о перемѣщеніи и увольненіи учителей должны быть приняты въ руководство тѣ же соображенія, какъ и при назначеніи; другими словами, право перемѣщенія и увольненія принадлежитъ училищному

совѣту при согласіи содержателя училища и инспектора. Если въ одномъ и томъ же училищѣ нѣсколько учителей, завѣдываніе училищемъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи должно быть возложено на одного изъ учителей, по избранію содержателя училища (проектъ наказа предоставлялъ выборъ завѣдующаго училищному совѣту); но въ учебномъ дѣлѣ никакой зависимости и подчиненія между учащими быть не должно.

Весьма важны и, большею частью, вполнѣ симпатичны и цѣлесообразны постановленія съѣзда по другимъ вопросамъ, не имѣющимъ отношенія къ проекту наказа училищнымъ совѣтамъ. Заботясь объ улучшеніи быта учащихъ въ народныхъ школахъ, съѣздъ возбудилъ ходатайства объ освобожденіи учителей изъ среды крестьянъ отъ подчиненія волостному суду и о предоставленіи всѣмъ учителямъ, прослужившимъ безупречно двадцать-пять лѣтъ, званія потомственнаго почетнаго гражданина. Никакимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, по мнѣнію съѣзда, не должно быть мѣста въ начальныхъ школахъ; слѣдовало бы, поэтому, отмѣнить ст. 31-ую устава 1828-го года, допускающую тѣлесное наказаніе въ приходскихъ училищахъ. Совмѣщеніе въ низшихъ начальныхъ школахъ обученія общаго и профессіональнаго съѣздъ, согласно съ много разъ выраженнымъ взглядомъ наиболѣе опытныхъ педагоговъ, нашелъ безусловно нежелательнымъ; распространеніе спеціальныхъ навыковъ и знаній (какъ ремесленныхъ, такъ и сельско-хозяйственныхъ) признано дѣломъ спеціальныхъ училищъ. Обученіе въ начальныхъ школахъ рисованію, черченію и женскимъ рукодѣльямъ не должно быть обязательно; для обученія ручному труду въ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ слишкомъ мало времени. Трехлѣтній курсъ ученья въ начальной школѣ слѣдовало бы замѣнить четырехлѣтнимъ. Экзамены, не только выпускные, но и переходные, большинство съѣзда нашло нужнымъ сохранить.

Принятыя съѣздомъ положенія по вопросамъ внѣ-школьнаго образованія такъ интересны, что мы приводимъ ихъ почти цѣликомъ. Съѣздъ высказался: 1) за возможно широкое развитіе и самостоятельную дѣятельность обществъ, имѣющихъ цѣлью внѣшкольное народное образованіе; 2) за предоставленіе законоучителямъ и учителямъ вести въ стѣнахъ школы бесѣды и чтенія для народа, съ обязанностью лишь доводить о томъ до свѣдѣнія ближайшаго начальства, т.-е. инспектора народныхъ училищъ или училищнаго совѣта; 3) за разрѣшеніе народныхъ чтеній, въ городахъ и селеніяхъ, мѣстнымъ начальствомъ, подъ наблюденіемъ священниковъ, учителей, попечителей школъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ; 4) за дозволеніе читать въ народныхъ аудиторіяхъ всѣ вообще книги, одобренныя министерствомъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ; 5) за допущеніе въ народныя библіотеки

и читальни всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій, дозволенныхъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ; 6) за разрѣшеніе вести въ народныхъ чтеніяхъ устныя бесѣды и объясненія по содержанію картинъ, показываемыхъ при помощи волшебнаго фонаря; 7) за отмѣну ограниченій, стѣсняющихъ открытіе воскресныхъ школъ, и 8) за расширеніе программы этихъ школъ до курса двухклассныхъ министерскихъ училищъ, съ правомъ вводить въ нее и дополнительные предметы, какъ общеобразовательные, такъ и профессіональные.

Если ходатайства, возбужденныя съѣздомъ по всѣмъ этимъ предметамъ, будутъ уважены, внѣ-школьное образованіе сразу сдѣлаетъ большой шагъ впередъ, давно уже составляющій предметъ пожеланій и земства, и печати. Что такой результатъ возможенъ — это явствуетъ изъ заключительной рѣчи г. предсѣдателя съѣзда, прямо выразившаго надежду, что труды съѣзда не пройдутъ безслѣдно. „По своему составу"—читаемъ мы въ той же рѣчи, —„нашъ съѣздъ подобенъ училищному совѣту, но только въ бо̀льшихъ размѣрахъ, захватывающихъ обширный учебный округъ. Различные представители, вѣдающіе дѣло народнаго образованія, соединились на этомъ съѣздѣ и отстаивали свои точки зрѣнія. Поэтому черезъ всѣ труды нашего съѣзда, какъ и слѣдовало ожидать, проходила борьба мнѣній и взглядовъ. Но борьба эта была вообще вполнѣ здоровая и плодотворная, такъ какъ она была проникнута лучшими стремленіями и чувствомъ законности и порядка. Участники съѣзда, объединились однимъ общимъ горячимъ и искреннимъ желаніемъ—найти наилучшіе законные пути, обезпечивающіе возможно бо̀льшій успѣхъ въ развитіи правильнаго народнаго образованія. При такихъ обстоятельствахъ столкновеніе мнѣній лишь полнѣе и всестороннѣе освѣщало дѣло и помогало намъ найти примиряющіе, наиболѣе правильные выходы". Эти слова позволяютъ думать, что опасность, угрожавшая начальной школѣ, миновала и что работать на ея пользу, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ, намѣченныхъ Положеніемъ 1874-го года, по прежнему будутъ имѣть возможность представители общества, на ряду съ о̀рганами правительства и духовенства.

Въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ внутреннихъ обозрѣній было выражено предположеніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири и Туркестана могутъ оказаться на-лицо, въ достаточномъ числѣ, элементы, необходимые для введенія суда присяжныхъ общаго и особаго состава. Въ подтвержденіе этой мысли выходящая въ Ташкентѣ газета „Русскій Туркестанъ" привела цѣлый рядъ интересныхъ соображеній. Особенности Туркестана — говоритъ газета — „географи-

ческія и этнографическія. По природѣ Туркестанъ представляетъ обширную пустынную страну, испещренную оазисами, въ которыхъ возможность искусственнаго орошенія создала всѣ условія для богатѣйшей культуры и для жизни густого населенія. Оазисы эти разной величины, начиная отъ нѣсколькихъ десятинъ и до обширныхъ площадей, достаточныхъ для населенія цѣлаго маленькаго государства. Между собой оазисы эти раздѣлены болѣе или менѣе обширными пространствами, настолько скудно орошаемыми, что они самою природой предназначены для рѣдкаго кочевого населенія, и нѣтъ никакой надежды на то, чтобы эти естественныя условія подверглись сколько-нибудь значительному измѣненію... Населеніе Туркестана состоитъ изъ двухъ весьма несродныхъ элементовъ: пришлаго русскаго населенія и туземцевъ, причемъ послѣдніе имѣютъ значительное численное преобладаніе. Это количественное отношеніе между русскимъ населеніемъ и туземнымъ, хотя, можетъ быть, и измѣняется въ пользу перваго, но настолько незначительно и медленно, что опять-таки нельзя разсчитывать въ будущемъ хоть сколько-нибудь близкомъ на то, чтобы русскій элементъ сталъ въ значительно иной пропорціи къ туземному, чѣмъ теперь, такъ какъ туркестанскій край не представляетъ условій, благопріятныхъ для массоваго переселенія земледѣльческаго или фабричнаго русскаго населенія. Группированіе населенія по оазисамъ, отдѣленнымъ обширными пустынями, и численное преобладаніе некультурныхъ туземцевъ, это—два такихъ условія, для измѣненія которыхъ понадобятся чуть ли не цѣлые вѣка. Не эти ли условія повліяли отрицательно на мнѣніе коммиссіи по преобразованію судебной части при рѣшеніи ею вопроса о введеніи въ Туркестанѣ суда присяжныхъ? До сихъ поръ судъ присяжныхъ вводился въ цѣлыхъ губерніяхъ, въ цѣлыхъ областяхъ; въ туркестанскомъ же краѣ, по его географическимъ условіямъ, пришлось бы и судъ присяжныхъ вводить, такъ сказать, оазисами, и получилась бы пестрота судоустройства въ одной и той же области, что, конечно, имѣетъ свои неудобства. Съ другой стороны, большинство населенія края—туземцы, не подготовленные къ суду присяжныхъ и не могущіе дать для состава присяжныхъ достаточный контингентъ, по незнакомству съ государственнымъ языкомъ. Едва-ли было бы справедливо всю тяготу суда и надъ туземцами возложить на немногочисленное русское населеніе".

Выходъ изъ затруднительнаго положенія газета видитъ „въ примиреніи съ тѣмъ, чего нельзя перемѣнить". „Въ самомъ дѣлѣ" — продолжаетъ она,—„если Туркестанъ по природѣ своей и по населенію является пестрымъ, то пестрота судоустройства въ этомъ краѣ естественна и неизбѣжна; нежелательно избѣгать ея, ибо ни-

веллированіе подъ одно того, что по природѣ своей различно, едва-ли можетъ быть полезно. Справедливо ли лишать благодѣяній суда присяжныхъ русское населеніе Туркестана только потому, что оно горстью заброшено среди преобладающаго численностью туземнаго населенія, еще не подготовленнаго къ этому суду? Русское населеніе Туркестана ничѣмъ не отличается отъ населенія коренныхъ русскихъ губерній; оно составилось главнымъ образомъ изъ свободныхъ выходцевъ и переселенцевъ изъ этихъ губерній и принесло оттуда совершенное знакомство съ судомъ присяжныхъ, симпатію и довѣріе къ нему; кромѣ того, эта часть населенія Туркестана не заключаетъ въ себѣ, за немногими исключеніями, никакихъ политическихъ или религіозныхъ элементовъ, которые бы могли ослабить его политическую надежность, такъ что и съ этой стороны оно не уступаетъ населенію любой центральной губерніи. Наконецъ, русское населеніе также группируется, какъ и туземное, оазисами, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ большихъ городахъ края и около нихъ. Поэтому и въ туркестанскомъ краѣ, вездѣ, гдѣ только изъ наличнаго русскаго населенія можетъ быть составленъ необходимый контингентъ присяжныхъ засѣдателей, слѣдовало бы ввести судъ присяжныхъ общаго состава, по крайней мѣрѣ для разбора тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ подсудимыми или потерпѣвшими являются русскіе и иностранцы".

Еслибы оказалось возможнымъ ввести такой судъ только въ большихъ городахъ съ ихъ уѣздами, то въ этомъ не было бы ничего ненормальнаго: въ Туркестанѣ именно въ крупныхъ центрахъ и около нихъ возникаетъ и наибольшее число дѣлъ, въ томъ числѣ и наиболѣе серьезныя. Что касается до туземнаго населенія, то газета не видитъ препятствій къ введенію для него суда съ участіемъ присяжныхъ особаго состава въ тѣхъ мѣстностяхъ, „гдѣ контингентъ такихъ присяжныхъ нашелся бы достаточный среди русскаго населенія, съ присоединеніемъ туземцевъ, имѣющихъ образовательный цензъ. Половина уголовныхъ дѣлъ въ краѣ могла бы, такимъ образомъ, рѣшаться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или общаго, или особаго состава". Заканчиваетъ газета указаніемъ на необходимость точныхъ предварительныхъ изслѣдованій, съ цѣлью опредѣлить, могутъ ли въ данномъ городѣ или пунктѣ быть составлены списки присяжныхъ засѣдателей общаго или особаго состава.

Соглашаясь, вообще, съ разсужденіями „Русскаго Туркестана", мы считаемъ нужнымъ сдѣлать къ нимъ только двѣ оговорки. Намъ кажется, во-первыхъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нашлось бы достаточное число присяжныхъ общаго (или хотя бы особаго) состава, не было бы основанія ограничивать вѣдомство суда присяжныхъ дѣ-

лами, по которымъ подсудимыми или потерпѣвшими являются русскіе или иностранцы. Разъ что судъ присяжныхъ существуетъ, нѣтъ причины не подчинять ему туземцевъ, для которыхъ онъ представляетъ отнюдь не меньше гарантій чѣмъ судъ коронный, составленный исключительно изъ русскихъ. Во-вторыхъ, изъ мѣстностей, гдѣ вовсе нѣтъ или слишкомъ мало лицъ, подлежащихъ включенію въ списки присяжныхъ, важнѣйшія дѣла могли бы быть переносимы въ ближайшій по разстоянію пунктъ, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ. Нѣчто подобное проектъ учрежденія судебныхъ установленій вводитъ въ архангельской губерніи и въ кавказскомъ краѣ. Уголовныя дѣла, возникающія въ уѣздахъ кольскомъ и печорскомъ, предполагается разсматривать въ ближайшихъ къ нимъ городахъ другихъ уѣздовъ архангельской губерніи. На Кавказѣ и за Кавказомъ дѣла подлежащія, въ общемъ порядкѣ, производству съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, возникшія въ такихъ уѣздахъ, отдѣлахъ и округахъ, гдѣ не оказывается достаточнаго числа присяжныхъ засѣдателей, предполагается разсматривать въ ближайшихъ къ нимъ городахъ или иныхъ поселеніяхъ. Только въ этихъ послѣднихъ городахъ и поселеніяхъ будутъ изготовляемы общіе списки присяжныхъ засѣдателей и образуемы коммиссіи для составленія очередныхъ списковъ. Ничто не мѣшало бы, кажется, примѣнить аналогичный порядокъ и къ туркестанскому краю.

ИЗЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Письмо въ Редакцію.

...Прямо изъ Бокка-д'Арно, съ незначительными отдыхами по пути, я попалъ на очередное мокшанское уѣздное земское собраніе. Въ Италіи мнѣ каждый день приходилось читать въ разнаго рода газетахъ изложеніе необходимости, путемъ сокращенія правительственной смѣты, облегчить народное обложеніе; наше же земство настолько увлекается иногда самообложеніемъ, что правительство вынуждено было поставить предѣлъ такому увлеченію. Подобная коренная противоположность исключаетъ возможность какого-либо сравненія. Впрочемъ, мнѣ, старому земцу, да еще землевладѣльцу, всякій проститъ, что я въ прогулкахъ по Бокка-д'Арно и въ поѣздкахъ по аллеямъ Санъ-Россоре могъ думать объ обложеніи своей и чужой земли...

Открывшееся 27 сентября 1900 года, мокшанское уѣздное земское собраніе было первое по изданіи закона 12 іюня 1900 г., гдѣ въ § 1 статьи VII сказано: „При составленіи земскихъ смѣтъ губернскихъ и уѣздныхъ, наблюдается общимъ правиломъ, что-земскіе сборы съ недвижимыхъ имуществъ не могутъ быть повышаемы, по усмотрѣнію земскихъ учрежденій, болѣе, нежели на три процента въ годъ". Врядъ-ли такое категорическое или, скорѣе, механическое ограниченіе земской дѣятельности принесетъ дѣйствительную пользу русскому землевладѣнію, бѣдственное положеніе котораго въ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ, очевидно, имѣлось въ виду правительствомъ. Ограничиваясь только смѣтами земскими,—облегченіе тяжести ихъ для землевладѣнія могло бы быть достигнуто полнѣе, легче и безъ нарушенія того развитія въ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей, которое неизбѣжно. Во всѣхъ смѣтахъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ хозяйственныхъ, каковъ бы ни былъ размѣръ этого хозяйства, строго разграничиваются расходы капитальные и текущіе. Въ земствѣ этого нѣтъ—и быть не можетъ. Любое правительство, какъ бы хорошо ни велось его хозяйство, для проведенія, напримѣръ, желѣзной дороги заключаетъ заемъ, или отдаетъ это дѣло частному предпринимателю, принимая на себя, такъ или иначе, извѣстную долю ежегоднаго погашенія затраченнаго капитала. Это вполнѣ вѣрно и справедливо, даже хозяйственно. Требуя отъ плательщика, скажемъ, 1900 года крупныхъ взносовъ для дѣла, призваннаго служить многіе

годы, можно такъ его обезсилить, что онъ утратитъ свою платежную способность. Земство не можетъ дѣлать никакого разграниченія своихъ расходовъ и, по нуждѣ, валитъ ихъ всѣ—и капитальные, и текущіе—въ свои смѣты. Не ограниченіе земскихъ смѣтъ въ будущемъ, а правильность ихъ въ настоящемъ облегчитъ землевладѣніе. Еслибы существовало кредитное учрежденіе, частное или правительственное—безразлично,—которое бы выдавало ссуды земству для его капитальныхъ расходовъ на основаніяхъ близкихъ къ тѣмъ, которыя приняты земельными банками,—земскія смѣты, несомнѣнно, уменьшились бы, а полезность земскихъ расходовъ значительно бы увеличилась.

Какъ разъ въ мокшанскомъ собраніи, открывшемся 27 сентября, обсуждался вопросъ о перестройкѣ Лунинской земской больницы. Больница эта—старое зданіе, еще перенесенное изъ другого мѣста,—уже давно, чуть не ежегодно, требовала ремонта, который, въ сущности, представлялъ собою непроизводительную трату земскихъ средствъ. Одна бѣдность вынуждала такую экономію, но и ей насталъ конецъ. При смѣтѣ на 1900 г. въ 56.135 рублей 50 коп., разумѣется, хорошей больницы на двадцать-одну кровать не построить, увеличивъ обложеніе недвижимыхъ имуществъ на три процента. Долженъ сознаться, что объ этихъ трехъ процентахъ и разговору не было, а было высказано желаніе, чтобы обложеніе земли нисколько не было увеличено, что̀ и было достигнуто разсрочкой постройки на три года и финансовымъ оборотомъ, описаніе котораго врядъ-ли интересно. Кстати, обложеніе земли въ мокшанскомъ уѣздѣ на 1900 г., оставшееся безъ измѣненія и на 1901 г., слѣдующее: съ земель 1-го класса 14¹/з копѣйки; 2-го класса—9¹/2 копѣекъ, и 3-го—4³/4 копѣйки. Сохраненіе такого обложенія врядъ-ли избавитъ земство отъ непроизводительныхъ затратъ при трехлѣтней постройкѣ Лунинской больницы. Что̀ же дѣлать? Только богатые могутъ выгодно экономничать въ расходахъ; а бѣдные и при экономіи теряютъ. Разсрочка на года̀ капитальныхъ расходовъ практикуется не въ одномъ мокшанскомъ земствѣ, и всюду только вредна для дѣла.

То же мокшанское земское собраніе было также первымъ послѣ освобожденія земства отъ прямыхъ заботъ по продовольствію мѣстнаго, сельскаго населенія. Собраніе, однако, признавъ себя обязаннымъ, на основаніи „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ", заботиться о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, обсудило настоящее экономическое положеніе мѣстнаго населенія, и пришло къ заключенію, что это населеніе нынѣ не потребуетъ посторонней помощи для своего продовольствія и обсѣмененія своихъ полей. Врядъ-ли и въ будущемъ земство можетъ быть вполнѣ устранено отъ обсужденія продовольственныхъ нуждъ населенія, если потребуется дѣйствительное знакомство съ этими нуждами. Самый составъ уѣздныхъ земскихъ собраній обезпечиваетъ пра-

вильность и вѣрность свѣдѣній объ экономическомъ положеніи уѣзда, обсужденіе же этихъ свѣдѣній устраняетъ возможность увлеченій, какъ оптимистическихъ, такъ и пессимистическихъ. Извѣстная часть печати часто укоряла земство въ неумѣньѣ предупредить продовольственныя бѣдствія, но самая возможность таковыхъ зависитъ отъ общихъ мѣръ, на которыя земство никакого вліянія имѣть не можетъ. Его роль ограничивалась только хлопотами передъ администраціей о заполненіи продовольственныхъ запасовъ и—въ случаѣ бѣдствія—борьбой съ нимъ. Первая часть этой земской дѣятельности вполнѣ зависѣла отъ администраціи, и только во второй земство могло проявить свою активную дѣятельность. Не мѣшаетъ именно теперь вспомнить о земской дѣятельности въ тяжкую годину 1891—1892 гг.

Пензенское земство въ своей борьбѣ съ послѣдствіями неурожая 1891 года ничѣмъ особеннымъ не отличалось отъ другихъ земствъ, находившихся въ одинаковыхъ съ нимъ въ семъ дѣлѣ условіяхъ, и потому краткое изложеніе пензенской борьбы можетъ вполнѣ служить указаніемъ умѣлости или неумѣлости земской дѣятельности въ такого рода случаяхъ. Какъ въ пензенской, такъ и въ другихъ потерпѣвшихъ отъ неурожая губерніяхъ, продовольствіе народонаселенія значительно затруднилось отъ поздняго принятія дѣйствительно соразмѣрныхъ съ бѣдствіемъ мѣръ снабженія народонаселенія хлѣбомъ и неудовлетворительной провозоспособностью желѣзныхъ дорогъ, занятыхъ тогда исключительно только этимъ снабженіемъ и оказавшихся не въ состояніи справиться съ нимъ. Оба явленія нисколько не зависимы отъ земства, но имѣли на его дѣятельность по тому же снабженію крайне неблагопріятное вліяніе. Не стану напоминать о грустныхъ послѣдствіяхъ желѣзнодорожной неурядицы, при которой закупленный и заготовленный хлѣбъ лежалъ спокойно на станціяхъ отправленія, а на станціяхъ назначенія сотни выставленныхъ подводъ не получали обѣщаннаго хлѣба и бѣдствовали отъ безкормицы. Желѣзнодорожная неспособность перевозить грузъ, когда это нужно, всегда была у насъ, есть и, вѣроятно, будетъ, даже и при новомъ продовольственномъ уставѣ,—но въ приснопамятную зиму 1891—1892 гг. она значительно обострилась; впрочемъ, это всѣмъ извѣстно. Интересно, какъ земство справилось съ обострившейся обычной желѣзнодорожной непровозоспособностью и, затѣмъ, какъ оно отсчиталось въ тѣхъ громадныхъ суммахъ, которыя правительство отпустило для спасенія сельскаго населенія отъ голода. Послѣднее, само собою разумѣется, всего болѣе интересно.

Только въ октябрѣ 1891 года, бѣдствіе народонаселенія отъ неурожая было признано правительствомъ въ полномъ его объемѣ, и одновременно съ ассигнованіемъ средствъ для борьбы съ нимъ при-

шлось и начать самую борьбу, приготовиться къ которой земству уже не было времени. Съ лихорадочной поспѣшностью принялись исполнительные органы пензенскаго земства за борьбу съ голодомъ и, несмотря на всякаго рода препятствія, затрудненія и на исключительное тогда положеніе хлѣбной торговли, справились съ этой борьбой успѣшно. Общественное мнѣніе, вполнѣ естественно, отнеслось къ этому успѣху съ недовѣріемъ. Земствомъ было заготовлено всякаго рода хлѣбовъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей *шесть милліоновъ триста-сорокъ-семь тысячъ девятьсотъ-тридцать-семь пудовъ 28 фунтовъ* (*6,347.937 п. 28 ф.*), на сумму *восемь милліоновъ сто-тридцать-восемь тысячъ восемьдесятъ-два рубля 43 копѣйки* (*8,138.082 р. 43 коп.*). Цифры значительныя, небывалыя въ рукахъ земскихъ органовъ. Помню, одно высокопоставленное въ администраціи лицо высказало мнѣ тогда, что рѣшительно невозможно повѣрить, чтобы состоялась неожиданно и быстро въ земствѣ такая громадная денежная и торговая операція безъ злоупотребленій или крупныхъ ошибокъ. Въ средѣ земства существовалъ такой же взглядъ съ дополненіемъ всякихъ слуховъ о дѣятельности того или другого представителя земства, своего и чужихъ, по закупкѣ хлѣба. Я былъ въ составѣ коммиссіи, спеціально избранной губернскимъ земскимъ собраніемъ для ревизіи отчета по хлѣбной операціи 1891—1892 гг. Между членами коммиссіи, въ предварительныхъ разговорахъ, ходячіе слухи повторялись, и высказывалось твердое намѣреніе разобрать отчетъ во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, не стѣсняясь никакой личностью.

Въ декабрьской, 1892 г., сессіи губернскаго земскаго собранія губернская управа доложила о результатѣ въ общихъ цифрахъ закупки хлѣба и выяснила причины, по которымъ полный и документальный отчетъ операціи можетъ быть представленъ только къ концу лѣта 1893 года. Трудность составленія такого отчета зависѣла отъ того, что хлѣбъ на продовольствіе выдавался ежемѣсячно, на основаніи каждый разъ на сей предметъ представляемаго приговора даннаго сельскаго общества, въ коемъ исчислялось количество ѣдоковъ. Распредѣлялся же хлѣбъ въ дѣйствительности подъ вліяніемъ мѣстной администраціи, а также вслѣдствіе измѣненій въ составѣ общества почти всегда иначе, чѣмъ по списку требовательнаго приговора. Точный подсчетъ дѣйствительно израсходованнаго хлѣба въ каждомъ сельскомъ обществѣ потребовалъ массу времени и труда. Безъ такого же подсчета, вполнѣ вѣрнаго и вполнѣ признаннаго обществомъ, невозможно было не только вывести общій итогъ всей хлѣбной операціи, но и опредѣлить размѣръ долга каждаго сельскаго общества продовольственному капиталу.

Въ ноябрѣ 1893 года, земская ревизіонная коммиссія приступила къ своимъ занятіямъ по разсмотрѣнію отчета губернской управы за все время хлѣбной операціи 1891—1892 гг. Вначалѣ дѣятельность коммиссіи имѣла скорѣе слѣдственный, чѣмъ ревизіонный характеръ; но, по мѣрѣ все болѣе и болѣе близкаго знакомства съ отчетомъ и приложенными къ нему документами, нельзя было не убѣдиться, что все дѣло велось правильно и гораздо лучше того, что можно было ожидать. Единственный недочетъ, который оказался, и о которомъ было доложено управою губернскому земскому собранію еще въ сессію 1892 г., это—недостатокъ въ 15.738 рублей по хлѣбной операціи наровчатской уѣздной земской управы. Недочетъ, который вполнѣ вѣрно охарактеризовать и до сихъ поръ нѣтъ возможности, обнаружился послѣ скоропостижной смерти предсѣдателя наровчатской управы, Н. Г. Огарева, въ саняхъ, во время возвращенія его въ г. Наровчатъ съ желѣзнодорожной станціи Воейково, гдѣ происходила пріемка хлѣба для сего уѣзда, а также и расплата за него. Государственное казначейство, однако, нисколько не потерпѣло отъ этого недочета. Наровчатское земство приняло его на себя и, кажется, уже нынѣ выплатило. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ выказалось вполнѣ опредѣленно, что отвѣтственность земства за полученныя имъ отъ правительства средства для прокормленія мѣстнаго населенія—далеко не фикція.

Пензенское губернское земское собраніе, въ засѣданіи своемъ, 12-го декабря 1893 года, согласно докладу ревизіонной коммиссіи, единогласно утвердило отчетъ губернской управы по выполненію продовольственной операціи 1891—1892 годовъ, а также дало ей необходимыя полномочія для разсчета съ желѣзной дорогой по доставкѣ хлѣба. Управа затруднялась этимъ разсчетомъ: съ одной стороны, она осталась должна за эту доставку; съ другой же, въ числѣ принятыхъ земствомъ вагоновъ съ хлѣбомъ, въ 972-хъ оказалась недостача въ 17.811 пудовъ 25 ф. зерна. По разъясненію министерства путей сообщенія, *шесть* пудовъ на вагонъ признаются неподлежащими возврату; вслѣдствіе сего, 5.832 пуда пришлось считать безвозвратной потерей; но и затѣмъ оставалось 11.979 п. 25 ф., представляющіе собою, по стоимости заготовки, около пятнадцати тысячъ рублей, которыя слѣдовало взыскать съ желѣзныхъ дорогъ.

Утвержденіемъ отчета губернской управы дѣло еще не кончилось. Была учреждена правительственная коммиссія изъ представителей министерства финансовъ, государственнаго контроля и министерства внутреннихъ дѣлъ для провѣрки отчетности пензенскаго земства по продовольственной операціи, вызванной неурожаемъ 1891 и 1892 гг. Коммиссія долго и усидчиво занималась порученнымъ ей дѣломъ, и

въ окончательномъ, крайне подробномъ своемъ протоколѣ, отъ 29-го ноября 1895 года, высказала: „убѣдившись разсмотрѣніемъ помянутыхъ счетовъ въ правильности ихъ составленія“, она пришла къ заключенію, „что въ пензенской губерніи продовольственные продукты были заготовлены вообще соразмѣрно съ потребностями, и если отъ сбыта оставшагося хлѣба и получился, затѣмъ, остатокъ, то таковой, не будучи послѣдствіемъ какихъ-либо со стороны земства упущеній, не можетъ быть отнесенъ на его отвѣтственность“. Дѣйствительно, остатокъ хлѣба былъ весьма значительный. На 1-е января 1893 г. его было *сто-девять тысячъ триста-пятьдесятъ-пять пудовъ 21³/₄ фунтовъ (109.355 п. 21³/₄ ф.)*, что, по разсчету коммиссіи, на все количество заготовленнаго хлѣба составило 1,7%—*одинъ процентъ и семь десятыхъ*.

Земская ревизіонная коммиссія еще ранѣе правительственной пришла къ тому же заключенію относительно остатка хлѣба. Другого и быть не могло. Надо припомнить, что, въ виду задержки въ доставкѣ заготовленнаго хлѣба, общее стремленіе было направлено къ сокращенію количества получающихъ продовольствіе, что не мало запутывало отчетность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, именно подъ конецъ стараніе упорядочить желѣзнодорожную дѣятельность не всегда достигало своей цѣли. Часть послѣдняго хлѣба была доставлена кружнымъ путемъ черезъ Волгу, что вызвало не мало недоразумѣній.

Правительственная коммиссія, одобривъ продовольственную операцію пензенскаго земства, тѣмъ самымъ одобрила и ревизію земской коммиссіи, но она коснулась такихъ сторонъ этой операціи, которыя совершенно ускользнули отъ вниманія земской коммиссіи. Она раскрыла недоборъ гербоваго сбора въ 21.316 р. 20 коп. и опредѣлила взыскать съ пензенскаго 2-й гильдіи купца Николая Тимоѳеевича Евстифѣева 847 р. 50 коп. торговыхъ сборовъ, причитающихся съ него въ казну за невыборъ торговыхъ документовъ первой гильдіи по случаю принятыхъ имъ на себя поставокъ хлѣба, по условіямъ съ земствомъ, 31-го октября 1891 года на 162.000 руб.—и 9-го января 1892 г. на 60.320 рублей. Оба взысканія, какъ гербоваго сбора, такъ и съ г. Евстифѣева, были впослѣдствіи сложены. Нельзя не замѣтить, что Н. Т. Евстифѣевъ своими двумя поставками оказалъ значительную услугу продовольствію мѣстнаго населенія, продавъ земству хлѣбъ въ то время, когда въ немъ была настоятельная нужда. Самъ же г. Евстифѣевъ потерпѣлъ крупные убытки, такъ какъ купленный имъ на югѣ хлѣбъ осенью 1891 года былъ ему доставленъ въ маѣ 1892 г., когда цѣна его упала почти на 50%. Значительные разнообразные убытки терпитъ постоянно вся страна—отъ желѣзныхъ

дорогъ, и никому, даже самимъ этимъ дорогамъ, они вѣдь не въ пользу.

Дворянство всегда было и пока еще осталось руководителемъ земской дѣятельности, и если нынѣ оно устранено отъ прямыхъ заботъ о продовольствіи мѣстнаго сельскаго населенія, то такая мѣра никоимъ образомъ не можетъ быть объяснена тѣмъ, что дворянство не оказалось на высотѣ своего призванія по строгому экзамену, произведенному его дѣятельности тяжелой годиной 1891—1892 гг. Факты удостовѣряютъ противное съ полной ясностью и убѣдительностью. Очень можетъ быть, что нынѣ дворянство вообще является ненужнымъ участникомъ въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ. Очень можетъ быть, наконецъ, что настоящій продовольственный уставъ лучше, практичнѣе, удобоисполнимѣе прежняго; но не въ одной только техникѣ обезпеченія продовольствія сельскаго населенія,—производящаго въ земледѣльческихъ губерніяхъ такой избытокъ всякаго рода питательныхъ продуктовъ, который постоянно нуждается въ экспортѣ,—заключается вполнѣ успѣшное рѣшеніе продовольственнаго вопроса. Многолѣтній опытъ показалъ, что продовольственная нужда въ крупныхъ размѣрахъ проявляется только въ этихъ земледѣльческихъ губерніяхъ. Кто бы ни занимался обезпеченіемъ продовольствія, но собственно оно заключается въ устройствѣ постоянныхъ запасовъ для предотвращенія случайнаго, временного бѣдствія. Способъ,—безспорно, освященный вѣками со временъ библейскаго Іосифа Прекраснаго, но въ настоящее время не практикующійся болѣе въ западной Европѣ, за отсутствіемъ въ немъ необходимости. Устройство постоянныхъ запасовъ связано съ немалой ежегодной тратой средствъ и силъ населенія и тратой, имѣющей часто весьма неблагопріятное вліяніе на обѣднѣвшее крестьянство. Отмѣнить же сборъ зерна съ сельскаго населенія для продовольственныхъ запасовъ нельзя именно въ виду его бѣдности; слѣдовательно, не въ общемъ нужны продовольственные запасы, а единственно вслѣдствіе бѣдности сельскаго населенія.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что русскій крестьянинъ по своему характеру и природѣ такъ непредусмотрителенъ, что самъ никогда не позаботится оберечь себя на случай неурожая, а потому необходимо вмѣшательство благодѣтельнаго начальства, которое бы занялось обезпеченіемъ этого вѣчнаго ребенка въ его продовольствіи. Для всякихъ сбереженій требуется не только желаніе и умѣнье ихъ производить, но и возможность таковыхъ. Можетъ или не можетъ русскій рядовой крестьянинъ средняго достатка дѣлать, при среднемъ также урожаѣ, сбереженія достаточныя для его прокормленія при неурожаѣ,—вопросъ крайне важный, затрогивать который вскользь, случайно, не слѣдуетъ. Постараюсь въ другой разъ

поговорить о немъ спеціально. Пока сошлюсь только на переселеніе, которое именно теперь можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости серьезно и основательно подумать о русскомъ сельскомъ населеніи. Прошло время, когда крестьянство увлекалось переселеніемъ и видѣло въ мѣстахъ, куда стремилось, одну лишь вѣрную и несомнѣнную благодать. Теперь всѣмъ стало извѣстно, что переселеніе связано со многими продолжительными, иногда непосильными невзгодами,—однако, оно не прекращается, а еще ростетъ. Всюду въ западной Европѣ существуетъ переселеніе; но тамъ уходятъ бездомные пролетаріи, не имѣющіе никакой собственности; у насъ же бѣгутъ земельные собственники, продающіе за безцѣнокъ свои дома и движимость, зная впередъ все, что они должны претерпѣть, чтобы добраться до новыхъ мѣстъ и чтобы водвориться на нихъ. Хороша же должна быть жизнь, которая можетъ вынуждать такую рѣшимость.

Не одни крестьяне бросаютъ у насъ свою вѣковую осѣдлость,—бѣгутъ и дворяне. Еще недавно я узналъ, что одно крупное, хорошо устроенное и отстроенное дворянское имѣніе было продано въ нашей губерніи купцу. Имѣніе было заложено, и тутъ объясненіе такой продажи не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія; оно давно выработано: жизнь сверхъ состоянія, неумѣлость дворянства справиться съ новыми условіями жизни, отсутствіе научной подготовки и пр., и пр. Одновременно, въ нашемъ уѣздѣ и недалеко отъ меня, вдова-дворянка продала свое небольшое, также хорошо устроенное и отстроенное, имѣніе крестьянину. Это имѣніе было незаложенное, и его пришлось заложить, для облегченія продажи. Разумѣется, такіе два примѣра ничего общаго доказать не могутъ. Дворянское землевладѣніе безусловно таетъ уже давно, и годъ тому назадъ на очередномъ дворянскомъ собраніи такое таяніе было доказано, какъ за истекшее трехлѣтіе, такъ и за предъидущія, цифровыми данными. Приведенные два примѣра, вслѣдствіе сего, пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе. Очевидно, надъ всѣмъ русскимъ землевладѣніемъ существуетъ гнётъ общихъ условій, объ устраненіи которыхъ слѣдуетъ подумать. Дай Богъ, чтобы улучшеніе продовольственной техники, а также всякой другой—административной, фискальной—не заслонило бы этихъ условій, не отвлекло бы общаго вниманія отъ нихъ. Помочь сельскому населенію необходимо, но еще необходимѣе и выгоднѣе поставить это населеніе въ такое положеніе, при которомъ оно бы не нуждалось въ помощи.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1901.

Пререканія по поводу Китая.—Англійскія разсужденія о казняхъ и о русскомъ коварствѣ. — Дипломатическія ошибки и ихъ послѣдствія. — Манчжурскій вопросъ.— Англо-русскій споръ въ Тянь-Цзинѣ.—Несчастный случай съ имп. Вильгельмомъ II.

Дипломаты великихъ державъ, дѣйствующихъ сообща въ Китаѣ, гораздо больше озабочены теперь взаимными счетами и пререканіями, чѣмъ успѣшнымъ ходомъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ. Самый вопросъ о цѣлесообразномъ разрѣшеніи кризиса на дальнемъ Востокѣ пересталъ занимать умы; онъ считается уже какъ будто исчерпаннымъ казнями враждебныхъ мандариновъ, карательными экспедиціями графа Вальдерзе и требованіями денежныхъ вознагражденій за убытки. Пресловутое „единодушіе" кабинетовъ смѣнилось мелочнымъ и придирчивымъ соперничествомъ, смыслъ котораго не всегда ясенъ для публики. Лондонскія газеты заговорили вызывающимъ и воинственнымъ тономъ о Россіи, обвиняя ее въ нарушеніи общаго согласія, или „концерта", которымъ, какъ принято думать, руководитъ и должна руководить Англія.

Русскій представитель въ Пекинѣ,—какъ пишетъ оттуда корреспондентъ „Times", — „отказался поддерживать требованіе другихъ державъ о наказаніи провинціальныхъ чиновниковъ, замѣшанныхъ въ нѣкоторыя изъ худшихъ избіеній христіанъ. Этимъ Россія сбросила съ себя маску. Вопросъ этотъ ближе затрогиваетъ интересы будущей безопасности въ Китаѣ, чѣмъ наказаніе главныхъ правительственныхъ лицъ. За исключеніемъ смерти Ю-Сіена и мандариновъ въ Бао-тин-фу, не было еще достигнуто никакого возмездія за гибель 240 беззащитныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей разныхъ національностей, звѣрски умерщвленныхъ въ провинціальныхъ городахъ, большею частью въ зданіяхъ и дворахъ присутственныхъ мѣстъ. Во вниманіе къ желаніямъ Америки, Японіи и самой Россіи, составленный списокъ былъ доведенъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ и заключаетъ въ себѣ лишь десять приговоровъ къ смертной казни и пятнадцать—къ пожизненной ссылкѣ. Россія неоднократно признавала въ принципѣ необходимость дополнительнаго списка провинціальныхъ казней, но теперь она внезапно повернула въ другую сторону и объявляетъ вопросъ о наказаніяхъ уже покончённымъ. Доводы въ пользу снисхожденія—продолжаетъ корреспондентъ—едва ли могутъ быть серьезны со стороны

державы, которая въ теченіе прошлаго лѣта не разъ поступала съ китайцами столь же жестоко, какъ сами боксеры — съ христіанами. Нынѣшній отказъ Россіи нельзя объяснить иначе какъ только спеціальною сдѣлкою съ Ли-Хунъ-Чангомъ объ уничтоженіи „концерта" въ обмѣнъ за особыя секретныя уступки; это подтверждается и тѣмъ, что она высказала также намѣреніе отдѣлиться отъ другихъ державъ и въ вопросѣ о вознагражденіи. Нужно надѣяться, что другія державы не станутъ приносить дальнѣйшія жертвы для обезпеченія внѣшняго единства дѣйствій, которое рано или поздно должно было оказаться неосуществимымъ со времени принятія посредничества Ли-Хунъ-Чанга... Англія уже достаточно наказана за свою рѣшимость сохранить внѣшній видъ согласія между кабинетами. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ виновные чиновники, указанные англичанами, избѣгнутъ кары по желанію Россіи, то въ Китаѣ утвердится убѣжденіе, что Англія безсильна защищать своихъ подданныхъ противъ русскаго „быть по сему"... Весь ходъ переговоровъ подвергнется опасности, если Россіи дозволено будетъ разрушить единодушное рѣшеніе всѣхъ другихъ державъ въ противность ея собственному, данному раньше слову"...

Эти и подобныя имъ замѣчанія англійскихъ газетъ какъ нельзя лучше выясняютъ безцѣльность и вредъ той системы лавированія, которая практикуется дипломатіею ради избѣжанія даже вполнѣ невинныхъ разногласій съ чужими державами. Россія могла съ самаго начала возражать противъ кровавой расправы съ китайскими сановниками, исполнявшими лишь приказы императрицы-регентши и князя Туана; она не дѣлала этого, безъ сомнѣнія, только потому что опасалась нарушить единомысліе кабинетовъ при первыхъ же совмѣстныхъ мѣрахъ противъ Китая. Однако, вопросъ о казни людей безъ суда былъ въ сущности настолько важенъ, что оставлять его безъ всесторонняго и откровеннаго обсужденія было едва ли благоразумно; и если бы возникшія разнорѣчія помѣшали исполненію нѣмецко-британской программы возмездія, то это было бы только заслугою и вовсе не повредило бы репутаціи и вліянію Россіи. Иностранные представители въ Пекинѣ вынуждены были бы тогда придумать другой способъ наказанія Китая, безъ совершенія явныхъ несправедливостей, способныхъ внушить туземцамъ глубокую и непримиримую ненависть къ Европѣ и ея мнимо-христіанской культурѣ; согласіе державъ возстановилось бы на болѣе подходящей почвѣ, и мы избавлены были бы отъ участія въ тяжеломъ и печальномъ дѣлѣ избіенія китайскихъ мандариновъ по заранѣе составленному списку. Не было ни малѣйшихъ основаній предполагать, что это участіе вызывалось для насъ необходимостью и что мы обязаны были въ данномъ случаѣ подчи-

нить свои взгляды англійскимъ или германскимъ; напротивъ того, наши возраженія были бы по всей вѣроятности поддержаны японцами, американцами и французами, и общественное мнѣніе культурнаго міра было бы на нашей сторонѣ. Согласіе съ другими не есть само по себѣ цѣль, ради которой стоило бы жертвовать своими мнѣніями и чувствами; оно есть только средство для достиженія опредѣленнаго результата. Еслибы наша дипломатія не считала своимъ долгомъ присоединиться къ извѣстнымъ требованіямъ или, по крайней мѣрѣ, обставила свое согласіе надлежащими оговорками, то она не могла бы теперь подвергаться подозрѣніямъ и нападкамъ, въ родѣ приведенныхъ выше; но, конечно, она имѣла полное право измѣнить свое отношеніе къ частному вопросу о казняхъ и отказаться отъ повторенія ошибки, допущенной первоначально, — хотя бы это было и непріятно британскимъ патріотамъ. Существовали даже достаточно сильныя внѣшнія причины, оправдывавшія такую перемѣну во взглядахъ,—напр. фактическая невозможность захватить именно тѣхъ, которые были вдохновителями и руководителями совершившихся злодѣйствъ, и тягостное впечатлѣніе, производимое повсюду расправою надъ простыми исполнителями, къ которымъ несомнѣнно принадлежатъ провинціальные чиновники. Никто не повѣритъ, что нравственный авторитетъ Англіи или другой державы въ глазахъ Китая будетъ измѣряться количествомъ головъ, отданныхъ ей въ жертву; а еслибы такая точка зрѣнія дѣйствительно имѣла силу между китайцами, то христіанскія націи и правительства не могутъ и не должны сообразоваться съ нею въ своихъ рѣшеніяхъ,—ибо въ противномъ случаѣ не было бы разницы между европейскою культурою и азіатскою. Корреспондентъ „Times" дѣлаетъ ядовитый намекъ на суровыя репрессаліи въ предѣлахъ Манчжуріи; но эти распоряженія, каковы бы они ни были, примѣнялись во время военныхъ дѣйствій, начатыхъ китайцами, и притомъ въ районѣ непосредственныхъ нападеній китайскихъ военныхъ силъ,—тогда какъ въ настоящее время дѣло идетъ о наказаніи отдѣльныхъ лицъ въ мирныхъ областяхъ Китая, при отсутствіи войны между китайскимъ правительствомъ и иностранными державами. На войнѣ полагается истреблять непріятеля и принимать разныя крутыя мѣры даже противъ безоружныхъ жителей, подозрѣваемыхъ въ содѣйствіи непріятельскимъ войскамъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что можно въ мирное время убивать туземныхъ чиновниковъ въ занятой странѣ, подъ предлогомъ возмездія за совершённыя ими до оккупаціи служебныя дѣйствія. Между обоими случаями нѣтъ ничего общаго, и сопоставленіе ихъ возможно лишь при отрицаніи того грубаго и безспорнаго факта, что въ Манчжуріи происходила война.

Весьма щекотливыя пререканія, возбужденныя въ послѣднее время по поводу Манчжуріи, должны быть отчасти приписаны, какъ намъ кажется, ошибочной тактикѣ нашей дипломатіи, которая сначала не признавала истиннаго характера военныхъ событій въ этой области, а потомъ давала иностраннымъ кабинетамъ ненужныя увѣренія и обѣщанія, не вызываемыя и не оправдываемыя обстоятельствами. Мѣстныя китайскія власти формально начали войну противъ Россіи, и созданное этимъ военное положеніе въ Манчжуріи ставило насъ въ особыя условія, изъ которыхъ необходимо было сдѣлать соотвѣтственные практическіе выводы. Мы были противъ воли вовлечены въ неожиданныя военныя операціи на Амурѣ, и намъ пришлось дѣйствовать тамъ совершенно самостоятельно, внѣ соглашенія съ союзными державами и безъ всякой связи съ задачами, преслѣдуемыми дипломатіею въ Тянь-Цзинѣ и Пекинѣ. Значительная часть пограничной китайской территоріи была занята нами по праву войны, и мы должны были предоставить себѣ право опредѣлить и устроить судьбу этого края въ зависимости отъ интересовъ безопасности русскихъ владѣній въ будущемъ. Вмѣсто того, чтобы стоять на этой твердой почвѣ фактовъ и дѣлать затѣмъ возможныя уступки державамъ и Китаю, мы почему-то старались увѣрить себя и другихъ, что предпринятыя противъ насъ военныя дѣйствія исходятъ не отъ китайскихъ оффиціальныхъ властей, а отъ тѣхъ же мятежныхъ „боксеровъ", которыхъ предстояло усмирить и наказать въ Печилійской провинціи, и что, слѣдовательно, вопросъ о Манчжуріи есть только часть общаго вопроса, подлежащаго совмѣстному обсужденію кабинетовъ; въ то же время мы заранѣе приняли на себя обязательство, — котораго никто отъ насъ не требовалъ и не могъ требовать,—очистить завоеванную русскими войсками территорію и возвратить ее китайцамъ по возстановленіи въ ней спокойствія и порядка. Мы и безъ того не взяли бы Манчжуріи; но было несравненно лучше и выгоднѣе отдать ее безъ предварительнаго обѣщанія, чѣмъ дѣлать это по обязанности. Очевидно, мы этимъ сами лишили себя всѣхъ преимуществъ своего положенія въ Манчжуріи, безъ малѣйшей къ тому надобности.

Что же вышло въ результатѣ? Война, которую мы вынуждены были вести съ китайцами за Амуромъ, какъ бы вовсе не существовала, и о ней нѣтъ и рѣчи, когда говорится объ ожидаемомъ соглашеніи между Россіею и Китаемъ относительно Манчжуріи. Устроить положеніе этой страны прежде чѣмъ удалить занимающія ее русскія войска — безусловно необходимо; понятно также, что, по окончаніи войны, должны были начаться мирные переговоры между обѣими участвовавшими въ ней державами, и что предлагаемыя побѣдителями условія не могли быть вполнѣ благопріятны для побѣжденныхъ. Ки-

тайское правительство обратилось тогда за совѣтомъ и заступничествомъ къ иностраннымъ кабинетамъ; послѣдніе нашли, что отдѣльное соглашеніе Китая съ одною изъ державъ нарушало бы интересы всѣхъ остальныхъ и подрывало бы самыя основы общаго „концерта", тѣмъ болѣе когда дѣло идетъ о предоставленіи какихъ-либо спеціальныхъ выгодъ одному изъ союзниковъ въ ущербъ прочимъ.

Нашу дипломатію обвиняютъ теперь въ томъ, что она произвольно выдѣлила Манчжурію изъ круга общей компетенціи союзныхъ державъ и ведетъ о ней какіе-то секретные переговоры съ китайскими уполномоченными. Естественный и неизбѣжный результатъ войны превратился въ нѣчто предосудительное и неловкое; намъ приходится какъ бы оправдываться передъ Англіею, выслушивать рѣзкіе упреки иностранной печати и съ благодарностью принимать успокоительныя заявленія Германіи. „Россія,—говоритъ „Times" въ передовой статьѣ отъ 14 марта,—участвуетъ въ союзѣ державъ и въ этомъ качествѣ пользуется правомъ голоса въ ихъ совѣщаніяхъ и въ ихъ совмѣстной политикѣ по отношенію къ Китаю. Въ то же время она за ихъ спиною ведетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ переговоровъ отъ своего собственнаго имени и для своей исключительной выгоды. При такихъ обстоятельствахъ возможно ли полагаться на ея добросовѣстность? Она торжественно заявляла, что самостоятельные планы совершенно чужды ея китайской политикѣ. Между тѣмъ она преслѣдовала такіе планы, по крайней мѣрѣ съ ноября, и повидимому она приспособляетъ къ нимъ свои дѣйствія въ качествѣ члена союза. Въ концертѣ державъ она препятствуетъ ходу дѣлъ, изобрѣтаетъ поводы къ проволочкамъ и выдаетъ себя за защитницу Китая или даже покровительницу китайскихъ преступниковъ. Какъ отдѣльная держава, она стремится къ достиженію своихъ частныхъ цѣлей съ неослабною настойчивостью и твердостью. Никакія увѣренія, хотя бы самыя многословныя, не могутъ объяснить эти противорѣчія или примирить съ ними тѣхъ, которыя имѣютъ крупные интересы на дальнемъ Востокѣ и желаютъ во что бы то ни стало поддержать ихъ".

Эти обвиненія были бы справедливы, еслибы Россія просто воспользовалась событіями для секретныхъ дипломатическихъ захватовъ въ Китаѣ. Но, какъ извѣстно всѣмъ, отдѣльные переговоры о Манчжуріи вызваны были самостоятельными нападеніями китайскихъ военныхъ силъ на русскую желѣзную дорогу и на русское побережье Амура: не будь этихъ нападеній и послѣдовавшаго за ними занятія страны русскими войсками, не было бы теперь и манчжурскаго вопроса, и о немъ не велись бы особые переговоры съ Китаемъ. Двусмысленность, послужившая источникомъ нынѣшнихъ нареканій, началась лишь съ того момента, когда военныя дѣйствія въ Манчжу-

ріи были прикрыты странною и безцѣльною дипломатическою фикціею, о которой мы упоминали выше. Наша дипломатія находила, что никакой войны не было и что Китай вовсе не нападалъ на наши владѣнія; иностранные кабинеты охотно становятся на эту точку зрѣнія и соглашаются съ нами, что въ Манчжуріи ничего особеннаго не происходило, кромѣ лишь обычныхъ беззаконій боксеровъ; но въ такомъ случаѣ они безусловно правы, обращаясь къ намъ съ вопросомъ: почему Россія затѣваетъ какія-то отдѣльныя соглашенія съ Китаемъ относительно Манчжуріи, безъ вѣдома и участія другихъ державъ, съ которыми она обязалась дѣйствовать совмѣстно по китайскимъ дѣламъ? И по неволѣ мы изворачиваемся, придумывая разныя болѣе или менѣе правдоподобныя объясненія. Одна двусмысленность влечетъ за собою и другія, и такимъ образомъ создается искусственная путаница, изъ которой потомъ трудно выбраться. Дипломатамъ кажется, что они исполнили свое назначеніе, окруживъ себя сѣтью тонкихъ комбинацій, а между тѣмъ причиняется ущербъ политической репутаціи государства, подрывается довѣріе къ его заявленіямъ и дается удобное оружіе въ руки его недоброжелателей и враговъ. Многіе думаютъ до сихъ поръ, что задача дипломатіи — ловко маскировать дѣйствительность, избѣгать ясности и прямоты; этотъ устарѣлый взглядъ, краснорѣчиво и неоднократно опровергнутый Бисмаркомъ, нашелъ еще недавно любопытное выраженіе въ англо-германскомъ договорѣ, гарантирующемъ неприкосновенность территоріи Китая. Договоръ составленъ такъ, что обѣ стороны могутъ давать ему различныя и даже противоположныя толкованія, по своему усмотрѣнію. Лондонскій кабинетъ утверждаетъ, что англо-германское соглашеніе распространяется и на Манчжурію; германскій канцлеръ, графъ Бюловъ, столь же категорически свидѣтельствуетъ, что Германія не имѣла въ виду примѣнять это соглашеніе къ Манчжуріи. Самая возможность такихъ радикальныхъ противорѣчій дѣлаетъ данный дипломатическій актъ безцѣльнымъ или по крайней мѣрѣ значительно умаляетъ его практическое значеніе; дипломаты въ этомъ случаѣ какъ бы перехитрили самихъ себя. Остается только тотъ публично удостовѣренный фактъ, что Англія стоитъ за сохраненіе государственныхъ правъ Китая въ предѣлахъ Манчжуріи и приметъ свои мѣры, т.-е. потребуетъ соотвѣтственнаго вознагражденія, если неприкосновенность китайской имперіи будетъ съ этой стороны нарушена. Слухъ о томъ, что предположенная русско-китайская конвенція нарушаетъ права Китая на Манчжурію, былъ впервые пущенъ пекинскимъ корреспондентомъ „Times", который обнародовалъ также существенное содержаніе этой конвенціи. По свѣдѣніямъ „Times", Россія выговорила себѣ важныя преимущества и въ Монголіи, и въ китайскомъ Туркестанѣ, чѣмъ под-

вергается уже опасности „все положеніе, которое Англія старалась сдѣлать неуязвимымъ у сѣверо-западныхъ границъ Индіи". Англичане встревожились; британскій посолъ при русскомъ дворѣ оффиціально просилъ объясненій, и его успокоили указаніемъ на временный характеръ предстоящаго соглашенія. Съ своей стороны Германія дала понять, что для нея совершенно безразлично, какъ поступитъ Россія съ Манчжуріею послѣ окончательнаго возстановленія мира въ Китаѣ и послѣ уплаты китайскимъ правительствомъ денежнаго вознагражденія, причитающагося на долю Германіи. Совокупность китайскихъ владѣній должна служить обезпеченіемъ для денежныхъ требованій великихъ державъ; въ эту совокупность входитъ и Манчжурія, и потому она не можетъ быть предметомъ сепаратныхъ сдѣлокъ, пока не исполнены финансовыя обязательства Китая относительно союзниковъ. Такова точка зрѣнія почти всѣхъ заинтересованныхъ кабинетовъ по манчжурскому вопросу; только Англія и Японія идутъ значительно дальше въ своихъ заботахъ о цѣлости Китая, готовясь приступить къ захватамъ при первой попыткѣ Россіи пріобрѣсть какія-либо исключительныя права въ Манчжуріи.

Вопросъ, неправильно поставленный съ самаго начала, обострился до того, что грозитъ серьезно испортить отношенія къ намъ Англіи, которыя, впрочемъ, никогда не отличались особенною дружественностью. Насколько англичане склонны къ рѣзкимъ и воинственнымъ заявленіямъ во внѣшней политикѣ, даже по сравнительно ничтожнымъ поводамъ, — это можно было видѣть недавно, при столкновеніи между британскими и русскими военными властями въ Тянь-Цзинѣ изъ-за спорнаго участка земли. Русскіе заняли и оградили флагами извѣстное пространство земли, часть котораго, по словамъ англичанъ, принадлежала управленію пекинской желѣзной дороги; британскіе инженеры начали производить какія-то работы въ предѣлахъ этого участка, устранивъ поставленные пограничные столбы; русское начальство вмѣшалось и потребовало прекращенія работъ, ссылаясь на принадлежность этой земли русскимъ. Казалось, что подобный споръ можно бы разобрать мирно по существу, безъ угрозъ и насилій; однако, англійскій генералъ, къ которому обратился управляющій дорогою, приказалъ „продолжать работы, хотя бы при помощи вооруженной силы". Русскіе протестовали, предлагая передать дѣло на рѣшеніе дипломатіи; англичане опирались на свое численное превосходство и не обращали вниманія на доводы русскихъ офицеровъ. Съ нашей стороны пришлось потребовать подкрѣпленій, военные посты были усилены, и малѣйшая случайность могла бы привести къ кровопролитію. Напряженное военное положеніе тянулось цѣлую недѣлю; самъ фельдмаршалъ графъ Вальдерзе прибылъ въ Тянь-Цзинь 19 марта, чтобы рас-

путать этотъ узелъ, но не могъ ничего сдѣлать. Генералъ Кемпбелль заявлялъ, что онъ обязанъ сохранять занятую позицію, согласно инструкціямъ, полученнымъ имъ отъ своего правительства. Подчиниться такому грубому насилію было, конечно, немыслимо для русскаго военнаго начальства. Обращеніе къ посланникамъ въ Пекинѣ также не помогло; понадобились прямые переговоры между правительствами обѣихъ державъ, чтобы уладить инцидентъ, который не долженъ былъ вовсе возникать. Общественное мнѣніе всего міра съ тревогою слѣдило за ходомъ разгорѣвшагося спора; англійскія газеты предвѣщали войну и будили въ читателяхъ патріотическіе порывы грозными возгласами противъ Россіи. Только 21 марта британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Лансдоунъ, получилъ возможность сообщить въ палатѣ лордовъ „пріятное извѣстіе", что дѣло окончилось благополучно и что „въ сущности предметъ спора, сравнительно мелкій и имѣющій чисто мѣстное значеніе, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые способны разстроить отношенія между двумя державами". Однако прошла цѣлая недѣля тревожныхъ ожиданій прежде чѣмъ британское правительство сочло нужнымъ сдѣлать это разумное заявленіе. „Times" находитъ еще, что англичане имѣли полное право употребить силу противъ русскихъ въ Тянь-Цзинѣ и что „начальникъ штаба мѣстныхъ британскихъ войскъ не могъ поступить иначе". Уклониться отъ этого способа дѣйствій, — говоритъ газета, — „было бы оскорбительно для нашего достоинства, и мы возбудили бы къ себѣ презрѣніе туземцевъ въ странѣ, гдѣ престижъ составляетъ половину власти". При этомъ предполагается одно непремѣнное условіе,—что при употребленіи вооруженной силы перевѣсъ и, слѣдовательно, „престижъ" будетъ на сторонѣ англичанъ; но такъ какъ численность русскихъ войскъ могла быть легко увеличена по мѣрѣ надобности, то англійское достоинство и англійскій престижъ рисковали также и пострадать.

Принимать угрожающій и грубый тонъ въ международныхъ сношеніяхъ только потому, что въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ противникъ кажется слабѣе,—это уже обычная черта патріотовъ всѣхъ національностей; но явная грубость софизмовъ, которыми прикрывается этотъ воинственный зудъ, особенно бросается въ глаза въ послѣднемъ англо-русскомъ конфликтѣ въ Тянь-Цзинѣ. Гордый приказъ британскаго генерала прибѣгнуть къ вооруженной силѣ противъ отряда войскъ чужой великой державы, производитъ впечатлѣніе чего-то героическаго, а между тѣмъ онъ основанъ только на мимолетномъ и много разъ испытанномъ разсчетѣ: въ подобныхъ случаяхъ противникъ, ошеломленный опасностью войны изъ-за пустяковъ, добровольно отступаетъ, и почетная побѣда достается безъ всякихъ жертвъ; или противникъ разбивается, пока у него мало силъ, а затѣмъ отечественнымъ диплома-

тамъ предоставляется объяснять случившееся прискорбнымъ недоразумѣніемъ, такъ что инцидентъ кончается безъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій. Англичане несомнѣнно искусны въ нанесеніи такихъ внезапныхъ ударовъ, получающихъ характеръ побѣды въ глазахъ толпы; однако результатъ зависитъ и отъ степени самообладанія и выдержки противника. Припутывать авторитетъ и престижъ государства къ столкновеніямъ между нѣсколькими десятками или сотнями солдатъ—конечно, смѣшно и безцѣльно; и если отвѣтственные военные начальники соблазняются возможностью одержать верхъ надъ отрядомъ страны, съ которою ихъ отечество находится въ мирѣ, то это крайне опасный обычай, не лишенный риска для самихъ англичанъ. Спорные вопросы сами по себѣ не вызывали бы взаимнаго раздраженія; но рѣзкія выходки и угрозы оставляютъ надолго непріятное чувство, которое приноситъ свои плоды и въ политикѣ. Франція понынѣ не можетъ забыть Фашоду,—въ сущности, инцидентъ незначительный и допускавшій вполнѣ миролюбивое рѣшеніе; англичане предпочли тогда дѣйствовать въ формѣ ультиматума, пользуясь сравнительною слабостью французскаго отряда, и съ тѣхъ поръ Англія оттолкнула отъ себя французовъ вѣроятно на многіе годы. Въ погонѣ за кратковременнымъ внѣшнимъ успѣхомъ приносятся въ жертву крупные національные интересы,—и это, по меньшей мѣрѣ, неразсчетливо.

Несчастный случай, которому подвергся въ Берлинѣ 6 марта Вильгельмъ II, возбудилъ въ Германіи разные меланхолическіе толки и комментаріи, едва-ли соотвѣтствующіе фактамъ. Эпилептикъ, бросившій въ пространство кусокъ желѣза и попавшій имъ въ проѣзжавшаго императора, находился, какъ оказалось, въ состояніи невмѣняемости, и въ данномъ случаѣ нѣтъ повода говорить о сознательномъ преступномъ покушеніи. Президентъ прусской палаты депутатовъ, выражая императору чувства соболѣзнованія и преданности отъ имени сейма, счелъ нужнымъ сопоставить происшедшій теперь случай съ преступными посягательствами на жизнь Вильгельма I въ семидесятыхъ годахъ. Президентъ Крехеръ заговорилъ на эту щекотливую тему, такъ сказать, нечаянно,—наведенный мыслью о годовщинѣ смерти перваго императора въ день аудіенціи, какъ онъ самъ добродушно признался затѣмъ въ засѣданіи палаты 23 марта; а императоръ въ отвѣтъ высказалъ нѣсколько грустныхъ мыслей объ упадкѣ авторитетовъ въ народѣ со времени кончины Вильгельма I. „Я питаю полное довѣріе къ палатѣ депутатовъ и ко всѣмъ ея партіямъ,—продолжалъ императоръ,—и я желалъ бы, чтобы всѣ партіи по мѣрѣ силъ способствовали развитію необходимаго уваженія къ авторитетамъ". Эти общіе взгляды,

вполнѣ естественные въ устахъ Вильгельма II, обрадовали старыхъ реакціонеровъ и консерваторовъ, но огорчили прогрессистовъ. Предводитель „свободомыслящихъ" въ парламентѣ, Евгеній Рихтеръ, усмотрѣлъ даже нарушеніе конституціи въ томъ обстоятельствѣ, что извѣстныя слова монарха сообщаются во всеобщее свѣдѣніе безъ участія подлежащаго министра, который отвѣчалъ бы передъ палатою за ихъ содержаніе. Но эти слова передаютъ только настроеніе, за которое никакой министръ не отвѣтственъ передъ парламентомъ; въ нихъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній, а есть только пожеланія, неспособныя притомъ повліять на практическую политику. Оппозиція безпокоится по старой памяти, вызывая передъ свободнымъ общественнымъ мнѣніемъ забытые призраки реакціи;—времена реакціи и консерватизма прежняго злобнаго типа давно и безвозвратно прошли въ Германіи. Подъ уваженіемъ къ авторитетамъ разумѣется теперь въ Германіи нѣчто совершенно другое, чѣмъ прежде,—не поклоненіе внѣшнимъ властямъ, а признаніе извѣстныхъ твердыхъ законовъ, подчиненіе нравственному и умственному превосходству. Императоръ Вильгельмъ II, какъ энергическая и яркая индивидуальность, выражается иногда слишкомъ образно и сильно; ему несвойственна придворная замкнутость; онъ не ограничивается оффиціальными сношеніями съ министрами и сановниками, а старается поддерживать связи съ разными классами общества, получать повсюду свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, давать толчокъ идеямъ „міровой политики" и быть вообще правителемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Традиціи прошлаго въ немъ уживаются съ привычками и взглядами современнаго культурнаго дѣятеля; онъ зачисляетъ своего старшаго сына и наслѣдника въ студенты боннскаго университета, въ которомъ самъ слушалъ лекціи въ молодости; онъ знаетъ, что лучшая и передовая часть германскаго народа проходитъ черезъ университетскую школу, съ ея преходящими увлеченіями и волненіями, и что духъ университетскаго общенія оказываетъ въ высшей степени благотворное воспитательное вліяніе на умъ и характеръ юноши. Студенческія корпораціи Бонна готовятся достойнымъ образомъ встрѣтить своего новаго сочлена; городское управленіе также участвуетъ въ этихъ приготовленіяхъ, о которыхъ аккуратно сообщаютъ газеты. Вильгельмъ II уже по темпераменту своему и воспитанію не могъ бы чуждаться народа, или проникнуться къ нему недовѣріемъ; но нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нападки печати на его личную иностранную политику и на его англофильство сдѣлали настроеніе его болѣе нервнымъ. О происшествіи въ Бременѣ онъ давалъ показаніе какъ свидѣтель; для этого являлся къ нему во дворецъ судебный чиновникъ, выслушалъ его разсказъ и составилъ протоколъ, который будетъ прочитанъ въ судѣ при разбирательствѣ дѣла.

Современная Германія живетъ настолько сильною и здоровою національною жизнью, что самое понятіе реакціи къ ней непримѣнимо. Реакція, какъ попытка подавленія внутренней энергіи народа и общества, представляетъ начало мертвящее и обезличивающее; она несовмѣстима съ бодростью и предпріимчивостью, исключаетъ быстрый ростъ и процвѣтаніе страны, ставитъ внѣшнее благочиніе и однообразіе впереди благосостоянія и развитія. Германская нація хочетъ жить и процвѣтать, а не чахнуть; она неудержимо идетъ впередъ, и никому не приходитъ уже въ голову толкать ее назадъ, къ исчезнувшимъ идеаламъ пассивнаго прозябанія и безправія. За послѣднюю четверть вѣка совершились въ Германіи крупныя перемѣны въ положеніи различныхъ политическихъ партій и общественныхъ группъ. Соціаль-демократы, считавшіеся еще недавно опаснѣйшими врагами государства и служившіе любимымъ предметомъ полицейскихъ заботъ и мѣропріятій, занимаютъ видное мѣсто въ обществѣ, дѣйствуютъ открыто и свободно, и ни въ чемъ не обнаруживаютъ тѣхъ зловредныхъ вліяній и наклонностей, которыя имъ приписывались когда-то; напротивъ, изъ ихъ среды выходятъ полезные дѣятели и замѣчательные ораторы, съ которыми ищутъ сближенія правительственныя и даже высокопоставленныя лица. Въ готскомъ сеймѣ выбранъ вице-президентомъ депутатъ Бокъ, соціаль-демократъ, бывшій сапожникъ, чрезвычайно дѣльный и способный человѣкъ; въ Дармштадтѣ соціаль-демократъ Ульрихъ пользуется особымъ вниманіемъ великаго герцога и привлекается имъ къ разнымъ политическимъ бесѣдамъ,—и при этомъ не возникаетъ никакихъ опасностей ни для государства, ни для авторитета правительства. Въ Германіи нѣтъ уже почвы для произвольныхъ политическихъ опытовъ, въ родѣ стремленія повернуть ходъ исторіи въ обратную сторону, и нѣтъ основанія предполагать подобныя идеи въ имп. Вильгельмѣ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1901.

— Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. (По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). М. 1896—1900. Пять выпусковъ.

Въ прошломъ году г. Муркосъ закончилъ свое изданіе „Путешествія", представляющаго одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ въ ряду иностранныхъ книгъ о Россіи за XVII-й вѣкъ. „Путешествіе" давно знакомо было нашимъ историкамъ, но, какъ теперь оказывается, знакомо было далеко не сполна и не весьма точно, потому что его знали до сихъ поръ только въ старомъ неполномъ и не всегда вѣрномъ англійскомъ переводѣ (1829—36 г.). Г. Муркосъ своимъ переводомъ „Путешествія" съ арабскаго подлинника, и въ полномъ текстѣ, сдѣлалъ въ высокой степени цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу: именно для нея и важенъ въ особенности этотъ трудъ арабскаго христіанскаго писателя XVII-го вѣка.

Въ предисловіи, переводчикъ такъ объясняетъ значеніе этой книги архидіакона Павла Алеппскаго.

„Въ царствованіе Алексѣя Михайловича дважды пріѣзжалъ въ Россію антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ арабъ изъ города Алеппо, въ первый разъ для сбора пожертвованій, во второй—десять лѣтъ спустя —по приглашенію царя для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый пріѣздъ съ нимъ былъ его родной сынъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который, по просьбѣ одного изъ своихъ дамасскихъ друзей, какъ онъ объясняетъ во введеніи, составилъ подробное и чрезвычайно любопытное описаніе трехлѣтняго путешествія своего отца.

„Человѣкъ весьма любознательный и начитанный, хотя лишенный правильнаго образованія, Павелъ Алеппскій въ своихъ запискахъ касается всего, что могъ видѣть и слышать во время своего продолжительнаго путешествія: описываетъ страну, нравы и обычаи жителей,

селенія и города, замѣчательныя зданія, по преимуществу церкви и монастыри, торжественныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ или о которыхъ могъ знать по разсказамъ другихъ, и мимоходомъ даетъ яркую характеристику государей и политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе его отецъ-патріархъ. Восьмимѣсячное пребываніе ихъ въ Молдавіи совпало съ однимъ изъ интереснѣйшихъ происшествій въ исторіи этой страны: паденіе господаря Василія Лупула, сопровождавшееся междоусобной войной, въ которой погибъ зять его, Тимоѳей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго, нашло себѣ живого разсказчика въ лицѣ очевидца этихъ событій, Павла Алеппскаго, повѣствованіе коего, по словамъ Костомарова, представляетъ единственный источникъ для изученія тогдашнихъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи. Въ Россію дамасскіе путники попали въ самую цвѣтущую пору царствованія Алексѣя Михайловича, когда онъ велъ счастливую войну съ Польшей и когда патріархъ Никонъ, достигнувъ высшей степени могущества, приступилъ къ устроенію церковныхъ дѣлъ, въ чемъ весьма желаннымъ являлось для него авторитетное содѣйствіе святителя древнѣйшей изъ восточныхъ патріархій.

„Самая значительная часть сочиненія Павла Алеппскаго занята описаніемъ долговременнаго пребыванія его съ отцомъ въ Россіи и разсказами о событіяхъ, происходившихъ въ ней около того времени. По полнотѣ и разнообразію содержанія, это—одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи средины XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки тогдашнихъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Послѣдніе являлись въ Россію по большей части въ качествѣ пословъ на короткое время и по необходимости ограничивали свои наблюденія одною внѣшнею стороной гражданскаго быта. Какъ иновѣрцы, они съ предубѣжденіемъ смотрѣли на богослуженіе и уставы нашей церкви, только отчасти, изрѣдка могли видѣть одни обрядовыя дѣйствія, совершенно отличныя отъ усвоенныхъ ихъ церковью и потому казавшіяся имъ странными и безсмысленными. Съ другой стороны дворъ московскій всегда очень недовѣрчиво смотрѣлъ на иноземныхъ пословъ: подъ видомъ почета къ дому посла приставлялась стража, которая получала тайный наказъ слѣдить за дѣйствіями чужеземцевъ и обо всемъ доносить; горожанамъ строго воспрещалось входить въ разговоры съ прислугой посольства. Такимъ образомъ послы почти ни съ кѣмъ не могли вступать въ непосредственныя сношенія, кромѣ сдержанныхъ и скрытныхъ бояръ и дьяковъ Посольскаго Приказа. Ко двору послы являлись по пріѣздѣ съ дарами отъ своихъ государей, и при этомъ слу-

чаѣ дворъ царскій облекался въ торжественность, чтобы не уронить себя въ глазахъ иноземца отсутствіемъ величественности. Вообще можно думать, что европейцы, во время пребыванія въ Россіи, дѣлали свои наблюденія и разспросы только украдкой, случайно, дворъ видали всегда въ праздничномъ уборѣ, но будничная, ежедневная жизнь царя и вельможъ оставалась для нихъ сокрытою.

„Не таково было положеніе Павла Алеппскаго. Патріархъ пріѣхалъ за сборомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, отличавшемся необыкновенною набожностью и особымъ уваженіемъ къ духовенству. Патріархъ Никонъ, для достиженія своихъ намѣреній, имѣлъ нужду въ сомысліи восточныхъ патріарховъ, а потому заискивалъ въ нихъ и принялъ Макарія съ почтительнымъ радушіемъ. Кромѣ высокаго сана своего, какъ лицо духовное, Макарій, и какъ человѣкъ, видимо пришелся царю весьма по сердцу, и его спутникъ и родной сынъ, Павелъ Алеппскій, могъ знать не только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, но и многое изъ того, что было говорено съ глазу на глазъ между царемъ, Никономъ и патріархомъ Макаріемъ. Какъ лицо духовное, Павелъ имѣлъ возможность всюду свободно ходить и ѣздить; зная греческій языкъ, могъ слышать многое отъ грековъ мірянъ и духовныхъ, постоянно или подолгу жившихъ въ Москвѣ; какъ православнаго, его живо интересуютъ наши церковные обряды и служенія, которыя онъ имѣлъ случай близко видѣть, самъ нерѣдко участвуя въ нихъ въ качествѣ архидіакона пріѣзжаго патріарха; и надо видѣть, съ какимъ умиленіемъ и даже изумленіемъ то-и-дѣло говоритъ Павелъ о глубокой набожности русскихъ, о необычайномъ терпѣніи ихъ въ отстаиваніи продолжительныхъ служеній, которыя доводили до полнаго изнуренія восточныхъ гостей, къ нимъ, очевидно, непривычныхъ и не видавшихъ ничего подобнаго у себя на родинѣ“.

Арабскій подлинникъ „Путешествія“ до сихъ поръ не изданъ. Въ первый разъ оно стало извѣстно по упомянутому англійскому переводу 1829—36 г., который сдѣланъ былъ Бельфуромъ, членомъ англійскаго Королевскаго Азіатскаго Общества. Основаніемъ перевода была рукопись, пріобрѣтенная въ началѣ XIX столѣтія въ Алеппо графомъ Гильфордомъ. (Отмѣтимъ неясность свѣдѣній объ этой рукописи: на стр. 202 пятаго выпуска говорится: „рукопись, съ которой сдѣланъ англійскій переводъ, *хранится нынѣ* въ Британскомъ Музеѣ“ и приводится описаніе рукописи по печатному каталогу Брит. Музея 1871; а вслѣдъ затѣмъ, стр. 203—204, пишется, что по сношеніямъ гр. Уваровой съ „Корол. Азіатскимъ Обществомъ“ о рукописи гр. Гильфорда оказалось, что, „за прекращеніемъ рода графовъ Гильфордъ, Обществу *неизвѣстно*, въ чьемъ владѣніи находится теперь принадлежавшая графу Фредерику Гильфорду рукопись“. Но вѣдь

только-что было сказано, что рукопись *хранится нынѣ* въ Британскомъ Музеѣ?).

На основаніи перевода Бельфура—только по первымъ его выпускамъ,—составлено было Савельевымъ изложеніе „Путешествія патріарха Макарія", въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1836, оставшееся неоконченнымъ. Въ 1875, от. Димитрій Благово началъ-было переводъ книги Бельфура въ „Чтеніяхъ" московскаго Общества исторіи и древностей, но остановился на половинѣ перваго выпуска. Вѣроятно еще не познакомившись съ цѣлымъ сочиненіемъ, Благово писалъ въ предисловіи, будто записки архидіакона Павла могутъ быть интересны только для монашествующихъ и любителей церковнаго благолѣпія,—что̀, однако, несправедливо. Въ 1876, въ „Трудахъ" кіевской духовной академіи помѣщена была статья г. Аболенскаго, составленная на основаніи „Путешествія Макарія". Этимъ путешествіемъ, по книгѣ Бельфура, пользовались наши историки, какъ Соловьевъ, Костомаровъ и другіе, но не исчерпали его показаній.

Г. Муркосъ, состоявшій профессоромъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, былъ самъ уроженцемъ той страны, которой принадлежали патріархъ Макарій и архидіаконъ Павелъ. Въ предисловіи къ послѣднему выпуску книги г. Муркосъ говоритъ, что на свой трудъ онъ смотритъ какъ на дань благодарности къ воспитавшей его Россіи, что этимъ памятникомъ онъ заинтересовался еще на студенческой скамьѣ, видя въ немъ выраженіе идеаловъ, вынесенныхъ имъ изъ своего дѣтства: отецъ его былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ и ревностныхъ представителей арабской православной общины въ антіохійской патріархіи. Въ томъ же предисловіи г. Муркосъ отмѣчаетъ странность, что когда, по выходѣ первыхъ выпусковъ его труда, почти всѣ о̀рганы нашей свѣтской печати (и въ числѣ ихъ журналы спеціально научные), несмотря на различіе направленій, отнеслись къ труду Павла Алеппскаго серьезно и съ сочувствіемъ, журналы духовные, напротивъ, высказывали недовѣріе къ разсказу Павла: будто бы онъ, восхвалявшій, напримѣръ, благочестіе казаковъ и московитовъ, есть „свидѣтель подкупленный въ пользу русскаго народа богатой милостыней, вывезенной его отцомъ изъ нашей земли",—когда въ дѣйствительности онъ писалъ по-арабски, только для своихъ соотечественниковъ, и писалъ въ Москвѣ украдкой, чтобы москвитяне не узнали, что онъ ведетъ записки,—въ которыхъ притомъ есть немало отзывовъ, нелестныхъ для русскихъ. Наконецъ, мы узнали объ этомъ „подкупленномъ" свидѣтельствѣ только лѣтъ черезъ двѣсти слишкомъ.

Какъ бываетъ сплошь и рядомъ въ литературѣ рукописной, рукопись московскаго архива, съ которой переводилъ г. Муркосъ, пред-

ставляетъ значительные варіанты съ рукописью, съ которой переводилъ Бельфуръ; послѣдняя имѣетъ нѣсколько эпизодовъ, которыхъ недостаетъ въ московской рукописи. Нашъ переводчикъ,—не имѣвши пока этого болѣе полнаго арабскаго текста,—перевелъ эти дополнительные эпизоды съ англійскаго.

Путешествіе патріарха Макарія исполнено великаго интереса вовсе не для однихъ монашествующихъ; напротивъ, оно важно не только для политической исторіи, но и для изученія русской бытовой старины XVII-го вѣка. Павелъ Алеппскій подробно записывалъ видѣнное на пути и въ Москвѣ, и въ его замѣткахъ находится не мало любопытнѣйшихъ подробностей археологическаго и этнографическаго характера.

Въ пяти выпускахъ,—въ которыхъ г. Муркосъ размѣстилъ пятнадцать книгъ подлинника,—путешествіе Макарія изложено такъ: первый выпускъ заключаетъ путь отъ Алеппо до земли казаковъ (описаніе Константинополя, Молдавіи, Валахіи), второй—отъ Днѣстра до Москвы, третій—Москва, четвертый—Москва, Новгородъ и путь отъ Москвы до Днѣстра, пятый—обратный путь, Молдавія и Валахія, Малая Азія и Сирія. Къ книгѣ приложенъ подробный указатель собственныхъ именъ; портретъ патріарха Макарія изъ „Титулярника" 1672 г., относящійся ко второму пріѣзду его въ Москву въ 1668; снимокъ послѣдней страницы арабской рукописи и маршрутная карта путешествія.—А. П.

— Д-ръ Іосифъ Пекарь. Чехи—апостолы варварства. Посвящается Теодору Моммзену. Перевелъ съ разрѣшенія автора Ѳ. Л. Ярешъ. Кіевъ, 1901 (24 стр.).

— Значеніе драмы „Бургграфъ" (Burggraf) для германизаціи средней Европы. (Ѳ. В. Р.). Варшава, 1901 (16 стр.).

Первая изъ этихъ брошюръ, съ ироническимъ заглавіемъ и посвященіемъ, представляетъ обличеніе и опроверженіе знаменитаго Моммзена, который еще въ октябрѣ 1897 напечаталъ воззваніе къ австрійскимъ нѣмцамъ на борьбу съ чешскими національными требованіями: чеховъ онъ называлъ апостолами варварства, находилъ, что чешская „башка" (Schädel) недоступна для разума и что ей понятны только тумаки. Статья была грубая, по своему тону недостойная человѣка, посвятившаго свою жизнь исторической наукѣ. По словамъ автора брошюры, доцента австрійской исторіи въ чешскомъ университетѣ, статья Моммзена произвела на чеховъ удручающее впечатлѣніе, и они не вдругъ рѣшились (?) отвѣчать; но и въ своей брошюрѣ авторъ признаетъ себя „некомпетентнымъ" (?) дать настоящую историческую защиту чешскаго народа, хотя только-что передъ тѣмъ „не колеблется" сказать, что „славный историкъ не имѣетъ и малѣйшаго

понятія о прошедшемъ чеховъ, о значеніи ихъ въ исторіи". Довольно странно, что при такомъ незнаніи Моммзена спеціалистъ по австрійской исторіи нашелъ себя „некомпетентнымъ": незнающему человѣку слѣдовало очевидно объяснять основные элементарные факты, которые должны быть въ распоряженіи спеціалиста. Г. Пекарь, отклонивъ цѣльный отвѣтъ Моммзену, „дышущій негодованіемъ и сокрушающій доказательствами", „позволилъ себѣ" обратить вниманіе безпристрастныхъ судей на нѣсколько особенно важныхъ моментовъ, которые могутъ быть главными пунктами спеціально чешскаго отвѣта. Эти моменты заключаются въ дѣятельности Гуса, приготовившей потомъ нѣмецкую реформацію, и въ отношеніяхъ къ Гусу Лютера, который питалъ къ нему великое почтеніе и признавалъ, что „дѣла Гуса были дѣла божіи".

Переводъ книжки д-ра Пекаря довольно жестокій.

Первыя строки: „Славнѣйшимъ событіемъ нѣмецкой исторіи считается реформація Лютера. *Его* величавость" (чья: событія или Лютера?) „не только устояла передъ критикой современной исторіографіи, проницательно разбирающей и уничтожающей обаяніе не одного миѳа, не одного высокаго подвига,—она" (кто она?) „скорѣе въ тѣни ея" (кого?) „еще выросла".

„Для Лютера, какъ и для *всѣхъ христіанъ*, Гусъ и Чехи сначала— еретики, враги Бога", и д. Не знаемъ, такъ ли сказано въ подлинникѣ; но фраза странная,—потому что послѣдователи Гуса, какъ и самъ онъ, были христіане и не могли считать себя врагами Бога.

„Евангельская истина *болѣе какъ* сто лѣтъ сожжена на кострѣ"...

„Онъ признаетъ непокрыто", т.-е. открыто.

„Церковныя *угодія*", т.-е. имущества, и т. д.

Другая книжка посвящена изложенію и обличенію драмы Лауффа: „Бурграфъ", взятой изъ исторіи отношеній чешскаго королевства къ нѣмецкой имперіи въ XIII столѣтіи и проникнутой (какъ и статья Моммзена) непримиримой ненавистью къ чехамъ. Значеніе этой пьесы „для германизаціи средней Европы" состоитъ въ томъ, что два года тому назадъ пьеса представлена была на берлинской сценѣ въ присутствіи германскаго императора и австро-венгерскаго посла. Чешскія газеты, по словамъ Ѳ. В. Р., „рѣшительно протестовали противъ *личнаго участья* (?) австро-венгерскаго посла въ подобнаго рода берлинскихъ зрѣлищахъ" (но вѣдь посолъ былъ только зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ въ зрѣлищѣ); но „протестъ не достигъ своей цѣли" и затѣмъ произошло нѣчто худшее: „въ 1901 году нѣмецко-патріотическая драма найдена была достойной представленія и въ присутствіи Государя Австріи, Короля Богеміи, Апостолическаго Короля Венгріи". Если австрійскій императоръ смотрѣлъ безъ „протеста"

пьесу Лауффа,—то, кажется, нечего больше объ этомъ и говорить; но авторъ брошюры не успокоивается. „Приступая къ изложенію драмы „Бургграфъ“,—говоритъ онъ,—надѣемся во-время (?) содѣйствовать—по мѣрѣ силъ—полному уразумѣнію (кѣмъ?) названнаго сочиненія на случай новаго представленія на берлинской сценѣ“ (?).

Излагая содержаніе пьесы, г. Ѳ. В. Р. приводитъ, конечно, цитаты—на русскомъ языкѣ, и къ нимъ прибавляетъ нѣмецкій подлинникъ. При сличеніи переводъ оказывается не всегда точенъ. Например, авторъ переводитъ:

„Давно ужъ слышенъ грозный въ Прагѣ вой,
То воетъ чеховъ князь свирѣпый—
Ужъ лапу протянулъ“—

Почему князь „воетъ“ и почему у него не рука, а „лапа“—неизвѣстно. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ это понятно, потому что тамъ сдѣлано сравненіе чешскаго князя съ волкомъ. Далѣе, къ чему онъ протянулъ лапу? По русскому тексту: „по жезлу нѣмцевъ“ (должно бы быть: *къ* жезлу), но въ нѣмецкомъ подлинникѣ говорится: „nach der deutschen Krone“. Зачѣмъ корона превратилась въ жезлъ,—неизвѣстно.

Появленіе этихъ брошюръ возбуждаетъ недоумѣніе. Зачѣмъ понадобилось въ русской литературѣ обличать статью Моммзена черезъ три года послѣ ея появленія, и черезъ годъ обличать пьесу Лауффа,—притомъ то и другое въ весьма несовершенной литературной формѣ? Въ дѣйствительности, въ средѣ австрійскихъ народовъ совершается тревожное волненіе, могутъ грозить роковыя событія. Если предположить, что русскому обществу не безразличны событія въ жизни славянскихъ народовъ Австріи,—судьба которыхъ въ концѣ концовъ можетъ отразиться и на Россіи,—то надо бы ожидать, чтобы въ русской литературѣ явились, наконецъ, серьезные труды о политическомъ положеніи современнаго славянства,—а не однѣ отрывочныя газетныя статьи или брошюрки въ родѣ брошюръ д-ра Пекаря и Ѳ. В. Р.—Въ европейской литературѣ уже ставятся эти многочисленные вопросы о будущемъ западнаго славянства, а въ русской?

— Сочиненія графа П. И. Капниста. Два тома. М. 1901.

Это очень интересная, въ разныхъ отношеніяхъ, книга. Графъ Петръ Ивановичъ Капнистъ (1830—1897), внукъ знаменитаго автора „Ябеды“, на своемъ служебномъ поприщѣ игралъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ довольно значительную роль въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по цензурному вѣдомству и какъ редакторъ га-

зеты министерства, а въ своей неоффиціальной дѣятельности былъ поэтъ,—котораго мало знали, потому что онъ мало печаталъ. Теперь эти поэтическіе труды его собраны въ заботливомъ изданіи его дочери, графини Ины Капнистъ, которая присоединила къ этимъ трудамъ и обширную біографію, занимающую больше половины перваго тома.

Біографія, написанная нерѣдко съ большимъ изяществомъ, очень любопытна: здѣсь не только дано жизнеописаніе П. И. Капниста, составляющее страницу изъ недавней жизни общества и литературы, но разсказана исторія цѣлаго рода. Капнисты происходятъ изъ стараго богатаго греческаго рода на Іоническихъ островахъ (Занте); здѣсь одинъ изъ предковъ, на венеціанской службѣ, получилъ въ 1702 году графское достоинство, которое возстановлено въ Россіи для его потомковъ въ 1876. Не будемъ входить въ эту старую исторію рода (почерпнутую гр. Иной Капнистъ „изъ семейныхъ документовъ временъ венеціанской республики, изъ архива города Занте и изъ исторіи Хіотиса", а въ дальнѣйшемъ изъ другихъ источниковъ) и замѣтимъ только, что при Петрѣ Великомъ два Капниста, отецъ и сынъ, дома воевавшіе съ турками, при несчастномъ поворотѣ событій, потерявъ состояніе, отправились въ Россію, на русскую службу: на пути, отецъ умеръ; сынъ, греческій патріотъ, записался въ запорожскіе казаки (оставивъ свой венеціанскій титулъ), отличился на русской военной службѣ, разбогатѣлъ женитьбой, сталъ малорусскимъ помѣщикомъ и родоначальникомъ русскихъ Капнистовъ. Онъ былъ отцомъ автора „Ябеды".

Разсказывая исторію предковъ, авторъ біографіи съ печалью говоритъ о судьбѣ ихъ новой малорусской родины. Во времена императрицы Елизаветы — „для Украйны настали лучшіе дни. Еслибъ долѣе продолжалось такое благопріятное время, мы могли бы ожидать иного разцвѣта южно-русской культуры. Подъ сѣнью великой московской державы, единовѣрной и дружественной, не имѣя надобности отбиваться отъ желавшихъ поглотить ее татаръ и кочевниковъ, а съ другой стороны ляховъ, — Малороссія могла бы мирно развить даровитую и богатую природу своей почвы и своего народа и внести въ общую сокровищницу русской жизни элементъ утонченной образованности и своеобразнаго искусства. Къ несчастью, весь этотъ разцвѣтъ народной жизни былъ прижатъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, самыми жестокими и неразумными мѣрами" (стр. X).

Объ авторѣ „Ябеды" авторъ біографіи разсказываетъ: „Онъ зналъ французскій языкъ въ совершенствѣ, и даже началъ на немъ свои первые опыты въ поэзіи. 18-ти лѣтъ сочинилъ онъ по-французски оду на Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Однако, вскорѣ онъ занялся роднымъ

языкомъ. Онъ болѣе всего вдохновлялся гражданскими мотивами и любовью къ свободѣ. Каждое политическое событіе находило откликъ въ его душѣ, особенно все то, что касалось народной жизни любимой имъ Малороссіи. Когда при Екатеринѣ II малороссійскій народъ былъ закрѣпощенъ, негодованіе обуяло поэта и его старшаго брата Петра. Въ нихъ обоихъ бились тѣ же сердца, что и въ предкахъ ихъ на островѣ Занте, воевавшихъ за свободу родины, что и въ отцѣ ихъ, вольномъ казакѣ, и, несмотря на придворное образованіе, народная жизнь была имъ родная. Они вовсе не принимали въ разсчетъ того, что крѣпостное состояніе подвластнаго имъ населенія приносило имъ много матеріальныхъ выгодъ. У Василья Васильевича, напримѣръ, оказалось шесть тысячъ крѣпостныхъ. Онъ видѣлъ только одинъ ужасъ въ этомъ превращеніи свободныхъ людей въ рабовъ и искренно возмущался этой несправедливостью и насиліемъ надъ дорогой ему Малороссіей. Онъ вылилъ свое негодованіе въ яркой и сильной одѣ, обращенной къ императрицѣ Екатеринѣ. Всѣми средствами онъ старался довести до нея это стихотвореніе, что вѣроятно надѣлало бы ему много непріятностей, но Дашкова помѣшала ему тогда, и не допустила смѣлаго протеста до императрицы" (стр. XVI—XVII).

Отмѣтимъ еще сравненіе Капниста съ Державинымъ, — съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ и родствѣ. „Великій Державинъ парилъ какъ орелъ въ поднебесьяхъ; вѣчно восторженный, онъ видѣлъ въ окружающемъ мірѣ только тѣ высокія истины, которыя подымаются, какъ вершины горъ надъ облаками. Съ его высоты, подъ нимъ исчезали въ облакахъ и туманахъ недостатки и низкія стороны окружающей среды и современныхъ людей. Онъ видѣлъ отъ нихъ только прекрасное, только снѣжныя вершины, всегда освѣщенныя солнцемъ правды и добра. Такъ обыкновенно все видятъ восторженные люди, и по своему, то-есть, съ той точки, съ которой они глядятъ, они правы. Но Капнистъ не находился на такой невозмутимой высотѣ. Онъ самъ себя сравнивалъ съ мотылькомъ, порхающимъ въ долинѣ и не подымающимся высоко. И вотъ, въ этой-то долинѣ, увы, встрѣчаются не все только цвѣты. Его ясный критическій взглядъ рано открываетъ ему отрицательныя стороны общества, въ которомъ онъ жилъ, а любовь къ правдѣ и свободѣ возноситъ его до истинно лирическихъ порывовъ. Онъ былъ настоящимъ поэтомъ-гражданиномъ, еще долго до того времени, когда стали употреблять это выраженіе, и когда поэты задались этой цѣлью. Какъ только онъ касался чувствъ патріота и гражданина, его вдохновеніе становилось сильнѣе и стихи его лились въ яркихъ образахъ" (стр. XIX—XX).

Дѣтство П. И. Капниста прошло въ Малороссіи. Въ стихотвореніяхъ его дѣда остались привлекательныя картины богатой, свѣжей

природы. „Не такова Малороссія, которую видѣлъ внукъ Капнистъ. Какъ скоро она измѣнилась! Крѣпостничество наложило свое клеймо на ея жителей, и на долгія времена задушило всѣ ихъ лучшія, духовныя проявленія. Оно вселило въ народѣ глубокое равнодушіе и къ матеріальному улучшенію края. Тѣ бѣдствія, какія описываетъ дѣдъ въ своихъ одахъ на крѣпостничество, успѣли такъ омрачить Малороссію, что ея картины, въ стихахъ внука, отпечатлѣны глубокой меланхоліей. Въ немъ возмущался и поэтъ, и сельскій хозяинъ. Кто теперь узнаетъ Малороссію? Теперь лежатъ выжженныя солнцемъ пространства, рѣки высохли, разливовъ нѣтъ, рощи повырублены, благотворный снѣгъ зимой — рѣдкость, даже болота сохнутъ; и вся несчастная природа, чахлая, пыльная, изнуренная, жаждетъ влаги и, не имѣя ея, изнываетъ, палимая горячимъ вѣтромъ, а зимой схваченная рѣзкимъ морозомъ, безъ предохраняющаго землю и посѣвы снѣжнаго покрова.

„Вотъ что̀ сдѣлано изъ плодоносной страны безпорядкомъ и халатностью, несообразными мѣрами: рубкой лѣсовъ, изсушиваніемъ болотъ у источниковъ Днѣпра, хищническимъ хозяйствомъ и нерадѣніемъ. Негодованіе беретъ, глядя на эту растрату матеріальныхъ силъ Россіи. Увы! и не однѣ матеріальныя богатства у насъ растрачиваются по пусту. Сколько нравственныхъ силъ задушено, забито общей лѣнью и равнодушіемъ" (стр. XXIX).

Университетскую школу П. И. Капнистъ прошелъ въ Москвѣ, гдѣ его отецъ занималъ видное общественное положеніе. Изъ этого времени авторъ біографіи отмѣчаетъ вліяніе Грановскаго. Въ эти годы съ ихъ семьей былъ близокъ Гоголь, считавшійся землякомъ и своимъ человѣкомъ. Во время Крымской войны, Капнистъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ, назначенъ былъ на очень тяжелую службу по разслѣдованію злоупотребленій интендантскаго вѣдомства: однажды онъ рисковалъ быть отравленнымъ. Затѣмъ слѣдовала поѣздка за-границу: какъ извѣстно, въ новое царствованіе, когда сняты были прежнія затрудненія и запрещенія, русскіе люди отправлялись за-границу цѣлыми толпами. Послѣ Крымской войны, „несмотря на внѣшнія неудачи, для Россіи начинался, съ царствованіемъ Александра II, періодъ новаго и блестящаго разцвѣта ея внутренней жизни.—Все стало мало-по-малу перемѣняться. Казалось, что всѣ границы, перегородки и прежнія раздѣленія куда-то исчезаютъ. Въ высшихъ слояхъ общества позволеніе безпрепятственно ѣздить въ чужія страны произвело цѣлый переворотъ. Русскіе такъ и потянулись за-границу" (стр. LXXIII—LXXIV).

По смерти отца, П. И. Капнистъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при министрѣ народ-

наго просвѣщенія Головнинѣ. „Министръ представлялъ Государю, три раза въ недѣлю, обозрѣніе текущей литературы и высказывавшихся въ ней мнѣній о реформахъ. Онъ поручилъ Капнисту составлять эти обозрѣнія. Работа эта нравилась ему. Теплая и восторженная душа поэта“ (Капнистъ съ давнихъ поръ былъ поэтомъ; нѣсколько стихотвореній его было напечатано въ „Современникѣ“, но затѣмъ онъ рѣдко появлялся въ печати) „не могла не отозваться съ глубокимъ сочувствіемъ къ вводившимся реформамъ, не встрепенуться вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи. Ему казалось, что каждый русскій, любившій свою родину, долженъ былъ посвятить весь умъ свой и всѣ свои силы на преданное служеніе правительству, помочь ему,— каждый въ своей сферѣ дѣйствій,—провести его великія и гуманныя идеи въ жизнь нашей страны. Всю энергію своей молодости онъ направилъ на работу, стараясь поглотить въ бодромъ и неустанномъ служеніи общему дѣлу свои личныя невзгоды“ (стр. CII—CIII).

Время, когда началась петербургская служба Капниста, было самымъ разгаромъ реформъ. Авторъ біографіи такъ опредѣляетъ отношеніе Капниста къ этому времени.

„Россія переходила тогда черезъ преобразованія и черезъ эпоху безконечныхъ *колебаній*. Великія реформы Александра II-го перемѣнили лицо русской земли. Капнистъ, еще вмѣстѣ со своимъ дядей Алексѣемъ Васильевичемъ, занимался крестьянскимъ вопросомъ, изучалъ его. Освобожденіе крѣпостныхъ было встрѣчено имъ съ восторгомъ. Въ тяжкія времена неволи, онъ стоялъ на либеральной точкѣ; его стихи, особенно поэма „Преступникъ“, были полны негодованіемъ на существовавшій тогда порядокъ и жаждой свободы. Однако, въ немъ преобладало чувство справедливости и мѣры. Послѣ необходимыхъ реформъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что направленіе общественной и государственной дѣятельности впадаетъ въ противоположную крайность, что нововведенія идутъ слишкомъ поспѣшно, не успѣвая создать себѣ прочной основы. Предоставленной во всемъ свободой многіе пользовались не для общаго дѣла, а для развитія своихъ идей (?), для поддержки своихъ интересовъ. Кто, подъ вліяніемъ Герцена, проповѣдывалъ взгляды западныхъ радикаловъ,—кто мечталъ о возвращеніи къ вѣчевому началу. Капнистъ былъ увѣренъ, что рѣзкія перемѣны въ общественномъ строѣ, безъ соблюденія нѣкоторой постепенности,— весьма опасны для общаго продолжительнаго благосостоянія. Будучи до глубины души гуманнымъ и свободолюбивымъ, онъ видѣлъ, что его взгляды не только не противорѣчатъ просвѣщеннымъ взглядамъ правительства,—но идутъ съ ними въ одномъ направленіи. Это побудило его примкнуть къ охранительнымъ началамъ, то-есть, по убѣ-

жденію стоять за интересы правительства,—за постепенность противъ какихъ бы то ни было крайностей" (стр. CXIII).

Такимъ образомъ онъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ звали тогда „постепеновцами". Авторъ біографіи понимаетъ, что выдерживать эту точку зрѣнія было нелегко,—хотя, быть можетъ, не вполнѣ по тѣмъ основаніямъ, какія онъ приводитъ. Авторъ излагаетъ положеніе вещей и положеніе людей, державшихся этого образа мыслей такимъ образомъ: „Это было не легко. Тотъ, кто не поддается тѣмъ или другимъ увлеченіямъ, а придерживается разумной умѣренности, почти всегда остается одинокимъ. Даже между государственными людьми встрѣчались лица съ противоположными направленіями, и Капнисту пришлось скоро это почувствовать. Одна изъ главныхъ непослѣдовательностей этой эпохи заключалась въ томъ, что проекты прилагались не тѣми, кто ихъ составлялъ, а тѣми, кто враждебно къ нимъ относился, и прилагались поэтому дурно, что и вело къ безпорядку. Нѣкоторые отличные проекты оставались безъ примѣненія, и, такимъ образомъ, охота трудиться охлаждалась у ихъ составителей. Мало-по-малу, какъ послѣдствіе расшатанности общихъ началъ и насажденія матеріалистическихъ ученій, сталъ развиваться нигилизмъ. То благотворное теченіе, которое истекало свыше, знаменуя свой путь реформами, нигилисты старались замѣнить насильственными переворотами и возбужденіемъ темныхъ массъ и дикихъ страстей. Для положительной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеальной и вѣрующей натуры, для поэтической души Капниста, начинающій проявляться во всемъ и вездѣ духъ отрицанія и мертвящей пустоты—тягостно ложился на сердце и на думы" (стр. CXIII—CXIV).

Здѣсь именно и сказалось трудное положеніе тогдашнихъ людей, мечтавшихъ о постепенномъ прогрессѣ. Если даже между государственными людьми встрѣчались люди „съ противоположными направленіями"; если бывало, что проекты составлялись одними, а исполнялись другими и потому исполнялись дурно,—это означало, что не было поставлено прочно самое существо реформъ. Капнистъ началъ свою дѣятельность при одномъ настроеніи правительства, продолжалъ и окончилъ ее при совершенно другомъ. Ему могло казаться, что онъ служитъ тому же, своему идеалу постепеннаго спокойнаго прогресса (вышеупомянутому), но въ дѣйствительности дѣло стояло уже совершенно иначе. „Постепеновцамъ" приходилось становиться не только консерваторами, но даже идти назадъ. Извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ, уже вскорѣ послѣ изданія Положеній 19-го февраля, возникаетъ не безъ воздѣйствія вліятельныхъ сферъ движеніе прямо реакціонное: оно направлялось, хотя нѣсколько скрытно, противъ самаго освобожденія крестьянъ, а затѣмъ и противъ другихъ

реформъ—судебной, земской и т. д. Авторъ біографіи, въ приведенныхъ сейчасъ словахъ, вѣроятно, правильно выражаетъ взгляды самого Капниста; но въ этихъ взглядахъ была извѣстная односторонность, не позволившая ему, какъ вообще людямъ его мнѣній, увидѣть дѣло въ его настоящемъ видѣ и объемѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ „расшатанность общихъ началъ", мѣшавшая „благотворному теченію"? Дѣло въ томъ, что само теченіе измѣнилось и, быть можетъ, отсюда именно происходила въ большой мѣрѣ „расшатанность", поведшая къ пресловутому „нигилизму". Русская жизнь имѣла свое прошедшее; въ немъ были свои накопившіяся страданія, свои стремленія къ чему-либо лучшему; въ общественной мысли была потребность простора и свободы; все это болѣе или менѣе сказалось, когда съ конца пятидесятыхъ годовъ нѣсколько расширились рамки печатнаго слова,—и когда послѣ первыхъ идеалистическихъ ожиданій въ началѣ эпохи реформъ наступило иное теченіе, несомнѣнно реакціоннаго характера, въ извѣстной долѣ общества настроеніе стало обостряться и возникалъ тотъ „духъ отрицанія", который производилъ такое тяжелое дѣйствіе на Капниста. Людямъ его мнѣній раньше и позже казалось обыкновенно, что этотъ „духъ отрицанія" есть что-то произвольно выдуманное, что это—простая необузданность мысли, не дисциплинированной здравыми понятіями; они никогда не хотѣли понять, что этотъ „духъ отрицанія" (хотя бы иногда впадавшій въ преувеличенія) имѣетъ свой основной корень въ тяжелыхъ испытаніяхъ прошедшаго и въ законномъ, свойственномъ человѣческой природѣ, стремленіи къ простору мысли и къ улучшенію общественныхъ отношеній.

Разсказывая о юношескихъ годахъ Капниста, авторъ біографіи замѣчаетъ: „У него былъ слишкомъ уравновѣшенный умъ, чтобы вдаваться въ крайности. Ненавидя насиліе, онъ рано понялъ, что прогрессъ и благія идеи не могутъ вноситься насиліемъ, и что все прочное создается не смутами, а преобразованіями. Вліяніе Грановскаго не мало способствовало,—чтобы положительное начало добра, серьезный, но ясный взглядъ, взялъ бы въ немъ верхъ надъ отрицательнымъ взглядомъ, входившимъ уже тогда въ моду (?) и вскорѣ проявившимъ себя въ талантливомъ Герценѣ" (стр. XLIX).

Нельзя сказать однако, чтобы Капнистъ воспринялъ взгляды Грановскаго. При всемъ различіи послѣдняго съ Герценомъ, онъ, безъ сомнѣнія, до конца остался бы въ общественныхъ вопросахъ тѣмъ идеалистомъ прогресса, какимъ былъ; между тѣмъ его ученикъ уже вскорѣ примыкаетъ къ консервативной точкѣ зрѣнія, при которой этотъ идеализмъ исчезалъ. Предполагаемъ, что авторъ біографіи вѣрно передаетъ взгляды П. И. Капниста, а вмѣстѣ и свои собственные. Въ этихъ взглядахъ мы уже скоро встрѣчаемъ въ этомъ смыслѣ не-

доразумѣнія—происходившія на дѣлѣ... При Головнинѣ онъ оставался недолго. Однажды, читаемъ въ біографіи, „Головнинъ, разговаривая съ Капнистомъ о новомъ направленіи русскаго просвѣщенія, далъ ему прочесть программу, которую онъ составилъ для образованія молодежи въ Россіи. Капнистъ, прочитавъ ее у себя дома, удивился крайности этой программы. Головнинъ совершенно отстранялъ въ ней классическое религіозное образованіе (!!) и проводилъ ультра-реальныя тенденціи. Когда, нѣкоторое время спустя, Головнинъ испытующе спросилъ его, какого онъ мнѣнія объ этой программѣ,—Капнистъ отвѣтилъ, что находитъ ее совсѣмъ несообразной съ монархическимъ строемъ нашего государства и христіанскимъ воспитаніемъ. Это видимо не понравилось министру“ (стр. CXIV—CXV).

Между ними началось охлажденіе и вскорѣ затѣмъ Головнинъ оставилъ министерство: „правительство не одобрило его направленіе, какъ слишкомъ крайнее, и ему пришлось выйти въ отставку“.

Не зная, о какой запискѣ Головнина идетъ рѣчь, не можемъ судить, была ли она дѣйствительно „совсѣмъ несообразна съ монархическимъ строемъ нашего государства и христіанскимъ воспитаніемъ“; но не можемъ удержаться отъ сомнѣнія, не была ли такая характеристика преувеличеннымъ личнымъ мнѣніемъ Капниста. Головнинъ, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ умный и едва ли считалъ бы возможной такую программу воспитанія, или, если она была такова, зачѣмъ было нужно давать ее Капнисту? Достаточно извѣстно, что Головнинъ вовсе не былъ такимъ радикаломъ, какимъ его изображаетъ біографія Капниста. „Слишкомъ крайнимъ“ направленіе Головнина стало тогда, когда въ высшихъ сферахъ ярко обозначилось то направленіе, представителями котораго въ министерствѣ просвѣщенія сталъ гр. Д. А. Толстой, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—Валуевъ, потомъ Тимашевъ, Маковъ и пр. Съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, и должна наконецъ наступить историческая справедливость, и, напримѣръ,—какимъ глубокимъ общественнымъ зломъ была классическая система, насажденная въ тѣ годы гр. Д. А. Толстымъ, объ этомъ на дняхъ краснорѣчиво и правдиво говорилъ даже *консервативный* „Гражданинъ“.

Послѣ службы въ министерствѣ просвѣщенія, Капнистъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Валуевѣ и его преемникахъ: служба была очень успѣшна; Капнистъ опять занимался составленіемъ докладовъ о характерѣ литературы, много работалъ по вопросу цензурныхъ преобразованій и т. д., но чѣмъ была цензура при Валуевѣ и его преемникахъ—довольно извѣстно.

Служба въ цензурномъ вѣдомствѣ, разсказываетъ біографія, „дала Капнисту случай познакомиться со многими писателями, а съ нѣко-

торыми и сойтись. Онъ встрѣчалъ почти всѣхъ литераторовъ того времени, а ими много цѣнилось вліяніе въ цензурномъ вѣдомствѣ такого человѣка, какимъ былъ Капнистъ. Такимъ образомъ составился интересный кружокъ литературныхъ знакомыхъ. У него часто обѣдали Гончаровъ, Некрасовъ, Жандръ, Полонскій, Маркевичъ. Щербина, съ которымъ Капнистъ сошелся еще въ Москвѣ, бывалъ постоянно" (стр. CXVI—CXVII). Литературные старожилы говорятъ, что лично Капнистъ внушалъ въ литературныхъ кругахъ сочувствіе и довѣріе, какъ человѣкъ просвѣщенный и доброжелательный; его критическія замѣчанія (о которыхъ упомянемъ далѣе) бывали нерѣдко тонки и справедливы, но цѣлый взглядъ его на положеніе литературы, гдѣ сливались личныя мнѣнія и соображенія служебныя, заключалъ не мало односторонняго и ошибочнаго.

Въ декабрѣ 1864 года Валуевъ поручилъ Капнисту новую работу. „Составлялось характеристичное обозрѣніе направленія различныхъ отраслей русской словесности за десять лѣтъ. Обозрѣніе романовъ и сочиненій въ прозѣ поручили князю Вяземскому,—обозрѣніе драматическихъ произведеній Маркевичу,—а лирической поэзіи Капнисту. За эту работу Капнистъ принялся съ особеннымъ удовольствіемъ, и въ апрѣлѣ 1865 года уже окончилъ ее. Часто навѣщавшій его Щербина приходилъ въ восторгъ по мѣрѣ того, какъ слышалъ отрывки изъ сочиненія Капниста и говорилъ: „Прочитай это министръ,—онъ увидитъ въ васъ человѣка, глубоко понимающаго не только поэзію, но и политическое ея значеніе. Эта работа должна непремѣнно дойти до Государя" (стр. CXXI). Въ примѣчаніи къ этому разсказу читаемъ: „напечатанное въ министерскомъ секретномъ, весьма ограниченномъ изданіи, безъ подписи авторовъ, это обозрѣніе осталось невѣдомымъ для публики, не выходя изъ правительственныхъ сферъ. Мы представляемъ въ первый разъ читателямъ очеркъ Капниста, входившій въ составъ обозрѣнія, какъ краткую характеристику русскихъ лирическихъ поэтовъ 60-хъ годовъ. Напечатано было въ 1865 году". Далѣе говорится еще: „Князь Вяземскій не представилъ заданной ему записки о русской прозѣ. Изданіе готовилось къ 1-му сентября. Вновь обратились къ Капнисту съ просьбой, чтобы онъ написалъ также и эту часть. Времени оставалось слишкомъ мало, чтобы успѣть написать подробный критическій очеркъ. Въ краткой статьѣ онъ изложилъ направленіе русской прозы въ переходное время нашей литературы" (стр. CXXV). Этого послѣдняго очерка не находится въ настоящемъ изданіи; очеркъ русской лирики въ десятилѣтіе съ 1854 по 1864 помѣщенъ во второмъ томѣ (стр. 320—425).

Авторъ біографіи приводитъ еще слѣдующія свѣдѣнія. Очеркъ лирики чрезвычайно понравился назначенному тогда начальникомъ

Главнаго Управленія по дѣламъ печати Щербинину, а затѣмъ, „черезъ нѣсколько дней, приходитъ къ Капнисту одинъ товарищъ по службѣ и передаетъ ему, что писатель Гончаровъ его встрѣтилъ и сказалъ объ очеркѣ: „Со временъ Бѣлинскаго я не читалъ ничего подобнаго, и притомъ въ этомъ трудѣ еще больше безпристрастія, чѣмъ у Бѣлинскаго, потому что послѣдній нерѣдко увлекался!“ (стр. CXXV).

Эта любезность Гончарова была нѣсколько преувеличена. Очеркъ Капниста, кромѣ того что онъ, вѣроятно, вполнѣ удовлетворялъ оффиціальныя точки зрѣнія, не былъ лишенъ достоинствъ. Авторъ, самъ поэтъ, былъ, несомнѣнно, человѣкъ со вкусомъ; его критическія замѣчанія часто бывали мѣтки, но въ самой основѣ его критики была глубокая односторонность. Очеркъ назначался, такъ сказать, для оффиціальнаго доклада, и оффиціальный взглядъ судьи изъ цензурнаго вѣдомства нерѣдко сквозитъ не очень выгодно для судьи литературнаго. Было два главныхъ положенія, на которыхъ Капнистъ опирался въ своей критикѣ. Во-первыхъ, онъ былъ безусловный приверженецъ „чистаго искусства“; во-вторыхъ, онъ былъ врагъ „отрицанія“. Но, какъ бываетъ всего чаще, въ защитѣ чистаго искусства остается неясно, гдѣ тотъ предѣлъ, который дѣлитъ чистое искусство отъ непреодолимыхъ требованій жизни—простой реальной дѣйствительности, которая такъ же, какъ міръ фантазіи, можетъ искать поэтическаго выраженія. Съ другой стороны, еще менѣе ясна была вражда къ „отрицанію“. Въ разрядъ „отрицательныхъ“ ставились всѣ произведенія литературы, поэзія и проза, повѣсть и изслѣдованіе, гдѣ высказывалось (и по условіямъ цензурнымъ обыкновенно лишь туманно и косвенно) недовольство существующимъ складомъ жизни и понятій, и гдѣ то и другое подвергалось сомнѣнію, даже насмѣшкѣ. Для Капниста это казалось обыкновенно только легкомысліемъ и испорченностью, если не злонамѣренностью. Наша литература очень привыкла къ подобнымъ отзывамъ; ими переполнены журналы и газеты, такъ называемаго, консервативнаго направленія; но очень жаль встрѣчать ихъ отголоски у человѣка просвѣщеннаго и несомнѣнно исполненнаго благими намѣреніями. Въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ ли въ себѣ какой-нибудь смыслъ слово „отрицаніе“ безъ объясненія того, что́ именно отрицается, въ какихъ условіяхъ и во имя чего. Прежде чѣмъ сдѣлать изъ этого слова обвинительный приговоръ противъ писателя, непремѣнно требовалось бы правдиво разобрать эти вопросы; и еслибы это было сдѣлано,—передъ критикомъ или историкомъ явилась бы картина общественной и народной жизни, исполненная серьезнаго и тяжелаго значенія. Съ точки зрѣнія консервативнаго критика, „отрицаніе“ возникаетъ въ нашей литературѣ какъ будто случайно, по произволу отдѣльныхъ писателей; но когда оно

все больше распространялось и встрѣчало сочувствіе,—очевидно, что дѣло шло о явленіи вовсе не случайномъ; напротивъ, это явленіе было жизненное и органическое, и успѣхъ его происходилъ оттого, что оно было для общества фактомъ критическаго сознанія. Жизнь, стѣсненная прежними общественными формами, и критическая мысль, по неволѣ ограниченная скуднымъ содержаніемъ, утомлялись этимъ стѣсненіемъ и искали простора, гдѣ могли бы найти себѣ мѣсто и лучшіе общественные инстинкты, и запросы знанія, и свобода личности.

На первыхъ страницахъ своего очерка авторъ останавливается на такъ называемой „натуральной школѣ". Извѣстно, что это названіе присвоено было (притомъ не столько друзьями, сколько врагами) той группѣ писателей, которые воспитались на реализмѣ Гоголя и, взамѣнъ господствовавшаго передъ тѣмъ ходульнаго и безсодержательнаго романтизма, стремились къ изображенію прямой, неподкрашенной дѣйствительности. Капнистъ съ немалой нетерпимостью вооружается и противъ натуральной школы, и противъ новой постановки вопроса объ искусствѣ, въ которомъ хотѣли дать мѣсто требованіямъ жизни. Приводимъ образчикъ его изложенія.

„Въ сущности, — говоритъ онъ, — искусство было только предлогомъ, и полемика объ искусствѣ была принята, какъ единственное средство, дававшее возможность высказывать и популяризировать начала и понятія, не имѣвшія прямого отношенія къ истиннымъ (?) интересамъ искусства. Такимъ образомъ, критика *условилась*, помимо свѣдѣнія о томъ большинства публики и даже писателей, дать названіе „натуральной школы" собственно *протесту* и *отрицанію*".

Отмѣтимъ, во-первыхъ, подчеркнутое Капнистомъ слово: „условилась". Слово, какъ будто, указываетъ на какой-то комплотъ, котораго не было, а было то, что литература сороковыхъ годовъ была окружена такимъ суровымъ цензурнымъ надзоромъ, что могла разучиться называть вещи своими именами. Дальше авторъ крайне преувеличилъ „протестъ", заключавшійся въ натуральной школѣ. „Изученіе дѣйствительности во имя этой „натуральной школы" заключалось, съ одной стороны, въ собираніи всѣхъ возможныхъ (!) аргументовъ, способныхъ доказать полную неудовлетворительность и негодность тогдашняго государственнаго, гражданскаго и общественнаго строя нашего (!!), а съ другой стороны — въ поклоненіи матеріализму и реализму, съ цѣлью дѣйствовать разрушительно на нѣкоторыя религіозныя и нравственныя убѣжденія, имѣвшія у насъ авторитетъ въ то время. Итакъ, вотъ въ чемъ состояло направленіе, которое можно было назвать „натуральной школой". И это направленіе было тогда дѣйствительно новостью и оно было встрѣчено съ симпатіей. Бороться же противъ этого направленія открытымъ оружіемъ не было никакой

возможности, потому что оно прикрылось маской (?) литературной цѣли, интересовъ искусства, подъ именемъ „натуральной школы". И тутъ-то искусство, а въ томъ числѣ и лирическая поэзія, было принесено въ жертву политическимъ и соціальнымъ тенденціямъ. Это было то время, когда, съ одной стороны, писаніе для *чтенія между строкъ* достигло у насъ великаго умѣнія и тонкости, а съ другой стороны, когда возникла цѣлая литература откровенная, безъ маски, но *писанная*" (стр. 330—331).

Первыя приведенныя слова до того преувеличены, что не нуждаются въ опроверженіи. Далѣе, „чтеніе между строкъ" было, конечно, не предосудительный порокъ, а жалкое свидѣтельство подавленнаго положенія литературы, находящееся, между прочимъ, въ явномъ противорѣчіи съ упомянутымъ выше „собираніемъ всѣхъ возможныхъ аргументовъ".

Далѣе: „предохранить искусство, а съ нимъ и лирику нашу отъ низведенія его до значенія оружія въ рукахъ агитаціи (!) могъ только первоклассный художникъ, талантъ сильный и самобытный, а такого, съ кончины Лермонтова и Гоголя, мы еще не имѣли".

Значеніе Гоголя, какъ начинателя реализма въ нашей литературѣ, критикъ совершенно отвергаетъ. „Творцомъ новой „натуральной школы" провозглашенъ былъ Гоголь. Но это, въ сущности, была мистификація. Нужно было знамя (?) новому направленію. Отрицаніе и протестъ составляютъ, правда, значительный элементъ въ талантѣ Гоголя. На эту-то сторону и направляли глаза и вниманіе близорукаго большинства, оставивъ въ сторонѣ незамѣченнымъ то обстоятельство, что чрезъ всю авторскую карьеру Гоголя, рядомъ съ отрицаніемъ и протестомъ, идетъ стремленіе къ идеалу, къ идеалу не относительному, а вѣчному, что въ *Вечерахъ на хуторѣ*, въ *Миргородѣ*, въ *Повѣстяхъ* нѣтъ односторонняго изображенія дѣйствительности, что повѣсть *Портретъ* есть въ своемъ родѣ цѣлый трактатъ въ пользу независимаго искусства, что въ превосходномъ и глубокомъ этюдѣ: *Римъ*—все дышетъ вѣчнымъ идеаломъ". Слѣдуютъ ссылки на вторую часть „Мертвыхъ душъ", на Переписку съ друзьями: „такимъ-то образомъ, подъ видомъ „натуральной школы", проводились въ общество тенденціи въ сущности не-литературнаго свойства, и имя Гоголя было произвольно выставлено, какъ знамя. Уровень творческой дѣятельности въ литературѣ нашей не могъ уже при этомъ не понизиться, и это по преимуществу отразилось въ лирической поэзіи нашей въ послѣднее десятилѣтіе. Окончательное же обращеніе нашей поэзіи къ постороннимъ цѣлямъ, которыя преслѣдовала эта мнимая „натуральная школа", *произведено было нашей критикой*, которая сдѣлала

все отъ нея зависящее, чтобы популяризировать у насъ цѣлую теорію *порабощенія искусства...*" (стр. 333).

Это указаніе на „тенденціи въ сущности не-литературнаго свойства" и на „знамя" опять носятъ не литературный, а административный характеръ. Странно читать о такихъ „тенденціяхъ" потому уже, что вся литература есть дѣло общества, — внѣ общества у нея и нѣтъ интересовъ. „Литературная критика", на которую взводится преступленіе противъ эстетики, сама не была чѣмъ-либо отдѣльнымъ отъ общества, а напротивъ, была только отраженіемъ его собственныхъ жизненныхъ стремленій... Мнимая мистификація съ именемъ Гоголя есть, скорѣе, своего рода мистификація, потому что самое могущественное впечатлѣніе, произведенное Гоголемъ, было то, которое было создано именно „Ревизоромъ" и „Мертвыми Душами".

Приводимъ еще общее впечатлѣніе критика отъ литературы пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. „Если литература и получила у насъ, теперь, болѣе вліянія на жизнь общества, если она принимаетъ болѣе прежняго участіе въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики нашей, если она стала по преимуществу, такъ сказать, газетной, то, съ другой стороны, прислуживая внѣшнимъ, практическимъ цѣлямъ, она отшатнулась отъ тѣхъ внутреннихъ началъ, на которыхъ почіютъ вѣчные законы искусства, она скудна истинно-художественными произведеніями и не проявила почти ни одного такого, которое могла бы смѣло завѣщать потомству" (стр. 325—326). Какъ опровергла исторія эти мрачныя административныя предвѣщанія!—тѣ самые годы, которые критикъ считалъ упадкомъ нашего искусства, на дѣлѣ были разцвѣтомъ новой блестящей поры русской литературы—съ именами графа Л. Н. Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, не говоря объ иныхъ второстепенныхъ, но сильныхъ дарованіяхъ.

Вторая половина перваго тома и второй томъ заняты сочиненіями самого Капниста. Это, во-первыхъ, стихотворенія лирическія, баллады, басни, стихотворенія сатирическія и переводы изъ Гейне; далѣе—произведенія драматическія: трагедія „Сенъ-Марсъ" и неконченная трагедія „Стенька Разинъ". Поклонникъ чистаго искусства и почитатель тѣхъ русскихъ поэтовъ, которыхъ онъ считалъ его служителями, Капнистъ остается поэтомъ личнаго чувства и далекъ отъ мотивовъ общественнаго характера, какъ его образцы: Тютчевъ, Фетъ, Полонскій и др. Онъ обыкновенно хорошо владѣетъ стихомъ, въ стихотвореніяхъ есть искреннее чувство, но въ содержаніи мало оригинальнаго; въ трагедіяхъ онъ затрогиваетъ вопросы общественной борьбы, но лишь въ далекіе вѣка и въ самыхъ общихъ очертаніяхъ общественныхъ страстей, и личнаго героизма. Біографія даетъ вмѣстѣ

очеркъ его политической дѣятельности и комментаріи къ его произведеніямъ. — Т.

— Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Посмертный трудъ печатанъ подъ наблюденіемъ Н. Собко. Спб. 1890. Два тома. Изданіе Р. Голике. 1900.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1881, Д. А. Ровинскій издалъ свой знаменитый грандіозный трудъ: „Русскія народныя картинки", пять большихъ томовъ текста и четыре (въ другой формѣ—семь) фоліанта атласа съ воспроизведеніемъ самихъ народныхъ картинокъ, раскрашенныхъ или нераскрашенныхъ. Книга стоила Д. А. Ровинскому огромнаго труда въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Неутомимый собиратель, онъ разыскалъ все, что только было возможно въ этой области, издалъ свое собраніе картинъ съ полною точностью и прибавилъ къ собранію исторію этого народнаго искусства и объясненіе содержанія картинокъ. Какъ бываетъ всего чаще, подобное собираніе начинается тогда, когда само явленіе, это народное искусство, бываетъ близко къ уничтоженію: оно исчезаетъ или исчезло при новой печати, литографіи и хромолитографіи, какъ исчезаетъ и свободная, безконтрольная дѣятельность народной фантазіи и остроумія. Въ старыя времена, приблизительно съ XVII вѣка, сочиненіе и производство народныхъ картинокъ было совершенно свободнымъ промысломъ, чисто-простонароднымъ, даже деревенскимъ; онѣ обращались только въ народномъ кругу и со стороны властей на нихъ не обращалось вниманія, какъ вообще не обращалось вниманія на то, какъ идетъ народная жизнь. Цензура догадалась направить свой надзоръ на народныя, такъ называемыя лубочныя картинки только въ 1830-хъ годахъ; до-цензурныя картинки становились, конечно, рѣже, и въ настоящее время отыскать ихъ, вѣроятно, очень трудно. Съ ними исчезла возможность проявленія народной сатиры и шутки, которыя бывали иногда нѣсколько крутыя, но отвѣчавшія незатѣйливому и грубоватому вкусу своей публики.

Народная картинка представляла собой иллюстрацію народной литературы. Д. А. Ровинскій въ своихъ объясненіяхъ сообщаетъ, кромѣ исторіи самыхъ картинокъ, множество любопытныхъ указаній о бытѣ и нравахъ прошлаго времени, которые нашли въ картинкахъ свое отраженіе. Онъ зналъ прекрасно эту народную бытовую сторону и умѣлъ извлечь изъ нея характерныя черты.

Его атласъ народныхъ картинокъ, гдѣ, между прочимъ, переданы были нѣкоторыя старыя картины со всей ихъ пряностью, изданъ былъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и составляетъ теперь великую

рѣдкость. Поэтому самъ Д. А. Ровинскій, въ послѣдніе годы жизни, задумалъ уменьшенное изданіе своего большого труда, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы болѣе доступно и по цѣнѣ.

Въ послѣсловіи къ первому тому г. Собко пишетъ: „заканчивая печатаніемъ 1-й выпускъ посмертнаго труда покойнаго Д. А. Ровинскаго, переработанный (-наго?) имъ въ послѣдній годъ жизни изъ V и отчасти IV тома его перваго изданія „Русскихъ народныхъ картинокъ" въ 1881 г., считаю необходимымъ оговорить здѣсь, что, по смерти моего незабвеннаго друга, въ его письменномъ столѣ нашлась записка, уполномочивавшая меня выдать это изданіе въ свѣтъ, окончивъ въ немъ то̀, чего тамъ недоставало".

Въ настоящемъ изданіи картинки очень уменьшены, такъ что на одной страницѣ въ четвертку умѣщается иногда по нѣскольку рисунковъ, занимающихъ въ подлинникѣ большіе листы; рисунокъ нѣсколько утрачиваетъ свою первобытность, и подписи, и въ подлинникѣ не всегда ясныя, становятся иногда неудобочитаемы; но вообще изданіе исполнено съ великимъ стараніемъ: оно составляетъ большую заслугу г. Собко, впервые дѣлая доступнымъ трудъ Д. А. Ровинскаго для большого круга читателей.

Намъ кажется только неумѣстнымъ названіе: „посмертный трудъ" (хотя это вошло въ обычай),—трудъ не былъ и не могъ быть посмертнымъ, а могло быть таковымъ только изданіе.—А. П.

Въ теченіе марта мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Отечественные героическіе разсказы. Съ рис., карт. и планами. Изд. 4-ое. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Абрамовъ, К.—Даръ слова. Вып. 2: Искусство разговаривать и спорить. Спб. 901. Ц. 25 к.

Анненкова-Бернаръ (Н. П. Дружинина). — Разсказы и очерки. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Барвенковъ, Т.—Раздолье, повѣсть. „На мели" и „По способу Коха". М. 901. Ц. 80 к.

Бертенсонъ, Левъ.—Лечебныя воды, грязи и морскія купанья—въ Россіи и за границей. Классификація, химическій составъ, дѣйствіе и показаніе къ употребленію. Путеводитель по лечебнымъ мѣстностямъ. 4-е, совершенно переработанное и значительно дополненное изданіе. Спб. 901. Стр. 777.

Бокъ, К. Э., проф.—Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга и руководитель семьи. Съ нѣм., п. р. д-ра С. Б. Орѣчкина. Со мног. полит. и таблиц. въ краскахъ. Т. II: Половина 1 и 2. Спб. 900. Четыре полутома—4 руб.

Будищевъ, Ал. Н.—Стихотворенія. Спб. 901. Ц. 1 р.

Бухенбергеръ, А.—Основные вопросы сельско-хозяйственной экономіи и политики. Перев. съ нѣмецкаго *А. Гурьева*. Стр. 342. Спб. 901. Ц. 2 р.

Веббъ и *Вельсъ*.—Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ. Перев. П. Г. Мижуевъ. Спб. 901. Ц. 40 к.

Видеманъ, К. И.—Банковая Бухгалтерія. Вып. II. Спб. 901. Ц. 1 р.

Вѣтринскій, Г.—Среди латышей. Очерки. М. 901. Ц. 25 к.

Гиляровъ, А. Н.—Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи. Очеркъ міропониманія современной Франціи по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ. Кіевъ, 901. Ц. 2 р. 75 к.

Гюйо, М.—Собраніе сочиненій. Т. VI: Стихи философа. Перев. И. И. Тхоржевскаго. Спб. 901.

Гнѣдичъ, П. П.—Первый томъ комедій. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Головнинъ, Д. Н.—Основныя начала ученія о сопротивленіи матеріаловъ, въ элементарномъ изложеніи. М. 901.

Давлетшинъ, капит.—Отчетъ по командировкѣ въ Туркестанскій край и степныя области, для ознакомленія съ дѣятельностью народныхъ судовъ. Спб. 901. Спб. 105.

Де-Риккеръ, К.—Алкоголизмъ у женщинъ. Съ франц. п. р. А. Яновскаго. Спб. 901. Ц. 1 р.

Догановичъ, Анна.—Печальникъ земли русской. Историч. пов., для школьн. и семейн. чтеніи. Съ рис. М. 901. Ц. 40 к.

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія, въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и автобіографическимъ очеркомъ. Изд. 3-ье. Спб. 901. Ц. 3 р.

Забрежневъ, Ив.—Теноръ ди Грація. Разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

Зеленоглазый, М.—Въ пути. Др. въ 4 д. М. 901.

Зомбартъ, Вернеръ, проф. Бреславскаго унив.—Организація труда и трудящихся. Перев. подъ ред. *Л. А. Кириллова*. Съ портретомъ В. Зомбарта и предисловіемъ М. Туганъ-Барановскаго. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 901. Стр. 456.

Ивановъ, И. И.—М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя произведенія. Съ критико-біографической статьей. М. 901. Ц. 65 к.

Игнатовъ, И.—Галлерея русскихъ писателей. М. 901. Стр. 589. Ц. 3 р. 50 коп.

Имшенецкій, Я. К.—„Хуторянинъ" и его читатели. Полтава, 901.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. Спб. 901. Ц. 1 р. 20 к.

Кашкадамовъ, В. П.—О чумѣ, согласно новѣйшимъ даннымъ. Спб. 901. Ц. 60 к.

Колышко, I.—Два преступленія и два искупленія. Критико-психич. этюдъ. Спб. 901. Ц. 30 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II: Часть особенная. Вып. 1. Изд. 3-ье. Спб. 901. Ц. 3 р.

Кругловъ, В. В.—Домна-Ректорша. М. 901. Ц. 50 к.

Круковскій, Адр.—Сборникъ отзывовъ о русскихъ писателяхъ. Поневѣжъ, 901. Ц. 60 к.

Кунцевичъ, Г. З.—Исторія о Казанскомъ царствѣ. Ея списки. Спб. 901.

Лависсъ и *Рамбо*.—Всеобщая исторія съ IV-го столѣтія до нашего времени. Т. VII: Восемнадцатый вѣкъ, 1715—1789 гг. Перев. М. Гершензона. М. 901. Ц. 3 р.

Ладыженскій, В. И.—О книгахъ и сочинителяхъ. Вып. II: Отъ Петра В. до нашихъ дней. Чтеніе для школъ и народа. М. 901. Ц. 50 к.

Леногорскій, д-ръ.—Стоитъ ли выходить замужъ? Экскурсія гигіениста въ область супружеской жизни. Од. 901. Ц. 25 к.

Лихтенберже, А.—Философія Нитцше. Перев. п. р. М. Невѣдомскаго. Спб. 901. Ц. 1 р. 80 к.

Лори.—Дядя изъ Чикаго. Очерки школьной жизни въ Америкѣ. Съ франц. Спб. 901.

Лохтинъ, П.—Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги къ XX вѣку. Спб. 901. Стр. 309+45.

Мижуевъ, П. Г.—Вліяніе народнаго образованія на народныя богатства, здоровье и нравственность и другія стороны общественной жизни. Спб. 901. Ц. 80 к.

Милль, Дж. Ст.—О свободѣ. Съ англ. М. И. Ловцовой. Спб. 901. Ц. 75 к.

Мордвиновъ, И. П.—Какъ устраивать въ семьѣ и школѣ елки, праздники и юбилеи. Спб. 901. Ц. 1 р.

Мордовцевъ, Д. Л.—Собраніе сочиненій. Т. I—III. Спб. Изданіе Н. Ѳ. Мертца, 901. Безплатное приложеніе „Библіотека Сѣвера".

Москвичъ, Григорій.—Иллюстрированный практическій руководитель по Крыму, съ приложеніями: алфавита, русско-татар. словаря, 7 картъ Крыма, плановъ Севастополя и др. Изд. 10-ое. Од. 901. Ц. 1 р.

Мюллеръ, Максъ.—Религіи Китая. Съ англ. п. р. А. Яновскаго. Спб. 901. Ц. 50 к.

Нечаевъ, А. П.—Современная экспериментальная психологія, въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 табл. въ текстѣ. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

О., М.—Общедоступное объясненіе Евангелія, въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя. Посвящается православному русскому народу. Спб. 901. Стр. 436. Ц. 90 к.

Пановъ, Александръ.—Всемірное тяготѣніе и его причины. Гипотеза. Н.-Новг. 901. Ц. 1 р.

Пахомовъ, Д.—На развалинахъ стараго царства. Путевые очерки Кавказа. Спб. 901.

Петрушевскій, Ѳ.—Краска и живопись. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 2 р. 20 к.

Плоссъ, Г., д-ръ.—Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Перев. д-ра М. Бартельса, п. р. д-ра А. Г. Фейнберга. Т. II, половина 2-я (конецъ). Спб. 901. Ц. за 2 т.—10 руб.

Прессъ, Аркадій.—Писатели XIX-го вѣка. Характеристики: Г. де Мопассанъ, Альф. Додэ, Френс. Бретъ-Гартъ, Р. Киплингъ, Эдг. Алленъ По. Кн. 1-я, съ 5 портретами. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Проль, Луи.—Любовь и преступленіе. Общественно-психологическое изслѣдованіе. Спб. 901. Ц. 35 к.

Рабле, Франсуа.—Гаргантюа и Пантагрюэль, въ 5 книг. Съ франц. текста XVI-го вѣка, первый русскій перев. А. Н. Энгельгардтъ. Съ иллюстрац. Дорэ. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 к.

Рожновскій, I. I.—Русско-французскія пословицы и поговорки. Вильно, 901. Ц. 35 к.

Рѣпинъ, И. Е.—Воспоминанія, статьи и письма изъ-за границы. П. р. Н. Б. Сѣверовой. Спб. 901. Ц. 1 р.

Соловьева, Л. И.—Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи. Спб. Фребелевскаго Общества. На охотѣ Спб. 901.

Сюэль, Анна.—Черный красавецъ. Исторія лошади, разсказанная ею самою. Съ англ. перев. Е. Б. Съ 25 рис. М. 901. Ц. 75 к.

Толочиновъ, К. Ф.—Учебникъ женскихъ болѣзней, 2-е исправленное и дополненное изданіе. Москва, 901. Ц. 3 р. 75 к. Стр. 488.

Толстой, Л. Л.—Въ голодные годы. Записки и статьи. Съ иллюстраціями. М. 900. Ц. 1 р.

Уитби, Б.—Въ свѣтлую пору жизни. Повѣсть для юношества. Съ англ. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Ухтомскій, кн. Эсперъ.—Изъ китайскихъ писемъ. Спб. 901. Стр. 31.

Фальборкъ и *Чарнолусскій*.—Учительскія общества, кассы, курсы и съѣзды. Системат. сводъ законовъ, распоряж., правилъ, инструкц. и справочн. свѣдѣній. Спб. 901. Ц. 50 к.

——— Учительскія семинаріи и школы. Системат. сводъ законовъ, распоряженій и т. д. Спб. 901. Ц. 2 р.

——— Испытанія на званіе уѣздныхъ домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей и на первый классный чинъ. Спб. 901. Ц. 50 к.

Фаресовъ, А. И.—Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ). Біографія и мои о немъ воспоминанія (съ двумя портретами). Спб. 901. 72 стр. Ц. одинъ рубль.

Фейгинъ, Ф., д-ръ.—Труды досуга. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

——— Руководство къ уходу за больными, ранеными, умалишенными, родильницами и новорожденными и къ подаяію первой помощи, въ случаяхъ, угрожающихъ жизни. Карманная книга. Спб. 901. Ц. 1 р.

Фетъ, А. А.—Полное собраніе стихотвореній. П. р. Б. В. Никольскаго. Въ трехъ томахъ. Спб. 901. Ц. 5 р.

Фойницкій, И. Я.—Курсъ уголовнаго права. Часть особенная: Посягательства личныя и имущественныя. Изд. 4-е. Спб. 901. Ц. 3 р.

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Фаустъ, трагедія Гёте. Ч. I. М. 901. Ц. 1 р.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II: 1840—1877. Вып. 4. Ц. вып. 40 к. М. 901.

Чириковъ, Евг.—Очерки и разсказы. Кн. 3. Спб. 901. Ц. 1 р.

Шапировъ, Борисъ.—Наши пограничныя окраины въ Средней Азіи. Путевые наброски. Спб. 901. Ц. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—Курсъ гражданскаго права. Т. I: Введеніе. Вып. 1. Каз. 901. Ц. 2 р.

Щербина, Ф. А.—Крестьянскіе бюджеты. Изд. Имп. Вольн. Экономич. Общества. Воронежъ, 900. Ц. 3 р.

Barrière, Marcel.—Les Ruines de l'amour. Par. 900. Ц. 3 фр. 50 с.

——— Le Roman de l'Ambition. Par. 900. Ц. 3 ф. 50 с.

——— L'Education d'un Contemporain. Par. 900. Ц. 3 фр. 50 с.

— Восьмой санитарный съѣздъ земскихъ врачей С.-Петербургской губ. Вып. 1. Положеніе земско-медицинскаго дѣла 1895—99 гг. Спб. 901. Стр. 290.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи сибирской желѣзной дороги. Вып. XXI. Спб. 900.

— Календарь „Синяго Креста“ Общества попеченія о бѣдныхъ и боль-

ныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

— Краткій историческій очеркъ административныхъ учрежденій горнаго вѣдомства въ Россіи 1700—1900 гг. Спб. 900. Стр. 204.

— На славномъ посту. Литературный Сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Спб. 901. Ц. 3 р.

— Обзоръ податного состоянія Курской губерніи за 1899 годъ. Составленъ по отчетамъ податныхъ инспекторовъ. Курскъ, 900. Стр. 73+15+30 таблицъ.

— Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. II: Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ 1820—1823. Изданіе гр. С. Д. Шереметева, п. р. и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 901. Ц. 2 р.

— Отчетъ по главному тюремному управленію за 1898 г. Изд. Главн. Тюремнаго Управленія. Спб. 900. Стр. 196.

— Портреты съ автографами и краткими біографіями министровъ учрежденныхъ въ 1802 г. министерствъ имп. Александромъ I. Изданіе И. Божерянова, выполненное художественною фототипіею А. И. Вильберга. Вып. 1, съ 9 портр. Спб. 901.

— Почтово-телеграфная статистика за 1899 года. Спб. 900. Стр. XXXI+57. Таблицъ 8.

— Пушкинскіе дни въ Одессѣ. Сборникъ Имп. Новороссійскаго Университета. 1799—1899 гг. Съ 4 фототип. снимками. Од. 901.

— Саратовская Земская Недѣля 11—32. 1900 года. Изд. Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ, 900.

— Статистическая коммиссія при III Отдѣленіи Императорскаго Вольно-Экономическаго О—ва. Труды Коммиссіи по вопросамъ земской статистики. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 901. Стр. 153+53.

— Труды созваннаго по распоряженію начальника края совѣщанія врачебныхъ инспекторовъ Кіевской, Подольской и Волынской губ., состоявшагося въ г. Кіевѣ 5—12 октября 1900 г., по вопросу о лучшей постановкѣ врачебнаго санитарнаго дѣла въ Юго-Западномъ краѣ. Кіевъ, 901. Стр. 129.

— Труды Юридическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1900 г. Казань, 901. Стр. 170+80.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ad. van Bever et Paul Léautaud. Poètes d'aujourdhui, 1880—1900. Стр. 424.

Подъ названіемъ „Современные поэты" Поль Леото и Адольфъ ванъ-Беверъ издали сборникъ, составленный изъ біографіи, краткихъ характеристикъ и образцовъ творчества новѣйшихъ французскихъ поэтовъ. Книга ихъ не содержитъ общей характеристики современной поэзіи, но въ ней есть указанія на всѣхъ—и лучшихъ, и второстепенныхъ—поэтовъ современной Франціи. Авторы достаточно безпристрастно отнеслись къ своей задачѣ, и включили въ свой сборникъ поэтовъ самыхъ различныхъ направленій, такъ что по отдѣльнымъ характеристикамъ и образцамъ можно составить себѣ ясное представленіе о всемъ, что есть выдающагося въ современной французской поэзіи. Въ сборникъ вошли лишь очень немногіе умершіе поэты: Роденбахъ, Верлэнъ, Малармэ, Соменъ (Saumin), Ренбо. Краткіе очерки о каждомъ поэтѣ очень цѣнны главнымъ образомъ по исчерпывающимъ библіографическимъ указаніямъ, такъ что для изученія новѣйшей литературы книга Леото и ванъ-Бевера имѣетъ несомнѣнно большую цѣнность.

Наиболѣе пространные очерки посвящены поэтамъ съ установившейся извѣстностью, каковы Поль Верлэнъ, Морисъ Меттерлинкъ. Издатели приводятъ выдержки изъ наиболѣе авторитетныхъ критическихъ отзывовъ о нихъ, называютъ писателей, впервые обратившихъ вниманіе на поэтовъ, не сразу оцѣненныхъ публикой. Оказывается, что Меттерлинка „открылъ" Октавъ Мирбо, написавшій въ 1889 году въ „Figaro" очень смѣлую статью, въ которой проводилъ параллель между бельгійскимъ драматургомъ и Шекспиромъ. Отъ него такимъ образомъ исходитъ упроченное за Меттерлинкомъ названіе „бельгійскаго Шекспира". Такую же услугу Верлэну оказали молодые критики Шарль Морисъ и Казальсъ. Въ сборникѣ приведены также критическіе отзывы лучшихъ французскихъ критиковъ, Лемэтра, Анатоля Франса, Моклера и др. о Меттерлинкѣ и Верлэнѣ. Въ подтвержденіе этихъ авторитетныхъ сужденій приведены лучшіе образцы поэзіи обоихъ этихъ писателей, извѣстныя пѣсни Меттерлинка на мотивы изъ „Пѣсни Пѣсней": „Et s'il revenait un jour", „J'ai marché trente ans, mes soeurs" и др., и отрывки изъ „Sagesse" Верлэна.

Но, конечно, интересъ сборника—не въ повтореніи общеизвѣстныхъ характеристикъ поэтовъ съ установившейся литературной славой. Гораздо любопытнѣе свѣдѣнія и образцы творчества менѣе извѣстныхъ, въ особенности за предѣлами Франціи, болѣе молодыхъ поэтовъ разныхъ школъ и направленій. Однимъ изъ продолжателей традицій парнасской школы является Фернандъ Грегъ (Fernand Gregh), увѣнчанный академіей за сборникъ мастерскихъ по формѣ, а по тону жизнерадостныхъ и въ то же время вдумчивыхъ стиховъ, подъ заглавіемъ „Maison de l'Enfance". Поль Леото разсказываетъ о довольно любопытныхъ обстоятельствахъ, создавшихъ извѣстность Грега, который, впрочемъ, вполнѣ заслужилъ впослѣдствіи истинно художественными выдержанными и спокойными стихами свою вначалѣ случайную извѣстность. Онъ написалъ въ 1896 году въ „Revue de Paris" статью о Верлэнѣ, въ которой, между прочимъ, помѣстилъ свое собственное короткое стихотвореніе „Менуэтъ",—очень звучное и мелодичное. Черезъ нѣсколько времени, Гастонъ Дешанъ издалъ сборникъ своихъ критическихъ статей. „La vie et les livres", куда вошла и статья о Верлэнѣ. Желая обогатить ее новыми выдержками изъ Верлэна, критикъ включилъ въ статью „Менуэтъ" Грега, вычитанный имъ въ его статьѣ о Верлэнѣ и принятый, очевидно вслѣдствіе невнимательнаго чтенія статьи, за стихотвореніе самого Верлэна. Грегъ напечаталъ опроверженіе въ газетахъ, поднялъ этимъ нѣкоторый шумъ въ литературѣ—и прославился. Вскорѣ послѣ того онъ издалъ свои разбросанные по разнымъ журналамъ стихи, и такимъ образомъ составился сборникъ „Maison de l'Enfance", встрѣченный критикой очень сочувственно и увѣнчанный академіей. Это произошло въ 1897 г., а съ тѣхъ поръ молодой поэтъ очень усовершенствовался, и его новѣйшая книга, „La Beauté de vivre", стоитъ гораздо выше по искренности и теплому прочувствованному тону. Но все-таки лучшимъ образцомъ его музыкальной музы является случайно прославившій его „Менуэтъ", въ самомъ дѣлѣ нѣсколько напоминающій извѣстную осеннюю пѣсню Верлэна. Къ традиціямъ Парнасса примыкаетъ отчасти одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ среди поэтовъ молодой школы—Анри де-Реньé. Лирикъ, драматургъ, и въ то же время авторъ короткихъ повѣстей и оригинальныхъ романовъ въ духѣ Анатоля Франса, Реньé пишетъ строго выдержаннымъ, спокойнымъ парнасскимъ стихомъ, любитъ пышные эпитеты, описываетъ торжественныя процессіи, плавныя, ритмичныя движенія, возсоздаетъ образы античной Греціи; въ стихахъ его часто говорится о золотѣ, о сверканіи металловъ. Но въ то же время въ поэзіи его много новизны, изысканныхъ настроеній, чуткаго пониманія природы. Владѣя въ совершенствѣ пластической формой стиха, Реньé въ то же время—одинъ изъ первыхъ и самыхъ талантливыхъ новато-

ровъ современной французской поэзіи, въ смыслѣ перехода отъ риѳмы къ свободному стиху. Во французской поэзіи это нововведеніе очень назрѣло. Классическій французскій стихъ слишкомъ близокъ къ прозѣ. Въ немъ отсутствуетъ внутренняя ритмичность, возмѣщаемая лишь отчасти богатствомъ и звонкостью риѳмы. Всѣ усилія новѣйшей поэзіи направлены на то, чтобы сдѣлать стихъ болѣе музыкальнымъ по существу, вдохнуть въ него внутренній ритмъ, не прибѣгая къ болѣе легкому и чисто внѣшнему пріему—къ богатству риѳмы. Начало этому положилъ Верлэнъ, и вслѣдъ за нимъ многіе изъ новѣйшихъ поэтовъ успѣшно пошли по его слѣдамъ. Ренье́—одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей этого новаго рода поэзіи. Онъ блестяще владѣетъ и классическимъ французскимъ языкомъ, какъ это доказываетъ, напр., рядъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Надписи къ тринадцати воротамъ города“. Спокойныя, пластичныя и звучныя описанія воротъ, черезъ которыя входятъ въ городъ жрицы, торговцы, воины, изъ которыхъ уходятъ изгнанники и выносятъ мертвыхъ, напоминаютъ античные барельефы по выпуклости образовъ и строгой ритмичности стиха, то тяжелаго, какъ поступь вооруженной толпы воиновъ, то легкаго, какъ шаги танцовщицъ въ воздушныхъ одѣяніяхъ. Въ сборникѣ приведено нѣсколько стихотвореній Ренье́, написанныхъ свободнымъ стихомъ. Такова, напр., поэма „Ваза“; въ ней не упразднена риѳма, но длинные стихи чередуются съ короткими, чѣмъ видоизмѣняется классическій французскій двѣнадцатисложный стихъ. Стихотвореніе—чисто описательное: художникъ высѣкаетъ изъ мрамора вазу, отдаваясь теченію своей фантазіи, воспроизводя видѣнія нимфъ, сатировъ и прекрасныхъ женскихъ фигуръ, которыя рисуются его воображенію. Большая любовь къ природѣ, чуткое вниманіе ко всѣмъ движеніямъ водъ, листьевъ въ лѣсу, къ запахамъ и тишинѣ равнинъ, чувствуется въ мѣняющихся картинахъ природы, возсозданныхъ поэтомъ, а ритмичный, гибкій, мѣняющійся стихъ передаетъ съ большой красотой перевоплощеніе природы въ произведеніи искусства. Поэтъ изображаетъ свои видѣнія, и очень искусно переходитъ отъ описанія возбужденной во время работы фантазіи къ болѣе спокойному настроенію, когда ваза готова: „мое опьяненіе умерло—работа завершилась, и наконецъ на подножьѣ высится предо мной вся большая ваза, отъ подставки до ручекъ“. За этимъ слѣдуетъ спокойное перечисленіе высѣченныхъ изъ мрамора фигуръ—тѣхъ самыхъ, которыя жили въ разгоряченномъ воображеніи художника въ минуты работы. Все это снова живетъ уже въ прекрасномъ мраморѣ, но самъ художникъ чувствуетъ себя покинутымъ среди молчаливыхъ мраморныхъ фигуръ: „Я одинъ, одинокъ навсегда, среди темной ночи; я проклинаю зарю и плачу, тоскуя во мракѣ“. Экстазъ вдохновенія и тяжесть пробужденія, сопровождающая

всякое завершенное дѣйствіе, переданы въ стихотвореніи съ большой художественной силой. Изъ этого стихотворенія, какъ и изъ другихъ приведенныхъ въ сборникѣ, видно, что Ренье—истинный поэтъ; онъ не гонится за внѣшней виртуозностью стиха, но свободно передаетъ свои настроенія, красоты античнаго міра и непосредственной дѣйствительности, разбивая, когда нужно, рамки традиціонныхъ стихотворныхъ формъ.

Другой изъ талантливыхъ новыхъ французскихъ поэтовъ, Эмиль Вергаренъ (Emile Verhaeren)—бельгіецъ по происхожденію. Лучшіе сборники его стиховъ—„Les Flamandes“, „Campagnes hallucinées“, „Villages illusoires“. Помимо своеобразности стиха, то спокойнаго и строгаго при описаніи, напр., процессіи монаховъ, торжественныхъ шествій толпы, то чрезвычайно нервнаго, мѣняющагося, ритмичнаго безъ риѳмы, въ описаніяхъ бури, вѣтра, движеній природы, внутреннее содержаніе поэзіи Вергарена интересно по своей новизнѣ. Одна изъ характерныхъ чертъ новой французской поэзіи — возродившееся чувство природы. Прежняя поэзія жила всецѣло индивидуальными настроеніями; ея обычный репертуаръ—любовь къ женщинѣ, любовныя страданія, ревность, скорбь о смерти любимаго существа, или, напротивъ того, радость счастливой любви, красота возлюбленной. Въ новой поэзіи замѣтно сильное тяготѣніе къ пантеизму. Поэты ищутъ общенія съ природой, сливаютъ свои личныя ощущенія съ общей жизнью вселенной; ихъ влекутъ къ себѣ тайны бытія, вызывающія религіозныя настроенія; не отдѣльный человѣкъ съ его личной судьбой, а жизнь въ цѣломъ массы людей, обобщенныя настроенія, въ которыхъ сказывается таинственная цѣльность бытія, занимаютъ воображеніе поэтовъ. Эта черта очень сильно развита въ современной французской поэзіи на-ряду съ другой, ей противоположной—съ жаждой тончайшихъ ощущеній, доходящихъ до извращенности. Поэзія всѣми путями ищетъ предѣловъ, стремится проникнуть за черту ограниченнаго, доступнаго познанію бытія, и потому ее одинаково влечетъ къ самому широкому обобщенію и къ самой крайней утонченности, къ широкимъ схемамъ и къ самой аристократической изысканности. Вергаренъ принадлежитъ къ тѣмъ изъ новыхъ поэтовъ, которые ищутъ обобщенности въ впечатлѣніяхъ природы, въ движеніяхъ больших массъ. Онъ—пѣвецъ деревни, спокойныхъ фламандскихъ селеній съ ихъ широкой, вдумчивой, чисто стихійной жизнью. Онъ любитъ и воспѣваетъ природу и въ яркомъ сіяніи лѣтняго солнца, когда усталыя жницы предаются полуденному отдыху на поляхъ; но еще болѣе сродни его душѣ осенніе пейзажи. Въ описаніяхъ осеннихъ бурь, вѣтра, завывающаго въ лѣсахъ и поляхъ въ ненастные ноябрьскіе дни, дождя, окутывающаго деревни сѣрой завѣсой, Вергаренъ

почти не имѣетъ равныхъ себѣ во французской поэзіи: „Видали ли вы вѣтеръ, на перекресткѣ ста тридцати дорогъ“—таковъ припѣвъ одного изъ его самыхъ художественныхъ стихотвореній, написанныхъ свободнымъ, не-риѳмованнымъ, но музыкальнымъ стихомъ. Или, напримѣръ, другое стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Ноябрь“: „большія дороги уходятъ крестами въ безконечность, пересѣкая лѣса. Большій дороги уходятъ крестами въ безпредѣльную даль черезъ равнины; большія дороги выдѣляются крестами въ холодномъ мертвомъ воздухѣ, гдѣ несутся раскидистые вѣтры, несутся вдаль по равнинамъ“ и т. д. Кромѣ отдѣльныхъ описаній природы, у Вергарена есть подробныя картины сельской жизни, задуманныя чрезвычайно оригинально: онъ рисуетъ толпы людей, уходящихъ изъ деревень въ города; передавая самымъ стихомъ тяжесть и безнадежность этого движенія безъ цѣли и безъ надежды, описывая рубища и истомленность лицъ, онъ возсоздаетъ безъисходныя страданія народныхъ массъ, теряющихъ связь съ почвой. Въ отдѣльныхъ поэмахъ онъ описываетъ обитателей деревни, кузнеца, изготовляющаго безконечныя желѣзныя полосы, мельника съ „черной мельницы“, столяра, сколачивающаго гробы, и т. д., и эти фигуры олицетворяютъ собой всю человѣческую жизнь; кузнецъ является какъ бы образомъ философа, кующаго безконечныя системы, которыя, въ свою очередь, будутъ перековываться другими; и у всѣхъ другихъ людей, свершающихъ будничный деревенскій трудъ, отражены мысли и труды человѣчества, его безсознательное исполненіе внѣ его лежащихъ цѣлей. Два лучшихъ сборника Вергарена — „Villages illusoires“ и „Campagnes hallucinées“,—заключаютъ въ себѣ картины природы; но природа, описанная точно, правдиво и съ глубокимъ настроеніемъ, претворяется въ фантазіи поэта въ образы человѣческой судьбы, окруженной непроницаемыми тайнами. Вергаренъ—поэтъ мысли, обобщенныхъ философскихъ настроеній, и поэмы его чаруютъ не только своеобразной свободной мелодіей стиха, но и своимъ проникновеніемъ—смысломъ жизни, мыслями о назначеніи человѣка въ бытіи, о связи всякаго движенія, всякаго чувства въ человѣкѣ съ жизнью вселенной.

Изъ другихъ новыхъ поэтовъ, отмѣченныхъ въ сборникѣ, художественный интересъ представляетъ Поль Форъ (Paul Fort), авторъ „Ballades françaises“. Онъ пишетъ на народные мотивы, пѣсни о жизни природы, и стремится создать новый стихъ — нѣчто среднее между поэзіей и прозой. Большинство его стихотвореній напечатано прозой, хотя, въ сущности, многіе изъ нихъ имѣютъ вполнѣ стихотворную форму. Пѣсни его сохраняютъ наивный народный колоритъ, полны очень тонкихъ описательныхъ подробностей и раздѣляются на „деревенскія пѣсни“, „пѣсни моря“, „пѣсни горъ“, „пѣсни водъ“

и т. д. Образцомъ того, какъ мелодичны въ своей простотѣ эти наивныя пѣсни, передающія обычныя человѣческія печали и радости, можетъ служить слѣдующее короткое стихотвореніе: „Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours.—Ils l'ont portée en terre, en terre au point du jour.—Ils l'ont couchée toute seule, toute seule en ses atours. — Ils l'ont couchée toute seule, toute seule en son cercueil.—Ils sont rev'nus gaîment, gaîment avec le jour.—Ils ont chanté gaîment, gaîment, chacun son tour:—„Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours".—Ils sont allés aux champs, aux champs comme tous les jours".

Чувствуется большая примиренность въ этой простой передачѣ смерти юнаго существа, и послѣдній стихъ, съ его призывомъ къ простой и плодотворной работѣ, производитъ бодрящее впечатлѣніе.

Есть въ сборникѣ нѣсколько очерковъ о поэтахъ, хорошо извѣстныхъ въ литературныхъ кружкахъ во Франціи, но едва ли оправдывающихъ восторженное отношеніе къ нимъ поклонниковъ. Таковъ, напр., Франсисъ Жаммъ (Francis Jammes), создавшій даже цѣлую школу „жammистовъ". Его сборникъ „De l'Angelus de l'Aube à l'Angelus du Soir" проникнутъ религіознымъ настроеніемъ, передаетъ чувство смиренія человѣка передъ природой и наивную вѣру въ Бога. Но въ этой наивности слишкомъ много дѣланности, и самыя стихотворенія большей частью безцвѣтны и оживляются только примѣсью чисто французскаго эротизма. Жаммъ—искусный изобразитель неодушевленныхъ предметовъ—въ этомъ одно изъ несомнѣнныхъ качествъ его поэзіи. Очень красиво, напр., въ своей простотѣ стихотвореніе подъ заглавіемъ „Столовая"—описаніе старой мебели, какъ бы хранящей отзвуки жизни предковъ, нѣкогда сидѣвшихъ въ той же комнатѣ, старыхъ разбитыхъ часовъ, остановившихся навсегда, какъ замолкаетъ навѣки голосъ умершаго человѣка. Стихотвореніе заканчивается очень граціозно переходомъ къ дѣйствительности. Люди не подозрѣваютъ о томъ, что все полно жизни въ комнатѣ, обставленной старинной мебелью: „У меня бывало много людей, мужчинъ и женщинъ, которые не вѣрятъ въ души предметовъ. И я улыбаюсь, когда меня считаютъ единственно живымъ въ комнатѣ, и когда посѣтитель, входя въ комнату, обращается ко мнѣ одному со словами: „Какъ поживаете, г. Жаммъ?"

Другой изъ прославленныхъ поэтовъ молодой школы, Густавъ Канъ (Gustave Kahn), не представляетъ большого интереса. Его „Palais Nomades", съ пышными описаніями фантастическихъ обиталищъ, большею частью риторичны и внутренно несодержательны. Но онъ разработалъ съ большимъ искусствомъ вольный стихъ и содѣйствовалъ техническому совершенствованію новой французской поэзіи. Это, ко-

нечно, заслуга съ національной точки зрѣнія—но для обще-европейской литературы онъ не представляетъ самостоятельнаго интереса.

Кромѣ названныхъ нами поэтовъ, въ сборникѣ разобраны еще множество другихъ, менѣе значительныхъ, и по приведеннымъ образцамъ можно получить ясное представленіе о характерѣ новѣйшей французской поэзіи, о несомнѣнныхъ ея достоинствахъ, на которыя мы выше указали: возрожденіе чувства природы, искреннее религіозное настроеніе и обогащеніе поэзіи новыми формами свободнаго стиха. Можно также усмотрѣть въ нихъ тѣ крайности, въ которыя впадаютъ послѣдователи новой школы,—часто встрѣчающуюся манерность и внѣшнюю виртуозность въ ущербъ внутренней содержательности.

II.

Amalie Skram. Nachwuchs. Roman (aus dem Norwegischen von M. Mann). 1901. Стр. 504.

Амалія Скрамъ—одна изъ выдающихся представительницъ натуралистической школы Скандинавіи. Въ изображеніе дѣйствительности она вноситъ чрезвычайную смѣлость, доходящую иногда до цинизма. Въ настоящее время уже миновала блестящая пора натурализма въ Европѣ, и большинство лучшихъ романистовъ перестаютъ увлекаться передачей исключительно одной только фактической стороны жизни, а стремятся къ обобщеніямъ и выводамъ; поэтому манера Амаліи Скрамъ кажется нѣсколько устарѣлой. Основная нота ея произведеній—мрачный пессимизмъ, усматривающій въ явленіяхъ только ихъ печальную сторону. Жизнь представляется ей сплетеніемъ пошлости, уродства и пороковъ, а удѣломъ всѣхъ чистыхъ, тяготѣющихъ къ добру душъ она считаетъ безъисходныя страданія и гибель. Какъ большинство пессимистовъ,—за исключеніемъ, быть можетъ, только Флобера и отчасти Гонкуровъ,—она не доискивается смысла, не ищетъ примиренія съ дѣйствительностью, со всѣми ея печалями, во имя какого-нибудь высшаго начала; она только обличаетъ, рисуетъ то, что̀ есть, безъ всякихъ идеаловъ и даже безъ оттѣнка скорби, которая свойственна всѣмъ искателямъ священнаго и прекраснаго. Она не стремится къ тому, чтобы жизнь людей стала болѣе достойной назначенія человѣка; она лишь хорошо изучила дѣйствительность, не только не закрывая глазъ, а, напротивъ того, ярко подмѣчая все, что̀ усугубляетъ тяжесть и зло жизни.

Но въ предѣлахъ натуралистическаго творчества Амалія Скрамъ обнаруживаетъ несомнѣнный талантъ. Она съ большой выпуклостью

изображаетъ пошлыхъ и мелкихъ людей, черствыхъ себялюбцевъ, а въ особенности людей, обреченныхъ и быть несчастными, и творить горе вокругъ себя. Надъ героями Амаліи Скрамъ тяготѣетъ какой-то рокъ. Они терзаютъ близкихъ имъ людей, и сами становятся жертвами своей неуживчивости, неспособности къ труду и порочности. Ихъ душитъ внутренняя злоба, они сварливы и жестоки, но при этомъ они сами не только не торжествуютъ, подчиняя себѣ другихъ,—какъ это бываетъ съ сильными и увѣренными въ себѣ эгоистами,—а напротивъ того, постоянно раскаяваются, терзаются и погибаютъ. Безъисходная атмосфера страданій наполняетъ всѣ произведенія Скрамъ: и жертвы, и палачи одинаково несчастны. Романистка отрицаетъ въ человѣкѣ волю, возможность измѣняться и дѣлать жизнь болѣе свѣтлой, напрягая для этого всѣ душевныя силы. Она признаетъ только судьбу, мрачную и безпощадную владычицу надъ людьми, которая обрекаетъ на страданія и уродство чередующіяся поколѣнія, дѣтей послѣ родителей. Рисуя семейную жизнь, Амалія Скрамъ не думаетъ, чтобы урокъ, преподанный примѣромъ семейныхъ раздоровъ въ родительскомъ домѣ, послужилъ на пользу дѣтямъ. Они осуждаютъ, даже ненавидятъ родителей, но затѣмъ сами, въ силу роковыхъ обстоятельствъ, выходятъ замужъ и женятся безъ любви, съ горечью въ душѣ, создавая опять такія же семьи, какъ ихъ родительская семья; или же, и не вступая въ бракъ, они погибаютъ отъ тѣхъ же пороковъ, которые ихъ возмущали въ родителяхъ.

Большинство романовъ Амаліи Скрамъ построены на изображеніи семьи и семейныхъ раздоровъ. Названная романистка принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя подняли въ Скандинавіи женскій вопросъ, заговорили о ненормальномъ положеніи женщины въ семьѣ, о томъ, что на ея долю выпадаютъ наибольшія семейныя тяжести, и что легкомысліе, лѣнь и неспособность отца семейства тяжелѣе всего отзывается на женщинѣ; какъ жена и мать, она лишена возможности заработывать, и потому зависитъ отъ заработка мужа, и должна совершать чудеса, чтобы управлять домомъ и ростить дѣтей, когда мужъ не является для нея поддержкой. Въ борьбѣ съ нищетой и горемъ характеръ матери ожесточается; она перестаетъ быть любящей и заботливой матерью, а становится несчастьемъ для дѣтей и для мужа, на которомъ вымещаетъ причиненныя имъ же страданія. Получается какой-то безъисходный кругъ. Молодая дѣвушка, красивая и веселая, выходитъ замужъ, ожидая счастья и удовлетворенія въ совмѣстной жизни съ человѣкомъ, который ей нравится. Но будничныя заботы все мѣняютъ. Первоначальнымъ виновникомъ является мужчина, недостаточно заботящійся о семьѣ. Но непосредственнымъ источникомъ семейныхъ раздоровъ все-таки становится женщина, озлоб-

ленная, потерявшая чувство достоинства, терзающая мужа и дѣтей. Женщины Амаліи Скрамъ крайне непривлекательны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жалки. Романистка не идеализируетъ женщину, а только доказываетъ, что первоначальный виновникъ семейнаго горя—мужчина. Въ этомъ духѣ написаны всѣ произведенія Амаліи Скрамъ, ея маленькіе разсказы и большіе романы. Одна изъ самыхъ мрачныхъ ея повѣстей носитъ въ нѣмецкомъ переводѣ заглавіе: „Verrathen“ („Выдалъ себя“). Причиной семейнаго раздора, приводящаго мужа къ самоубійству, является въ этой повѣсти излишняя откровенность героя. Онъ любитъ свою молодую жену, она любитъ его, но, подъ вліяніемъ истинно губительнаго для нея самой любопытства, она выпытываетъ у него секреты его холостой жизни. Онъ чистосердечно сознается ей въ прежнихъ увлеченіяхъ и, увлекаясь, разсказываетъ ей въ подробности свои прежнія любовныя приключенія. Измученная этимъ признаніемъ, она не можетъ забыть его разсказовъ, начинаетъ ревновать его къ прошлому, и жизнь превращается въ сплошную муку. Виновата жена, неспособная ни забыть, ни простить непоправимаго прошлаго; она становится настоящимъ палачомъ въ своей жестокой мстительности, въ своихъ мелочныхъ придиркахъ, доводящихъ совмѣстную жизнь супруговъ до трагической развязки; но, конечно, она же и первая жертва своей непримиримости—такъ что, въ концѣ концовъ, страданія уравновѣшиваются съ обѣихъ сторонъ и виновницей является только судьба. Но въ повѣсти проявляется все-таки нѣкоторый феминизмъ, проводится мысль о неравноправности мужчины и женщины: дѣвушка съ чистымъ прошлымъ выходитъ замужъ за человѣка, который даже и не видитъ ничего преступнаго въ грѣхахъ своей холостой жизни. Въ маленькихъ разсказахъ Амаліи Скрамъ тоже большею частью изображены раздоры семейной жизни; первоначальнымъ виновникомъ является мужъ, а непосредственной причиной несчастія—мелочной, сварливый и озлобленный нравъ женщины.

Въ новомъ своемъ романѣ, только-что появившемся въ нѣмецкомъ переводѣ Матильды Манъ, рисуется мрачная эпоцея семейной жизни въ нѣсколькихъ несчастныхъ, каждая по своему, семьяхъ. Основная тема романа—отношенія родителей, въ особенности матерей, къ дѣтямъ. Авторъ рисуетъ извращеніе материнскаго чувства подъ вліяніемъ разныхъ жизненныхъ обстоятельствъ. Интересъ романа не въ этомъ основномъ сюжетѣ, такъ какъ никакого новаго освѣщенія достаточно разработанному вопросу авторъ не даетъ. Но самое изображеніе жизни чрезвычайно сильно и ярко. Психологія дѣтей, выростающихъ въ тяжелыхъ семейныхъ условіяхъ, подъ гнетомъ нищеты и раздоровъ, среди вѣчныхъ домашнихъ дракъ, передана съ захватывающей силой. Романъ изобилуетъ характерными подробностями, воз-

создающими дѣйствительность съ полной правдоподобностью. Нѣсколько семей, обрисованныхъ въ романѣ, разбиваются отъ различныхъ причинъ—но важно, что всѣ онѣ разбиваются, и что различныя причины несчастій изображены съ одинаковой убѣдительностью для читателя. Никакого сильнаго драматическаго дѣйствія въ романѣ нѣтъ. Въ немъ изображено однообразное теченіе сѣрой будничной жизни; дѣти ростутъ, ходятъ въ школу, страдаютъ отъ униженій въ средѣ товарищей, отъ колотушекъ дома, и сначала сносятъ это съ беззаботностью и забывчивостью дѣтскаго возраста, потомъ все болѣе озлобляются, ненавидятъ мать, жалѣютъ отца, хотя, въ сущности, сознаютъ, что и отецъ, и мать одинаково виновны и одинаково несчастны,—затѣмъ начинаютъ жить собственными интересами, причемъ поддаются наслѣдственнымъ порокамъ. Заглавіе романа означаетъ по-русски—„Послѣдыши", т.-е., другими словами, „отцы и дѣти", причемъ авторъ въ своемъ пессимизмѣ хочетъ показать безъисходность зла, тяготѣющаго надъ современной семьей; дѣти не уходятъ впередъ сравнительно съ родителями, и смѣна поколѣній не обозначаетъ поворота къ лучшему; если же среди дѣтей есть чистыя и благородныя существа, то ихъ судьба тѣмъ болѣе печальна.

Въ центрѣ романа стоитъ семья мелкаго торговца Мира, плутоватаго и лѣниваго неудачника, который затѣваетъ разныя обширныя предпріятія, разоряется на нихъ, старается выпутаться мошенническими продѣлками, и въ концѣ концовъ попадаетъ подъ судъ за подлогъ векселя, и умираетъ въ тюрьмѣ. Онъ увѣренъ, что источникъ его несчастія—жена. Онъ ее уважаетъ за энергію, за умѣнье справляться съ домомъ и потребностями многочисленныхъ дѣтей при полномъ отсутствіи средствъ, за ея расторопность и практическій умъ, но онъ не выноситъ ея тяжелаго, сварливаго нрава. Въ домѣ—постоянныя драки. Мать колотитъ дѣтей, колотитъ мужа, который большею частью покоряется своей участи, признаетъ справедливость попрековъ жены, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ выходитъ изъ себя, въ свою очередь наноситъ побои женѣ, и затѣмъ надолго исчезаетъ изъ дому и запирается въ своей лавкѣ, ночуя на полу между бочками съ масломъ и селедками. Ужасъ семейной жизни переданъ чрезвычайно реально, съ изобиліемъ характерныхъ подробностей, въ родѣ того, напр., какъ, среди супружескихъ сценъ и ругани старшихъ, маленькія дѣти возятся въ своемъ углу, выдумывая разныя игры и призывая старшихъ брата и сестру для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ игры. Старшія дѣти, Северинъ и Софія—жертвы этой обстановки; жизнь готовитъ ихъ къ тому, чтобы стать продолжателями той же злосчастной жизни, которая погубила ихъ родителей. Северинъ наслѣдовалъ отъ отца непреодолимый инстинктъ плутовства. Онъ въ школѣ учится хо-

рошо, но только потому безошибочно дѣлаетъ свои письменныя работы, что украдкой списываетъ ихъ съ забытой учителемъ книги. Его самолюбіе часто страдаетъ отъ пренебрежительнаго отношенія товарищей, и онъ потомъ съ болѣзненной нѣжностью привязывается къ одному изъ сверстниковъ, сыну богатаго консула, въ благодарность за его заступничество. Вся его молодость омрачена тяжелой домашней обстановкой, сознаніемъ, что онъ не имѣетъ права любить ту дѣвушку, которая ему нравится, потому что она—дочь богатыхъ родителей; всѣ его усилія направлены на то, чтобы отказаться отъ личныхъ радостей и только составить себѣ карьеру, удовлетворяющую его самолюбію. Онъ уже въ молодости относится къ людямъ подозрительно и презрительно, дурно обращается съ преданной ему сестрой, и уже попавъ въ университетъ, онъ гибнетъ жертвой наслѣдственныхъ пороковъ. Онъ приходитъ къ заболѣвшему другу, сыну консула, видитъ у него на столѣ денежный пакетъ, и, пользуясь сномъ больного, кладетъ деньги себѣ въ карманъ. Кража тутъ же обнаруживается, и хотя другъ Северина дѣлаетъ все возможное, чтобы заставить его забыть свой поступокъ, тотъ не можетъ пережить позора и вѣшается. Судьба Софіи тоже печальна. Хорошенькая дѣвушка еще болѣе чувствуетъ несоотвѣтствіе своей жизни съ тѣмъ, чего она считаетъ себя достойной. Дома ее преслѣдуютъ, и ея честная натура возмущается противъ окружающей грязи и пошлости. Она увлекается ухаживаніями красиваго офицера, отдается ему, нисколько не раскаяваясь въ своемъ поступкѣ, ища хотя искры счастья, такъ какъ знаетъ, что жизнь готовитъ ей только горе. Когда ея соблазнитель объявляетъ ей, что женится на богатой дочери консула, она безмолвно покоряется судьбѣ—и вскорѣ, чтобы спасти отца отъ разоренья, выходитъ замужъ за человѣка, который ей противенъ. Ея письмо къ матери, которымъ заканчивается романъ, завершаетъ повѣствованіе мрачнымъ аккордомъ, въ которомъ какъ бы предвѣщаются бѣдствія слѣдующаго поколѣнія.

Всѣ другія семьи въ романѣ столь же несчастны. Тетка Северина и Софіи, жена виноторговца Равена, губитъ свою семью грубостью своей легкомысленной, испорченной натуры. Домъ ея—притонъ темныхъ личностей; она, вмѣстѣ со своей наперсницей-служанкой, проводитъ вечера на балахъ самаго низкаго разбора, а къ мужу относится съ полнымъ презрѣніемъ. Жертва этой семьи—чахлый и порочный сынъ, выростающій въ грязи, привыкшій съ дѣтства къ разнымъ непристойнымъ зрѣлищамъ. Слабовольный Равенъ напрасно пытается сбросить тягостное иго семьи; когда онъ, наконецъ, окончательно рѣшилъ развестись съ женою, съ нимъ случается несчастіе: его переѣхала карета, и онъ умираетъ отъ сотрясенія мозга. И въ этой семьѣ всѣ—жертвы, потому что жена Равена, виновница его несчастій, вполнѣ

сознаетъ свои пороки, кается въ нихъ, но не въ силахъ бороться противъ себя. Есть въ романѣ трогательный образъ молодой женщины, жены грубаго, не понимающаго ее человѣка. Онъ самодоволенъ, любитъ жену и не подозрѣваетъ, до чего онъ ей противенъ. Она же вѣрна долгу, видитъ свое призваніе въ томъ, чтобы имѣть много дѣтей, и этимъ оправдать свое безрадостное существованіе. Она нѣжно привязана къ влюбленному въ нее молодому племяннику, и только въ разговорахъ съ нимъ изливаетъ свою душу. Но ея удѣлъ—ранняя смерть послѣ неудачныхъ родовъ, и единственное, чѣмъ ознаменовалось ея вліяніе—это навсегда загубленная жизнь ея племянника, который не въ состояніи примириться съ утратой любимой женщины. Есть въ романѣ и счастливая семья—консула Смита, который безконечно любитъ свою жену и любимъ ею. Но ихъ жизнь тоже омрачена болѣзнью, смертью любимаго ребенка и воспоминаніями о проступкахъ и мужа, и жены въ молодости. Въ общемъ получается впечатлѣніе полной безъисходности существованія, насколько оно связано съ семьей. Выводовъ Амалія Скрамъ не дѣлаетъ; она не говоритъ о томъ, какъ должны были бы жить люди, для того, чтобы жизнь стала сносной...—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1901.

Прожектерство реакціонной печати. — Нужна ли централизація высшаго образованія? — Нужны ли мѣры противъ переполненія университетовъ и существуетъ ли такое переполненіе? — Смѣсь правды и неправды въ „Гражданинѣ". — Еще о московскомъ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію. — Сложеніе предостереженій. — Значеніе провинціальной печати. — Ходатайство старообрядцевъ.

Было время, когда важнѣйшіе вопросы государственной и общественной жизни оставались безусловно недоступными для періодической печати. Молчаніе было одинаково обязательно для всѣхъ ея органовъ; они всѣ могли только регистрировать факты, признанные подлежащими оглашенію. Существовало, такимъ образомъ, своего рода равенство; не было мнѣній привилегированныхъ, потому что не было вообще публичнаго выраженія мнѣній. Теперь равенство нарушается довольно часто—и нарушается при самомъ дѣятельномъ участіи тѣхъ періодическихъ изданій, которымъ, въ данную минуту и по данному предмету, принадлежитъ нѣчто въ родѣ монополіи слова. Усердіе ихъ становится тѣмъ болѣе безпредѣльнымъ, чѣмъ больше ему слѣдовало бы быть сдержаннымъ. На ихъ страницахъ пестрѣютъ, точно высыпаемыя изъ рога изобилія, съ одной стороны обвиненія, которыхъ нельзя опровергать, съ другой—проекты, которымъ ничего нельзя противопоставить. Таковы, напримѣръ, безконечныя статьи „Московскихъ Вѣдомостей", озаглавленныя: „Университетскій вопросъ" и „Къ университетскому вопросу". Оставляя безъ разбора все прямо касающееся „злобы дня", остановимся только на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя московская газета рекомендуетъ ввести въ устройствѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Ихъ всего четыре: 1) подчиненіе всѣхъ высшихъ научныхъ и техническихъ школъ — кромѣ духовныхъ и военныхъ — одному общему руководству; 2) пріемъ въ университеты лишь наиболѣе способныхъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей, чтобы избѣжать теперешняго переполненія университетовъ; 3) организація на всѣхъ университетскихъ факультетахъ, начиная съ перваго же курса, такихъ научныхъ занятій, которыя требовали бы отъ студентовъ постоянной, серьезной работы; 4) превращеніе университетовъ въ спеціально научныя учрежденія, выдающія своимъ питомцамъ, по окончаніи ими курса, лишь ученыя степени, а не служебные чины и преимущества.

Подробная мотивировка перваго тезиса дана въ № 65 „Москов-

скихъ Вѣдомостей". „Наши высшія учебныя заведенія"—читаемъ мы здѣсь,—„принадлежа самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ, по одному этому не могутъ находиться въ томъ нормальномъ положеніи, въ которомъ они находятся въ западныхъ государствахъ. Тамъ высшія учебныя заведенія—кромѣ духовныхъ и военныхъ, преслѣдующихъ не только спеціально-образовательныя, но и спеціально-воспитательныя цѣли,—сосредоточены въ рукахъ министра народнаго просвѣщенія. Лишь у насъ въ Россіи, наряду съ истинно-воспитательными вѣдомствами, оперируютъ надъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ юношества еще такія спеціальныя министерства, которыя никакого отношенія къ задачамъ воспитанія не имѣютъ... Это *коренное зло нашего высшаго образованія* остается безъ измѣненія, а потому по прежнему остается и неурядица въ нашихъ высшихъ школахъ. Въ критическія времена, jalousie de métier обостряется до такой степени, что начальство однихъ заведеній не только разрѣшаетъ, но и одобряетъ то, что начальство другихъ школъ запрещаетъ—а это, конечно, волнуетъ учащихся какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ заведеніяхъ, и волненіе передается затѣмъ и въ третьи, и въ четвертыя, становясь, по мѣрѣ своего роста, все серьезнѣе и тревожнѣе. Возможны случаи, что, при возникшихъ волненіяхъ въ училищахъ одного вѣдомства, другое вѣдомство обѣщаетъ своимъ учащимся всякія льготы и поблажки, лишь бы они соблюдали спокойствіе, дабы общественное и правительственное недовольство пало исключительно на сосѣднее вѣдомство—и легко понять, до какой степени подобные манёвры могутъ деморализовать учащихся молодыхъ людей. Наконецъ, когда, подъ давленіемъ тревожныхъ обстоятельствъ, различныя вѣдомства сходятся, чтобы принять, для водворенія порядка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какія-либо общія мѣры, то развѣ не мыслимо, что эти мѣры могутъ примѣняться въ различныхъ вѣдомствахъ различно, вселяя въ учащихся предположеніе, будто эти вѣдомства относятся къ означеннымъ мѣрамъ не съ одинаковымъ сочувствіемъ"?.. „Отсутствіе единства въ управленіи высшими учебными заведеніями" — еще разъ повторяетъ газета — „*главная причина*, парализующая всѣ усилія нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія".

Извращеніе перспективы—вотъ первый недостатокъ этой аргументаціи. На передній планъ выдвигается обстоятельство явно и несомнѣнно маловажное. Сосредоточеніе высшихъ учебныхъ заведеній въ одномъ вѣдомствѣ или распредѣленіе ихъ между нѣсколькими—вопросъ удобства, практической цѣлесообразности, но отнюдь не принципа. Искусственно раздувать его, приписывать ему серьезный, рѣшающій характеръ—значитъ впадать въ ошибку участниковъ крыловскаго квартета. Министерства—не государства въ государствѣ, не са-

мостоятельныя единицы, выбирающія, по собственному усмотрѣнію, и задачи, и способы ихъ осуществленія; они составляютъ часть одного цѣлаго, и систематическій разладъ между ними мыслимъ лишь какъ скоропреходящая случайность. Безспорно, въ деталяхъ образъ дѣйствій различныхъ вѣдомствъ бываетъ различенъ; но видѣть въ этомъ недостатокъ, подлежащій немедленному устраненію, могутъ только приверженцы мертвящаго однообразія. Оттѣнки, особенности, неизбѣжны вездѣ, гдѣ требованія жизни не приносятся въ жертву разъ навсегда установленному шаблону. Мнимое „соревнованіе вѣдомствъ" (jalousie de métier), если присмотрѣться къ нему поближе, сводится именно къ стремленію принимать въ разсчетъ не только форму, но и содержаніе, не только нивеллирующую букву правила, но и смыслъ безконечно разнообразной дѣйствительности. Тяжкое обвиненіе, взводимое московской газетой на „соревнующія" министерства, падаетъ, такимъ образомъ, само собою. Въ основаніи его лежитъ злобное предположеніе, что обѣщаніе „льготъ и поблажекъ" имѣетъ цѣлью перенести всю тяжесть неудовольствія на „сосѣднее вѣдомство". Чтобы оправдать это предположеніе, нужно было бы доказать, во-первыхъ, наличность *поблажекъ*, т.-е. явнаго и намѣреннаго нарушенія правилъ, во-вторыхъ—наличность *умысла*, направленнаго противъ сосѣда. Ничего подобнаго московскою газетой не доказано, да и не можетъ быть доказано. Нельзя считать поблажкой образъ дѣйствій, вытекающій изъ добросовѣстнаго пониманія правилъ; нельзя усматривать непріязнь къ сосѣду въ желаніи сохранить спокойствіе у себя дома. Что волненія распространялись именно тѣмъ путемъ, какой указываетъ московская газета—этого она точно также не подтвердила даже „началомъ доказательства" (commencement de preuve)... Несостоятельны и тѣ доводы ея, которые касаются теоретической стороны вопроса. Она впадаетъ здѣсь, прежде всего, въ противорѣчіе сама съ собою: оправдавъ обособленность военныхъ и духовныхъ школъ [1]), какъ преслѣдующихъ „не только спеціально-образовательныя, но и спеціально-воспитательныя цѣли" — признавъ, другими словами, что остальныя высшія школы спеціально-воспитательныхъ цѣлей не преслѣдуютъ,— она возражаетъ противъ выдѣленія высшихъ техническихъ школъ изъ сферы дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, какъ единственнаго, вмѣстѣ съ вѣдомствами духовнымъ и военнымъ, „истинно-воспитательнаго" вѣдомства. *Воспитаніе* не входитъ и не можетъ входить въ задачи гражданской высшей школы; по отношенію къ ней министерство народнаго просвѣщенія столь же мало можетъ быть названо

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ Германіи министерство народнаго просвѣщенія завѣдуетъ и высшими духовными школами — богословскими факультетами университетовъ.

воспитательнымъ или истинно-воспитательнымъ, какъ и всякое другое. Конечно, высшее образованіе воспитываетъ молодыхъ людей, но только косвенно, а не прямо; ставить ему особыя воспитательныя задачи, значитъ скорѣе мѣшать, чѣмъ способствовать достиженію его главной, основной цѣли. Поставить *образованіе* на надлежащую высоту можетъ, слѣдовательно, всякое вѣдомство, сознающее его важность и необходимость—и чѣмъ спеціальнѣе данная отрасль образованія, тѣмъ вѣроятнѣе, что ее лучше всего организуетъ и поведетъ соотвѣтствующее спеціальное вѣдомство. Трудно представить себѣ, напримѣръ, что могли бы выиграть отъ перехода въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія политехническіе институты, горный институтъ или институтъ путей сообщенія.

Не меньше перваго несостоятельно и второе предложеніе „Московскихъ Вѣдомостей", формулированное такъ: „пріемъ въ университеты лишь наиболѣе способныхъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей". Такими молодыми людьми московская газета считаетъ лучшихъ, по старшинству балловъ на выпускныхъ экзаменахъ, учениковъ гимназій. Отъ пріема въ университетъ лишь ихъ однихъ она ожидаетъ подъема не только для университетовъ, но и для гимназій: бездарные ученики, зная заранѣе, что высшія научныя занятія для нихъ совершенно недоступны, не обременяли бы гимназіи своимъ присутствіемъ и избирали бы себѣ другія карьеры, соотвѣтствующія ихъ способностямъ. Въ основаніи этой аргументаціи лежитъ цѣлый рядъ явно фальшивыхъ предположеній. Невѣрно, во-первыхъ, что слабые успѣхи въ гимназіи—синонимъ неспособности къ высшимъ научнымъ занятіямъ: невѣрно какъ потому, что между гимназическимъ курсомъ и высшими научными занятіями слишкомъ мало общаго, такъ и потому, что считаться отличнымъ или даже просто хорошимъ ученикомъ можетъ только успѣвающій болѣе или менѣе одинаково во всѣхъ предметахъ гимназическаго курса, а для „высшихъ научныхъ занятій" достаточно призванія и любви къ *одной* отрасли знанія. Доказывать эту истину было бы излишне: что выдающіяся способности, напримѣръ, къ математикѣ могутъ идти рука объ руку съ полнѣйшимъ недостаткомъ интереса и воспріимчивости къ древнимъ языкамъ (и наоборотъ)—этого не признаютъ только тѣ, кто *не хочетъ* видѣть очевидное. Невѣрно, во-вторыхъ, что баллы, полученные на выпускныхъ экзаменахъ, служатъ вѣрнымъ выраженіемъ способности къ „высшимъ научнымъ занятіямъ" или даже степени трудолюбія; всѣмъ извѣстно, какую роль играетъ здѣсь случай, какъ много зависитъ отъ темперамента, настроенія, состоянія здоровья экзаменующихся, а иногда—и экзаменаторовъ. Невѣрно, въ-третьихъ, что принятіе системы, рекомендуемой московскою газетой,

избавило бы гимназіи отъ бездарныхъ учениковъ. Человѣку свойственно—sperare, даже contra spem: слабые успѣхи въ низшихъ и среднихъ классахъ, разъ что они не препятствуютъ переходу изъ класса въ классъ, не лишаютъ ученика—или его родителей—надежды на успѣшное окончаніе курса. И дѣйствительно, бывшіе послѣдними въ началѣ гимназическаго ученья сплошь и рядомъ становятся первыми въ концѣ; это—превращеніе столь же обыкновенное, какъ и превращеніе гимназическихъ „лѣнтяевъ" въ трудолюбивыхъ студентовъ... Задача правильно поставленнаго общаго средняго образованія заключается именно въ томъ, чтобы сдѣлать *всѣхъ*, его окончившихъ, способными къ переходу въ высшія учебныя заведенія; только тамъ можетъ совершиться окончательная ихъ разборка, только тамъ можетъ обнаружиться, у кого изъ нихъ не хватаетъ силъ для усвоенія высшихъ научныхъ знаній. Всякая попытка перенести рѣшительный моментъ ко времени выхода изъ средней школы и поставить рѣшеніе въ зависимость отъ чисто внѣшнихъ формальныхъ признаковъ—неминуемо должна причинить невознаградимый вредъ обществу и государству, закрывъ доступъ къ высшему образованію для множества лицъ, вполнѣ способныхъ воспринять его блага... Предлагаемое московской газетой ограниченіе пріема въ университеты является, впрочемъ, не столько средствомъ поднять умственный уровень студентовъ, сколько средствомъ уменьшить ихъ число. Эта послѣдняя цѣль можетъ казаться заманчивой только тѣмъ, въ чьихъ глазахъ широкое распространеніе высшаго образованія—или безспорное зло, или благо весьма сомнительнаго свойства. Если и допустить, вопреки дѣйствительности, причинную связь между многочисленностью студентовъ и студенческими безпорядками, то логическій выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: число университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено настолько, чтобы можно было избѣжать чрезмѣрнаго переполненія каждаго изъ нихъ... Кстати о переполненіи: „Русскія Вѣдомости", возражая „Московскимъ Вѣдомостямъ", даютъ по этому предмету весьма любопытную справку. Наиболѣе „переполненный" изъ нашихъ университетовъ—московскій —далеко уступаетъ, по числу студентовъ, Парижу (11.100 студ.), Берлину (9.700), Вѣнѣ (7.025), Мадриду (6.200), Неаполю (5.100) и стоитъ, приблизительно, на одномъ уровнѣ съ Пештомъ (4.400). Въ мюнхенскомъ университетѣ больше студентовъ, чѣмъ въ петербургскомъ, а въ аѳинскомъ и лейпцигскомъ—почти столько же. Харьковскій университетъ занимаетъ, по числу студентовъ, 47-ое мѣсто, юрьевскій—69-ое, варшавскій—82-ое, казанскій—102-ое. Можно ли, затѣмъ, говорить о слишкомъ большомъ числѣ студентовъ въ русскихъ уни-

верситетахъ и приписывать ему прискорбныя явленія послѣдняго времени?..

Третій и четвертый пункты програмы „Московскихъ Вѣдомостей“ — лучшая организація практическихъ занятій и уничтоженіе служебныхъ правъ и преимуществъ, сопряженныхъ тенерь съ окончаніемъ курса въ университетѣ—не возбуждаютъ, сами по себѣ, никакихъ возраженій; не слѣдуетъ только искусственно связывать ихъ съ вопросомъ о прекращеніи студенческихъ безпорядковъ. Успѣхъ нововведенія, въ чемъ бы оно ни заключалось, всегда зависитъ отъ его исходной точки и конечной цѣли. Далеко не одно и то же—организовать практическія занятія студентовъ исключительно въ видахъ наилучшаго усвоенія ими научныхъ знаній, или въ видахъ отвлеченія ихъ отъ агитаціонныхъ стремленій. Въ первомъ случаѣ вниманіе организаторовъ можетъ быть обращено всецѣло на правильное устройство занятій, на полнѣйшее соотвѣтствіе ихъ требованіямъ науки; во второмъ случаѣ легко могутъ взять верхъ побочные разсчеты—и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ рискъ уклоненія отъ главной задачи, въ смыслѣ, напримѣръ, чрезмѣрнаго увеличенія и усложненія труда, возлагаемаго на студентовъ. Кто-то изъ французскихъ политическихъ дѣятелей назвалъ работу уздою (le travail est un frein); но онъ забылъ прибавить, что работа, разсматриваемая какъ узда, перестаетъ быть привлекательной—и теряетъ бо̀льшую часть своего нравственнаго значенія... Что касается до уничтоженія служебныхъ преимуществъ, связанныхъ съ окончаніемъ курса въ высшей школѣ, то и оно должно имѣть характеръ общей государственной мѣры, вызванной интересами службы и образованія, а отнюдь не охранительно-полицейскими соображеніями. Едва ли, притомъ, послѣдствіемъ отмѣны служебныхъ преимуществъ было бы уменьшеніе числа студентовъ, столь пламенно желаемое газетными реакціонерами. Признавая, что для вступленія на государственную службу необходимъ образовательный цензъ, „Московскія Вѣдомости“ полагаютъ, что онъ долженъ быть установленъ особо для каждаго вѣдомства и констатируемъ государственнымъ экзаменомъ, а способъ пріобрѣтенія требуемыхъ свѣдѣній—предоставленъ усмотрѣнію каждаго экзаменующагося: онъ можетъ пріобрѣсти ихъ „либо домашнимъ трудомъ, либо въ частныхъ высшихъ школахъ, либо, наконецъ, въ правительственныхъ высшихъ научныхъ или техническихъ учрежденіяхъ“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на практикѣ почти единственнымъ способомъ подготовки къ экзамену оказался бы послѣдній. Частныхъ высшихъ школъ у насъ нѣтъ, и едва ли можно ожидать ихъ появленія въ ближайшемъ будущемъ, еслибы даже оно и не встрѣтило оффиціальныхъ препятствій; домашняя подготовка къ экзамену чрезвычайно трудна и доступна лишь для немногихъ. Скажемъ болѣе:

въ интересахъ государственной службы (т.-е. тѣхъ отраслей ея, которыя требуютъ высшаго образованія) далеко не безразлично, гдѣ и какъ кандидатъ на должность подготовился къ государственному экзамену. Не даромъ же въ Германіи отъ экзаменующихся требуется извѣстное число семестровъ, проведенныхъ въ университетѣ. Свѣдѣнія, схваченныя спѣшно, полу-механически, безъ опытнаго руководства, имѣютъ гораздо низшую цѣнность, чѣмъ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ хорошо организованной высшей школѣ (мы говоримъ, конечно, объ общемъ правилѣ, а не объ исключеніяхъ, всегда возможныхъ). Для того, чтобы реформа государственной службы могла привести у насъ къ желанной цѣли, необходимо сохранить за высшими учебными заведеніями значеніе ступени, черезъ которую обязательно должны пройти будущія должностныя лица. Такую же роль высшія школы должны играть и по отношенію къ профессіямъ, для которыхъ, кромѣ знаній, требуется еще умѣнье. Совершенно очевидно, что отъ медика, инженера, техника нельзя требовать *только* удовлетворительныхъ устныхъ отвѣтовъ на экзаменѣ; необходимо убѣдиться въ ихъ практической подготовкѣ къ дѣятельности—а такую подготовку, въ настоящее время, можетъ дать только высшая правительственная школа.

Черствость, односторонность, узкость взгляда — этими чертами, и только ими, характеризуется все сказанное по университетскому вопросу въ московской реакціонной газетѣ. Отъ ея безсердечныхъ и натянутыхъ разсужденій отрадно перейти даже къ безсвязнымъ изліяніямъ „Гражданина", въ которыхъ звучитъ, по временамъ, искреннее чувство. „Графъ (Дм. А.) Толстой"—читаемъ мы въ дневникѣ кн. Мещерскаго—„создалъ искусственно и мертво классическую восьми-классную гимназію, основанную на раннемъ разобщеніи съ русскою жизнью въ ея прошедшемъ и въ ея настоящемъ, какъ фабрику, гдѣ сушеніе мозга было признано средствомъ подготовленія къ университетскому образованію, и 15 почти лѣтъ эта средняя школа готовила тупицъ и сухарей для университетскихъ аудиторій. Затѣмъ, графъ Деляновъ веселымъ добродушіемъ замѣнилъ угрюмую суровость завѣтовъ гр. Толстого, но процесса духовнаго омертвѣнія и растлѣнія учащейся молодежи не остановилъ. Бѣдный Боголѣповъ вступилъ изъ тихой пристани своего университетскаго кабинета въ бушующій и безбрежный океанъ всей гражданской школы и, изъ подначальнаго лица превратившись въ командира судна, два года бродилъ нерѣшительный и растерянный на своемъ командирскомъ помостѣ, не зная, съ чего начать: съ измѣненій въ несчастной гимназіи снизу, или съ университетскихъ безпорядковъ сверху. И вотъ, въ этомъ безъисходномъ состояніи стоитъ передъ нами наша гражданская школа". Эта харак-

теристика не лишена ни правдивости, ни силы. За нею слѣдуютъ слова, съ которыми можно согласиться только потому, что они допускаютъ множество самыхъ различныхъ толкованій: „ее (т.-е. школу), а съ нею Россію можетъ спасти только перестройка всего зданія, начиная съ фундамента, не спѣша и постепенно". Что редакторъ „Гражданина" представляетъ себѣ перестройку школьнаго зданія въ формѣ мало симпатичной для большинства русскаго общества—въ этомъ служитъ порукой не только все прошедшее газеты, но и тотъ самый дневникъ, изъ котораго мы взяли вышеприведенныя цитаты. Стараясь доказать, что „нѣтъ той трудной задачи перерожденія въ области школы, съ которою нельзя было бы не справиться человѣку съ энергіею и съ живымъ пониманіемъ дѣла", авторъ дневника ссылается на примѣръ бывшаго военнаго министра, который, будто бы, „принялъ военную школу не менѣе гражданской въ эпоху либеральныхъ реформъ пострадавшею въ своихъ старыхъ завѣтахъ и преданіяхъ дисциплины"—и быстро „освободилъ ее отъ навѣянныхъ ей эпохою либерализма штатскихъ вольностей". Совершенно невѣрно, во-первыхъ, что въ военной школѣ временъ гр. Д. А. Милютина была поколеблена дисциплина и утрачены лучшіе военные завѣты: во время войны 1877—78 гг., молодые офицеры, прошедшіе черезъ военныя гимназіи, ни въ чемъ не оказались ниже своихъ старшихъ собратій, окончившихъ курсъ въ кадетскихъ корпусахъ. Возстановленіе кадетскихъ корпусовъ было, во-вторыхъ, простымъ возвратомъ къ прошедшему и именно потому не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій; облегчена была задача, въ добавокъ, и тѣмъ, что ничего не понадобилось измѣнить въ устройствѣ военныхъ училищъ. Что́ же, затѣмъ, общаго между положеніемъ *спеціальнаго* военнаго воспитанія, какимъ засталъ его, въ 1881 г., вновь назначенный тогда военный министръ, и положеніемъ высшаго „штатскаго" образованія, какимъ застанетъ его будущій министръ народнаго просвѣщенія? О простомъ поворотѣ назадъ здѣсь нельзя и думать уже потому, что въ прошломъ нѣтъ яснаго образца, подражаніемъ которому могла бы ограничиться реформа. Слишкомъ затруднителенъ былъ бы выборъ между различными фазисами, пережитыми школой — затруднителенъ какъ потому, что ихъ много, такъ, еще болѣе, потому, что помянутъ *только* добромъ ни одинъ изъ нихъ никѣмъ быть не можетъ. Необходима, поэтому, не реставрація въ родѣ той, которая, двадцать лѣтъ тому назадъ, была совершена въ военномъ вѣдомствѣ; необходимо *творчество*, какъ въ области средняго, такъ и въ области высшаго образованія. Съ одними „преданіями" здѣсь не подѣлаешь ничего; ихъ или нѣтъ вовсе, или въ нихъ слишкомъ мало симпатичнаго. Уваровская гимназія была хороша въ свое время, но никого вполнѣ не

удовлетворила бы теперь; головнинская гимназія едва успѣла вступить въ жизнь и прошла безслѣдно; за гимназію гр. Толстого, въ ея первоначальномъ видѣ, стоитъ только небольшая группа педантовъ или изувѣровъ; гимназія гр. Делянова—нѣчто безформенное, нестройное, пестрое, ein Zwitterding, какъ говорятъ нѣмцы. Университетскій уставъ 1884-го года едва ли насчитываетъ много защитниковъ—но и при дѣйствіи устава 1863-го года университетамъ приходилось переживать тяжелыя минуты. Прибавимъ къ этому новыя задачи, выдвигаемыя потребностями техническаго образованія—и мы окончательно убѣдимся въ томъ, что для параллели, проводимой „Гражданиномъ", нѣтъ и не можетъ быть никакихъ реальныхъ основаній. Не только у насъ въ Россіи, но и вездѣ спеціальное военное образованіе сравнительно легко укладывается въ опредѣленныя, прочныя рамки, сравнительно мало поддается вліяніямъ новыхъ общественныхъ теченій, съ которыми должна считаться высшая гражданская школа. Большей ошибки, чѣмъ примѣненіе къ послѣдней понятій и взглядовъ, выработанныхъ военной школой, нельзя, поэтому, себѣ и представить. Гораздо нормальнѣе, наоборотъ, внесеніе въ школу, военную по вѣдомству, но гражданскую по характеру и назначенію,—пріемовъ, не заключающихъ въ себѣ ничего военнаго. Что оно возможно—объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ петербургской военно-медицинской академіи, подчиненной, какъ извѣстно, военному министру. По словамъ „Правительственнаго Вѣстника", „съ 1900-го года въ академіи учреждены курсовыя совѣщанія между профессорами и студентами, въ видахъ установленія тѣснѣйшей связи хода преподаванія съ нуждами обучающихся и съ цѣлью быстрой, своевременной передачи конференціи справедливыхъ желаній студентовъ, насколько эти желанія касаются учебной части. Изъ числа преподающихъ на данномъ курсѣ профессоровъ конференція назначаетъ въ эти совѣщанія по три человѣка, къ которымъ студенты этого курса выбираютъ изъ своей среды шесть уполномоченныхъ. Собранія созываются по мѣрѣ надобности какъ по желанію профессоровъ, такъ и студентовъ, и считаются состоявшимися въ присутствіи не менѣе двухъ профессоровъ и четырехъ студентовъ. Выработанныя на совѣщаніи положенія голосуются студентами, участвующими въ собраніи, причемъ публичность совѣщанія исключена. Вопросы, обсуждаемые въ совѣщаніи, и принятыя предложенія или желанія докладываются затѣмъ профессорами, участвовавшими въ совѣщаніи, конференціи. Для обсужденія вопросовъ, интересующихъ всѣ курсы, разрѣшено, въ случаѣ надобности, собирать общія совѣщанія, на которыхъ присутствуютъ профессоры и студенты-представители всѣхъ курсовыхъ совѣщаній". Эти совѣщанія составляютъ только часть системы, которой уже нѣсколько

лѣтъ сряду держится начальство военно-медицинской академіи. Способствовала ли она или противодѣйствовала безпорядкамъ среди студентовъ-медиковъ—это обнаружится тогда, когда сдѣлается возможной исторія студенческихъ волненій 1899-го и 1901-го гг.

Наше внутреннее обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда въ газетахъ появились дополнительныя свѣдѣнія о постановленіяхъ московскаго съѣзда дѣятелей по народному образованію. Они подтверждаютъ заключеніе, выведенное нами изъ первыхъ постановленій съѣзда; съ бо́льшею еще увѣренностью мы можемъ повторить, что онъ потрудился не даромъ (если только сдѣланное имъ не будетъ оставлено безъ вниманія министерствомъ народнаго просвѣщенія). Извѣстно, сколько затрудненій испытываетъ начальная школа въ прiисканіи законоучителей, вслѣдствіе запрещенія свѣтскимъ лицамъ (за немногими исключеніями) преподавать законъ Божій; съѣздъ высказался не только за утвержденіе безприходныхъ священниковъ въ качествѣ законоучителей, но и за устройство особыхъ курсовъ закона Божія для свѣтскихъ лицъ—кандидатовъ въ преподаватели этого предмета. Большой преградой на пути развитія народнаго образованія является программа, устанавливающая крайніе предѣлы курса начальной школы; съѣздъ нашелъ, что такая программа ненужна, увеличеніе развитія и познаній учениковъ начальной школы весьма желательно и опредѣленію подлежитъ только *минимумъ* свѣдѣній, которыя должна давать начальная школа. Въ настоящее время переходъ изъ начальной школы въ другую, высшаго типа, затрудненъ несогласованностью ихъ программъ; съѣздъ подалъ голосъ за устраненіе этого неудобства. По дѣйствующимъ правиламъ объ учительскихъ съѣздахъ, программа съѣзда составляется инспекторомъ народныхъ училищъ и голосованіе вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, не производится; московскій съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы программа составлялась училищнымъ совѣтомъ, совмѣстно съ инспекторомъ, и чтобы пренія заканчивались голосованіемъ, такъ какъ только этимъ путемъ можно выяснить мнѣніе членовъ съѣзда, не принимавшихъ участія въ преніяхъ. Все это—нѣчто гораздо бо́льшее чѣмъ „напрасная болтовня", которою, по мнѣнію „Недѣли" (№ 11), только и занимался московскій съѣздъ. Если онъ не затронулъ многихъ вопросовъ, существенно важныхъ для будущности начальной школы (напр. увеличенія средствъ, которыми она располагаетъ), если онъ остался на почвѣ положенія 25-го мая 1874-го года, то это объясняется съ одной стороны его программой, съ другой—его составомъ. Нельзя, наконецъ, забывать и того, что въ моментъ созыва съѣзда дѣлу начальнаго образованія угрожалъ ходъ назадъ, при

которомъ пришлось бы пожалѣть и о положеніи 1874-го года. Нѣкоторой заслугой со стороны съѣзда была бы даже простая поддержка status quo—а мы видѣли, что онъ пошелъ дальше и намѣтилъ нѣсколько шаговъ впередъ, конечно недостаточныхъ, но все же не совсѣмъ маловажныхъ... До какой степени желательны, напримѣръ, тѣ частичныя улучшенія въ области внѣ-школьнаго образованія, за которыя высказался съѣздъ — объ этомъ можно судить по слѣдующему факту, оглашенному въ „Нижегородскомъ Листкѣ": директоръ народныхъ училищъ нижегородской губерніи сообщилъ нижегородской уѣздной земской управѣ, что министерскими указаніями признано неудобнымъ возлагать отвѣтственное наблюденіе за народными чтеніями на лицъ женскаго пола. Вслѣдствіе этого директоръ просилъ управу въ представленіи на утвержденіе завѣдующихъ чтеніями учительницъ замѣнять учителями, законоучителями или другими лицами. Въ представленномъ губернатору уѣздной управой спискѣ завѣдующихъ народными чтеніями изъ 73 лицъ было 45 учительницъ, такъ какъ среди учительскаго персонала послѣднія вообще преобладаютъ (во всѣхъ школахъ уѣзда учительницъ 74, а учителей 52). Въ виду этого, замѣна столькихъ лицъ должна встрѣтить на практикѣ большія затрудненія, тѣмъ болѣе, что священники находятся только въ селахъ, другихъ же лицъ по учебному вѣдомству въ уѣздѣ не имѣется...

Мѣсяцъ тому назадъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ сложены предостереженія, данныя четыремъ газетамъ: „Гражданину" (три, въ промежутокъ времени съ 1888 по 1896 г.), „Новому Времени" (два, въ 1879 и 1880 гг.), „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" (два, въ 1878 и 1890 гг.) и „Московскимъ Вѣдомостямъ" (два, въ 1890 и 1892 гг.). Ни одной изъ этихъ газетъ, за исключеніемъ развѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", серьезною опасностью предостереженія не угрожали: еслибы надъ ними и разразилась буря, она была бы мимолетна и не имѣла бы разрушительныхъ послѣдствій. И все-таки имъ всѣмъ будетъ легче дышаться послѣ снятія предостереженій. Этого достаточно, чтобы мы раздѣлили ихъ радость. Каково бы ни было наше мнѣніе о названныхъ нами газетахъ, каковы бы ни были наши чувства по отношенію къ тремъ изъ нихъ, мы искренно желаемъ имъ возможно большей свободы, потому что знаемъ, какъ она дорога для всякаго органа печати. Съ этой точки зрѣнія для насъ не существуетъ разницы между друзьями и врагами... Распоряженія г. министра внутреннихъ дѣлъ имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, еще другое значеніе: они напоминаютъ, до какой степени ненормальны дѣйствующія у насъ узаконенія о печати. Въ самомъ дѣлѣ, воз-

можно ли было бы, при другомъ порядкѣ, наложеніе каръ на вполнѣ благонадежныя періодическія изданія и оставленіе ихъ въ силѣ въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій? Возможно ли было бы оставлять газету подъ страхомъ пріостановки или прекращенія за то, что она, при совершенно другихъ условіяхъ, можетъ быть даже при другой редакціи (съ 1878 г. редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", напримѣръ, измѣнилась два раза), навлекла на себя, случайно, скоропреходящее неудовольствіе администраціи?.. Исторія взысканій, постигшихъ „Гражданинъ", „Новое Время", „С.-Петербургскія" и „Московскія Вѣдомости"— краснорѣчивѣйшій доводъ противъ системы предостереженій вообще и противъ непогашенія ихъ давностью въ особенности.

Другимъ, также оффиціальнымъ, напоминаніемъ о ненормальномъ положеніи нашей печати послужила, въ послѣднее время, рѣчь, произнесенная, при прощальномъ пріемѣ сослуживцевъ, бывшимъ могилевскимъ губернаторомъ (теперь директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ) Н. А. Зиновьевымъ. „Я вижу здѣсь" — сказалъ онъ, обращаясь къ редактору „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей",—„одного изъ сотрудниковъ моихъ, не принадлежащаго къ нашему министерству. Во всякомъ вообще дѣлѣ есть одно очень важное обстоятельство, которымъ никогда не слѣдуетъ пренебрегать. Это—гласность. Она полезна вездѣ. Возьмемъ, для примѣра, городское хозяйство: развѣ могло бы оно такъ прекрасно идти, еслибы дѣла городского управленія велись не гласно, въ кабинетѣ. Такъ точно и всякое дѣло. Вотъ почему я всегда старался дѣлать все гласно, и въ этомъ отношеніи мнѣ помогалъ голосъ „Губернскихъ Вѣдомостей". Можетъ быть, голосъ этотъ иногда ошибался, можетъ быть—заикался, но вѣдь, господа, и человѣкъ тоже не сразу начинаетъ говорить. Вообще, „Губернскія Вѣдомости" много помогали мнѣ въ моей дѣятельности, и я надѣюсь, что и въ будущемъ онѣ найдутъ себѣ поддержку и сохранятъ свое положеніе, принося такую же пользу губерніи, какъ при мнѣ". Если настолько полезенъ былъ органъ оффиціальный, зависимый, стѣсненный въ средствахъ, то легко себѣ представить, какую службу могла бы сослужить губернской администраціи—и, конечно, въ еще большей степени населенію губерніи — газета частная, самостоятельная, способная къ развитію, пользующаяся законно обезпеченной свободой. Достаточной гарантіей гласности оффиціальная газета, если въ данной мѣстности нѣтъ другого органа печати, не можетъ считаться уже потому, что существованіе ея *какъ газеты* (а не какъ сборника правительственныхъ распоряженій и справочныхъ свѣдѣній) слишкомъ непрочно, слишкомъ случайно. Еще недавно мы прочли въ „Сѣверномъ Краѣ" исторію „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", ожи-

вившихся благодаря усиліямъ губернатора—и моментально упавшихъ на прежній уровень, какъ только ихъ вдохновитель получилъ другое назначеніе. Для „Губернскихъ Вѣдомостей" такая участь всегда возможна; онѣ всегда рискуютъ потерять не только „право смѣть свое сужденіе имѣть", но даже внѣшній интересъ, обусловливаемый разнообразіемъ отдѣловъ. О гласности на мѣстахъ, значеніе которой для провинціи такъ вѣрно понялъ и такъ рѣшительно подчеркнулъ бывшій могилевскій губернаторъ, можно будетъ говорить серьезно только тогда, когда основаніе въ провинціальныхъ городахъ частныхъ органовъ печати перестанетъ встрѣчать затрудненія, сплошь и рядомъ непреодолимыя, и самое существованіе ихъ не будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія администраціи.

Съ Поволжья сообщаютъ „Новому Времени", что старообрядческій міръ чрезвычайно волнуетъ результатъ ходатайства, подъ которымъ подписались 49.753 старообрядца. Основная мысль ходатайства—сохраненіе за старообрядцами тѣхъ правъ, которыя имъ предоставилъ извѣстный законъ 1883 г. Законъ этотъ избавилъ старообрядцевъ отъ „преслѣдованій за мнѣніе ихъ о вѣрѣ", разрѣшилъ „уставщикамъ, наставникамъ и другимъ лицамъ безпрепятственное исполненіе духовныхъ требъ", въ своей средѣ дозволилъ имъ „творить общественную молитву, совершая богослуженіе какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, открываемыхъ съ надлежащаго разрѣшенія"... „Упомянутымъ закономъ"—пишутъ въ своемъ ходатайствѣ старообрядцы — „намъ не предоставлено религіозныхъ правъ, какими открыто пользуются лица всѣхъ другихъ исповѣданій, а дарована лишь условная свобода, полная ограниченій, и тѣмъ не менѣе къ нему приноровлено нравственное существованіе не одного милліона русскаго старообрядческаго населенія, успѣвшаго свыкнуться и сжиться съ тѣмъ положеніемъ, какое ему отведено Высочайшей волей Царя-миротворца. Но въ дѣйствительности въ обыденной жизни мы далеко не пользуемся и этими предоставленными намъ скромными ограниченными правами. Смягченный закономъ 1883 г., предубѣжденный взглядъ на старообрядцевъ вновь и съ особенной настойчивостью сталъ проводиться въ послѣдніе годы и послужилъ причиною новыхъ стѣсненій старообрядцевъ. Молитвенныя зданія наши безъ достаточныхъ поводовъ отнимаются, запечатываются и закрываются, хотя бы зданія эти были разрѣшены министерствомъ; церковная утварь, священныя облаченія, святыя иконы, нами чтимыя, отбираются. Отъ духовныхъ нашихъ пастырей требуются подписки—отказаться отъ священнаго званія и совершенія службъ, закономъ 1883 г. дозволенныхъ.

Всякое доброе благотворительное дѣло, исходящее отъ чисто нравственныхъ побужденій, обыкновенно истолковывается превратно въ худую для насъ сторону". Трудно предположить, чтобы ходатайство, направленное *только* къ соблюденію закона, могло пройти безслѣдно... Какая участь постигала еще недавно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ среды старообрядцевъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода, напечатанная въ № 666 „Россіи". „Въ Нижнемъ-Новгородѣ"—пишетъ корреспондентъ,—„вотъ уже три года проживаетъ бывшій священникъ церкви села Таможникова, нижегородскаго уѣзда, Петръ Золотницкій. Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ онъ былъ отлученъ отъ церкви и сосланъ въ Суздальскій монастырь, *гдѣ пробылъ 31 годъ, живя въ одиночномъ заключеніи въ кельѣ и не выходя за ворота монастырской обители*. Тридцатилѣтнее пребываніе въ одиночномъ заключеніи (Золотницкій жилъ въ кельѣ, имѣвшей одно небольшое окно вверху, сквозь которое падалъ только слабый свѣтъ въ его убѣжище, но видѣть никого въ это окно Золотницкій не могъ) оставило глубокій слѣдъ на заключенномъ. Нервная система его потрясена, воля парализована, и онъ въ настоящее время влачитъ невеселые дни. Золотницкій окончилъ курсъ въ нижегородской духовной семинаріи. Священствовалъ онъ въ нижегородскомъ уѣздѣ болѣе 15 лѣтъ, много читалъ, писалъ сочиненія. Однажды онъ исчезъ изъ прихода. Долго его искали, но безуспѣшно, и только спустя нѣкоторое время нашли въ одномъ раскольничьемъ селѣ. Не скрываясь, онъ заявилъ, что по своимъ убѣжденіямъ вполнѣ сочувствуетъ раскольникамъ и, не желая вносить разладъ въ свою душу, рѣшилъ дѣйствовать открыто, какъ повелѣваютъ ученія св. отцовъ, и оставить священничество въ православной церкви. Надъ нимъ состоялся судъ и, какъ результатъ послѣдняго, явилось тридцатилѣтнее заключеніе въ монастырѣ". Такой кары законъ не назначаетъ даже за самыя тяжкія преступленія...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, Августѣйшей Покровительницы Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ на изданіе, въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1900 года, Календаря „Синяго Креста“, было приступлено къ изданію Календаря на 1901 годъ.

Доходъ съ этого изданія поступитъ, по примѣру 1900 г., въ условленной процентной долѣ, на усиленіе средствъ частію всего помянутаго Общества, а частію состоящей въ вѣдѣніи Коломенско-Адмиралтейскаго Отдѣла Дѣтской Столовой, учрежденной въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года, и въ семъ году (22-го апрѣля) заканчивающей первое десятилѣтіе своего существованія.

Самый Календарь „Синяго Креста“ на 1901 годъ, съ картами, планами, портретами и рисунками, вышедшій въ концѣ 1900 года, является подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго; цѣна 1 руб. 50 коп. за экземпляръ въ картонномъ переплетѣ (съ пересылкою по 2 р.).

Адрессъ Редакціи Календаря „Синяго Креста“: С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 41.

II.—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину.

21-го сентября 1899 года, г. Воронежъ праздновалъ 75-ти-лѣтнюю годовщину со дня рожденія воронежскаго гражданина и поэта И. С. Никитина. Между другими способами увѣковѣченія его памяти въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, Воронежской Городской Думой было намѣчено также сооруженіе памятника поэту въ родномъ его городѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь.

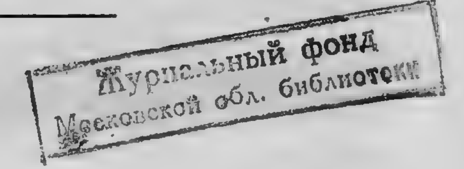
По ходатайству Воронежской Городской Думы, Государю Императору, въ 21-й день января 1900 года, было благоугодно Всемилостивѣйше разрѣшить повсемѣстный по всей Имперіи сборъ пожерт-

вованій на устройство памятника поэту И. С. Никитину въ г. Воронежѣ.

Воронежская Городская Управа, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, обращается ко всѣмъ почитателямъ родной поэзіи съ просьбой препровождать свои пожертвованія для указанной цѣли въ г. Воронежъ, въ Воронежскую Городскую Управу.

ОПЕЧАТКА.

Въ мартовской книжкѣ журнала сего года, на 169 страницѣ, 26 строка снизу, вмѣсто: „необузданная"—слѣдуетъ читать: *необозримая.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

Мартъ. — Апрѣль. 1901.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

